

Серия «Историческая библиотека»

E. V. Rung

**GREECE AND ACHAEMENID
EMPIRE:**

**The History of Diplomatic Relations
in VI–IV Century BC.**

St. Petersburg State University
Faculty of Philology and Arts
2008

Э. В. Рунг

**ГРЕЦИЯ И АХЕМЕНИДСКАЯ
ДЕРЖАВА:**

**История дипломатических
отношений в VI–IV вв. до н. э.**

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

ББК 63.3(0)32+86.31
Р86

Ответственный редактор:
д-р ист. наук проф. Э. Д. Фролов

Научный редактор:
д-р ист. наук О. Л. Габелко

Рецензенты:
д-р ист. наук И. Е. Суриков, д-р ист. наук проф. О. В. Кулишова

Рунг Э. В.

Р86 Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI — IV вв. до н. э. — СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та; Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 484 с. — (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-8465-0851-4

Монография представляет собой первое в отечественной историографии обстоятельное исследование дипломатического аспекта греко-персидских отношений со времени возникновения Ахеменидской державы в середине VI в. до н. э. и до ее крушения в результате восточных походов Александра Македонского ок. 330 г. до н. э. Работа основывается на комплексном исследовании античных источников (литературных, эпиграфических, нумизматических) и обширной современной историографии. Книга предназначена для специалистов в области антиковедения и международных отношений, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также для всех, интересующихся историей античного мира и дипломатии.

Rung E. V.

Greece and Achaemenid Empire: The History of Diplomatic Relations in VI–IV Century BC.. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. — 484 p. — (Historical library)

ISBN 978-5-8465-0851-4

The monograph is devoted to the development of Graeco-Persian diplomatic relations from the establishing of Achaemenid Persian Empire to the conquest of Alexander the Great, i.e. from the sixth to the fourth century BC. The work is based on the study of ancient sources and modern literature. The author came to conclusion that not war, but diplomacy determined the general development of Graeco-Persian relations after the expulsion of the Persians from Greece early in the fifth century B.C. The principal aim of this diplomacy was to maintain a balance of power in interstate relations in the Eastern Mediterranean. The preferred means of achieving it, and the main focus of so many diplomatic missions, were bilateral and 'common' peace treaties. Both the Greek states and the Persian king were involved in numerous internal political problems, which reduced their capacities for direct confrontation and increased their readiness to retain the status quo in their relations in the fifth and fourth centuries B.C. The Macedonian conquest of the Achaemenid Empire under Alexander the Great interrupted the gradual evolution in diplomatic relations between the Greeks and the Persians.

ББК 63.3(0)32+86.31

© Э. В. Рунг, 2008
© Филологический факультет СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5-8465-0851-4

*Монография посвящается светлой памяти
моих университетских наставников профессоров
Аркадия Семеновича Шофмана
и Владимира Даниловича Жигунина*

Предисловие

Данная книга является результатом той работы, которая была начата автором еще в бытность аспирантом кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета Казанского государственного университета. Определенным этапом этой работы стала защита кандидатской диссертации по теме «Греко-персидские отношения в конце V — начале IV в. до н. э.», выполненной под руководством профессора В. Д. Жигунина и защищенной в Казанском университете в 1997 г. С тех пор прошло десять лет, и в это время продолжалась работа над темой, прежде всего, в плане расширения ее хронологических границ. Логика освоения материала потребовала от автора обращения к истокам греко-персидских отношений — первым дипломатическим контактам греков и персов во второй половине VI в. до н. э., а также доведения истории этих отношений до смерти Филиппа II Македонского и начала завоевательных походов его сына Александра. Другой стороной исследования темы в прошедшие годы было продолжение сбора материала и осмысления как общих закономерностей греко-персидских отношений, так и узкоспециальных вопросов, находящих отражение прежде всего в статьях и докладах на конференциях и на заседаниях научного семинара «Античный понедельник», который отметил свое сороколетие со времени его основания профессором А. С. Шофманом. Наконец дополнительным импульсом к завершению работы стало приобщение к научным исследованиям, проводимым на кафедре истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета, что позволило автору данной монографии существенно расширить свой кругозор за счет обращения к проблеме «персидского фактора» в идеологии и политике древних греков (роль идеологической составляющей в греко-персидских отношениях, воздействия отношений с Персией на политическую жизнь в греческих полисах).

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем, которые посылкой, советами и делами, способствовали тому, чтобы работа состоялась. Это сотрудники Казанского государственного университета: заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Е. А. Чиглинцев, О. Л. Габелко, который взял на себя труд выступить в роли ответственного редактора монографии, Н. Ю. Бикеева и Н. С. Алмазова. Особую благодарность хотелось бы выразить сотрудникам Института всеобщей истории РАН С. Г. Карпюку и И. Е. Сурикову, которые на разных этапах работы над книгой высказывали автору ценные советы и замечания. Невозможно не высказать признательность за оказанную поддержку и советы преподавателям кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского университета — М. М. Холоду, О. В. Кулишовой, и прежде всего, ее заведующему — Э. Д. Фролову. Также хотелось бы сказать о той поддержке, которую оказывали автору монографии зарубежные коллеги — К. Таплин (университет г. Ливерпуля, Великобритания) и А. Мель (университет им. Мартина Лютера в г. Галле-Виттенберге, Германия). Благодаря стараниям К. Таплина автор получил возможность участвовать в международной научной конференции в университете г. Ливерпуля «Мир Ксенофонта» в 1999 г. А. Мель немало способствовал организации научной стажировки в университете им. Мартина Лютера в 2006 г., где были созданы великолепные возможности для работы над книгой. В общении с К. Таплином и А. Мелем автор обсуждал также различные вопросы, относящиеся к теме данной монографии.

ВВЕДЕНИЕ

Персидская держава Ахеменидов была могущественным восточным соседом многочисленных греческих полисов как, собственно, Балканского полуострова, так и других частей Средиземноморского мира. Отношения с Персией на протяжении двухвекового периода оставались одним из важнейших и часто приоритетных направлений внешней политики для многих греческих полисов, в особенности же претендовавших на ведущую роль в Элладе — Спарты, Афин, Фив, Аргоса. Отношения с персами в указанный период, разумеется, не могли пройти бесследно для греков. Они оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь греческих полисов, массовое сознание и идеологию греков, вызывая известный резонанс.

Греко-персидские отношения не были обойдены вниманием исследователей, причем как антиковедов-эллинистов, так и востоковедов. По этой теме написаны многочисленные научные труды — обобщающего характера и посвященные рассмотрению более частных вопросов. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторую односторонность, присущую большинству исследований греко-персидских отношений в историографии. Во-первых, во многих обобщающих работах, как по греческой, так и по персидской истории в основном представлено событийное изложение истории взаимоотношений греческого мира и Ахеменидской державы без попыток какого-либо значимого концептуального осмысления. Во-вторых, за редким исключением, в центре внимания историков находились военные конфликты греков и персов. Взаимная враждебность признается главным составляющим греко-персидских отношений на протяжении всего периода их существования. Данные отношения, как известно, начались с Греко-персидских войн и достигли кульминации в ходе восточных походов Александра Македонского.

Конечно, никто не будет отрицать, что именно войны между греками и Персией были одними из наиболее важных проявлений гре-

ко-персидских политических отношений — важными, однако далеко не единственными. В конечном итоге войны были всего лишь только эпизодами, пусть и значительными, в двухвековой истории греко-персидских отношений.

Поэтому в последние десятилетия традиционный подход к рассмотрению греко-персидских отношений как военной конфронтации претерпел существенные изменения, что было связано с обращением исследователей к истории дипломатических отношений в «межвоенный период» — от Греко-персидских войн до походов Александра, — также с особым вниманием к изучению социокультурных контактов греческого мира и Персии.

Зарождение этой новой парадигмы в исследовании греко-персидских отношений следует закономерно относить к последним десятилетиям XX века. Она характеризуется стремлением исследователей отойти от устоявшихся стереотипов и предложить новые трактовки темы. Этому направлению исследований присуще, с одной стороны, восприятие отношений греков и Персии не как продолжительной военной конфронтации, а как взаимодействия, с другой стороны, в них предлагается комплексный анализ античных и восточных источников¹.

Идея взаимодействия греков и персов и отрицание непримиримого характера их конфронтации стала находить все большее подтверждение в тех работах, в которых рассматриваются не только политические, но и социокультурные греко-персидские контакты. Прежде всего, эта новая парадигма в исследовании греко-персидских отношений представляется наиболее адекватно отражающей историческую реальность. Достаточно вспомнить о десятках греков, которые находились при дворе Великого царя и сатрапов, о тысячах эллинов, которые служили наемниками в Персидской державе, и, наконец, о так называемом феномене мидизма — добровольном сотрудничестве греков с персами в V в. до н. э.² Все эти факты, конечно, не в полной мере укладываются в упрощенную схему «персы — исконные враги греков», кстати, впервые возникшую после

¹ Эта новая тенденция нашла отражение на конференции в г. Ренне (Франция) в сентябре 2004 г., одна из секций которой называлась «Греки и Персия: реакции и рецепции» (готовится публикация материалов конференции: *Persian Responses. Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire* /Ed.by C. J. Tuplin, 2008.), а также на конференции в Афинах в ноябре 2006 г., специально посвященной эллино-иранским контактам.

² Об этом см. специально нашу статью: Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 14–35.

греко-персидских войн и более всего представленную в рамках доктрины панэллинизма в первой половине IV в. до н. э. Существование идеи греко-персидского взаимодействия находит подтверждение при обращении к феномену греческого мидизма.

Таким образом, на мой взгляд, следует говорить о двух основных парадигмах исследования взаимоотношений греков и Ахеменидской Персии в историографии — с одной стороны, рассматривая ее как продолжительную двухвековую конфронтацию, с другой, — как взаимодействие. Причем, вполне очевидной является тенденция поиска нестандартных подходов к теме греко-персидских отношений, отхода от прежних устоявшихся стереотипов. Впрочем, следует со всей определенностью подчеркнуть, что эта тенденция фактически присуща современной исторической науке в целом, и изучение отношений греческого мира и Персии вполне ей соответствует.

Далее, следует заметить, что при исследовании греко-персидских отношений необходимо по возможности избегать «крайностей» обеих парадигм: не надо как абсолютизировать характер греко-персидского антагонизма, так и отрицать сам факт существования взаимной вражды. (Последняя, однако, была присуща далеко не всем греческим полисам, а только тем, которые выступили против персов в начале V в. до н. э., прежде всего — Афинам и Спарте; но даже в позициях этих двух полисов по отношению к Персии наблюдаются некоторые различия, обусловленные конкретной ситуацией в Греции.)

Исследование греко-персидских отношений через обращение к развитию собственно взаимных дипломатических контактов представляется наиболее плодотворным. Дипломатическая деятельность греческих полисов и Персидской державы выражалась в оживленных переговорах, обмене посольствами, созыве конференций, заключении союзных договоров³. Дипломатия выступала средством достижения греками и персами внешнеполитических целей, которые в свою очередь зависели от многих факторов, в том числе и от политической

³ О роли дипломатии в древнем мире см.: *Сергеев В.С.* Дипломатия в древние века // История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 16. О специфике дипломатии древних греков: *Mosley D.J.* Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden. 1973. P. 1–3; *Adcock F., Mosley D.J.* Diplomacy in Ancient Greece. L., 1975. P. 9–13; *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 199–240. См. также наиболее полное и обстоятельное на сегодняшний день исследование дипломатических миссий в греческом мире: *Kienast D.* Presbeia (Πρεσβεῖα), griechisches Gesandtschaftswesen // RE. 1973. Suppl. 13 (zum 22 Bd.). Sp. 499–628.

ситуации как в самом эллинском мире, так и в Персидской державе. Рассмотрению непосредственно военных действий, в том числе в период Греко-персидских войн, в работе уделяется гораздо меньшее внимание, чем это могло бы быть в работе, посвященной отношениям греков с Персией. Однако, такой подход оправдан. Он объясняется тем, что военный аспект греко-персидских отношений в историографии изучен гораздо лучше и основательнее, чем аспект дипломатический. Исключение делается разве только для Спартано-персидской войны начала IV в. до н. э., которая реже Греко-персидских войн попадает в поле зрения современных исследователей. Другая проблема, которая требует своего исследования, — это влияние отношений с Персией на общественно-политическую жизнь эллинов. В связи с этим следует говорить о тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики. Занимаясь изучением греко-персидских отношений, нельзя не рассматривать также внутривосточные факторы, которые определяли те или иные действия на внешнеполитической сфере. И действительно, на всем протяжении развития отношений греческих полисов и Ахеменидской державы можно наблюдать далеко неоднозначное отношение тех или иных политических групп и/или личностей внутри полиса к Персии. С началом греко-персидских контактов в первой половине VI в. до н. э. в греческом мире ширилось движение мидизма, приверженцы которого отстаивали политику сотрудничества с Персидской державой Ахеменидов — от военно-политического союза с персами против других греков и до непосредственно подчинения царю. Между тем, даже после осуждения мидизма патриотически настроенными греками после отражения персидского вторжения, это явление не исчезло, и в течение всего оставшегося периода проблема отношений с Персией периодически оказывалась на повестке дня в греческих полисах. В период Пелопоннесской войны и в IV в. до н. э. сотрудничество с Персией в ведущих греческих полисах, таких как Афины и Спарта, было возведено в ранг государственной политики. И именно такая политика зачастую вызывала протесты со стороны отдельных представителей греческой политической и интеллектуальной элиты до тех пор, пока в рамках империи, созданной усилиями македонских царей Филиппа II и Александра Македонского, сотрудничество с персами вновь было приравнено к измене идеям панэллинизма. Из всего вышесказанного следует, что *целью работы* является выявление ведущих тенденций во внешнеполитических отношениях греческого мира с Персией и определение их влияния на политическую жизнь греков позднearchаического и классического периодов.

Хронологические границы исследования — 550–330 гг. до н. э. Они определяются, с одной стороны, началом внешнеполитических отношений греческого мира с возникающей Персидской империей Ахеменидов, а с другой — естественным прекращением этих отношений в связи с крушением Персидской державы в ходе завоевательных походов Александра Македонского. С точки зрения географической, в процесс исследования вовлекается материал как греческих полисов Малой Азии, так и собственно государств Балканской Греции (Афины, Спарта, Фивы, Аргос, Фессалия, Македония), отношения которых с Персией представляется возможным проследить в тот период.

* * *

Многочисленные письменные источники, используемые в данной работе, во-первых, классифицируются по жанрам: поэтические произведения — элегии, эпитафии, эпиграммы, эпиникии, номы и др. (Ксенофан Колофонский, Симонид Кеосский, Пиндар, Хирил, Тимофей Милетский и др.); произведения древнегреческой драматургии — трагедии (Фриних, Эсхил) и комедии (Аристофан); произведения древнегреческих историков как хорошо сохранившихся (Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Диодор Сицилийский и др.), так и представленные фрагментарно (Гекатей Милетский, Гелланик Лесбосский, Харон Лампсакский, Ктесий Книдский, Динон Колофонский, Гераклид из Кимы и др.); речи греческих ораторов (Горгий, Андокид, Лисий, Исократ, Эсхин, Демосфен и др.); труды греческих философов, в которых можно встретить упоминания о конкретных исторических событиях (Платон, Аристотель). Во-вторых, источники группируются также и по хронологии: свидетельства современников — греческих авторов середины VI — середины IV в. до н. э. (Симонид Кеосский, Эсхил, Геродот, Фукидид, Эфор, оксиринхский историк, Ксенофонт, Исократ и др.); сочинения более поздних авторов эллинистического и римского периодов (Полибий, Диодор Сицилийский, Павсаний, Плутарх и др.).

Греко-персидские войны сыграли исключительно важную роль в осмыслении греками своего прошлого, в том числе и взаимоотношений с Персией. С этого времени тема отношений с персами стала неотъемлемой частью произведений греческих историков, поэтов, драматургов. Существование репрезентативного корпуса литературных источников преимущественно V в. до н. э. позволяет взглянуть на события тех лет глазами современников, которые не могли еще

даже предвидеть своеобразный итог греко-персидских отношений — походы Александра Македонского и крушение Персидской державы. Для этих авторов отношения с Персией — современная им реальность, и представляется возможным проследить эволюцию восприятия греками «мира персов и Персии» по мере изменения их политических отношений.

В конце V–IV в. до н. э. в обращении греческих авторов к отношениям с Персией наблюдаются две тенденции: во-первых, продолжается процесс представления эллинами своего прошлого, и прежде всего Греко-персидских войн; во-вторых, в центре внимания греческих авторов оказываются современные им отношения с Персией, которые вновь становятся актуальными после вступления персов в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты. Два подхода причудливо перекликались между собой. Таким образом, отношения с Персидской державой представляли собой такой сюжет, где скрещивалось прошлое и настоящее.

Первый опыт осмысления отношений греков с Персией демонстрируют греческие поэты и драматурги, которые могли воочию наблюдать, как персы поработили греков Малой Азии и Эгеиды, и отражение персидских нашествий на материковую Грецию⁴. Отдельные упоминания о персидской угрозе грекам уже можно встретить в поэтических произведениях Ксенофана Колофонского (Xenophan. F. 18 Diehl3 = F. 22 Diels-Kranz6) и Феогнида Мегарского (Theogn., 764, 775 IEG). Однако довольно значительный материал, особенно по проблеме представления греками персов и Греко-персидских войн, дают эпиграммы, эпитафии и элегии Симонида Кеосского, написанные, так сказать, «по горячим следам» событий⁵. Сохранилось около тридцати эпиграмм и эпитафий, относящихся к различным эпизодам войны против Персии (треть всех известных нам эпиграмм Симонида): сражениям при Фермопилах, Артемисии, Саламине, Платеях, Эйоне, Эвримедонте, навахии у Кипра и др. (Sim., V–XXIV, XXXIX–XL, XLV–XLVI, LIII–LIV Page). Большинство их представлено в литературной обработке последующего времени (главным образом

в «Палатинской антологии»), немногие отражены в эпиграфических документах, но даже тогда они обычно имеют вид надписей, которые сохранились до нашего времени в более поздних копиях. Проблема аутентичности и достоверности материала является ключевой для интерпретации текста эпиграммы времени Греко-персидских войн. Однако среди них есть и такие, аутентичность которых практически устанавливается на основании этнографии и не вызывает никакого сомнения. В них не только прославляются достижения отдельных греков (эпитафия афинянину Каллимаху: Tod, I, 13) или граждан греческих полисов, но и наглядно выражены, во-первых, идея борьбы за свободу в период Греко-персидских войн, а во-вторых, представления греков о войне не только как войне за свой собственный полис, но и борьбе за всю Элладу в целом, т. е. идеи панэллинского единства в борьбе с общим врагом всех греков — Персией.

Кроме того, известно, что Симонид был автором элегий — «восхваляющих песен». Не сохранившаяся до нашего времени симонидова элегия была посвящена навахии при Артемисии 480 г. до н. э. (Sim., 533 PMG). Лирические поэмы, также к настоящему времени утраченные, были написаны по поводу сражений при Фермопилах и Саламине (Sim., 531 PMG). В 1992 г. были опубликованы отрывки элегии Симонида, посвященной сражению при Платеях 479 г. до н. э.⁶ Фрагментарный характер дошедшей до нас элегии, разумеется, препятствует наиболее полному анализу этого литературного памятника, однако некоторые замечания все же представляется возможным сделать. Несколько ссылок на события Греко-персидских войн можно обнаружить во фрагментах Тимокреонта (F. 1–3 Page) и в одах фиванского поэта Пиндара (Isthm., 8, 9–15; Pyth., I, 71–80; F. 76 Maeler).

⁶ Ниже приводится далеко не полный список работ, специально посвященных новооткрытой элегии Симонида: West M. L. Simonides Redivivus // ZPE. 1993. Bd. 98. P. 1–14; Aloni A. L'elegia di Simonide dedicata alla battaglia di Platea (Sim. fr. 10–18 W2) e l'occasione della sua performance // ZPE. 1994. Bd. 102. P. 9–22; Boedeker D. Simonides on Platea: Narrative Elegy, Mythodoc History // ZPE. 1995. Bd. 107. P. 217–229; Pavese C. O. Elegia di Simonide agli Spartiati per Platea // ZPE. Bd. 107. P. 1–26. Был издан дополнительный том к Arethusa, посвященный творчеству Симонида с особым вниманием к новооткрытой элегии (The New Simonides / Ed. D. Boedeker & D. Sider. Arethusa, 1996. Vol. 21. N 2); The New Simonides: Contexts of Praise and Desire / Ed. by D. Boedeker & D. Sider. Oxford, 2001; Kowerski L. M. Simonides on the Persian Wars A Study of the Elegiac Verses of the "New Simonides". L., 2005; Andreoli F. Per un riesame critico del "nuovo Simonide" elegiaco. Parma, 2005. Русский перевод см. в книге: Эллинские поэты VIII–III века до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Издание подготовили М. Л. Гаспаров, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М., 1999. С. 282–284.

⁴ Подробное исследование поэтического представления Греко-персидских войн см.: MacFarlane K. A. To Lay the Shining Foundation: The Tradition of the Persian Wars in Classical Greek poetry. Thesis. Univ. of Ottawa, 2004.

⁵ О жизни Симонида и его творчестве специально см.: Molyneux J. H. Simonides: A Historical Study. Waunconda, 1992; Podlecki A. J. Simonides: 480 // Historia. 1968. Bd. 17. Ht. 3. P. 257–275; Харламова Н. О. Симонид Кеосский как ранний представитель гражданской лирики // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1987. С. 162–177.

В дальнейшем, в период Пелопоннесской войны и в IV в. до н. э., тема Греко-персидских войн продолжает привлекать внимание греческих поэтов, к числу которых следует отнести Хирила Самосского и Тимофея Милетского. Хирил Самосский жил около 400 г. до н. э. По сообщению Плутарха, он находился среди спутников спартанского наварха Лисандра и должен был своим поэтическим искусством прославлять его деяния (Plut., Lys., 18). От главного произведения Хирила — «Персидской истории» (Περσικά) сохранились отрывки, в том числе, представленные на папирусах (последние, однако, дошли до нас в довольно фрагментарном виде) (Choerilus SH. 314–323; F. 1–27 PEF)⁷. Современником Хирила Самосского был поэт Тимофей Милетский, фрагменты поэмы которого «Персы» (788–791 PMG) были обнаружены на папирусах и впервые опубликована в 1903 г. У. фон Виламовиц-Меллендорфом⁸. Дата составления поэмы точно неизвестна; современные исследователи относят ее появление к концу V — началу IV в. до н. э.⁹ Фрагменты «Персов» Тимофея, как и отрывки из поэмы Хирила Самосского, бедны значимыми историческими деталями, но представляют ценность как источник по поэтическому восприятию Греко-персидских войн, особенно в сравнении с подобным восприятием в произведениях Симонида и Пиндара.

Воздействие Греко-персидских войн на общественное мнение в Греции было столь значительным, что первые афинские драматурги Фриних и Эсхил посвятили этим событиям «исторические драмы». Первой такой драмой стала трагедия «Взятие Милета» — Μίλητου ἄλσις, поставленная по следам Ионийского восстания против Персии на афинской сцене около 492/1 г. до н. э. Спустя почти 15 лет, уже после отражения нашествия Ксеркса, в 477/6 г. Фриних поставил другую драму — «Финикиянки» (ее другое название — «Персы»), причем хорегом выступал сам Фемистокл (Plut. Them., 5, 5).

Поскольку «Взятие Милета» не сохранилось, а от «Финикиянок» дошли только жалкие фрагменты, то первой полностью сохранившейся «исторической драмой» следует признать трагедию «Персы» Эсхила, сына Эвфориона, которая была поставлена в афинском театре на Великих Дионисиях в 472 г. до н. э., хорегом стал Перикл,

⁷ См.: Hollis A. S. The Reputation and Influence of Choerilus of Samos // ZPE. 2000. Bd. 130. P. 13–15. Русский перевод см. в книге: Эллинские поэты. С. 124–125.

⁸ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Timotheus, die Perser. B., 1903.

⁹ О датировке см.: Ebeling H. L. The Persians of Timotheus // AJPh. 1925. Vol. 46. № 4. P. 317–331; Basset S. E. The Place and Date of the First Performance of the Persians of Timotheus // CPh. 1931. Vol. 26. № 2. P. 153–165; Hordern J. The Fragments of Timotheus of Miletus. Oxford, 2002. P. 15–17. Русский перевод: Эллинские поэты. С. 383–388.

тогда только начинающий свою политическую карьеру. Эсхил лично участвовал в сражении при Марафоне (490 г. до н. э.), которому он посвятил не сохранившуюся до нашего времени элегию, и в битве при Саламине (480 г. до н. э.) (Vita Aesch., 1)¹⁰.

Еще Дж. Крэйг замечал, что основные подходы к анализу «Персов» Эсхила зависят от того, считаем ли мы ее «трагедией персов» или драматическим представлением триумфа Эллады над варваром. В первом случае исторические события — только фон, на котором разворачиваются по своим собственным законам основные действия драмы. Во втором же случае трагедия строго подчинена главной теме: победе Греции и поражению врага¹¹. Справедливость подобного замечания теперь вполне очевидна: современные интерпретаторы драмы реализуют какой-то один из вышеназванных подходов¹².

Важной задачей является также выявление степени адекватного воспроизведения Эсхилом исторической действительности. Отражали ли «Персы» некую реальность, проистекающую из личного опыта драматурга и из исторической традиции афинян? Или же трагедия, выражаясь словами Э. Холл, имела мало общего с аутентичной персидской реальностью и во многом основывалась на воображении греков?¹³

Конечно, при всех обстоятельствах, посредством которых Эсхилу стали известны некоторые существенные исторические детали, роль творческого воображения не следует игнорировать — особенно в связи с тем, что драматург первым из греческих авторов, произведения которых полностью сохранились до нашего времени, воспроизводит стереотипный образ варваров-персов и Персии, закрепившийся в общественном сознании и идеологии греков, и в час-

¹⁰ Не только сам афинский драматург, но и его близкие родственники были участниками сражений с персами. Один из его братьев, Кинегир, сражался в битве при Марафоне (Vita Aesch., 1; Suid. s.v. Αἰσχύλος), а младший брат Аминий отличился в Саламинском сражении (Ael. VH., 5, 19).

¹¹ Craig J. D. The Interpretation of Aeschylus' Persae // CR. 1924. Vol. 38. № 5/6. P. 98.

¹² Интерпретация драмы как типично греческой трагедии см.: Clifton G. The Mood of the 'Persai' of Aeschylus // G&R. 2nd. Ser. 1963. Vol. 10. № 2. P. 111–112; Caldwell R. S. The Pattern of Aeschylean Tragedy // TAPA. 1970. Vol. 101. P. 77–83. О прославлении драмой победы греков см.: Craig J. D. The Interpretation of Aeschylus' Persae. P. 98ff; Goldhill S. Battle Narrative and Politics in Aeschylus' Persae // JHS. 1988. Vol. 108. P. 189–193; Hall E.: 1) Invention the Barbarian. Greek Self-Definition Through Tragedy. Oxford, 1998. P. 57; 2) Asia Unmanned: Images of Victory in Classical Athens // War and Society in the Greek World / Ed. by J. Rich & G. Shipley. L., 1993. P. 108.

¹³ Hall E. Asia Unmanned. P. 108.

тности у афинян¹⁴.

Среди комедиографов конца V–IV вв. до н. э., уделявших некоторое внимание греко-персидским отношениям, прежде всего, следует назвать Аристофана: контакты греков и персов находят отражение в некоторых из его комедий: «Ахарняне» (61–27); «Птицы» (483–492), «Осы» (1078–1101), «Лисистрата» (1093)¹⁵. В целом же следует заметить, что интерес драматургов, ориентировавшихся прежде всего на массового зрителя, к тематике Греко-персидских войн не был случайным. В данном случае именно драматурги способствовали рождению «мифа» о Греко-персидских войнах.

* * *

В первые десятилетия после отражения нашествия Ксеркса появляются и собственно исторические произведения, посвященные в том числе и отношениям греков с персами. Характерно, что один из первых логографов Гекатей Милетский принимал личное участие в событиях Ионийского восстания против Персии (Hdt., V. 36, 125). Он составил «Описание земли» в двух книгах (FGrHist. 1; 264). Произведения логографов наряду с устной традицией и документальным материалом стали источником для «отца истории» Геродота. В данном обзоре источников не место останавливаться на подробной характеристике мировоззрения историка, его исторического метода и особенностях изображения им персов и отношений греков

¹⁴ При этом надо заметить, что в «Персах» Эсхила присутствуют исторические детали, которые типичны более для эпических поэм, чем греческой трагедии, и потому вызывают непрекращающиеся дискуссии среди исследователей. Наглядные примеры — «каталог» персидских отрядов, отправившихся против Греции во главе со своими военачальниками (Pers., 20–60); подробное описание хода самого сражения при Саламине (350–430), которое очень близко к тому, что известно по сообщениям греческих историков; перечень персидских военачальников, погибших в битве (950–1000) и т. д. (об этом см.: *Ebbott M. The List of the War Dead in Aeschylus "Persians"* // HSCPh. 2000. Vol. 100. P. 83–96).

¹⁵ О персах у Аристофана см.: Brandenstein W. Die Persische Satz bei Aristophanes Acharnes Vers 100 // Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens. 1964. Bd. 8. S. 43–58; *Cassio A. Old Persian Marika, Eupolis Marikas and Aristophanes' Knights* // CQ. 1985. Vol. 35. N 1. P. 38–42. *Chiasson C. C. Pseudoartabas and his Eunuchs — Acharnians* 91–122 // CPh. 1984. Vol. 79. № 1. P. 131–136; *Daumas M. Aristophane et les Perses* // REA. 1985. T. 87. P. 289–306; *Hansen O. Zum persischen Vers 100 der Acharnier des Aristophanes* // Festschrift Vasmer. 1956. S. 177–180; *Morgoen J. D. ΜΑΡΙΚΑΣ* // CQ. 1986. Vol. 36. P. 529–531; *Schmitt R. Persia und Persisches in Attischer Komodie* // Orientalia. Acta Iranica. 1984. Vol. 23. S. 459–474.

с Персией¹⁶, тем более что отчасти это будет предпринято в соответствующих разделах нашей работы. Здесь же, не вдаваясь в долгую дискуссию, просто отметим ряд характерных черт труда Геродота. Во-первых, его труд представляет собой в греческой историографии некий переходный этап от традиции написания истории «по логосам» (у Геродота это в основном I–IV книги), присущей поколению его предшественников, к собственно историческому повествованию (V–IX книги Геродота)¹⁷. Во-вторых, произведение «отца истории» также отражает и общественное мировоззрение двух различных эпох — эпохи Греко-персидских войн, во время которых наверняка жили многие устные «информаторы» Геродота, и периода существования Афинской морской державы при Перикле и борьбы за гегемонию со Спартой в период Пелопоннесской войны¹⁸. В-третьих, труд Геродота в большей степени отражает не ограниченное сугубо полисными или этническими рамками мировоззрение его автора, но систему взглядов, сформировавшуюся под влиянием его длительных путешествий по греческому миру и Востоку¹⁹.

¹⁶ О Геродоте существует огромная литература. Из работ отечественных исследователей наиболее значительные см.: *Лурье С. Я. Геродот*. М.; Л., 1947; *Доватур А. И. Научный и повествовательный стиль Геродота*. Л., 1957; *Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота* // Геродот. В 9 кн. История / Перевод Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1993. С. 457–499.

¹⁷ Подробнее о логографах и Геродоте: *Немировский А. И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли*. Воронеж, 1986. С. 28–46; *Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли*. Л., 1991. С. 95–104; *Toye D. L. Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians* // AJPh. 1995. Vol. 116. № 2. P. 279–302; *Fowler R. L. Herodotus and his Contemporaries* // JHS. 1996. Vol. 116. P. 62–87.

¹⁸ П. Карлтидж, например, обращает внимание как на то обстоятельство, что Геродот был рожден в городе Галикарнасе, который в то время еще пребывал в составе Персидской империи, так и на смешанное эллино-карийское происхождение «отца истории» (*Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others*. Oxford, 1993. P. 52). По данным лексикона «Суда», Геродот был сыном Ликса и Дрии (Suid., s.v. 'Ἡρόδοτος). См., например, работы, где, в частности, анализируются проафинские тенденции в труде Геродота: *Wells J. Herodotus and Athens* // CPh. 1928. Vol. 23. N 4. P. 317–331; *Demand N. Herodotus' Encomium of Athens: Science or Rhetoric?* // AJPh. 1987. Vol. 108. N 4. P. 746–758; *Moles J. Herodotus and Athens* // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 42–43. О мировоззрении Геродота см. замечательную статью Дж. Редфилда, недавно переизданную: *Redfield J. Herodotus the Tourist* // CPh. 1985. Vol. 80. № 2. P. 97–118 = *Greeks and Barbarians. Reading on the Ancient World* / Ed. by T. Harrison. Edinburgh, 2002. P. 24–49.

¹⁹ Еще Плутарх называл Геродота φιλοβαρβάρους (De Her. malign. 857A). Дж. Уэлс отмечает, что «свобода от национальной предвзятости проявляется (у Геродота. — Э. Р.) в благожелательной оценке персов», и «Геродот свободен от обычной греческой концепции варварства» (*How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus*. Oxford,

Труд Геродота, как хорошо известно, является универсальным источником для исследователей различных направлений: специалистов по архаической и классической Греции, ориенталистов и, наконец, тех историков, которые специально занимаются проблематикой Греко-персидских войн.

Для нашей работы труд Геродота представляет первейшую ценность в выявлении истоков и эволюции греко-персидских дипломатических отношений в период второй половины VI — начала V в. до н. э. В этом аспекте прежде всего внимание привлекают данные «отца истории» по определению как специфики отношений с Персией наиболее значимых государств Эллады (Спарты, Афин, Фив, Аргоса, Фессалийского союза), так и, собственно, персидской внешней политики по отношению к греческому миру. Именно Геродот предоставляет основную информацию о размежевании позиции греческих полисов по вопросу об отношении к Персии перед лицом угрозы со стороны Дария I и Ксеркса, сообщает о феномене греческого мидизма (персофильства), о консолидации греков в рамках Эллинского союза 481 г. до н. э.

Фукидид, посвятивший свой труд описанию Пелопоннесской войны, неоднократно обращается к истории греко-персидских отношений: в I книге он кратко излагает основные события собственно Греко-персидских войн, а также афинские военные действия против Персии в период пентеконтаэтии²⁰; во II–VII книгах историк, преимущественно в речах своих героев и в отступлениях от основного текста повествования, также ссылается на эпизоды войны против Персии; и, наконец, в восьмой книге, написанной уже в изгнании, после 424 г., историк подробно рассказывает об отношениях с персами на заключительном этапе Пелопоннесской войны²¹. Не подле-

жит сомнению, что применительно к первым двум обращениям к рассмотрению отношений с Персией Фукидид пользовался в основном трудами своих предшественников — логографами и Геродотом, а также устной афинской традицией.

Относительно источников, которыми пользовался Фукидид, описывая историю греко-персидских контактов конца V в. до н. э. в науке существуют различные, даже взаимоисключающие точки зрения. Например, Э. Леви полагал, что в период изгнания историк мог встречаться со свидетелями событий и таким образом был хорошо осведомлен о положении дел в Персии²². Напротив, Г. Уэстлейк отмечает, что Фукидид «не располагал достаточными возможностями получить сведения о Персии и персах». Свое заключение исследователь объясняет отсутствием сведений о том, провел ли Фукидид какую-либо часть своего изгнания в Азии или близ нее²³.

Мнение Г. Уэстлейка заслуживает самого пристального внимания. Несмотря на то что Фукидид предоставляет очень ценную и часто уникальную информацию о развитии греко-персидских отношений в 412–411 гг. до н. э., он упускает из виду многие важные моменты. Так, Фукидид не дает полного объяснения причин вступления Персии в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты; он не упоминает Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией, а сведения о мятеже Аморга излагает крайне скупое и отрывочное (Thuc., VIII, 5, 5; 19, 1; 28. 2–5; 54, 3). Многие события греко-персидских отношений оцениваются древним историком с позиций Алкивиада, который, как полагают современные ученые, как раз и являлся основным информатором Фукидида по событиям, отраженным в восьмой книге его труда (Thuc., VIII, 45–47). Некоторые данные историк мог почерпнуть и в спартанском лагере, но даже они не могли дать полного представления о политике Персии по отношению к грекам.

Причина недостаточной осведомленности Фукидида о персах заключалась в том, что, несмотря на существование труда Геродота, в греческих государствах ощущался недостаток информации о положении дел в Персидской державе. По мнению Г. Уэстлейка, в конце V в. до н. э. даже хорошо образованные афиняне владели только смутным или искаженным представлением о Персии, сложившимся

1912. Vol. I. P. 37–38). Высказывалось также мнение, что хотя персы у Геродота — «другие», они не «низшие» (inferior), как изображаются более поздними греческими источниками V и IV столетий до н. э. (*Sancisi-Weerdenburg H. Decadence in the Empire or Decadence in the Sources // Achaemenid History. Vol. I. Leiden, 1987. P. 44*). Ср. высказывание Б. Айзека: «Геродот не выражает каких-либо антивосточных чувств (sentiments), никогда не идет так далеко, как более поздние авторы, в поляризации греков и “других”» (*Isaac B. The Invention of Racism... P. 263*). См. об изображении Геродотом Персии: *Briant P. Herodote et la société perse // Herodote et les peuples non grecques / Fondation Hardt. Entretiens. T. 35. Genève, 1990. P. 69–113*.

²⁰ См.: *Tzifopoulos Y. Z. Thucydidean Rhetoric and the Propaganda of the Persian Wars Topos // PdP. 1995. Vol. 281. Fs. 1. P. 91ff*; см. также: *Rood T. Thucydides' Persian Wars // The Limits of Historiography. Genre and Narrative in Ancient Historical Texts / Ed. by C. Shuttleworth Kraus. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 141–168*.

²¹ Между первой книгой труда Фукидида, в которой представлена борьба афинян и

персов в период пентеконтаэтии, и восьмой книгой, где историк вновь возвращается к описанию политических контактов греков и персов, но уже на заключительной стадии Пелопоннесской войны, рассказ о греко-персидских отношениях ограничивается лишь отдельными замечаниями (Thuc., III, 31, 1; 34, 1–3; IV, 50, 1–3; 5, 1).

²² *Levy É. Les trois traités entre Sparte et le Roi // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 222*.

²³ *Westlake H. D. Tissaphernes in Thucydides // CQ. 1985. NS. Vol. 35. № 1. P. 43*.

под впечатлением драмы Эсхила «Персы» и комедии Аристофана «Ахарняне». «Персидская история» Ктесия Книдского, включавшая подробности жизни персидского двора при поздних Ахеменидах, еще не была доступна Фукидиду. Кроме того, следует признать верным мнение исследователей, часто высказывавшееся в отношении восьмой книги труда Фукидида, посвященной Декелейской войне: эта книга, в отличие от некоторых предыдущих, не подверглась окончательной доработке и таким образом несет на себе отпечаток незавершенности²⁴. Именно это принимают во внимание некоторые ученые, которые пытаются объяснить небрежность Фукидида в отражении конкретных фактов истории греко-персидских отношений в конце V в. до н. э.²⁵

Постоянным объектом внимания ученых, занимающихся исследованием творчества Фукидида, является проблема использования историком документальных свидетельств, которые часто придают особую ценность сообщаемой им информации. В восьмой книге Фукидида приводятся тексты трех соглашений между Спартой и Персией, заключенных в 412–411 гг. до н. э. (Thuc., VIII, 18, 1–3; 37, 1–5; 58, 1–7). Не вызывает сомнения то обстоятельство, что Фукидид обладал рукописными копиями соглашений, и именно они приводятся историком.

Другим греческим историком, сообщавшим значительные сведения по истории греко-персидских отношений, был Ксенофонт, знатный афинянин, получивший образование в кругу Сократа. В отличие от своего предшественника Фукидида, Ксенофонт получил возможность хорошо познакомиться с Персией, особенно во время своей службы наемником в войске Кира Младшего, а затем в спартанском войске, которое вело боевые действия против персов в Малой Азии. Поэтому данные, сообщаемые Ксенофонтом в трех произведениях («Анабасис», «Греческая история» и памфлет «Агесилай»), имеют особую ценность как свидетельства очевидца событий²⁶. Именно так чаще всего в современной литературе оцениваются сведения, предоставляемые Ксенофонтом.

Ксенофонт, как и Фукидид, уделяет большое внимание военным и дипломатическим отношениям греков и персов (особенно, в первых

пяти книгах и в седьмой книге «Греческой истории»). Несмотря на это, в тексте его труда нечасто встречаются дословные переложения важных дипломатических документов (царский рескрипт с изложением условий Анталкидова мира: Hell., V, 1, 31; клятва греков на верность условиям всеобщего мира 371/0 г. до н. э.: VI, 5, 2). Иногда Ксенофонт говорит о таких документах либо вскользь при изложении других событий (Hell., I, 5, 5), либо передает только их основные условия (Hell., I, 3, 8–9; III, 2, 20; 4, 6).

При знакомстве с произведениями Ксенофонта обращают на себя внимание многочисленные его умолчания, причиной которых, как правило, считают тенденциозность, приверженность историка спартанским идеалам и личную дружбу с царем Спарты Агесилаем²⁷. Существует и другой взгляд на эту проблему, который, как представляется, также имеет право на существование. По мнению Г. Уэстлейка, текст Ксенофонта базируется на знаниях профессионального воина и отражает значительный опыт руководства в войне, но, с другой стороны, он несет на себе следы ограниченного кругозора боевого командира, с малым пониманием факторов, определяющих военную и политическую стратегию воюющих сторон²⁸. И хотя было доказано, что Ксенофонт практически никогда не прибегал к умышленным искажениям фактов²⁹, все же его метод написания истории отличался от метода Фукидида и более напоминал метод Геродота. Это выражалось, прежде всего, в особом интересе автора к увлекательным новеллам³⁰. Таковы рассказы Ксенофонта об эолийской правительнице Мании (Hell., III, 1, 10–16), взаимоотношениях Деркилида и тирана Мидия (Hell., III, 1, 19–28), о браке пафлагонского династа Отиса и дочери перса Спифридата (Xen. Hell., IV, 1, 5–14). При этом античный историк далеко не всегда видит политические предпосылки событий.

В «Греческой истории» ярко отражена позиция автора. Так, Ксенофонт в словах командира наемников Кира (под которым, видимо, подразумевал самого себя), осуждал предводителя спартанцев в Малой Азии Фиброна (Hell., III, 2, 7), выражал симпатии к Деркилиду

²⁴ Страпановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История. 2-е изд. М., 1993. С. 415.

²⁵ Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia // Phoenix. 1975. Vol. 39. № 1. P. 26.

²⁶ Об этом этапе жизни Ксенофонта см., например: Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Уч. зап. ЛГУ. № 251. Сер. ист. наук. Л., 1958. Вып. 28. С. 55 сл.

²⁷ См.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 1915. С. 116 сл.; Лурье С. Я. Ксенофонт и его «Греческая история» // Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. С. III–XV; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 319; Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск, 1991. С. 7.

²⁸ Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia, 400–397 B.C. // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 4. P. 406.

²⁹ См.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. С. 115.

³⁰ Об этом см.: Gray V. J. The Character of Xenophon's Hellenica. L., 1989.

и восхищался Агесилаем. Крайне негативно Ксенофонт характеризует персидского сатрапа Тиссаферна (Hell., III., 4, 6; Ages., I, 12), менее категоричен он в отношении Фарнабаза и с особым восхищением отзываясь о Кире Младшем (Anab., I, 9, 1–31).

Несмотря на отмеченные черты произведений Ксенофонта, они остаются наиболее важными и часто даже основными источниками как по эллинской истории конца V — середины IV вв. до н. э. в целом, так и по истории греко-персидских отношений.

Произведения других греческих историков первой половины IV в. до н. э. и более поздних периодов — Феопомпа (FGrHist., 115), Эфора (FGrHist., 90), Андротиона (FGrHist., 324), Филохора (FGrHist., 328) и других — дошли до нас в незначительных фрагментах, из которых только немногие имеют отношение к истории контактов греков и персов. Они использовались в трудах более поздних античных авторов.

Важное значение для изучения нашей темы имеют также фрагменты греческой истории, обнаруженные в египетском городе Оксиринхе в 1906 г. и опубликованные в 1908 г. Б. П. Гренфеллом и А. С. Хантом в лондонском издании Оксиринхских папирусов³¹. Эта греческая история была написана на оборотной стороне папируса, содержащего земельную опись Арсинойского нома и теперь хранится в Британском музее в отделе рукописей.

Обнаруженные фрагменты содержат подробное изложение событий начала IV в. до н. э. и уделяют основное внимание предыстории Коринфской войны (особый акцент сделан на объяснение предпосылок войны, походы Агесилая в Малую Азию, действия персидского флота, руководимого Кононом, против спартанцев). По мнению русского ученого В. П. Бузескула, это была наиболее важная и крупная находка текста исторического содержания после обнаружения «Афинской политики» Аристотеля³².

Со временем фрагменты греческой истории из Оксиринха пополнились новооткрытыми частями текста. В 1934 г. в Оксиринхе были обнаружены другие фрагменты, излагающие историю заключительного периода Пелопоннесской войны и хранящиеся теперь в Библиотеке института папирологии Флоренции: впервые они были опубликованы В. Бартолетти и позднее помещены в изданное этим же

автором в 1959 г. собрание фрагментов Оксиринхской истории — «Hellenica Oxyrhynchia». Последние находки были обстоятельно проанализированы К. К. Зельным, который сделал несколько ценных наблюдений источниковедческого характера, направленных на выяснение особенностей Оксиринхской истории³³. В частности, К. К. Зельин справедливо обратил внимание на безрезультатность попыток исследователей определить авторство фрагментов Оксиринхской истории. Высказывавшиеся в науке различные точки зрения, приписывающие авторство Феопомпу, Кратиппу, Андротиону, Эфору, Даймаху, не разрешают многих проблем, связанных с идентификацией автора новых фрагментов. Определенно, что в изложении событий оксиринхским историком мы не можем найти следов принадлежности его к ставшему популярным в IV в. до н. э. риторическому направлению в греческой историографии. Напротив, тщательный анализ сохранившихся фрагментов новооткрытой греческой истории пока вызывает простоту и ясность стиля историка, отсутствие речей³⁴ и морализаторства, стремление вникнуть в причины описываемых им событий³⁵.

Интересными представляются выводы К. К. Зельина и относительно политических воззрений автора. По его мнению, оксиринхский историк был противником радикальной демократии и демагогов, и хотя через все его изложение проходит антагонизм между эллинами и варварами, в нем нет намеков на панэллинские идеи. Так, согласно ученому, «автор, говоря о затруднениях с оплатой воинов... с некоторым осуждением констатирует недостатки персидской практики в этом отношении, но это осуждение вызвано не тем, что эллины должны за плату сражаться с противниками персидского царя, а тем, что скупость “царя царей” плохо отражается на ведении войны»³⁶.

Между тем в современной науке возрождению дискуссии об авторстве способствовали новые находки фрагментов Оксиринхской истории, опубликованные Л. Кененом в 1976 г. и хранящиеся теперь в Каирском музее. Каирский папирус (как и флорентийский) содержит колонки текста, повествующие о заключительной стадии Пелопоннесской войны, в частности о нападении афинского стратега

³¹ Grenfell B. P., Hunt A. S. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. 5. L., 1908. Ссылки на Оксиринхскую историю далее даются по новому изданию М. Чамберса (Hellenica Oxyrhynchia / Ed. by M. Chambers. Stuttgart; Leipzig, 1993).

³² Бузескул В. П. Введение в историю Греции. С. 395.

³³ Зельин К. К. Из области греческой историографии IV в. до н. э. // ВДИ. 1960. № 1. С. 84 сл.

³⁴ Фактически самая длинная и единственная речь во фрагментах Оксиринхской истории состоит из восьми слов (Hell. Оху. XVII. 2).

³⁵ Зельин К. К. Из области греческой историографии. С. 97.

³⁶ Там же. С. 97.

Фрасилла на Эфес летом 409 г. до н. э.³⁷ В связи с этой публикацией папирусов в поле зрения ученых вновь попало имя Кратиппа, малоизвестного историка IV в. до н. э. Уже давно предполагали, а позднее нашли подтверждение во флорентийском и каирском папирусах тому, что оксиринхский историк выступал продолжателем Фукидида и излагал события начиная с 411 г. до н. э.³⁸ Даже во фрагментах Лондонского папируса историк обращается несколько раз к истории Декелейской войны (Hell. Оху. XII, 3–4; XIX, 4; XXI, 2). Подробное изложение событий и знакомство историка с трудом Фукидида (Hell. Оху. X) также подтверждают этот факт. Поскольку *terminus post quem* составления Оксиринхской истории считается Анталкидов мир, то мы обладаем свидетельствами, современника описанных событий³⁹. Против авторства Кратиппа было высказано наименьшее количество возражений. Немногочисленные сведения о жизни и творчестве этого историка также не противоречат предположению, что именно его перу принадлежат обнаруженные фрагменты греческой истории. Например, Кратипп принципиально отвергал прием, общий почти для всей античной историографии: композицию речей в историческом произведении⁴⁰. В силу этого его произведение могло не пользоваться особой популярностью в IV в. до н. э. и в период эллинизма, уступая в этом отношении Феопомпу и Эфору. С другой стороны, в позднеримский период, характеризующийся особым интересом к историческим повествованиям, написанным ясным и простым слогом, Кратипп мог быть особенно читаем. Публикация Каирского папируса позволила Л. Кенену сделать вывод, что Оксиринхская история была довольно популярна в древности, в частности в рим-

³⁷ Koenen L. A New Fragment of the Oxyrhynchite Historian // SP. 1976. Vol. 15. № 1. P. 55–76. Все эти фрагменты Оксиринхской истории собраны и снабжены комментариями в изданиях П. Маккечни и С. Керна, а также М. Чамберса (Hellenica Oxyrhynchia / Ed. by P. A. McKechnie and S. Kern. Warminster, 1988; Hellenica Oxyrhynchia / Ed. by M. Chambers. Stuttgart; Leipzig, 1993).

³⁸ Дата, на которой оксиринхский историк закончил свой труд, не поддается точному определению: это мог быть 394 г. до н. э., сражение при Книде (на котором завершил свою греческую историю, например, Феопомп), но более вероятно это 386 г. до н. э. (о проблеме см.: Bruce I. A. F. An Historical Commentary on the "Hellenica Oxyrhynchia". Cambridge, 1967. P. 4).

³⁹ Сложнее обстоит дело с определением *terminus ante quem*. В литературе высказывались различные мнения по этому поводу. Еще В. Юдаих считал таковым 346 г., тогда как И. Брюс высказывался в пользу 374 г. до н. э. (Judeich W. Theopomps Hellenika // RhM. 1911. Bd. 66. S. 97; Bruce I. A. F. Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War // Emerita. 1960. Vol. 28. № 1. P. 86).

⁴⁰ Зельин К. К. Из области греческой историографии. С. 85.

ском Египте I–II вв. н. э.⁴¹ В итоге издатель Каирского папируса берет на себя смелость прямо утверждать, что не кто иной, как Кратипп, являлся автором Оксиринхской греческой истории и нового фрагмента⁴². Однако только новые открытия смогут окончательно подтвердить или опровергнуть этот вывод. Особый интерес в связи с нашей темой вызывает проблема соотношения сведений, содержащихся во фрагментах Оксиринхского историка, с данными, сообщаемыми Фукидидом, Ксенофонтом и Диодором. И наконец, немаловажным является выяснение вопроса об источниках греческой истории из Оксиринха.

Открытие Оксиринхской истории привело к важным изменениям в понимании основных черт греческой историографии первой половины IV в. до н. э. Уже давно были отмечены значительные расхождения в описании одних и тех же событий конца V — начала IV вв. до н. э. между Ксенофонтом и Диодором (источником для которого была «Всеобщая история» Эфора), и ранее почти всегда предпочтение в спорных моментах отдавалось Ксенофону. Сравнение Оксиринхской истории с соответствующими частями труда Диодора дало интересные результаты, которые позволили ученым высказать предположение, что новооткрытая греческая история послужила источником для соответствующих книг «Всеобщей истории» Эфора и от него уже попала на страницы «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. Эти наблюдения разделили ученых на «защитников» Ксенофонта и тех, которые отдавали большее предпочтение Оксиринхской истории. Аргументы последних, построенные на тщательном анализе текста фрагментов и стиля историка, в достаточной степени убедительны: если Ксенофонт строил свое повествование главным образом на основании личного опыта участника событий, то оксиринхский историк, вероятно, имел возможность не только расспрашивать очевидцев, но использовать труды своих предшественников. Таково мнение, например, первых издателей папирусов с текстом Оксиринхской истории Б. П. Гренфелла и А. С. Ханта, автора исторических комментариев к упомянутым фрагментам И. Брюса и других. Сторонники достоверности Ксенофонта также предлагают доказательства в пользу своей точки зрения. Эти доказательства заключаются в том, что, если мы ничего не знаем о лич-

⁴¹ Koenen L. A New Fragment... P. 65.

⁴² Ibid. P. 66. Вывод Л. Кенена подверг сомнению современный немецкий ученый Г. Леманн в различных статьях, посвященных исследованию Оксиринхской истории (Lehmann G. A.: 1) Ein neues Fragment der Hell. Oxy.: einige Bemerkungen zu P. Cairo (Temp. Inv.No) 26/6/27/1–35 // ZPE. 1977. Bd. 26. S. 181–191; 2) Spartas ἀρχή und die Vorphase des Korinthischen Kriegen in dem Hellenica Oxyrhynchia // ZPE. 1978. Bd. 28. S. 109–126).

ности Оксиринхского историка и о мотивах написания им истории, то жизнь и деятельность Ксенофонта известна достаточно хорошо. И именно факты личной биографии Ксенофонта дают возможность судить о степени достоверности сведений историка при описании различных событий¹.

* * *

В V–IV вв. до н. э. греческие историки обращаются к персидской истории, при написании которой они рассматривают отношения с греками, так сказать, с персидской точки зрения. Примечательно, что почти все авторы «Персидских историй» были «восточными греками» по происхождению. Эти произведения, к сожалению, полностью не сохранились и во многом представлены только в отдельных фрагментах. Харон из Лампсака, сын Пифокла, по свидетельствам античных авторов, был автором «Персидской истории» в двух книгах — *Περσικά* (Charon FGrHist. 262).

Плутарх полагает, что Харон был старше Геродота (Plut. De Her. malign., 859d: ἀνὴρ πρεσβύτερος); лексикон Суда относит его рождение ко времени Дария I, его акмэ предпочтительно датируется 79 олимпиадой (464–461 гг. до н. э.), а не временем Греко-персидских войн — 75 олимпиада (480 г. до н. э.) (Suid., s.v. *Χάρων, Λαμψακηνός*)². Сохранились сведения этого автора о событиях мятежа лидийца Пактия, оказания афинянами помощи ионийцам во время их восстания, гибели войска Мардония у мыса Афон (Charon, FGrHist. I, F. 1–3), пребывании Фемистокла при дворе персидского царя Артаксеркса I (Charon FGrHist., 262, F. 11 = Plut., Them., 27, 1).

Старшим современником Геродота был также Гелланик Лесбосский, родом из Митилены, который родился незадолго до начала Греко-персидских войн и дожил, по крайней мере, до Пелопоннесской войны (Suid., s.v. *Ἑλλανικός*). Он также был автором «Персидской истории» в двух книгах (Hellanicus, FGrHist., 687a). Дионисий Ми-

летский, по данным лексикона Суда, написал два труда, посвященных персидской тематике: один из них носил название τὰ μετὰ Δαρεῖον, другой — *Περσικά* (Suid. s.v. *Διονύσιος Μιλήσιος*)³. Ни одного фрагмента сочинений этого автора не сохранилось. Несколько фрагментов дошло от «Персидской истории» Агафархида Самосского (FGrHist., III, F. 197–198).

В начале IV вв. до н. э. создает свою «Персидскую историю» в 23 книгах Ктесий Книдский, который был придворным медиком при царе Артаксерксе II⁴. Это первый труд столь значительного масштаба, специально посвященный истории Персии, о котором можно составить достаточно определенное представление. Произведение Ктесия целиком не сохранилось, но его содержание известно, во-первых, благодаря подробной эпитоме в «Исторической библиотеке» Фотия, а во-вторых, по выдержкам из этого труда у более поздних авторов (Плутарха, Николая Дамасского, Диодора). Сам Ктесий заявляет, что он был очевидцем многих событий, о которых рассказывает, а чему не был очевидцем, о том узнал от самих персов (Ctesias, FGrHist 688, T. 8 = Phot. Bibl., Cod. 72 Bekk., 36a). Диодор говорит, что Ктесий пользовался материалом царских записей — ἐκ τῶν βασιλικῶν διφθεῶν (Diod., II, 22, 5; 32, 4)⁵. Тем не менее историк получил репутацию ненадежного автора еще в период античности⁶. Современные исследователи в основном также довольно нелестно характеризуют этого историка⁷. Так, по

³ О Дионисии Милетском см.: Moggi M. Autori greci di Persika I. Dionisio di Mileto // ASNP. 1972. Ser. 3. Vol. 2. № 2. P. 433–468.

⁴ Собственно говоря, первые шесть книг были посвящены истории Ассирии, а персидской истории — только с 7 по 23 книги.

⁵ О доступности грекам «царских архивов» см.: Russel F. S. Information Gathering in Classical Greece. Ann Arbor, 1999. P. 97.

⁶ Так, например, Плутарх заявляет, что произведения Ктесия полны невероятнейших и глупейших рассказов (Plut. Artax., 1, 5). Едва ли можно принять на веру это заявление Плутарха, во-первых, потому, что мы знаем, какой нелестной характеристике удостоил он не кого-нибудь, а самого Геродота, а во-вторых, что этот писатель довольно часто сам цитирует Ктесия и по ряду случаев отдает его сообщениям предпочтение в сравнении с информацией других авторов.

⁷ О Ктесии Книдском, его жизни и произведениях см.: Jacoby F. Ctesias // RE. 1922. Bd. 11. Sp. 2032–2078; Bigwood J. M. Ctesias as Historian of the Persian Wars // Phoenix. 1978. Vol. 32. № 1. P. 19–41; Brown T. S. Suggestions for a Vita of Ctesias of Cnidus // Historia. 1978. Bd. 29. Ht. 1. P. 1–19; Eck B. Sur la vie de Ctesias // REG. 1990. T. 103. P. 404–434; Lenfant D. Ctésias et Hérodote ou les réécritures de l'histoire dans la Perse achéménide // REG. 1996. T. 109. P. 348–380; Melchert H. Ctesias “Persika”, Books 7–13. Diss. Brown Univ. Providence (RI), 1996; Tuplin C. J. Doctoring the Persians: Ctesias of Cnidus, Physician and Historian // Klio. 2004. Bd. 86. Ht. 2. S. 305–347; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 27–29.

¹ Anderson J. K. The Battle of Sardis in 395 B.C. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 27–53; Gray V. J. Two Different Approaches to the Battle of Sardis in 395 B.C.: Xenophon, Hellenica 3, 4, 20–24 and Hellenica Oxyrhynchia 11(6), 4–6 // CSCA. 1979. Vol. 12. P. 196ff.

² Наряду с «Персидской историей», Харон был автором следующих произведений: *Ἑλληνικά*, *Αἰθιοπικά*, *Περὶ Λαμψάκου*, *Λυβικά*, *ῥωρὺς Λαμψακηνῶν* или *ἄρχοντες τοὺς τῶν Λακεδαιμονίων*. Кроме того, по данным Суда, перу Харона принадлежат хроники: *Κτίσεις πόλεων*, *Κρητικά*, *Περὶ πλοῦν τῶν ἐκτὸς τῶν Ἑρακλέους στῆλῶν*. О Хароне Лампсакском см.: Moggi M. Autori greci di Persika II. Charone di Lampsaco // ASNP. Ser. 3. 1971. Vol. 1. № 1. P. 1–26.

мнению такого знатока античной традиции, как Ф. Якоби, ценность информации Ктесия почти равна нулю⁸.

Причина такого отношения к творчеству книдского историка вполне понятна. Прежде всего, Ктесий часто дает информацию, отличающуюся от той, что сообщает Геродот о Персии. Это обстоятельство подметил уже Фотий, который пишет: «Рассказывает Ктесий о Кире, Камбизе и маге, о Дарии и Ксерксе, почти во всем противоположное тому, что рассказывает Геродот, называя его лжецом во всем и баснописцем» (Phot. Bibl., Cod. 72 Bekk., 35b). Таким образом, то, в чем книдский историк обвинял Геродота, позднее было приписано ему самому⁹. Далее, Ктесий часто дает такую информацию, которую невозможно проверить по другим источникам¹⁰; и наконец, у Ктесия присутствуют явные ошибки, причем они порой весьма наивны, и это позволяет предположить, что они не принадлежат самому Ктесию, а были сделаны либо Фотием, либо же переписчиком манускрипта (при том следует иметь в виду, что в нашем распоряжении практически нет ни одного фрагмента, написанного лично Ктесием Книдским). Именно эти ошибки снижают доверие в целом к труду Ктесия в целом у большинства современных исследователей¹¹. Правда, справедливости ради, следует заметить, что в настоящее время отношение к Ктесию Книдскому как историку меняется в лучшую сторону¹².

⁸ Jacoby F. Ctesias. Sp. 2047. М. А. Дандамаев хотя и довольно нелестно характеризует Ктесия как историка, тем не менее отмечает в ряде случаев ценность его сообщений (Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. С. 29).

⁹ В данном случае опровержение Ктесия главным образом основывается на авторитете Геродота. Подобная ситуация наблюдается при сравнении сведений Ксенофонта и иной традиции, представленной у оксиринхского историка и Эфора Диодора. Расхождения между ксенофонтовой и не-ксенофонтовой традициями подчас носят столь серьезный характер, что в литературе ставится вопрос о предпочтениях при выборе той или иной версии событий.

¹⁰ Особенно это касается подробностей жизни персидского двора и дворцовых интриг, по которым сообщения Ктесия часто являются единственным источником.

¹¹ Примером такого подхода могут служить заявления авторов новейших комментариев к IX книге труда Геродота, по словам которых, то, что Ктесий говорит о Греко-персидских войнах, и особенно о битве при Платеях, совершенно недостоверно: «Он помещает Платеи перед Саламином, приписывает Павсанию армию в 300 спартиатов и 1000 периеков...» (Flower M. A., Marincola J. Herodotus: Histories Book IX. Cambridge, 2002. P. 32).

¹² См.: Bichler R. Ctesias 'korrigiert' Herodot. Zur literarischen Einschätzung der Persika // Festschrift für Gerhard Dobesch / Hrsg. von H. Heftner und K. Tomaschitz. Wien, 2004; Tuplin C. J. Doctoring the Persians. P. 305–347. Показателем изменения отношения исследователей к Ктесию в лучшую сторону является международный colloquium по теме «Ктесий и Восток», который состоялся в Киле (Германия) 18–20 мая 2006 г.

В данной работе, конечно, не место для углубленного анализа произведения Ктесия с точки зрения его достоверности. Независимо даже от общей оценки труда Ктесия в историографии его сообщения следует рассматривать каждое по отдельности, по возможности в сравнении с другими свидетельствами. Некоторые фрагменты Ктесия, хотя они и не подтверждаются другими источниками, все больше начинают вызывать доверие исследователей.

Назовем лишь некоторые, подробно рассмотренные в нашей работе: неизвестные по данным Фукидида и Диодора обстоятельства мятежа Инара в Египте (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14. 36); восстание Мегабиза в Персии (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14. 39–42); восстание Писсуфна и возвышение Тиссаферна (Ctesias, FGrHist., 688, F. 15. 53). Информация историка о мятеже Зопира, сына Мегабиза, и бегстве его в Афины находит косвенное подтверждение у Геродота (III, 160).

В IV в. до н. э. появились еще несколько «Персидских историй», принадлежащих перу различных авторов. Среди таких следует упомянуть произведения Динона Колофонского (Dionon FGrHist. 690) и Гераклида из Кимы (Heraclides Cumaeus FGrHist. 689), от которых также дошли только фрагменты, дающие мало нового для осмысления отношений с Персией.

* * *

Некоторые сведения по истории Греко-персидских отношений можно обнаружить в различных речах афинских ораторов — Горгия, Андокида, Лисия, Исократа, Демосфена, Ликурга, Динарха и т. д. Это прямые аллюзии на события Греко-персидских войн, которые служили своего рода exempla при обращении ораторов к прославлению прошлого Афин¹³. Значение сообщений греческих ораторов конца V–IV в. до н. э. достаточно велико преимущественно в двух аспектах. Во-первых, ораторы нередко сообщают факты, которые не сохранила греческая историческая традиция. Во-вторых, сообщения ораторов представляют также ценность как свидетельства в пользу восприятия современниками отношений греков с персами и Перси-

¹³ Об исторических примерах в речах ораторов см.: Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators // CPh. 1941. Vol. 36 № 3. P. 209–229; Perlman S. The Historical Example, Its Use and Importance as Political Propaganda in Attic Orators // Scripta Hierosolymitana. Jerusalem, 1961. Vol. 7; P. 150–166; Milns R. D. Historical Paradigms in Demosthenes' Public Speeches // Electronic Antiquity. 1995. Vol. 2. N 5. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 21, 62–64; Маринович Л. П. Античная и современная демократия. Новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 75–76.

ей. Именно ораторы дают самую раннюю информацию о персидской дипломатической миссии Арфмия Зелейского в Греции в период Греко-персидских войн (Dem., IX, 41; XIX, 272; Din., II, 24–25; Aesch., III, 258–259), излагают содержание так называемой «Платейской клятвы» (Лус., in Leocr., 81). О Каллиевом мире, который был важным событием в отношениях греков с Персией, также впервые сообщают только ораторы (Isocr., IV, 118–120; VII, 80; XII, 59; Dem., XV, 29; XIX, 273; Лус., in Leocr., 73). Наконец, речь Андокида «О мире с лакедемонянами» (392 г. до н. э.) является единственным источником, где прямо упоминается не приводимый нигде более мирный договор Афин с персидским царем Дарием II — Эпиликов мирный договор (Andoc., III, 29).

Конечно, свидетельства ораторов о прославленном прошлом Афин, кроме общеизвестных фактов, нередко вызывают настороженное отношение современных исследователей. И действительно, речи ораторов — весьма специфический источник, и любой сообщаемый в них факт, не упоминаемый другими авторами, нуждается в тщательном рассмотрении на предмет его достоверности. В то же время, когда ораторы сообщают о современных им событиях, их информация, конечно, обладает большей надежностью. Таковы, например, сведения Андокида в уже упомянутой речи «О мире с лакедемонянами» (III Passim), Исократ в «Панегирике» (IV Passim) и «Эвагоре» (IX, 58–64), в речи «О мире», Демосфена — в речах «О свободе родосцев» (XV, 9), «О симмориях» (XIV Passim), в речах против Филиппа II Македонского (IV, 24; IX, 16, 71; X, 31, 33, 51–52) и т. д. Наиболее значимыми сообщения ораторов являются для рассмотрения Греко-персидских отношений IV столетия до н. э. как свидетельства современников событий.

* * *

Особую ценность среди произведений более поздних авторов представляет «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), которая основывается на данных различных источников преимущественно классического и эллинистического периода и представляет собой изложение «всеобщей истории» с мифических времен до событий, современных автору¹⁴, но для нашей темы

¹⁴ О произведении Диодора Сицилийского в целом: Schwartz E. Diodoros (38) // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 663–704; Строецкий В. М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека в оценке историографии» // ВДИ. 1983. № 4. С. 176–186. Об освещении

первостепенную значимость имеют книги с XI по XVII включительно, в которых повествуется о греческой истории со времени Греко-персидских войн и до восточных походов Александра Македонского.

Ценность повествования Диодора заключается в том, что историк по ряду важнейших моментов не только дополняет Геродота, Фукидида и Ксенофонта, но зачастую дает «другой взгляд» на факты, известные из произведений трех знаменитых историков. Особенно эти расхождения становятся заметны по отношению к изложению событий IV в. до н. э., где основными источниками зачастую являются труды Ксенофонта. Именно Диодор, например, дает практически единственное связанное изложение основания и деятельности Второго Афинского морского союза (XV, 28, 2–5); сведения сицилийского историка — основной источник по истории Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н. э. (XV, 90–92). Неоценимую помощь «Историческая библиотека» оказывает при реконструкции событий от битвы при Мантинее 362 г. до н. э. и до созыва Коринфского конгресса 338 г. до н. э. — деятельности Филиппа II Македонского, политической ситуации в Персидской державе в период правления Артаксеркса III Оха (XVI Passim).

Важную, хотя и довольно разрозненную информацию для реконструкции истории греко-персидских отношений представляют жизнеописания Плутарха, которые посвящены деятельности Фемистокла, Кимона, Перикла, Агесилая, Лисандра, Пелопида, Артаксеркса II, а также прочие трактаты (например, «Изречения царей и полководцев», «О злокозненности Геродота» и др.). В «Описании Эллады» Павсания, комментариях Дидима к речам Демосфена, обширном труде Помпея Трога «Истории Филиппа», сохранившемся в извлечениях Юстина, биографиях знаменитых полководцев Корнелия Непота, «Стратегемах» Полиена содержатся важные сведения, которые позволяют дополнить и отчасти уточнить свидетельства названных античных авторов.

Диодором отдельных исторических событий: Строецкий В. М.: 1) Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59). Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3–28; 2) Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI, 1–10). Объединение патристических сил эллинов и битва при Фермопилах. Перевод и комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 3–20; 3) К интерпретации свидетельства Диодора Сицилийского о росте Афинского могущества в середине V в. до н. э. и восстании рабов в Спарте // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 3–20.

* * *

К числу документальных источников относятся, прежде всего, эпиграфические. Речь идет главным образом о греческих надписях, обнаруженных как собственно на территории Балканской Греции, так и за ее пределами, например в Малой Азии. Среди надписей из полисов Балканской Греции в работе использовались эпиграфические документы из Афин, Олимпии, Дельфов, а из малоазийских и островных греческих полисов — надписи из Самоса, Эрифры, Теоса, Галикарнасса, Клазомен и др. Это почетные, посвятельные и коммеморативные надписи. К их числу относится, например, надпись из Милета, которая упоминает сатрапа Струфа в связи с разрешением спора за территорию в долине реки Меандра (Ditt. Syll³. 134 = Tod. II, 113), а также надпись из малоазийского города Эрифры, содержащая текст афинского декрета времени Анталкидова мира, которая была обнаружена в 1970 году турецким археологом С. Шахином (SEG, 1976, XXVI, № 1282). Среди афинских документов особо хотелось бы отметить псефизмы о предоставлении проксении Гераклиду Клазоменскому (IG, II², 8 = IG. I³, 227 = ML, 70), Эвагору Саламинскому (IG, I³, 113), Филиску, сыну Лика (IG, II², 133), Стратону Сидонскому (IG, II², 141 = Tod. II, 139), сатрапу Оронту (IG, II², 207), а также текст «Платейской клятвы» (Tod., II, 204 = GHI, 88). В 1960 г. впервые был опубликован «Декрет Фемистокла» из Трезены (ML, 23), об аутентичности которого до сих пор не прекращаются споры современных исследователей¹⁵.

Среди эпиграфических источников из Афин также следует упомянуть податные списки Афинского морского союза, которые позволяют получить представление о тех городах Малой Азии, которые были афинскими союзниками в V в. до н. э. Из самосских эпиграфических документов особо важна надпись, прославляющая самосскую победу над персами «на Ниле», в Египте (ML., 34), а также посвя-

щение командиром самосской эскадры подношения в храм Геры, преподнесенного ему Инаром, сыном Псамметиха (ML., 310).

Кроме того, в работе были использованы надписи на острака, которые были результатом осуществления афинянами процедуры остракизма — узаконенного изгнания собственных граждан вследствие народного голосования. Надписи на острака дают некоторые сведения о проблеме отношения к Персии во внутривнутриполитической жизни Афин (острака против Аристида, Каллия, сына Кратия и др.)¹⁶.

В процесс исследования вовлекались также и персидские документы из Персеполя и Суз. Это, прежде всего, царские официальные надписи, а также надписи на персепольских глиняных табличках. И хотя их информативность об отношениях персов с греками довольно низка (и в этом не могут помочь даже значительные «исторические» надписи, типа Бехистунской), тем не менее они являются уникальными свидетельствами для реконструкции сущности персидской внешней политики по отношению к окружающему миру, а также для выявления места греков в структуре Персидской державы — ссылки на «ионийцев, которые на материке» и «ионийцев, которые у моря» (DPe, 12–14); «ионийцев, которые у моря» и «ионийцев, которые за морем» (DSe, 27–29; XPh, 23–24); прочие упоминания «ионийцев» — собирательного этникона, которым персы называли греков¹⁷.

Нумизматический материал представлен выпусками монет, свидетельствующими о греко-персидских политических контактах. Здесь прежде всего необходимо назвать серебряные монеты с портретами персидских сатрапов Фарнабаза и Тиссаферна, которые отечественный нумизмат А. Зограф считает одними из первых греческих монет, содержащих портретные изображения¹⁸. Кроме того, сохранилось также некоторое количество персидских имитаций афинских драхм, датированных

¹⁵ О «Декрете Фемистокла» из Трезены см., например: *Jameson M. H.*: 1) A Decree of Themistokles from Troezen // *Hesperia*. 1961. Vol. 29. № 2. P. 198–223; 2) Waiting for the Barbarian: New Light on the Persian Wars // *G&R*. 1961. 2nd ser. Vol. 8. № 1. P. 5–18; *Lewis D. M.* Notes on the Decree of Themistocles // *CQ. NS*. 1961. Vol. 11. № 1. P. 61–66; *Chambers M.* The Authenticity of the Themistocles Decree // *AHR*. 1962. Vol. 67. № 2. P. 306–316; *Fornara C. W.* The Value of the Themistocles Decree // *AHR*. 1967. Vol. 73. № 2. P. 425–433; *Hammond N. G. L.* The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // *JHS*. 1982. Vol. 102. P. 75–93; *Johannson N.* The Inscription of Troezen: A Decree of Themistocles? // *ZPE*. 2001. Bd. 137. P. 69–92; *Глушкина Л. М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // *ВДИ*. 1963. № 4. С. 35–52.

¹⁶ Об острака как историческом источнике см. *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. М., 2007. С. 48–83; *Brenne S.* Die Ostraka (487 — ca. 416 v. Chr.) als Testemonien (T. 1.) // *Ostrakismos — Testemonien* / Hrsg. von P. Siewert. Historia. Einzelschriften, 155. Stuttgart, 2002.

¹⁷ Об этом подробнее см.: *Seager R., Tuplin C. J.* The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // *JHS*. 1980. Vol. 100. P. 148ff; *Rollinger R.* *Yaunā Tabakarā und Maginnāta* Tragende 'Ionier': Zur Problem der griechischen Trontragerfiguren in Naqsh-e Rostam und Persepolis // *Altertum und Mittelmeerraum: Die antike Welt diesseits und jenseits der Levante. Festschrift für Peter W. Heider zum 60 Geburtstag* / Hrsg. von R. Rollinger und B. Truschneegg / *Oriens und Occidens*, 12. Stuttgart, 2006. S. 365–400.

¹⁸ *Зограф А. Н.* Несколько греческих монет V и IV вв. с портретными изображениями // *Античный портрет*. Л., 1929. С. 14–22.

временем Пелопоннесской войны, на которых присутствуют портретные изображения персидского царя Дария II и его сына Кира Младшего: эти монеты были выпущены специально для расчета с экипажами кораблей, находившихся под командованием спартанцев¹⁹.

* * *

Греко-персидские отношения изучались в мировой историографии нового и новейшего времени далеко не равномерно. Беглый взгляд на библиографию темы обнаружит, что различные аспекты греко-персидских отношений разрабатывались главным образом либо в обобщающих трудах по греческой или же персидской истории, либо же в отдельных статьях, порой довольно многочисленных, посвященных изучению той или иной частной проблемы. Специальных работ по истории греко-персидских отношений немного.

Среди обобщающих трудов по истории Греции следует назвать работы, созданные представителями историографии XIX — начала XX в. (Дж. Гротом, Эд. Мейером, К. Ю. Белохом, Г. Глотцем)²⁰, а также произведения исследователей XX в. (Эд. Вилля, Р. Сили, С. Хорнблауэра, П. Родса и др.)²¹. К этой же группе можно отнести исследования, посвященные отдельным, наиболее значимым событиям и явлениям греческой истории: Греко-персидским войнам²², Афинско-

му морскому союзу²³, Пелопоннесской войне²⁴, Коринфской войне²⁵, в целом, событиям греческой истории IV в. до н. э.²⁶, исторические комментарии к Геродоту²⁷, Фукидиду²⁸, оксиринхскому историку²⁹, Диодору Сицилийскому³⁰, Плутарху³¹. Среди многочисленных работ, посвященных древнеперсидской истории, в которых отношения с греками по большей части рассматриваются под персидским углом зрения, следует отметить монографические исследования А. Олмстеда, Дж. Кука, В. Фогельзанга, П. Бриана, Й. Визехофера, М. А. Дандамаева³², статьи, посвященные различным персидским персоналиям в реальной энциклопедии Паули-Виссова-Кроля³³, материалы кон-

системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. 2) Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17–35).

²³ Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972; Rhodes P. J. The Athenian Empire. L., 1985; Mattingly H. B. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Michigan, 1996; *Сморогачев В. М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.

²⁴ Ste Croix E. G. M. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972; Kagan D.: 1) The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1969; 2) The Archidamean War. Ithaca, 1974; 2) The Fall of the Athenian Empire. N.Y., 1987.

²⁵ Hamilton C. D.: 1) Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. Ithaca; London, 1979; 2) Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. L.; N.Y., 1991; Seager R. The Corinthian War // CAH². 1994. Vol. 6. P. 97–119.

²⁶ The Greek World in the Fourth century / Ed. by L. Tritle. N.Y., 1997. Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston, 2003.

²⁷ How W. W. Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1–2. Oxford, 1912; Lloyd A. B. Herodotus Book II. Leiden; Boston; Köln, 1994; Flower M. A., Marincola J. Herodotus: Histories Book IX. Cambridge, 2002; Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus. Books I–IV / Ed. by O. Murray & A. Moreno. Oxford, 2007.

²⁸ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1–5. Oxford, 1945–1981; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. I: Books I–III. Oxford, 1991; Vol. II: Books IV–V. Oxford, 1996.

²⁹ Bruce I. A. F. An Historical Commentary on the “Hellenica Oxyrhynchia”. Cambridge, 1967.

³⁰ McQueen E. I. Diodorus Siculus: The Reign of Philip II. The Greek and Macedonian Narrative from Book XVI. A Companion. Bristol, 1995; Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15, Oxford, 1998.

³¹ Stadler P. A. A Commentary on Plutarch's Pericles. Chapel Hill, 1989; Shipley D. R. A Commentary on Plutarch's Life of Agesilaus: Response to Sources in the Representation of Character. Oxford, 1997.

³² Olmstead A. T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948; Cook J. M. The Persian Empire. L., 1983; Vogelsang W. J. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden; New York; Köln, 1992; Briant P. L'Histoire de l'Empire perse. De Cyrus a Alexandre. P., 1996 (= Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Tr. by P.T. Daniels. Winona Lake (Indiana), 2002; Wiesehofer J. Ancient Persia from 550 B.C. to 650 A.D. / Trans. A. Azodi, L., 1996; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

³³ Schaefer H. 1) Tiribazos // RE. 1937. Bd. 6A. Sp. 1431–1437; 2) Tissaphernes // RE.

¹⁹ Weiser W. Die Eulen von Kyros dem Jüngerem. Zu den ersten Münzporträts lebender Menschen // ZPE. 1989. Bd. 76. S. 267–298; Стрелков А. В. К вопросу о появлении и начальном этапе распространения имитаций афинских монет на Востоке в конце V–IV в. до н.э. // ВДИ. 2007. № 4. С. 139–155.

²⁰ Grote G. A History of Greece. Vol. 1–12. L., 1846–1856; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 3–5. 4 Aufl. Stuttgart, 1958; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 2–3. Berlin; Leipzig, 1922, 1927; Glotz G. Histoire Grecque. T. 1–2. P., 1925–1931.

²¹ Will E. Le monde grec et l'Orient. T.1. P., 1972; Sealey R. A History of the Greek City-States c.700–338 BC. Berkeley, 1976; Hornblower S. The Greek World, 478–423 BC. L., 1983; Rhodes P. A History of the Classical Greek World, 478–323 BC. Oxford, 2006.

²² См., например: Grundy G. B. The Great Persian Wars. L., 1901; Burn A. B. Persia and the Greece. The Defense of the West. L., 1962; Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963; Lazenby J. F. The Defense of Greece 490–479 BC. Warminster, 1993; Balcer J. M. The Persian Conquest of the Greeks (545–450 BC.). Konstanz, 1995; Green P. The Greco-Persian Wars: Year of Salamis, 480–479 BC, Berkeley, 1996. Особенно ценными являются также работы, посвященные общественно-политической жизни в Афинах в эпоху Греко-персидских войн (Суриков И. Е.: 1) Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. 2) Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005; 3) Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи. Дис. д.и.н. М., 2004; 4) Остракизм в Афинах. М., 2007) и религиозному фактору в греко-персидских отношениях (Кулишова О. В.: 1) Дельфийский оракул в

ференций по ахеменидской истории, которые на протяжении двух десятков лет публикуются Институтом Ближнего Востока в Лейдене³⁴, наконец, труды по тем или иным странам в составе Персидской империи, и прежде всего, тесно связанным с греческим миром — по Кarii³⁵ и Ликии³⁶.

Отдельные исследовательские работы посвящены некоторым наиболее дискуссионным проблемам из истории греко-персидских отношений: Каллиеву миру³⁷, Эпиликовому договору³⁸, спартано-персидским соглашениям периода Пелопоннесской войны³⁹, состоянию греко-персидских отношений IV в. до н. э.⁴⁰ Между тем, во многих работах как по греческой, так и по персидской истории в основном (за некоторым исключением) представлено событийное изложение истории отношений греческого мира и Ахеменидской державы без попыток какого-либо значимого концептуального осмысления⁴¹.

1940. Suppl. 4. Sp. 1579-1599; 3) Pissuthnes // RE. 1950. Hbbd. 40. Sp. 1807-1809; *Len-schau Th. Pharnabazus* // RE. 1938. Bd. 19. Sp. 1842-1848.

³⁴ Achaemenid History: Proceedings of the Achaemenid History Workshop. Leiden: Netherlands Instituut voor het Nabije Oosten. Vol. 1-11. Leiden, 1987-1998.

³⁵ *Hornblower S. Mausolus*. Oxford, 1982; *Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC*. Norman-London., 1992.

³⁶ *Keen A G. Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers*, с 545-362 B. C. Leiden, 1998.

³⁷ *Wade-Gery H. T. The Peace of Kallias* // HSCP. 1940. Suppl. 1. P. 121-156 = *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. Oxford, 1958. P. 201-232. Из работ последних десятилетий см.: *Badian E. The Peace of Callias* // JHS. 1987. Vol. 107. P. 1-39; = *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore; London, 1993. P. 1-72; *Bloedow E. F. The Peaces of Callias* // SO. 1992. Vol. 67. P. 41-68; *Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia* // Phoenix. 1997. Vol. 51. № 2. P. 115; *Samons II L. J. Kimon, Kallias and Peace with Persia* // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 2. P. 129-140.

³⁸ См.: *Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia* // Phoenix. 1975. Vol. 29. № 1. P. 21-26; *Thompson W. E. The Athenian Treaties with Halai and Dareios the Bastard* // Klio. 1971. Bd. 53. P. 119-124.

³⁹ *Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi* // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 221-242; *Печатнова Л. Г.*: 1) Спарта и Персия в конце V в. до н.э. // Проблемы античной государственности, Л., 1982. С. 85-108; 2) История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001; 3) Спарта и Персия: история отношений (середина VI – 413 г. до н.э.) // Проблемы античной истории / Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 73-97.

⁴⁰ *Zahrnt M. Hellas unter persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluss des Königsfriedens bis zur Gründung des Korinthischen Bundes* // AKG. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 249-306.

⁴¹ В этом смысле интересный концептуальный подход обнаруживается в работе С. Хорнблауэра. Так, например, в начальных строках своей статьи, посвященной в целом взаимоотношениям греков и Персидской державы VI-IV вв. до н.э., С. Хорнблауэр за-

У истоков же специального изучения истории греко-персидских отношений стоял немецкий исследователь XIX в. В. Юдайх, который в своей монографии «Малоазийские исследования» рассматривал отдельные вопросы истории взаимоотношений греков и персов в IV в. до н. э. (предпосылки, ход и результаты Спартано-персидской войны, греко-персидские отношения в период Коринфской войны, позиция греков по отношению к Великому восстанию сатрапов в Персидской державе и ряд других)⁴². Это исследование оставалось единственным обобщающим трудом по истории греко-персидских отношений заключительного периода их развития до появления несколько десятилетий назад монографии английского историка Д. М. Льюиса⁴³.

Работа Д. М. Льюиса во многих отношениях стала новаторской для своего времени. Во-первых, в ней автор детально рассматривает события в непродолжительный период конца V — начала IV в. до н. э., когда ведущая роль в греко-персидских отношениях принадлежала именно взаимным дипломатическим контактам, и это обстоятельство позволило исследователю отойти от стереотипных представлений об этих отношениях как военной конфронтации. Подходы к разработке темы и полученные результаты позволяют считать монографию Д. М. Льюиса наиболее глубоким и основательным вкладом в разработку истории греко-персидских отношений, который позволил ученым отойти от их восприятия только как военного противостояния.

Эта тенденция получила дальнейшее продолжение в работах некоторых современных ученых, которые с готовностью восприняли основные идеи Д. М. Льюиса, а кроме того попытались обобщить собственные наблюдения.

Так, например, П. Картлидж также считал доминирующими в греко-персидских отношениях конца V — середины IV вв. до н. э.

являет: «Моя история — это история войны (*polemos*) между Западом и Востоком, в особенности же между греками (эллинами) и персами...» Исследователь стремится непосредственно выявить истоки этой конфронтации, видя их подоплеку, вслед за античными авторами, и в сюжетах мифологии (*Hornblower S. Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History / Ed. by A.V. Hartman & B. Heuser. L., 2001. P. 48ff*).

⁴² *Judeich W. Kleinasiatischen Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v.Ch.* Marburg, 1892. См. также монографию П. Дебора, которая призвана заменить собой устаревшую работу В. Юдайха (*Debord P. L'Asie Mineure au IVe siècle (412-423 B.C.): Pouvoirs et jeux politiques*. Bordeaux, 1999).

⁴³ *Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / Cincinnati Classical Studies. № 1. Leiden, 1977.*

именно дипломатические контакты. Исследователь в этой связи недвусмысленно заявляет: «Экспедиция Ксеркса... была в некотором роде аномалией (aberration)... Она больше не повторилась. Впоследствии дипломатия, наиболее часто — “дипломатия денег”, основанная главным образом на передаче золота и серебра в руки греков, была нормой в большей степени, чем военная конфронтация»⁴⁴.

Во-вторых, Д. М. Льюис стремится преодолеть традиционный «эллиноцентризм» в источниках и историографии путем сравнительного анализа греческого и восточного материала. Кроме того, исследователь сделал ряд ценных замечаний, которые позволили историкам по новому взглянуть на развитие греко-персидских отношений. В частности, он развивает мнение известного американского востоковеда А. Т. Олмстеда, который в одной из своих работ замечал: «В то время как Персия была, несомненно, определяющим фактором для Греции того времени, греки на западной окраине представляли небольшой интерес для персидских великих царей»⁴⁵. По мнению же Д. М. Льюиса, выраженному уже в небольшой статье 1958 г., «было очень легко для греков, и в особенности для греческих историков, предполагать, что персидский царь и его подчиненные не думали более ни о чем, кроме эгейских дел...»⁴⁶ Эту же мысль автор воспроизводит и в вышедшей спустя четверть века монографии⁴⁷. В значительной степени данный факт, по мнению английского исследователя, объясняет характер взаимоотношений греков и персов в период Пелопоннесской войны: «Было осознанным и рациональным использовать восточные отряды в кампаниях (против противников царя в Малой Азии. — Э. Р.) и оставить борьбу против Афин спартанцам, используя греческие людские ресурсы, нанятые персидскими деньгами»⁴⁸.

Замечания Д. М. Льюиса фактически оказались столь интригующими для большинства исследователей, что уже упомянутый П. Картледж поместил одно из них в качестве эпиграфа к главе своей монографии⁴⁹. Этот исследователь и здесь продолжает развивать положения Д. М. Льюиса, заявляя: «Вторая и наиболее очевидная опасность эллиноцентризма заключается в согласии с греческой

точкой зрения, что персидский царь воспринимал греков так же серьезно, как они воспринимали его... К счастью, существует достаточно свидетельств, чтобы указать, что в определенный момент греческий мир имел только периферическую важность для персидского государства»⁵⁰. Этот же подход также полностью поддерживает и Дж. Коуквелл, который пишет: «... было бы очень большой ошибкой, что царь постоянно думал о греках»⁵¹.

С другой стороны, подход к исследованию темы греко-персидских отношений, намеченный Д. Льюисом, все еще не получил всеобщей поддержки в современной историографии. Кроме того, его монография охватывает хронологически лишь небольшой период истории взаимоотношений греческого мира и Ахеменидской державы.

Несколько лет назад другой известный английский антиковед Дж. Коуквелл опубликовал монографию «Греческие войны: неудача Персии». Однако, несмотря на название, работа Дж. Коуквелла едва ли может претендовать на то, чтобы считаться обобщающим исследованием по истории греко-персидских отношений. Автор порой не предлагает читателю последовательного и связного изложения событий (как это делали другие исследователи, в том числе и Д. М. Льюис), но сосредотачивается главным образом на ключевых и наиболее дискуссионных проблемах. И этот «недостаток» является продолжением достоинств книги, поскольку позволяет высветить те аспекты темы, которые в ином случае несомненно отошли бы на задний план и «утонули» бы в обилии материала. Книга охватывает историю взаимоотношений греческого мира и персидской державы Ахеменидов со второй половины VI в. до н. э. до времени Александра Македонского.

Уже во введении Дж. Коуквелл формулирует свое видение этой далеко не однозначной проблемы. Так, становится понятно, что автор, как уже было замечено, следуя Д. М. Льюису, стремится в своем исследовании преодолеть традиционный эллиноцентризм, присущий большинству работ по истории греко-персидских отношений, и рассматривать события по возможности под персидским углом зрения. Далее, Дж. Коуквелл определяет весь более чем двухвековой период истории греко-персидских отношений как греческие войны (Greek Wars), что отражено в названии его труда: это выражение, по мнению автора, подразумевает «не только враждебные действия в первой половине V столетия до н. э., но также все контакты между Грецией

⁴⁴ Cartledge P. Agesilaus and the Crisis of Sparta. L., 1987. P. 185.

⁴⁵ Olmstead A. T. Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305.

⁴⁶ Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 BC. // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 3. S. 397.

⁴⁷ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 133.

⁴⁸ Ibid. P. 133-134.

⁴⁹ Cartledge P. Agesilaus and the Crisis of Sparta. P. 182.

⁵⁰ Ibid. P. 185.

⁵¹ Cawkwell G. L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 1.

и Персией как дипломатические, так и военные, завершившиеся анабасисом Александра Великого»⁵². Название действительно нетрадиционное, но автор очевидно исходит из того, что если войны греков с Персией — как в античной традиции, так и в современной историографии, получили наименование персидские, то, по аналогии, войны персов с греками должны быть названы греческими. Однако некоторая ущербность заявленных в монографии методологических подходов довольно очевидна. Во-первых, в рассмотрении отношений греческого мира с Персией традиционно отдается предпочтение военному фактору по сравнению, например, с дипломатическим (хотя, как уже было замечено, никто не будет отрицать, что именно война между греками и Персией была одним из наиболее важных составляющих греко-персидских отношений). Во-вторых, одно только рассмотрение греко-персидских отношений с «персидской точки зрения» не способствует в достаточной мере преодолению традиционного эллиноцентризма, поскольку источники по отношениям греков и персов, имеющиеся в распоряжении исследователей, главным образом греческие (что признает и сам Дж. Коуквелл).

На наш взгляд, кроме монографий Д. М. Льюиса и Дж. Коуквелла, значимых работ по истории греко-персидских отношений к настоящему моменту не существует. Но обе эти работы, как уже было замечено выше, с трудом могут заполнить имеющуюся лакуну в историографии. Таким образом, предлагаемая вниманию читателя работа является первым обобщающим исследованием по греко-персидским отношениям в отечественной историографии. Если же говорить о месте этой работы среди исследований по греко-персидским отношениям в целом, то прежде всего стоит отметить специфику подхода к теме. Так, прежде всего, в основу данной работы положено рассмотрение политических отношений греков с Персией, которые, по нашему убеждению, более всего раскрываются через призму исследования дипломатических контактов; кроме того, уделяется непосредственное внимание персидскому влиянию на общественно-политическую жизнь греческих полисов.

В процессе исследования представилась возможность высказать собственную точку зрения на ряд важных вопросов частного характера. Так, выявляются истоки греко-персидских политических отношений, детально, насколько позволяют источники, изучается персидский обычай предоставления земли и воды в процессе политического подчинения Балканской Греции в начале V в. до н.э. и

рассмотрена реакция на него греков, показывается динамика поступательного развития греко-персидских договорных отношений от Каллиева мира — через Эпиликов договор и спартано-персидские договоры периода Пелопоннесской войны — к Анталкидову миру. Кроме того, изучение персидских дипломатических миссий в греческих полисах позволяет отнести зарождение персидской «дипломатии золота» ко времени Греко-персидских войн и наметить роль такой дипломатии в политике персов по отношению к грекам в последующий период. В работе аргументируется мнение о кратковременном периоде действия Анталкидова мира, заключенного в 386 г. до н.э. и денонсированного греками уже в 377 г. до н.э., обращается внимание на процесс дипломатического сближения ведущих греческих полисов и Персии перед лицом македонской угрозы.

⁵² Cawkwell G. L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 2.

Глава I

НАЧАЛО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Первоначально греко-персидские отношения характеризовались тем, что Персия как самая могущественная держава Востока всегда выступала с позиции силы. Не вызывает сомнения, что первые Ахемениды в своей внешней политике преследовали цель территориального расширения Персидской империи. Яркими свидетельствами этого были события персидского завоевания малоазийских греков в 540-е гг. до н. э. при Кире Великом, а также попытки подчинения европейской части материка: скифский поход Дария I в 514 г. до н. э.; неудачная экспедиция Мардония 492 г. до н. э. в Грецию; кампания Датиса и Артаферна против Афин, завершившаяся опустошением Эретрии и персидским поражением при Марафоне в 490 г. до н. э., и наконец, великий поход Ксеркса против эллинов в 480 г. до н. э.¹ Однако вполне очевидно, что первоочередной задачей персов было политическое подчинение различных народов, в том числе и греков, при котором дипломатические средства использовались не реже

¹ В греческой исторической традиции мидийские, или — по иному — персидские войны (τὰ Μηδικὰ: Hdt., IX, 64; Thuc., I, 14, 2; 18, 3; 41, 1; 69, 1; 73, 2; 97, 1–2; 142, 7; II, 16, 2; 21, 2; VI, 83, 3; Andoc., I, 77; Arist., Ath. pol. 23, 1; 25, 1; 41, 2; Polit., V, 2, 7; 3, 2; Περσικά: Isocr., IV, 158; VII, 75; VIII, 37, 90; Plato., Leg., 642d) включают два эпизода: во-первых, это поход персидских военачальников Датиса и Артаферна против Греции в 490 г. до н. э., а во-вторых, великий поход Ксеркса 480 г. до н. э. Последний, собственно говоря, получил у одних греческих авторов обозначение мидийская война, у других — персидская война (ὁ Μηδικὸς πόλεμος: Thuc., I, 90, 1; 95, 7; III, 10, 2; Arist., Pol., V, 6, 2; Diod., XI, 37, 6; ὁ Περσικὸς πόλεμος: Isocr., VIII, 88; XIV, 5; XV, 233; XII, 49; Plato., Menex., 242b) (См.: Hammond N. G. L. τὸ Μηδικόν and τὰ Μηδικὰ // CR. 1957. Vol. 7. P. 101–102; Рунг Э. В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб, 2004. С. 71–82).

военных, а зачастую даже гораздо чаще². Со своей стороны, сами эллины в рассматриваемый период оказывались перед проблемой выбора: подчиниться ли персам без вооруженной борьбы или же вступить в противоборство с могущественной Ахеменидской державой. Первый пример, который высвечивает как «проблему выбора» в греко-персидских отношениях, так и роль дипломатических средств при попытках ее разрешения, относится к периоду Лидийско-персидской войны 547/6 г.³

1. Первые дипломатические контакты

После разгрома персами Лидийского царства Креза греки полисов Малой Азии начали готовиться к отражению ожидаемых враждебных действий со стороны Кира Великого. Однако перед этим малоазийские эллины попытались урегулировать отношения с персидским царем дипломатическими средствами. Геродот сообщает, что еще в начале Лидийско-персидской войны Кир потребовал от греческих полисов Малой Азии, которые были подвластны лидийцам⁴, отделиться от Креза и перейти на его сторону, но встретил

² О ранней истории древнего Ирана и образовании Ахеменидской державы см.: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961; Дандамаев М. А.: 1) Иран при первых Ахеменидах. М., 1963; 2) Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985; Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998; из зарубежных исследований наиболее фундаментальным к настоящему времени представляется труд известного французского исследователя П. Бриана: Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus a Alexander. P., 1996; английское издание: Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire / Engl. transl. by P. T. Daniels. Winona Lake (Indiana), 2002.

³ О дате и обстоятельствах падения Лидии см.: Cargill J. The Nabonidus Chronicle and the Fall of Lydia // AJAN. 1977. Vol. 2. № 2. P. 97–116; Дандамаев М. А. Политическая история... С. 19–27.

⁴ Отношения малоазийских греков и лидийских царей неоднократно привлекали внимание исследователей (см., например: Свенцицкая И. С. Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 2. С. 26–38; Мещерякова Д. И. Государство Мермнадов в Ионии // Проблемы истории государства и идеологии античности и Раннего Средневековья. Барнаул, 1988. С. 13–19). Уже лидийские цари династии Мермнадов стремились поставить под политический контроль малоазийские греческие города. Традиция повествует о завоевании Гигом Колофона (Hdt., I, 14), войне против магнетов и даже захвате самой Магнесии (Nic. Dam., FGrHist. 90. F. 62), походе против Смирны (Hdt., I, 14; Paus., IX, 29, 4; 4, 21, 5; Mimm. F. 13) и Милета (Hdt., I, 14). Завоевательная политика Гига по отношению к малоазийским греческим городам была продолжена его

категоричный отказ, а после персидской победы в войне уже сами малоазийские греческие полисы Ионии и Эолиды обратились к Киру (Hdt., I, 141).

Существует две традиции, которые повествуют об этих событиях: одна представлена у Геродота, другая — у Диодора Сицилийского. Согласно Геродоту (I, 141), ионийцы и эолийцы направили своих послов в Сарды к Киру и передали царю свои предложения — подчиниться персам на тех же условиях, на которых они подчинялись прежде Крезу (ἐπὶ τοῖσι αὐτοῖσι εἶναι τοῖσι καὶ Κροίσῳ ἦσαν κατήκοοι). Кир ответил послам притчей о рыбаке, который сначала безуспешно пытался игрой на флейте заманить рыбу на сушу, а затем, поймав ее неводом, приказал бьющейся на земле рыбе «прекратить свою пляску», так как она прежде не захотела плясать под флейту⁵.

Суть этой притчи, по мнению Геродота, сводилась к тому, что решение о подчинении Киру грекам необходимо было принять своевременно — тогда, когда от них этого потребовали. Сообщение «отца

преемниками. Так, сын Гига Ардис завоевал Приену (Hdt., I, 15). Он также начал войну с Милетом, которую продолжил его сын Садият, а затем и сын последнего Алиатт (Hdt., I, 15, 17). Алиатт подчинил себе Смирну (Hdt., I, 16; Nic. Dam., FGrHist. 90. F. 64), вел войну с Клазоменами (Hdt., I, 16) и Приеной (Diog., Laert., I, 83). Наконец, Крезу отводится роль покорителя всех азиатских эллинов (Hdt., I, 26–27). Известна война, которую он вел против Эфеса (Hdt., I, 26; Aelian., III, 26; Polyaen., VI, 50, 1). Крез организовал сбор дани с греческих полисов Малой Азии (Hdt., I, 27). Однако войны лидийцев с азиатскими полисами сменялись периодами мирных отношений, во время которых устанавливались тесные культурные и политические контакты с эллинами. Кроме того, маловероятно, чтобы враждебные действия лидийских правителей против греков Малой Азии приводили к обострениям отношений с балканскими греческими полисами, с которыми они были в тесных политических контактах. Даже более определенно, что Мермнады заслужили в греческом мире особое уважение как филэллинская династия ввиду тесных связей с ведущими панэллинскими святилищами, в которые те делали роскошные подношения. Наиболее прочными, по свидетельству источников, были связи с Дельфийским святилищем (Гига: Hdt., I, 13–14; Theop. FGrHist. 115, F. 193; Strabo. IX, 421; Алиатта: Hdt., I, 19, 25; Креза: Hdt., I, 54); а со времен Креза они распространились и на Додону, фокидские Абы (Hdt., I, 46) и некоторые беотийские храмы (за свои роскошные подношения Крез и лидийцы получили от дельфийцев промантию, ателию и проздрю: Hdt., I, 54). Подробнее о взаимоотношениях лидийских царей и балканских греков см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений. С. 219–255. Суриков И. Е. 1) Лидийский царь Крез и балканская Греция // SH. 2001. Вып. 1. С. 6 сл.; 2) Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 59–61.

⁵ См.: Hirsch S. W. Cyrus' Parable of the Fish: Sea-Power in the Early Relations of Greece and Persia // CJ. 1986. Vol. 81. № 3. P. 222–229.

истории», однако, не проясняет того обстоятельства, какие же условия подчинения предложил грекам Кир и почему они начали готовиться к обороне. Переданная историком притча Кира, кажется, дает основания предположить, что первоначально царь вообще не предъявлял никаких условий, но угрожал возмездием за прежний отказ отложиться от Креза, и тогда ионийским и эолийским эллинам не осталось никакой альтернативы, кроме войны.

Диодор (IX, 35, 1–3) более обстоятелен в изложении хода переговоров. Согласно сицилийскому историку, эллинские послы направили послов к Киру с намерением заключить договор о дружбе — συνθέσθαι φιλίαν. С послами беседовал военачальник царя Гарпаг, который рассказал не притчу (как Кир в изложении Геродота), а историю о том, как он захотел жениться на некой девушке, но ее отец посчитал его недостойным этого брака. Когда же Гарпаг приобрел почет у царя, то отец девушки сам предложил ему в жены свою дочь, но тот ответил, что возьмет ее уже не в качестве жены, а в качестве наложницы⁶. В итоге Диодор заключает: «Этимися словами он (Гарпаг. — Э. Р.) показал эллинам, что когда Кир прежде предложил стать им друзьями персов (γενέσθαι Περσῶν φίλους), они не выразили желания. Теперь же, когда дела их изменились, они стали заботиться о том, чтобы заключить дружбу (συνάψαι φιλίαν), но Кир согласился сделать их не союзниками по договору, а рабами, принесшими персам клятвы верности» — ὥς ἐν πρὸς συμμάχους οὐ ποιήσεται τὰς ὁμολογίας, ὥς δὲ δούλους εἰς τὴν τῶν Περσῶν πίστιν ἑαυτοὺς παραδιδόντας προσδέξεται (Diod., IX, 35, 3). Таким образом, Диодор демонстрирует, что Кир отказался от предложения греков заключить договор, который мог гарантировать их неприкосновенность, а потребовал их полного подчинения. Геродот предполагает, а Диодор даже более определенно заявляет, что представители греческих городов Малой Азии, незнакомые с политическими традициями Ахеменидов, могли добиваться равноправного соглашения с Киром о дружбе и союзе, но отнюдь не «вассального» договора, который царь предлагал им заключить теперь.

⁶ По мнению Э. А. Грантовского, «рассказ этот представляет, очевидно, интерес для характеристики семейного права западных иранцев в древности и может быть сопоставим с относящимися к другим иранским народам данными о различиях между полноправной супругой и наложницей, или побочной женой, и об отличии их юридического статуса». Как считает исследователь, притча Кира, изложенная Геродотом, может иметь греческое происхождение, тогда как рассказ Гарпага у Диодора отражает подлинную иранскую традицию (Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. С. 208–209).

Далее «отец истории» (I, 141, 4; 143, 1; 169) говорит о том, что из всех малоазийских эллинов милетяне «были единственными, с которыми Кир заключил договор на тех же условиях, какие были ранее с лидийцем» — *πρὸς μόνους γὰρ τούτους ὄρκιον* Κύρος ἐποίησας ἐπ' οἷσι περὶ ὁ Λύδος (I, 141). Возникают закономерные вопросы: что же это был за договор? Был ли он заключен на равноправных условиях или все же означал некоторую степень зависимости милетян от персидской монархии? Если верно последнее, то в чем состояло его отличие от тех «вассальных соглашений», заключить которые Кир предлагал послам других ионийских и эолийских полисов?

В связи с этим следует предположить, что восприятие милетянами своего договора с Киром могло отличаться от того, как его мог интерпретировать персидский царь. Возможно, греками это соглашение воспринималось как договор о дружбе милетян с Киром, то есть соглашение того типа, которое первоначально предлагали заключить с царем Персии послы малоазийских греческих городов, но получили отказ. В истории греко-персидских отношений, конечно, можно обнаружить примеры, когда граждане греческого полиса заключали с персидским монархом договор *περὶ φιλίας*: наиболее известный пример — это случай Аргоса, заключившего договор о дружбе с царем Ксерксом в 481 г. до н. э., и так называемый Эпиликов мирный договор афинян с царем Дарием II после 424/3 г. до н. э. (Andoc., III, 29). В пользу этого предположения говорит замечание Геродота о том, что договор Милета с Киром был подобен договору с лидийским царем, а неупоминание в данном контексте имени Креза дает возможность заключить, что «отец истории» (I, 22) ссылаясь на соглашение милетян с царем Алиаттом, которое он характеризует как *διαλλαγή ἐπ' ᾧ τε ξείνους ἀλλήλοισι εἶναι καὶ συμμάχους*⁷. Тем не менее равноправный, казалось бы, договор милетян с Киром, по которому граждане Милета могли обеспечить себе нейтралитет во время последующего персидского завоевания Ионии (I, 169: *Κύρω ὄρκιον ποιησάμενοι ἡσυχίαν ἦγον*), в конечном итоге обернулся фактически добровольным их подчинением Пер-

сии⁸. Очевидно, в период царствования Дария I в Милете утвердился в качестве персидского наместника тиран Гистией, и милетяне стали уплачивать подать персам (см.: Diog. Laert., II, 5). Таким образом, со временем этот «особый статус» Милета с очевидностью потерял свое значение.

Однако первоначальная расположенность Кира к милетянам, очевидно, была далеко не случайной. Диоген Лаэртский сообщает, что Фалес Милетский воспротивился заключению милетянами союза (*συνμαχία*) с Крезом и тем самым спас город после победы Кира (Diog. Laert., I, 25). Вероятно, у Диогена речь может идти только о неудачной попытке Креза в преддверии войны с Киром привлечь милетян к антиперсидскому союзу, который он мог заключить, с одной стороны, с каждым из подвластных ему эллинских полисов, с другой стороны, — со Спартой, Вавилоном и Египтом. В этой ситуации милетяне, в отличие от прочих ионийцев и эолийцев, видимо, отказались поддержать Креза и лидийцев в войне с персами и тем самым снискали доверие персидского царя. В чем была причина того, что милетяне не выступили на стороне Креза (Hdt., I, 141)? Вероятно, ее следует искать в специфике отношений, сложившихся между Милетом и лидийским царем. Энергичная политика Креза, направленная на подчинение эллинов Малой Азии (Hdt., I, 26–29), несомненно должна были идти вразрез с интересами милетян, над которыми лидийский монарх к тому времени еще не имел прочного контроля.

Когда малоазийские и островные греческие полисы во второй половине VI в. до н. э. оказались перед непосредственной угрозой персидского завоевания, балканские греческие государства, и прежде всего Спарта и Афины, еще не успели ощутить всю серьезность угрозы, исходящей от могущественного восточного соседа греков, а следовательно, не выработали и сколько-нибудь последовательную политику в отношении Персии.

2. Спарта и Персия: начало отношений

Фактически Спарта стала первым из балканских греческих полисов, который вступил в политические контакты с возникающим Персидским государством еще при Кире Великом после завоевания последним Лидийского царства в 547/6 г. до н. э. Главным источ-

⁷ Об этом мнении см., например: Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus. P. 173. Р. Сили считает, что Кир предоставил Милету специальный статус (Sealey R. A History of the Greek City-States, 776–338 BC. Berkeley, 1976. P. 172). По мнению В. Горман, Кир заключил мир с Милетом (Gorman V. B. Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C. Michigan, 2001. P. 126). Оба исследователя далее не комментируют статус Милета по отношению к персам.

⁸ Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality in Classical Greece. Berkeley, Oxf., 1991. P. 89–90.

ником по взаимоотношениям Спарты и Персии во второй половине VI — начале V в. до н. э. является труд Геродота, который, однако, дает по этому вопросу весьма разрозненные сведения.

В труде «отца истории» можно выделить следующую информацию об отношениях спартанцев и персов до начала собственно Греко-персидских войн: заключение спартано-лидийского союза (I, 69–70); решение спартанцев по вопросу малоазийских греков (I, 152); отклонение спартанским царем Клеоменом I предложения самосца Меандрия оказать помощь в восстановлении его на Самосе, уже захваченном персами (III, 148); отношения Клеомена I со скифами во время скифского посольства в Спарту и заключения скифо-спартанского союза против Персии (VI, 84); отказ Клеомена от предложения Аристагора Милетского поддержать Ионийское восстание (V, 49–51); расправа над персидскими глашатаями, прибывшими требовать землю и воду (VII, 133); дипломатическая миссия Сперфия и Булиса в Сузы (VII, 134–137).

Как известно, во второй половине VI в. до н. э. Спарта была одним из ведущих греческих полисов и в военном отношении наиболее сильным. Облик Спарты как аграрного полиса с консервативным жизненным укладом определялся, согласно античной традиции, реформами известного спартанского законодателя Ликурга⁹. В VII–VI вв. до н. э. Спарта предпринимала усилия по консолидации полисов Пелопоннеса. Наиболее значимыми событиями этого периода стали I и II Мессенские войны, война с аркадским полисом Тегея, наконец, продолжительный конфликт с Аргосом за сферы влияния в Пелопоннесе, завершившийся присоединением области Фиреатиды в 550 г. до н. э. Все это позволило Спарте выйти в разряд наиболее влиятельных полисов Эллады, результатом чего стало создание во второй половине VI в. до н. э. довольно крупного военно-политического объединения под ее верховенством — Пелопоннесского союза¹⁰. С

середины VI в. до н. э. лакедемоняне пытаются проводить политику уже вне пределов Пелопоннеса. Со временем Спарта начинает оказывать все более возрастающее влияние на развитие политической ситуации в Балканской Греции¹¹. Спарта поддерживала тесные политические и культурные отношения и с Востоком, в особенности с Лидийским царством Мермнадов, своеобразным итогом чего стал лидийско-спартанский союзный договор, заключенный ок. 550 г. до н. э. (Hdt., I, 69; Xen. Cyn., VI, 2, 10; Paus., VI, 4, 3)¹². Это событие произошло еще до начала войны лидийцев с Персией, и таким образом, с точки зрения спартанцев, договор едва ли был направлен против какого-либо конкретного врага.

Лидийско-персидская война изменила ситуацию. Крез, в соответствии с соглашением, обратился к спартанцам с просьбой о военной помощи против персидского царя Кира Великого уже после битвы при Птерии, но до поражения при Сардах и возникновения угрозы захвата столицы персами (Hdt., I, 77, 82). По сообщению Геродота, спартанцы, несмотря на продолжающуюся трудную войну с Аргосом за пограничную область Фиреатиду в Кинурии, все же решили оказать помощь Крезу. По справедливому мнению Л. Г. Печатновой, решение лакедемонян может объясняться смутным представлением о Персии как о потенциальном противнике, а также строгим следованием условиям союзного договора с лидийским правителем¹³. Однако в момент приготовлений к походу в Спарту пришла новость о захвате Сард Киrom и пленении Креза (Hdt., I, 77, 82–83). Спартанская экспедиция в Малую Азию не состоялась, но в этой ситуации спартанцы зарекомендовали себя врагами Персии; в таком качестве их позднее стали воспринимать другие греки.

В 545 г. до н. э. перед лицом угрозы со стороны Кира Великого ионийские греки направили своих делегатов в Панионий для обсуждения сложившейся политической ситуации¹⁴. Вероятно, имен-

⁹ О законодательстве Ликурга и формировании спартанского полиса см.: Андреев Ю. В. 1) К проблеме «Ликургова законодательства» (о так называемом перевороте VI в. в Спарте) // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 34–59; 2) Спарта как тип полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 194–216; Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 11–80.

¹⁰ Строгоцкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза. С. 3–18; Печатнова Л. Г. История Спарты. С. 121–166. Из недавних работ см.: Cawkwell G. L. Sparta and Her Allies in the Sixth Century BC // CQ. 1993. N. S. Vol. 43. № 2. P. 364–376; Yates D. C. The Archaic Treaties Between the Spartans and Their Allies // CQ. 2005. N. S. Vol. 55. № 1. P. 65 ff; Bolmarsich S. Thucydides 1, 19, 1 and the Peloponnesian League // GRBS. 2005. Vol. 45. № 1. P. 5–34.

¹¹ Показателем такого влияния является спартанское вмешательство в дела Афин и Фессалии, особенно отчетливо проявившееся при Клеомене I.

¹² Подробнее об этом договоре и его предыстории: Суриков И. Е. 1) Лидийский царь Крез и балканская Греция. С. 6 сл.; 2) Черноморское эхо катастрофы в Сардах. С. 60. Кроме того, о взаимоотношениях лидийских царей и балканских греков см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений. С. 219–255.

¹³ Печатнова Л. Г. История Спарты. С. 186.

¹⁴ О Панионийском союзе см. например: Caspari M. O. B. The Ionian Confederacy // JHS. 1915. Vol. 35. P. 173–188; Roebuck C. The Early Ionian League // CIPh. 1955. Vol. 50. № 1. P. 26–40; Кулакова А. П. Образование Панионийского союза // Проблемы античной истории / Сб. научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под

но это панионийское собрание вынесло решение отправить послов (οἱ ἄγγελοι) в Спарту с просьбой о военной помощи; к ним затем присоединились и представители эолийских полисов (Hdt., I, 141)¹⁵. Обращение представителей греческих городов Малой Азии в Спарту легко объяснить, принимая во внимание два обстоятельства: во-первых, азиатские греки, как и ранее лидийский царь Крез, наверняка считали спартанцев самыми сильными в военном отношении и наиболее влиятельными во всей Элладе; во-вторых, они, вероятно, учитывали существование договора с Крезом и как бывшие подданные лидийского царя должны были считать, что действие договора распространяется и на Спарту¹⁶.

Однако на этот раз посольство, возглавляемое фокейцем Пифером, не добилось цели (Hdt., I, 152). Лакедемоняне решительно отказали малоазийским грекам в военной помощи против персов. Геродот не называет причин этого отказа, но можно предположить, что официальным объяснением стало то, что спартанцев связывали военные действия в Пелопоннесе: они только что завершили затяжную войну с Аргосом за область Фиреатиду, одержав победу в «битве борцов» в 550 г. до н. э., однако аргосцы не были разгромлены окончательно, и спор за гегемонию в Пелопоннесе еще не завершился¹⁷.

Если спартанцы действительно обосновывали отказ от военной помощи грекам Азии своими собственными проблемами, то насколько они были искренни? Думается, что Спарта просто не могла решиться на открытый конфликт с персами, которые уже успели сокрушить могущественное царство Креза. Геродот не говорит о том, какие лакедемонские властные структуры были ответственны за переговоры с представителями греческих полисов Малой Азии. Однако он предполагает, что Пифер мог выступать в спартанском народном собрании (Hdt., I, 152); таким образом, в этой ситуации спартанцы не проявили заинтересованности в военном вмешательстве в дела

Востока, несмотря на то что раньше они были готовы, если верить Геродоту, оказать помощь своему союзнику Крезу. В дальнейшем Спарта на десятилетия самоустраняется от таких действий, которые могли бы вызвать осложнение отношений с Персидской державой Ахеменидов.

Все же более намереваясь сохранить свою репутацию, нежели надеясь на достижение успеха, спартанцы решили повлиять на ситуацию дипломатическими средствами. Они направили в Фокею корабль вместе со своими «наблюдателями» (κατασκόποι), чтобы, по словам «отца истории», следить «за делами Кира и Ионией». По прибытии в Малую Азию, спартанцы поручили ведение переговоров с персидским царем Лакрину — наиболее уважаемому среди спартиатов (Hdt., I, 152). Геродот называет Лакрина «глашатаем» (ὁ κήρυξ), вероятно, точно передавая его официальный статус. В задачу Лакрина во время встречи с Киром в Сардах входило только доведение до сведения Кира заявления спартанских властей (τῶν Λακεδαιμονίων ῥήσις)¹⁸ о том, что персидский царь не должен разорять ни одного города «земли Эллады».

Выражение γῆς τῆς Ἑλλάδος в контексте сообщения Геродота выглядит несколько неопределенно. Так, например, по мнению А. Тронсона, под «землей Эллады» в VI в. до н. э. определенно понимали только Балканскую Грецию и острова, но не Малую Азию. Таким образом, как считает исследователь, рассказ Геродота, если он аутентичен, должен быть понят как предостережение спартанцами Кира Великого в отношении его враждебных действий против Греции, которую они могли считать своей собственной сферой влияния¹⁹. Эта интерпретация довольно интересна, но все же маловероятна, если принимать во внимание не только точное значение фразы γῆς τῆς Ἑλλάδος, но в большей степени конкретные обстоятельства спартанской дипломатической миссии в Малую Азию²⁰. Дело в том, что спартанцы на переговорах с Киром должны были представить себя в качестве защитников интересов обратившихся к ним малоазийских греков, и потому, выступая от имени спартанских властей,

ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 30–41; Лантева М. Ю. Панионий: амфиктиония, симмахия или этнический союз // SH. 2006. Вып. 6. С. 3–24. Геродот также отмечает, что перед лицом угрозы со стороны Кира ионийцы обнесли свои города крепостными стенами. Дж. Коуквелл предполагает, что договоры этих городов с лидийскими царями могли требовать разрушения этих стен (Cawkwell G. L. The Greek Wars. P. 32).

¹⁵ О собрании делегатов Панионийского союза в 546/5 г. до н. э. см.: Roebuck C. The Early Ionian League. P. 27ff.

¹⁶ См.: Печатнова Л. Г. Спарта и Персия: История отношений. С. 74–75.

¹⁷ О вражде Аргоса и Спарты: Kelly T. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth // AHR. 1970. Vol. 25. P. 971ff.

¹⁸ О Лакрине и статусе спартанских глашатаев: Курилов М. Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 136.

¹⁹ Tronson A. The “Hellenes” as a Political Concept. The Development of a Hellenic Ideology in Greece from Archaic Times down to the End of the Fifth Century B.C. PhD Thesis, Cambridge (Mass.), 2000. P. 98–100.

²⁰ По мнению авторов новейших комментариев к труду Геродота, фраза γῆς τῆς Ἑλλάδος отражает идеологию и антиперсидскую пропаганду V в. до н.э. (Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus. P. 180)..

Лакрин должен был прежде всего предостеречь Кира от действий против греческих полисов Ионии и Эолиды. Персы же в тот период, как известно, еще непосредственно не угрожали Балканской Греции.

Кир отверг это предупреждение (Hdt., I, 153), и попытка азиатских греков добиться военной помощи из Спарты закончилась неудачно. Вслед за этим некоторые греческие города Малой Азии, как отмечает Геродот, поддержали восстание лидийца Пактия, который попытался захватить Сарды, занятые персидским гарнизоном под командованием Табала (Hdt., I, 154). Восстание потерпело неудачу; Пактий нашел убежище первоначально в Кимах, затем в Митилене, и наконец, на Хиосе (Hdt., I, 157–160), и только хиосцы выдали лидийца персам. Поэтому военачальник Мазарес, которому Кир поручил подчинение малоазийских греческих полисов, обратился первоначально против тех городов, которые поддерживали движение Пактия и участвовали в осаде Сард²¹. Далее уже Гарпаг продолжил покорение Ионии, захватывал города, окружая их валом (Hdt., I, 162–168)²². Большинство эллинов, по данным Геродота, «вступили в борьбу и доблестно сражались каждый за свой город»; однако они потерпели поражение, были подчинены и позднее платили наложенную на них подать в царскую казну (Hdt., I, 169)²³.

Камбиз (530 — ок. 522 гг. до н. э.), готовясь к походу против Египта, призвал к участию в экспедиции отряды из ионийских и эолийских греческих полисов, граждан которых, по выражению Геродота (II, 1), он считал своими «наследственными рабами», т. е. подданными. В период царствования Камбиза персам подчинились города Кипра²⁴, а также Кирена (Hdt., III, 13; IV, 165)²⁵.

Следующий шаг к подчинению еще не подвластных персам греческих полисов приходится уже на период правления Дария I (522–

²¹ Геродот сообщает о подчинении этим военачальником Приены и Магнесии-на-Меандре и об опустошении персами всей долины Меандра (Hdt., I, 161).

²² Геродот описывает нападение Гарпага на Фокею (I, 162–168) и Теос (I, 168), население которых предпочло оставить свои города. Теосцы, например, поселились в Абдерах (Hdt., I, 168; см.). Биант из Приены советовал ионийцам поселиться в общей колонии в Сардоне (I, 170). Гарпаг присоединил к своему войску ионийцев и эолийцев в нападении на Карию (I, 171).

²³ Об интеграции малоазийских греческих городов в Персидскую державу см., например: *Petit T. L'intégration des cités ioniennes dans l'empire achéménide (Vle siècle)* // REA. 1985. Т. 87. № 1. Р. 43–52.

²⁴ *Watkin H. J. The Cypriote Surrender to Persia* // JHS. 1987. Vol. 107. P. 154–163.

²⁵ Подробнее см.: *Mitchell B. M. 1) Cyrene and Persia* // JHS. 1966. Vol. 86. P. 99–113; 2) *Note on the Chronology of the Reign of Arcesilas III* // JHS. 1974. Vol. 94. P. 174–177.

486 гг. до н. э.). Подчинение Дарием эллинских городов прошло несколько этапов. В первые годы его правления, после уничтожения узурпатора мага Гауматы и новой консолидации Персидской державы, с помощью военной силы был подчинен Самос (Hdt., III, 140–149)²⁶. Вероятно, покоренные при Кире малоазийские греческие города сохраняли верность Дарию в период многочисленных восстаний в начале его царствования. В 514/513 гг. до н. э. персидские войска под командованием Дария впервые вступили в Европу. С этого момента начинается персидская оккупация фракийского побережья Эгейского моря с расположенными на нем греческими поселениями²⁷. По данным Геродота, в период скифского похода Дария в 513 г. до н. э. оставленный в Европе с войском Мегабаз приводил к покорности местные города, отказавшиеся подчиниться персам, как в районе Геллеспонта и Пропонтиды, так и по всему северному побережью Эгейского моря, вплоть до Фессалии (Hdt., IV, 143–144; V, 1–2). Наконец Отан, ставший преемником Мегабаза в должности сатрапа Даскилия, продолжил установление господства над греческими городами на азиатском и европейском берегах Геллеспонта и Пропонтиды (Hdt., V, 25–26).

Во время Скифо-персидской войны 514–513 гг. до н. э., по свидетельству Геродота, Спарту посетили скифские послы с намерением заключить союз со спартамцами. «Отец истории» предполагает, что союз был заключен и было достигнуто решение, что скифы предпримут попытку вторжения в Мидию вдоль течения реки Фасиса, тогда как спартамцы из Эфеса направятся вглубь Персидской державы на соединение со скифами (Hdt., VI, 84). Правда, в отношении этого скифского посольства в Спарту и заключения спартано-скифского союза иногда высказываются сомнения. Так, например, по мнению Дж. Коуквелла, «совместная экспедиция, предложенная спартамцам скифами, в 490х гг. до н. э. представляется фантастической, но она понятна в мире Кимона, который пытался подчинить Азию»²⁸. Следует все же признать, что не существует явных причин, чтобы опровергать историчность скифского посольства, хотя сама

²⁶ *Roisman J. Maiandrios of Samos* // Historia. 1985. Bd. 34. Ht. 3. S. 257–277.

²⁷ Об этих событиях: *Hammond N. G. L. The Extent of Persian Occupation of Thrace* // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 53–61; *Balcer J. M. Persian Occupied Thrace (Skudra)* // Historia. 1988. Bd. 37. Ht. 1. S. 1–21; *Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked*. Oxford, 1998. P. 77ff.

²⁸ *Cawkwell G. L. Greek Wars*. P. 7. И. Е. Суриков, например, считает посольство историчным, однако признает его безуспешным — союз не был заключен (Суриков И. Е. Античная Греция. С. 260).

идея вторжения в Азию действительно едва ли могла возникнуть у греков ранее Греко-персидских войн ввиду восприятия Персии как самой могущественной и несокрушимой державы Востока. Геродот мог отражать идеи своего времени — эпохи Кимона и Перикла. Это очевидно также на примере приводимого «отцом истории» рассказа об аргументах Аристагора Милетского в пользу вторжения спартанцев в Азию (V, 49, 3–9). Если союз Спарты со скифами действительно был заключен и привел к выработке какого-то плана войны, то последний так и остался нереализованным. Геродот сообщает, что царь Клеомен слишком часто общался со скифами, и на этом основании можно предполагать, что спартанский царь поддержал проект совместной войны против Персии. Не исключено, однако, что эти контакты могли носить и вполне личный характер.

В дальнейшем спартанцы вновь отстраняются от отношений с Персией, о чем свидетельствует отказ царя Клеомена от предложения Аристагора Милетского поддержать Ионийское восстание против царя Дария I в 500/499 г. до н. э. (Hdt., V, 49–54)²⁹. Таким образом, определенные «зигзаги» спартанской политики в отношении Персии могут с большей вероятностью объясняться тем, что в Спарте — как среди правящих кругов спартанского полиса, так и среди простых граждан — ко времени Ионийского восстания все еще не была выработана принципиальная позиция по «персидскому вопросу» во многом вследствие того, что военно-политическая активность персов в Эгейском регионе еще не затрагивала непосредственно спартанские интересы.

3. Афины и Персия: начало отношений

Особый пример отношений с Персией в позднеархаический период демонстрируют афиняне, которые почти на протяжении всего VI в. до н. э. переживали период напряженной внутренней социально-политической борьбы, выразившейся в реформах и законодательстве Солона и тирании Писистратидов. Эта внутрисполитическая нестабильность в афинском обществе VI в. до н. э. способствовала

некоторому снижению роли Афин на международной арене³⁰. Остается неизвестным, как афиняне отреагировали на политику Кира Великого в отношении ионийских греческих городов, которые считали Афины своей метрополией. Это отнюдь не означало, что афиняне в VI в. до н. э. оказались полностью отстраненными от взаимоотношений с Востоком.

В целом, в труде Геродота фиксируются несколько ключевых событий в истории отношений с Персией до начала Греко-персидских войн, и некоторые из них будут предметом нашего пристального рассмотрения: бегство бывшего тирана Гиппия в Персию (V, 65, 3; 91, 94, 1); переговоры афинян с сатрапом Артаферном в отношении союза с Персией (V, 70); переговоры с сатрапом Артаферном в отношении пребывания Гиппия в Персии (V, 96); посещение Афин Аристагором Милетским и решение афинян поддержать Ионийское восстание (V, 97); казнь глашатаев Дария I (VII, 133); призыв к спартанцам о помощи накануне сражения при Марафоне (VI, 105–106).

Взаимоотношения Афин и Персии в период, предшествовавший Греко-персидским войнам, развивались не без существенных осложнений, чему содействовало пребывание в Азии изгнанного афинского тирана Гиппия, сына Писистрата.

В 511/0 г. до н. э. Гиппий бежал в Сигей в Троаде, наследственное владение Писистратидов, где, как мы знаем из сообщений Геродота (V, 65, 3; 91; 94, 1) и Фукидида (VI, 59, 4), правил его брат Гегесистрат. Затем он перебрался в Лампсак под покровительство местного тирана Эантида, поддерживавшего тесные отношения с Дарием I (Thuc., VI, 59, 3).

Трудно сказать с определенностью, когда именно Гиппий установил контакты с персами. Так, М. Макгрегор полагал, что изгнанный тиран утвердился в Сигее уже при согласии персов³¹. Еще дальше в утверждении этого идет М. Остин, который полагает, что Гиппий начал устанавливать свои отношения с Дарием самое раннее в 514 г. до н. э., очевидно, имея в виду брак его дочери Архедики и Эантида³². Однако Дж. Холлздей относит переход Гиппия под покровительство персов к более позднему времени, после того как в 504 г. до н. э. потерпел неудачу (ввиду сопротивления коринфян) спартанский план

²⁹ Подробнее о мотивах этого отказа см., в частности: *Строгецкий В. М.* Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ. 1973. № 3. С. 134–144; *Печатнова Л. Г.* 1) История Спарты. С. 190–191; 2) Спарта и Персия: История отношений. С. 79–80; *Суриков И. Е.* Античная Греция. С. 261.

³⁰ См.: *Суриков И. Е.* Лидийский царь Крез и Балканская Греция. С. 9.

³¹ *McGregor M. F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson.* HSCPh. 1940. Suppl. 1. P. 73. Not. 6.

³² *Austin M. M.* Greek Tyrants and the Persians, 546–479 BC // *CQ.* 1990. NS. Vol. 40. № 2. P. 305.

восстановить его у власти в Афинах³³. Следует признать справедливым мнение Дж. Холлэдея. Такое развитие событий предполагает рассказ Геродота (V, 96), который упоминает об установлении Гиппием связей с персидским сатрапом Артаферном только после возвращения из Спарты (где он рассчитывал найти поддержку своим планам возвратить власть в Афинах), а не после первого своего бегства в Сигей. Далее примечательно, что греческий историк ничего не говорит о Гиппии и в связи с первым официальным афинским посольством в Сарды, обсуждавшим с сатрапом Артаферном условия заключения симмахии с Персией (Hdt., V, 73). Фукидид также принимает подобную хронологию событий (Thuc., VI, 59, 3)³⁴. Поэтому не бегство Гиппия в Сигей, а его переезд в Лампсак преследовал цель установления непосредственных взаимоотношений Гиппия с персидским царем Дарием I.

Геродот (V, 73) сообщает, что афиняне накануне знаменитых реформ Клисфена, ввиду угрозы со стороны спартанского царя Клеомена I, отправили своих послов в Сарды с намерением заключить военный союз с персами — πέμπουσι ἀγγέλλουσιν ἐς Σάρδεις, συμμαχίην βουλόμενοι ποιήσασθαι πρὸς Πέρσας. Афинские послы вели переговоры с сатрапом Артаферном Старшим, сыном Гистаспа, братом Дария, и получили от него согласие заключить союз, но при условии, что афиняне решат подчиниться власти персидского монарха. Геродот передает ответ сатрапа Артаферна: «Если афиняне дадут царю землю и воду, то он заключит союз, если же не дадут, то пусть уходят (εἰ μὲν δίδουσι βασιλεῖ Δαρείῳ Ἀθηναῖοι γῆν τε καὶ ὕδωρ, ὁ δὲ συμμαχίην σφί συνεθίθετο, εἰ δὲ μὴ δίδουσι, ἀπαλλάσσεσθαι αὐτοὺς ἐκέλευε)» (Hdt., V, 73).

В историографии наблюдаются различные подходы к общей оценке этой афинской миссии в Сарды. Так, по мнению У. Хау и Дж. Уэллса, нам чрезвычайно сложно признать, что главный защитник Греции против Мидиянина первым предложил союз с ним³⁵. Вероятно это же мнение выражает А. Олмстед, который пишет, что демократии Афин и других греческих городов-государств были проперсидскими собственно до начала Греко-персидских войн³⁶. Э. Волкер замечал,

что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма³⁷. Дж. Холлэдэй предполагает, что направление послов в 508/7 г. до н. э. — первый знак мидизма при демократии³⁸. И. Е. Суриков придерживается иного мнения; в частности он пишет, что «еще до начала Греко-персидских войн в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или “предательского”, во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору лидийских царей...»³⁹. Наконец, недавно Р. Бертольд также подчеркнул, что обвинение афинян в мидизме для этого времени полностью некорректно, так как только вслед за Ионийским восстанием и битвой при Маратоне, а особенно после вторжения Ксеркса, отношения с Персией приобретают ауру измены, и предательство, главным образом, начинает ассоциироваться с мидизмом⁴⁰. Действительно, как это вполне очевидно, мидизм, и особенно отношение к нему как к предательству, характерен в большей степени для эпохи Греко-персидских войн, и конечно можно согласиться с тем, что афинское посольство в Сарды не имело ничего общего с предательством. Однако афиняне не могут быть обвинены в мидизме еще по другой причине; дело в том, что афино-персидский союз так и не был заключен.

Геродот отмечает, что решение о направлении послов в Сарды было принято ввиду угрозы спартанского вторжения в Афины (исходящей от Клеомена I, царя Спарты). Это вторжение было направлено на поддержку сторонников Исагора, которые противостояли Клисфену и Алкмеонидам. При этом остается открытым вопрос, почему афинский демос искал помощи против Спарты в далекой Азии, а не попытался найти поддержку где-нибудь по соседству в Греции⁴¹. В историографии стало почти что традиционным предположение, что за афинской миссией в Персию стоял сам знаменитый реформатор Клисфен, как об этом непосредственно заявляли еще Дж. Манро и Эд. Мейер⁴². Подробно аргументировал эту точку зре-

³⁷ Walker E. M. Athens: The Reforms of Cleisthenes // CAH1. 1930. Vol. 4. P. 158.

³⁸ Holladay A. J. Medism in Athens. P. 178.

³⁹ Суриков И. Е. 1) Из истории греческой аристократии... С. 71; 2) Остракизм в Афинах. С. 328–329.

⁴⁰ Berthold R. M. The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. Bd. 51. Ht. 3. S. 266.

⁴¹ По мнению Дж. Холлэдея, в Греции у афинян в то время просто не оказалось союзников (Holladay A. J. Medism in Athens. P. 178–179).

⁴² Munro J. A. R. Some Observations on the Persian Wars // JHS. 1899. Vol. 19. P. 191; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 3. S. 741.

³³ Holladay A. J. Medism in Athens 508–480 BC. // G&R. 1978. Vol. 25. № 2. P. 177–178.

³⁴ М. Ф. Арнуш склонялся в пользу ок. 510 г. до н. э. для начала отношений Гиппия с Дарием I (Arnush M. F. The Carrier of Peisistratos Son of Hippius // Hesperia. 1995. Vol. 64. № 2. P. 141).

³⁵ How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. P. 40.

³⁶ Olmstead A. T. Oriental Imperialism // AHR. 1918. Vol. 23. № 4. P. 760.

ния Э. Уолкер, по мнению которого семья Клизфена поддерживала разносторонние контакты с Востоком еще в период существования Лидийского царства Мермнадов. Как стремился доказать исследователь, Клизфен предвидел пелопоннеское вторжение в Аттику и потому решил обратиться к Персии, и значит, именно Клизфен должен нести полную ответственность как за посольство в Сарды, так и за инструкции, данные послам⁴³. На наш взгляд, исследователь переоценивает роль Клизфена в ходе событий. Так, например, он заявляет даже, что реформатор сознательно допускал подчинение Персии ради сохранения демократии в Афинах. (Клизфен, по мнению исследователя, должен был знать о том, что союз с Персией был возможен только при условии предоставления земли и воды царю Дарию I и дал соответствующие инструкции афинским послам в Сарды.)⁴⁴

Мнение об участии Клизфена в организации посольства в Сарды встретило существенную поддержку в историографии⁴⁵. Дж. Холлэдэй допускал возможность того, что посольство мог отправить как сам Клизфен, так и афинский демос⁴⁶. И. Е. Суриков также утверждает о Клизфене как организаторе посольства афинян⁴⁷. С другой стороны, М. Макгрегор привел аргументы против данного

⁴³ Walker E. M. Athens: The Reforms of Cleisthenes. P. 157–158, 167.

⁴⁴ Cp. Holladay A. J. Medism in Athens. P. 179.

⁴⁵ См.: Gomme A. W. Athenian Notes // AJPh. 1944. Vol. 65. № 4. P. 321–322; Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30. № 4. P. 398; Gillis D. 1) Marathon and Alcmaeonids // GRBS. 1969. Vol. 10. № 2. P. 136; 2) Collaboration with the Persians // Historia. Einzelschriften, 34. Wiesbaden, 1979. S. 48; Schachermeyer F. Athen als Stadt des Grosskönigs // GB. 1973. Bd. 1. S. 211–220; Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. P. 148; Orlin L. L. Athens and Persia ca 507 B.C.: A Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in honor of G. G. Cameron. Ann Arbor, 1976. P. 264; Horsley G. H. R. Kleisthenes and the Abortive Athenian Embassy to Sardis // Museum Philologum Londoniense. 1986. Vol. 7. P. 99–105; Ostwald M. The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH2. 1988. Vol. 4. P. 308, 338; Arush M. F. The Carrier of Peisistratos Son of Hippus. P. 141; Berthold R. M. The Athenian Embassies to Sardis. P. 259ff; Cawkwell G. L. The Greek Wars. P. 53; Строецкий В. М. Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 151–152.

⁴⁶ Holladay A. J. Medism in Athens. P. 179.

⁴⁷ Суриков И. Е. 1) Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 2000. С. 103; 2) Из истории греческой аристократии... С. 71; 3) Античная Греция. С. 256. Исследователь предполагает, что именно организация Клизфеном посольства в Сарды могла быть причиной его опалы в конце жизни или, по крайней мере, потери его политического влияния (он же.: 1) Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи. Дис. д. и. н. М., 2004. С. 127; 2) Остракизм в Афинах. С. 179).

мнения, доказывая, что афиняне направили послов в Сарды еще до возвращения Клизфена в Афины после его изгнания Писистратидами⁴⁸. Действительно, если вчитываться в текст Геродота, то становится очевидным, что указанное этим историком развитие событий выглядит наиболее вероятным. Сообщение «отца истории» (V, 73) ясно предполагает, что решения народа, с одной стороны, о возвращении Клизфена и афинских аристократических семейств из изгнания, а с другой — о направлении посольства в Персию, были взаимосвязанными (могли быть приняты, как замечает М. Макгрегор, «на одном народном собрании»), что, в общем-то, должно исключать участие политика в организации посольства⁴⁹. Тогда возникает закономерный вопрос: чем же могло быть вызвано обращение афинского демоса к Персии, если не восточными связями Алкмеонидов и лично Клизфена? Ответ может быть достаточно простым. Во-первых, афиняне наверняка кое-что слышали о могуществе восточного соседа греков — Персидской империи Ахеменидов; во-вторых, они также могли быть осведомлены о враждебных взаимоотношениях персов со спартанцами, берущих начало еще со времени Кира Великого. Требование же земли и воды, которое Артаферн предъявил афинским послам в Сардах, очевидно, должно было стать для них полной неожиданностью и даже вызвать последующие опрометчивые действия.

П. Бикнелл предположил, что в состав афинского посольства в Сарды в 508/7 г. до н. э. входил некий Каллий, сын Кратия из Алопеки, связанный по происхождению как с родом Алкмеонидов, так и с родом Кериков и изгнанный остракизмом предположительно в 486/5 г. до н. э. Основанием для этого мнения исследователя было то, что на некоторых из поданных против Каллия острака он был

⁴⁸ McGregor M. F. Pro-Persian Party at Athens. P. 78.

⁴⁹ Именно так следует буквально понимать тот пассаж Геродота (V, 73), где говорится об афинском посольстве в Персию: «Ἀθηναῖοι δὲ μετὰ ταῦτα Κλεισθένεα καὶ τὰ ἐπακόσῃ ἐπίστια τὰ διωχθέντα ὑπὸ Κλεομένεος μεταπεμφόμενοι, πέμψοι ἀγγέλους εἰς Σάρδις συμμαχίην βουλευμένοι ποιήσασθαι πρὸς Πέρσας». Вообще мнение о причастности Клизфена к посольству — предположение, не следующее из текста источника. Конечно, можно приводить общие соображения о политической ситуации в Афинах накануне вторжения Клеомена, о заинтересованности именно Клизфена в отношениях с Персией и т. д., однако исследователям следует прежде всего опровергать конкретное заявление Геродота, который приписывает организацию миссии именно «афинянам». Л. Орлин, например, объясняет, почему Геродот приписывает организацию посольства в Сарды в целом афинскому демосу, а не лично Клизфену, проалкмеонидовскими симпатиями «отца истории» (Orlin L. L. Athens and Persia ca 507 B.C. P. 256).

назван «мидянином»⁵⁰, а на одном — даже имелась его карикатура в персидском одеянии в виде лучника⁵¹. И. Е. Суриков поддержал эту гипотезу П. Бикнелла, полагая, что Каллий, сын Кратия, мог даже возглавлять афинское посольство в Сарды⁵². Гипотеза возможная, хотя и она не находит прямых подтверждений в источниках. С другой стороны, в ее пользу иногда принимается инвектива на остраконе, поданном против Каллия, что он «ходил к мидянам», т. е. в Персию — $\eta\omicron\varsigma \epsilon\mu \text{Μεδων} \eta\epsilon\chi\epsilon\iota$ ⁵³. Но кроме неудачного посольства, конечно, вполне могли быть другие случаи, по которым Каллий, сын Кратия, мог совершать поездки в Азию к царю Дарию и его сатрапам.

В работах большинства исследователей принимается точка зрения (на наш взгляд, ошибочная), что *договор Афин и Персии действительно был заключен* в 508/7 г. до н. э., причем чаще всего современные историки оценивают ситуацию с позиции афинян. Так, например, Дж. Холлэдей полагает, что послы заранее имели полномочия предложить землю и воду, если таковым будет персидское требование. Последующее же отклонение союза афинянами было вызвано тем, что в нем отпала необходимость ввиду неудачи экспедиции Клеомена против Афин⁵⁴. М. А. Дандамаев также считает, будто бы союз был заключен. В качестве доказательства исследователь приводит тот факт, что прибытие накануне ионийского восстания Аристагора Милетского в Афины было враждебно встречено многими жителями города (sic!)⁵⁵. По мнению И. Е. Сурикова, договор был заключен, но не был ратифицирован экклесией⁵⁶. В недавних работах исследователь идет еще дальше, высказывая предположение о том, что афинские послы дали сатрапу Артаферну землю и воду и этот символический акт означал формальное признание своего подчинения,

⁵⁰ Инвективы на острака Каллия, сына Кратия, отличаются известным разнообразием. На одних он называется $\text{Μεδος} / \text{Μεδων}$, на других — $\epsilon\mu \text{Μεδων}$, $\epsilon\gamma \text{Μεδων}$, $\epsilon\chi \text{Μεδων}$. Имеется острака, на которой Каллий назван $\eta\omicron\varsigma \epsilon\mu \text{Μεδων} \eta\epsilon\chi\epsilon\iota$ (*Brenne S. Die Ostraka* (487 — ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. S. 87–89). О Каллии, сыне Кратия: *Shapiro H. A. Kallias Kratiou Alopekethen* // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. № 1. P. 71.

⁵¹ *Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy*. P. 148. Существует мнение, что Каллий, сын Кратия, подвергся остракизму в 471 г. до н. э. (*Brenne S. Die Ostraka*. S. 56), которое, однако, приводится без какой-либо аргументации.

⁵² *Суриков И. Е.* Два очерка о внешней политике Афин. С. 103–104.

⁵³ *Он же.* Остракизм в Афинах. С. 75.

⁵⁴ *Holladay A. J. Medism in Athens*. P. 179.

⁵⁵ *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. С. 117. В пользу того, что договор был заключен, см. также: *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 195.

⁵⁶ *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии... С. 71.

который оказал значительное влияние не только на дальнейшее развитие отношений между Афинами и Персией, но и на весь ход Греко-персидских войн⁵⁷. Здесь И. Е. Суриков солидарен с мнением, которое высказал в свое время еще Ф. Шахермейер, назвавший Афины после 508/7 г. до н. э. «городом Великих царей»⁵⁸. Эту точку зрения развивают также Л. Орлин и Э. Курт, которые, однако, рассматривают события под персидским углом зрения. В частности, Л. Орлин замечает: «Фундаментальной причиной персидских военных действий против Афин было нарушение последними статуса вассала по договору (treaty-vassal). Афины выступили как нарушители соглашения (contract-breaker). Помощь, которую Афины предоставили восставшим ионийским городам, была действием вышедшего из повиновения вассала (a disobedient vassal), решившего вступить в сговор с другими неповиновующимися вассалами...»⁵⁹. Э. Курт полагает, что договор был заключен и все еще оставался в силе в тот момент, когда афиняне побуждали персов не помогать Гиппию в его попытках вновь утвердиться в Афинах. И только персидское требование принять назад Гиппия побудило Афины нарушить соглашение и присоединиться к Ионийскому восстанию. Далее, как считает Э. Курт, Дарий в 491 г. до н. э., направляя требования земли и воды, дал Афинам шанс восстановить отношения с Персией, и когда это не удалось, он направил экспедицию, целью которой было приведение к покорности Афин и признания ими персидского царя как своего повелителя. Поражение же при Марафоне послужило одним из предлогов для кампании Ксеркса в 480–479 гг. до н. э.⁶⁰. Приведенную интерпретацию событий поддержал Дж. Балсер в труде, посвященном Греко-персидским войнам⁶¹. Эти идеи особенно привлекают внимание исследователей тем, что они предполагают существование *кратковременного периода зависимости Афин от Персии*. Если данное предположение соответствует действительности, то оно вносит коррективы в мотивацию персидских походов против Греции, представленную в античной исторической традиции. Тем не менее исследователи далеко не единодушны в принятии мнения, согласно которому афиняне заключили договор с Персией и тем самым стали подданными Дария I. В частности, Н. Крамер

⁵⁷ *Он же.* 1) Античная Греция. С. 256, 285–286; 2) Остракизм в Афинах. С. 329.

⁵⁸ *Schachermeyer F. Athen als Stadt des Grosskönigs*. P. 211–220.

⁵⁹ *Orlin L. L. Athens and Persia ca 507 B C*. P. 265.

⁶⁰ *Kuhrt A. Earth and Water // Achaemenid History* / Ed. by A. Kuhrt and H. Sancisi-Weerdenburg. Vol. 3: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 91–92.

⁶¹ *Balcer J. M. The Persian Conquest of the Greeks*. P. 159.

относительно недавно сформулировал основные аргументы против данного положения⁶².

Следует отметить, что парадокс ситуации в отношении результатов афинского посольства в Сарды заключался в том, что действия афинских послов могли быть различно истолкованы в Персии и в Афинах. Для персов согласие на предоставление земли и воды безо всяких дополнительных условий само по себе было согласием на подчинение, тогда как для афинян те же самые действия не означали ничего подобного. Во-первых, как это замечает ряд исследователей, афиняне могли и не знать точного значения обычая преподнесения земли и воды⁶³. Во-вторых, как правильно подчеркнул И. Е. Суриков, заключение союзного договора не могло бы полностью в компетенции послов и требовало ратификации властными структурами греческого полиса (в данном случае экклесии, которая и направила посольство в Сарды). Однако Геродот говорит, что ратификации не последовало. Послы согласились на персидские условия от своего имени (ἐπὶ σφέων αὐτῶν), а по возвращении на родину им были предъявлены суровые обвинения — αἰτίας μεγάλας εἶχον (Hdt., V, 73). В-третьих, насколько можно понять из текста «отца истории» (V, 73), афинские послы в Сардах только выразили согласие предоставить землю и воду — οἱ δὲ ἄγγελοι... βαλόμενοι δίδοναι ἔφασαν; однако для реального подчинения Персии, как это станет ясно в ходе дальнейшего рассмотрения, одного согласия было явно недостаточно: требовалось символическое преподнесение земли и воды, что, собственно, афиняне едва ли когда-нибудь исполнили⁶⁴. Таким образом, действия послов не означали подчинения афинян царю Персии ни с юридической, ни с фактической точки зрения.

* * *

Первое афинское посольство в Персию в 508/7 г. до н. э. наверняка отразилось на состоянии афинско-персидских взаимоотношений. Поскольку договор так и не был заключен, афиняне не имели какой-либо определенности в отношениях с Персией. Напротив,

персидский царь и сатрапы могли уже видеть афинян в числе своих новых подданных со всеми вытекающими отсюда последствиями и ожидали только формального закрепления отношений подданства в результате преподнесения земли и воды. Не получив землю и воду, в 491 г. до н. э. Дарий I направил других глашатаев в Афины, чтобы вновь потребовать землю и воду как знаки подданства.

Другие переговоры, которые состоялись в Сардах около 500 г. до н. э. (они происходили после 507 г. до н. э., но еще до 499 г. до н. э. — начала, собственно, Ионийского восстания) — окончательно, впрочем, определили враждебное отношение афинского демоса к Персии. На этот раз афинские послы вели переговоры с Артаферном уже конкретно по поводу пребывания в стане персов Гиппия, сына Писистрата, который, по словам Геродота, предпринимал антиафинскую пропаганду и стремился подчинить город себе и Дарию.

В отношении хода переговоров можно привести следующее замечание Геродота (V, 96): «Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артаферн же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия»⁶⁵. Таким образом, «отец истории» дает понять, что сатрап занял довольно жесткую позицию на переговорах. Потребовав возвращения Гиппия в Афины, он тем самым способствовал возникновению антиперсидских настроений афинского демоса, который, разумеется, не желал реставрации тирании Писистратидов, тем более под персидским протекторатом.

Безусловно, названные переговоры во многом предрешили дальнейшие действия афинян, направленные на вооруженную поддержку Ионийского восстания, ибо, по сведениям Геродота (V, 97), Аристарх Милетский прибыл в Афины как раз в тот момент, когда афинский демос был враждебно настроен по отношению к Персии. В итоге милетскому тирану, видимо, не стоило труда убедить большинство афинян оказать военную помощь восставшим⁶⁶. Результат диплома-

⁶² Kramer N. Athen — keine Stadt des Grosskönigs! // Hermes. 2004. Bd. 32. S. 257–270.

⁶³ Kelly T. Persian Propaganda — A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. 2003. Vol. 38. P. 177; Wiesehöfer J. 'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorgis and I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 212.

⁶⁴ Kramer N. Athen — keine Stadt des Grosskönigs! S. 260.

⁶⁵ По мнению Б. Меритта, значение этого пассажа никогда не было полностью понято в историографии. Он подразумевает, что афиняне находились в хороших отношениях с Персией и были заинтересованы в поддержании дружественных отношений. Ответ же Артаферна, по мнению исследователя, был ответом не равному партнеру, но своему вассалу (Meritt B. D. Greek Inscriptions (14–27) // Hesperia. 1939. Vol. 8. № 1. P. 63).

⁶⁶ Если верить Геродоту, милетский тиран говорил также о богатствах Азии, о персидской военной тактике, подчеркивая военное превосходство греков над персами, наконец, указал на родство афинян и ионийцев. Об идее родства между афинянами и ионийцами как факторе, предопределившим решение афинян направить помощь восставшим см.: Quinn T. J. Athens and Samos, Lesbos and Chios, 478–404 B. C. Manchester, 1981. P. 1–2.

тический миссии Аристагора хорошо известен: афинское народное собрание проголосовало отправить на помощь восставшим 20 кораблей во главе со стратегом Меланфием (Hdt., V, 97; Charon. FGrHist. 262. F. 10 = Plut. De Her. malign., 861 C)⁶⁷. К этой афинской эскадре присоединились также 5 (или же 6) триер из Эретрии, которыми предводительствовал Эвалкид (Hdt., V, 102; Hellan., FGrHist. 4. F. 183 = Plut. De Her. malign., 869 A; Ephor. FGrHist. 70. F. 187). Хотя Геродот (V, 99) особо подчеркивает, что эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам — οὐ τὴν Ἀθηναίων χάριν ἐστρατεύοντο, все же роль афинян в побуждении эретрийцев оказать помощь ионийцам нельзя недооценивать, а тем более полностью исключать, принимая во внимание наличие определенных афино-эретрийских связей в предшествующий период⁶⁸. Однако когда афиняне прекратили помощь мятежникам после поражения ионийцев и их союзников в битве при Эфесе в 498 г. до н. э.⁶⁹ и на все последующие просьбы Аристагора Милетского продолжить помощь отвечали отказом (Hdt., V, 102–103), эритрейцы не последовали их примеру и продолжили сражаться против персов — очевидно, вплоть до самого поражения восставших в морской битве при Ладе в 494 г. до н. э. Такой вывод следует из сообщения Лисания из Малл о морской победе,

⁶⁷ Этот Меланфий был, вероятно, кандидатом на изгнание остракизмом в 480-е гг. до н. э.: Brenne S. Die Ostraka. S. 62; Суриков И. Е. Античная Греция. С. 289, прим. 40 (высказано предположение, что этот Меланфий, сын Фаланфа, мог находиться в родстве с семьей Фемистокла). В историографии можно встретить мнение о том, что небольшая численность афинской эскадры свидетельствует в пользу неоднозначного восприятия в самих Афинах решения поддержать Ионийское восстание (в отношении этой точки зрения см., например: Gomme A. W. Athenian Notes. P. 326). Однако с этим мнением едва ли следует согласиться (его критику с оценками общей численности афинского флота в начале V в. до н. э. см.: McGregor M. F. The Pro-Persian Party at Athens. P. 79–85; Holladay A. J. Medism in Athens. P. 182). К. Уолкер доказывает, что афинские корабли были транспортными. Они доставили войска для наземных военных операций и сопровождалась эретрийскими боевыми судами — триерами (Walker K. G. Archaic Eretria. A Political and Social History From the Earliest Times to 490 BC. L., 2003. P. 274, 277).

⁶⁸ Об этих связях (с соответствующей литературой) см. Суриков И. Е. 1) Из истории архаической Греции. С. 62–64; 2) Античная Греция. С. 289. Прим. 41.

⁶⁹ «Историческая» трагедия Фриниха «Взятие Милета» (Μιλῆτος ἔλσος) была поставлена на афинской сцене около 492/1 г. до н. э., по «горячим следам» Ионийского восстания. Как сообщает Геродот, она вызвала столь большую печаль зрителей, что драматург был оштрафован на 1000 драхм за то, что «напомнил о страданиях близких людей», а его произведение было запрещено к повторной постановке (Hdt., VI, 21; cf. Callisthenes FGrHist. 124. F. 30 = Strabo., XIV, 1, 7; Suid., s.v. Φρύνηρος). Причина наказания Фриниха и запрета к постановке драмы, на которую указал «отец истории», однако, может быть официальной афинской версией. В действительности же трагедия должна была напоминать афинянам о том, что они фактически предали Ионийское восстание.

одержанной эритрейцами над врагом, вероятно, незадолго до падения Милета — во всяком случае, уже после ухода афинского контингента из Малой Азии (FHG. IV. F. 1)⁷⁰.

В связи с этими действиями афинян возникает закономерный вопрос: в чем причина такой непоследовательности: сначала они направляют помощь, а затем возвращают свои корабли из Малой Азии? В историографии преобладает мнение о том, что решения о направлении помощи ионийцам и об отзыве этой помощи связаны с расстановкой политических сил в Афинах в начале V в. до н. э.⁷¹. В качестве аргумента обычно приводят тот факт, что в 497/6 г. до н. э. — как раз в возможный год отзыва афинянами своего контингента из Ионии — должность эпонимного архонта в Афинах исполнял Гиппарх, сын Харма, — племянник бывшего тирана Гиппия, на тот момент находившегося в Сузах при дворе Дария I⁷². Некоторые исследователи даже предполагают, что афиняне преднамеренно избрали архонтом именно этого человека, чтобы таким образом «примириться» с Дарием после отзыва своего контингента из Ионии⁷³. Но с этим предположением трудно согласиться, поскольку гораздо вероятнее другое: избранный архонтом Гиппарх благодаря своей авторитетной должности убедил народное собрание проголосовать за разрыв с восставшими. Как уже говорилось, в тот период большинство афинян, несомненно, должны были считать Персию самой могущественно державой, и уже вскоре после направления помощи ионийцам они могли пересмотреть свою позицию по отношению к восставшим — вероятно, по побуждению Гиппарха, — справедливо опасаясь возможных осложнений в отношениях с Персией. Что касается Гиппия, то он со своей стороны воспользовался кризисом в афино-персидских взаимоотношениях и получил дополнительный повод для продолжения своей антиафинской пропаганды при дворе самого Дария I (Hdt., VI, 94). Позднее Гиппий, как известно, также принимал участие в персидской экспедиции против Эретрии и Афин, которая завершилась поражением персов при Марафоне в 490 г.

⁷⁰ Walker K. G. Archaic Eretria. P. 274, 277.

⁷¹ См., напр.: Robinson C. A. 1) The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // AJPh. 1939. Vol. 60. №2. P. 232–233; 2) Athenian Politics, 510–486 B.C. // AJPh. 1945. Vol. 66. № 3. P. 247; McGregor M. F. The Pro-Persian Party at Athens. P. 79–85.

⁷² См. Cadoux T. J. The Athenian Archons from Kreon to Hysichides // JHS. 1948. Vol. 68. P. 116. Дионисий Галикарнасский (AR., V, 77, 6; VI, 6, 1), который сообщает об архонте Гиппарха в 1 год 71 олимпиады, не называет его патронимик и демотик.

⁷³ См., например: Karavites P. Realities and Appearance, 490–480 BC // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. P. 136.

до н. э. (Hdt., VI, 107–108). Эта акция, впрочем, стала последним предприятием самого Гиппия: по одной из версий, бывший афинский тиран погиб на поле Марафона (Iust., II, 9, 21; Cic. Ad Att. 9, 10, 3; Suid., Ἀρμόδιος), по другой же — скончался на острове Лемносе при возвращении персидских войск из Греции в Азию (Suid. s.v. Ἰππίας)⁷⁴.

* * *

Рассмотренный в главе материал дает возможность прийти к следующим выводам. Во второй половине V — начале V в. до н. э. греческие города Малой Азии и островные греки в большинстве своем оказались включены в состав Персидской державы Ахеменидов: одни были непосредственно покорены, другие признали над собой власть Великого царя под силовым давлением. Источники сохранили сведения о том, что из всех полисов Балканской Греции только Спарта и Афины установили политические контакты с персами уже со второй половины VI в. до н. э. Данные античных авторов свидетельствуют о том, что первоначально позиция этих двух наиболее крупных полисов по отношению к Персии не была принципиальной и последовательной. Спартанцы, изначально зарекомендовавшие себя врагами персов, вплоть до вторжения Ксеркса в 480 г. до н. э. предпочитали воздерживаться от проявления открытой антиперсидской политики. С другой стороны, афиняне, намеревавшиеся заключить союз с персами, позднее заняли по отношению к ним враждебную позицию, во-первых, благодаря деятельности Гиппия, сына Писистрата, при царском дворе, во-вторых, вследствие поддержки ими Ионийского восстания, в-третьих, из-за демонстративной казни глашатаев Дария I (что будет детально рассмотрено в следующей главе) и наконец в-четвертых, в результате вторжения персов в Аттику в 490 г. до н. э. И только поход Ксеркса привел к масштабной конфронтации балканских греков и Персии, которая явственно обнаружила значительные расхождения в позиции греческих государств по «персидскому вопросу».

⁷⁴ Об этих версиях смерти Гиппия, сына Писистрата: *Cagnazzi S. Tradizioni su Dati, comandante persiano a Maratona // Chiron. 1999. Bd. 29. P. 375–376.*

Глава II

ПЕРСИДСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ЗЕМЛИ И ВОДЫ И ПОЗИЦИЯ ГРЕКОВ

После подавления Ионийского восстания Дарий I стал готовиться к покорению Балканской Греции под предлогом возмездия афинянам и эретрийцам за поддержку, оказанную мятежникам. В 492 г. до н. э. персидский царь направил своего военачальника Мардония в первый поход против греков, который, однако, завершился настоящей катастрофой — гибелью флота из 300 судов в результате шторма у мыса Афон (северная оконечность Балканского полуострова), а также истреблением сухопутного войска персов фракийцами (Hdt., VI, 44–45)¹. После этих событий царь поручил своим сатрапам Датису и Артаферну совершить новый поход в Балканскую Грецию с той же самой целью. Но еще во время подготовки этого похода персидский царь намеревался добиться политического подчинения большинства греческих полисов дипломатическими средствами — направлением глашатаев в различные греческие государства с требованием земли и воды как знаков покорности.

1. Земля и вода как символы подчинения Персии

Нам уже приходилось упоминать об обычае требования земли и воды в связи с историей афинской дипломатической миссии в Сарды в 508/7 г. до н. э. Теперь же уместно более подробно остановиться на значении символов земли и воды в контексте политики Ахеменидов в отношении греческого мира в целом.

¹ Об этой экспедиции специально см.: *Zahrnt M. Die Mardoniuszug des Jahres 492 v. Chr. und seine historische Einordnung // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 237–279.*

Практика требования земли и воды стала на рубеже VI–V вв. до н. э. наиболее распространенным средством дипломатического давления на греков. Дело в том, что в основе взаимоотношений царя со своими подданными в Персидской державе находился традиционный обычай дарообмена².

Практика даропринижения существовала в Ахеменидской державе еще до податной реформы Дария I (Hdt., III, 89), которая в большинстве случаев заменила добровольные дары четко фиксированной данью³. Однако даже после этой реформы некоторые народы продолжали приносить персидским царям определенные дары, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и рельефы царского дворца в Персеполе. Символическое предоставление от различных племен и народов земли и воды как знаков покорности является, таким образом, своего рода отражением традиционного обычая даропринижения, присущего социальным институтам Ахеменидской державы.

Первые сведения о персидском обычае требовать землю и воду относятся еще к периоду, предшествующему Греко-персидским войнам, и это обыкновение дает о себе знать при обращении к самым различным аспектам персидской внешней политики в конце VI — начале V вв. до н. э.

Современные исследователи относительно мало внимания уделяли рассмотрению практики требования / предоставления земли и воды; чаще всего они ограничивались краткими суждениями о земле и воде как о символах подчинения власти Персии⁴.

Тему земли и воды специально исследовала Э. Курт, которая заметила, что «явление, которому нет объяснения, обязательно само

² *Sancisi-Weerdenburg H.* Gifts in the Persian Empire // *Le Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Decembre 1986* / Ed. P. Briant et C. Herrenschildt. Paris, 1989. P. 140–141; *Mitchell L. G.* Greek Bearing Gifts. P. 111–113.

³ *Sancisi-Weerdenburg H.* Gifts in the Persian Empire. P. 140; *Balcer J. M.* Ionia and Sparta under the Achaemenid Empire, the Sixth and Fifth Centuries B.C. Tribute, Taxation and Assessment // *La Tribut dans l'empire perse*. P. 2–3.

⁴ См., например: *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization During the 6th and 5th Centuries BC. L.–N.Y., 1973. P. 133; *Sealey R.* A History of the Greek City-States. P. 181, 200; *Orlin L. L.* Athens and Persia. P. 256; *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History. L., 1979. P. 129; *Lazenby J.* The Defence of Greece. P. 45; *Dounges N. A.* The Campaign and Battle of Marathon // *Historia*. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 2; *Bederman D. J.* International Law in Antiquity. Cambridge, 2001. P. 55. См.: Рунг Э. В. Персидские требования земли и воды и позиция греков // Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики / Материалы научной конференции. М., 2006. С. 338–341.

поднимает проблему»⁵. Исследовательница пришла к некоторым весьма важным выводам. Во-первых, она отмечала, что для персов этот обычай означал возможность расширить свою империю без военных действий — избежать войны⁶. Во-вторых, греки, которые предоставили землю и воду, как далее замечает автор работы, надеялись избежать персидского вторжения.

Еще дальше развивает ее мысль Э. Кивни, который замечает: «Земля и вода означали различные вещи для разных людей. Для самих персов они значили установление господства и право накладывать обязательства. Для людей, подобных Алеадам (представителям фессалийской аристократии. — Э. Р.), они могли означать помощь против врага. Для некоторых других греков они были не более чем политикой выживания (an insurance policy). Они были предоставлены в надежде умиловить персов и в ожидании, что те не будут впредь вмешиваться в их дела»⁷.

Суждения Э. Курт и Э. Кивни демонстрируют реальное значение процедуры требования / предоставления земли и воды в политике как персов, так и греческих полисов. Вполне понятно, что эллины, предоставившие землю и воду персидскому монарху, попадали в категорию царских подданных — «рабов царя», а не его союзников⁸. Таким образом, с точки зрения граждан греческих полисов, предоставление земли и воды означало добровольное подчинение Великому царю Персии и утрату полисной свободы.

Практика требования / предоставления «земли и воды» не находит соответствующих параллелей в истории держав древней Месопотамии первой половины I тыс. до н. э., прежде всего Новоассирийского, Нововавилонского и Мидийского царств, на основе которых возникла Персидская империя. Однако схожая практика могла быть зафиксирована в Эламе, если верна интерпретация В. Хинцем одной надписи Шутрук-Нахунте I (1185–1155 гг. до н. э.), согласно которой царь доставил из покоренной страны в Сузы землю, воду и огонь как символы подчинения⁹. Тем не менее остается открытым вопрос о том, была ли эта практика заимствована или же имела исконно пер-

⁵ *Kuhrt A.* Earth and Water. P. 87–99.

⁶ Геродот при подходящем случае подчеркивает, что Дарий I и Ксеркс рассчитывали покорить весь греческий мир без «большой войны» (Hdt., VII, 146–147).

⁷ *Keaveney A.* The Medisers of Thessaly // *Eranos*. 1995. Vol. 93. P. 34.

⁸ На это обстоятельство справедливо обратил внимание Э. Бэдиан (*Badian E.* Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // *Greek Historiography* / Ed. by S. Hornblower. Oxford, 1996. P. 108–109).

⁹ *Хинц В.* Государство Элам. М., 1977. С. 122.

сидские корни. Так, например, Л. Орлин рассматривает значение земли и воды в рамках религиозной доктрины зороастризма, где «земля» и «вода» олицетворяют собой две из четырех природных стихий. Так что, как считает исследователь, греки, которые выразили готовность подчиниться Персии, были готовы предложить «естественные материалы» (the natural materials) как предварительное условие для заключения соглашения¹.

Э. Курт также говорит о типично иранских корнях обычая, обращая при этом специальное внимание на сообщение армянского автора Фавста Бузанда, где описываются меры, направленные персидским царем сасанидского Ирана Шапуром II (310–379 гг. н. э.) на то, чтобы выяснить, можно ли доверять прежде мятежному подданному армянскому царю Аршаку, когда он приносит клятвы верности². Фавст сообщает, что половина палатки, в которой два правителя должны были встретиться для церемонии принесения клятв, была покрыта землей и водой из Армении; затем персидский царь должен был наблюдать за речью армянского правителя. В результате, всякий раз как армянский правитель стоял на своей собственной «родной земле и воде» он всегда говорил правду (т. е. его неподчинение и ненадежность стали очевидны), а когда он стоял на «царской» почве, он выказывал повиновение и раболепие (Faustus. IV. 54). Это сообщение подчеркивает, что в представлении персов «родная» земля и вода должны были иметь особое символическое значение и мотивировали поступки людей. Их предоставление в качестве знака подданства могло быть равносильно клятве в верности³.

Трудно сказать с определенностью, требовали ли Ахемениды клятвы верности на «своей земле и воде» подобно тому, как этого потребовал Шапур от Аршака, или ограничивались получением земли и воды как традиционного дара, но символическое значение дароприношения земли и воды очевидно. Об этом говорит и хрестоматийный пример поступка спартанцев, сбросивших глашатаев Дария I в колодезь и велевших им оттуда принести землю и воду (Hdt., VII, 133). Геродот говорит, что в 481 г. до н. э. одни персидские глашатаи возвратились из Греции с пустыми руками, другие несли землю и воду (Hdt., VII, 131). Выражение здесь οἱ φέροντες δὲ γῆν καὶ ὕδωρ довольно показательно: оно означает, что посланцы царя

Персии действительно несли своему господину то, что могло быть расценено как знаки покорности⁴. Наконец, и сиракузский тиран Гелон, занимая выжидательную позицию во время похода Ксеркса, направил в Дельфы Кадма, сына Скифа, повелев ему в случае персидской победы принести царю не только сокровища, но и землю и воду от подвластных ему городов (Hdt. VII. 163).

Персы не исключали и некой иносказательности при приношении и интерпретации даров, и лучше всего об этом свидетельствует эпизод, который произошел еще во время скифского похода Дария I. Из рассказа Геродота известно, что персидские монархи могли посчитать знаками покорности не только принесенные глашатаями землю и воду, но и все то, что связано с этими природными стихиями (Hdt., IV, 132; cf. Athen., VIII, 9).

В схолиях к драме Эсхила «Персы» содержится довольно любопытная информация о процедуре получения глашатаями земли и воды от греков. По данным составителя схолий, Дарий I после неудачи экспедиции Мардония «послал афинянам корзину, чтобы туда принять от них землю и воду и быть повелителем земли и моря» (ἐπέμψεν Ἀθηναίοις σπυρίδα, γῆν καὶ ὕδωρ αὐτῶν ὡς δῆθεν δόξαί γῆς καὶ θάλαττα εἶναι κύριος) (Schol. Aesch. Pers., hyp. 8). Нет причин, чтобы усомниться в достоверности этого сообщения, которое демонстрирует, что земля и вода были среди обычных даров Великому царю и носили символический характер — служили выражением подданства.

На рельефах Ападаны (зала аудиенции) в царском дворце Персеполя присутствуют сцены, на которых, как обычно считают, изображены представители различных народов, приносящих дары и подати царю Персии⁵. Среди приносящих дары Ксерксу часто изображены люди с двумя небольшими чашами. Резонно предположить, что эти представители, находившиеся в составе делегаций, приносят царю Персии не что иное, как землю и воду в качестве знаков подданства. В этой связи следует упомянуть сообщение греческого историка IV в. до н. э. Динона Колофонского о том, что персидские цари хранили в своей сокровищнице в Сузах, наряду с прочим, воду, привезенную

⁴ Balcer J. M. The Persian Conquest of the Greeks. P. 205.

⁵ О дароприношении на рельефах Ападаны см.: Vogelsang W. J. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden; New York; Köln, 1992. P. 147–160; Sancisi-Weerdenburg H. Gifts in the Persian Empire. P. 136–137; Kuhrt A. The Achaemenid Persian Empire (c. 550–c. 330 B C E): Continuities, Adaptations, Transformations // Empires: Perspectives from Archaeology and History /Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison, K. N. Sinopoli. Cambridge, 2001. P. 106.

¹ Orlin L. L. Athens and Persia ca 507 B C. P. 265–266.

² Об этих событиях: Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363): A Documentary History. L., 1994. P. 211ff.

³ Kuhrt A. Earth and Water. P. 98.

из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах и могуществе Персидской державы (Dinon FGrHist. 690. F. 23b = Plut. Alex., 36).

Использование земли и воды в ритуале принесения клятв верности персидскому монарху также представляется вполне возможным. Именно в этом ключе можно интерпретировать заявление Геродота о том, что всякий раз, когда Великий царь Персии выступал в поход, он брал с собой серебряные сосуды с водой из реки Хоаспа, на которой были расположены Сузы; эти сосуды везли за царем множество четырехколесных повозок (Hdt., I, 188; cf. Ctesias FGrHist. 688. F. 37 = Athen., II, 23). «Отец истории» объясняет это тем, что царь во время похода пил только эту воду из Хоаспа ввиду ее особых качеств. Однако допустимо поставить вопрос: не нужна ли была вода из Хоаспа для процедуры принятия клятв от покоренных народов. Дидор (IX, 35, 3), как уже было замечено выше, сообщает, что еще Кир Великий в 545 г. до н. э. потребовал от послов греческих полисов Малой Азии принесения каких-то клятв верности, которые означали бы подчинение персидскому монарху не как союзников по соглашению, но как рабов, хотя, конечно, неизвестно, могли ли эти клятвы быть частью ритуала предоставления земли и воды царю.

Дж. Ненчи предложил довольно простое объяснение значению земли и воды — предоставившие землю и воду должны были признавать превосходство персидского царя на земле и на море (именно так ее могли понимать и греки)⁶. Подобным образом, например, в договорах Пелопоннесского союза его участники признавали гегемонию Спарты на суше и на море⁷. В целом же можно предположить, что если для персов земля и вода действительно могли иметь некоторое символическое значение, как показывает сообщение Фавста Бузанда (другое дело, было ли это связано с религией зороастризма), то для греков предоставление земли и воды могло означать как раз подчинение власти персидского царя на земле и на море (Schol. Aesch. Pers., hyp., 8).

Отсутствуют сведения о требовании персами земли и воды в период правления Кира и Камбиза. Объясняется ли это простым недостатком информации или же само явление появилось только

в более поздний период и может в полной мере ассоциироваться с имперской политикой Дария I? Этот вопрос пока не может быть разрешен в силу отсутствия данных (хотя иранские истоки этого обычая говорят скорее в пользу его существования уже со времени Кира)⁸. Во всяком случае, все эпизоды требования земли и воды относятся только к периоду правления Дария I и Ксеркса; из них один связан со скифским походом Дария I (Hdt., IV, 132); другой заявлен в связи с подчинением персами Македонии еще при Аминте I (Hdt., V, 17–18); в третьем случае требование земли и воды было предъявлено афинским послам, добивавшимся союза с Персией в 507 г. до н. э. (Hdt., V, 73); и наконец в четвертых, персидские цари Дарий I в 492/1 г. до н. э. (Hdt., VI, 48–49; VII, 32, 133) и Ксеркс в 481 г. до н. э. (Hdt., VII, 32, 132–133; Diod., XI, 2, 3; Paus., III, 12, 7; Plut. Them., 6) направили своих глашатаев (οἱ κήρυκες) в Грецию с требованием земли и воды (γῆς καὶ ὕδαρ) в качестве одного из мероприятий по подготовке к военному походу против греков. Наличие всего лишь нескольких эпизодов, в которых фигурирует требование земли и воды, делает необходимым прояснение еще одного вопроса: была ли эта практика *sine qua non* подчинения различных народов и государств Персии или она применялась только в особых случаях? Нам представляется более вероятным первый вариант.

Требованием земли и воды персы решали сразу несколько задач в своей внешней политике. Во-первых, они получали «новых подданных», т. е. расширяли собственную державу, без военных действий (на что справедливо обратила внимание Э. Курт⁹); во-вторых, они отделяли тех, которые подчинились добровольно, от тех, которые должны были подчинены силой с использованием военных контингентов, предоставленных в том числе народами и государствами, давшими Великому царю землю и воду; в-третьих, требование земли и воды давало персидским царям хорошую возможность для проведения политики *разоблачения потенциального противника* для его последующего подчинения¹⁰. В этой связи весьма симптоматичным выглядит обращение Ксеркса к греческим полисам, которые уже предоставили

⁸ Дж. Коуквелл, например, считает, что этот обычай мог уже существовать при Кире Великом в его политике по отношению к греческим городам (Cawkwell G. L. The Greek Wars.. P. 40, 52). Но это мнение не находит прямого подтверждения в источниках.

⁹ Kuhrt A. Earth and Water. P. 87–99.

¹⁰ Об этом направлении в персидской политике см.: Рунг Э. В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. № 12. С. 66–77 (сделан акцент на роль финансовых средств).

⁶ Nenci G. La formula della richiesta della terra e dell'acqua nel lessico diplomatico achemenide // Linguaggio e terminologia diplomatica dall'antico oriente all'impero bizantino. Atti del Convegno Nazionale, Genova 19 Novembre 1998. Serta Antiqua et Mediaevalia IV / Ed. M. G. A. Bertinelli e L. Piccirilli. Roma, 2001. Passim.

⁷ Bolmarsich S. Thucydides 1.19.1 and the Peloponnesian League. P. 17, 22–23.

землю и воду царю Дарию десятилетием ранее; в то же время он не направил своих глашатаев с аналогичным требованием в Афины и Спарту по причине их расправы над персидскими глашатаями в 491 г. до н. э. (Hdt., VII, 133). На этом основании можно предположить, что символическое преподнесение земли и воды повторялось после воцарения в Персии каждого нового монарха и должно было означать возобновление отношений подданства с новым персидским владыкой, хотя, конечно, отсутствие собственно восточных письменных свидетельств препятствует окончательным выводам на сей счет.

Вероятно, цель персидской дипломатии в отношениях с греками не должна была существенно отличаться от аналогичной в отношениях с другими народами. Убеждая греков предоставить Великому царю землю и воду и тем самым признать себя его подданными, персидские глашатаи должны были поведать грекам о силе и могуществе царя и о его безграничной империи. Афинский оратор Эсхин сохранил уникальную в своем роде информацию о содержании персидских посланий грекам. Он сообщает, что царь (в этом случае оратор называет Ксеркса) в своих письмах к грекам именовал себя «владыкой всех народов от востока до заката» — ὁ τολμῶν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν, ὅτι δεσπότης ἐστὶν πάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυσμένου (Aesch., III, 132, 5). Выражение, возможно, почерпнуто из действительного письма, содержащего обращение царя Персии к грекам (хотя оно и не находит дословных аналогий в царских надписях из дворцов Персеполя и Суз). Между тем довольно близкие параллели обнаруживают заявления Дария I и Артаксеркса II о себе как о царях в земле великой и протяженной (DNa. 11–12; A2Hc. 15–20); в надписи Дария I из Персеполя царь говорит о границах своего могущества: от скифов, что за Согдианой, до Эфиопии, от Синда до Сард (DPh. 3–10), а в ряде надписей даже приводится перечень тех стран, над которыми властвовали персидские монархи «милостью Ахурамазды» (DB., I. 12–17; DPe., 5–18; DNa., 15–30; DSm., 3–11; XPh., 13–28).

* * *

В то же время, направляя своих глашатаев в Грецию, персидские монархи могли рассчитывать на значительную активизацию персифильского движения, или, как называли его сами греки, мидизма¹¹.

¹¹ О мидизме см. подробнее нашу статью: Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.

Вполне определенно, что во многих греческих государствах от северной Греции до Пелопоннеса действовали сторонники добровольного подчинения и дальнейшего сотрудничества с персами: в Фессалии таковыми были представители лариссейской династии Алевадов (Форак и его братья Эврипил и Фрасидей: Hdt., IX, 1, 58; Ctesias FGrHist. 688. F. 13); в трахинской области — Каллиад и Тимаферн (Ctesias FGrHist. 688. F. 13); в Беотии: в Фивах — лидеры олигархов Аттагин, сын Фринона (Hdt., IX, 15–16, 86, 88; Athen., IV, 30; Paus., VII, 10, 2; Plut., De Her. malign., 864 F) и Тимегенид, сын Герпия (Hdt., IX, 38, 86–87; Paus., VII, 10, 2)¹², в Орхомене — некий Ферсандр (Hdt., IX, 16); на Эгине в 490 г. до н. э. Крисос, сын Поликрита и Кисамб, сын Аристократа (Hdt., VI, 73); в Эретрии в 490 г. до н. э. — Эвфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Киней (Hdt., VI, 101), и в 480 г. до н. э. — очевидно, Гонгилл (Thuc., I, 128. 6; Xen., Hell., III, 1, 6; Diod., XI. 44. 3); в Афинах — сторонники Писистратидов; так называемые «друзья тиранов» во главе с Гиппархом, сыном Харма (Arist. Ath. pol., 22, 4, 6; Androtion FGrHist. 324, F. 6 = Harpocrat., s.v. Ἰππάρχος ὁ Χάρμου; Phot., s.v. Ἰππάρχος)¹³. В то же

¹² Властные полномочия Аттагина и Тимегенида в Фивах отмечает Геродот (IX, 86), называя их ἀρχαγῆται ἀνα πρώτους — «предводителями первых граждан», вождями олигархов (ср., например: Thuc., III, 62, 3). Плутарх, хорошо знавший местную беотийскую традицию, объясняет мидизм Аттагина тем, что он стал φίλος καὶ ξένος царя Ксеркса, причем отмечает роль Демарата в оформлении отношений ксении этого фиванца с царем, поскольку Аттагин и Демарат сами были связаны ксенией. (De Her. malign., 864f).

¹³ Некоторые исследователи говорили о существовании в Афинах даже «проперсидской партии», под которой подразумевали как раз сторонников Писистратидов — «друзей тиранов» (Robinson C. A. 1) The Struggle for Power at Athens. P. 232–237; 2) Athenian Politics, 510–486 B.C. P. 243–254; Gomme A. W. Athenian Notes. P. 321–331. Против мнения о существовании «проперсидской партии» см.: McGregor M. F. The Pro-Persian Party at Athens. P. 71–95; Kinzl K. Athens Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer on the Occasion of his Eightieth Birthday. B.; N.Y., 1977. P. 213. Расхождения между исследователями касаются главным образом вопроса о правомочности употребления слова «партия» по отношению к политической жизни в Афинах, но, пожалуй, почти все соглашаются с тем, что Писистратиды и их сторонники были расположены в пользу Персии (об этом подробнее см.: Суриков И. Е. 1) Из истории греческой аристократии... С. 176; 2) Политическая борьба в Афинах... С. 124; 3) Функции института остракизма... С. 26; 4) Остракизм в Афинах. С. 326–327). Насколько известно, только Дж. Холлэдэй, вопреки общему мнению доказывает, что даже Гиппирх, сын Харма, был добропорядочным афинянином, не замешанным ни в связях с тиранами, ни в отношениях с Персией (Holladay A. J. Medism in Athens. P. 188–190). Гиппарх, сын Харма, был изгнан остракизмом уже через пару лет после битвы при Марафоне — в 488/7 г. до н. э. (Arist., Ath. pol., 22, 4, 6; Androtion FGrHist. 324, F. 6 = Harpocrat., s.v. Ἰππάρχος ὁ Χάρμου; Phot., s.v. Ἰπ-

время вопрос о персофильстве других политических группировок в Афинах решается далеко не столь однозначно — так, недоказанным является факт мидизма Алкмеонидов¹⁴); в Спарте — очевидно, сторонники бывшего царя Демарата. Можно полагать, что, выступая за подчинение Персии, лидеры местных персофилов, обычно влиятельные представители аристократических семейств¹⁵, рассчитывали на сохранение или даже укрепление влияния в своих собственных государствах, надеялись на помощь персов в утверждении их тиранами по примеру малоазийских тиранов или персидскими наместниками¹⁶. Наконец, персофилы могли стремиться к занятию привилегированного положения при персидском царском дворе и получению от этого политических и материальных преимуществ. Между тем, убеждая своих сограждан предоставить персидским глашатаям землю и воду, лидеры персофилов указывали на могущество Персии и на бесполезность сопротивления. Кульминации страх перед персид-

παρχος). Его в числе других изгнанников, видимо, имеет в виду Геродот (VII, 6), когда сообщает о прибытии неких Писистратидов в Сузы (τοῦτο δὲ Πεισιστρατιδῶν οἱ ἀναβεβηκότες ἐς Σούσα) как раз после 486/5 г. до н. э. — года восшествия Ксеркса на престол; они побуждали царя к походу против Эллады и привезли с собой афинянина Ономакрита — толкователя оракулов (Hdt., VII, 6). В дальнейшем Писистратиды участвовали в походе Ксеркса (Hdt., VIII, 52).

¹⁴ Алкмеониды также подозревались в измене в пользу персов, как об этом можно судить, во-первых, по рассказу Геродота (VI, 123–124) о сигнале, поданном щитом во время Марафонской битвы, а также по материалам острака, свидетельствующих об изгнании из Афин некоторых представителей Алкмеонидов (об этом см.: Reynolds B. P. K. The Shield Signal at the Battle of Marathon // JHS. 1929. Vol. 49. Pt. 2. P. 100–105; Hudson H. G. The Shield Signal at Marathon // AHR. 1937. Vol. 42. № 3. P. 443–459; Hodge A. T., Losada L. A. The Time of the Shield Signal at Marathon // AJA. 1970. Vol. 74. № 1. P. 31–36; Gillis D. 1) Marathon and Alcmaeonids. P. 133–145; 2) Collaboration with the Persians. P. 45–58; Суриков И. Е. 1) Из истории греческой аристократии... С. 73; 2) Остракизм в Афинах. С. 328–330; Владимирская О. В. Алкмеониды и мидизм в Афинах во время Греко-персидских войн // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 43–48).

¹⁵ Представляется интересным замечание Ч. Робинсона о том, что мидизм был «признаком олигархии» (hallmark of oligarchy) (Robinson C. A. Athenian Politics. P. 247).

¹⁶ О положении греков на персидской службе в качестве наместников-тиранов в греческих городах Малой Азии см., например: Graf D. Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / Ed. by J. W. Eadie & J. Ober. Lanham, 1985. P. 79–123; Austin M. M. Greek Tyrants and the Persians. P. 289–306; Luraghi N. Un Gran Re e i tiranni. Per una valutazione storica delle tirannidi in Asia Minore durante il regno dei primi Achemenidi // Klio. 1998. Bd. 80. Ht. 1. S. 22–46. О привилегиях греков в Персии см.: Briant P. Dons de terres et de villes: l'Asie Mineure dans le contexte achéménide // REA. 1985. T. 87. P. 53–72.

ским могуществом среди греков несомненно достиг накануне грандиозного похода Ксеркса. Показательно употребляемое Геродотом выражение «великий страх» (δεῖμα μέγα) (VII, 138; ср.: VIII, 36) в повествовании об умонастроении греков в преддверии персидского вторжения 480 г. до н. э.: «Некоторые из них уже дали персидскому царю “землю и воду” и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе (ἐν δέϊματι μεγάλῳ)... Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но ревностно сочувствовало персам (μηδίζοντων δὲ προθύμως)».

Страх греков перед персидской мощью использовал и Ксеркс в своей политической пропаганде¹⁷. Геродот комментирует освобождение царем Ксерксом эллинских соглядатаев (κατάσκοποι) после того, как они оказались в руках персов, следующим образом: «Ксеркс... повелел телохранителям водить эллинов повсюду и показать им все персидское войско: как пехоту, так и конницу, а когда они вдоволь насмотрятся, отпустить невредимыми, куда захотят идти. Царь объяснял этот свой приказ вот как: если бы соглядатаи погибли, то эллины не узнали бы заранее, сколь велики его силы, а казнь трех человек не принесет большого вреда врагу. Напротив, если они возвратятся в Элладу, то эллины, по его мнению, услышав рассказы о его могуществе, откажутся от своей свободы, и поэтому тяжелый поход против них вовсе будет не нужен» (Hdt., VII, 146–147). В то же время, в тех городах, где действовали сторонники персов, существовали и антиперсидские группировки, которые выступали как против подчинения своих государств Персии, так и против местных персофилов. Активность антиперсидских сил проявляется в ряде греческих государств: в Фессалии они выступали за присоединение фессалийцев к Эллинскому союзу в 481 г. до н. э. (Hdt., VII, 172, 174)¹⁸; в Фивах — возможно, направили контингенты в объединенные

¹⁷ О персидской политической пропаганде в период Греко-персидских войн см.: Kelly T. Persian Propaganda... P. 173–219; Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5 / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2006. С. 29–42.

¹⁸ Трудно судить о том, кто были эти противники персов в Фессалии. Г. Уэстлейк полагал, что это были политические противники Алеватов — династия Эхекратидов из Фарсала (Westlake H. D. The Medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 17). Однако Н. Робертсон доказывал, что сторонники объединения сил с эллинами находились среди официального руководства Фессалийского союза (Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC // JHS. 1976. Vol. 96. P. 108).

силы эллинов (Diod., XI, 4, 7); в Афинах и Спарте добивались ведения войны против персов и организации антиперсидской коалиции в масштабах всей Греции¹⁹.

2. Требование земли и воды Дарием I в 492/1 г. до н. э.

Обратимся к обстоятельствам направления царем Дарием I глашатаев в Грецию как одному из мероприятий подготовки к военному походу в 491 г. до н. э. На этот счет Геродот замечает: «После этого Дарий сделал попытку разведать замыслы эллинов: думают ли они воевать или предпочитают сдаться (ὅτι ἐν νόῳ ἔχουσιν, κότερά πολεμέειν ἢ οὐτῷ ἢ παραδιδόναι). Для этого Дарий послал глашатаев в разные города по всей Элладе с повелением требовать для царя землю и воду (διέπεμπε ὦν κήρυκας ἄλλους ἄλλη τάξας ἀνὰ τῆς Ἑλλάδα, κελεύων αἰτέειν βασιλεῖ γῆν τε καὶ ὕδωρ). Этих-то глашатаев он посылал в Элладу, а других отправлял в приморские города, платившие ему дань, приказывая строить военные корабли и грузовые суда для перевозки лошадей. Эти города-данники взялись поставлять царю эти корабли, а многие материковые города дали прибывшим в Элладу глашатаям то, что им повелел персидский царь. Также поступили и все островные города, куда являлись глашатаи с подобным требованием (τοῖσι ἡκουσι ἐς τὴν Ἑλλάδα κήρυξι πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων ἔδοσαν τὰ προίσχετο αἰτέων ὁ Πέρσης, πάντες δὲ νησιῶται ἐς τοὺς ἀπικόιατο αἰτήσοντες)» (Hdt., VI, 48–49).

Еще К. Ю. Белох усомнился в историчности миссии персидских глашатаев 491 г. до н. э. на том основании, что действительной целью Дария I было наказание Эретрии и Афин за помощь восставшим ионийцам, а не подчинение всей Балканской Греции. Реальным же исследователь признает только направление глашатаев Ксерксом в 481 г. до н. э.²⁰ Некоторые исследователи поддержали такую трак-

¹⁹ В Афинах это были, прежде всего, в 490 г. до н. э. — Мильтиад, сын Кимона, и Фемистокл, а в 480 г. до н. э. — преимущественно Фемистокл (Суриков И. Е. 1) Из истории греческой аристократии... С. 177–178; 2) Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 352 сл.). В Спарте: в 490 г. до н. э. — Клеомен I, а в 480 г. до н. э. — цари Леонид и Леотихид (См.: Печатникова Л. Г. Спарта. С. 136, 142 сл.).

²⁰ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 2. Abt. 1. S. 40, Anm. 6.

товку событий²¹. Другие же современные историки доверяют сведениям Геродота в отношении персидской дипломатической миссии в Грецию в 491 г. до н. э.²² На наш взгляд, также следует поддержать заявление Геродота о посещении глашатаями Дария I греческих полисов в 491 г. до н. э., тем более что это соответствует мнению его современников о цели персидских походов против эллинов в 492 г. до н. э. и 490 г. до н. э., которое он выразил в своем труде. Приступая к своему рассказу об экспедиции Мардония против Эретрии и Афин, Геродот пишет: «Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода (πρόσχημα ἦσαν τοῦ στόλου). В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов» (Hdt., VI, 44). В другом месте «отец истории» проводит ту же мысль в сообщении о причинах экспедиции Датиса и Артаферна в 490 г. до н. э.: «Дарий намеревался под предлогом похода на афинян (ἐχόμενος τῆς προφάσιος) подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды (μὴ δόντας αὐτῷ γῆν τε καὶ ὕδωρ)» (Hdt., VI, 94). Следует принять во внимание также то, что Мардоний в 492 г. до н. э. принял тот же маршрут для вторжения в Грецию, которым позднее пошел Ксеркс. И если Дарий в действительности не планировал военного завоевания балканских греков в 490 г. до н. э., направив войска непосредственно против двух полисов — Эретрии и Афин, то только потому, что ряд греческих государств согласился подчиниться.

Итак, после неудавшейся экспедиции Мардония Дарий наверняка должен был стремиться обеспечить подчинение греков прежде всего невоенными, дипломатическими средствами — требованием земли и воды (на что справедливо обратила внимание Э. Курт). Но сведения Геродота в отношении первой персидской дипломатической миссии в Грецию 491 г. до н. э., как правильно отмечают современные историки, не свободны от некоторых внутренних противоречий²³. Тем не менее они нуждаются в объяснении, а не свидетельствуют

²¹ Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Kaiserzeit. München, 1960. S. 47; Will Éd. Le monde grecque et l'Orient. P. 96–98; Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. P. 87. М. Царнт обсуждает различные точки зрения в отношении направления глашатаев Дарием I в Грецию в 491 г. до н. э. и приходит к выводу, что аргументы против историчности этой миссии более весомы (Zahrnt M. Die Mardinoszug... S. 276–279).

²² См.: Kraft K. Bemerkungen zu den Perserkriegen // Hermes. 1964. Bd. 92. Ht. 2. S. 144–153; Sealey R. The Pit and the Well: The Persian Heralds in 491 B C. // CJ. 1976. Vol. 72. № 1. P. 13–20; Green P. The Greco-Persian Wars. P. 29.

²³ Zahrnt M. Die Mardinoszug. S. 276–277.

столь однозначно против историчности миссии персидских глашатаев в Грецию в 491 г. до н. э. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что Геродот сообщает о предоставлении земли и воды глашатаям Дария I «многими жителями материка» (πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων) и «всеми островитянами» (πάντες δὲ νησιῶται); в реальности же «отец истории» акцентирует внимание только на подчинении Эгины (Hdt., VI, 49)²⁴ и персофильской позиции Пароса в связи с паросской экспедицией Мильтиада Младшего (Hdt., VI, 133). Поэтому следует задаться вопросами: какие еще греческие полисы выразили готовность подчиниться Персии в тот период и насколько соответствует истине утверждение Геродота о подобных действиях со стороны всех островитян. По мнению У. Хау и Дж. Уэллса, выражение πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων совершенно не ясное и, возможно, даже преувеличенное (the expression is vague and perhaps exaggerated); хотя, как считают авторы комментария к труду Геродота, заявить о своем подчинении персидскому царю Дарию могли Фессалия, Беотия, Аргос и Дельфы²⁵.

Существующие же данные подтверждают факт предоставления земли и воды только от фессалийцев и зависимых от них этнических общностей северной Греции (магнетов, эниенов, перребов, долопов, фтиотидских ахейцев и ряда других) в 491 г. до н. э.²⁶ По словам Геродота (III, 96; VII, 108), уже при царе Дарии I вся Эллада, вплоть до Фессалии, была поработана и платила подать царю, и эти сведения подтверждает Фукидид (VIII, 43, 3)²⁷. Очевидно, мидизм фессалийцев мог восходить или к 513 г. до н. э., или же к 492 г. до н. э.: эти даты выступают как *terminus post quem* для начала отношений лариссейской династии с Персией²⁸. В первый год подвластными

²⁴ О мидизме Эгины см. подробнее: Leahy D. M. Aegina and the Peloponnesian League // CPh. 1954. Vol. 49. № 4. P. 235–238.

²⁵ How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 2. ad. loc. Подобный подход разделяет и Т. Келли (Kelly T. Persian Propaganda. P. 182–183).

²⁶ Это и могли быть πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων, которые, согласно Геродоту, предоставили землю и воду Дарию I. Объяснения мидизма в Фессалии см. в работах: Westlake H. D. 1) The Medism of Thessaly. P. 12–25; 2) Thessaly in the Fourth Century B C. Cambridge, 1935. P. 30; Brunt P. The Hellenic League against Persia // Historia. 1953/4. Bd. 2. Ht. 1. P. 162–163; Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC // JHS. 1976. Vol. 96. P. 102–108; Keaveney A. The Medisers of Thessaly. P. 30–38; Blösel W. Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert / Historia. Einzelschriften, 183. Stuttgart, 2004. S. 108ff.

²⁷ П. Брант полагает, что строки Геродота не должны подразумевать, что Фессалия была подчинена персам (Brunt P. A. Studies in Greek History and Thought. Oxford, 1997. P. 80).

²⁸ Westlake H. D. The Medism of Thessaly. P. 15.

персам стали Фракия и Македония, ко второму — относится экспедиция Мардония, в ходе которой персидские войска достигли северной Греции. Несомненно, 513 г. до н. э. даже более предпочтителен по ряду причин. Во-первых, именно к этому году следует относить персидскую делегацию к Аминте I, царю Македонии, с требованием земли и воды (Hdt., V, 17–18), и не исключено, что такая делегация могла посетить также и соседнюю Фессалию. Во-вторых, в поздней исторической традиции сохранились сведения о некой милетянке, гетере Фаргелии, дочери Аксиоха, которая сожительствовала с 14 мужчинами, и в конечном итоге стала супругой «царя всех фессалийцев» Антиоха, сына Эхекратиды и Диседериды (о нем: Sim., F. 34 Bergk; Theocr., XVI, 34 cum schol.; Ael. Arist., I, 127; Quintil. XI, 2, 14), убедила его занять сторону Персии, а непосредственно после его смерти в течение 30 лет правила в Фессалии и обеспечила прием царя Ксеркса (Plut. Per., 24, 3; Paradox. Gr., 11; Hippias FGrHist. 6. F. 3–4; Gorgias ap. Philostr. Ep., 73; Aesch. Socr. fr. 21–22; Suid., s.v. Θαρρηλία; Etym. Magn., s.v. Θαρρηλία; Hesych., s.v. Θαρρηλία)²⁹.

Смерть Антиоха следует датировать в диапазоне 515–511 гг. до н. э.³⁰ В то же время 10-я Пифийская ода Пиндара определенно от-

²⁹ Первым «царем» Фессалии источники единодушно называют Алева Рыжего, который, согласно традиции, разделил Фессалию на тетрады и установил принципы комплектования войска (Aristot. F. 497–498 Rose; Plut., Mor., 492B; Phot., s.v. Ἀλευάδαι; Suid., s.v. Ἀλευάδαι; cf. Wade-Gery H. T. Jason of Pherae and Aleuas the Red // JHS. 1924. Vol. 44. Part. 1. P. 55–64; Светилова Е. И. Образование Фессалийского союза // Античный вестник. Вып. 1. Омск, 1993. С. 91–97). Многие исследователи полагают, что так называемые «цари» были фактически выборными магистратами Фессалийского союза в должности тага (Westlake H. D. The Medism of Thessaly. P. 13–15; Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 58–59; Keaveney A. The Medisers of Thessaly. P. 34). Однако Н. Робертсон доказывал, что титул βασιλεύς не был эквивалентом выборной должности τάγος, но относился, скорее всего, к положению Алевадов как наследственных правителей Лариссы — представителей «местной» δυναστεία (Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC. P. 104–108). На наш взгляд, вполне определенная тенденция античных авторов к утверждению о существовании βασιλεία в масштабах всей Фессалии может свидетельствовать скорее в пользу большей централизации Фессалийского союза, чем это обычно предполагают современные исследователи. Едва ли поэтому титул «царь» Фессалии / фессалийцев мог быть эквивалентен титулу выборного магистрата — тага (к тому же сама ταγεῖα не удостоверяется в источниках по отношению к VI–V в. до н. э.).

³⁰ Согласно Г. Уэстлейку — 515 г. до н. э. Terminus ante quem смерти Антиоха — 511 г. до н. э., когда, согласно Геродоту (V, 63), фессалийская конница пришла на помощь Писастратидам во главе с неким царем Кинеем из рода Скопадов (из Краннона, если верно исправление топонима Γανναῖον на Κρανώνιον) для ведения военных действий против Клеомена I, царя Спарты. Г. Уэстлейк высказал предположение, что Антиох должен был принадлежать к фессалийской династии Эхекратидов из Фарсала и занимал

носит политическую деятельность Форака и его братьев Алевадов, которых Геродот (VII, 6) называет «царями Фессалии» (Θεσσαλίας βασιλῆες), по крайней мере к 498 г. до н. э. (Pind. Pyth., 10). Остается примерно десятилетний период пребывания Фаргелии в Фессалии, после которого она могла стать супругой Форака, сына Алева II, и уже в качестве таковой побудить лариссеейской династа предоставить землю и воду сначала глашатаям Дария I, а затем спустя десять лет и глашатаям Ксеркса. Самое раннее свидетельство о дипломатических контактах Форака и его братьев Эврипила и Фрасидея с персами относится к событиям после сражения при Марафоне 490 г. до н. э. По словам Геродота (VII, 6), в год восшествия Ксеркса на царский престол — 486/5 г. до н. э., послы от Алевадов прибыли в Сузы и призывали персидского царя совершить поход против Греции — ἀπὸ τῆς Θεσσαλίας παρὰ τῶν Ἀλευαδέων ἀπικύμενοι ἄγγελοι ἐπικαλέοντο βασιλέα πᾶσαν προθυμίην παρεχόμενοι ἐπὶ Ἑλλάδα³¹.

Что же касается других греческих государств, которые выразили подчинение глашатаям Дария I, то их состав неизвестен. Мы не

должны тага Фессалийского союза (фактически же он должен был обладать династической царской властью в Фессалии). Исследователь полагает, что Антиох умер ок. 515 г. до н. э., и Фаргелия могла обладать высшей властью в Фессалии до возвышения Алевадов ок. 486 г. до н. э., когда они направили послов ко двору Ксеркса. По мнению Г. Уэстлейка, Фаргелия могла стать супругой Алевада Форака и способствовать таким образом установлению контактов лариссеейской династии с Персией (Westlake H. D. The Medism of Thessaly. P. 13, 16). Однако Дж. Моррисон, основываясь на ряде сообщений античных авторов, предположил, что Антиох, сын Эхекратиды, тоже принадлежал к роду Алевадов; таким образом, по его мнению, во второй половине VI — начале V в. до н. э. власть в Фессалии должна была все еще находиться в руках представителей династии потомков Алева Рыжего (Morrison J. S. Meno of Pharsalus, Polycrates, and Ismenias // CQ. 1942. Vol. 36. № 1/2. P. 59ff). Интересное решение проблемы, в частности, предложил Г. Берве, по мнению которого Эхекратиды, хотя и были связаны родственными узами с семьей Алевадов из Лариссы, могли править в Фарсале (Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 229).

³¹ Традиция о призвании Ксеркса в поход на Элладу находит отражение также в «Фессалийской политике» софиста и историка Крития, который объясняет этот призыв приверженностью местной аристократии персидскому образу жизни: «Все соглашались, что фессалийцы... были самыми расточительными среди греков в одежде и образе жизни и именно поэтому они побуждали персов напасть на греков, восхищаясь их роскошью и расточительностью» (Critias FHG. II. F. 69 = Athen., XII, 33). Эта традиция, представленная у автора второй половины V в. до н. э., имеет более позднее происхождение, ибо объясняет персофильскую позицию фессалийцев не политическими, но социокультурными факторами. П. Брант и Э. Кивни, следуя в некотором роде Геродоту (VIII. 27–33), высказали предположение, что фессалийцы приглашали Ксеркса в поход против Греции, надеясь на помощь персов в борьбе с их традиционным врагом — фокидянами (Brunt P. A. Studies in Greek History and Thought. P. 80; Keaveney A. The Medisers of Thessaly. P. 30).

можем сказать с определенностью, были ли среди них Дельфы, Беотийский союз или Аргос. О мидизме дельфийцев Геродот вообще ничего не сообщает, и, более того, его описание позиции Дельфов в период нашествия Ксеркса ставит под сомнение предположение, согласно которому историк относил этот полис к числу согласившихся подчиниться персидскому царю³². Фиванцы также очевидно предоставили землю и воду только царю Ксерксу; по крайней мере, об их прежнем мидизме ничего не известно. Поступил ли таким же образом Аргос, неизвестно, но тот факт, что греки в 481 г. до н. э. приглашали аргосцев присоединиться к Эллинскому союзу против Персии (Hdt., VII, 145; 148–152), предполагает скорее то, что они не предоставили землю и воду Дарию I.

Не ясно также, каких островитян Геродот имеет в виду, кроме Эгины и Пароса, поскольку многие островные греческие полисы стали уже подвластны Дарию I задолго до 491 г. до н. э. — Хиос (Hdt., VI, 31), Самос (Hdt., III, 140–149), Лесбос (Hdt., VI, 31), Тенедос (Hdt., VI, 31), Лемнос и Имброс (Hdt., V, 25–26), Фасос (Hdt., VI, 29; 44, 46–48). Другие полисы, однако, отказались подчиниться персам, а некоторые даже оказали сопротивление уже во время похода Датиса и Артаферна против Греции, и, таким образом, надо думать, они также не предоставили землю и воду в 491 г. до н. э.: Наксос (Hdt., VI, 96), Делос и Тенос (Hdt., VI, 97, 118), Карист (Hdt., VI, 99), Родос (Chron. Lind., XXXII, 65–74), возможно, также Кос (Hippocr. Ep., 9; 27). Таким образом, утверждение Геродота о том, что πάντες νησιῶται, к которым явились глашатаи Дария, предоставили царю землю и воду в 491/0 г. до н. э., по всей вероятности, может быть признано верным лишь отчасти³³.

С другой стороны, действительно, очень многие острова Эгейского моря оказались подвластны персам и, вероятно, оставались подвластны им даже в период с 490 по 480 гг. до н. э. Эсхил в «Персах» говорит о контроле Дария над рядом греческих островов: Самосом, Лесбосом, Хиосом, Паросом, Миконосом, Наксосом, Андросом, Икаром, Книдом, Лемносом и Родосом (Aesch. Pers., 880–891; о

³² Вопрос о позиции Дельф в период Греко-персидских войн специально разбирала О. В. Кулишова, которая справедливо отмечала, что обвинения в мидизме дельфийцев не были отражены в античной традиции и присущи скорее некоторым исследователям XX века, судившим о персофильской позиции Дельф на основании изучения материала источников, прежде всего текста Геродота (Кулишова О. В. 1) Дельфийский оракул в Греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17; 2) Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). С. 255–256).

³³ Kelly T. Persian Propaganda. P. 184.

персидской власти над Миконосом см.: Hdt., VI, 118). Вероятно, когда Геродот говорил о том, что «все островитяне» предоставили Дарию I землю и воду, он находился под впечатлением того обстоятельства, что некоторые островные полисы, не присоединившиеся добровольно к Эллинскому союзу после сражений при Саламине в 480 г. до н. э. или Микале в 479 г. до н. э., были обвинены в мидизме и подвергнуты осаде (Андрос: Hdt., VIII, 111, 121; Парос и Карист: Hdt., VIII, 112, 121; Родос: Plut. Them., 21), хотя прежде заняли сторону Персии под угрозой военного порабощения во время экспедиции Датиса и Артаферна.

3. Позиция Спарты по вопросу предоставления земли и воды

В историографии дискутируется вопрос о том, какой царь Персии направил своих глашатаев в Спарту и в Афины — Дарий I или Ксеркс³⁴. В пользу Дария существует непосредственное указание Геродота (VIII, 133), но некоторые сообщения более поздних авторов, казалось бы, могут относить прибытие персидских глашатаев в Афины (Aesch., III, 132, 5; Plut. Them., 6; Suid., s.v. Ξέρξης) и Спарту (Theseus FHG. IV. F. 2 = Stob. Flor., VII, 70) ко времени царя Ксеркса³⁵.

³⁴ К. Ю. Белох признает историчным только посольство в Спарту, которое он датирует 481 г. до н. э. По мнению исследователя, маловероятно, что в этом году Ксеркс послал своих глашатаев в Афины, которые находились в состоянии войны с персами со времени Ионийского восстания (Beloch K. J. Griechische Geschichte. S. 40, Anm. 6; Will Éd. Le monde grecque et l'Orient. P. 96–98; Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. P. 87; критику этой точки зрения: Sealey R. The Pit and the Well. P. 13ff).

³⁵ Смешение двух персидских дипломатических миссий в Грецию, надо сказать, является типичной ошибкой античных авторов. Так, например, Геродот (V, 17–21) сообщает о направлении сатрапом Мегабазом послов в Македонию к Аминте I с требованием земли и воды царю Дарию I и убийстве этих послов по приказу сына македонского царя — Александра; однако Спесипп в своем письме к Филиппу II заявляет, что Александр убил послов, которых направил в Элладу персидский царь Ксеркс (Spreusipp., Ep. ad Philip., 8). Предоставление земли и воды ко времени похода Ксеркса относит Синкелл в своей «Хронографии» (Syncell., Chronogr. P. 469 Dindorfi). Об объявлении рассказа об убийстве посланцев Дария отражением проэллинистской пропаганды самого Александра см.: Borza E. N. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 101ff. Недостоверным этот эпизод считает и А. С. Шофман (Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 1. Казань, 1960. С. 120; 2). Македонская дипломатия в Греко-персидских войнах // Античный вестник. Вып. 1. 1993. С. 102–104).

Однако, на наш взгляд, нет необходимости подвергать сомнению сведения отца истории, который недвусмысленно заявляет: «В Афины же и Спарту Ксеркс не отправил глашатаев с требованием земли и воды, и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в баратрон, а спартанцы — в колодцы и велели им оттуда принести землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности» (Hdt., VII, 133). Таким образом, именно в 492/1 г. до н. э. спартанцы принимали глашатаев Дария I, прибывших требовать землю и воду. Действия спартанцев, сбросивших персидских посланцев в колодец — ἐς φρέαρ (Hdt., VII, 133), требуют некоторого пояснения. На первый взгляд, они производят впечатление импульсивной акции, за которой последовало раскаяние, вызванное чувством религиозного страха мести со стороны местного героя Тальфибия — покровителя глашатаев. Геродот сообщает о том, что ввиду неблагоприятных жертвоприношений и в качестве искупления за казнь глашатаев, спартанцы решили направить в Сузы, на этот раз уже к царю Ксерксу, своими послами добровольцев — Сперфия и Булиса, представителей знатных и богатых родов (Hdt., VII, 134). По сведениям отца истории, Ксеркс поступил великодушно и отпустил спартанцев назад (Hdt., VII, 136). Некоторые исследователи датируют эту миссию периодом уже после отражения нашествия Ксеркса в 479 г. до н. э.³⁶ Р. Сили, на наш взгляд, вполне справедливо высказал предположение, что это произошло непосредственно после 486 г. до н. э. — года восшествия Ксеркса на персидский престол. По мнению исследователя, «гораздо вероятнее, что это событие произошло до 480 г. до н. э., так как спартанцы имели больше причин добиваться персидской дружбы перед тем, как Ксеркс потерпел поражение в попытке завоевать европейскую Грецию»³⁷. Геродот не акцентирует внимания на позиции царя Клеомена I при изложении событий,

³⁶ Подробнее об этом см., правда, без точной датировки события: Курилов М. Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 134–135. В пользу 477 г. до н. э. как даты миссии Сперфия и Булиса: Hofstetter J. Zu den griechischen Gesandtschaften nach Persien // Beiträge zur Achämenidengeschichte / Hrsg. von G. Walser. Historia. Einzelschriften, 18. Wiesbaden, 1972. S. 98.

³⁷ Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 201–202. В пользу такой датировки: Cartledge P. Sparta and Laconia. P. 173. Д. Кинаст, Д. Хэды и Л. Митчелл относят миссию Булиса и Сперфия в Персию к 481/0 г. до н. э. (Kienast D. Presbeia. Sp. 619; Hegyi D. Die Formen und Auswirkungen der griechisch-persischen Beziehungen im 5. Jahrhundert v.u. Z. // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit der griechischen Polis. Berlin, 1985. S. 113; Mitchell L. G. Greek Bearing Gifts. P. 76).

связанных с убийством глашатаев в Спарте и с ответным спартанским посольством в Персию. Поэтому можно только предполагать, что Клеомен I поддержал действия спартанцев, казнивших глашатаев (может быть, даже был их инициатором). В соответствии с этой политикой он позднее начал войну против Эгины, которую афиняне обвинили в мидизме (Hdt., VI, 50, 73)³⁸.

Если Клеомен был причастен к казни глашатаев, то чем была мотивирована его позиция? Вероятно, этот спартанский царь, выступив десятью годами ранее против помощи восставшим ионийцам (Hdt., V, 49–51), теперь, когда речь шла о подчинении самого спартанского полиса Персии, мог пересмотреть свою прежнюю политику по отношению к восточной державе³⁹.

Второй царь, Демарат, личный враг Клеомена, если и не выступал открыто против казни глашатаев, то, надо думать, мог не поддержать это решение. Во-первых, Геродот сообщает о том, что вражда Демарата и Клеомена особенно обострилась во время экспедиции последнего на Эгину (Hdt., VI, 51). Во-вторых, последующее бегство Демарата, лишённого престола в Спарте вследствие интриг Клеомена и Леотихида, в Персию, ко двору Дария I после 491 г. до н. э.⁴⁰, также едва ли было случайным (Hdt. VI. 70): оно, вероятно, могло объясняться прежней позицией Демарата по «персидскому вопросу». Смерть царя Клеомена I ок. 488 г. до н. э. могла привести к попыткам спартанцев, возможно, неких «друзей» Демарата в Спарте, оправдаться перед персами в смерти глашатаев, а также к организации миссии Сперфия и Булиса⁴¹. В этой ситуации спартанские послан-

³⁸ Во время второго вторжения на остров, осуществленного уже вместе с другим царем, Леотихидом, Клеомен взял заложниками наиболее знатных из граждан и поместил их в Афинах для обеспечения верности эгинцев (Hdt., VI, 73). В историографии можно встретить довольно распространенное мнение, что Эгина в 491–490-х гг. до н. э. уже была членом Пелопоннесского союза, основанного прежде всего на том, что эгинцы, наряду с сикионцами, предоставили свои корабли Клеомену и Демарату во время их похода против Аргоса (Hdt., VI, 92). Это мнение не находит всеобщей поддержки и периодически оспаривается (*Leahy D. M. Aegina and the Peloponnesian League. P. 232–243; Figueira T. J. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League // CPh. 1981. Vol. 76. № 1. P. 1–24*).

³⁹ См. *Forrest W. G. A History of Sparta. L., 1992. P. 90*.

⁴⁰ О дате прибытия Демарата в Персию: *Cartledge P. Sparta and Laconia. P. 151*.

⁴¹ Отражением этого нового политического курса в Спарте после смерти Клеомена I было «дело об эгинских заложниках» — обвинение Леотихида в том, что он участвовал в выдаче эгинских заложников-персофилов в Афины. Судебное разбирательство, возбужденное против царя вследствие жалоб эгинцев, определило вину Леотихида; было принято решение выдать его эгинцам вместо заложников, которые содержались в то время в Афинах. Однако впоследствии это решение было отменено, и сам Леотихид предпринял безуспешную попытку добиться возвращения эгинских заложников назад (Hdt., VI, 85–86).

ники, прибыв в Сузы, могли найти покровительство со стороны Демарата, который был способен обеспечить их благожелательный прием царем Ксерксом⁴². Последние соображения являются по большей части реконструкцией, хотя и довольно вероятной, но не находящей непосредственного отражения в источниках. Вообще же следует заметить, что спартанцы, в отличие, например, от афинян, могли в гораздо большей степени рассчитывать на успех в переговорах с царем Персии по целому ряду причин. В частности, их враждебная позиция к Персии при Кире Великом была уже делом прошлого. Неучастие же спартанцев как в Ионийском восстании (Hdt., V, 49–51), так и в сражении при Марафоне (Hdt., VI, 105–106, 120) предоставляло возможность для властей полиса оправдаться в глазах Ксеркса за убийство глашатаев царя Дария в 491 г. до н. э.

4. Позиция Афин по вопросу предоставления земли и воды

Действия афинян по умерщвлению персидских глашатаев в 492/1 г. до н. э. также нуждаются в некотором объяснении. Дело в том, что афиняне приняли решение об осуждении глашатаев на смерть, видимо, на экклесии. Об этом свидетельствует вид казни — ввержение в баратрон (Hdt., VII, 133). Баратрон (τὸ βάραθρον) — яма, куда, по афинским законам, бросали приговоренных к смерти (см., например: *Нагросс., s.v. βάραθρον*). Некоторые античные авторы упомина-

⁴² Во-первых, известно, что Демарат пользовался определенным авторитетом при царском дворе в Персии. Геродот приписывает ему разрешение династического спора в пользу Ксеркса (Hdt., VII, 3), а также сообщает о его советах персидскому царю во время экспедиции 480 г. до н. э. (Hdt., VII, 101–104; 209–210, 234, 237, 239; VIII, 65). Во-вторых, Геродот сообщает, что, даже пребывая при дворе Ксеркса в Сузах, Демарат пытался вступить в контакты со своими согражданами в Спарте и, если доверять отцу истории, предупредил спартанцев о предстоящем походе Ксеркса через тайное послание, доставленное его гонцом (Hdt., VII, 239; cf. *Polyaen., II, 20, 1; Tzetz, Proleg. de com., 1*). О Демарате см. также: *Niese B. Damaratus (1) // RE. Bd. 4. Hbbd. 8. Sp. 2029–2030; Boedeker D. The Two Faces of Demaratus // Herodotus and the Invention of History / Arethusa. 1987. Vol. 20. P. 185–201*). Ввиду этих событий следует обратить внимание, что Спарта не фигурирует у Геродота среди заявленных Дарием и Ксерком целей их военных походов: в 490 г. до н. э.: Датис и Артаферн намеревались покарать Эретрию и Афины за поддержку Ионийского восстания (Hdt., VI, 44, 94); в 480 г. до н. э. Ксеркс объявил целью своего похода возмездие Афинам за поражение при Марафоне (Hdt., VII, 8, 138; *Aesch. Pers., 473*).

ют некую псефизму Каннона (τὸ Καννῶνι ψήφισμα), по которой смертной казни через ввержение в баратрон подлежали те, кто был признан виновным в оскорблении афинского народа. По сообщению Ксенофонта, текст псефизмы гласил: «Если какой-либо человек нанесет оскорбление афинскому народу и будет признан виновным в том, что нанес оскорбление, то должен он быть предан смерти ввержением в баратрон» (Xen., Hell., I, 7, 20; cf. Craterus FHG. F. 5a = Schol. Aristoph., Eccles. v. 1089). Правда, о времени появления такой псефизмы в источниках ничего не сообщается, но определенно, это было древнее постановление афинян⁴³. Находки афинских острака показывают, что Каннон, сына Сибиртия из дема Ламптры, был кандидатом на изгнание на одной из остракофорий 480–470 гг. до н. э.; учитывая редкость имени, следует отождествить его с автором «псефизмы Каннона»⁴⁴.

Вполне возможно, что требования персидских глашатаев были признаны оскорблением афинскому народу и афиняне могли принять решение о казни глашатаев по предложению Каннона, который и стал «автором» соответствующего постановления. Павсаний, правда, утверждает, что виновником (αἵτιος) казни персидских глашатаев стал Мильтиад, сын Кимона (Paus., III, 12, 7). Поэтому остается возможность, что будущий «герой Марафона» предложил постановление о казни персидских глашатаев κατὰ Καννῶνι ψήφισμα — согласно существовавшей прежде псефизме Каннона. Так что все еще открыт вопрос о том, сам ли Каннон или же Мильтиад внес в народ-

⁴³ Высказывалось мнение, что появление закона Каннона может быть отнесено к периоду ок. 508–507 гг. до н. э. и быть связанным с реформами Клисфена (Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. 1. N.Y., 1968. P. 208). По крайней мере, сам Мильтиад также мог быть обвинен по закону Каннона и приговорен к ввержению в баратрон в 489 г. до н. э. (Plato., Gorg., 516 E). О псефизме Каннона и баратроне см. подробнее: Whitehorne J. Punishment under the Decree of Cannonus // Symposium. 1988. P. 89–98; Hall M.D. Even Dogs have Erinyes: Sanction in Athenian Practice and Thinking // Greek Law in its Political Setting: Justification Not Justice / Ed. by L. Faxhall and A. D. E. Lewis. Oxford, 1996. P. 83; Todd S. C. How to Execute People in Fourth Century Athens // Law and Social Status in Classical Athens / Ed. by V. Hunter & J. Edmondson. Oxford, 2000. P. 34–35, 38–39; Allen D. S. The World of Prometheus. The Politics of Punishing in Democratic Athens. Princeton, 2002. P. 218, 324–325; Ксенофонт упоминает о псефизме Каннона в связи с рассказом об «Аргинусском деле» 406 г. до н. э. (Xen., Hell., I, 7, 20).

⁴⁴ Об имени Каннона на пяти остраках Brenne S. 1) Ostrakismos und Prominenz in Athen. Wien, 2001. S. 188–190; 2) Die Ostraka. S. 57 (III. Бренне предполагает связь между Канноном на острака и Канноном — законодателем); Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. С. 545.

ное собрание афинян законопроект о казни глашатаев Дария I. Плутарх сообщает, что афиняне казнили также переводчика (ἐρμηνεύς, δῖγλωστος), который находился среди глашатаев, требовавших землю и воду; решение (ψήφισμα) об этом принял афинский демос по предложению Фемистокла за то, что переводчик пользовался эллинским языком при передаче повелений царя (Plut., Them., 6). Контекст сообщения Плутарха, казалось бы, позволяет датировать казнь переводчика уже временем похода Ксеркса. Однако Л.-М. Вери предположила, что рассказанный Плутархом эпизод следует относить к 491 г. до н. э.⁴⁵ С этим мнением согласились Р. Лони и Дж. Моусли, причем их главный аргумент состоит в том, что Фемистокл занимал должность архонта-эпонима уже в 493/2 г. до н. э. (Thuc. I, 93, 3; Dion. Hal. AR., VI, 34. 1)⁴⁶; так что он действительно мог оказаться причастен к наказанию персидского переводчика⁴⁷. Это подтверждают и схолии к Эсхилу, где казнь переводчика-самосца датируется временем Дария I (Schol. Aesch. Pers., 15).

На основании вышесказанного можно предположить, что, скорее всего, было два постановления афинской экклесии по делу о персидских посланцах, но, возможно, были приняты даже на одном народном собрании. Данные факты, если они имели место, свидетельствуют, прежде всего, о единодушном решении демоса противостоять Персии. В соответствии с этим решением афиняне накануне битвы при Марафоне обратились за помощью к Спарте⁴⁸.

⁴⁵ Wery L.-M. Le meurtre des hérauts de Darius en 491 et l'inviolabilité du héraut // AC. 1966. Vol. 35. P. 476–477.

⁴⁶ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 170; Lenardon R. J. The Archonship of Themistocles // Historia. 1956. Bd. 5. Ht. 4. S. 401–419; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 139. С этой датировкой первого архонтата Фемистокла сейчас соглашаются почти все исследователи (см. Суриков И. Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати. С. 351; Шувалов В. В. Морская программа Фемистокла // ВДИ. 2006. № 2. С. 29).

⁴⁷ Lonis R. Les usages de la guerre entre grecs et barbares. De guerre mediques au milieu du IV siecle av.J.C. Paris, 1969. P. 64–65; Mosley D. J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973. P. 85.

⁴⁸ Геродот сообщает о взаимодействии афинян и спартанцев перед лицом персидской угрозы в 491–490 гг. до н. э.: одновременная, возможно даже в чем-то согласованная расправа над персидскими глашатаями (Hdt., VII, 133); сотрудничество афинян и спартанцев в наказании Эгины, которая предоставила «землю и воду» царю Дарию I (Hdt., VI, 49–50, 73, 86sq); прибытие глашатая (ὁ κήρυξ) — «скарохода» (ἡμεροδρόμος) Филиппида в Спарте с просьбой о военной помощи, чтобы «не допустить порабощения варваром древнейшего города в Элладе». (Спартанцы согласились оказать помощь, но опоздали и прибыли уже после того, как афиняне одержали свою знаменитую победу над персами (Hdt., VI, 105–106, 120)). Но был ли заключен союз между Афинами и

Постановления афинян в отношении казни персидских посланцев демонстрируют очевидный факт: сторонники Персии в Афинах к тому времени определенно потеряли свое влияние среди демоса, как обычно считают в историографии, уступив место тем политикам, которые проводили среди народа антиперсидскую агитацию. Во главе последних находились, несомненно, Мильтиад, сын Кимона, имевший собственные личные счеты с персами, и Фемистокл, только начинающий свою политическую деятельность в Афинах: они оба объединились в антиперсидской политике. Экспедиция Датиса и Артаферна в 490 г., приведшая к битве при Маратоне, окончательно определила для афинян лицо врага — это была Персия⁴⁹.

5. Требование земли и воды Ксерксом в 481 г. до н. э.

В 481 г. до н. э. над греками нависла серьезная угроза. Масштабы подготовки ко вторжению в Грецию, численность персидской армии и морского флота однозначно свидетельствовали не только о намерении царя Ксеркса, сына Дария I, отомстить Афинам за помощь восставшим ионийцам, и в особенности за поражение персов при Маратоне, но и о его планах завоевать Балканскую Грецию, которая, вполне понятно, также могли не быть конечной целью персидской экспансии на Запад.

Спартой? Данные Геродота не дают ответа на этот вопрос. В пользу существования афино-спартанского союза 490 г. до н. э. против Персии может некоторым образом свидетельствовать замечание Фукидида о том, что афиняне заключили со спартанцами «союз против мидянина» — ἐπὶ τῷ Μήδω ξυμμαχία (Thuc., I, 102, 4). Однако далеко не ясно, говорит ли историк здесь о двустороннем договоре между Афинами и Спартой 490 г. до н. э., или же он таким образом ссылается на общезеллинский союз против Персии 481 г. до н. э., участниками которого были афиняне и спартанцы (Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. P. 159).

⁴⁹ О Маратонском сражении существует поистине необозримая литература. Основные, наиболее важные, с нашей точки зрения, работы: Maurice F. The Campaign of Marathon // JHS. 1932. Vol. 52. Pt. 1. P. 13–24; Hammond N. G. L. The Campaign and the Battle of Marathon // JHS. 1968. Vol. 88. P. 13–57; Doenges N. A. The Campaign and Battle of Marathon. P. 3–16; Sekunda N. Marathon 490 BC. The First Persian Invasion of Greece. Oxford, 2002. Следует, однако, напомнить, что спартанцы все еще могли надеяться на мирное урегулирование своих отношений с Персией, о чем свидетельствуют рассмотренные выше обстоятельства дипломатической миссии Сперфия и Булиса.

Одним из мероприятий накануне этого похода было новое требование земли и воды от греческих полисов, в том числе и от тех, которые уже предоставили их царю Дарию десятилетием раньше — в 491 г. до н. э.

При изложении обстоятельств посещения персидскими глашатаями Греции в 481 г. до н. э. по поручению Ксеркса, Геродот сообщает: «В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев» (Hdt., VII, 132).

Некоторые исследователи полагают, что Геродот не только для удобства изложения, но и с целью подчеркнуть масштабы мидизма в Греции накануне вторжения Ксеркса, объединяет в одном рассказе сведения о тех греческих племенах и общинах, которые, во-первых, предоставили землю и воду Ксерксу еще до его вторжения в Грецию, когда царь находился в Пиерии; во-вторых, подчинились Персии лишь после того, как силы Эллинского союза оставили Темпейскую долину Фессалии; и, наконец, в-третьих, перешли на сторону Персии только после сражения при Фермопилах. К такому выводу пришел, например, П. Брант⁵⁰. Сам Геродот, казалось бы, в ходе дальнейшего повествования также вносит коррективы в свою информацию о мидизме греков. «Отец истории» замечает: «Ведь потери, понесенные персами от непогоды и в морских битвах при Фермопилах и Артемисии, уравновешивались подкреплениями, прибывшими к царю позднее. Малийцы, дорийцы, локры и все беотийское ополчение, кроме феспийцев и платейцев, а также каристийцы, андросцы, теносцы... присоединились к царскому войску» (Hdt., VIII, 66). Наконец, Диодор Сицилийский (XI, 3, 2) также сообщает: «Эниены, долопы, малийцы, перребы и магнеты выступили вместе с варварами еще тогда, когда войско эллинов находилось в Темпейской долине; фтиотидские ахейцы, локры, фессалийцы и беотийцы перешли к варварам после того, как оно удалилось оттуда». Однако противоречие между первым сообщением Геродота (VII, 132) и другими сведениями его (VIII, 66) и Диодора (IX, 3, 2) только кажущееся, поскольку следует различать формальное подчинение греков Ксер-

⁵⁰ По словам исследователя, «Herodotus has surely antedated the medism of the peoples of central Greece» (Brunt P. The Hellenic League against Persia P. 142). Об этом мнении см. также: Buck R. 1) A History of Boeotia. Alberta, 1987. P. 130; 2) Boiotians at Thermopylae // ANB. 1987. Vol. 1. № 3. P. 56ff; De Souza Ph. The Greeks and Persian Wars, 499–386 BC. L., 2003. P. 48.

ксу, выражением которого как раз и было предоставление земли и воды, которое могло произойти еще в 481 г. до н. э., и фактическое подчинение уже в ходе самого грандиозного персидского вторжения в Грецию.

Так, в частности, большинство современных исследователей справедливо полагают, что Фивы, несмотря на предоставление земли и воды в 481 г. до н. э., открыто перешли на сторону Ксеркса только после знаменитого сражения при Фермопилах⁵¹, чему существуют некоторые подтверждения в источниках. Плутарх ссылается на сообщение Аристофана Беотийского о том, что в составе сил антиперсидской коалиции, направившихся в Темпейскую долину Фессалии в 480 г. до н. э., находился фиванский отряд в 500 человек под командованием стратега Мнамия (Plut., *De Her. malign.*, 31), а Геродот сообщает, что при Фермопилах в числе греков под предводительством спартанского царя Леонида были 400 фиванцев, которыми командовал Леонтиад, сын Эвримаха (Hdt., VII, 202)⁵². Мнение отца истории (VII, 205) о том, что спартанский царь Леонид держал у себя фиванцев в качестве заложников из-за подозрений в мидизме Фив, едва ли может отражать действительное положение дел; скорее всего, это предположение появилось *post eventum* как следствие распространения информации о переходе фиванцев на сторону Персии после битвы при Фермопи-

⁵¹ Brunt P. The Hellenic League against Persia. S. 143; Buck R. 1) A History of Boeotia. P. 130; 2) Boiotians at Thermopylae. P. 6ff. P. Сили, однако, относил мидизм беотийцев к 481 г. (Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 206).

⁵² По данным Аристофана Беотийского и Никандра Колофонского, фиванцами при Фермопилах командовал Анаксандр (Plut., *De Her. malign.*, 867A = Aristoph. FGrHist. 379, F. 6; Nicander Colophon. FGrHist. 271/2. F. 35). Р. Бак предполагает, что Анаксандр был полемархом фиванского контингента, тогда как Леонтиад — беотархом (Buck R. A History of Boeotia. P. 129), что позволяет исследователю снять противоречие с упоминанием Геродота о Монтиаде как командире фиванцев. По мнению Р. Баке, контингент Беотийского союза при Фермопилах состоял из двух отрядов: феспийского (700 чел.) и фиванского (400 чел.) во главе с командирами (Р. 132). Диодор (XI, 4, 7), основываясь, вероятно, на сообщении Эфора, полагает, что при Фермопилах сражались фиванцы — представители одной из соперничавших группировок, которая выступала против мидизма фиванцев (в пользу этого мнения см.: Cozzoli U. La Beozia durante il conflitto tra l'Ellade e la Persia // RFIC. 1958. Vol. 36. P. 264–287). Однако Р. Бак также опровергает это мнение указанием на то, что фиванцы были регулярным греческим отрядом, вероятно, лохом: в сражении, следовательно, участвовали два феспийских и один фиванский лох (Buck R. A History of Boeotia. P. 132). Между тем, некоторые исследователи соглашаются с точкой зрения отца истории, что фиванцы находились при Фермопилах в качестве заложников у спартанцев, так как принадлежали к персофилам (Gillis D. Collaboration with the Persians. P. 65; Amit M. Great and Small Poleis. P. 79; Hammond N. G. L. Sparta at Thermopylae // Historia. 1995. Bd. 45. Ht. 1. S. 16, 19–20).

лах⁵³. Сообщение Геродота (VII, 233) о том, что фиванцы, оказавшиеся в персидском плену после сражения, были заклеены царским клеймом по приказу Ксеркса, предполагает наличие у них статуса военнопленных и также не поддерживает высказанного самим же историком мнения об измене фиванцев в ходе самого сражения⁵⁴. В дальнейшем фиванцы оказывали врагу греков значительную помощь; принимали они участие и в битве при Платеях, причем, как признает Геродот, даже показали себя доблестными воинами (Hdt., IX, 67–69)⁵⁵.

⁵³ Buck R. Boiotians at Thermopylae. P. 57. Геродот проводит мысль, что за политику поддержки Персии были ответственны все фиванцы (Hdt, IX, 87), но позднее сами фиванцы возлагали вину за мидизм на олигархов (Thuc., III, 62, 3). Эту же точку зрения излагает и Плутарх в полемике с Геродотом (*De Her. malign.*, 864d).

⁵⁴ Buck R. Boiotians at Thermopylae. P. 59.

⁵⁵ Далеко не случайно, что даже спустя более чем сто лет после завершения Греко-персидских войн другие предводители фиванцев, добивавшиеся расположения персидского царя в новых политических условиях, апеллировали к «старинной» дружбе Фив и Персии. Например, знаменитый полководец Пелопид, победитель спартанцев в битве при Левктре, на переговорах в Сузах 368/7 г. до н. э. напоминал царю Артаксерксу II о прежних «заслугах» фиванцев; в числе прочего, Пелопид указывал на то, что фиванцы одни из всех греков (sic!) сражались на стороне персов в битве при Платеях, и после этого они никогда не выступали против царя (Xen., *Hell.*, VII, 1, 34). Вопрос о прежнем персофильстве фиванцев неоднократно поднимался в IV в. до н. э. теми греками, которые были противниками укрепления фиванской гегемонии как внутри Беотийского союза, так и в масштабах всей Греции (См.: Isocr., XIV, 59, 61–62). Вопрос о мидизме фиванцев возник и во время обсуждения судьбы Фив после захвата города Александром Македонским в 335 г. до н. э. Как сообщает Диодор Сицилийский, основанием для вынесенного решения о разрушении Фив было то, что фиванцы некогда в прошлом злоумышляли вместе с варварами против эллинов: при Ксерксе они пошли на Грецию вместе с персами; только фиванцев, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом *благодетелей*, и их послам приказано было ставить кресла впереди царских (Diod., XVII, 14; ср. Iust., XI, 3, 9–10; Arr., *Anab.*, I, 9, 6–9). Уже Геродот несколько раз ссылается на титул благодетеля (εὐεργέτης) царя, которые получали за заслуги различные греки (Hdt., III, 139–140; VIII, 85; позднее, вероятно, «благодетелем царя» стал также и спартанский военачальник Павсаний: Thuc., I, 129, 3). Геродот обращает внимание, что по-персидски царских благодетелей звали «оросангами» — οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος ὁροσάγγα καλέονται (Hdt., VIII, 85). Как обычно считают, термин «оросанг» происходит от древнеперсидского *varusanka — «широкопрославленный» (Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 148). Более или менее точный статус оросангов может прояснить фрагмент анонимного ритора, который ссылался на Нимфида Гераклеяского: «Нимфид Гераклеяский во второй книге “О Геракле” называет оросангами тех, кто имеет привилегию прозория, которые на [нашем] языке называются ксенами царя» (Nymphis ap. Lex. Rhet., p. 83). Свидетельство Нимфида как раз и проясняет связь титула эвергета с прозорией — почетным правом первого места на различных торжественных мероприятиях, о чем говорит в отношении фиванцев Диодор (XVII, 14, 2). Во-вторых, примечательно уподобление Нимфидом царских «благодетелей» — оросангов ксенам — т. е. гостеприимцам в греческом мире.

Кроме фиванцев, в списке племен и общин, предоставивших «землю и воду» Ксерксу в 481 г. до н. э. (VII, 132), первоначальными участниками антиперсидской коалиции могли быть опунтские локры, которые сражались против персов у Фермопил и Артемисия (Hdt., VII, 203; VIII, 1; Diod., XI, 4, 6), и малийцы (Diod., XI, 4, 7) — они ранее могли предоставить землю и воду персам. Спартанцы призвали на помощь в район Фермопил отряд в 1000 фокидян (Hdt., VII, 203; Diod., XI, 4, 7), который позднее вынужден были перейти на сторону персов (Hdt., IX, 17–18).

В преддверии вторжения Ксеркса в 481 г. до н. э. некие фессалийцы обратились за помощью и поддержкой к Эллинскому союзу против Персии, обещая присоединиться к нему в том случае, если греки придут на защиту Фессалии (Hdt., VII, 172)⁵⁶. Присоединение, вероятно, произошло, поскольку, как сообщает Геродот (VII, 173), в Темпейской долине к объединенным силам Эллинского союза пришла на помощь фессалийская конница (ἡ Θεσσαλῶν ἱππος). Однако, когда Александр I, царь Македонии, сообщил о предательстве Алевадов и фессалийцев (τῇν' Ἀλεούου καὶ Θετταλῶν προδοσίαν) (Spreusipp., Ep. ad. Philip, 8), эллинские союзные войска оставили Темпейскую долину уже не в силах обеспечить защиту Фессалии. Фессалийцы же, как заявляет Геродот (VII, 172; 174), в силу необходимости (ὕπὸ ἀναγκῆς) перешли на сторону Персии. Таким образом, фессалийцы и все зависимые от них племена северной Греции, побуждаемые своими «царями» Алевадами из Лариссы, в этой ситуации оказались на стороне персов. В дальнейшем фессалийцы принимали активное участие в основных военных операциях персов против других греков — от сражения при Фермопилах, где уже присутствовал фессалийский контингент во главе с самим Фораком (Ctesias FGrHist., 688, F. 13), и вплоть до решающей битвы при Платеях 479 г. до н. э. (Hdt., IX, 58).

Результат персидских дипломатических акций в Греции в 481 г. до н. э. оказался поистине впечатляющим. Существовала традиция, известная уже Геродоту (IX, 32) о том, что в решающем сражении при Платеях в 479 г. до н. э. на стороне персов сражались до 50 тысяч греков, которые характеризуются в источниках (правда, не у Геродота, который говорит о них как об эллинских союзниках Мардония) как τῶν Ἑλλήνων οἱ μηδίσαντες (Plut. Arist. 18. 7; 40 тыс.: Aristodem.

⁵⁶ Westlake H. D. The Medism of Thessaly. P. 16–17. Э. Кивни также говорит об антиперсидской группировке, которую он называет «patriotic party» или «dissenters», однако не уточняя ее состав (Keaveney A. The Medisers of Thessaly, P. 33–34, 36).

FGrHist., F. 1. 2. 3 = P. Oxy. XXVII, 2469. s. 2); хотя, конечно же, они далеко не все были добровольными сторонниками персов. Однако справедливости ради следует заметить, что сами персидские дипломатические акции в Греции в 481 г., не подкрепленные огромной армией Ксеркса, едва ли увенчались бы таким успехом, как обеспечение перехода на сторону персов большинства племен и этносов Северной и Средней Греции.

6. Предоставление земли и воды и проблема нейтралитета

Некоторые греческие государства, в которые также прибыли глашатаи Ксеркса, могли втайне предоставить землю и воду, но открыто объявить о своем нейтралитете. В числе таких полисов были Аргос, Сиракузы, Керкира и города Крита⁵⁷. Этот нейтралитет, однако, был различного свойства: часто он служил прикрытием для полисов, которые в реальности намеревались сотрудничать с персами (правлящие круги этих государств надеялись сохранять нейтралитет до тех пор, пока война их непосредственно не коснется, в дальнейшем же они могли рассчитывать перейти на сторону персов). Это вполне осознавал Геродот, который несколько раз на страницах своего труда определяет нейтралитет в период Греко-персидских войн как ἐκ τοῦ μέσου κατῆσθαι — «находиться посередине» (Hdt., IV, 118; VIII, 22, 73) и ἡσυχίην ἐχεῖν / ἄγειν — «сохранять спокойствие» (VII, 150, 151, 161, 208; VIII, 14).

После перечисления собравшихся на Истме для защиты Пелопоннеса греков и рассказа о населении этого полуострова, «отец истории» замечает: «Из этих семи племен, остальные полисы, кроме

⁵⁷ О явлении нейтралитета в целом, и в частности в период Греко-персидских войн, можно назвать лишь несколько специальных работ: Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality in Classical Greece. P. 93–98; Bederman D. J. International Law in Antiquity. Cambridge, 2001. P. 215ff; Viviers D. Hérodote et la neutralité de Crétois en 480 avant notre ère // Hermes. 1995. Bd. 123. S. 257–269; Troncoso V. A. Die neutralen Staaten in den Perserkriegen und das griechische Völkerrecht // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / Hrsg. von D. Papenfuß und V. M. Strocka, Mainz, 2001. S. 365–375; Vanicelly P. Whose Side are you on? // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorgis and I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 199–217.

уже названных (VIII, 72. — Э. Р.), оставались *нейтральными* (τούτων ὧν τῶν ἐπὶ τὰ ἐθνέων αἱ λοιπαὶ πόλεις, πᾶρεξ τῶν κατέλεξα, ἐκ τοῦ μέσου κατῴκιστο). Если же говорить откровенно (εἰ δὲ ἐλευθέρως ἔξεστι εἰπεῖν), они были потому *нейтральными*, что “мидизировали”» (ἐκ τοῦ μέσου κατῴκιστο)» (Hdt., VIII, 73). Здесь Геродот наверняка подразумевает Аргос, который объявил о своем нейтралитете в войне с Персией, но на деле установил дружественные отношения с персами и оказывал им некоторое содействие в 480–479 гг. до н. э. (IX, 12)⁵⁸.

Примечательно, что аргосцы отсутствуют в списке предоставивших землю и воду царю Ксерксу в 481 г. до н. э. (Hdt., VII, 132). Но означает ли это, что они не предоставили символические знаки покорности? На этот вопрос трудно ответить определенно. Возможно, аргосцы намерены были отрицать свое предоставление земли и воды, и это дало, с одной стороны, формальное основание пробулам Эллинского союза добиваться присоединения Аргоса к антиперсидской коалиции, а аргосцам, в свою очередь, заявлять о своем нейтралитете (Hdt., VII, 145; 148–152; Diod., XI, 3, 4). Хотя, с другой стороны, как мы видели, предоставление земли и воды фиванцами и фессалийцами не явилось препятствием их присоединения к Эллинскому союзу (возможно, греки первоначально просто не были осведомлены об их действиях по установлению отношений с персами или же во имя объединения всех греков надеялись первоначально простить мидизм некоторых государств). И хотя Геродот никогда не говорит открыто о мидизме аргосцев, его повествование содержит как скрытые намеки (VIII, 73; IX, 12), так и конкретные указания на персофильскую позицию Аргоса (VII, 150–152).

Вообще же, к позиции Аргоса в период Греко-персидских войн «отец истории» обращается всего лишь дважды (VII, 148–152; IX, 12), а это значительно реже, чем он говорит, например, о персофильской позиции фессалийцев или фиванцев. Тем не менее, среди таких обращений — подробный рассказ, включающий различные версии отказа аргосцев от приглашения присоединиться к Эллинскому союзу для борьбы с Персией (Hdt., VII, 148–152): от ссылки на изречение Дельфийского оракула и упоминания тягостных последствий недав-

⁵⁸ О нейтралитете аргосцев см.: Gillis D. Collaboration with the Persians. P. 61–62; Green P. Greco-Persian Wars. P. 67; Mikalson J. Herodotus and Religion in the Persian Wars. L., 2003. P. 60; Mattingly H. B. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Michigan, 1996. P. 261. С. Хорнблауэр справедливо считает их нейтралитет официальным прикрытием мидизма (Hornblower S. The Greek World, 479–423 BC. L., 1983. P. 81).

него поражения при Сепее⁵⁹, до предположения о генеалогическом родстве аргосцев с персами посредством их общего предка — греческого легендарного героя Персея (Hdt., VII, 150; FGtHist. 105. F. 3)⁶⁰.

Между тем Геродот предполагает, что нейтралитет аргосцев как раз и мог быть определенным следствием персидских дипломатических акций в Греции. В частности «отец истории» (VII, 150) передает распространенный в Элладе рассказ о прибытии в Аргос накануне персидского похода против балканских греков глашатай Ксеркса (ἔστι δὲ ἄλλος λόγος λεγόμενος ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα, ὡς Ξέρξης ἐπεμψεν κήρυκα Ἀργὸς πρότερον ἢ περὶ ὁρμῆσαι στρατεύεσθαι ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα), который обратился к аргосцам со словами: «Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: “Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие (ἡσυχίην ἔχοντες). Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас”» (Hdt., VII, 150)⁶¹. Геродот (VII, 152) признает, что получил информацию об

⁵⁹ Оценка воздействия понесенного аргосцами поражения в битве при Сепее на их внутреннюю и внешнюю политику полностью зависит от датировки этого сражения. Как уже было отмечено, в современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н. э. или 494 г. до н. э.), каждая из которых находит своих сторонников. Об историографии вопроса см.: Строгоцкий В. М. О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117; Печатинова Л. Г. Противостояние Клеомена и Демарата (к вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // ВДИ. 2006. № 4. С. 34–35, прим. 21.

⁶⁰ О мифологизации персидской истории в общественном сознании греков подробнее см.: George P. Barbarian Asia and Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 47–75. Диодор Сицилийский (X, 21, 1–3) сообщает, что еще Датис накануне сражения при Маратоне в переговорах с Мильтиадом использовал мифологические сюжеты для обоснования своих претензий на господство над афинянами (апелляция к легендарному Миду, сыну Мидеи как общему предку афинян и мидян).

⁶¹ Эсхил именует персов потомками «златоносного рода» (χρυσόγονου γενεᾶς) схолиасты и называет имя Персея (Pers., 79–80 cum schol.). Гелланик Лесбосский эпонимным предком персов считал Перса, сына Персея и Андромеды (Hellen. FGtH 1a, 4 F. 60). Геродот (VI, 54), упоминает некое персидское предание (ὁ παρὰ Περσέων λόγος λέγεται), согласно которому сам Персей и его предки были ассирийцами. Далее он также подтверждает известную ему версию о том, что эллины прежде называли персов кефенами, а те сами себя артеями. Персы же получили свое имя от Перса, сына Персея, который был оставлен своим отцом в их стране (Hdt., VII, 61). В изречении Дельфийского оракула 480 г. до н. э. у Геродота персы именуются «мужи Персеиды» (ἄνδρες Περσεΐδες) — потомки Персея (Hdt., VII, 220). П. Джордж считает, что в представлении перед греками персов как родственного народа отразилась персидская дипломатическая пропаганда (these must be genuine reflections of Persian diplomatic propaganda that presented the Persians to the Greeks of Europe as a kindred people) (George P. Barbarian Asia... P. 67).

этом эпизоде от самих аргосцев, и даже выражает неуверенность в отношении историчности этой дипломатической миссии перса в Аргос. Очевидно, «отец истории» не исключает, что эпизод с посольством Ксеркса аргосцы могли придумать, чтобы оправдать свой нейтралитет в период Греко-персидских войн⁶². Хотя, с другой стороны, допустимо предположение, что рассказ о персидском посольстве в Аргос имел под собой реальные основания, и тогда возникает закономерный вопрос: не является ли глашатай Ксеркса одним из тех посланцев, которые в 481 г. до н. э. посещали греческие полисы с требованием земли и воды?

По мнению П. Джорджа, дипломатические претензии Ксеркса на родство с аргосцами должны были быть современны самой войне⁶³. В одном из фрагментов анонимного автора причиной отказа аргосцев от участия в войне также выставлено «родство с персами» (πρὸς Πέρσας συγγένειαν) (FGrHist., 105, F. 3). Все же для современников Геродота одной из наиболее вероятных причин заявленного нейтралитета, но фактического персофильства аргосцев выступает традиционная вражда Аргоса со Спартой. Эта вражда породила версию о том, что аргосцы призвали персов в Грецию, поскольку терпели поражение в войне со спартанцами и надеялись любой ценой избавиться от своих проблем (Hdt., VII, 152)⁶⁴. Геродот (VII, 151) также предполагает существование договора, устанавливавшего дружбу (φιλίη) аргосцев с Ксерксом. В целом попытки Геродота обойти молчанием или до известной степени оправдать мидизм аргосцев вполне объяснимы с учетом существования союзнических отношений Аргоса с Афинами на протяжении большей части V в.⁶⁵

В то же время некоторых комментариев заслуживает позиция по отношению ко вторжению Ксеркса других «нейтральных» полисов. В античной традиции существуют две версии, объясняющие отказ сиракузского тирана Гелона присоединиться к антиперсидской коалиции. Согласно Геродоту, Гелон потребовал лидерства в Эллинском

⁶² С. Хорнблауэр, в частности, считает, что ссылка аргосцев на родство (συγγένεια) с персами служит оправданию ими своего мидизма (*Hornblower S. Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History / Ed. by A. V. Hartman & B. Heuser. L., 2001. P. 51*).

⁶³ George P. *Barbarian Asia and Greek Experience*. P. 67.

⁶⁴ Традиционная вражда Аргоса со Спартой не вызывает сомнений, несмотря на попытки Т. Келли объявить это поздним «мифом» (См.: Kelly T. *The Traditional Enmity between Sparta and Argos*. P. 971ff).

⁶⁵ Лурье С. Я. Геродот. С. 77–78. О внешней политике Аргоса в V в. до н. э. см.: Kelly T. *Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C.* // CPh. 1974. Vol. 69. № 2. P. 81–99.

союзе, но, получив отказ, занял выжидательную позицию и даже был готов предоставить Ксерксу землю и воду в случае победы персов в войне (Hdt., VII, 157–162; Polyb., XII, 26b; Diod., X, 33). Более достоверной, однако, представляется другая версия: сиракузский тиран согласился на союз с другими греками, но оказался фактически не в состоянии предоставить помощь ввиду нападения со стороны карфагенян, которые считались союзниками персов (Hdt., VII, 165; Diod., XI, 1, 4–5; 20, 1; Ephor., FGrHist., 70, F. 186 = Schol. Pind., Pyth., I, 146a–b). Современники склонны были сравнивать победу Гелона над карфагенянами при Гимере 480 г. до н. э. с победой над персами при Саламине — эти две битвы воспринимались как события, которые избавили греческий мир от варварской угрозы (Pind., Pyth., I, 71–80; Simonid., F. 141 Bergk). С другой стороны, несколько уклончивая позиция Гелона могла объясняться довольно просто: вторжение Ксеркса не затрагивало непосредственно интересы сицилийских греков; но в случае победы Ксеркса над греками позицию Гелона по отношению к персам было бы нетрудно предсказать⁶⁶. Возможно, такими же мотивами руководствовались керкиряне и города Крита (хотя, конечно, далеко не ясно, предъявляли ли им Дарий и Ксеркс требование земли и воды).

* * *

Итак, как мы видели, требование земли и воды, вероятно, было обязательным выражением подданства по отношению к Персии. В связи с греческим миром осуществление этого восточного обычая имело еще особое значение: вопрос о предоставлении персидским царям земли и воды очевидно был достаточно актуальным в политической жизни греческих полисов в 490-е гг. В результате происходило деление греческого мира, с одной стороны, на признавших над собой власть персидского царя — «мидистов» (которых, в конечном итоге, оказалось большинство), и с другой стороны, на тех, которые отказались поступить подобным образом — «патриотических греков» (значительное меньшинство) (см.: Herod. VII. 133, 145, 172). В то же время Дарий и Ксеркс в результате требования земли и воды не только нашли *casus belli* против непокорных греческих полисов, но в точности определили и тех из них, для подчинения которых требовалось объявление военного похода.

⁶⁶ См.: Высочий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э. СПб., 2004. С. 164 сл.

Глава III

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ «ДИПЛОМАТИИ ЗОЛОТА»

1. Эллинский союз против Персии 481 г. до н. э.

В преддверии вторжения Ксеркса в 481 г. до н. э. возникает Эллинский союз для борьбы против Персии, который возглавила Спарта¹ (кстати, следует заметить, что спартанцы, вероятно, до последнего не теряли надежды на примирение с персами, но теперь, когда угроза нависла над самой Элладой, встали во главе объединенных сил греков). Что касается афинян, то им был фактически закрыт путь к примирению с Персией, и далеко не случайно, что и Эсхил (Pers., 473), и Геродот (VII, 138) единодушно свидетельствуют о том, что Ксеркс объявил целью своего похода возмездие Афинам за поражение при Марафоне. В этом союзе, по словам Геродота (VII, 145, 172),

¹ Об Эллинском союзе против Персии см. подробнее: *Brunt P. A. The Hellenic League against Persia // Historia. 1953. Bd. 2. Ht. 2. P. 135–163 = idem. Studies in Greek History and Thought. Oxford, 1997. P. 47–83; Baltrusch E. Symmachie und Spondai: Untersuchungen zum griechischen Volkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8–5 Jahrhundert v. Chr.). B.; N. Y., 1994. S. 30–51; Tronson A. The “Hellenes” as a Political Concept. P. 153–330; Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. Bd. 33. S. 43–77. Краткую сводку данных по Эллинскому союзу, правда, можно найти и в работах других исследователей: ATL. III. P. 183–186; Sealey R. A History of the Greek City-States, 700–338 BC. P. 205–208; Buckley T. Aspects of Greek History 750–323 BC.: A Source-Based Approach. L., 1996. P. 165–166; Green P. The Greco-Persian Wars. P. 69, 80, 83; Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998. P. 100ff; De Souza P. The Greek and Persian Wars 499–386 BC. P. 48; Строецкий В. М. Панэллинская лига 481 г. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 45–75.*

объединились те греки, которые заботились о «лучшей доле» в отношении Эллады² — они должны были противостоять как могущественной армии Ксеркса, так и греческим персофилам, которые уже перешли на сторону персов или намеревались поступить таким образом (Hdt., VII, 132; Lyc. in Leocr., 81; Tod. II. 204 = Rhodes–Osborne. 88; Xen., Hell., VI, 3, 20; 5, 35; Polyb., IX, 39, 5; Aristodem. FGrHist., 104, F. 1, 4; Just., XI, 3, 10; Suid. s.v. δεκατεύειν). Фактически же основу этого союза, центром которого стал Коринф (Hdt., VII, 172; IX, 88; Diod., X, 32, 1; XI, 3, 2; Timaeus FGrHist., 566, F. 94 = Polyb., XII, 26b; Plut., Them., 21)³, составили несколько десятков греческих полисов. Во-первых, эти полисы по примеру афинян и спартанцев отказались предоставить персидским глашатаям как Дария I, так и Ксеркса землю и воду, а во-вторых, за некоторым исключением (Платеи и Феспии в Беотии), не были затронуты реальным персидским вторжением⁴. Среди них фигурируют прежде

² Геродот дважды говорит об учреждении Эллинского союза. В первом случае (VII, 145) он замечает: «В одном месте собрались эллины, думавшие о “лучшей доле” в отношении Эллады, держали совет и заключили взаимные клятвы — συλλεγομένων δὲ ἐς τὸ αὐτὸ τῶν Ἑλλήνων τῶν περὶ τὴν Ἑλλάδα τὰ ἀμείνων φρονούντων καὶ διδόντων σφίσι λόγον καὶ πίστιν» (здесь историк сообщает об объединении греков, но не называет места их общего собрания). В другом пассаже (VII, 172) Геродот в том же стиле констатирует: «На Истме же собрались пробулы Эллады, избранные от городов, думавших о лучшей доле в отношении Эллады — ἐν δὲ τῷ Ἰσθμῷ ἦσαν ἔλισμοι πρόβουλοι τῆς Ἑλλάδος ἀραιρημένοι ἀπὸ τῶν πόλεων τῶν τὰ ἀμείνων φρονεουσέων περὶ τὴν Ἑλλάδα». В связи с этим вторым упоминанием о собрании пробулов Эллинского союза «отец истории» (VII, 172) сообщает, что фессалийцы направили своих вестников на Истм, как только узнали о намерении персидского царя переправиться в Европу — ἐπεῖτε γὰρ ἐπύθοντο τάχιστα μέλλοντα διαβαίνειν τὸν Πέρσῃ εἰς τὴν Εὐρώπην, πέμπουσι ἐς Ἰσθμὸν ἀγγέλους. Эта фраза с большей долей вероятности позволяет предположить, что Геродот в VII, 172 говорит о том же самом собрании эллинских пробулов, что и в VII, 145. Впрочем, Р. Сили и Д. Хамель необоснованно считают, что историк сообщает о двух различных собраниях (Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 207; Hamel D. Athenian Generals. P. 101).

³ Некоторые исследователи, правда, основываясь на данных перизгета Павсания (III, 12, 6), полагают, что сбор союзников состоялся в Лаконике — в местечке (τὸ χωρίον), которое получило название «Эллениион» («Ἑλληνιον») (Brunt P. The Hellenic League against Persia. P. 148; Baltrusch E. Symmachie und Spondai. S. 31; Tronson A. The “Hellenes” as a Political Concept. P. 177. Not. 43; Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. S. 44; Строецкий В. М. Панэллинская лига 481 г. до н. э. С. 54). Однако в этих сведениях не уверен даже сам Павсаний, и, таким образом, они ни в коем случае не выглядят более предпочтительными, чем, например, данные Геродота и Диодора. (см.: How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 2. ad loc; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 1. Abt. 1. P. 40).

⁴ Об участниках Эллинского союза против Персии в 481–479 гг. до н. э. сохранились два рода свидетельств: во-первых, это списки городов со змеевидной колонны в Дельфах, воздвигнутой греками по случаю их победы над Персией (Tod, I, 19 = ML., 27), а также

всего спартанские союзники — как вполне традиционные члены Пелопоннесского союза, связанные со Спартой договорными отношениями, восходящими еще к середине VI в. до н. э. (Коринф, Сикион, Тегея, Орхомен, Элида, Флиунт, Мегары), так и вновь приобретенные, которые, очевидно, вошли в число союзников только после спартанской победы над Аргосом в битве при Сепее непосредственно накануне Греко-персидских войн — полисы, расположенные в Аргосской долине (Трезен, Эпидавр, Гермiona, Микены и Тиринф). Именно делегаты этих полисов, очевидно, обеспечили гегемонию Спарты в антиперсидской коалиции (Hdt., VIII, 149; VIII, 3)⁵.

В Эллинский союз вошли также два беотийских полиса — Платеи и Феспии, причем платейцы были тесно связаны уже не столько со спартанцами, сколько с афинянами. Платеи стали союзниками афинян после 520 г. до н. э. Это был ответ на попытки фиванцев подчинить себе полис и насильственно включить его в руководимый ими Беотийский союз (Hdt., VI, 108; Thuc., III, 55, 1; 68, 5)⁶. Платейцы сражались вместе с афинянами уже в битве при Марафоне 490 г. до н. э. (Hdt., VI, 108), а в 481 г. до н. э. они, наряду с феспийцами, тоже участниками Эллинского союза против Персии, одни из всех беотийцев решительно отказались предоставить Ксерксу землю и воду (Hdt., VII, 132). И даже после опустошения своих полисов во время прохода персов через Беотию, платейцы и феспийцы продолжали борьбу против Персии в составе сил Эллинского союза. Однако, если феспийцы были расположены к спартанцам (Геродот

с медной статуи Зевса в Олимпии (Paus., V, 23, 1); во-вторых, данные Геродота и других античных авторов, которые упоминают контингенты из греческих полисов, участвовавшие в основных сражениях периода войны с Ксерксом: в двух сухопутных битвах — при Фермопилах (Hdt., VII, 207) и Платеях (IX, 28) и в двух морских — при Артемисии (VIII, 1) и Саламине (VIII, 43). Сопоставляя различные свидетельства, можно составить представление о тех городах, названия которых были помещены на приношениях в Дельфы, Олимпию и на Истме — всего 31 полис. Состав этого союза за два года войны не был постоянным, список же отражает ситуацию на момент битвы при Платеях.

⁵ Каждым эллинским контингентом в составе объединенных сил эллинов командовал свой стратег (*Hamel D. Athenian Generals. P. 100ff*), однако объединенное руководство обеспечивал спартанский военачальник. Во время экспедиции в Темпейскую долину таковым мог быть Эвнет, сын Карена, — один из спартанских полемархов (Hdt., VII, 173); в битве при Фермопилах — царь Леонид (Hdt., VII, 204 сл.); при Артемисии, Саламине и Микале — спартаец Эврибиад, сын Эвриклида (Hdt., VIII, 2; 42), и наконец, в сражении при Платеях — Павсаний, сын Клеомброта (Hdt., IX, 10 сл.).

⁶ См.: *Amit M. Great and Small Poleis. P. 63–85; Buck R. A History of Boeotia. P. 107–117; Shrimpton G. When Did Plataea Join Athens? // CPh. 1985. Vol. 79. № 4. P. 295–304; Hammond N. G. L. Plataea's Relations with Thebes, Sparta and Athens // JHS. 1992. Vol. 112. P. 143–145; Hennig D. Herodot 6, 108: Athen und Plataiai // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 13–24.*

сообщает, что они после сожжения Ксерксом их города бежали в Пелопоннес: VIII, 50), то платейцы остались преданными сторонниками афинян⁷.

Афиняне обеспечили присоединение к союзу и двух наиболее значительных полисов Эвбеи — Эретрии и Халкиды. Эретрия ко времени вторжения Ксеркса уже оправилась от персидского погрома 490 г. до н. э. и была готова вновь воевать с персами. Что касается Халкиды, то афиняне вывели на ее территорию своих клерухов после победы над халкидянами ок. 506 г. до н. э. (Hdt., V, 77) и тем самым обеспечили контроль над этим полисом. В то же время примечательно, что в антиперсидскую коалицию вошли уже эгинцы, которые прежде, как известно, предоставили землю и воду глашатаям Дария; и в этом следует видеть заслугу прежде всего афинян, которые во имя общей борьбы против Ксеркса примирились с эгинцами (Hdt., VII, 145).

Как уже было замечено выше, первоначальными участниками Эллинского союза были полисы и этнические общности Северной и Средней Греции, которые ранее предоставили землю и воду Ксерксу, а позднее перед лицом персидской угрозы вынуждены были перейти на сторону врагов: фиванцы (Hdt., VII, 202; Diod., XI, 4, 7; Plut. De Her. malign., 867A = Aristoph. FGrHist. 379. F.6; Nicander Colophon. FGrHist. 271/2. F. 35;), локры (Hdt., VII, 203; VIII, 1; Diod., XI, 4, 6), малийцы (Diod., XI, 4, 7), фокияды (Hdt., VII, 203; Diod., XI, 4, 7) и, возможно, даже фессалийцы (Hdt., VII, 172, 174). Островные полисы, присутствующие в списках победителей, к моменту возникновения Эллинского союза в 481 г. до н. э., напротив, были подвластны Персии и потому не могли быть «учредительными членами» коалиции. Определенно, что они присоединились к Эллинскому союзу только во время морских сражений с персами при Артемисии, Саламине (накосцы во главе с триерархом Демокритом: Hdt., VIII, 46; Hellanic. FGrHist. 1a, 4. F. 183; 323a. F. 28; 687a. F.11; Ephor. FGrHist. 70. F. 187 = Plut. De Her. malign., 36, 869A; теносская триера во главе с Пантием, сыном Сосимена: Hdt., VIII, 83) и Микале

⁷ В частности, в морской битве при Артемисии платейцы служили воинами и матросами на афинских кораблях. После этого сражения платейцы по примеру афинян переправили в безопасное место свои семьи и поэтому не имели возможности сражаться вместе с афинянами в битве при Саламине (Hdt., VIII, 44). В сражении при Платеях рядом с афинянами сражались 600 платейцев (Hdt., IX, 28). Геродот (VIII, 1) характеризует их как «храбрых и отважных, но неопытных в морском деле» (ὁπὸ δὲ ἀρετῆς τε καὶ προθυμίας Πλαταιεὺς, ἀπειροὶ τῆς ναυτικῆς ἐόντες). В дальнейшем платейцы получили гарантии свободы и независимости (Thuc., II, 71, 2; Plut. Arist., 21) — это решение, как считали греки, должно было помешать фиванцам инкорпорировать Платеи в Беотийский союз.

(самосцы, хиосцы, лесбосцы и «другие островитяне»: Hdt., IX, 103, 106).

Главный залог успешной войны с персами афиняне и спартанцы как ведущие участники Эллинского союза видели в единстве и согласованности действий. Так, например, Геродот (VII, 145; cf. Plut., Them., 6) передает клятву греков прекратить междоусобные войны (καταλλάσσεισθαι τὰς τε ἑχθρας καὶ τοὺς κατ' ἀλλήλους ἐόντας πολέμους), а также сообщает о намерении эллинских пробулов объединить под эгидой антиперсидской коалиции как можно больше греческих государств (φρονήσαντες εἰ κὼς ἐν τε γένοιτο τὸ Ἑλληνικόν καὶ εἰ συγκύψαντες τῷ τὸ πρήσσοιεν πάντες, ὥς δεινῶν ἐπιόντων ὁμοίως πᾶσι Ἑλλήσι: Hdt., VII, 145). Собственно говоря, этот фактор — единение греков в борьбе с персами — вероятно, должны были хорошо осознавать Ксеркс и его сатрапы, которые, как уже было сказано, направляя глашатаев с требованием земли и воды, успешно без военных затрат добились подчинения себе большей части государств островной и Балканской Греции. Теперь непосредственной задачей персидской дипломатии стало внесение раскола в антиперсидскую коалицию. Между тем начавшееся успешно для персов вторжение в Грецию (переход на их сторону большинства племен и полисов Северной и Средней Греции, сражение при Фермопилах, занятие Афин) способствовало тому, что Ксеркс предпочел в войне с непокорными эллинами использовать военную силу, а не дипломатические средства.

Ситуация коренным образом меняется после сражения при Саламине 480 г. до н. э. когда надежда персов на быструю победу над греками иссякла. Во всяком случае, определенно, что именно после этой битвы Ксеркс и его военачальники стали активно прибегать к дипломатическим средствам в отношениях с греками, используя в том числе и финансовые ресурсы для подкупа политических деятелей в полисах Балканской Греции⁸.

⁸ Существует, правда, единственное указание на то, что персы обратились к «подкупу» греков еще до сражения при Саламине. Лексикон Суда сохранил свидетельство о том, что Ксеркс накануне похода против Греции, направлял своих послов к находившемуся в изгнании на Эгине Аристиду Справедливому и предлагал ему 3000 дариков в тот момент, когда он намеревался возвратиться в Афины, но политик отказался от этих денег (Suid., s.v. Ἀριστείδης). Трудно сказать, насколько достоверна эта информация (сомнения в ее достоверности см.: Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1. С. 39), но она не выглядит совершенно невероятной, если принять во внимание готовность персов использовать финансовые средства для «подкупа» греческих политических деятелей уже в период Греко-персидских войн.

* * *

Первые же дипломатические акции персов в 480–479 гг. до н. э. имели своей непосредственной целью добиться распада Эллинского союза, который, как известно, базировался на участии в нем Афин и Спарты. Решающее значение позиции двух этих полисов во время конфликта с Персией несомненно, и это находит отражение у Геродота (VII, 139). Именно Геродот отмечает, что после Саламинского сражения в окружении персидского главнокомандующего Мардония все чаще стали раздаваться голоса об изменении стратегии и тактики ведения войны в Греции, отказа от непосредственных военных действий в пользу дипломатии, часто неофициальной, с особым акцентом на роль финансовых средств в отношениях с греками⁹. Как следует из сообщения Геродота (IX, 2), впервые эту идею высказали Мардонию некоторые фиванцы, занимавшие проперсидскую ориентацию в период Греко-персидских войн: «...Пошли денежные подарки наиболее влиятельным людям в отдельных городах, и этим ты внесешь раздор в Элладу. А затем с помощью новых приверженцев без труда одолеешь врагов». Эту же мысль Геродот (IX, 41) вкладывает в уста персидского военачальника Артабаза на военном совете накануне сражения при Платеях 479 г. до н. э.: «У персов ведь много золота в монете и нечеканного, а также серебра и драгоценных сосудов для питья. Все эти сокровища, ничего не жалея, нужно разослать эллинам, именно наиболее влиятельным людям в городах. Тогда эллины тотчас же предадут свою свободу, и персам вовсе не нужно будет вступать в опасную битву». Но, как считает Геродот, Мардоний не принял предложенный ему план действий, о чем, по мнению отца истории, говорит его намерение сражаться с греками в битве при Платеях. Но, как станет видно в дальнейшем, отказ Мардония не был столь категоричным, и персидский военачальник был готов к тому, чтобы использовать, насколько это было возможно в тех условиях, неофициальную «дипломатию золота».

⁹ О неофициальной дипломатии Персии: Рунг Э. В.: 1) «Неофициальная дипломатия» во внешней политике Персии по отношению к грекам // Историки в поиске новых смыслов / Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина 7–9 октября 2003. Казань, 2003. С. 217–225; 2) Неофициальная дипломатия Персии по отношению к грекам и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. Вып. 12. С. 66–77).

Здесь следует иметь в виду, что в использовании финансовых средств для достижения политических целей у персов были предшественники — лидийцы. Лидийское царство, как известно, прославилось среди греков своим богатством, и лидийские цари династии Мермнадов слыли богатейшими правителями с греческой точки зрения (Archiloch., FLG., fr. 19). Свидетельство лесбосского поэта Алкея о денежных средствах в размере 2000 статеров, полученных его группировкой от лидийцев для борьбы против тирана Мирсила (Alc., F. 69 L–P), — очень примечательное событие¹⁰. В античной традиции сохранились сведения об эфесе Эврибате, который еще в период Лидийско-персидской войны 547/6 г. до н. э. был направлен Крезом в Пелопоннес с некоторой суммой денег для набора наемников. Однако он перешел на сторону Кира и передал ему все деньги Креза (Ephor., FGrHist., 70, F. 58a-d)¹¹.

Эту-то политику, начатую еще лидийцами по отношению к грекам, и восприняли персы, оказавшись в той ситуации, когда попытки военного подчинения непокорного греческого мира оказались обречены на неудачу. Своими истоками эта политика, как было сказано, восходит ко времени, собственно, Греко-персидских войн — вторжению Ксеркса в Элладу.

2. Миссии Александра I Филэллина и Мурихида

К 480–479 гг. до н. э. принадлежат три известные персидские дипломатические миссии, связанные с «дипломатией золота». Прежде всего следует назвать миссию в Афины македонского царя Алек-

¹⁰ О позиции лидийцев в социально-политической борьбе на Лесбосе см.: Bowra C. M. Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides. Oxford, 1936. P. 158ff; Борухович В. Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э. // Античный полис / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1979. С. 40.

¹¹ Источники со ссылкой на Эфора употребляют следующие выражения в отношении цели миссии Эврибата: ὥστε στρατὶν συναγαγεῖν, ἐπὶ ξενικοῦ μίσθωσιν, ἐπὶ ξενολογίαν (Ephor. FGrHist., 70, F. 58a-d = Harpocrat., s.v. Εὐρύβατον; Suid., s.v. Εὐρύβατον; Diod., IX, 32). Эврибат стал известен как *πρόδοτης* и *πονηρός* (Ephor., FGrHist., 70, F. 58a-d) и в последующий период греки даже употребляли выражение «дело Эврибата» (Dem., XVIII, 24; Hesych., s.v. Εὐρύβατον πῖρξις) в качестве метафоры, означающей ситуацию, когда одновременно ведется призыв к войне с врагом и направляются послы к врагу для переговоров о мире; негодяи-предатели стали называться «эврибатами» (Suid., s.v. Εὐρύβατον ἄνδρα; εὐρυβατεύεσθαι; Zonar., s.v. εὐρυβατεύεσθαι; Eustath. Comm. ad. Hom., II, vol. I, 171; ad. Od., vol. II, 201–202) Функ Б. Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2. С. 21.

сандра I Филэллина (Hdt., VIII, 140–144), выступавшего в качестве персидского посланца после победы греков при Саламине летом 480 г. до н. э. (после того, как Ксеркс уже покинул Афины и отбыл в Азию, но до нового захвата города Мардонием: Hdt., VIII, 113; IX, 1–3)¹². Цель этой миссии, как явствует из рассказа Геродота, заключалась в намерении персов предложить афинянам условия договора и тем самым добиться их выхода из войны — это означало бы распад Эллинского союза. «отец истории» рассказывает о том, что посольство в Афины в 479 г. до н. э. направил персидский полководец Мардоний (Hdt., VIII, 140).

Показательно, что среди условий договора, полученных от царя Мардонием и затем переданных Александром, были условия о независимости и свободе: «...отдай им не только их собственную землю, но пусть они, кроме того, возьмут еще сколько хотят земли и останутся независимыми (αὐτονόμοι). Все святилища их, которые я предал огню... восстанови» (Hdt., VIII, 140). Наряду с этим, в речи македонского царя от имени Мардония содержались утверждения о могуществе персидского царя и бесполезности сопротивления персам: «И я спрашиваю вас: почему вы с такой неистовой яростью начали войну с царем? Ведь вам никогда царя не одолеть и вы не будете в состоянии вечно ему противиться. Вам, конечно, известно, сколь велико войско Ксеркса и какие подвиги оно совершило. Вы слышали также, какая военная сила теперь у меня. Поэтому, даже если бы вы меня и одолели, то явится вместо моего войска другое, более многочисленное. К чему вам равняться с царем и терять свою землю, к чему постоянно подвергать опасности свое существование? Примиритесь с ним! ...Заключите с ним союз без коварства и обмана и будьте свободны!» (ἔστε ἐλεύθεροι... ὁμαιχμίην συνθέμενοι ἄνευ τε δόλου καὶ ἀπάτης) (Hdt., VIII, 140). Как известно, афиняне отвергли персидские мирные предложения отчасти под влиянием спартанской стороны (Hdt., VIII, 141–143). Далее Геродот (IX, 7) в изложении речи афинских послов в Спарте поясняет сущность персидских предложений и тем самым раскрывает значение слова ὁμαιχμίη¹³: царь мидян

¹² Александр I был выбран персами в качестве посланника в Афины по нескольким причинам. Во-первых, он находился в родстве с персами, поскольку его сестра Гигея, дочь Аминты, была супругой перса Бубара, а племянник Аминта жил в Азии и был правителем фригийского города Алабанды; во-вторых, Александр был проксоном и эвергетом афинян (Hdt., VIII, 136). (См.: Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon. P. 118ff).

¹³ О значении слова ὁμαιχμίη в данном контексте сообщения Геродота см. также: Tronson A. The “Hellenes” as a Political Concept. P. 183–184. Not. 52

возвращает территорию и желает, чтобы афиняне стали союзниками на равноправных условиях без обмана и коварства (συμμάχους ἐθέλει ἐπ' ἴσῃ τε καὶ ὁμοίῃ ποιήσασθαι ἄνευ τε δόλου καὶ ἀπάτης). Геродот не упоминает о том, что Мардоний предлагал афинянам деньги. Однако он сообщает, что афиняне дали обеспокоенным спартанским посланцам ответ, в котором подразумевалась готовность персидской стороны предоставить афинянам значительные финансовые средства: «Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодотворной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство...» (Hdt., VIII, 144).

Более определенно о персидском предложении денег афинянам говорит Аристодем, который в своем рассказе мог следовать традиции, отличной от Геродотовой. Он отмечает, что Мардоний, напав на Александра I в Афины, предложил афинянам 10 тыс. талантов (Aristod., FGrHist., 104, F. 1 = P. Oxy., XXVII, 2469; Isocr., IV, 94)¹⁴. Сумма огромная, и она едва ли могла быть в действительности предоставлена, однако обещание денег вполне могло присутствовать в арсенале средств персидской дипломатии того времени.

К 479 г. до н. э. принадлежит миссия геллеспонтийца Мурихида на Саламин к афинянам также с предложением мира и союза с персидским царем Ксерксом; за этой дипломатической миссией также стоял Мардоний, уже успевший вновь захватить Афины (Hdt., IX, 4). В последнем случае Геродот не отрицает возможность использования персидских денег для подкупа одного из членов буле — Ликида, который подал афинянам совет согласиться с предложениями Мурихида, за что и был забит камнями (женщины же учинили расправу над семьей Ликида: Hdt., IX, 4–5). Демосфен (XVIII, 204) и некоторые более поздние античные авторы упоминают об этом случае, но вместо Ликида они называют Кирсила (см. также: Лус. In Leocr., 122; Cic., De off., III, 48). По интересной догадке А. Веррала, человек, подвергшийся расправе за предложение сотрудничества с персами, на самом деле звался Кирсил, а Ликид — это только его патронимик; в этом случае его полное имя было Κύρσιλος Λυκίδου — Кирсил, сын Ликида¹⁵. Вообще отмеченная Геродотом реакция афинян на персидские дипломатические акции обнаруживает их достаточно жесткую по-

¹⁴ Weissenberger M. Das persische Friedensangebot an Athen. Umdatierung und Wertung eines historischen Faktums bei den Rednern des 4 Jhs // Hermes. 1996. Bd. 124. S. 418–424.

¹⁵ Verral A. W. The Death of Cysrilus Alias Lycides: A Problem in Authorities // CR. 1909. Vol. 23. № 2. P. 36–40.

зицию по вопросу примирения с персами. Причина такой позиции, очевидно, заключалась не только (и не столько) в факте осознания афинянами идеи общегреческого единства, находящей отражение у отца истории, но в тех бедствиях, которые выпали на долю афинских граждан и их семей по милости царя Ксеркса, а затем и Мардония: Афины были заняты и затем сожжены персами. Именно это привело к появлению среди афинского демоса идеи возмездия, которая находит отражение уже у Эсхила, а также в деятельности Делосского союза. Вероятно, интересы афинян должна была отражать та часть греческой клятвы перед битвой при Платеях, где грекам было предписано не восстанавливать сожженные храмы, а оставить их в неизменном виде в качестве напоминания потомкам о злодеяниях персов (Лус. in Leocr., 81; Diod., XI, 29, 4). Хотя спартанцы не были настроены столь непримиримо по отношению к персам, несмотря даже на гибель царя Леонида при Фермопилах, они также, обладая лидерством в Эллинском союзе, не желали вести какие-либо сепаратные переговоры с Ксерксом и его сатрапами.

3. Миссия Арфмия Зелейского в Грецию

В сообщениях различных античных авторов есть рассказ об осуждении афинянами зелейца Арфмия, который доставил персидское золото в Пелопоннес — τὸν χρυσὸν τὸν ἐκ Μῆδων εἰς Πελοπόννησον ἡγάγεον¹⁶. Рассказ этот, несомненно, относится к реально имевшим

¹⁶ Демосфен (IX. 41; XIX. 272) и Динарх (II. 24) отмечают, что текст надписи был высечен на медной стеле и установлен на акрополе (εἰς στήλην χαλκῇν γράψαντες εἰς ἀκρόπολιν), причем Демосфен добавляет, что в его время стела находилась справа возле большой бронзовой статуи Афины Промехос (παρὰ τὴν χαλκῇν τὴν μεγάλην Ἀθηνᾶν ἐκ δεξιᾶς) (Dem., XIX, 272). Общим местом у всех авторов является свидетельство об атимии как самого Арфмия, так и всего его рода, признание его врагом (ἐχθρὸς καὶ πολέμιος) не только афинян, но и афинских союзников (τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ συμμάχων). Но что же означает атимия Арфмия (почти все античные авторы, за исключением разве что Динарха, единодушны в объявлении его ἄτιμος: Dem. IX. 41; Hagnocat. s. v. ἄτιμος; Ael. Arist. Panath. 1. 310; Pro Plato. 218, Lept. 2. 676)? Как известно, термин «ἄτιμος» означает буквально «лишенный чести», «опозоренный», «презираемый», однако в более узком своем значении он может применяться для обозначения человека, лишенного всевозможных предоставленных ранее прав и привилегий, например гражданства. В случае же с Арфмием атимия ему выступает наряду с объявлением его «врагом» и изгнанием из Афин. В таком случае, объявление Арфмия ἄτιμος должно было автоматически лишить его всех почестей и привилегий в Афинах, которыми он обладал как афинский проксен

место событиям, о нем повествуется у афинских ораторов IV в. до н. э. (Dem., IX, 41; XIX, 272; Din., II, 24–25; Aesch., III, 258–259)¹⁷. Однако обстоятельства этой миссии довольно неоднозначно определяются в современной историографии.

Некоторые историки справедливо придерживаются датировки этой миссии временем похода Ксеркса, но неверно определяют исторический контекст поездки Арфмия в Грецию. Так, например, М. Уоллэс предположил, что Арфмий обеспечил нейтралитет Аргоса в Греко-персидских войнах, и это мнение все еще находит поддержку в историографии¹⁸. Однако здесь недооценивается тот факт, что никто из античных авторов не говорит о принятии аргосцами персидского золота, хотя уже Геродот, как это вполне очевидно, знал по крайней мере несколько различных объяснений позиции Аргоса в период Греко-персидский войн (Hdt., VII, 149–152; см. также: Р. Оху. VI. 857 = FGrHist. 105 F. 3). Надо думать, что указание на принятие царского золота аргосцами несомненно было бы сделано античными авторами, если бы имелись какие-либо подозрения, что их подкупили персы.

Дж. Грот, М. Кэри и Г. Шефер доказывали, на наш взгляд, довольно безосновательно, что миссию Арфмия следует относить ко времени политических процессов по обвинению в мидизме Фемистокла в Афинах и Павсания — в Спарте (конец 470 — начало 460-х гг. до н. э.). По их мнению, посланный персами зелеит вел агитацию в Пелопоннесе в тот момент, когда Павсаний временно проживал в троядских Колонах, а Фемистокл — в Аргосе¹⁹.

(а мы знаем, что проксения редко давалась сама по себе, чаще всего в совокупности с другими привилегиями). В пяти афинских документах V в. до н. э. объявление кого-либо ἄτιμος предусматривало конфискацию имущества (τὰ χρήματα δημοσία εἶναι) с посвящением десятой части (ἐπιδέκατον) Зевсу Олимпийскому (см.: IG. I3. 21, сткк. 28; 40, сткк. 33–36; 46A fr. a, сткк. 27–29; 71, сткк. 32–33; 1453 B, сткк. 10, C, сткк. 4–5).

¹⁷ Об этой миссии см.: Swoboda H. Arthmios von Zeleia // AMO. 1893. Bd. 16. S. 49ff; Judeich W. Arthmios // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 1449; Cary M. Arthmios of Zeleia // CQ. 1935. Vol. 29. P. 277–280; Mannes E. T. Il decreto ateniese di atimia contra Artmio di Zeleia (proseno degli Atheniesi?) // RSA. 1962. P. 241–250; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 508–512; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 32; Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations // L'or perse et l'histoire grecque. REA. T. 91. № 1/2. P. 230; Рунг Э. В. Миссия Арфмия Зелейского в Грецию // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 169–182.

¹⁸ Wallace W. Early Greek Proxenoï // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 200–202; Forrest W. G. Themistocles and Argos // CQ. 1960. N.S. Vol. 10. P. 239; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 32.

¹⁹ Cary M. Arthmios of Zeleia. P. 177–180; Schaefer H. Probleme der alten Geschichte. Göttingen, 1963. S. 27–28; Р. Мейггз проводил связь миссии Арфмия с «делом Павсания» (Meiggs R. The Athenian Empire. P. 508–512).

Наконец ряд исследователей, также взяв за основу сообщение схолий к Аристиду о том, что автором псефизмы был Кимон, датируют поездку Арфмия в Грецию более поздним временем, — 450 гг. до н. э., обычно принимая в качестве исторического контекста этой миссии афинскую экспедицию в Египет и первую Пелопоннесскую войну. Они связывают миссию Арфмия с безуспешной поездкой Мегабаза в Спарту с персидским золотом, о которой сообщает Фукидид (I, 109, 2–3) и Диодор (XI, 74, 5–6). Впервые это мнение высказал Г. Бузольт. Его поддержали Г. Свобода, В. Юдайх, Г. Глотц и Р. Коэн, Д. М. Льюис²⁰. Псефизму же против Арфмия эти ученые относили ко времени возвращения Кимона в Афины из изгнания — к 454–451 гг. до н. э.

Здесь следует заметить, что такая датировка противоречит даже тем скудным сведениям в источниках, в которых псефизма приписывается Фемистоклу, а деятельность Арфмия относится ко времени Греко-персидских войн. Фукидид говорит только о поездке Мегабаза в Спарту после успешных военных действий египтян и афинян в дельте Нила (около 456 г. до н. э.), но хранит молчание по поводу других посланцев (Thuc., I, 109, 2–3). Диодор (XI, 74, 5–6) сообщает о направлении в Спарту «друзей царя», но замечание историка столь неопределенно, что трудно из него делать обоснованные выводы.

Теперь обратимся к источникам и попытаемся определить тот исторический и хронологический контекст, к которому может принадлежат дипломатическая миссия Арфмия Зелейского. При определении обстоятельств и хронологии миссии Арфмия исследователи зачастую не принимают во внимание сообщений комментаторов к произведениям античных авторов — составителей схолий. Это, очевидно, во многом объясняется тем, что их информация представляется сомнительной и поэтому имеет небольшую ценность. Миссия же Арфмия в Грецию упоминается в целом ряде схолий, причем как раз в соответствующем историческом контексте. Так, в нескольких схолиях к драме Эсхила «Персы» говорится о том, что Арфмий выступал в качестве посланца царя Дария I и привез «золото варваров» в Афины, за что и подвергся атимии: καὶ Ἀρίθμιον τὸν Ζελεΐτην ἡτίμωσαν, χρυσίον βαρβαρικὸν αὐτοῖς (sc. τοῖς Ἀθηναίοις) παρὰ Δαρείου κομίσαντα πρεσβεύμενον. Если строго следовать схолиасту,

²⁰ Swoboda H. Arthmios von Zeleia. S. 49ff; Judeich W. Arthmios von Zeleia. Sp. 1449; Glotz G., Cohen R. Histoire Grecque. T. 2. P. 154; Lewis D. Persian Gold in Greek International Relations. P. 230. Критику этой точки зрения см.: Salmon P. La politique Egyptienne d'Athènes (VIe et Ve siècles avant J-C). Bruxelles, 1965. P. 161–165.

поездку Арфмия следует помещать в контекст событий, предшествующих экспедиции Датиса и Артафрена против Афин и Эретрии, закончившейся поражением персов при Марафоне в 490 г. до н. э., между казнью афинянами некоего переводчика-самосца, доставившего царские послания в Афины, и расправой над Кирсилом (Ликидом), членом буле, и его семьей за то, что он подал афинянам совет предоставить царю землю и воду (Schol. Aesch. Persae, sch. hyp. 15). Однако в сведениях схолиаста несколько перепутан порядок событий. Информация о казни переводчика-самосца, как уже говорилось, находит подтверждение в других источниках, а вот расправу над Кирсилом (Ликидом) Геродот относит только к 479 г. до н. э., и в этом вопросе конечно следует отдать предпочтение «отцу истории». Кроме того, схолиаст говорит о посещении Арфмием Афин, и оратор Эсхин также указывал на это событие (Aesch., III, 258). Все же последнее заключение не представляется достоверным и выглядит более как попытка указанных авторов объяснить появление в Афинах псефизмы против Арфмия. Демосфен (IX, 43), например, подчеркивает, что зелеит не посещал Афины, но более весомый аргумент проистекает из самого постановления афинян, где записано, что Арфмий доставил золото от мидян в *Пелопоннес*. Надо думать, что такая оговорка отсутствовала бы в случае посещения зелеитом Афин. Несмотря на некоторые неточности, в сообщении автора схолий может содержаться и рациональное зерно, особенно в том, что касается датировки миссии Арфмия периодом Греко-персидских войн. Однако имеются основания не согласиться с отнесением схолиастами миссии Арфмия ко времени Дария I (см. ниже). В то же время большее доверие вызывает информация в других схолиях, где миссия Арфмия Зелейского в Греции отнесена ко времени экспедиции Ксеркса 480 г. до н. э. Например, в схолиях к Элию Аристиду записано: «Когда Ксеркс выступил походом против Греции, желая послать золото лакедемонянам, чтобы они объединились с ним против афинян, он вынудил Арфмия доставить его: тот ведь когда-то жил в Афинах и по воле случая был захвачен персами» (Schol. Ael. Arist. 3. 327). Это сообщение содержит такие подробности, которые не выглядят невероятными. Так, схолиаст говорит, что Арфмий некогда жил в Афинах (ὁ Ἀρφμῖος ἐν Ἀθήναις ᾤκει), и это его замечание согласуется с данными Эхина о проксеническом статусе зелеита (Aesch., III, 258) и указанием в псефизме на его изгнание из Афин (Din., II, 25; Aesch., III, 258). Далее схолии называют Спарту городом, в который был направлен Арфмий с персидским золотом, и это вполне согласуется с текстом псефизмы, где упоминается Пелопоннес. Сравнивая схолии

к Эсхилу и Элию Аристиду, нельзя не задаться вопросом о том, как согласуются между собой эти данные о времени миссии Арфмия Зелейского в Грецию. Возможность попытаться определить истинную хронологию визита Арфмия предоставляется благодаря тексту самой псефизмы. Ее можно отнести к периоду после создания Делосской симмахии, поскольку в тексте документа присутствует ссылка на афинских союзников (Dem., IX, 41, XIX, 271; Din., II, 25; Harpocrat. s.v. ἄτιμος). Таким образом, *terminus post quem* для появления документа должен быть 477 г. до н. э., сама же псефизма могла отражать общую тенденцию наказания победителями тех греков, которые были замечены в сотрудничестве с врагом. Арфмий же был не просто δοῦλος τοῦ βασιλέως на том основании, что его родиной был город Зелея в Троаде (ведь, как замечает Демосфен, ἡ γὰρ Ζελεῖά ἐστι τῆς Ἀσίας, позднее вошедший в Афинский морской союз (440 г.: ATL II. 14. Col. 2. Стк. 38; 425 г.: ATL. II A 9. Col. 3. Стк. 102), но он был еще и эллин и таким образом мог подлежать политическому преследованию по обвинению в мидизме.

Если относить появление в Афинах псефизмы против Арфмия к периоду после 479 г. до н. э., то поездка уроженца Зелеи в Грецию может с большим основанием, конечно, принадлежать к 481–479 гг. до н. э. и таким образом даже быть синхронной с миссиями Александра I Филэллина и Мурихида, проводившими переговоры с афинянами. Напротив, если же мы помещаем миссию Арфмия в 491 г. до н. э., то мы должны ожидать появления псефизмы уже после сражения при Марафоне, когда афиняне и спартанцы, как известно, предпринимали согласованные действия, направленные на наказание персофилов в некоторых полисах Балканской Греции. Это заключение, таким образом, согласуется с данными схолий к Элию Аристиду, которые помещают миссию Арфмия в исторический контекст вторжения Ксеркса.

Такая точка зрения позволяет также ответить на вопрос, почему Арфмий Зелейский и весь его род подвергается атимии, объявляется врагом афинян и союзников и изгоняется из Афин за то, что он привез персидское золото в Пелопоннес (а не в Афины). Каким образом эта поездка Арфмия наносила вред интересам афинян? Надо сказать, что исследователи, которые датируют миссию зелеита и саму псефизму временем афинской экспедиции в Египет (450 гг. до н. э.), очевидно думают, что Арфмий, как и Мегабаз, агитировал в Спарте против афинян²¹. Однако можно предложить и иное объ-

²¹ См. напр.: Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 32.

яснение, если датировать псефизму против Арфмия периодом 480–479 гг. до н. э. Тогда указание на то, что Арфмий привез золото *εἰς Πελοπόννησον*, могло принадлежать только ко времени, когда Афины и Спарта совместно *сражались против персов* (до 478 г. до н. э.). Следовательно, появление Арфмия открыто не дискредитировало спартанцев: оно представляло собой одну из акций, направленных против персофилов²².

Плутарх в биографии Фемистокла, хоть и не определяет исторический контекст поездки Арфмия, тем не менее полагает, что выдвижение псефизмы принадлежит к заслугам Фемистокла (Plut. Them., 6). В одной из своих речей Элий Аристид также приписывал этот декрет Фемистоклу (Pro Plato. 303). Между тем в 1884 году были опубликованы новые схолии к речам Элия Аристида, в которых псефизма против Арфмия приписывалась не Фемистоклу, а Кимону. В схолиях отмечается: «Был некий Кратер, который собрал все псефизмы, записанные в Греции; и эта псефизма, записанная на стеле, принадлежит Кимону; Аристид говорит, что она принадлежит Фемистоклу» (Index Lect. Gott. 1884 p. 10 = Craterus FGrHist. 342. F. 14). Однако противоречия в традициях не дает существенного основания для пересмотра датировки афинской псефизмы против Арфмия. Напротив, можно предположить, что атрибуция псефизмы или Фемистоклу, или же Кимону в источниках могла быть более легкой лишь в одном случае: если документ принадлежал ко времени, когда действовали оба политика — т. е. к 470 гг. до н. э. Как известно, уже в 479 г. до н. э. Кимон выступает на политическом поприще в качестве одного из послов в Спарту (Plut. Arist., 10), а в 477/6 г. руководит афинскими войсками, осаждавшими г. Эйон (Schol. Aesch. II. 31).

4. Павсаний и персы: характер взаимоотношений

После отражения нашествия Ксеркса в 479 г. до н. э. инициатива ведения войны против Персии переходит к Афинам, которые два года спустя создают Делосский союз²³. В дальнейшем на протяжении трех

десятилетий именно афиняне приняли на себя основную роль в ведении военных действий против персов под лозунгами возмездия и освобождения греческих городов Эгеиды и Малой Азии от персидской власти. В осуществлении этих целей афинский стратег Кимон, сын Мильтиада, получивший репутацию последовательного противника Персии, сумел в короткое время значительно укрепить Делосский союз, пополнив его новыми городами Малоазийского побережья, прежде подвластными Персии, а около 466 г. до н. э. нанес двойное поражение (в морском и сухопутном сражениях) персам при р. Эвримедонте²⁴.

В то же время спартанцы, которые вплоть до 462/1 г. до н. э., очевидно, оставались номинальными предводителями Эллинского союза и сохраняли видимость союзнических отношений с Афинами²⁵, формально должны были также находиться в состоянии войны с Персией. Однако в этой ситуации фактически ничто не препятствовало спартанцам попытаться урегулировать свои отношения с персидским царем и его сатрапами неофициальным образом, особенно перед лицом роста напряженности в отношениях с афинянами. Со своей стороны и персидский царь Ксеркс, а после убийства последнего в 465 г. до н. э. Артаксеркс I, воспользовавшись вынужденным отстранением Спарты от участия в войне, пустили в ход всевозможные дипломатические средства для установления контактов с высокопоставленными спартиатами.

Sealey R. The Origins of the Delian League // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday. N.Y., 1967. P. 233–255; Raaflaub K. Beute, Vergeltung, Freiheit? Zur Zielsetzung des Delisch-Attischen Seebundes // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 1–22; Robertson N. D. The True Nature of the 'Delian League' 478–461 BC I–II // AJAH. 1980 [1981]. Vol. 5. № 1. P. 64–96; 1980 [1982]. Vol. 5. № 2. P. 110–133; Petzold K.-E. Die Gründung des Delisch-Attischen Seebundes: Element einer 'imperialistischen' Politik Athens? I–II // Historia. 1993. Bd. 42. Ht. 4. S. 418–443; 1994. Bd. 43. Ht. 1. S. 1–31. Из отечественной литературы см.: Строецкий В. М. К вопросу о возникновении и целях Делосской симмахии // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 51–66; Шувалов В. В. Проблемы организации I Афинского морского союза // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. С. 61–70.

²⁴ Точная дата битвы при Эвримедонте неизвестна. В целом о дискуссии в отношении хронологии пентеконтаэтии см., например: Unz R. K. The Chronology of Pentekontaetia // CQ. NS. 1986. Vol. 36. № 1. P. 68–85; Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 73–107.

²⁵ Вопрос о том, продолжал ли существовать Эллинский союз даже после возникновения Делосского союза остается дискуссионным (о проблеме см.: Строецкий В. М. К вопросу о возникновении и целях Делосской симмахии. С. 51–54). Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают, что Эллинский союз под предводительством спартанцев должен был существовать до 462/1 г. до н. э. — до тех пор, пока афиняне не разорвали союзнические отношения со спартанцами.

²² Об этом см. приложение 1.

²³ О Делосской симмахии существует огромная литература. Из наиболее обстоятельных работ см.: Larsen J. A. O. The Constitution and Original Purpose of the Delian League // HSCPh. 1940. Vol. 51. P. 175–213; Meyer H. D. Vorgeschichte und Gründung des delisch-attischen Seebundes // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 4. S. 405–446; Hammond N. G. L. The Origins and the Nature of the Athenian Alliance of 478/7 B.C. // JHS. 1967. Vol. 87. P. 41–61;

* * *

Для понимания характера спартано-персидских неофициальных дипломатических контактов после 479 г. до н. э. следует прежде всего обратиться к эпизоду с Павсанием, сыном Клеомброта, который был спартанским регентом при малолетнем Плистархе, сыне Леонида (Diod., XI, 29, 4: ἐπίτροπος ὢν τοῦ Λεωνίδα παιδός) и осуществлял общее руководство силами Эллинского союза в решающей битве при Платеях 479 г. до н. э. Как известно, Павсаний был отстранен от командования военными силами Эллинского союза и в конечном итоге осужден по тяжкому обвинению в персофильстве — мидизме²⁶. Однако в связи с персофильской деятельностью Павсания возникает ряд вопросов, требующих прояснения: насколько достоверна античная традиция, повествующая о связях спартанского регента с персами? А если она-таки достоверна, то каковы были мотивы Павсания в попытках наладить контакты с царем и сатрапами. Действовал ли он по собственной инициативе или же выполнял задание спартанских властей (пусть даже и неофициальное)?

На эти вопросы исследователи дают далеко не однозначные ответы. Так, в частности, некоторые историки вообще склонны отвергать факт наличия связей Павсания с персами и говорят о фальсификации обвинений против него в Спарте²⁷. Другие специалисты, соглашаясь с тем, что действительно имели место проявления мидизма у Павсания, по-разному определяют их обстоятельства²⁸.

²⁶ О «деле Павсания» существует значительная литература. См., напр.: *Schaefer H.* Pausanias (25) // RE. 1949. Bd. 18. Hbhd. 36. Sp. 2563–2578; *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // RhM. 1965. Bd. 108. S. 320ff; *Balcer J. M.* The medizing of the regent Pausanias // Actes du Ier congrès d'études balkaniques. Sofia, 1966. P. 105–114; *Fornara C. W.* Some aspects of the career of Pausanias of Sparta // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 3. S. 257–271; *Blamire A.* Pausanias and Persia // GRBS. 1970. Vol. 11. № 4. P. 295–305; *Rhodes P. J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd. 19; *Westlake H. D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles — a written source // CQ. 1977. NS. Vol. 27. № 1. P. 95–110; *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias. Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd. 94. S. 218–246; *Evans J. A. S.* The medism of Pausanias: two versions // Antichthon. 1988. Vol. 22. P. 1–11; *Паришков А. Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. № 1. С. 126–137; *Строгеецкий В. М.* Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. // Проблемы античной государственности / Сб. статей под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 60–85.

²⁷ См. например: *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy // JHS. 1912. Vol. 32. P. 34; (называет обвинение в мидизме Павсания смехотворным — ridiculous); *Lazenby J. F.* Pausanias, Son of Kleombrotos // Hermes. 1975. Bd. 103. P. 235–244; *Паришков А. Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте. С. 126–133.

²⁸ См. *Schaefer H.* Pausanias. Sp. 2568ff; *Blamire A.* Pausanias and Persia. P. 295–305; *Строгеецкий В. М.* Политическая борьба в Спарте... С. 64–76.

В историографии часто можно встретить мнение, что в отношениях с персами спартанский военачальник преследовал главным образом далеко идущие личные цели²⁹. Однако еще У. Карштедт выдвинул тезис о том, что Павсаний в действительности выполнял задание спартанских властей: содействовал заключению мирного договора между Спартой и Персией в 460-е гг. до н. э.³⁰ Это предположение впоследствии справедливо подверглось аргументированной критике³¹; однако мнение о том, что Павсаний действовал по поручению спартанских властей (хотя и без особого успеха) нередко встречается в современной историографии³². Наиболее полно исследовал «персидский вопрос» в планах Павсания Дж. Джорджини, который доказывал, что спартанский военачальник стремился заключить союз с Великим царем, направленный на использование его флота для установления спартано-персидской гегемонии в Эгейском море. По мнению исследователя, этот союз должен был предоставить Спарте господство над большинством полисов греческих островов и материковой Греции, тогда как ионийские города остались бы за Персией. Дж. Джорджини полагает, что Павсаний и его город должны были получить огромные преимущества от такого урегулирования отношений, однако этот проект, хотя он и имел сторонников в Спарте, оказался несвоевременным, поскольку панэллизнизм и греко-варварская оппозиция все еще господствовали в умах греков после Греко-персидских войн. В то же время исследователь отнюдь не считает замысел Павсания нереалистичным; он предвосхитил ту политику, которой спартанцы стали придерживаться в 412 г. до н. э.³³

²⁹ Г. Берве считает, что Павсаний хотел править всей Грецией как вассальный тиран Великого царя (*Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 226). По мнению А. Бламайера, Павсаний рассчитывал на поддержку персов в осуществлении государственного переворота в Спарте. Как полагает исследователь, он мог пообещать Ксерксу, что новое спартанское «правительство» с ним во главе признает персидскую власть над всей Азией и, возможно, частью Европы (*Blamire A.* Pausanias and Persia. P. 303–304). Однако это утверждение едва ли может претендовать на достоверность, поскольку совершенно не ясно, чем персы могли реально помочь Павсанию, даже если принять не вполне ясное заявление Аристотеля (Polit., V, 6, 2), что тот пытался установить единоличную власть в Спарте.

³⁰ *Kahrstedt U.* Sparta und Persien in der Pentokontaetie // Hermes. 1921. Bd. 56. S. 320–325.

³¹ См.: *Judeich W.* Griechische Politik und Persische Politik im V Jahrhundert v. Chr. // Hermes. 1923. Bd. 58. Ht. 1. S. 1–19.

³² См., например: *Lang L. M.* Scapegoat Pausanias // CJ. 1967. Vol. 63. № 2. P. 83.

³³ *Giorgini G.* The Riddle of Pausanias. Untraveling Thucydides' Account // RSA. 2004. Vol. 34. P. 185.

В том же ключе рассуждает Л. Г. Печатнова, которая оценивает в целом деятельность Павсания следующим образом: «Павсаний, этот предтеча Лисандра, первым из греков сделал ставку на союз с Персией, поискам которого он посвятил последние годы своей жизни. Интересы его собственной карьеры, интересы той “партии”, которая стояла за ним, были непосредственно связаны с созданием спартано-персидской коалиции. Но время для нее еще не пришло. Спарта времен Павсания еще не находилась у той роковой черты, чтобы оплачивать финансовую помощь Персии фактическим признанием своей полувассальной от нее зависимости. Но уже в конце V в. спартанские военачальники станут обивать пороги дворцов персидских сатрапов и самого Великого царя, униженно прося денег на содержание армии и флота»³⁴. Эти рассуждения представляются нам наиболее близкими к истине, как мы и постараемся продемонстрировать в ходе дальнейшего анализа материала.

* * *

Рассмотрим характер спартано-персидских отношений в период пентеконтаэтии. Прежде всего, следует заметить, что Фукидид дважды обращается к эпизоду с Павсанием. В первом случае историк сообщает, что основным поводом к отзыву Павсания спартанцами с театра военных действий против персов были обвинения в высокомерии и надменности, выдвинутые союзниками (Thuc., I, 95, 1–3). Это объяснение хорошо согласуется с другими свидетельствами, которые предполагают, что действительной причиной отстранения Павсания были его конфликты с союзниками по антиперсидской коалиции (Hdt., IV, 81; V, 32; VIII, 3; Nymphis ap. Athen., XII, 50; Dem., LIX, 96, 4; Aristodem. FGrHist. F. 1, 4, 1; Plut. Cim., 6; Arist., 23; Nepos, IV, 1–3). Таким образом, мотивы отзыва Павсания, казалось бы, вполне понятны и не требуют дальнейших комментариев. Между тем Фукидид подчеркивает, что во время первого судебного разбирательства спартанскому военачальнику было предъявлено обвинение в мидизме — *κατηγόρειτο δὲ αὐτοῦ ἡμιστὰ μιδισμός* (Thuc., I, 95, 5), которое, правда, он сумел опровергнуть. Здесь афинский историк совершенно не поясняет сущности обвинения (это он уже делает в другом месте при повторном обращении к «теме» Павсания — Thuc., I, 128–134).

³⁴ Печатнова Л. Г.: 1) История Спарты. С. 198; 2) Спарта и Персия: История отношений. С. 87.

Напрашивается вопрос: можно ли говорить о мидизме Павсания еще в тот период, когда спартанский регент являлся стратегом Эллинского союза и по своей должности был уполномочен вести военные действия против персов? К этому следует добавить, что в античной традиции не сохранилось никаких упоминаний о попытках Павсания, сына Клеомброта, вступить в контакт с персидским царем или сатрапами во время войны с Ксерксом.

Г. Шефер относит начало контактов Павсания с персами к 478 г. до н. э.³⁵ К этому же мнению склоняются и некоторые другие исследователи, которые, обвиняя Павсания в мидизме, следуют античной традиции³⁶. Именно такой хронологии событий придерживаются Фукидид (I, 128, 3, 5, 131), Диодор (XI, 44, 3) и Корнелий Непот (Paus., IV, 2), которые сообщают, что Павсаний предпринял определенные шаги по сближению с персами сразу же после освобождения им Византии в 478 г. до н. э. Однако по мнению ряда исследователей (Ч. Форнары, П. Родса, А. Бламаейра), представляется все же весьма сомнительным, что спартанский военачальник завязал отношения с Ксерксом, еще занимая должность стратега эллинского войска в Византии³⁷. Как обычно считают, первое пребывание Павсания в Византии было довольно кратковременным (не более полугода) и потому явно недостаточным для тех действий по установлению контактов с персами, которые приписывают спартанскому военачальнику античные авторы (Thuc., I, 128–134; Diod., XI, 44–45; Nepos, Paus., IV, 2). Конечно, трудно признать этот аргумент решающим доказательством того, что античные авторы заблуждались, относя возникновение мидизма Павсания уже к 478 г. до н. э.³⁸ Однако более серьезный довод, очевидно, состоит в том, что если Павсаний стал искать контакты с персами, еще будучи официальным главнокомандующим военных сил Эллинского союза, то мотивы такого поступка представляются совершенно лишены смысла. Павсаний на тот момент располагал достаточной властью и политическим влиянием (и даже стремился к еще большему их укреплению, как это видно по обвинениям в его злоупот-

³⁵ Schaefer H. Pausanias. Sp. 2568.

³⁶ White M. E. Some Agiad Dates: Pausanias and His Sons // JHS. 1964. Vol. 84. P. 144; Giorgini G. The Riddle of Pausanias. P. 189–190; Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 66–70; Строецкий В. М. Политическая борьба в Спарте... С. 67; Печатнова Л. Г. Спарта и Персия: История отношений. С. 81 сл.

³⁷ Fornara C. W. Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta. P. 264f; Rhodes P. Thucydides on Pausanias and Themistocles. P. 389; Blamire A. Pausanias and Persia. P. 297–298.

³⁸ Возражения см.: Строецкий В. М. Политическая борьба в Спарте... С. 67–68.

реблении полномочиями); поэтому, разумеется, он должен был опасаться собственной дискредитации в ходе любых контактов с врагом. Да и спартанские власти (если они действительно дали Павсанию неофициальные инструкции начать переговорный процесс с царем и сатрапами) едва ли были заинтересованы в налаживании отношений с персами до тех пор, пока не лишились гегемонии в Эллинском союзе и непосредственного руководства военными действиями.

В то же время далеко не случайно, что сам Фукидид раскрывает суть обвинения Павсания в мидизме только при повторном обращении к теме (Thuc., I, 128–134). Поэтому представляется гораздо более вероятным, что Павсаний установил отношения с персидскими сатрапами и царем после своего возвращения из Спарты в Византий, но уже не в качестве главнокомандующего, а как частное лицо, что давало ему известную свободу действий; восприятие же им персидского образа жизни (в частности, ношение мидийской одежды, роскошный персидский стол, содержание мидийских и египетских телохранителей)³⁹, о чем свидетельствуют античные авторы (Thuc., I, 130, 1; 132, 1; Duris FGrHist., 76, F. 14; Aelian., VH., VI, 7; IX, 41; Athen., XII, 49; Suid., s.v. Πάυσανίας), могло иметь место только во время его проживания в Колонах Троадских (Thuc., I, 131, 1; Themist. Ep., XIV) — городе, который, как иногда предполагают, он мог получить в дар от царя Ксеркса⁴⁰.

Первым шагом, по словам Фукидида (I, 128, 4–5), была услуга, оказанная Павсанием Ксерксу, — освобождение из плена некоторых близких родственников царя, захваченных еще при взятии силами антиперсидской коалиции Византия в 479 г. до н. э. Это освобождение пленников, вопреки указанию Фукидида, очевидно произошло в период второго пребывания Павсания в Византии. Впрочем, сообщение Иона Хиосского (Ion von Chios. FGrHist., 392, F. 13 = Plut., Cim., 9, 3–6) о том, что многих пленников в реальности выкупали богатые и знатные родственники, позволяет поставить под сомнение сам факт употребления Павсанием должностных полномочий при освобождении пленных персов.

Посредником в отношениях Павсания с персами в тот момент стал эретриец Гонгилл (Thuc., I, 128, 6; Diod., XI, 44, 3; Themist.,

³⁹ Фукидид (I, 130, 1) говорит о том, что мидяне и египтяне охраняли (ἐδουρόρου) Павсания при отбытии его из Византии — во время проезда через Фракию (διὰ τῆς Θράκης πορευόμενον) — вероятно, имеется в виду отъезд спартанского регента в Малую Азию.

⁴⁰ Dunker H. Der Process des Pausanias // Sitzungsberichte. Bd. 43. B., 1883. S. 1135f; Печатникова Л. Г. Спарта и Персия: История отношений. С. 86.

Epist., 14), который, как сообщают Фукидид (I, 128, 6) и Диодор (XI, 44, 3), по поручению Павсания доставил в Персию из Византия упомянутых пленников, также передав персидскому царю Ксерксу и адресованное ему послание⁴¹. Здесь же Фукидид излагает содержание переписки между Павсанием и Ксерксом, которую некоторые современные исследователи считают фиктивной (составленной самим Фукидидом)⁴². Однако ряд историков все же отстаивает аутентичность письма спартанца к царю (I, 128, 6) и ответного послания Ксеркса (I, 129, 2)⁴³. Обратимся теперь к подробному рассмотрению этой переписки как вполне реального свидетельства в пользу начала непосредственных взаимоотношений спартанского военачальника с персами.

Письмо, адресованное Великому царю, гласило: «Павсаний, спартанский предводитель, желая оказать тебе услугу, отсылает тебе этих взятых им пленников. Я готов, если тебе угодно, взять твою дочь в жены и подчинить Спарту и всю остальную Элладу твоему владычеству. В союзе с тобой, полагаю, я в состоянии это совершить. Если тебе по душе мои предложения, то пошли к морю верного человека для продолжения этих переговоров»⁴⁴.

⁴¹ Согласно Ксенофону (Hell., III, 1, 6), Гонгилл Старший был единственным из эретрийцев, который бежал в Азию, так как был приверженцем мидизма (μόνος Ἐρετριέων μηδίσας ἔφυγεν), а братья Горгион и Гонгилл Младший владели Гамбрием и Палегамбрием, Мириной и Гринием (Xen. Hell., III, 1, 6; Anab., VIII, 8, 17). О Гонгилидах см.: Pareti L. Per la storia di alcune dinastie greche dell' Asia Minore // Idem. Studi Minori di storia antica. Roma, 1961. Vol. 2. P. 259–277; Briant P. Dons de terres et de villes. P. 58–63). О вехах жизни Гонгила ничего не известно. Невозможно сказать, например, относится ли зарождение мидизма Гонгилла ко времени Греко-персидских войн или оно было связано с выполнением задания Павсания по налаживанию контактов с Ксерксом. Сообщения античной традиции на этот счет противоречивы. Диодор (XI, 44, 3) говорит, что Гонгилл по поручению Павсания охранял персидских пленников в Византии. Однако Корнелий Непот (IV, 2) заявляет, что Павсаний освободил наряду с персидскими пленными — царскими родственниками также и эретрийца Гонгилла.

⁴² См.: Westlake H. D.: 1) Thucydides and the Pentekontaetia // CQ. NS. 1955. Vol. 5. № 1/2. P. 62; 2) Thucydides on Pausanias and Themistocles — A Written Source? // CQ. NS. 1977. Vol. 27. № 1. P. 102–103; Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте С. 129.

⁴³ См.: Olmstead A. T. A Persian Letter in Thucydides // AJSLL. 1933. Vol. 49. № 2. P. 154–161; Blamire A. Pausanias and Persia. P. 301–302.

⁴⁴ Πάυσανίας ὁ ἡγεμὼν τῆς Σπάρτης τοῦσδε τέ σοι χαρίζεσθαι βουλούμενος ἀποπέμπει δορὶ ἐλὼν, καὶ γνῶμην ποιοῦμαι, εἰ καὶ σοὶ δοκεῖ, θυγατέρα τε τὴν σὴν γῆμαι καὶ σοὶ Σπάρτην τε καὶ τὴν ἄλλην Ἑλλάδα ὑποχείριον ποιοῦσαι. δύνατος δὲ δοκῶ εἶναι ταῦτα πράξαι μετὰ σοῦ βουλευόμενος. εἰ οὖν τί σε τούτων ἀρέσκει, πέμπε ἄνδρα πιστὸν ἐπὶ θαλάσσαν δι' οὗ τὸ λοιπὸν τοὺς λόγους ποιησόμεθα. В письме особо следует обратить внимание на тот факт, что Павсаний в переговорах с Ксерксом намерен выступать прежде всего от

Примечательно ответное письмо Ксеркса, которое доставил Артабаз: «Так говорит царь Ксеркс Павсанию. Добрая услуга, которую ты оказал мне, спасая моих людей, попавших в плен, присланных тобой ко мне из-за моря из Византия, записана и хранится на вечные времена в памяти нашего дома. Твои предложения мне по душе. Ни днем ни ночью не прекращай трудов, выполняя свой замысел. Знай, что для выполнения твоего замысла будет у тебя всегда сколько угодно золота, серебра и достаточное войско, где бы оно ни потребовалось. Я послал к тебе Артабаза, доблестного мужа. Ему ты можешь довериться и обсудить с ним наше общее дело, имея в виду наибольшую выгоду для нас обоих»⁴⁵ (Thuc., I, 129, 2).

В письме Павсания Ксерксу, прежде всего, заслуживает внимания предложение Павсания взять в жены царскую дочь, имя которой, впрочем, античная традиция не сохранила (ср. Diod., XI, 44, 4; Aristodem. FGrHist. 104. F. 1, 4, 1; Just., II, 15, 14). Между тем Геродот (V, 32) передает непроверенный слух (εἰ δὲ ἀληθὴς γὰρ ἐστὶ ὁ λόγος) о том, что Павсаний фактически обручился с дочерью перса Мегабата — одного из военачальников Ксеркса, сатрапа Даскилия.

имени спартанцев как их предводитель, — ὁ ἡγεμὼν τῆς Σπάρτης, а не как военачальник Эллинского союза (ср., например: Thuc., I, 132, 2; Nymphis ap. Athen., XII, 50; cf. Hdt., IV, 81). Надо думать, что это едва ли было случайным. К моменту написания письма, как мы предполагаем, Павсаний мог уже не являться стратегом эллинов, однако, разумеется, должен был сохранять за собой статус спартанского регента, т. е. фактически царя (ср. Duris. FGrHist., 76, F. 14, где Павсаний называется Σπαρτιατῶν βασιλεὺς; cf. Dem. LIX, 96, 4). Кроме того, вполне очевидно, что Павсаний должен был представить себя как носителя власти, уполномоченного на ведение переговоров, а не как частное лицо.

⁴⁵ ὃδε λέγει βασιλεὺς Ξέρξης Πανσανίᾳ καὶ τῶν ἀνδρῶν οὓς μοι πέραν θαλάσσης ἐκ Βυζαντίου ἔσωσας κείσεταί σοι εὐεργεσία ἐν τῷ ἡμετέρῳ οἴκῳ ἐς ἀνάγραπτος, καὶ τοὺς λόγους τοῖς ἀπὸ σοι ἀρέσκομαι. καὶ σε μήτε νύξ μήθ' ἡμέρα ἐπισχέτω ὥστε ἀνεῖναι πρᾶσσειν τί ὧν ἐμοὶ ὑπὸ σπονῇ, μηδὲ χρυσοῦ καὶ ἀργυροῦ δαπανῇ κεκωλύσθω μηδὲ στρατιᾶς πλήθει, εἴ ποι δεῖ παραγίγνεσθαι, ἀλλὰ μετ' Ἀρταβάζου ἀνδρὸς ἀγαθοῦ, ὃν σοι ἔπειψα, πρᾶσσε θαρσῶν καὶ τὰ σὰ ὅπῃ κάλλιστα καὶ ἄξει ἀμφοτέροισι. Едва ли подлежит сомнению, что стиль этого письма напоминает эпистолярные образцы, выходящие из канцелярии персидских царей, в особенности сохранившиеся в греческих копиях. А. Олмстед обратил внимание на некоторые специфические слова и выражения в этом письме, в числе которых фигурируют ὃδε λέγει βασιλεὺς Ξέρξης (ср. ML, № 12, 1; Esr., II, 2), πέραν θαλάσσης — «за морем» (ср. др.перс. tyaiy drayahya — «те, которые за морем»: DB. I, 15; DSe. 28), εὐεργεσία (Hdt., III, 139–140; VIII, 85; Diod., XVII, 14, 2); ἐν τῷ ἡμετέρῳ οἴκῳ ἐς ἀνάγραπτος (ср.: ML, № 12, 16–17; Hdt., V, 31; VI, 9; Thuc., I, 137, 4; Philoch. FGrHist., 328, F. 149a) (Olmstead A. T. A Persian Letter in Thucydides. P. 157–161).

Однако эти два сообщения только на первый взгляд противоречат друг другу.

Во-первых, не исключено, что дочь Мегабата, как иногда предполагают в литературе, Ксеркс предложил в качестве жены Павсанию вместо своей дочери, поскольку последняя, по персидскому обычаю, должна были выходить замуж только за представителя персидской высшей аристократии⁴⁶. Во-вторых, допустимо предположение, что письмо к царю было написано уже после того, как по каким-то причинам не удался брак Павсания с дочерью Мегабата, и спартанский регент мог надеяться на более выгодный для себя брачный союз, разумеется, не зная о реальной матримониальной политике персидского царя. Этот ход событий даже более вероятен, поскольку вслед за письмом Павсания, как сообщает Фукидид (I, 129, 1), последовала отставка Мегабата и назначение Артабаза, сын Фарнака, наместником Даскилийской сатрапии с инструкциями установить контакты со спартиатом.

Что же касается упомянутого в письме намерения Павсания подчинить Спарту и Элладу персидскому владычеству, то едва ли этому заявлению в тексте письма следует придавать слишком большое значение. Это обещание следует рассматривать как искусный пропагандистский ход, предназначенный для того, чтобы заинтересовать Ксеркса в установлении с ним контактов.

В то же время в письме Ксеркса, помимо одобрения образа действий Павсания и предложения сотрудничества с Артабазом — тем самым полководцем, который руководил отступлением персидского войска из Греции после гибели Мардония при Платеях — заявляется о готовности царя предоставить в распоряжение спартанского регента золото, серебро и даже войска. Эти предложения, хотя и довольно вероятные, на тот момент носили главным образом декларативный характер, хотя современники могли быть уверены в том, что Павсаний позднее все же получил от персов в свое распоряжение какие-то финансовые средства. Так, греческий историк Хрисерм говорит о том, что царь Ксеркс предоставил спартанскому регенту 500 талантов золотом (Chrisermus FHG. IV. 361. F. 3 = Plut. Mor., 308B = Stob. Flor., III, 39, 31). Его сведения в некотором роде под-

⁴⁶ Й. Фогт доказывает возможность брака персидской принцессы и мужчины не персидского происхождения (Vögt J. Die Tochter des Großkönigs und Pausanias, Alexander, Caracalla // Gesetz und Handlungsfreiheit in der Geschichte. 1955. Bd. 119. S. 55–80). Г. Вальзер предполагает, что Павсаний согласился вступить в брак с дочерью Мегабата, хотя и просил дочь царя (Walser G. Heiraten zwischen Griechen und Achämeniden Prinzessinnen // AMI. 1983. Ergbd. 10. S. 87–90).

тверждает информация Диодора (XI, 44, 4), согласно которой Артабаз, имея у себя большое количество денег, снабдил втайне ими Павсания, с тем чтобы тот подкупил нужных ему людей из эллинов. Намек на это обстоятельство содержится и у Фукидида (I, 131, 2), который заявляет, что Павсаний решил подчиниться приказу эфоров и вернуться в Спарту из Малой Азии, надеясь подкупом снять с себя обвинения.

Теперь следует обратиться к обстоятельному рассмотрению одного из основных вопросов, относящихся к деятельности Павсания после его «отставки»: действовал ли спартанский военачальник по своему собственному усмотрению или же за ним стояли какие-либо влиятельные круги в Спарте, ищущие примирения с Персией в связи с осложнением афино-спартанских отношений. В частности, Э. Эндрюз справедливо предполагал, что за спиной Павсания стояли политические силы, недовольные переходом гегемонии в войне с персами к Афинам. (Правда, исследователь считает приувеличенным в источниках масштаб отношений спартанского регента с персами.)⁴⁷ Текст Фукидида (I, 128, 3) определенно не оставляет сомнения, что Павсаний вступил в контакт с персами на свой страх и риск. Историк сообщает: «После отстранения от командования силами Эллинского союза и суда в Спарте, на котором он был оправдан, Павсаний по собственному почину прибыл на Геллеспонт на гермионской триере якобы для того, чтобы участвовать в “Эллинской войне” против персов, а на деле для тайных переговоров с персидским царем (δημοσίᾳ μὲν οὐκέτι ἐξέπεμφθε, ἰδίᾳ δὲ αὐτὸς τριήρη λαβὼν Ἑρμιονίδα ἄνευ Λακεδαιμονίων ἀφικνεῖται ἐς Ἑλλάσποντον, τῷ μὲν λόγῳ ἐπὶ τὸν Ἑλληνικὸν πόλεμον, τῷ δὲ ἔργῳ τὰ πρὸς βασιλέα πράγματα πράσσειν)». Однако, если согласиться с Фукидидом, что Павсаний по своему усмотрению решился на установление контактов с персами, то возникает закономерный вопрос: почему он пошел на союз с врагом в тот момент, когда участники Эллинского союза, покарвав персофилов в материковой Элладе отчасти под его же собственным руководством (например, руководство Павсания карательной экспедицией против Фив сразу же после битвы при Платеях: Hdt., IX, 86–88), продолжали ведение войны с Персией в Эгейском море. В. М. Строгоцкий заявляет, что Павсаний намеревался восстановить свое влияние и господство при помощи внешней силы — персов⁴⁸.

⁴⁷ Andrewes A. Spartan Imperialism // Imperialism in the Ancient World / Ed. by P.D.A. Garnsey & C.R. Witteraker. Cambridge, 1976. P. 92–95.

⁴⁸ Строгоцкий В. М. Политическая борьба в Спарте... С. 71.

Однако едва ли спартанский регент мог серьезно рассчитывать на то, что переговоры с персами как-то помогут ему вновь вернуть положение главнокомандующего эллинов, если таково и было его намерение; скорее, они должны были способствовать еще большему отчуждению между ним и теми греками, которые во главе с Кимоном продолжали войну с Персией (см.: Plut., Cim., 6). Конечно, можно говорить о том, что Павсаний был жестоко оскорблен отстранением от руководства объединенными силами эллинов, и именно это обстоятельство подтолкнуло его к поиску контактов с персами. Однако, на наш взгляд, не следует говорить о сугубо личной заинтересованности спартанского регента, который, вместо того чтобы бежать в Персию по примеру многих греков, обвиненных в тот период в мидизме (в том числе Фемистокл), в течение ряда лет продолжал осуществлять контакты с персами⁴⁹, очевидно, на-

⁴⁹ Хронология последнего периода деятельности Павсания не до конца ясна. 478/7 г. до н. э. — первое возвращение Павсания из Византия в Спарту (событие, несомненно, произошло еще до основания Делосского союза: Thuc., I, 95, 6–7; 96). 476/5 г. до н. э. — изгнание Павсания из Византия афинянами, которые начали использовать этот город в качестве опорной базы уже при нападении на Эйон (Ephor. FGrHist., 70, F. 190; о датировке события архонтом Фидоном — 476/5 г. до н. э.: Schol. Aesch. II. 31; Plut. Thes., 36, 4). Ч. Форнара принимает во внимание сообщение Юстина / Помпея Трога (IX, 1, 3) о том, что Павсаний владел Византием в течение семи лет (per septem annos possessa fuit), и на этом основании датирует пребывание регента в этом городе с 478/7 по 472/1 гг. до н. э. (во время отсутствия там Кимона и афинян, которые вели военные действия против персов на фракийском побережье и в Малой Азии: сохранились списки имен афинян и даже некоторых афинских союзников (византийцев), погибших «при Сигее», «в Эйоне» и «в Кардии» — ἐπὶ Σιγείοις, [ἐν Εἰό]νι, [ἐν Καρ]δίαι: IG. I3, 1144 A II а, сткк. 32–37) (Fornara C. W. Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta. P. 267–271). С этим заключением Ч. Форнары фактически согласился Дж. Смарт, который, однако, относит начало военных операций Кимона к 470/69 г. до н. э. (аргументы: Smart J.D. Kimon's Capture of Eion // JHS. 1967. Vol. 87. P. 136–138. Рубеж 470–460-х гг. до н. э. — гибель Павсания. Фукидид на этот счет дает довольно точные указания — после изгнания остракизмом Фемистокла, во время его проживания в Аргосе (Хронология остракизма и изгнания Фемистокла дискуссионна в историографии: Lenardon R. J. The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 23–48; Суриков И. Е. 1) Фемистокл: Homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002; С. 361–362 [остракизм неопределенно датирован концом 470-х гг. до н. э.]; 2) Остракизм в Афинах. С. 138 [остракизм Фемистокла более уверенно отнесен к весне 470 г. до н. э., а казнь Павсания и осуждение Фемистокла — к 467 г. до н. э.].) В любом случае, «история» с Павсанием могла занять по времени до 10 лет. Особняком стоит мнение В. М. Строгоцкого, который считает, что спартанцы «расправились» с Павсанием не позднее осени или зимы 476 г. до н. э. (Строгоцкий В. М. Политическая борьба в Спарте... С. 76), но эта датировка неприемлема.

деясь на собственную безнаказанность. При этом он даже демонстративно показывал свою расположенность к врагу ношением персидской одежды и принятием персидских обычаев, но по первому требованию возвратился в Спарту из Малой Азии (Thuc., I, 130, 1). Поэтому следует согласиться с мнением ряда исследователей, что Павсаний действовал не только в собственных интересах (наличия которых, как мы видели, разумеется, не следует отрицать), но и по тайному заданию кого-то из представителей спартанских властей, которые рассчитывали при помощи регента возобновить дипломатические отношения с Персией⁵⁰. Это предположение довольно многое объясняет в действиях Павсания: оправдание его во время первого суда в Спарте по вопросу о злоупотреблении полномочиями (Thuc., I, 95, 5; 128, 3; Aristodem. FGrHist. 104. F. 1, 6, 2)⁵¹; предложение Павсания подчинить Элладу персидскому царю (при этом, вероятно, спартанский регент, как мы уже предположили, должен был выступать на переговорах с персами, конечно, не лично от своего имени) (Thuc., I, 128, 6); выжидательная позиция спартанских властей по вопросу о вторичном отзыве Павсания (под предлогом недостаточности доказательной базы для предъявления ему обвинения в мидизме) (Thuc., I, 132–133); согласие Павсания вернуться, повинаясь приказу эфоров, несмотря на то, что регент проживал уже в Малой Азии и продолжал контакты с Ксерксом и Артабазом (Thuc., I, 131, 2); наконец, продолжение отношений с персами даже во время пребывания в Спарте (одним из его курьеров к Артабазу (или Ксерксу) был некий аргилец — уроженец фракийского г. Аргила) (Thuc., I, 132, 5–133; Diod., XI, 44, 4–5; Aristodem. FGrHist. 104. F. 1, 8, 2–3; Nepos, IV, 4, 1–6). Кроме того, и это довольно важно, Фукидид (I, 131, 2; 134, 1) определенно предполагает, что некоторые спартанские эфоры были в сговоре с Павсанием. Однако, разумеется, после осуждения Павсания его политическими противниками (которые против него выдвинули ряд других обвинений кроме мидизма — от сговора с илотами до намерения захватить единоличную власть в Спарте: Thuc., I, 132, 4) и его смерти в храме Афины Медоносной, где он искал убежища у алтаря, спартанцы были заинтересованы в том, чтобы представить контакты с

⁵⁰ Lang L. M. Scapegoat Pausanias. P. 83; Giorgini G. The Riddle of Pausanias. P. 185; Печатнова Л. Г. 1) История Спарты. С. 198; 2) Спарта и Персия: история отношений. С. 87.

⁵¹ Впрочем, Корнелий Непот (IV, 2, 6) говорит о том, что Павсаний все же был оштрафован (multatur tamen pecunia).

персами как личную инициативу Павсания. Эта точка зрения широко представлена в античной традиции⁵². С другой стороны, Ксеркс также должен был воспринимать Павсания как представителя Спарты. Мы, конечно, не знаем, были ли сторонники возобновления контактов с персами в Спарте все теми же «друзьями» Демарата (который все еще проживал в Сузах в 470–460-е гг. до н. э.: Plut., Them., 29, 7–8; Phylarch. FGrHist., 81, F. 22 = Suid., s.v. τιαρά; Phot., s.v. τιαρά) или же противниками укрепления влияния афинян в Элладе (а может быть, и теми и другими). Хотя, конечно, вполне закономерно, что далеко не все представители политической элиты в Спарте могли смириться с переходом руководства в войне против персов к афинянам, тем более что в это время стали проявляться первые симптомы начала кризиса в отношениях двух бывших союзников по антиперсидской коалиции⁵³. То, что действия Павсания по осуществлению контактов с персами могут относиться ко времени после создания Делосского союза, вполне очевидно. Поэтому следует констатировать, что попытки спартанцев и Павсания урегулировать отношения с Персией, а в перспективе, возможно, даже заключить антиафинский союз, не увенчались успехом во многом благодаря сопротивлению среди самих спартанских властных кругов. Тем не менее эти события дали повод персам принять на себя инициативу в установлении контактов со Спартой. И такой случай представился в период первой Пелопоннесской войны, после того как в 462/1 г. до н. э. афино-спартанские союзнические отношения оказались разорваны.

⁵² Фукидид, разумеется, дает такие объяснения действиям Павсания, которые предполагали бы, что спартанский регент вел переговоры с персами лично от своего имени как частное лицо. Так, историк говорит, что Павсаний потому решил вернуться в Спарту из Малой Азии, что хотел снять с себя обвинения подкупом (Thuc., I, 131, 2). Далее Фукидид сообщает, что эфоры освободили спартанского регента из заключения и в дальнейшем медлили с его осуждением ввиду того, что не имелось достоверных доказательств его вины; Павсаний же занимал довольно высокое официальное положение в Спарте (Thuc., I, 132–134). Однако историк не объясняет причину первого оправдания Павсания. Далее, по его словам, некоторые эфоры предприняли попытку предупредить регента во время его задержания в Спарте (Thuc., I, 134, 1).

⁵³ Афино-спартанские разногласия по вопросу стратегии и тактики ведения войны против персов, как известно, проявлялись еще до возникновения Делосского союза. Само основание этого союза было уже явным проявлением серьезного кризиса в отношениях двух союзников (ср. например, имевшие место ранее попытки Фемистокла скрыть от спартанцев строительство афинских длинных стен: Thuc., I, 90–92; Diod., XI, 43, 1–4; Aristodem. FGrHist. F. 1, 5, 1–3); в дальнейшем отношения спартанцев с афинянами все более ухудшались вплоть до полного разрыва в 462/1 г. до н. э.

5. Миссия Мегабаза в Спарту

В конце 460-х гг. до н. э. афиняне, вероятно, по побуждению Кимона, направляют свою эскадру на Кипр, а оттуда в Египет на помощь мятежным династам Инару и Амиртею⁵⁴. Начинается шестилетняя кампания афинян в Египте, которая заканчивается полной неудачей: поражением и гибелью значительной части афинского контингента в тот период, когда Кимон пребывал в изгнании после неудачной для него остракофории⁵⁵. Поражение в Египте, первое столь крупное со времени изгнания Ксеркса из Греции в 479 г. до н. э., вероятно, должно было поставить на повестку дня вопрос о дипломатическом урегулировании отношений с Персией⁵⁶. Однако досрочное возвраще-

⁵⁴ О Кимоне как инициаторе афинской экспедиции в Египет см., например: *Паришков А. Е.* К вопросу о хронологии Афинского похода в Египет // ВДИ. 1970. № 1. С. 111; *Строгецкий В. М.* 1) Особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг. до н. э.) // ВДИ. 1987. № 2. С. 42; 2) Полис и империя в классической Греции. С. 121–122. Существует и другое мнение, согласно которому проект экспедиции на Кипр и в Египет поддерживали Перикл и его сторонники уже после изгнания Кимона из Афин (это мнение см.: *Salmon P.* La politique Egyptienne d'Athènes (VIe et Ve siècles av. J-C). Bruxelles, 1965. P. 119sqq).

⁵⁵ Обсуждение различных хронологических схем см.: *Salmon P.* La politique Egyptienne d'Athènes (VIe et Ve siècles av. J-C). P. 99–118; *Паришков А. Е.* К вопросу о хронологии Афинского похода в Египет. С. 107–111. Остракизм Кимона обычно относят к весне 461 г. до н. э., а его возвращение из изгнания — к 457 г. (о дате и обстоятельствах события см.: *Суриков И. Е.* Остракизм в Афинах. С. 135–137).

⁵⁶ Исследователи расходятся в оценках масштаба афинского поражения в Египте. Одни полагают, что афиняне потеряли в Египте самое большее 100 кораблей ввиду того, что остальная часть эскадры афинян и их союзников вела боевые действия против персов у берегов Кипра и Финикии (см.: *Caspari M. O. B.* On the Egyptian Expedition of 459–4 BC // CQ. 1913. Vol. 7. P. 198–201; *Wallace W.* The Egyptian Expedition and the Chronology of the Decade 460–450 BC. // TAPA. 1936. Vol. 67. P. 252–260; *Scharf J.* Die erste Agyptische Expedition der Athener // Historia. 1954–1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 308–325; *Holladay A. J.* The Hellenic disaster in Egypt // JHS. 1989. Vol. 109. P. 176–182; *Robinson E. W.* Thucydidean Sieges, Prosopitis, and the Hellenic Disaster in Egypt // CA. 1999. Vol. 18. № 1. С. 132–152; *Борухович В. Г.* Египет и греки в VI–V вв. до н. э. // Уч. зап. Горьк. ун-та. Вып. 67. 1965. С. 132; об афинских боевых действиях в Финикии в период экспедиции в Египет, результатом которых могло стать включение города Дора (аль-Дора) в Афинский морской союз [Steph. Byz., s.v. Δῶρος] см.: *Littman R. J.*: 1) Athens, Persia and The Book of Ezra // TAPhA. 1995. Vol. 125. P. 251–259; 2) Dor and the Athenian Empire // AJAH. 1999 [2001]. Vol. 15. № 2. P. 155176; *Ehrhardt C.* Athens, Egypt, Phoenicia, c. 459–444 B.C. // AJAH. 1999 [2001]. Vol. 15. № 2. P. 177–196.). Другие историки нашего времени отстаивают аутентичность сообщения Фукидида, которое, казалось бы, предполагает, что афиняне потеряли 250 кораблей, с учетом подкрепления, прибывшего в Египет уже после капитуляции Инара и основных афинских военных сил на о. Просопитида (*West-*

ние Кимона из изгнания положило начало возобновлению активных боевых действий против персов в Египте и на Кипре в 451 г. до н. э.⁵⁷ И только со смертью Кимона от болезни во время афинской морской экспедиции на Кипр ушел из жизни последний последовательный сторонник войны с Персией.

Знаменитый Перикл, который фактически направлял афинскую внешнюю политику в последующие годы, был, несомненно, заинтересован в заключении мирного договора с Персией, с тем чтобы переключить внимание своих сограждан на задачу укрепления афинской гегемонии в Элладе⁵⁸.

* * *

Ко времени афинской экспедиции в Египет принадлежит персидская дипломатическая миссия в Грецию — поездка перса Мегабаза в Спарту⁵⁹. Фукидид сообщает об этом предприятии предельно кратко (Thuc., I, 109, 4), но мы, поскольку хронологически миссия при-

lake H. D. Thucydides and Athenian Disaster in Egypt // CPh. 1950. Vol. 45. P. 210–212; *Li-bourel J. M.* The Athenian Disaster in Egypt // AJPh. 1971. Vol. 92. № 4. P. 605–615; *Meiggs R.* The Athenian Empire. P. 101–108, 439–441, 473–477).

⁵⁷ Об этом последнем предприятии Кимона см.: *Barrns J.* Cimon and the First Athenian expedition to Cyprus // Historia. 1953–1954. Bd. 2. S. 163–176; *Parker S. T.* The Objectives and Strategy of Cimon's Expedition to Cyprus // AJPh. 1976. Vol. 97. № 1. P. 30–38.

⁵⁸ Мнение о Перикле как стороннике мира с Персией периодически встречается в современной исследовательской литературе (*Суриков И. Е.* Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: Сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов / Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 229; *Sickingen J. P.* The Bureaucracy of Democracy and Empire // The Cambridge Companion to the Age of Pericles / Ed. by L. J. Samons II. Cambridge, 2007. P. 288). На наш взгляд, данное мнение выглядит вполне обоснованным. Попытки Э. Бэдиана доказать, что мирные переговоры с Персией должен был начать еще Кимон после своей победы при Эвримедонте в 466 г. до н. э., а Перикл и Эфиальт выступали против мира, менее убедительны (*Badian E.* From Plataea to Potidaea. P. 4, 12–17).

⁵⁹ Любопытно, что С. Хорнблауэр считает миссию Мегабаза «первым использованием новой и возобладавшей впоследствии персидской тактики: финансовое давление вместо военного» (*Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 175f). Однако исследователь не принимает во внимание ни свидетельства Геродота о готовности персов пустить финансовые средства для подкупа греков, ни примеры, когда такие средства могли быть предложены (миссии Александра I Филэллина и Мурихида). Что касается миссии Арфмия Зелейского, то С. Хорнблауэр занимает осторожную позицию по вопросу о ее датировке, хотя и отдает предпочтение версии, которая связывает Арфмий с Мегабазом.

ходится на разгар первой Пелопоннесской войны, можем быть уверены в следующих моментах: во-первых, Мегабаз доставил в Грецию персидские деньги; во-вторых, Артаксеркс I или даже, скорее, его сатрапы (возможно Мегабиз, сын Зопира) стремились использовать афино-спартанские противоречия в собственных целях. Так, по данным Фукидида, цель Мегабаза заключалась в том, чтобы побудить пелопоннесцев совершить вторжение в Аттику и тем самым вынудить афинские войска покинуть Египет.

Эту миссию постигла неудача. Фукидид сообщает: «Деньги были растрочены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию» (Thuc., I, 109, 4). Причина неудачного завершения миссии, вероятно, состояла в том, что власти Спарты не поддались на попытки Персии использовать афино-спартанские противоречия в собственных целях: эхо Греко-персидских войн все еще давало о себе знать, и любое сотрудничество с персами не способствовало укреплению репутации Спарты в Греции. Но интересно замечание Фукидида о том, что Мегабаз потратил часть своих денег среди спартанцев. Эта информация свидетельствует о том, что персидский посланец расходовал средства среди деятелей, не имевших большого влияния на внешнюю политику Спарты. (В этом также можно видеть активность сторонников сближения с Персией.)

* * *

Итак, события 480 г. до н. э. стали отправным пунктом для возникновения и развития персидской неофициальной дипломатии, при которой значительную роль стали играть финансовые средства для подкупа политиков в греческих полисах, хотя первые попытки персов подкупить основных участников Эллинского союза не увенчались успехом. Причина этого довольно проста: как афиняне, так и спартанцы стали воспринимать персов во время их вторжений в Грецию как своих непримиримых врагов. После перехода руководства в войне против персов к афинянам и создания Делосского союза некоторые представители спартанских властей уже сами пытаются договориться с Ксерксом и его сатрапами об урегулировании отношений с Персией при посредничестве Павсания, сына Клеомброта, бывшего стратега Эллинского союза. Эти попытки закончились неудачей, прежде всего, вследствие сопротивления сближению с персами в самой Спарте, а также в результате возникновения местной оппозиции Павсанию. Между тем персы охотно шли на налаживание контактов со спартанцами в надежде использовать их в

борьбе с афинянами, которые в то время во главе с Кимоном развешивали наступление против Персии в Восточном Средиземноморье. Даже после неудачи переговоров с Павсанием персы не отказались от своей задачи, о чем свидетельствует дипломатическая миссия Мегабаза в Спарту в 450-е гг. до н. э. Представители спартанской политической элиты по-прежнему не были единодушны по вопросу отношений с Персией, о чем говорит, во-первых, успешное использование финансовых средств Мегабазом для подкупа спартиатов, а во-вторых, провал основного плана персов — организации нападения спартанцев на Афины. После некоторых попыток установить контакты с персами спартанцы, вероятно, снова на десятилетия самоустранились от отношений с Персией.

Глава IV

ПРОБЛЕМА КАЛЛИЕВА МИРА
В КОНТЕКСТЕ ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Каллиев мир был договором, который, во-первых, ознаменовал завершение продолжительного конфликта между Афинами и их союзниками, с одной стороны, и Ахеменидской державой — с другой, а во-вторых, был заключен на равноправных условиях, а не с позиции силы. К настоящему времени о мирном договоре между Афинами и Персией существует достаточно обширная библиография. По замечанию И. Е. Сурикова, работы о Каллиевом мире появлялись с периодичностью в среднем раз в два года¹. Однако по мере выхода в свет все новых исследований дискуссия не только не прекращается, но каждый раз разгорается с новой силой. В итоге даже, казалось бы, хорошо установленные факты получают новые интерпретации. Как справедливо подчеркнул В. М. Строгеецкий в единственной русскоязычной статье, специально посвященной Каллиеву миру, «проблема Каллиева мира — одна из наиболее остро дискуссионных в пентеконтаэтии», и «это объясняется тем, что ученые спорят не столько о датировке и условиях договора, сколько об аутентичности его в целом»². Э. Бэдиан, приступая к обстоятельному исследованию Каллиева мира, говорит о том, что доказать аутентичность мира не составляет труда. Однако, по мнению историка, установление аутентичности означает только начало исследования, а не его конец, так как Каллиев мир — не только литературная, но и подлинно важная

¹ Суриков И. Е. [Рец.]: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore; London, 1993 // ВДИ. 1996. № 3. С. 198.

² Строгеецкий В. М. Проблема Каллиева мира... С. 158.

историческая проблема. Э. Бэдиан формулирует эту проблему так: «Вопрос о том, как, при каких обстоятельствах и в какой форме война, начатая Дарием и Ксерксом, пришла к окончательному завершению после враждебных действий, длившихся, по крайней мере, в течение жизни одного поколения, а также вопрос о сущности отношений между двумя великими державами в Эгейском регионе, возникших из этого соглашения, занимают место среди наиболее важных вопросов, которые должны обсуждать историки V в.»³.

1. Каллиев мир в оценках историографии

Дискуссия об аутентичности Каллиева мира берет свое начало еще в XIX в.⁴ Одни ученые стояли на традиционных позициях признания историчности Каллиева мира и оказания доверия представительной античной традиции, сообщающей о нем; другие же придерживались противоположного мнения. Среди работ традиционного направления первой половины XX века, несомненно, наиболее обстоятельной является статья Г. Уэйд-Гери, которая была опубликована в 1940 г. и явилась базовой для исследователей последующего времени. Г. Уэйд-Гери и его последователи доказывали, что Каллиев мир был действительно заключен между Афинами и Персией на тех условиях, о которых сообщает большинство античных авторов, и принимали датировку мира 449 г. до н. э.⁵ В то же время другие

³ *Badian E. The Peace of Callias*. P. 1.

⁴ Основные точки зрения историков XIX в. в отношении Каллиева мира были собраны и проанализированы Р. Мейгтзом (*Meiggs R. The Athenian Empire*. P. 487–495).

⁵ *Wade-Gery H. T. The Peace of Callias*. P. 121–156 = *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. P. 201–232. Существование Каллиева мира признавали Дж. Оливер, Э. Эндрюс, Р. Мейгтз, А. Раубичек, С. К. Эдди и некоторые другие исследователи прошлых десятилетий (См. *Oliver J. The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles* // *Historia*. 1957. Bd. 6. S. 254f; *Andrewes A. Thucydides and the Persians* // *Historia*. 1961. Bd. 10. Ht. 1. S. 15–18; *Meiggs R.*: 1) *The Crisis of the Athenian imperialism* // *HSCPh*. 1963. Vol. 67. P. 10–17; 2) *The Athenian Empire*. Oxford, 1972. P. 129–151, 487–495; *Raubitschek A. E. The Treaties between Athens and Persia* // *GRBS*. 1964. Vol. 5. P. 151–159; *Eddy S. K.*: 1) *On the Peace of Callias* // *CPh*. 1970. Vol. 65. № 1. P. 8–14; 2) *The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C.* // *CPh*. 1973. Vol. 68. № 3. P. 241–258). Отечественные историки традиционно стоят на позициях признания аутентичности Каллиева мира, см. *Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы*. С. 183; *Строгеецкий В. М.*: 1) *Проблема Каллиева мира...* С. 158–168 (на с. 162, прим. 18 см. ссылки на предшествующие работы); 2) *Полис и империя в классической Греции*. С. 139–141; *Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла* // ВДИ. 1999. № 2. С. 104–105.

исследователи отрицали сам факт существования мирного договора с Персией. Наиболее полно последняя точка зрения отражена в работах Д. Стоктона и К. Майстера, которые доказывали, что Каллиев мир представлял собой афинскую фальсификацию, а запись его условий на стеле появилась в IV в. до н. э. с целью противопоставить «прославленный» Каллиев мир «позорному» Анталкидову миру⁶.

К. Мьюризон полагал, что Каллиев мир в том виде, в котором он известен нам, был изобретен афинскими ораторами IV в. до н. э., и в частности Исократом, а затем уже в 340-е гг. до н. э. был записан на стеле и выставлен для всеобщего обозрения в Афинах⁷. Мнение К. Мьюризона справедливо подверг критике У. Томпсон⁸. Последний замечал, что Исократ написал свой «Панегирик» не для произнесения в народном собрании или суде, где никто не мог проверить его ложь; это был памфлет, предназначенный читателям всей Греции, даже врагам Афин, а, кроме того, очень малое из того, что оратор стремился доказать, зависело от факта существования договора, которому уделено всего два раздела в «Панегирике» (118, 120).

Другие исследователи считали возможным признать только заключенный около 423 г. до н. э. Эпиликов мирный договор (Р. Сици, Г. Б. Маттингли)⁹, третьи же высказывались в пользу неформального договора между Афинами и Персией (К. Шрадер, Дж. Холлэдэй)¹⁰. Следует отметить, что чаще всего основанием для сомнения в отношении достоверности античной традиции о Каллиевом мире служит как факт трудно объяснимого умолчания Геродота и Фукидида о договоре, так и свидетельства историков Каллисфена и Феоппа, которые воспринимаются как указание на отсутствие договора (по крайней мере, формального) Афин с Персией.

В 1980-е гг. в историографии прослеживается тенденция относить Каллиев мир к более раннему времени. Дж. Уолш первым из современных историков доказывал, что Каллиев мир, хотя и является аутентичным, должен считаться заключенным в 460-е гг. до н. э.,

⁶ Stockton D. L. The Peace of Kallias // *Historia*. 1959. Bd. 8. Ht. 1. P. 61–79; Meister K. L. Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historischen Folgen. Wiesbaden, 1982.

⁷ Murison C. L. The Peace of Callias: Its Historical Context // *Phoenix*. 1971. Vol. 25. № 1. P. 12f.

⁸ Thompson W. E. The Peace of Callias in the Fourth Century BC. // *Historia*. 1981. Bd. 30. Ht. 2. S. 164–177.

⁹ Sealey R. The Peace of Kallias once more // *Historia*. 1954–1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 328ff. Mattingly H. B. The Peace of Kallias // *Historia*. 1965. Bd. 14. Ht. 3. S. 273–281 = idem. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Michigan, 1996. P. 107–116.

¹⁰ Schrader C. La Paz de Calias. Testimonios e interpretación. Barcelona, 1976; Holladay A. J. The Detente of Callias? // *Historia*. 1986. Bd. 35. Ht. 4. S. 503–507.

после битвы при Эвримедонте¹¹. Таким образом, исследователь подвергал сомнению традиционную дату 449 г. до н. э. К настоящему времени дискуссия об аутентичности Каллиева мира стала уже делом прошлого (последняя работа, в которой ставится под сомнение Каллиев мир, — это статья К. Майстера, опубликованная в 1982 г.¹²); современные исследователи принимают в основном как установленный факт существование мирного договора. После появления большой статьи Э. Бэдиана дискуссия перешла в новое русло¹³. Исследователь предлагает и неординарное решение проблемы Каллиева мира, хотя, казалось, уже были приняты во внимание все варианты. Однако в отличие от предшественников, Э. Бэдиан постулировал существование сразу *нескольких договоров*, оформивших Каллиев мир между Афинами и Персией в истории пентеконтаэтии. Подобный взгляд на проблему также находит некоторую поддержку в историографии¹⁴. Первый из мирных договоров, по мнению автора, мог быть заключен Каллием сразу же после афинской победы при Эвримедонте еще с Ксерксом, незадолго до его смерти (в августе 465 г. до н. э.), затем был возобновлен с царем Артаксерксом I около 464 г. до н. э., и наконец, после периода активных боевых действий в Египте и на Кипре вновь был утвержден уже в 449/8 г. до н. э.¹⁵ Следует заметить, что исследователи, публиковавшие свои статьи по Каллиевому миру после появления работы Э. Бэдиана, неизменно подчеркивали значение этого исследования и его вклад в разработку проблемы, но не соглашались с положением о нескольких мирных договорах. П. Стилиану выступил против датирования Каллиева мира 460 гг. до н. э.¹⁶ Э. Бледов в работе, посвященной дискуссии о нескольких

¹¹ Walsh J. The Authenticity and the Dates of the Peace of Callias and the Congress Decree // Chiron. 1981. Bd. 11. P. 31–63. Эта точка зрения встречается, например, в монографии Э. Кина, посвященной Ликии: исследователь пишет, что Каллиев мир был заключен в 462/1 г. до н. э. (Keen A. G. Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, с 545–362 B. C. Leiden, 1998. P. 118).

¹² Meister K. Die Ungeschichtlichkeit... S. 1–124.

¹³ Статья была опубликована в 1987 г., а затем положена в основу главы по Каллиеву миру в монографии, посвященной истории и хронологии Пентеконтаэтии (Badian E. The Peace of Callias. P. 1–39 = Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 1–72).

¹⁴ Одобрительно о мнении Э. Бэдиана отзывались В. М. Строгеецкий и И. Е. Суриков (Строгеецкий В. М. Проблема Каллиева мира... С. 161; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 201).

¹⁵ Основные аргументы: Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 1–72.

¹⁶ Stylianou P. J. The Untenability of Peace with Persia in the 460s BC. // Meletai kai hypomnemata 2. Leukosia, 1989. P. 339–371. Об основных положениях работы можно судить по обстоятельному обзору Э. Бэдиана (Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 61–69).

договорах Каллиева мира¹⁷, а также К. Форнара и Л. Дж. Самонс в совместной монографии по истории классических Афин, подвергли сомнению основные аргументы Э. Бэдиана о нескольких мирных договорах с Персией. Л. Дж. Самонс на страницах своей статьи вновь высказывался за существование единственного Каллиева мира (здесь аргументы против мнения Э. Бэдиана представлены в более полном виде, чем в монографии, написанной в соавторстве с К. Форнарой несколькими годами раньше)¹⁸.

2. Дипломатическая миссия Каллия в Персию

Геродот является практически единственным античным автором, который говорит о посещении афинским посольством во главе с Каллием одной из персидских столиц — города Сузы (Hdt., VII, 151)¹⁹. Замечание о том, что Каллий был в Сузах «отец истории» делает как бы между прочим при изложении различных версий, объясняющих позицию Аргоса в период Греко-персидских войн: «С этим рассказом, как думают некоторые эллины, связан еще и другой случай, происшедший много лет спустя. Тогда в Мемноновом граде Сузах по другому делу находилось афинское посольство, именно Каллий, сын Гиппоника с товарищами. В это же время и аргосцы также отправили послов в Сузы, чтобы спросить Артоксеркса, сына Ксеркса: может ли продолжаться дружба и союз, заключенный с Ксерксом, как они этого хотят, или же царь считает их врагами. Царь

¹⁷ Bloedow E. F. The Peaces of Callias. P. 41–68.

¹⁸ Samons L. J. Kimon, Kallias and Peace with Persia. P. 129–140. Cf. Fornara C. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 171–175. С мнением Э. Бэдиана о трех Каллиевых мирах не соглашался, хотя и без какой-либо дискуссии, также Дж. Коуквелл (Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 115).

¹⁹ Каллий принадлежал к знаменитому в Афинах роду Кериков, считался богатейшим человеком в Афинах; он был прозван афинскими комедиографами *λακκόπλουτος* — «золотокопатель», по одной из версий, за то, что обнаружил персидский клад на поле битвы при Марафоне (Aristodem. FGrHist. 104. F. 13; Plut. Arist., 5, 8; Phot. s.v. *Λακκόπλουτος*; Suid. s.vv. *Λακκόπλουτος*; *Καλλίας*; Hesych.s.v. *Λακκόπλουτος*). О Каллии специально см.: Kirchner J. Kallias (2) // RE. 1919. Bd. 10. Hbhd. 2. Sp. 1615–1618; Tanner R. H. 1) The *Ἀρχιλόχοι* of Cratinus and Callias ὁ λακκόπλουτος // TAPA. 1920. Vol. 51. P. 172–187; 2) Callias ὁ λακκόπλουτος, the Husband of Elpinice // CPh. 1923. Vol. 18. № 2. P. 144–151; Cary M. ΚΑΛΛΙΑΣ Ο ΛΑΚΚΟΠΛΟΥΤΟΣ // CR. 1936. Vol. 50. № 2. P. 55; Freeman F. Portrait of a Millionaire — Callias Son of Hipponicus // G&R. 1938. Vol. 8. № 2. P. 20–35; Суриков И. Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи. С. 105–107.

Артоксеркс ответил на это аргосцам, что дружба, безусловно, сохраняется и нет для него города любезнее Аргоса» (Hdt., VII, 151). Это сообщение Геродота неоднократно становилось предметом внимательного рассмотрения со стороны исследователей, которые предлагали самые различные его интерпретации.

Так, раньше всего в историографии появилось мнение, что Геродот упоминал переговоры, связанные с заключением Каллиева мира в 449/8 г. до н. э. Эту возможность допускали У. Хау и Дж. Уэллс в комментариях к приведенному отрывку труда Геродота²⁰. По их мнению, нет причин сомневаться, что Каллий отправился в Сузы, чтобы вести переговоры в отношении мира 448 г. до н. э. Г. Уэйд-Гери фактически принимал указанную датировку посольства и также считал, что оно связано с заключением Каллиева мира²¹. В связи с этим предположением, однако, возникают определенные трудности при интерпретации отрывка Геродота, и прежде всего при объяснении мотивов, по которым «отец истории» не упоминал мирный договор, а цель посольства Каллия скрывал под неопределенной фразой «по другому делу» (*ἑτέρου πράγματος*), тем самым как бы подчеркивая различия в намерениях афинян и аргосцев во время пребывания их в Сузах.

Попытку объяснить молчание Геродота о мирном договоре и использование им выражения «ἑτέρου πράγματος» предприняли уже У. Хау и Дж. Уэллс (Г. Уэйд-Гери вообще не касался этого вопроса). Комментаторы труда Геродота считали, что «отец истории» потому не упоминает Каллиев мир, что этот мир при жизни историка не пользовался особой популярностью в Афинах²². Однако указанное мнение не встретило поддержки большинства ученых, которые полагали, что Геродот в данном пассаже говорит о мирных переговорах, а совсем не о заключении мира. Так возникло предположение, что «отец истории» упомянул другие безуспешные переговоры о мире, а не те, следствием которых стало заключение Каллиева мира 449/8 г. до н. э.

Э. Уолкер первым указал на возможность датировать посольства аргосцев и афинян в Сузы: по его мнению, неудачная попытка переговоров о мире произошла в период после битвы при Эвримедон-

²⁰ How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 2, ad. VII, 151.

²¹ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 228. В пользу этого мнения высказывался также такой авторитетный исследователь греко-персидских отношений, как Д. М. Льюис (Lewis D. M. The Thirty Years' Peace // CAH2. 1992. Vol. 5. P. 122. Not. 4).

²² How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 2, ad. VII, 151.

те — 462–460 гг. до н. э.²³ А. Гомм, комментируя предположение Э. Уолкера, также отмечает, что в 461 г. до н. э. афинское посольство не принесло результата (так как война началась снова в 459 г. до н. э.)²⁴. В настоящее время датировка упомянутой Геродотом дипломатической миссии Каллия в Сузы 460 гг. до н. э. стала почти что *communis opinio*, правда, результат этих переговоров оценивается различно. Если одни исследователи по-прежнему говорят о безуспешных переговорах афинян с персами²⁵, то другие настаивают на том, что эти переговоры завершились все же заключением Каллиева мира, и воспринимая данные Геродота как одно из свидетельств, позволяющих датировать сам мирный договор периодом после битвы при Эвримедонте — 460 гг. до н. э.²⁶

Для уточнения исторической ситуации во время посольства Каллия исследователи обращаются также к рассмотрению хронологии и целей аргосской миссии в Сузы, которая, как считает Геродот, проходила одновременно с афинской. У. Хау и Дж. Уэллс связывали прибытие послов из Аргоса в Персию, имевших целью возобновление договора о дружбе, с намерением аргосцев возвратиться к традиционной политике нейтралитета после более чем десятилетнего пребывания в союзе с Афинами — врагом Персии (Thuc., I, 102, 4) и заключения тридцатилетнего мира со Спартой в 451 г. до н. э. (Thuc., V, 14, 28, 40).

Г. Уэйд-Гери объяснял заинтересованность аргосцев в отношениях с Персией тем, что после заключения тридцатилетнего мира Афин со Спартой в 451 г. до н. э. Аргос опасался оказаться в политической изоляции. Некоторые исследователи, датировавшие переговоры с Персией второй половиной или концом 460-х гг. до н. э., объясняли посольство из Аргоса в Сузы исключительно необходимостью возобновления прежнего договора о дружбе и таким образом считали, что миссия аргосцев должна была состояться уже вскоре после восшествия Артаксеркса I на персидский престол. Так, по мнению Э. Бэ-

²³ Walker E. M. Athens and the Great Powers // CAH1. 1935. Vol. 5. P. 75–76.

²⁴ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1. ad. I, 106.

²⁵ Stockton D. The Peace of Kallias. P. 68–69; Murison C. L. The Peace of Callias. P. 26; Mattingly H. B. The Peace of Kallias. P. 276; Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 116–117; Fornara C. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. P. 174–175.

²⁶ Walsh J. The Authenticity and the Dates... P. 32–33; Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 3–4. В пользу этой точки зрения см.: Суриков И. Е. Два очерка о внешней политике Афин... С. 106.

диана, «аргосское посольство, очевидно, осуществляло традиционную и необходимую миссию по обеспечению дружбы нового правителя после его восшествия». По мнению ученого, поскольку послы ссылались только на дружественные отношения с Ксерксом, то ясно, что это было первое аргосское посольство к Артаксерксу; и ввиду той значимости, которую Аргос, очевидно, придавал продолжению связей с Персией, невозможно верить, что прошло много времени перед этим подтверждением дружбы. Поэтому, считает исследователь, любые гипотезы, которые помещают первое аргосское посольство к Артаксерксу многими годами после его восшествия, должны быть отвернуты. Дж. Коуквелл полагал, что заключение в 462/1 г. до н. э. союза Аргоса с врагом Персии — Афинами, было наиболее подходящей ситуацией, которой аргосцы могли спрашивать царя Артаксеркса I, будут ли они впредь считаться друзьями царя. С другой стороны, и Л. Дж. Самонс считал годом переговоров 462/1 г. до н. э., поскольку полагал, что аргосские послы выступали в качестве посредников афинян в отношениях с Персией²⁷. Исследователь считал также, что аргосцы могли иметь и свои причины для направления послов в Персию, и первой из таковых было желание получить поддержку против Спарты — извечного врага в Пелопоннесе.

Итак, как мы продемонстрировали выше, немногословное замечание Геродота вызвало чрезвычайно оживленную дискуссию в историографии, и это едва ли должно удивлять. Именно Геродот претендует на роль первого греческого историка, современника событий, способного подтвердить или опровергнуть факт заключения Каллиева мира. Однако само по себе сообщение отца истории так ничего и не проясняет, кроме разве что того очевидного факта, что Каллий во главе афинского посольства действительно вел переговоры в Персии. С учетом этого, во-первых, мы должны либо принять мнение, что Геродот упоминает переговоры, приведшие к заключению Каллиева мира (или подтверждению его условий!), либо же согласиться с большинством исследователей, которые считают, что он рассказывает о миссии, не принесшей положительного результата. Во-вторых, из сообщения отца истории остается неясной и хронология дипломатической миссии Каллия в Сузы. Мы, таким образом, находимся перед выбором: следует ли датировать посольство концом 460-х гг. до н. э. или же 449 г. до н. э.

Правда, рассматривая геродотовскую датировку посольства Каллия, следует обратить внимание на обычно игнорируемое выражение

²⁷ Samons L. J. Kimon, Kallias and Peace with Persia. P. 135–136.

отца истории, которым он вводит сообщение о пребывании аргосского и афинского посольства в Сузах: πολλοῖσι τε ἔτεσι ὕστερον γενομένον — «спустя много лет после произошедшего». Данное высказывание может свидетельствовать о том, что Каллий посетил Сузы после того, как царь Ксеркс отправил глашатая в Аргос в 481 г. до н. э. (Hdt., VII, 150). Датировка, конечно, не вполне определенная, но так как Геродот употребляет указанный оборот три раза, можно предположить, что существовал значительный временной интервал между событиями²⁸. Указанным оборотом Геродот пользуется также в седьмой книге, описывая временной интервал между походом Ксеркса в Грецию в 480 г. до н. э. и посольством спартанцев Анериста и Николая ко двору царя Артаксеркса I в 430 г. до н. э. аналогичной фразой — μὲν οὖν πολλοῖσι ἔτεσι ὕστερον ἐγένετο (Hdt., VII, 137); между двумя этими событиями прошло 50 лет! Некоторые современные исследователи, правда, принимают точку зрения, согласно которой в 449 г. до н. э. Каллий не посещал Персию, а вел переговоры на Кипре с персидскими сатрапами, уполномоченными царем на заключение мирного договора²⁹. Такое мнение, в частности, относительно недавно высказал Дж. Коуквелл, полагавший, что не существует свидетельства, будто Каллий отправился в Сузы в 449 г. до н. э.³⁰

Факт участия Каллия в переговорах с персами в связи с миром, носящим его имя, помимо Геродота, подтверждают и другие античные

²⁸ Геродот по три раза употребляет πολλοῖσι ἔτεσι ὕστερον (VII, 137, 151; IX, 73), χρόνῳ ὕστερον πολλῶ (I, 171; II, 52; VII, 170) и πολλοῖσι δὲ κάρτα ἔτεσι ὕστερον (II, 134, IV, 78; VI, 140). Однако он использует и другие обороты для обозначения промежутков времени: в его тексте встречаются не менее 42 раз слово ὕστερον (I, 113, 130, 156, 184, 187; II, 18, 53–54, 82, 101, 121, 123, 135, 142, 146, 154; III, 10, 88, 160; IV, 87, 159; V, 17, 61, 102; VI, 29, 91, 126; VII, 5, 20, 62, 95, 102, 106, 108, 213; VIII, 3, 75; IX, 17, 38, 76, 78, 105), 6 раз оборот χρόνῳ ὕστερον (II, 154; IV, 78; VI, 73; VII, 213, IX, 64, 75), 7 раз οὐ πολλῶ χρόνῳ ὕστερον (III, 36, 123, 126, 129; V, 21; VII, 133; IX, 101), 2 раза — ὕστερον ἔτεσι (I, 91, IX, 83) и по одному разу δέκα ἔτεσι ὕστερον (IX, 85) и ἡμέρῃ δὲ ὕστερον ὥς ἔτεσι (III, 65).

²⁹ См.: Walker E. M. The Peace of Callias // CAH. 1930. Vol. 5. P. 470; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1. ad. I, 106.

³⁰ Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 116. Not. 4. Исследователь предполагает, что всю предварительную работу могло проделать какое-либо другое афинское посольство, подготовившее почву для появления царского рескрипта в отношении условий мира, но найти в этой исторической ситуации место для такого посольства оказывается затруднительным. Кроме того, Дж. Коуквелл сравнивает роль Каллия с ролью спартанца Анталкида, который в 392 г. до н. э. обсуждал условия мирного договора с сатрапом Тирибазом, но не учитывает, что заключение Анталкидова мира в 386 г. до н. э. потребовало все-таки посещения Анталкидом царского двора в Сузах.

авторы (Диодор, Аристодем, Плутарх, Демосфен и др.), но ни один из них не говорит конкретно ни о месте проведения переговоров, ни о вовлеченности посольства Каллия в переговоры с самим царем Артаксерксом I. Диодор (XII, 4, 4–5), например, сообщает, что переговоры с афинянами по инструкции царя начали командиры персидских войск на Кипре — Артабаз и Мегабиз; однако, когда автор переходит к рассказу об организации афинянами посольства во главе с Каллием, то он ничего не говорит о том, куда афинские послы должны были отправиться, чтобы продолжить переговоры и согласовать мирный договор с Персией (так что это могли быть и Сузы). Аристодем, в свою очередь, говорит о том, что после смерти Кимона от болезни во время осады г. Китиона на Кипре, стратегом был выбран Каллий (στρατηγὸν αἰροῦνται Καλλίας), который «договорился с Артаксерксом и остальными персами — οὗτος Καλλίας ἐσπέισατο πρὸς Ἀρταξέρξην καὶ τοὺς λοιποὺς Πέρσας» (Aristodem. FGrHist., 104, F. 1). Выражение эпитоматора οἱ λοιποὶ Πέρσαι соответствует сообщению Диодора, который упоминает сатрапов Артабазу и Мегабизу. Правда, этот автор также ничего не говорит о месте проведения переговоров³¹.

Таким образом, существуют некоторые основания склоняться к тому, что Геродот, упоминая посольство Каллия в Сузы, как раз мог иметь в виду переговоры 449 г. до н. э. И если исходить из этого положения, то из сообщения Аристодема можно сделать закономерный вывод: Каллий получил от афинян необходимые полномочия для переговоров и заключения мира с Персией в силу своей должности стратега войска на Кипре — военачальника, ведущего войну против Персии³². Рассматривая вопрос о посещении Персии аргосской делегацией, также можно указать на причины, которые побуждали аргосцев вести переговоры с персами в 449/8 г. до н. э.

³¹ Э. Бэдиан принимает факт участия сатрапов Артабазу и Мегабизу в переговорном процессе, но отвергает положение, основанное на рассказе Диодора, согласно которому Каллий не отправился в Сузы. Выбор Каллия в качестве посла в Персию исследователь обосновывает тем, что этот афинянин был известен царю и, вполне возможно, был его ксеном (Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 47–48). Однако предположение о ксенических связях Каллия с Артаксерксом фактически ни на чем не основано, и если все же относить поездку Каллия в Сузы к 449/8 г. до н. э., остается неизвестным, посещал ли он Персию когда-либо раньше.

³² См., однако: Samons L. J. Kimon, Kallias and Peace with Persia. P. 132. Такой же вывод, и даже еще более определенный, можно сделать из анализа сведений лексикона Суды в отношении Каллиева мира (Suda. s.v. Καλλίας). Практика, когда греки доверяли ведение переговоров военачальнику, находила широкое распространение в более поздней истории.

Объяснение причин направления в Сузы посольства из Аргоса, предложенное Э. Бэдианом, почти целиком основывается на предположении, что аргосцы поручили своим послам вести переговоры о возобновлении дружбы с персами сразу же после смерти царя Ксеркса в 465 г. до н. э. Однако такая датировка ненадежна и даже может быть ошибочна; стоит только предположить, что аргосское посольство могло прибыть в Персию и спустя значительный промежуток времени после смены правителей, если только какая-то особая ситуация не побуждала Аргос как можно скорее урегулировать отношения с персами.

Э. Бэдиан говорит об особом стремлении аргосцев (*eagerness and anxiety*) к организации посольства к царю, но фактически он не проясняет, чем было вызвано такое рвение. Насколько мы знаем, аргосцы на протяжении двух столетий довольно нерегулярно поддерживали отношения с Персией, а после завершения Греко-персидских войн эти отношения вообще должны были потерять свою актуальность. Вопрос об отношениях с Персией мог быть поднят только в особой ситуации, которая, как это становится очевидно, сложилась в 451 г. до н. э. Хорошо известно, что в указанный год Аргос заключил тридцатилетний мир со Спартой (Thuc., V, 14, 4; 28, 2; 40), и в течение всего срока (до 421 г. до н. э.), несмотря на выпавшие на долю Греции катаклизмы, самым значительным из которых стала Пелопоннесская война, аргосцы строго придерживались политики нейтралитета³³. С другой стороны, с 461 г. до н. э. Аргос находился в союзе с Афинами; аргосцы принимали участие в Первой Пелопоннесской войне (например, в битве при Танагре в 458 г. до н. э.). Исходя из этого, становятся понятными опасения аргосских властей в отношении традиционной дружбы с Персией; в связи с афино-аргосскими союзническими отношениями последним не было понятно, будет ли новый царь Артаксеркс считать их по-прежнему своими друзьями. Этим и могла объясняться поездка аргосских послов в Сузы, имевшая место одновременно с миссией Каллия, сына Гиппоника. Если принять во внимание такой вариант развития событий, отпадает необходимость в предположении Л. Дж. Самонса о том, что аргосцы выступали посредниками для Каллия. Таким образом, следует вернуться к традиционному мнению, что Каллий совершил поездку в Персию в 449 г. до н. э. и

³³ Подробнее о внешней политике Аргоса в эти годы: *Kelly T. Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C.* P. 85. Правда, Т. Келли в указанной статье практически не касается вопроса взаимоотношений Аргоса и Персии.

в результате переговоров с Артаксерксом I заключил договор с Афинами.

Однако, если мы все же датируем посольство Каллия в Сузы, 449 г. до н. э., то возникает закономерный вопрос, неоднократно поднимаемый современными исследователями: почему Геродот не называет цель посольства Каллия. Потому ли, что она попросту не была столь важной для его повествования, или мы должны заподозрить Геродота в некой тенденциозности? Как говорилось, считают даже, что неупоминание «отцом истории» цели поездки делегации Каллия в Сузы и результата переговоров может выступать в качестве серьезного аргумента в пользу того, что во время этого визита в Персию мирный договор не был заключен. При этом ясно, что выражение Геродота *ἔτερον πρῆγμα* предполагает, что сам историк знал цель переговоров Афин с Артаксерксом I и отличал ее от цели, которую преследовала аргосская делегация во время пребывания в Сузах. Таким образом, цель афинян не предполагает *возобновления* договора с Персией, как то считает Э. Бэдиан, ибо в таком случае намерения аргосцев и афинян совпадали бы. Следовательно, в качестве цели афинян подразумевается *заключение нового соглашения!* С другой стороны, если Геродот решил не называть цель и результаты переговоров Каллия с Артаксерксом по той причине, что они закончились неудачей, то удивительно, почему «отец истории» вообще упоминает о Каллии в отступлении от основного повествования. Мы можем дать этому следующее объяснение: очевидно, Геродот просто следует своему принципу отбора материала, излагая на страницах истории далеко не все, что было ему известно, чтобы не нанести вреда репутации своих современников — политических деятелей Афин (как, кстати, могло быть и в случае с Каллием, который, если верить Демосфену (XIX, 273), был оштрафован на 50 талантов за то, что принял от персидского царя подарки в ходе своей миссии)³⁴ или же престижу государства. Вообще же, как справедливо заметил Э. Бэдиан, афинское посольство не могло иметь никаких дел в Сузах, пока Афины и Персия пребывали в состоянии войны; единственным основанием для такой миссии могла быть попытка эту войну прекратить³⁵. В то же время афиняне, очевидно, несколько лет спустя

³⁴ Подарки царя чужеземным послам, как мы знаем, были в обычае при царском дворе в Персии, и потому указание Демосфена не вызывает особых недоумений. В то же время современники Каллия, вероятно, могли обвинить его либо в подкупе, либо же в принятии подарков от враждебного правителя, каковым мог все еще по традиции считаться персидский царь.

³⁵ *Badian E. From Plataea to Potidaea.* P. 4.

тем не менее оценили по достоинству эффективность миссии Каллия в Персию, и далеко не случайно, что они именно ему поручили ведение важных переговоров в Спарте по поводу заключения Тридцатилетнего мира в 446/5 г. до н. э., завершившего Первую Пелопоннесскую войну (Diod., XII, 7, 1).

Таким образом, следует констатировать, что Геродот предоставляет важные сведения о дипломатической миссии Каллия, сына Гиппоника, в Персию, которые предполагают, что как афинские послы во главе с Каллием (причем их статус послов-автократоров [Diod., XII, 4, 5] предполагает, что они имели полномочия на заключение договора без ратификации экклесии), так и послы их прежних союзников — аргосцев совершили поездку в Персию, и их миссии в конечном итоге были весьма успешны: афиняне заключили мир, а аргосцы возобновили свой договор о дружбе с Артаксерксом I.

После дипломатической миссии Каллия афинские послы стали регулярно посещать Персию, в чем, очевидно, был заинтересован Перикл, который, как известно, был безусловным лидером в Афинах в 440–430-е гг. до н. э. Вероятно, Перикл, как уже было замечено выше, видел в поддержании мира и стабильных дипломатических отношениях с Персией один из путей укрепления афинского могущества в Элладе. И неслучайно поэтому, что послом в Персию часто оказывался Периламп, друг Перикла (Plut., Pericl., 13), о чем сохранилось упоминание у Платона: «Считалось, что Периламп не имел себе равных по росту и красоте ни в Персии, при дворе Великого царя, ни на азиатском материке, во всех местах, куда он отправлялся послом» (Plato., Charm., 158a). Уместно предположить, что этот афинянин и персидские цари были связаны узами гостеприимства. Во всяком случае, оратор Лисий (XIX, 25) говорит о том, что Дем, сын Перилампа, получил от персидского царя золотую чашу как *σύμβολον* — знака гостеприимства³⁶, и не исключено, что эти ксенические связи, как считали современники, были наследственными. Может быть, Периламп входил уже в ту афинскую делегацию послов-автократоров во главе с Каллием, сыном Гиппоника, которая согласовала условия Каллиева мира с Артаксерксом I³⁷, но этого мы не знаем.

³⁶ См.: Vickers M. Demus's Gold Phiale (Lysias 19.25) // AJAH. 1984 [1988]. Vol. 9. № 1. P. 48–53. Это свидетельство воспринимают как показатель того, что между семейством Перилампа и персидскими царями существовали связи ксении (см. Бувар А. Д. Х. Платон и митраизм // ВДИ. 1998. № 2. С. 3–17; Vickers M. Demus's Gold Phiale. P. 50).

³⁷ Kienast D. Presbeia. Sp. 597.

3. Каллиев мир в античной традиции

Один из основных аргументов противников аутентичности Каллиева мира состоит в том, что этот мирный договор не упомянут в греческой нарративной традиции V в. до н. э.; другой аргумент — договор характеризуется как фальсификация Феопомпом, третий — мир не упомянут Каллисфеном. Разберем каждое из этих возражений.

Действительно, Геродот вообще ничего не сообщает о Каллиевом мире. Однако, как уже было сказано, он является практически единственным античным автором, который говорит о посещении афинским посольством во главе с Каллием одной из персидских столиц — города Сузы (Hdt., VII, 151). Фукидид, подобно Геродоту, также хранит молчание в отношении Каллиева мира, хотя, по мнению ряда исследователей, некоторые сообщения историка (Thuc., VIII, 56, 1–4) показывают, что тот, по-видимому, все же мог быть знаком с условиями мира с Персией. Некоторые исследователи считают умалчивание Фукидида о договоре с Персией решающим аргументом против его историчности, другие, однако, пытаются найти адекватные объяснения этому молчанию, справедливо полагая невозможным строить собственную концепцию на основе *argumenta ex silentio*³⁸.

Впервые о Каллиевом мире как установленном факте говорит Исократ в «Панегирике» (ок. 380 г. до н. э.), причем он рассказывает о заключении договора как о хорошо известном событии³⁹. Его сообщение предполагает, что оратор уже мог видеть стелу с текстом мирного договора: здесь Каллиев мир сравнивается с Анталкидовым миром и даже противопоставляется ему (Isocr., IV, 120). Исократ ничего конкретного не говорит о времени заключения Каллиева мира, не называет он по имени его «автора». Перечисление условий мирного договора оратором лишено тех подробностей, которые фигурируют у других античных авторов. Он пишет только об установлении морской границы по линии Фаселиды для движения персидских боевых кораблей, но не упоминает других топонимов и очень обобщенно говорит о сухопутной границе (Isocr., IV, 118, 120). С другой стороны, некоторые детали соглашения, сообщаемые Исократом, выглядят поистине уникальной информацией. Сведения, отсутству-

³⁸ Различные объяснения умалчивания Фукидида о договоре см.: Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 15–18; Моусей Р. А. Thucydides, Kimon and the Peace of Kallias // АНВ. 1991. Vol. 5. № 3. P. 34–35.

³⁹ Sealey R. The Peace of Callias once More. P. 329.

ющие у других античных авторов, требуют довольно критического отношения со стороны исследователя (таковы данные Исократов об установлении афинянами некоторых размеров подати, традиционно взимаемой персами с малоазийских греческих городов). В других, более поздних речах, Исократ еще больше конкретизирует информацию. Так, в «Ареопагитике» (357 г. до н. э.) и «Панафинейской речи» (ок. 342–339 гг. до н. э.) афинский оратор сообщает об установлении сухопутной границы для движения персидского войска по реке Галис (Isocr., VII, 80; XII, 59). Однако, несмотря на принятие некоторыми современными исследователями этого утверждения, все же существуют основания рассматривать его как значительное преувеличение.

Другой афинский оратор, Демосфен, дважды упоминает Каллиев мир, однако также вне какого-либо хронологического контекста. Первое упоминание мира присутствует в речи «О свободе родосцев» (351 г. до н. э.), где, однако, нет никаких существенных подробностей о договоре. Здесь Каллиев мир, также как и у Исократов, противопоставлен Анталкидову миру: «Есть у греков с царем два договора — один, который заключило наше государство и который все восхваляют, и есть еще другой, который после этого заключили лакедемоняне и который все осуждают» (Dem., XV, 29). Однако уже в речи «О предательском посольстве» (343 г. до н. э.) Демосфен дает более позитивную информацию. Рассказывая о случаях наказания афинянами своих послов по обвинению в подкупе, оратор упоминает и эпизод с Каллием (тот едва не был приговорен к смерти за то, что принял подарки во время посольства, и при сдаче отчета оштрафован на 50 талантов). В связи с этим рассказом Демосфен говорит о дипломатической миссии Каллия, заключении договора с Персией, и наконец, называет условия соглашения, которые он сводит только к установлению сухопутных и морских границ для движения персидских войск и флота (Dem., XIX, 273–274). Характеризуя Каллиев мир, Демосфен заключает: «А между тем лучшего мира, чем этот, никто не мог бы назвать ни в предыдущее, ни в последующее время» (Dem., XIX, 274).

Ликург в речи «Против Леократа» (330 г. до н. э.) называет Каллиев мир и перечисляет его основные условия. Упомянув условия договора в отношении морских границ и опуская информацию о границах сухопутных, оратор первым из своих современников говорит о провозглашении по условиям договора автономии греков, населяющих не только Европу, но и Азию (Lys., in Leocr., 72–73).

В IV в. до н. э. постановление о Каллиевом мире было включено Кратером в составленный им сборник афинских псефизмов — ἐν

δὲ τοῖς ψηφίσασιν, ἃ συνήγαγε Κρατερὸς ἀντίγραφᾳ συνθηκῶν ὡς γενομένων κατετάχεται (Plut., Cim., 13, 5 = Craterus FGrHist. 342. F. 13)⁴⁰. Из греческих историков того же столетия подробные сведения о Каллиевом мире излагает Эфора во «Всеобщей истории»; они, очевидно, легли в основу повествований Диодора Сицилийского (XII, 4, 4–5) и Аристодема (FGrHist., 104, F. 13). Как можно судить по сведениям упомянутых двух авторов, именно Эфор, по видимому, помещал Каллиев мир в соответствующий исторический и хронологический контекст — то есть относил его ко времени после завершения Кипрской экспедиции Кимона (Диодор датирует мир архонством Педизы — 449/8 г. до н. э.). Однако, если Аристодем ограничивается только обычным изложением условий мирного договора в отношении установления морских и сухопутных границ, то сведения Диодора гораздо более подробны. Так, сицилийский историк сообщает о ходе переговоров афинян с Персией; помимо статьи о морских границах, он упоминает и о других условиях соглашения: о признании персами независимости малоазийских греческих городов, об уверениях афинян в неприкосновенности территории царя (Diod., XII, 4, 5). Сведения Эфора также могли лежать в основе двух сообщений о Каллиевом мире, которые присутствуют в лексиконе Суды (s.v. Κίμων Μιλτιάδου; Καλλίας).

Феопомп Хиосский, очевидно, видел стелу с текстом какого-то договора и ссылался на нее в 25 книге «Истории Филиппа», но то, что речь шла здесь о Каллиевом мире, нельзя с уверенностью утверждать. Историк объявляет этот договор афинской фальсификацией, о чем известно по изложению позднего ритора Феона, а также лексикографа Гарпократиона (Theon. Progym. 2; Harpocrat. s.v. Ἀττικοῖς γράμμασι = Theop. FGrHist., 115, F. 153–155). В первом фрагменте Феопомпа говорилось о фальсификации «договора афинян и других эллинов с царем Дарием». Определенно, фрагмент сохранился в довольно искаженном виде⁴¹. Кроме того, затруднение вызывала атри-

⁴⁰ О Кратере и его собрании документов см.: Higbi H. Craterus and the Use of Inscriptions in Ancient Scholarship // TAPA. 1999. Vol. 129. P. 43–83, особ. P. 45–47.

⁴¹ Сложность для понимания и возможные искажения текста признают многие исследователи. Фрагмент Феопомпа начинается фразой, что была *сфальсифицирована* (καταψεύδεται) «эллинская клятва», принесенная перед битвой при Платеях против варваров; затем следует сообщение, которое, как считает большинство исследователей, имеет уже прямое отношение к Каллиеву миру: καὶ αἱ πρὸς βασιλέα Δαρεῖον Ἀθηναίων πρὸς Ἑλλήνας συνθηκαί. При обращении к первому фрагменту Феопомпа следует заметить, что глагол καταψεύδεται должен относиться только к выражению <δ> Ἑλληνικός ὄρκος, а не к συνθηκαί, ввиду того, что последнее слово стоит в *pluralis*, и мы вольны

буция договора «царю Дарию»⁴². Дополняет названное сообщение Феоппа другой фрагмент, который содержится у лексикографа Гаропократиона (Harpocrat. s.v. Ἀττικοῖς γράμμασιν = Theop. FGrHist., 115, F. 154). В сообщении также упомянута 25 книга и τὰς πρὸς τὸν βάρβαρον συνθήκας, о котором, по словам автора лексикона, Феопп говорит, что он был выдуман (ἐσχωρῆθαι), потому что на стеле не аттическими буквами, а ионийскими (οὐ τοῖς Ἀττικοῖς γράμμασιν ἐστηλτεῦσθαι, ἀλλὰ τοῖς τῶν Ἰώνων), введенными в Афинах при архонте Эвклиде (Theop., FGrHist., 115, F. 155). Не вызывает сомнений, что Феопп здесь говорит о том же самом договоре афинян с персами. Однако мы по-прежнему остаемся в неведении, какой именно договор подразумевает историк, поскольку ни в первом, ни во втором фрагменте не упоминается о Каллии. Благодаря же второму фрагменту стал известен аргумент Феоппа против подлинности мирного договора. (Следует заметить, что он больше не повторяется ни одним автором, и потому его следует считать собственным выводом Феоппа, основанном на личных наблюдениях за стилем письма).

Некоторые исследователи считают сообщения Феоппа, наряду со свидетельством Каллисфена, серьезными аргументами против

либо предположить грамматическую ошибку Феона, либо пропуск соответствующего глагола. Далее, определенную путаницу вносит повторение πρὸς... πρὸς, что предполагает прочтение всей фразы скорее как «договор афинян с царем Дарием *против эллинов*» (такую интерпретацию сообщения Феоппа, например, см.: Pownall F. *Lessons from the Past: The Moral Use of History in Fourth Century Prose*. Michigan, 2003. P. 163, который переводит фразу из фрагмента Феоппа как “treaty with the Persian King against the Hellenes”). Это несоответствие понимали издатели фрагментов Феоппа, которые пытались заменить фразу πρὸς Ἑλλήνας на καὶ τῶν Ἑλλήνων; такой вариант прочтения фразы принимает У. Коннор (Connor W. *Theopompus and Fifth Century Athens*. Cambridge (Mass.), 1968. P. 78).

⁴² Многие исследователи предлагали устранить имя Δαρεῖον из текста фрагмента, не пытаясь даже заменить его на Ἀρταξέρξην (все возможные эмендации текста фрагмента приводятся в работе У. Коннора: Connor W. *Theopompus*... P. 78). Исправление поддержали А. Гомм, К. Мьюризон и У. Томпсон (Gomme A. W. *Athenian Notes*. P. 333; Murison C. L. *Peace of Callias*. P. 23; Thompson W. E. *Peace of Callias in the Fourth Century*. P. 166). Против исправления высказывался У. Коннор. Некоторые исследователи согласились с этим заключением (Bosworth A. B. *Plutarch, Callisthenes and the Peace of Callias* // JHS. 1990. Vol. 110. P. 11; Badian E. *From Plataea to Potidaea*. P. 42. Not. 55; Pownall F. *Lessons from the Past*. P. 163. Любопытно, что такого рода ошибки, допущенные либо автором, либо переписчиками манускриптов, периодически имели место. Так, достаточно вспомнить, что Арриан называет знаменитый Анталкидов мир 387/6 г. до н. э. также «договором с Дарием» (Anab., II, 1, 4: τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ’ Ἀνταλκίδου γενομένην πρὸς βασιλέα Δαρεῖον; II, 2, 2: ἐπὶ Ἀνταλκίδου Δαρείῳ συνέθεντο), хотя в действительности он был заключен, разумеется, с Артаксерксом II.

аутентичности Каллиева мира⁴³. В то же время едва ли можно считать их безусловно надежными. Г. Уэйд-Гери первым предложил возможную интерпретацию свидетельства Феоппа, которая объясняла бы использование афинянами ионийского письма при записи договора на камне в рамках признания аутентичности античной традиции о Каллиевом мире⁴⁴. Прежде всего, он предположил, что надпись, которую видел Феопп, была копией оригинального документа, изготовленной около 380 г. до н. э. (когда Каллиев мир впервые упомянут в «Панегирике» Исократ). Г. Уэйд-Гери, однако, не ограничивается этим заключением, а называет несколько возможных вариантов публикации договора на стеле ионийскими буквами, в числе которых значится и тот, что под названным «договором афинян и эллинов с царем Дарием» подразумевается известный по сообщению оратора Андокида (III, 29) Эпиликов мирный договор 423 г. до н. э.⁴⁵

Р. Сили также полагал, что Феопп видел стелу с надписью Эпиликова мирного договора и принял его за Каллиев мир. К подобному же заключению приходит и Г. Б. Маттингли, который, в отличие от своего предшественника, был сторонником отождествления двух мирных договоров: исследователь считал, что все данные античной традиции о Каллиевом мире на самом деле должны относиться к Эпиликову договору, в заключении которого должен был принимать участие не Каллий, сын Гиппоника, а Каллий, сын Каллиада — член Совета 424/423 г. до н. э.⁴⁶ Однако аргументы этого исследователя представляются весьма натянутыми и справедливо подвергнуты критике в историографии⁴⁷. Наконец, Дж. Коукэлл полагал, что Фе-

⁴³ См., например: Stockton D. *The Peace of Kallias*. P. 61–62.

⁴⁴ Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. P. 206–207.

⁴⁵ По мнению Г. Уэйд-Гери, стела, которую видел Феопп, могла содержать оригинальный договор с Артаксерксом, но с новой преамбулой, написанной в 423 г. до н. э. ионийским письмом (такой вариант предлагали издатели ATL, III, 275–277; однако Р. Сили полагает, что эта гипотеза делает Феоппа глупцом, так как он должен был прочесть несколько первых линий, заметить, что они написаны ионийскими буквами, но не обратить внимания, что оставшаяся часть надписи высечена аттическими буквами: Sealey R. *Peace of Callias once More*. P. 328). Второй вариант — стела содержала договор с Артаксерксом на одной стороне камня, и договор с Дарием — написанный ионийскими буквами, — на другой. Третий вариант — стела содержала только договор с Дарием 423 г. до н. э. (в пользу этого: Bosworth A. B. *Plutarch, Callisthenes and the Peace of Callias*. P. 11). Четвертый — был только договор с Дарием, написанный в 380 г. до н. э. для сравнения с миром Анталкида. Пятый вариант — стела содержала оба договора, написанных в 380 г. до н. э. для сравнения с Анталкидовым миром (Wade-Gery H. T. *Essays in Greek History*. P. 206).

⁴⁶ Mattingly H. B. *The Peace of Kallias*. P. 275ff.

⁴⁷ Murison C. L. *The Peace of Callias*. P. 25.

опомп больше дискредитировал себя, чем мирный договор. По мнению исследователя, если греческий историк говорит о договоре Эпилика, который был заключен в конце 420-х гг. до н. э., то представляется вероятным, что афиняне могли уже использовать ионийские буквы: эпиграфика подтверждает, что ионийское письмо начинается употребляться в Афинах в указанный период. В то же время, если договор представляет собой все же позднюю копию, высеченную на стеле после архонства Эвклида (403/2 г. до н. э.), то критика Феопомпа подлинности соглашения еще более несостоятельна⁴⁸. К аналогичному заключению приходит и К. Хигби, которая замечает в отношении Феопомпа: «Он полагает, что способен провести отличие между аттическим и ионийским алфавитами, и он прав, что ионийский алфавит был официально принят в Афинах в 403/2 г. до н. э., но он или просмотрел существование документов, высеченных ионийскими буквами еще до этой даты, или же не знал, что таковые были. Также он не принимал во внимание возможность, что надпись, которую он видел, была более поздней копией ранее составленного документа. Хотя Феопомп, кажется, неплохо знал афинские общественные надписи и использовал их в качестве исторических аргументов, он, очевидно, не имел точного представления о составлении надписи документов в городе»⁴⁹.

Таким образом, проделанный современными исследователями анализ свидетельств Феопомпа предполагает, что если хиосский историк даже имеет в виду именно Каллиев мир, то его заключение в отношении неаутентичности договора, очевидно, должно быть ошибочным. В то же время оба фрагмента Феопомпа (F. 153–154) не дают оснований для заключения, что греческий историк подразумевал именно Каллиев мир или же договор, каким-либо образом связанный с этим миром (например Эпиликов договор). Поэтому вопрос о том, текст какого договора видел на камне Феопомп, все еще остается открытым. Не исключено, например, что историк объявлял фальсификацией текст договора афинян со спартамцами, платейцами и другими греками, который мог быть заключен накануне битвы при Марафоне в 491 или 490 г. до н. э. против царя Дария I.

В пользу такого предположения можно привести ряд аргументов. Во-первых, следует упомянуть порядок перечисления событий во

F. 153 Феопомпа, который мог быть далеко не случайным (эллинская клятва при Платеях; «договор афинян с эллинами против царя Дария»; битва при Марафоне — «обратный» порядок событий). Во-вторых, хорошо известны более позднее прославление афинянами своей победы при Марафоне и роль этого события в создании «мифа» об афинянах как спасителей Эллады. В-третьих, примечательно, что хотя спартамцы и платейцы были союзниками афинян в период битвы при Марафоне (Hdt., VI, 105–106, 108), однако сам факт существования антиперсидской коалиции, скрепленной договором в 490 г. до н. э., в действительности не установлен.

Наконец, следует ответить на вопрос о цели такой «фальсификации» договора, если она действительно имела место (не исключена возможность и ошибки Феопомпа). В IV в. до н. э. афиняне могли утверждать, что в 490 г. до н. э. они стояли во главе сопротивления персам, точно так же как десять лет спустя спартамцы стали выбранными предводителями Эллинского союза.

Плутарх в рассказе о Каллиевом мире после изложения обстоятельств двойной победы Кимона при Эвримедонте ссылается на отсутствие сведений о договоре в повествовании Каллисфена, и это также часто выступает одним из аргументов против аутентичности мира. Однако внимательное исследование ссылки Плутарха на Каллисфена, проведенное современными исследователями, показывает со всей полнотой несостоятельность такого вывода. Так, херонейский биограф пишет: «Этот подвиг (битва при Эвримедонте. — Э. Р.) настолько смирил гордость царя, что он согласился заключить знаменитый мирный договор... Каллисфен, впрочем говорит, что варвар такого договора не заключал (*Καλλισθένης οὐ φησι ταῦτα συνθῆσθαι τὸν Βάρβαρον*), но на деле выполнял эти условия из страха, внушенного ему поражением (*ἔργῳ δὲ ποιεῖν διὰ φόβον τῆς ἡττης ἐκείνης*), и так далеко отступил от пределов Греции, что Перикл с пятьюдесятью кораблями и Эфиальт всего лишь с тридцатью, даже миновав Хелидонские острова, не встретили за ними ни одного персидского военного судна. Однако в сборник постановлений Народного собрания, составленный Кратером, включена копия договора как существовавшего в действительности» (Plut., Cim., 13, 4 = Callisthen., FGrHist., 124, F. 16). Большинство современных исследователей выражение Плутарха «*Καλλισθένης οὐ φησι...*» предпочитают переводить как «Каллисфен отрицает...»⁵⁰, вследствие чего приходят к выводу, что греческий историк выступал против историчности мир-

⁴⁸ Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 122.

⁴⁹ Higbie C. Craterus and the Use of Inscriptions... P. 63–64. Подобные высказывания о Феопомпе можно найти в работах других современных исследователей (см., например: Pownall F. Lessons from the Past. P. 163).

⁵⁰ Stockton D. The Peace of Kallias. P. 62; Sealey R. The Peace of Callias... P. 329.

ного договора вообще (или, по крайней мере, его официального характера) либо против мнения о том, что Каллиев мир был заключен в 460-е гг. до н. э. Однако еще Г. Уэйд-Гери обратил внимание на то, что Плутарх не обязательно настаивал на отрицании договора и выражение οὐ φησι могло означать, что Каллисфен просто не упоминал его⁵¹. Возможность такого понимания текста Плутарха допускал также У. Коннор⁵², но решающие аргументы в пользу указанной точки зрения привел А. Босуорт в работе, в которой специально анализируется ссылка на Каллисфена о Каллиевом мире. По мнению исследователя, безосновательно считать, что Каллисфен отрицал существование мира после сражения при Эвримедонте; Плутарх говорит лишь о том, что Каллисфен не упоминал о таком мире, но привлекал внимание к действительному поведению царя, который не принял оборонительных мер даже после того, как Перикл и Эфиальт провели флот к востоку от Хелидонских островов⁵³. Сведения Каллисфена, как мы знаем, были одними из основных источников информации для херонейского биографа по битве при Эвримедонте (наряду с данными Фанодема и Эфора) (Plut., Cim., 12 = Callisthenes, FGrHist., 124, F. 15; Phanodemus, FGrHist., 325, F. 22; Ephorus, FGrHist., 70, F. 192). Переходя к изложению основных условий Каллиева мира, которые были общеизвестны в его время, Плутарх мог ощущать необходимость представить своему читателю различные мнения о договоре, противопоставив неупоминание мира Каллисфеном и наличие сведений о нем у Кратера — другого историка IV в. до н. э. (Plut., Cim., 13, 5 = Craterus, FGrHist., 342, F. 13). Вероятно, Плутарх, как будет отмечено ниже, следовал традиции, относящей договор ко времени жизни Кимона, однако без указания точного исторического или хронологического контекста (об этой традиции см. далее), что и побуждало его считать Каллиев мир следствием афинской победы при Эвримедонте. Поэтому неудивительно, что писатель не находил сведений о нем у греческих историков, описывавших борьбу Кимона против Персии в 460-е гг. до н. э. Отсылка Плутарха к тексту Каллиева мира у Кратера не доказывает, что Кратер помещал Каллиев мир в годы после битвы при Эвримедонте: этот автор мог не датировать договор⁵⁴.

⁵¹ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 203.

⁵² Connor W. Theopompus and Fifth Century Athens. P. 84–86.

⁵³ Bosworth A. B. Plutarch, Callisthenes and the Peace of Callias. P. 1–13. См. также: Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 122.

⁵⁴ Об этом: Bloedow E. F. The Peaces of Callias. P. 58. Здесь приводятся аргументы против мнения Э. Бэдиана (Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 3).

4. Один или несколько договоров Каллиева мира

Выше уже было замечено, что некоторые исследователи были склонны помещать Каллиев мир в исторический контекст после битвы при Эвримедонте в 460-е гг. до н. э., выступая против «традиционной» даты 449 г. до н. э. Но только Э. Бэдиан попытался найти компромиссное решение проблемы датировки Каллиева мира, выдвинув теорию трех мирных договоров: первоначальный договор заключен с Ксерксом после победы Кимона при Эвримедонте ок. 466 г. до н. э., затем подтвержден соглашением с Артаксерксом I сразу же после его восшествия на престол в 464 г. до н. э. и, наконец, возобновлен в 449/8 г. до н. э. Исследователь стремится реконструировать политическую ситуацию, которая могла привести к появлению такого договора в середине 460-х гг. до н. э., а затем способствовать его двукратному возобновлению.

Основные аргументы в пользу своей точки зрения Э. Бэдиан находит в свидетельствах о том, что договор был заключен еще при жизни Кимона. Особое же внимание историк уделяет данным лексикона Суды. В одной из записей лексикона после упоминания победы при Эвримедонте прямо заявлено, что «Кимон установил границы для варваров» — ἔταξε καὶ τοὺς ὅρους τοῖς βαρβάροις (Suda. s.v. Κίμων Μιλτιάδου); другое же сообщение лексикографа Э. Бэдиан воспринимает как свидетельство того, что мирный договор 449 г. до н. э. лишь возобновлял условия предыдущего соглашения, заключенного с персами ранее, после афинской победы при Эвримедонте. Здесь лексикон Суды содержит запись: «Каллий, будучи стратегом, с Артаксерксом, на основе договора при Кимоне утвердил границы» — Καλλίας... στρατηγῶν πρὸς Ἀρταξέρξην τοὺς ἐπὶ Κίμωνος τῶν σπονδῶν ἐβεβαίωσεν ὅρους (Suda. s.v. Καλλίας). Последний текст не имеет однозначного прочтения. Так, глагол βεβαίωσεν на русский язык может переводиться не только как «подтвердить», но и как «утвердить», «обеспечить», «гарантировать». Выражение ἐπὶ Κίμωνος τῶν σπονδῶν ἐβεβαίωσεν ὅρους может означать как то, что Каллий утвердил границы, установленные по договору при Кимоне, так и то, что он по договору утвердил границы еще «при жизни Кимона» (второе прочтение предпочтительно, см. далее)⁵⁵.

⁵⁵ По мнению Э. Бэдиана, указание лексикона свидетельствует о том, что «компилятор знал, что мир был заключен при Кимоне (in Cimon's day), а теперь был возобновлен или утвержден» (Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 23). Э. Бледов на основании интерпретации записи Суды допускает возможность, что Каллий мог только подтвердить договоренности, установленные еще Кимоном незадолго до смерти на Кипре в 450 г. до н. э. (Bloedow E. F. The Peaces of Callias. P. 61f).

Упоминание о стратегии Каллия соотносится с сообщением Аристотеля о том, что тот был избран стратегом после смерти Кимона на Кипре, и, таким образом, вторая запись говорит более определенно о Каллиевом мире, заключенном в период Кипрской экспедиции Кимона (Aristodem. FGrHist., 104, F. 13). Эти сообщения могут показывать, что источник лексикографа полагал, будто мирный договор с Персией был заключен еще при жизни Кимона. Но то, что он относил его к периоду после битвы при Эвримедонте, не может считаться достоверно установленным. Дж. Уолш использует данные афинского оратора Ликурга в речи «Против Леократа» (81) как одно из свидетельств в пользу датировки договора периодом после битвы при Эвримедонте, однако на самом деле и эта речь не может пролить свет на точную дату Каллиева мира. Ликург переходит к упоминанию мирного договора после перечисления военных успехов афинян в войне с персами: опустошение Финикии и Киликии, а также победа при Эвримедонте. От оратора здесь вряд ли следует ожидать точной хронологической последовательности событий. Наверняка Ликург считал Каллиев мир прямым следствием афинских побед на суше и на море, начиная с самого Саламинского сражения, таким же достижением афинян, как и военные успехи в войне с персами. Прямое доказательство тому, что Каллиев мир был заключен после битвы при Эвримедонте, фактически предоставляет только Плутарх, который упоминает договор в биографии Кимона после описания афинской победы над персами (Plut., Cim., 13, 4). В другом месте жизнеописания Кимона писатель вновь заявляет, что договор был заключен при стратегии Кимона — στρατηγούντος Κίμωνος (Plut., Cim., 19). Э. Бэдиан считает, что отмеченные Плутархом (из Каллисфена) морские экспедиции Перикла и Эфиальта за Хелидонские острова, не встретившие персидского сопротивления, должны быть отнесены к концу 460-х гг. до н. э.⁵⁶ Это мнение не находит полной поддержки в литературе, и остается возможность (подмеченная еще Д. Льюисом), что Плутарх (по крайней мере, в случае с Периклом) говорит о его маневре в период Самосской войны 440 г. до н. э., когда афиняне опасались подхода финикийского флота на помощь осажденным самосцам⁵⁷. Но даже если Э. Бэдиан прав, то отсутствие персидского сопротивления Периклу и Эфиальту не обязательно

⁵⁶ Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 23. В пользу этого мнения см., например: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии... Р. 194.

⁵⁷ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 60. Not. 68 (исследователь прямо заявляет, что нет оснований полагать, что Перикл был военачальником в 460-е гг. до н. э.).

предполагало наличие формального договора, но могло быть следствием недавно понесенного персами крупного поражения при Эвримедонте (на что мог также указывать и историк Каллисфен). Можно предложить несколько причин, побуждавших некоторых античных авторов относить Каллиев мир ко времени жизни Кимона, а Плутарха рассказывать о нем после изложения битвы при Эвримедонте. Во-первых, это существующее в античной историографии смешение обстоятельств битвы при Эвримедонте со сражением при Саламине Кипрском, которое произошло в более позднюю кипрскую кампанию Кимона⁵⁸. Во-вторых, стремление рассматривать мирный договор как прямое следствие военных успехов Кимона в войне с Персией. В-третьих, убеждение, возможно, присутствовавшее у некоторых античных писателей в том, что Каллий согласовал мирный договор с Артаксерксом еще при жизни Кимона. Причем следует вспомнить, что, по сообщению Плутарха (Cim., 19), умирая, Кимон приказал своим сподвижникам немедленно отплыть с Кипра, а в случае его смерти скрыть ее, что и было исполнено. В сообщении Диодора Сицилийского информация о смерти Кимона от болезни (συνέβη δὲ καὶ τὸν Κίμωνα περὶ τὴν Κύπρον διατρίβοντα νόσῳ τελευτῆσαι) приводится после изложения им условий Каллиева мира и замечания, что «была одержана блестящая победа» и «заключен прославленный договор» (λαμπρὰν μὲν νίκην νενικηκότες, ἐπιφανεστάτας δὲ συνθήκας πεποιημένοι). Здесь также создается впечатление, что и военные достижения, и заключение мира с Персией источник Диодора, вероятно Эфор, считал непосредственными достижениями Кимона. В-четвертых, сам Каллий приходился родственником Кимону (он был женат на его сестре Эльпинике: Plut. Cim., 4), что еще более могло содействовать убеждению античных писателей, что за мирным договором с Персией стоял знаменитый афинский военачальник — Кимон⁵⁹. Таким образом, исходя из вышесказанного, вполне понятно, почему некоторые античные авторы ассоциировали Каллиев мир с именем Кимона, сына Мильтиада. Если признать, что в распоряжении исследователей фактически нет безоговорочных свидетельств в пользу заключения Каллиева мира непосредственно после битвы при Эвримедонте, то как мнение исследователей, помещавших со-

⁵⁸ См.: Barns J. Cimon and the first Athenian Expedition to Cyprus. P. 167–168; *Спогацкий В. М.* Проблема Каллиева мира... С. 160.

⁵⁹ Традицию об Эльпинике, дочери Мильтиада Младшего см.: Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная политика? // Античный мир и его судьбы в последующие века: Доклады конференции. М., 1996. С. 46–47.

глашение афинян с персами в 460-е гг. до н. э., так и аргументы Э. Бэдиана в отношении нескольких договоров Каллиева мира оказываются недостаточно обоснованными.

5. Основные условия Каллиева мира

Исследователи уже давно обратили внимание, что, несмотря на некоторые расхождения в изложении античными авторами условий договора, все они почти единодушно свидетельствуют об установлении афинянами сухопутных и морских границ для персов, и именно это является наиболее достоверным зерном в сообщаемых сведениях (если мы, конечно, не считаем по примеру некоторых современных гиперкритиков, что античные авторы занимались сознательным мифотворчеством и переписывали друг у друга условия Каллиева мира). При этом следует подчеркнуть, что упоминавшиеся границы никоим образом не затрагивали передвижения афинского войска и флота⁶⁰. Сведения античных авторов дают не только сходную информацию, но и содержат некоторые противоречия, порой даже значительные, а также нередко дополняют друг друга. Так, например, Исократ (VII, 80; XII, 59) считает, что персидские войска не могли продвигаться к западу от реки Галис, Демосфен (XIX, 273), Плутарх (Cim., 13, 4) и лексикон Суда (s.v. Κίμων Μιλτιάδου) устанавливают в качестве сухопутной границы расстояние в дневной пробег коня, Диодор (XII, 4, 5) говорит о трехдневном пешем переходе, а Аристомед (FGrHist 104, F. 1. 13. 2) — о трехдневном пешем переходе или дневном пробеге коня. В отношении морских границ Исократ (IV, 118; VII, 80; XII, 59) передает информацию о запрете персидским кораблям плавать к западу от Фаселиды, Демосфен (XIX, 273) и Плутарх (Cim., 13) — Хелидонов и Кианеев, Ликурт (in Leocr., 73) и Диодор (XII, 4, 5) — Кианеев и Фаселиды, Аристомед (FGrHist 104, F. 1. 13. 2) — Кианеев, реки Нессос, Фаселиды и Хелидонов, лексикон Суда (Κίμων Μιλτιάδου) — Кианеев, Хелидонов и Фаселиды. Как мы видим, имеются различия и в порядке расположения топонимов в тексте, и в других менее значительных деталях.

Исследователи уже давно предпринимали попытки объяснить причины этих расхождений в наших источниках. Еще Э. Уолкер замечал: «Если надпись содержала информацию о морских и сухопутных границах, как мы можем объяснить такие разногласия в ис-

⁶⁰ Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 14–15.

точниках?»⁶¹. Один из возможных ответов на этот вопрос давал К. Мьюризон, который доказывал, что условия мирного договора не были записаны на камне до середины IV столетия до н. э., так что ораторы имели свободу для импровизаций и «улучшений» более ранних трактовок⁶². Однако, по мнению Р. Мейггза, Исократ «подразумевает, что условия мира V столетия до н. э. можно было прочесть в 380 году»⁶³. Поэтому более вероятным можно признать объяснение Г. Уэйд-Гери: античные писатели при ссылке на договор сами выбирали достойные упоминания подробности, такие, «которые им понравились или какие они вспомнили»⁶⁴.

Вообще же то, что все авторы ссылаются на одну и ту же надпись, представляется весьма очевидным и не требующим особого доказательства. Достаточно взглянуть на стандартный набор фраз и выражений в текстах приведенных выше источников, а также архаичный стиль, чтобы убедиться, что авторы передают подлинные статьи договора с Персией.

В отношении сухопутных границ требует пояснения упоминание Исократом реки Галис. Оно отсутствует у других авторов, которые говорят о запрещении царю приближаться к побережью на расстояние дневного пробега коня или трехдневного пешего перехода. В последнем случае договор, видимо, учитывал расстояние от Эфеса до города Сарды, которое, как замечает Геродот (V, 54, 2), как раз и составляло три дня пути (Г. Уэйд-Гери в связи с этим говорит о “Sardis-line”). Э. Уолкер рассматривал границу по реке Галис (“Halys-line”) как вариант «трехдневного пути». Однако Г. Уэйд-Гери высказывается против этого мнения. Исследователь полагает, что “Sardis-line” была восточной границей греческой автономии, а “Halys-line” — восточной границей демилитаризации. Ученый доказывает, что персидский царь согласился по договору не выступать к западу от реки Галис со своим сухопутным войском, которое составляли отборные персидские отряды — 10000 «бессмертных». «Согласившись на это, — замечает исследователь, — Персидская империя преобразовалась из нападающей стороны в обороняющуюся, живущую на договорных условиях со своими соседями». Что касается “Sardis-line”, то здесь

⁶¹ Walker E. M. // CAH. Vol. 5. P. 471.

⁶² Murison C. L. The Peace of Callias. P. 12–31.

⁶³ Meiggs R. The Athenian Empire. P. 598.

⁶⁴ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 214. См. также: Thompson W. E. The Peace of Callias in the Fourth Century. P. 164. Томпсон также утверждает, что ораторы «избирали такие аспекты мира, которые были уместны и полезны их делу, игнорируя и замалчивая все неуместное, что могло вызвать у них затруднение».

Г. Уэйд-Гери указывает, что эту границу не должны были переходить войска персидских сатрапов из отрядов местных народов Малой Азии⁶⁵. Р. Сили, однако, верно подметил слабые стороны теории Уэйд-Гери. По его мнению, трудно поверить, что персы согласились не располагать свои войска к западу от реки Галис, а кроме того, большинство античных авторов называют именно “Sardis-line” как границу, за которую персы не должны были посылать свои войска (сам он не комментирует высказывание о реке Галис)⁶⁶. К сожалению, эти критические замечания Р. Сили не были восприняты в историографии, и в работе Э. Бэдиана налицо полное принятие точки зрения Г. Уэйд-Гери⁶⁷. В. М. Строгеецкий считает упоминание Исократом реки Галис сильным преувеличением, стремлением выдать желаемое за действительное при сравнении Каллиева мира с Анталкидовым миром, поскольку река Галис с древних времен считалась границей, отделяющий Запад от Востока (Hdt., I. 72, 103, 130)⁶⁸. Таким образом историк следует некоторым западным исследователям, например У. Томпсону. Последний также считает, что «Галис, конечно, — сильное преувеличение, но типичное для Исократ, который в “Панегрике” говорит (144), что Агесилай завоевал почти всю землю вплоть до Галиса». Причину же этого преувеличения У. Томпсон видит в том, что Исократ не имел реального представления о географии Малой Азии и о расстоянии, равном дневному пробегу коня⁶⁹.

Надо думать, что вышеназванные исследователи правы: пункта о реке Галис действительно не было в тексте договора, коль скоро об этом не сообщается больше ни в одном из наших источников. Все же следует признать, что упоминанием реки Галис, как это замечал уже Э. Уолкер, Исократ, скорее всего, пытался впечатлить своего читателя простым переложением на иной лад статьи договора о трехдневном пешем переходе или дневном пробеге коня. Нельзя признать удачными дальнейшие попытки В. М. Строгеецкого доказать, что «во время переговоров между афинянами и персами не были установлены конкретные сухопутные границы, разделяющие владения эллинов и варваров»⁷⁰. Автор не приводит фактически никакой

⁶⁵ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 214–216.

⁶⁶ Sealey R. The Peace of Callias once More. P. 331.

⁶⁷ Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 52–53.

⁶⁸ Строгеецкий В. М.: 1) Проблема Каллиева мира... С. 164; 2) Полис и империя в классической Греции. С. 139–140.

⁶⁹ Thompson W. E. The Peace of Callias in the Fourth Century. P. 171.

⁷⁰ Строгеецкий В. М. 1) Проблема Каллиева мира... С. 165; 2) Полис и империя в классической Греции. С. 140.

аргументации, кроме общего указания на активность персов после Каллиева мира на малоазийском побережье и на близлежащих островах.

Очевидно, установление афинянами сухопутных границ было направлено на то, чтобы решительным образом устранить персидскую угрозу малоазийским городам, которые были податными членами Афинского морского союза, причем не только греческим, но и варварским. Обращение к спискам обложения подати V в. до н. э. показывает, что в числе афинских союзников было значительное количество негреческих городов и общин, включенных в Геллеспонтский, Ионийский и Карийский податные округа⁷¹. Однако в связи с этим возникает другой вопрос: определял ли договор точный статус греческих городов Малой Азии. Ликург первым из всех названных авторов в своей речи «Против Леократа» (332 г. до н. э.) заявлял о провозглашении в договоре *αὐτονομία* грекам, проживающим не только в Европе, но и в Азии (Lys., in Leocr., 73). Это же обстоятельство подчеркивал Эфор, как можно судить по данным Диодора, который передает соответствующую статью договора («быть всем греческим городам в Азии автономными»: Diod., XII, 4, 5), а также и лексикона Суда (Suid. s.v. *Κίμων Μιλτιάδου*). Исследователи крайне неоднозначно отнеслись к сведениям указанных авторов. Так, Г. Уэйд-Гери доказывал, что статья об *αὐτονομία* малоазийских греков действительно присутствовала в договоре Каллиева мира⁷². Э. Бэдиан также склонялся к указанной точке зрения⁷³. Однако нередко признается и то, что названная статья в применении к Каллиеву миру представляет собой анахронизм — собственные суждения афинских ораторов и историков более позднего времени, навеянные дискуссией об автономии малоазийских греков IV в. до н. э. Более верной представляется именно эта последняя точка зрения, выраженная, в частности, в совместной статье Р. Сиджера и К. Таплина, посвященной возникновению и использованию в политике лозунга о свободе малоазийских греков⁷⁴. Во-первых, введенная в текст соглашения Каллиева мира исключительно важная для афинян и их союзников

⁷¹ Членами I Афинского морского союза были также карийский династ Тимн из Термеры, Пактий из Идимы, Пикр из Сингалы и Самбактис (ATL., I, 446; Berve H. Die Tyrannen bei den Griechen. München, 1967. Bd. 2. S. 590); в отношении членства ликийских городов см.: Keen A. G. Dynastic Lycia. P. 123ff.

⁷² Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 212–213.

⁷³ Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 51, 55.

⁷⁴ Seager R., Tuplin C. J. The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // JHS. 1980. Vol. 100. P. 143.

статья о сухопутных границах не должна была требовать дальнейшей конкретизации и уточнения в отношении статуса малоазийских греков (которой названная статья *a priori* уже касалась). Во-вторых, ораторы и историки IV в. до н. э., склонные сравнивать условия Каллиева и Анталкидова мира, могли предполагать, что поскольку последний договор лишал малоазийских греков автономии, то первый несомненно должен был утверждать ее. Особенно показательно в этом смысле следующее замечание Диодора, почерпнутое, вероятно, также у Эфора: «Персы имели с греками два договора, один с афинянами и их союзниками, в котором греческие города Азии были автономными, другой позднее записан с лакедемонянами, где было предписано греческим городам Азии подчиниться персам» (Diod., XII, 26, 2). Но почему же об этом условии ничего не говорит Исократ, который, особенно в «Панегирике», собственно, и сравнивает два соглашения, противопоставляя одно другому? Ведь упоминание о такой статье, если бы она существовала, должно было значительно усилить аргументацию афинского оратора. Разгадка может заключаться в том, что Исократ видел условия договора, высеченные на стеле, а они не содержали условия об автономии малоазийских греков. Эфор и оратор Ликург при рассказе о Каллиевом мире могли пользоваться не во всем проверенной информацией, которая возникла из некорректной интерпретации условий об установлении афинянами сухопутных границ.

С этой проблемой связан также вопрос о том, продолжали ли персы собирать подать с городов, расположенных в зоне трехдневного пешего перехода. Не может быть особых сомнений, что персидские власти даже после заключения соглашения все еще претендовали на сбор подати. В пользу этого свидетельствуют несколько хорошо известных прямых ссылок в источниках. Во-первых, Геродот (VI, 42, 2), рассказывая об обложении податью греческих городов Малой Азии сатрапом Артаферном после подавления Ионийского восстания в 494 г. до н. э., заявляет, что эту подать города выплачивали вплоть до его времени, т. е. по крайней мере до 425 г. до н. э.⁷⁵ Во-вторых, Фукидид (VIII, 5, 5; 6, 1) сообщает о том, что в 413 г. до н. э. царь Дарий II потребовал со своих сатрапов Тиссаферна и

⁷⁵ Авторы ATL предполагают, что у Геродота речь может идти о том, что размеры подати остались без изменений, когда города вошли в состав Делосской симмахии (ATL, III, P. 275), но может быть, речь идет о 450-х гг. до н. э. По мнению Дж. Эванса, свидетельство Геродота просто означает, что афиняне использовали систему обмера земель Артаферном для собственного обложения податью Ионии (Evans J. A. S. The Settlement of Artaphrenes // CPh. 1976. Vol. 71. № 4. P. 347).

Фарнабаза подать с греческих городов их сатрапий, которые они не имели возможности собирать из-за противодействия афинян. В-третьих, Исократ (IV, 120) упоминает о том, что афиняне устанавливали размеры некоторых податей (τῶν φόρων ἐνίοις τάττοντες), однако контекст этого сообщения наименее понятен. Обычно заявление Исократа интерпретируют как то, что афиняне разрешили персам продолжать сбор дани с некоторых греческих городов Малой Азии⁷⁶. Г. Уэйд-Гери, как уже было замечено, доказывал, что Каллиев мир устанавливал αὐτονομία греческих городов Малой Азии, но с тем условием, чтобы они продолжали платить традиционную подать Великому царю Персии (собственно говоря, такими были условия мира, переданные персидской стороной спартанскому царю Агесилаю в 395 г. до н. э. после его победы над войсками сатрапа Тиссаферна при Сардах: Xen. Hell., III, 4, 25)⁷⁷. В правомерности такого заключения усомнился уже А. Гомм, указывая на то, что трудно однозначно интерпретировать заявление Исократа⁷⁸. М. Кэри в отклике на интерпретацию Г. Уэйд-Гери вопроса о податях отмечает, что если бы все обстояло таким образом, то греческие города Малой Азии оказались бы в результате обложены двойной податью: в пользу Персии и в пользу Афин (поскольку эти города после Каллиева мира оставались в составе Афинского морского союза). Однако, как считает М. Кэри, это не находит параллелей в греческой истории и потому выглядит совершенно невероятно⁷⁹. Далее этот автор при-

⁷⁶ Авторы ATL полагают, что Исократ может подразумевать те города, которые не являлись членами Делосского союза — две Магнесии в Малой Азии и города Кипра (ATL, III, P. 275).

⁷⁷ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 212–213; К этой точке зрения склоняется также У. Томпсон (Thompson W. E. The Peace of Callias in the Fourth Century. P. 173).

⁷⁸ Gomme A. W. Athenian Notes. P. 334.

⁷⁹ В целом по отношению к Ионии к такому предположению пришел Дж. М. Балсер, по мнению которого полисы платили двойную подать: собственно от городского центра, занятого демократической проафинской группировкой — в пользу Афин, а от сельскохозяйственного поселения на хоре полиса, находящегося в управлении олигархической оппозиции, — в пользу Персии (Balcer J. M.: 1) Imperialism and Stasis in Fifth Century B.C. Ionia: A Frontier Redefined // Arktouros: Hellenic Studies to B. M. W. Knox / Ed. by G. W. Bowersock, W. Burkhardt and M. Putnam. B., 1979. P. 265–266; 2) Fifth Century Ionia: a Frontier Redefined // REA. 1985. Т. 87. № 1–2. P. 39). С. Хорнблауэр также всерьез говорит о том, что некоторые греческие города Малой Азии были обложены двойной податью — в пользу Афин и Персии одновременно. Среди таких исследователь называет полисы, которые были во владении Демаратидов, Гонгилидов, потомков Фемистокла и других греческих эмигрантов в Персии, которые получили свои города и земли вместе с частью их доходов. Именно это обстоятельство может быть, по мнению С. Хорнблауэ-

водит доводы в пользу того, что обстоятельства заключения Каллиева мира с Персией не объясняют необходимости появления статьи договора, разрешающей персам собирать дань с «освобожденных» городов Малой Азии, а также доказывает, что свидетельства Геродота, Фукидида и Исократ не поддерживают мнение Г. Уэйд-Гери. В итоге М. Кэри приходит к выводу, что упоминавшиеся в источниках притязания персов на сбор подати на самом деле не имеют «законного основания», но отражают произвол со стороны персидской администрации (*pure opportunism*)⁸⁰. О. Мюррэй, основываясь на соображениях А. Гомма, полностью опровергает мнение о существовании в договоре статьи о разрешении царю собирать подати. Исследователь демонстрирует, что, по мнению Исократ, «Афины установили φόροι, но он в действительности выплачивался Лиге — Лиге против Персии»⁸¹. Наконец, Э. Бэдиан предполагал, что персидский царь согласился оставить размер подати с греческих городов, над которыми он сохранял контроль, без изменений — вероятно, в объеме, установленном Артаферном⁸². Таким образом, мы не можем быть уверены в том, что именно Исократ хотел сказать своему читателю в «Панегирике» (IV, 120), и наличие в договоре Каллиева мира условий о сборе подати остается, таким образом, недоказанным.

Неоднозначные суждения вызывает интерпретация современными исследованиями топонимов, названных античными авторами, упоминающими о морских границах. Во-первых, неясно, почему договор называл одновременно несколько ориентиров, а не один, западнее которого не должны были бы плавать персидские боевые корабли. И если локализация Фаселиды и Хелидонских островов не вызывает особых затруднений, то этого нельзя сказать о так называемых Кианеях, которые упоминают все авторы, кроме Исократ. В подавляющем большинстве случаев в источниках под Кианеями значатся двенадцать скал, расположенных у входа в пролив Босфор

эра, объяснением «бедности» Ионии в V в. до н. э. (*Hornblower S. Asia Minor // CAH2. 1994. Vol. 6. P. 213f*). Однако эти предположения не находят никакого подтверждения в источниках. С другой стороны, греки в Персии, города которых были включены в Афинский морской союз, начали уплачивать форос таким же образом, как это делали карийские и ликийские династии.

⁸⁰ Cary M. The Peace of Callias // CQ. 1945. Vol. 39. № 3/4. P. 87–91. Авторы ATL частично согласны с М. Кэри, в частности, они также признают, что греческие города Малой Азии не платили двойной подати (ATL, III. P. 275)

⁸¹ Murray O. O APXAIOS ΔΑΣΜΟΣ // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 1. S. 155–156.

⁸² Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 50–51.

Фракийский (Her., IV, 85; Arr., Per. Pont. Eux., 25, 3; Strabo., III, 2, 12, VII, 6, 1; Etym. Magn. s.v. Σκολιός), и именно они, как часто считают исследователи, подразумеваются в Каллиевом мире⁸³. Если принимать такую интерпретацию, то получается, что договор очерчивал запретную зону для персидских боевых кораблей, ограничиваемую Кианеями с севера, а Фаселидой и Хелидонами — с юга. В античной письменной традиции часто проявляется склонность воспринимать Кианейские скалы в качестве своего рода географического ориентира (Ps-Scym. 830, 974; Arr., Per. Pont. Eux., 10. 2, 54. 4, 90. 8), что предполагает возможность аналогичной их трактовки в договоре Каллиева мира. Однако далеко не все современные историки принимают такую интерпретацию. Ведь известно также о существовании города Кианеи, расположенного на побережье Ликии, в относительной близости от других мест, которые упоминает договор. Именно этот город Г. Уэйд-Гери считал «самым южным пунктом»⁸⁴. С этим мнением соглашается также Р. Сили, который, однако, стремится обосновать свою позицию. Так, исследователь считает, что «поскольку два других места, упоминаемые как морские границы, были расположены на юго-востоке, то соблазнительно считать Кианеи третьим местом там»⁸⁵. С другой стороны, Р. Сили признает, что Кианеи в Ликии не были важным городом, морской гаванью, а располагались на расстоянии нескольких километров от побережья и находились на вершине холма. Кроме того, ликийские Кианеи упоминаются только в некоторых надписях римского времени (ТАМ. II. 1–3, 586; 773; 774, 831, 905). Сведения о них полностью отсутствуют у античных писателей, которые хорошо осведомлены только об одних Кианеях — о знаменитых Кианейских скалах. Поэтому, с большей долей вероятности, именно они могли быть тем самым ориентиром, который назван в договоре Каллиева мира.

Наконец, Аристодем называет еще один ориентир в качестве «границы», за которую не должны были заплывать персидские боевые корабли — это река Нессос (Aristodemus FGrHist., 104, F. 1. 13. 2), под которой, очевидно, подразумевается река во Фракии впадающая в Эгейское море, известная еще как Нестос (Scyl., Per., 67). Об установлении «границ» для движения персидского флота и войска могут говорить несколько косвенных свидетельств в античных источниках.

⁸³ Строецкий В. М. Проблема Каллиева мира... С. 165.

⁸⁴ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 213.

⁸⁵ Sealey R. The Peace of Callias once More. P. 330. Критику этой точки зрения см.: Keen A. G. Dynastic Lycia. P. 118.

Во время Самосской войны 441–440 гг. до н. э. финикийский флот, несмотря на упорно ходившие слухи, так и не появился в Эгейском море, чтобы оказать помощь восставшим против Афин самосцам (хотя их и поддержал Писсуфн, сатрап Сард) (Thuc., I, 115, 4–5, 116, 1, 3; Diod., XII, 27, 3; Plut. Pericl., 25–26; Schol. Ar., Vesp., 283a–b).

Другой пример актуальности статей договора — обсуждение на афино-персидских переговорах 411 г. до н. э. вопроса о разрешении персидскому царю вводить боевые корабли в Эгейское море (Thuc., VIII, 56, 4)⁸⁶. Третий пример — нежелание Тиссаферна, сатрапа Сард, провести далее Фаселиды на помощь Спарте финикийский флот, которое, вероятно, может объясняться перспективами достижения успеха на переговорах с Афинами в 411 г. до н. э. (по инициативе и при посредничестве Алкивиада) (Thuc., VIII, 81, 3; 87, 1–6; 88; Diod., XIII, 36, 5; 37, 4; 38, 4; 41, 4; 42, 4; 46, 6; Plut., Alcib., 25)⁸⁷.

Некоторые исследователи связывают Каллиев мир с тем обстоятельством, что греческие города материковой и островной Эолиды, Ионии и Карии к 411 г. до н. э. не были обнесены крепостными стенами. Фукидид говорит об ἀτειχίστου οὐσης τῆς Ἰωνίας (Thuc., III, 33, 2), а также сообщает, что ряд малоазиатских и островных греческих городов в период Ионийской войны в 412–411 гг. до н. э. был неукрепленным⁸⁸. Г. Уэйд-Гери предполагает, что стены были скрыты непосредственно по условиям Каллиева мира с Персией⁸⁹. Дж. Коуквелл также допускает эту возможность, даже заявляя, что «урегулирование 449 г. до н. э. могло сопровождаться условием, что греческие города не должны быть обнесены стенами». Исследователь обращает внимание на то, что разрушение стен было обычной практикой как у персов (Hdt., I, 141, 4; 162, 2; VI, 46), так и у греков, как правило при условии сдачи городов в результате войны или в качес-

тве наказания за восстание⁹⁰. Иногда высказывается и альтернативное мнение, что укрепления городов могли быть разрушены самими афинянами, опасавшимися отложения союзников от Афинской державы: такие действия афиняне вероятно предприняли против Фасоса (Thuc., I, 101, 3; VIII, 64, 3), Самоса (Thuc., I, 116, 2; VIII, 50, 5; 51, 5) Митилены (Thuc., III, 50, 1), которые в разные годы поднимали восстания против Афин⁹¹. Однако, как справедливо замечает Дж. Коуквелл, в случае с малоазиатскими греческими городами мы встречаемся с общей тенденцией, когда почти все большие и малые города оказывались лишены укреплений без каких бы то ни было намеков на обстоятельства, которые привели к разрушению их стен⁹². В таком случае отсутствие крепостных стен у всех городов Ионии показывает, что афиняне не опасались враждебных действий персов против городов, ибо они находились под защитой мирного договора с Персией. Но в то же время совсем необязательно постулировать наличие особого условия в договоре Каллиева мира на этот счет. Вполне вероятно, что афиняне из собственных побуждений могли скрыть укрепления большинства городов Ионии, Эолиды и других областей. В историографии присутствует и другое объяснение того факта, что города Малой Азии и островов Эгеиды не имели крепостных стен. У. К. Притчетт обратил внимание на данные археологии, которые, казалось бы, подтверждают, что греческие города Эолиды в частности оставались без укреплений, по крайней мере, с VI в. до н. э., когда их стены были разрушены персами, и до IV в. до н. э.⁹³ Таким образом, если археологические материалы все же верно представляют картину, то наличие или отсутствие стен также не имеет непосредственного отношения к договору Каллиева мира.

* * *

Каллиев мир был договором между Афинами (и их союзниками) и персидским царем (и сатрапами). Возможно, правы современные исследователи, отмечающие, что Спарта и члены Пелопоннесского союза «формально» находились в войне с Персией вплоть до 412 г.

⁸⁶ См.: Goldstein M. S. Athenian-Persian Peace Treaties: Thuc. 8. 56. 4 and 8. 58. 2. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 155–164; Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 121.

⁸⁷ См.: Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 BC. // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 3. S. 392–397; Lateiner D. Tissaphernes and the Phoenician Fleet (Thucydides, 8.87) // TAPA. 1976. Vol. 106. P. 279–290. О возможных переговорах Тиссаферна с Афинами говорит афинский декрет в честь Эвагора Саламинского, часто датируемый 411 г. до н. э. (IG. I3. 113.1, 34).

⁸⁸ Не имели укреплений, по свидетельству Фукидида, Теос (VIII, 16, 3), Клазомены (VIII, 31, 3), Книд (VIII, 35, 3), Самос (VIII, 50, 5; 51, 1), города Родоса (VIII, 44, 2), Лампсак (VIII, 62, 2), Кизик (VIII, 107, 1). Ксенофонт также дает понять, что в 410–409 гг. до н. э. крепостных стен не имели Лампсак (Hell., I, 2, 15), Хрисополь (I, 22), Фокея (I, 5, 11).

⁸⁹ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 219–220.

⁹⁰ Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 122–124.

⁹¹ Meiggs R. The Athenian Empire. P. 148–151; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. Oxford, 1981 ad. VIII, 14, 3.

⁹² Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 124; ср. также замечание на этот счет С. К. Эдди: Eddy S. K. On the Peace of Callias. P. 10.

⁹³ Pritchett W. K. The Greek State at War. P. 5. Berkely; Los Angeles; London, 1991. P. 63.

до н. э., до времени заключения спартано-персидских союзных договоров⁹⁴. В связи с проблемой исторического значения Каллиева мира также возникает вопрос: был ли этот договор эпохальным событием, ознаменовавшим победу афинян в войне с Персией, или же он должен восприниматься как вынужденная мера со стороны афинян и таким образом не может претендовать на то, чтобы быть «прославленным» событием в истории Афин и Греции?

Г. Уэйд-Гери считал Каллиев мир прославленным событием (*glorious*), определившим развитие греческой цивилизации на века⁹⁵. Иного мнения придерживается Дж. Кокуэлл: «Правдой было то, что Каллиев мир не был провозглашением прославленной победы (*glorious victory*), но был составлен на основе *status quo*»⁹⁶. На наш взгляд, договор все же знаменует афинскую победу над Персией, и условие о ненападении афинян на территорию царя, упомянутое Диодором (XII, 4, 6), было минимальной компенсацией за достигнутые успехи, главным из которых было *устранение персидского военного присутствия в восточной Эгеиде*, и прежде всего на малоазийском побережье и островах. После заключения Каллиева мира и до Пелопоннесской войны в Восточном Средиземноморье установился относительный мир, характеризовавшийся сохранением политического равновесия между ведущими полисами Греции, с одной стороны, и между греками и Персией — с другой.

⁹⁴ *Amit M.* A Peace Treaty between Sparta and Persia // *RSA*. 1974. Vol. 4. P. 55–63; *Lewis D. M.* Sparta and Persia. Leiden, 1977. P. 93; *Levy E.* Les trois traités entre Sparte et le Roi // *BCH*. 1983. T. 107. № 1. P. 229; *Hornblower S.*: 1) *The Greek World 479–423 B. C. L.*, 1983. P. 73; 2) *Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History* / Ed. by A. V. Hartman and B. Heuser. L., 2001. P. 54; *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca: N.Y., 1987. P. 81.

⁹⁵ *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History P. 226, 231.

⁹⁶ *Cawkwell G. L.* The Peace between Athens and Persia. P. 125. До крайности доводит это мнение М. А. Дандамаев, заявляя, что современники считали Каллиев мир не большим успехом, а, напротив, позорным для себя, и прославление договора с Персией началось только спустя 60 лет в сравнении с еще более «позорным» Анталкидовым миром (*Дандамаев М. А.* Политическая история... С. 192–193). По мнению В. М. Строецкого, договор афинян с Персией был далеко не таким успешным для эллинов (как позднее его стремилась представить афинская пропаганда) (*Строецкий В. М.* 1) Проблема Каллиева мира... С. 166; 2) Полис и империя в классической Греции. С. 141). Более взвешенным представляется суждение И. Е. Сурикова, который пишет: «...Каллиев мир не вызвал в Афинах ни экстраординарных восторгов, ни из ряда вон выходящего негодования» по очень простой причине: в отличие от наших современников афиняне V века не воспринимали его как эпохальную вежу... Для них этот договор был лишь одной из многочисленных дипломатических перипетий Пентеконтаэтии» (*Суриков И. Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. С. 107).

В историографии существует несколько принципиальных подходов к рассмотрению греко-персидских взаимоотношений после заключения Каллиева мира. Так, по мнению А. Олмстеда, уже вскоре после Каллиева мира возобновляется Афино-персидская война, однако уже в меньшем масштабе⁹⁷. С. К. Эдди, однако, на наш взгляд, вполне точно употребил применительно к взаимоотношениям Афин и Персии после 449 г. до н. э. определение «холодная война». Он писал: «Не было больших операций при содействии флота, насчитывавшего сотни кораблей, как это происходило в прошлом. Вместо этого, в течение более тридцати лет велась разновидность холодной войны между двумя державами, существовала ситуация неопределенной опасности, рейдов, незначительных успехов, противодействий, посольств и угроз»⁹⁸. Выражение «холодная война» принимают для характеристики афино-персидских отношений после Каллиева мира С. Хорнблауэр⁹⁹, в отечественной историографии — Л. Г. Печатнова¹⁰⁰. Другие исследователи в целом неоднозначно прореагировали на подобную интерпретацию событий. Д. Льюис выразил некоторые сомнения в правомерности такого взгляда¹⁰¹. Д. Кэган фактически поддержал указанную постановку вопроса¹⁰². Дж. Кокуэлл подчеркнул факт отсутствия враждебных действий между афинскими и персидскими военными силами со времени Каллиева мира и вплоть до 412 г. до н. э., когда сатрапы Эгейского региона выступили в поддержку Спарты, и таким образом высказался против мнения А. Олмстеда¹⁰³. Таким образом, исследователи расходятся по вопросу о точном соблюдении сторонами заключенного мирного договора. Нам представляется несомненным, что военное превосходство афинян в Эгеиде вынуждало персидского царя и сатрапов в последующий период уклоняться от каких-либо крупных столкновений с афинянами; однако обеим сторонам не удавалось избегать кризисов и осложнений во взаимоотношениях, которые в перспективе могли бы привести к возобновлению нового конфликта.

⁹⁷ *Olmstead A. T.* The History of the Persian Empire. P. 343.

⁹⁸ *Eddy S. K.* The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C. P. 241.

⁹⁹ *Hornblower S.* Mausolus. Oxford, 1982. P. 28.

¹⁰⁰ *Печатнова Л. Г.* 1) История Спарты. С. 201; 2) Спарта и Персия: История отношений. С. 90.

¹⁰¹ *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 51.

¹⁰² *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. P. 17.

¹⁰³ *Cawkwell G. L.*: 1) The Peace between Athens and Persia. P. 115, 117–118; 2) The Greek Wars. P. 139, 141–142.

6. Мегабиз, Зофир и Афины

С развитием греко-персидских отношений после Каллиева мира 449 г. до н. э. связано восстание Мегабиза против царя Артаксеркса I и произошедшее некоторое время спустя бегство Зофира, сына Мегабиза, в Афины.

Подробно о деятельности как Мегабиза, так и его сына Зофира повествует Ктесий Книдский, сведения которого сохранились в изложении эпитоматора Фотия. Ктесий, по своему обыкновению, приводит факты из жизни персидского царского двора, которые трудно проверить, а о мятеже Мегабиза (Ctesias FGrHist. 688. F. 14. 39–42) по другим источникам вообще ничего не известно. Тем не менее достоверность рассказа Ктесия об этом событии принимается почти всеми исследователями, даже теми, кто весьма скептически относится к надежности сведений, сообщаемых книдским историком. Сообщение же Ктесия (F. 14. 46) об инциденте с Зофиром подтверждает такой авторитетный историк, как Геродот (III, 160). Некоторые современные исследователи считают именно упомянутого Зофира основным информатором Геродота¹⁰⁴ (и даже Фукидида¹⁰⁵) в Афинах по делам Персии.

Мегабиз принадлежал к высшей персидской аристократии¹⁰⁶. Он был внуком одного из семи персов — также Мегабиза, который участвовал в заговоре против узурпатора мага Гауматы и способствовал воцарению Дария I (Hdt., III, 70, 81–82; Diod., X, 19, 2), а его отец (в честь которого сын Мегабиза получил имя Зофир) прославился тем, что захватил Вавилон во время восстания вавилонян против Дария (Hdt., III, 153–158; Polyae., VII, 13; Plut., Mor., 173a; Ctesias FGrHist., 688, F. 13, 25–25; Theop., FGrHist., 115, F. 66 = Phot. s.v. Ζωπύρου τάλαντα, Hesych., s.v. Ζωπύρου τάλαντα; Suid. s.v. Ζωπύρου τάλαντα). При Ксерксе Мегабиз, сын Зофира, принимал

¹⁰⁴ Wells J. The Persian Friends of Herodotus // JHS. 1907. Vol. 27. P. 39–47; Дандамаев М. А. Политическая история... С. 75, 77.

¹⁰⁵ Гумадеев Р. А. Возможный персидский источник для описания Фукидида первой афинской экспедиции в Египет // ВДИ. 1983. С. 106–111.

¹⁰⁶ См.: Balcer J. M. A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble P. 550–450 BC. Lewiston, 1993. No. 99. P. 114–115. Имя Мегабиза имеет различное написание у античных авторов: Μεγαβύζος (большинство авторов), Μεγαβύζος (Aristod., FGrHist., 104, F. 1. 11), Βαγαβύζος (Dionon, FGrHist., 680, F. 1). На древнеперсидском оно выглядит как Bagabuxsha (DB. IV. 85). Единственная работа, специально посвященная Мегабизу, принадлежит Т. С. Брауну (Brown T. S. Megabyzus, son of Zopyrus // AW. 1987. Vol. 15. P. 65–74).

участие в походе против Греции (Hdt., VII, 83; 121; Ctesias, FGrHist., 688, F. 13. 31), а при Артаксерксе I занимал должность сатрапа Сирии (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14. 40), подчинил восставший Египет, одержав победу над силами ливийца Инара и афинянами (Hdt., III, 160; Thuc., I, 109, 3; Diod., XI, 74, 6; 75. 1; 77, 4; Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 37–38; Schol. Ar. Av. vs. 484; Plutus. vs. 178; Phot. s.v. Μεγαβύζος; Aristod., FGrHist., 104, F. 1. 11), а затем спустя несколько лет сражался на Кипре против афинских войск Кимона (Diod., XII, 3, 2, 4; 4, 5). Далее, если верить сообщению Диодора Сицилийского (XII, 4, 5), Мегабиз был в числе тех сатрапов, которые участвовали в переговорах по поводу заключения Каллиева мира с Афинами. Мегабиз был женат на Амитиде, дочери царя Ксеркса (Ctesias, FGrHist., 688, F. 13. 32; ср.: Dinon, FGrHist., 680, F. 1, говорит о сестре Ксеркса), и тем самым состоял в близком родстве с персидской царской династией Ахеменидов.

Рассмотрение восстания Мегабиза против царя примечательно для понимания отношения афинян к этому сатрапу, а кроме того — для выяснения причин бегства Зофира в Афины и ответных действий афинского демоса. Год восстания Мегабиза точно определить невозможно. Еще Дж. Уэллс определил дату восстания как 450 г. до н. э.¹⁰⁷. Дело в том, что *terminus post quem* указывает Ктесий: пять лет спустя после поражения восстания в Египте, в течение которых Мегабиз, будучи верным данным клятвам, мог сохранять жизнь Инару и афинским военнопленным (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14. 39). Другая опорная дата, *terminus ante quem*, определяется участием Мегабиза в войне на Кипре в качестве одного из военачальников Артаксеркса и его ролью в согласовании Каллиева мира. Однако хронология египетской кампании афинян все еще не вполне установлена; различные даты исследователи предлагают и в отношении хронологии кипрского предприятия Кимона и даже даты заключения Каллиева мира¹⁰⁸. Кроме того, мы не знаем, насколько точна относительная хронология восстания Мегабиза у самого Ктесия. Если все же допустить, что Ктесий предоставляет верную информацию и между афинским поражением в Египте, которое различные исследователи помещают

¹⁰⁷ Wells J. The Persian Friends of Herodotus. P. 42. См. также: Дандамаев М. А. Политическая история... С. 184.

¹⁰⁸ О дискуссии в отношении хронологии этих событий см. подробнее: Unz R. K. The Chronology of the Penekontaetia // CQ. 1986. Vol. 36. № 1. P. 69–73; Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; London, 1993. P. 73–107.

в диапазоне 458–452 гг. до н. э.¹⁰⁹, и восстанием Мегабиза действительно прошло пять лет, то последнее событие следует датировать периодом незадолго до Кипрской кампании Кимона, т. е. перед 451–450 гг. до н. э. Поводом к восстанию Ктесий считает следующие события: Мегабиз был горько оскорблен тем, что царь Артаксеркс I и его мать Аместрида не позволили ему сдержать свои клятвенные обещания сохранить жизнь Инару и афинянам, данные им как одно из условий капитуляции греков в Египте. Независимо от того, было ли это действительным мотивом мятежа в Сирии, нет оснований говорить о каких-либо особых симпатиях, испытываемых Мегабизом к Афинам, а тем более вслед за Дж. Уэллсом, считать персидского сатрапа предводителем проэллинской группировки в Персии¹¹⁰. Тем не менее уместно предположить, что, если попытки Мегабиза спасти военнопленных стали известны в Афинах, они могли способствовать укреплению благосклонности афинского демоса к мятежному сатрапу, а это послужило одной из причин, заставивших афинян впоследствии оказать покровительство его сыну Зопиру¹¹¹.

Ктесий обращает внимание на то, что Амितिда, супруга Мегабиза, также принесла какую-то пользу Афинам — *εὐεργεσία* (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 45). Наиболее вероятно, что эта польза тоже заключалась в спасении афинских военнопленных, поскольку влияние Амитиды при царском дворе должно было быть очень значительным (Ктесий сообщает, что Артаксеркс успел казнить только 50 эллинов, а прочие были втайне переправлены Мегабизом в его сатрапию) (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 45).

Подробности борьбы Мегабиза против царских военачальников, сообщаемые Ктесием, невозможно проверить, но их описание не представляет для нас особой ценности. Достаточно сказать, что восстание завершилось примирением мятежного сатрапа с Артаксерксом, причем, если верить Ктесию (F. 14, 42), инициатором примирения выступал сам царь Персии. Особо важно подчеркнуть, что, по данным книдского историка, в боевых действиях на стороне Мегабиза уже принимали участие оба его сына — Зофир и Артифий (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 40). Впоследствии Артифий поднял мятеж против нового персидского монарха Дария II, сына Артаксеркса, уже после 424 г. до н. э., и поддержал притязания на престол

брата царя Арсита, за что и поплатился жизнью (Ctesias, FGrHist., 688, F. 15, 50–52).

Однако еще раньше мятежа Артифия произошло выступление против Артаксеркса I его брата Зофира. Ктесий сообщает: «Зофир, сын Мегабиза и Амитиды, когда умерли его отец и мать, отложился от царя и прибыл в Афины (*Ζώπιρος... ἀπέστη βασιλέως καὶ εἰς Ἀθήνας ἀφίκετο*), потому что этому городу его мать оказала благодеяние. В сопровождении афинян он отплыл в Кавн и призвал передать город. Кавнийцы обещали передать ему город, сопровождавшим же его афинянам отказали. Возбравшемся на стену Зофиру кавниец Алкид бросил камень в голову и таким образом убил Зофира. Аместрида, его бабушка, распяла кавнийца» (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 43).

Вызывает вопросы, прежде всего, хронология двух упомянутых Ктесием событий: прибытия Зофира в Афины, безуспешного нападения афинян и Зофира на Кавн. Среди исследователей достигнуто относительное согласие о дате восстания Зофира и его прибытия в Афины. Обычно таковой, начиная с Дж. Уэллса, считают 440 г. до н. э.¹¹² Из всех предложенных исследователем аргументов в пользу указанной даты наибольший вес имеет тот, который основывается на предположении, что Геродот, сообщая о Зофире (III, 160), еще не был осведомлен о постигшей его участи при нападении на Кавн. Хорошо известно, что в 440 г. до н. э. «отец истории» покинул Афины вместе с афинскими ойкистами, чтобы основать колонию Фурии в Южной Италии (Suid. s.v. Ἡρόδοτος), и, как справедливо считает Дж. Уэллс, перед отплытием Геродот должен был застать сына Мегабиза в Афинах еще живым. М. А. Дандамаев называет 445 г. до н. э. как год приезда Зофира в Афины¹¹³; однако указанная им дата едва ли приемлема. Ктесий говорит о том, что спустя некоторое время после примирения царя и Мегабиза между ними вновь произошел разрыв из-за инцидента, случившегося во время царской охоты. После этого бывший сатрап Сирии, едва избежав смерти, следующие пять лет провел в изгнании в городе Кирты на берегу Эрифрейского моря, затем бежал, притворившись прокаженным, и наконец, вновь помирился с Артаксерксом, восстановил свое пошатнувшееся поло-

¹⁰⁹ Salmon P. La politique Egyptienne d'Athènes. P. 99–118.

¹¹⁰ Wells J. The Persian Friends of Herodotus. P. 42.

¹¹¹ Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 344.

¹¹² Wells J. The Persian Friends of Herodotus. P. 42. А. Олмстед высказывается за 441 г. до н. э. (Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 344), но Э. Бэдиан принимает 440 г. до н. э. только как *terminus post quem* прибытия Зофира в Афины (Badian E. From Plataea to Potidaea. P. 36).

¹¹³ Дандамаев М. А. Политическая история... С. 184.

жение при дворе и скончался в возрасте 76 лет (Ctesias, FGrHist., 688, F. 14, 43; Steph. Byz. s.v. *Κυρταία*). Разумеется, нельзя быть полностью уверенным в точности сведений, сообщаемых книдским историком, но если все же его информация верна хотя бы отчасти, то вполне понятно, что между восстанием Мегабиза против царя и его смертью должен был пройти период больший, чем пять лет. Зопир же поднял свое восстание уже после смерти Мегабиза.

Афиняне должны были хорошо принять Зоппира, учитывая прежние заслуги Мегабиза и Аместриды¹¹⁴. Сообщение Ктесия об афинском нападении на Кавн также оставляет непроясненными некоторые важные вопросы: не известны причины организации афинянами экспедиции к Кавну; мы не можем сказать, какие цели преследовал сам Зопир; и наконец, лишь сугубо предположительными могут быть догадки о планах афинян в отношении роли сына Мегабиза в этом событии. Кроме того, отрывок из Ктесия не говорит о том, имела ли место попытка захвата афинянами Кавна после того как они встретили отказ передать им город, или же гибель Зоппира произошла при каких-то других обстоятельствах. Возможно, причиной таких неопределенностей в приведенном выше сообщении следует считать неумелое сокращение эпитоматором Фотием текста самого Ктесия Книдского.

В литературе высказываются две альтернативные точки зрения на датировку восстания Кавна и афинской экспедиции против этого города. Так, еще Дж. Уэллс относил отпадение кавнийцев от Афинского морского союза к 440/39 г. до н. э. и связывал его с Самосским восстанием против афинян¹¹⁵. Однако другие исследователи датируют восстание Кавна и, как следствие, поход афинян и Зоппира против этого города уже временем Пелопоннесской войны. Так, например, С. К. Эдди относил это событие к периоду между 430 и 425 гг. до н. э., поскольку Ктесий записывает его в разделе, предшествующем тому, где говорится о смерти царя Артаксеркса I и его жены Дамаспии в Вавилоне (произошедших, как известно, зимой 425/4 г. до н. э.) (Ctesias, FGrHist., 688. F. 16, 46)¹¹⁶. В 420-е гг. до н. э. считает воз-

¹¹⁴ Интересна параллель с персом Ресаком, эмигрировавшего из Персии в Афины еще при жизни Кимона, вероятно, в 460-е гг. до н. э. Плутарх сообщает, что Ресак отложился от царя и с большой суммой денег приехал в Афины (*Ῥοισάκην τινὰ βάρβαρον ἀποστάτην βασιλέως, ἔλθειν μετὰ χρημάτων πολλῶν εἰς Ἀθήνας*), но там он был встречен весьма враждебно (Plut., Cim., 10, 9).

¹¹⁵ Wells J. The Persian Friends of Herodotus. P. 42ff. С. Хорнблауэр также считает предпочтительной именно эту датировку (Hornblower S. Mausolus. P. 28. Not. 176).

¹¹⁶ Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia. P. 255; cf. Meiggs R. The Athenian Empire. P. 436–437.

можным поместить событие и Э. Кин, оставляя это мнение, правда, без аргументации¹¹⁷. Если это предположение верно, то понятно, почему гибель Зоппира не могла быть отражена Геродотом. Можно полагать, что смерть сына Мегабиза произошла при штурме города афинянами. Очевидно, что афинские военачальники рассчитывали использовать знатное происхождение и политические связи Зоппира в собственных интересах. Возможно, афиняне предвидели столкновение с персами, по крайней мере, с персидским гарнизоном Кавна, который часто присутствовал в афинских податных списках в 450–430-е гг. до н. э., но в то время отложился¹¹⁸. Как становится видно на основании данных афинских податных списков, наиболее продолжительное по времени отсутствие кавнийцев среди плательщиков приходится как раз на период Пелопоннесской войны, а именно с 430/29 по 421/0 гг. до н. э., когда *[Κα]ύνιοι* вновь появляются в списке податного обложения афинских союзников¹¹⁹. Датировка восстания Кавна 440/39 г. до н. э. представляется менее вероятной, поскольку не в полной мере учитывает данные афинских податных списков: очевидно, что кавнийцы как в указанный год, так и в предшествующий ему и последующий годы явно фигурируют в числе плательщиков форося. Таким образом, между бегством в Афины Зоппира прежде 440 г. до н. э. и его участием в афинской экспедиции против Кавна в 420-е гг. до н. э. наличествует временной интервал, в течение которого персидский эмигрант должен был проводить время среди афинской политической и интеллектуальной элиты.

Инцидент с Зоппиром не прошел для афинян бесследно. Вероятно, еще в течение долгого времени афиняне помнили о своем пок-

¹¹⁷ Keen A. G.: 1) Athenian Campaigns in Karia and Lykia during the Peloponnesian War // JHS. 1993. Vol. 113. P. 155; 2) Dynastic Lykia. P. 134.

¹¹⁸ *Καύνιοι* присутствуют в списках 453/2 г. до н. э. (IG, I³, 260 A, col. VII, 8), 452/1 г. до н. э. (IG, I³, 261 A, col. V, 15), 451/0 г. до н. э. (IG, I³, 262 A, col. I, 18), 448/7 г. до н. э. (IG, I³, 264 A, col. I, 38), 447/6 г. до н. э. (IG, I³, 265 B, col. I, 40), 446/5 г. до н. э. (IG, I³, 266 C, col. III, 14), 444/3 г. до н. э. (IG, I³, 268. C. col. III, 21), 443/2 г. до н. э. (IG, I³, 269. C. col. IV, 14), 442/1 г. до н. э. (IG, I³, 270. C. col. IV, 14), 441/0 г. до н. э. (IG, I³, 271. D. col. I, 64, 69), 440/39 г. до н. э. (IG, I³, 272. D. col. I, 70), 439/8 г. до н. э. (IG, I³, 273. A. col. IV, 30), 438/7 г. до н. э. (IG, I³, 274. A. col. III, 15), 433/2 г. до н. э. (IG, I³, 279. C. col. I, 9), 432/1 г. до н. э. (IG, I³, 280. C. col. I, 22), 430/29 г. до н. э. (IG, I³, 281. col. I, 28–29), 421/0 г. до н. э. (IG, I³, 285. A. col. II, fr. 1, 11, 14).

¹¹⁹ Здесь, правда, следует иметь в виду, что за период с 430/29 г. до н. э. по 421/0 г. до н. э. сохранились только три податных списка (IG, I³, 282–284), отчасти в сильно фрагментированном виде, и таким образом, конечно, они не могут дать абсолютно точную информацию о присутствии или отсутствии кавнийцев в числе афинских союзников.

ровительстве этому знатному персу, о чем, в частности, свидетельствует ономастика: периодическое появление имени Ζόπυρος на афинских надгробиях V в. до н. э. (IG, I³, 1035, 10; 1144, В II, 125)¹²⁰. Подобным образом Ζόπυρος было довольно популярным именем в эллинистической Малой Азии, и известен также Зофир — гражданин Кавна¹²¹. Но как оценить роль эпизода с Зофиром в развитии афино-персидских взаимоотношений? Понятно, что принятие персидского эмигранта, восставшего против царя, не было дружественной акцией властных структур афинского полиса в отношении Персии. Но формально оно не может свидетельствовать и о нарушении афинянами условий мирного договора с Персией, ибо неизвестно, запрещал ли этот договор оказывать поддержку восставшим против царя. Точно так же, афинское нападение на Кавн не было непосредственно связано с отношениями с Персией, поскольку речь шла о городе, который отложился от Афинского морского союза (хотя, конечно, косвенным образом интересы Персии были затронуты, поскольку трудно представить, что кавнийцы решились бы на разрыв с афинянами без персидской поддержки). В целом, следует заметить, что эпизод с Зофиром вполне находился в русле афинской политики по отношению к Персии в V в. до н. э. Одним из направлений данной политики было оказание поддержки любым силам, которые были враждебны персидскому царю — на тот момент главному врагу эллинов. Наиболее очевидно это направление уже проявилось ранее в афинской поддержке мятежей Инара и Амиртея в Египте, оно даст о себе знать и в будущем во время оказания военной помощи Аморгу, сыну Писсуфна, который восстал против царя Дария II в Карии около 413/2 г. до н. э.¹²² Так что, несмотря на существование Каллиева мира, в Афинах были все еще сильны антиперсидские настроения, побуждавшие афинян оказывать покровительство подданным царя, выступавшим против него.

¹²⁰ Хотя можно высказать предположение, что афиняне стали давать своим сыновьям имя Зофир под впечатлением новеллы Геродота о доблести деда Зофира, сына Мегабиза, при захвате Вавилона. Примечательно также, что в более поздний период среди афинских личных имен встречается имя Дарий (Дарий, сын Эвнона; Эвник, сын Дария). О роли ономастики в истории греков подробнее см.: *Карпук С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 203–260 (впрочем, автор не касается интересующей нас серии афинских ЛИ).

¹²¹ См.: *Grainger J. D.* A Seleucid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 622.

¹²² См.: Рунг Э. В. Афины и мятеж Аморга // SH. 2005. Вып. 5. С. 23–36.

7. Самосская война и позиция Персии

Другой эпизод, который отразился на состоянии афино-персидских взаимоотношений, — это Самосская война 440 г. до н. э., ставшая важным событием в истории Афинской морской державы, еще раз продемонстрировав готовность афинян в случае необходимости прибегать к силовому вмешательству в дела своих союзников. Она примечательна еще и тем, что, вызвав кризис в отношениях Афин и Персии, едва не привела, как считали афиняне, к возобновлению вооруженного конфликта между двумя державами.

Поводом к афинскому вмешательству во внутренние дела острова послужил конфликт, разразившийся в 441 г. до н. э. между Самосом и Милетом за контроль над ионийским городом Приеной. Как Самос, так и Милет ко времени их конфликта входили в число городов — податных членов Афинского морского союза. Поэтому естественным было обращение одной из сторон, в частности милетян, терпящих поражение в войне, за урегулированием к Афинам как гегемону союза. Однако самосцы, видя, что афиняне в этом споре заняли сторону милетян, подняли восстание и отложились от Афин. В свою очередь, афинский народ постановил направить эскадру из 40 кораблей во главе со стратегом Периклом на Самос, где они с помощью своих приверженцев из самосцев установили демократический строй, взыскали 80 талантов, а у самосцев взяли заложников, которых отправили на Лемнос (Thuc., I, 116, 1–3; Diod., XII, 27, 1–2; Plut., Per., 25). Ситуацию еще больше осложнило обращение некоторых самосцев за помощью к персам. В рассказе о Самосской войне Фукидид впервые сообщает о Писсуфне, сатрапе Сард (историк говорит, что он εἶχε Σάρδεϊς τότε), который был важной фигурой в греко-персидских отношениях (Thuc., I, 115, 4)¹²³. Это обращение не осталось без ответа. По сообщению Плутарха, Писсуфн сначала предложил Периклу в обмен на свободу города 10000 золотых дариков, а когда тот отказался взять деньги, выкрал самосских заложников с Лемноса и сделал все приготовления к войне (Plut., Per., 25). Фукидид (I, 116, 1) и Диодор (XII, 27, 3) отмечают, что сатрап предоставил изгнанникам с Самоса отряд в 700 наемников, с которым они под покровом ночи высадились на свой остров и напали на

¹²³ О Писсуфне см.: *Balcer J. M.* A Prosopographical Study... P. 105. № 80. Это первое упоминание Писсуфна в античных источниках, которое засвидетельствовало его роль в греко-персидских отношениях.

вождей местных демократов. В результате на острове была восставлена олигархия. Кроме того, они пленили и отправили в Сарды афинский гарнизон вместе с начальниками, назначенными Периклом. Крайне обеспокоенные сложившимся положением, афиняне послали к Самосу свою эскадру из 60 кораблей во главе с самим Периклом. Против самосцев развернулись военные действия, которые затрагивали и персидские интересы. Прежде всего, афиняне одержали победу над самосской эскадрой (она включала 70 судов) в битве у острова Трагии, а затем, пополнив свой флот 40 кораблями из Афин и 25 союзническими с Хиоса и лесбосской Митилены, разгромили самосцев на суше и осадили город (Thuc., I, 116, 1–2; Diod., XII, 27, 4).

Вероятно, пособничество Писсуфна в пленении афинского гарнизона должно было вызвать крайне негативную реакцию в Афинах. В схолиях к одной из комедий Аристофана даже проводится мысль, что самосцы, восстав против Афин, приняли сторону персидского царя — *Σάμιοι δὲ ἀπέστειλαν πρὸς βασιλέα* (Schol. Ar. Vesp. 283a). Можно представить, что среди афинян немедленно возникли опасения по поводу возобновления войны с Персией, и в этой ситуации, возможно, звучали обвинения в адрес Персии в нарушении условий Каллиева мира¹²⁴. Именно этим следует объяснять свидетельство Фукидида о том, что из 60 первоначально имевшихся у них кораблей некоторое количество судов афиняне сразу же направили в район Карики, чтобы оттуда наблюдать за перемещениями финикийской эскадры (Thuc., I, 116, 1). В разгар афинских боевых операций против Самоса, как единодушно свидетельствуют наши источники, Перикл получил известие о приближении финикийского флота и вынужден был выступить с эскадрой в 60 кораблей ему навстречу, в направлении Кавна и Карики (cf. Schol. Ar. Vesp. 283b: *ἵνα πάλιν προσαγγέλθῃ Περικλεῖ ὅτι φοίνισσαι νῆες παρῆεν βοηθοῦσαι Σαμίους*). Плутарх сообщает, что целью похода Перикла в направлении Карики было намерение дать бой финикийцам как можно дальше от Самоса (Plut. Per., 26).

В то же время Стесагор и другие самосские военачальники, по замечанию Фукидида (I, 116, 3), также отплыли на 5 кораблях навстречу финикийцам, видимо, рассчитывая при встрече договориться с персидскими флотоводцами о совместных действиях¹²⁵. Между

¹²⁴ Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia. P. 250.

¹²⁵ Дж. Кокуэлл полагает, что Стесагор руководил афинским посольством, чтобы добиться помощи финикийского флота (Cawkwell G. L. The Peace Between Athens and Persia. P. 117).

тем, афинские корабли Перикла так и не встретились лицом к лицу с финикийским флотом. Причины того, почему не состоялось морское сражение с персами, никто из античных авторов не объясняет, хотя реальность угрозы со стороны финикийцев современными историками обычно не оспаривается. С. К. Эдди полагает, что финикийский флот предпринял только демонстрацию вдоль линии Фаселиды (установленной по условиям Каллиева мира южной границы для движения персидских боевых кораблей) с целью отвлечь афинский флот от Самоса, но не решился на прямое столкновение¹²⁶, что выглядит вполне вероятным предположением. Однако не исключена возможность, что известия, полученные Периклом в отношении финикийцев, были только ничем не подкрепленными слухами, распространяемыми самими самосцами с целью выиграть столь необходимое им время¹²⁷. И поэтому, не найдя в море никакого враждебного флота, Перикл уже через четырнадцать дней после отплытия возвратился на Самос и возобновил осаду города¹²⁸. Не получив поддержки от персов, Самос, осажденной с суши и с моря войсками Перикла, вскоре капитулировал¹²⁹. Следствием капитуляции города было срытие укреплений, лишение флота и утверждение демократии (Thuc., I, 117, 3; Diod., XII, 28, 3). Самосцы обязались уплачивать афинянам в течение 26 лет значительную контрибуцию в размере 1300 талантов (IG, I², 293; IG, I², 50).

* * *

Значительное расширение Афинского морского союза за счет включения в его состав не только греческих полисов Малой Азии, но и так называемых «двуязычных» городов со смешанным эллино-варварским населением, а также и чисто местных негреческих общин, несомненно, должно было вызвать осложнения во взаимоотношениях с Персией. В период существования Афинского морского союза 477–412 гг. до н. э. Малая Азия приобрела статус «буферной зоны», находящейся в сфере как афинских, так и персидских интересов.

¹²⁶ Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia. P. 250.

¹²⁷ См. например: Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 59–60.

¹²⁸ Перед возобновлением осады Самоса Перикл получил еще 60 кораблей из Афин (40 — под командой стратегов Фукидида, Гагнона и Формиона, и 20 — во главе с Тлеполемом и Антиклом) и 30 с Хиоса и Митилены (Thuc., I, 117, 2; Diod., XII, 28, 2).

¹²⁹ О последствиях Самосской войны подробнее см.: Касаткина Н. А. К проблеме афинского управления покоренным Самосом // Из истории античного общества. Вып. Горький, 1988. С. 7.

Однако Каллиев мир 449 г. до н. э. фактически привел к тому, что персы должны были воздерживаться от прямого конфликта с афинянами и проводить «скрытую» антиафинскую политику, во-первых, поддерживая антиафинские политические силы в греческих полисах (это мы уже видели на примере Самоса в 440 г. до н. э.), а во-вторых, оказывая помощь местным негреческим династиям в их попытках отделиться от Афинского союза.

Таким образом, еще задолго до начала Пелопоннесской войны персидский царь Артаксеркс I, и в особенности западные сатрапы, начали проводить политику, направленную на развал Афинской державы, по крайней мере, в Малой Азии. Многочисленные документы, относящиеся к истории Первого Афинского морского союза, не столь информативны в отношении политики персов в Малой Азии. Но тем не менее некоторые сведения все же имеются. Так, например, афинская псефизма в отношении Эрифр, датированная 450 гг. до н. э., включает клятву верности эрифрейцев по отношению к афинянам. Один из пунктов этой клятвы упоминает тех граждан полиса, кто бежал к мидянам (IG, I³, 14, сткк. 26–27 = ML, 40, сткк. 26–27). Названные строки правильно воспринимаются в историографии как показатель наличия персофилов в Эрифрах¹³⁰. Даже при отсутствии прямых данных можно предположить, что персофилы были и в Милете, который, подобно Эрифрам, отложился от Афин ок. 450 г. до н. э.¹³¹

Известен еще один случай, когда в греческом полисе персофилы существовали как организованная сила: такой пример дает Колофон. Здесь также в 450–440 гг. до н. э. было поднято восстание против Афин, которое завершилось повторным подчинением города афинянам и заключением договора, в котором колофонцы приносили клятву верности (IG, I³, 37, 43–56). Во время вспышки социально-политической борьбы в Колофоне в 430 г. до н. э. (т. е. во второй год Пелопоннесской войны) колофонские персофилы захватили «верхний город» (Thuc., III, 34, 1–2: ἐκ τῆς ἄνω πόλεως Κολοφονίων οἱ μηδίσαντες) при помощи Итамана, подчиненного сатрапа Писсуфна, и «варваров», в результате чего прочие граждане вынуждены были выселиться в Нотий. Там одна группа граждан, вступив в переговоры с Писсуфном и получив от него аркадских и варварских наемников во главе с Гиппием, объединилась с этими персофилами в единой гражданской общи-

не (ξυνεσελθόντες ἐπολιτεύον). Другая группа граждан (вероятно, сторонники афинян), изгнанная сперва из Колофона, а потом и из Нотия, прибегла к помощи афинского стратега Пахета, который при помощи военной силы ликвидировал отряд Гиппия и возвратил изгнанников в Нотий, обустроив там афинскую колонию (впоследствии он вернул афинянам и Колофон) (Thuc., III, 34, 3–4)¹³².

* * *

Итак, в 449 г. до н. э. афиняне заключили мирный договор с царем Артаксерксом и его сатрапами, — так называемый Каллиев мир, который был важным событием в истории греко-персидских отношений. Этот мир, собственно говоря, открыл путь для установления официальных дипломатических отношений между греческими полисами и персами. И главное, после этого события происходят изменения в греческом восприятии персов: образ врага постепенно начинает отходить на задний план, и отношения с Персией перестают быть предосудительными. Преимущество новой роли персов в делах греков одним из первых наверняка осознал знаменитый Перикл.

Между тем опыт афино-персидских отношений после Каллиева мира показывает, что эхо прошлой войны периодически давало о себе знать и находило выражение в ряде кризисов, самые известные из которых связаны с позицией афинян в восстании Зопира, сына Мегабиза и в персидских действиях во время Самосской войны 441–440 гг. до н. э. Однако наметившиеся тенденции в греко-персидских политических отношениях найдут свое продолжение в период Пелопоннесской войны, когда сочетание ряда факторов сделало неизбежным дальнейшее развитие взаимных контактов.

¹³⁰ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 115. Not. 53.

¹³¹ В отношении Эрифр и Милета: Ste Croix G. E. M. de. The Character of the Athenian Empire // Historia. 1954/1955. Bd. 3. Ht. 1. S. 9.

¹³² См. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 140.

Глава V

ЭПИЛИКОВ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Пелопоннесская война была столь значимым событием в истории греческих межполисных отношений, что затронула большинство греческих государств (собственно Греции, островов Эгеиды и Малой Азии), разделив их на сторонников Спарты и союзников Афин (Thuc., II, 9, 1–5). Характеризуя состояние противников накануне войны, Фукидид отмечает намерение спартанцев и афинян отправить свои посольства к персидскому царю и заручиться его поддержкой (Thuc., II, 7, 1). В первые годы войны между Афинами и Персией сохранялись мирные отношения, соблюдение которых гарантировало военное могущество Афинской державы, основанное на финансовом процветании Афин и военном потенциале полиса. Однако по мере того как война истощала ресурсы афинян, они все более и более ориентировались на Персию¹. О политической борьбе в Афинах по вопросу отношений с державой Ахеменидов в первое десятилетие Пелопоннесской войны практически ничего не известно. С учетом дальнейшего хода событий можно предположить, что в самом начале войны сохранению стабильных отношений с Персидской державой афиняне были во многом обязаны господством политического курса Перикла, который состоял в укреплении афинского влияния в Греции, даже ценой конфронтации со Спартой, при сохранении мирных отношений с Персией. После смерти Перикла в этом курсе не произошло существенных изменений. Даже более того: афинские политики, прежде связанные с Периклом (в число которых могли входить принадлежащий к Периклову «кружку» Периламп, а также Эпилик — свойственник

¹ Об афинской политике в период Архидамовой войны см.: *Holladay A. J. Athenian Strategy in the Archidamian War // Historia. 1978. Bd. 27. Ht. 3. S. 399–427.*

Перикла), используя в своих интересах некоторое влияние среди демоса, в 420-е гг. до н. э. нацеливаются на дальнейшее укрепление политических отношений с персами. Они доказывали в народном собрании и буле необходимость дальнейшего укрепления отношений с персами. Они могли утверждать, что, так как война истощала ресурсы афинян и над самим существованием Афинского союза нависла угроза, афинянам становится крайне выгодно не столько сохранить мир с Персией, но и попытаться установить союзнические отношения. Отражением этой политики и стал Эпиликов мирный договор, рассматриваемый в данном разделе. Данный договор, по-видимому, не только возобновил условия Каллиева мира, но и отличался некоторыми новшествами. Между тем в Афинах, особенно после заключения Эпиликова договора, все чаще стали раздаваться голоса тех политиков, которые, объясняя свои действия интересами полиса и популярными представлениями о персах как извечных врагах афинян, настаивали на разрыве отношений с державой Ахеменидов. В пользу того, что среди противников мирных отношений с персами мог быть афинский политик Клеон, указывает намек на это обстоятельство во «Всадниках» Аристофана (Ar. Eq., 475–478).

1. Афины в поисках персидской поддержки

В комедии Аристофана «Ахарняне», поставленной на сцене в 425 г. до н. э., содержится аллюзия на пребывание в Экбатанах в качестве посла Алкмеонида Мегакла (V), которого комедиограф называет Койсиром (Ar., Ach., 613 cum schol.)². Здесь же представлено возвращение послов в Афины, но при этом отсутствует информация, которая позволила бы более точно идентифицировать это посольство. Аристофан датирует отправку послов из Афин в Персию годом архонта Эвфимена (437/6 г. до н. э.) (Ar. Ach., 65–67). Точные хронологические указания необычны для афинской комедии, поэтому не существует серьезных сомнений в историчности самого посольства.

² Он был сыном Мегакла (IV) и Койсиры. См.: *Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии. С. 74. Прим. 137; 250 (генеалогическое древо Алкмеонидов); MacDowell D. M. Aristophanes and Athens: An Introduction to the Plays. Oxford, 1995. P. 69.*

Послам было поручено привезти в Афины персидское золото, однако они в сопровождении Псевдо-Артаба — «Царского ока»³, возвратились с пустыми руками (Ar. Ach., 94f, 103ff). Вообще же следует отметить, что данные комедиографа представляют собой наиболее раннее свидетельство о заинтересованности афинян в персидской финансовой помощи, и поэтому миссию уместно датировать первыми годами Пелопоннесской войны. Следует обратить внимание еще на некоторые особенности текста Аристофана. Во-первых, в комедии рассказывается о том, что персидского посланника в Афины сопровождали эллины, одетые в персидские одеяния и представленные в виде евнухов (Ach., 116–122) — сама ситуация, однако, вполне возможна, поскольку последние должны были выступать в качестве посредников-переводчиков в афинской экклесии⁴. Во-вторых, примечательно также сообщение о приглашении афинянами послов от царя на торжественный обед в Пританий (Ach., 124–125): оно свидетельствует о том, что афиняне видели в персах уже не врагов всей Греции, как это было в первой половине V в. до н. э., а обычных чужеземных послов, посещавших Афины в тот период.

Некоторые исследователи полагают, что комедиограф подразумевает афинское посольство Диотима, сына Стромбиха, в Сузы, известное только благодаря упоминанию его современником тех событий историком Дамастом (Damastes FGrHist., 5, F. 8 = Strabo, I, 3, 1)⁵.

³ О персидском чиновнике в должности «Царское око» см. Balcer J. M. The Athenian Episkopos and the Achaemenid 'King's Eye' // AJPh. 1977. Vol. 98. № 3. P. 252–263; Shahbazi A. S. Irano-Hellenic Notes. 2. The 'King's Eyes' in Classical and Iranian Literature // AJAN. 1988 [1997]. Vol. 13. № 2. P. 170–189.

⁴ Ч. Чиассон, однако, пытается доказать, что как Псевдо-Артаб, так и его евнухи в изображении Аристофана должны были быть персами (Chiasson C. C. Pseudoartabas and His Eunuchs: Acharnians 91–122) // CPh. 1984. Vol. 79. № 2. P. 131–136).

⁵ Breebart A. B. Eratosthenes, Damastes and the Journey of Diotimos to Susa // Mnemosyne. 1967. Vol. 20. P. 422–431; Kienast D. Presbeia. Sp. 597; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 60, not. 70; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 53, N 9; Hegyi D. Athen und die Achämeniden in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts v.u.Z // Oikumene. 1983. Bd. 4. S. 56; Miller M. C. Athens and Persia... P. 110. О посольстве Диотима говорит Страбон со ссылкой на историка Дамаста и географа Эратосфена: «Сам Эратосфен передает один из таких нелепых рассказов Дамаста, полагавшего, будто Аравийский залив является озером и что Диотим, сын Стромбиха, будучи во главе афинского посольства, поднялся вверх по реке Кидну из Киликии до реки Хоаспа, протекавшей около Суз, и через сорок дней прибыл в Сузы; и Эратосфен говорит, что Дамасту все это рассказал сам Диотим. Затем Эратосфен прибавляет, что Дамаст выражает удивление, как это возможно, чтобы река Кидн, пересекая Евфрат и Тигр, впадала в Хоасп» (Damastes FGrHist., 5, F. 8 = Strabo, I, 3, 1). Прежде всего, следует отметить, что Кидн протекал непосредственно через один из крупнейших городов Киликии — Тарс (Xen., Anab., I, 2, 24; Strabo, IV, 5, 10; Arr. Anab., II, 4, 7; Steph.

О времени этой миссии ничего не сообщается. Фукидид относит деятельность Диотима к самому началу Пелопоннесской войны, когда он фигурирует среди двух других афинян, отправленных с эскадрой из 10 кораблей на помощь Керкире в 431 г. до н. э. (Thuc., I, 45). Между тем отождествление посольства комедии Аристофана с миссией Диотима, на наш взгляд, едва ли правомерно. Дамаст особо подчеркивает быстроту, с которой Диотим прибыл в Сузы, затратив на дорогу только 40 дней; напротив, Аристофан представляет долгое путешествие послов по Азии, в течение которого они четыре года добирались до резиденции царя и еще восемь месяцев томились в ожидании приема (Ar. Ach., 80f).

2. Спарта в поисках персидской поддержки

Проблема изыскания средств для ведения войны была особенно актуальна для Спарты. Спартанское государство ко времени Пелопоннесской войны в отличие от Афин, не обладало значительными финансовыми ресурсами и флотом и потому вынуждено было искать поддержку вне Пелопоннесского союза, в частности у Персии, и, как станет видно далее, также было заинтересовано в установлении договорных отношений с Персидской державой. Выступая в народном собрании Спарты по вопросу о начале войны, спартанский царь Архидам акцентировал внимание на преимуществах афинян по сравнению со спартамцами и предложил выход из сложившейся ситуации, заключающийся в том, чтобы, готовясь к войне, привлекать в качестве союзников как эллинов, так и варваров и получить помощь кораблями и деньгами (Thuc., I, 79, 3–4, I, 82, 1)⁶.

Первое упоминание об организации спартамцами посольства в Персию относится ко второму году войны (430 г. до н. э.). Посоль-

Вуз. s.v. Τάρσος). Таким образом, если доверять данным Дамаста, то следует признать, что Диотим сначала прибыл именно в этот город. Однако, как верно заметил сам Дамаст, река Кидн непосредственно не впадает в Хоасп; так что Диотим и афинские послы, скорее всего, должны были после путешествия по Кидну или совершить далекий сухопутный переход до Хоаспа, на котором были расположены Сузы (Hdt., V, 49, 52; Strabo, XV, 3, 4), или же спуститься по Евфрату до Персидского залива, а затем подняться по реке Хоасп.

⁶ См., например: Brunt P. Spartan Policy and Strategy in the Archidamian War [1965] // Idem. Studies in Greek History and Thought. Oxford, 1997. P. 91ff; Kagan D. The Archidamian War. P. 257; Kelly T. Thucydides and Spartan Strategy in the Archidamian War // AHR. 1982. Vol. 87. № 1. P. 33; Lazenby J. F. The Peloponnesian War: A Military Study. L., 2003. P. 31.

ство спартанцев и их союзников в Персию известно по сообщениям Геродота и Фукидида. Геродот рассказывает, что двое из спартанских послов — Николай и Анерист — были сыновьями послов, отправившихся в Персию за поколение до этого (вероятно перед 481 г. до н. э.) других послов в Персию — Булиса и Сперфия (Hdt., VII, 134–137). По данным же Фукидида, в составе делегации были спартанские послы Анерист, Николай и Пратодам, которые предполагали побудить персидского царя оказать пелопоннесцам помощь деньгами и участием в войне (*χρήματα τε παρὰσχεῖν καὶ ζυμπολεμεῖν*) (Thuc., II, 67, 1).

Вместе со спартанскими послами совершить поездку в Персию имели намерение и послы спартанских союзников: коринфянин Аристей и тегеец Тимагор. Фукидид сообщает, что к персидскому царю отправился также аргосец Поллид, но как частное лицо. Интересно отметить также, что Аргос уже имел ко времени посольства договор о дружбе и союзе с Артаксерксом I (Hdt., VII, 151) и аргосец мог рассчитывать, используя давние связи своей родины с Персией, добиться благосклонности персидского монарха к Спарте и, возможно, получить финансовые средства в помощь местным олигархам⁷.

Послы предполагали проследовать сухопутным путем через Фракию в район пролива Босфор, далее убедить Фарнака, сына Фарнабаза, дакийского сатрапа, проводить их вглубь Азии к царю. Однако на своем пути послы встретили неожиданное препятствие. Геродот сообщает об аресте послов в городе Бисанте в районе Пропонтиды, что с очевидностью предполагает намерение спартанских представителей переправиться в Азию через Босфор Фракийский в районе Византии. В выдаче послов афинянам, по данным «отца истории», участвовали фракийский царь Ситалк и абдерит Нимфодор, сын Пифея (Hdt., VII, 137). По сведениям Фукидида, во Фракии послы были задержаны по приказанию Садока, сына фракийского царя Ситалка, друга и почетного гражданина Афин. Немаловажную роль в аресте этих послов сыграли афинские послы к Ситалку, Леарх, сын Каллимаха, и Аминиад, сын Филимона. Таким образом, как считает историк, в задержании послов следует видеть действия афинян, стремившихся предотвратить укрепление отношений Спарты и Персии (Thuc., II, 67, 2–3). Послы были доставлены в Афины и там

⁷ Присутствие аргосца в составе посольства полисов Пелопоннесского союза может вызвать удивление. Аргос был традиционным врагом Спарты, а в то время, связанный условиями тридцатилетнего мира, сохранял нейтралитет в Архидамовой войне. Однако Фукидид особо отмечает, что аргосец отправился в Персию как частное лицо (Thuc., II, 67, 1).

казнены (Thuc., II, 67, 4). Однако другие посольства, вероятно, смогли достичь Персии, о чем свидетельствует Аристофан (Ag. Ach., 645–651). Правда, дело не пошло дальше переговоров и прояснения позиции сторон.

В 427 г. до н. э. спартанский наварх Алкид, отправленный с флотом на помощь Митилене, с безразличием отнесся к предложению ионийских изгнанников и кого-то из лесбосцев поднять антиафинское восстание в Ионии и вступить в союз с сатрапом Писсуфном (Thuc., III, 31, 1). По словам Фукидида, после получения известий о том, что афиняне принудили к сдаче Митилену, Алкид думал более всего о спасении своей эскадры и ее благополучном возвращении. Афинский флот представлял грозную силу и господствовал в Эгейде.

Спустя несколько лет, в 425/4 г. до н. э., Артаксеркс I направил своего посланника Артаферна в Спарту, поставив перед ним задачу прояснить возможности дальнейших переговоров со спартанцами (Thuc., IV, 50, 1–3). Об этой миссии со всей определенностью рассказывает Фукидид, согласно данным которого, Артаферн был захвачен в городе Эйоне на реке Стримон афинским стратегом Аристидом, сыном Архиппа, посланным для сбора дани к союзникам. Аристид переправил Артаферна в Афины, где царские письма перевели и прочитали. В них говорилось об отношении персидского царя к посольствам из Спарты и предлагалось спартанцам вместе с Артаферном отправить своих послов в Персию. Встревоженные полученными известиями, афиняне весной 424 г. до н. э. сами направили посольство вместе с Артаферном на триере в Эфес, намереваясь оттуда совершить поездку ко двору персидского царя. Однако в Эфесе афинские послы узнали о смерти Артаксеркса I и вынуждены были возвратиться назад (Thuc., IV, 50, 1–3). Переговоры не состоялись. О цели этой поездки можно высказываться сугубо предположительно⁸. Нам представляется, что посольство из Афин, отправившееся

⁸ А. Раубичек полагал, что афинские послы намеревались изложить свои жалобы по поводу переговоров персов со Спартой; другим намерением посольства он считает стремление добиться персидских субсидий на ведение войны со Спартой (*Raubitschek A. E. The Treaties between Athens and Persia // GRBS. 1964. Vol. 5. P. 156*). По мнению А. Бламайера, послы едва ли намеревались напомнить Артаксерксу о существовании Каллиева мира, поскольку его условия не содержали ничего такого, что могло бы исключить переговоры Персии со Спартой или каким-либо другим государством или даже субсидирования их в войне; истинная же цель послов заключалась в том, чтобы дополнить или даже заменить Каллиев мир договором, который исключал возможность вступления Персии в войну на стороне Спарты (*Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia. P. 23*).

в Персию в сопровождении Артаферна, производит впечатление миссии, организованной без надлежащей подготовки. Несомненно, она была направлена в связи с известиями о переговорах Спарты и Персии и должна была, вероятно, помешать заключению возможного договора между этими государствами. С этой целью могли использоваться самые разнообразные средства: от напоминания царю о существовании Каллиева мира и до предложения заключить новый договор. Однако едва ли афиняне могли чувствовать необходимость в новом соглашении по крайней мере до смерти Артаксеркса I. Кончина этого монарха, а также последовавший почти годичный период нестабильности на персидском престоле, завершившийся очередным дворцовым переворотом и воцарением Дария II (сатрапа Гирканий Оха), должны были поднять вопрос о новом урегулировании отношений⁹.

3. Эпиликов договор в оценках историографии

В историографии высказываются весьма неоднозначные суждения об Эпиликовом мирном договоре, причем это имеет прямое отношение к проблеме Каллиева мира. Дело в том, что зарубежные исследователи касаются этого соглашения преимущественно в сопоставлении с Каллиевым миром, и здесь можно выделить четыре точки зрения на данную проблему.

Первой придерживаются те историки, которые отрицают аутентичность античной традиции о Каллиевом мире; равным образом они негативно судят и об Эпиликовом договоре, а главную поддержку своим аргументам находят в том обстоятельстве, что этот договор, как и Каллиев мир, не упоминается в труде Фукидида¹⁰. Вторая точка зрения представлена в работах исследователей, которые обычно отстаивают историчность Каллиева мира (таких сейчас большинство).

⁹ Артаксеркс I имел единственного законного сына Ксеркса, который и стал царствовать. Но спустя два месяца Ксеркс II был убит заговорщиками в своей спальне, и царем стал Секундиан (Согдиан), незаконный сын Артаксеркса I, который был умерщвлен Охом после семи месяцев правления (Diod., XII, 64, 1; 71, 1; Ctesias FGrHist., 688, F. 15. 47–49). См.: Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 356; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 79–81; Cook J. M. The Persian Empire. P. 1–29; Briant P. Histoire de l'Empire perse. P. 608f.

¹⁰ Stockton D. L. The Peace of Kallias. P. 61ff; Murison C. L. The Peace of Callias. P. 25f.

Они позитивно отзываются и о существовании Эпиликова договора, однако чаще всего не придают этому соглашению самостоятельного значения, а считают его только простым возобновлением условий Каллиева мира¹¹. Третье мнение отстаивали У. Томпсон, А. Бламайер и Д. Льюис, которые специально исследовали договор Эпилика и пришли к выводу, что он был порожден скорее особенностями международной ситуации периода Пелопоннесской войны, чем простой необходимостью возобновить условия предыдущего мирного договора. Они оценивали заключение Эпиликова договора как достаточно важное событие в отношениях Афин и Персии в V столетии до н. э.¹² Наконец, некоторые современные историки считают неаутентичным Каллиев мир, но фактически признают существование Эпиликова мирного договора¹³.

По сложившейся традиции, исследователи обычно приводят два основных свидетельства в пользу договора: это прямая ссылка на него, сделанная афинским оратором Андокидом (III, 29), а также заключение, выводимое из анализа афинского декрета в честь Гераклида (IG. I³, 227 = ML, 70). Иногда исследователи, правда, не вполне обоснованно, видят поддержку своим аргументам в отношении Эпиликова мирного договора во фрагменте Феопомпа, упоминающего «договор афинян и эллинов с царем Дарием» (Theopomp. FGrHist., 115, F.153).

4. Дипломатическая миссия Эпилика в Персию

Поездка афинских послов во главе с Эпиликом в Персию могла иметь место лишь спустя некоторое время после восшествия Дария II, т. е. после 424/3 г. до н. э. Прежде чем обратиться к свидетельствам источников об Эпиликовом договоре, следует сказать несколько слов

¹¹ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 201ff; Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 3; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 134f; Holladay A. J. The Detente of Callias? P. 505f; Badian E. The Peace of Callias. P. 26ff; Cawkwell G. L. The Peace between Athens and Persia. P. 115, 117–118. Рудольф фон Скала в 1898 г. и Герман Бенгтсон в 1962 г. собрали воедино все сведения о договоре в изданиях “Die Staatsverträge des Altertums”.

¹² Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia. P. 21–26; Thompson W. E. The Athenian Treaties with Halai and Dareios the Bastard. S. 119–124; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 76f; См.: Рунг Э. В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96.

¹³ См.: Sealey R. The Peace of Kallias Once More. S. 329, 333; Mattingly H. B. The Peace of Kallias. S. 273ff.

о личности самого Эпилика. Нужно заметить, что сведения о его жизни очень скудны, однако достаточны, чтобы утверждать, что он не мог участвовать в переговорах по поводу Каллиева мира. Эпилик принадлежал к аристократическому афинскому роду Филаидов (Magcell., Vita Thuc., 3), тому самому, который приобрел известность в афинской истории благодаря представителям, прославившимся на поле брани и в дипломатической деятельности¹⁴. Его отец Тисандр, сын Эпилика, упомянут на остраке, поданном по случаю остракофории 443 г. до н. э., что делает его современником Перикла и участником политической борьбы в Афинах в 440-е гг. до н. э. (Tod. I, 45, № 39)¹⁵. Кстати, уместно заметить также, что один из острака того же года называет Андокида, сына Леогора, деда знаменитого оратора (№ 38). Сам же Эпилик был моложе Перикла на одно поколение. По сведениям Плутарха, его сестра вышла замуж за сына Перикла Ксантиппа, умершего молодым во время эпидемии в Афинах в 429 г. до н. э. (Plut. Pericl., 36). На этом основании, как говорилось, в деятельности Эпилика по заключению договора с Персией нетрудно усмотреть отголоски той политики, которой придерживались Афины в период стратегий Перикла — усиление экспансии в Греции при сохранении мира с Персией.

Свидетельство Андокида о смерти Эпилика на Сицилии не позволяет, однако, установить точную дату этого события (Andoc., I, 17). Глагол ἀποθνήσκω, употребленный оратором при упоминании о смерти Эпилика, не обязательно предполагает насильственную гибель, которую исследователи связывают с Сицилийской экспедицией афинян 415–413 гг. до н. э., поэтому обстоятельства его кончины остаются не полностью проясненными. Тем не менее известно, что расцвет политической деятельности Эпилика приходился на 420-е гг. до н. э.¹⁶ Это подтверждают и данные эпиграфики. В афинской псефизме, датированной архонтом Исархом (424/3 г. до н. э.), Эпилик называется секретарем Совета в первую пританию (IG. I³, 369, стк. 26)¹⁷. Едва ли следует

¹⁴ О Филаидах см.: Ленская В. С. Филаиды — афинский род «воинов» // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 3–12.

¹⁵ Информация о знаменитых предках Эпилика, сына Тисандра, была собрана и проанализирована в работе: Shapiro H. A. Epilykos Kalos // Hesperia. 1983. Vol. 52. № 3. P. 305–310. Об имени отца Эпилика Тисандра на остраке: Brenne S. Die Ostraka. S. 52.

¹⁶ Эпилик мог родиться ок. 454 г. до н. э. (Kirchner J.: 1) Epilykos (2) // RE. 1906. Bd. 6. Hbhd. 11. Sp. 158; 2) Prosopographia attica. Berolini, 1901. № 4925); Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 59, N 101. Р. Дэвелин связывает посольство Эпилика с сообщением Фукидида (IV, 50) (Davelin R. Athenian Officials, 683–321. Cambridge, 2003, P. 134).

¹⁷ В стк. 27 [Ἐπίλ]υκος: Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 209.

согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Эпилик совершил поездку в Персию в бытность свою секретарем Совета¹⁸. По-видимому, переговоры с персами могли начаться после того, как уже завершился период, в котором он занимал эту должность, — после 424/3 г. до н. э. Андокид в речи «О мире с лакедемонянами» (392/1 г. до н. э.) ссылается на Эпиликов договор, намереваясь показать, как афиняне в некоторых ситуациях оставляли сильных друзей и предпочитали слабым и вели войну ради других, хотя в их собственных интересах было сохранять мир. Начав с этого замечания, афинский оратор говорит: «Так, сначала мы заключили договор с великим царем... и условились с ним о дружбе на вечные времена. Переговоры об этом вел в качестве посла Эпилик, сын Тисандра, брат нашей матери (ἐπρέσβευσεν Ἐπίλυκος Τεισάνδρου). А после этого мы поддались на уговоры Аморга, царского раба и изгнанника, пренебрегли силой царя, как ничего не стоящей, и предпочли дружбу с Аморгом, решив, что она более выгодна. За это царь, рассердившись на нас, стал союзником лакедемонян и предоставил им пять тысяч талантов, чтобы они вели войну до тех пор, пока не сокрушат наше могущество. Это первый пример наших решений такого рода» (Andoc., III, 29). Андокид не называет по имени персидского царя, с которым Эпилик вел переговоры о мире, очевидно в составе афинской делегации. Но по контексту фрагмента речи ясно, что он подразумевает того же монарха, с которым афиняне позднее испортили отношения, поддержав мятежника Аморга, и который затем заключил союз со спартамцами и оказал им финансовую помощь в борьбе с Афинами. Все эти события хорошо известны из труда Фукидида и показывают, что Андокид имеет в виду Дария II, вступившего на престол в конце 424 — начале 423 г. до н. э. Фукидид в восьмой книге четыре раза упоминает о мятеже Аморга (Thuc., VIII, 5, 5; 19, 1; 28, 2–5; 54, 3) и приводит неопровержимые свидетельства того, что Аморг, незаконнорожденный сын прежнего сатрапа Сард Писсуфна (τὸν Πισσοῦθρου υἱὸν νόθον), восстал в Карии против Дария II (ἀφεστῶτα περὶ Καρίαν) и в 412 г. до н. э. все еще пользовался военной поддержкой Афин (Thuc., VIII, 28, 3; 54, 3). Таким образом, оратор Андокид может предоставлять верную информацию как о деятельности Эпилика, так и о мирном договоре с Персией. Следует заметить также, что бытующее в историографии мнение о том, будто Андокид весьма небрежно относился к изложению исторических фактов, не может быть сильным аргументом против аутентичности его рассказа об Эпиликовом

¹⁸ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 207–211.

договоре¹⁹. Конечно, в речах Андокида встречаются некоторые, подчас очень значительные неточности: так, например, он считает Мильтиада, сына Кимона, а не самого Кимона, тем афинским политиком, который подвергся ostracismu в конце 460-х гг. до н. э.; называет пятилетнее перемирие Афин со Спартой 451 г. до н. э. пятидесятилетним миром и полагает, что оно продолжалось 13 лет (Andoc., III, 3). Заметны неточности и в определении оратором последовательности событий, установлении причинно-следственных связей. На этом основании некоторые современные скептики заявляют, что договора никогда не существовало. Особенно категоричен в таком утверждении Д. Стоктон, который приводит предположение А. Гомма о том, что Андокид мог исказить события, а его дядя Эпилик находился в составе прерванной афинской миссии в Персию, упомянутой Фукидидом (эта миссия достигла Эфеса вместе с Артаферном)²⁰. На этот счет следует возразить, что даже, будучи слабо осведомленным об общем развитии событий в Элладе, оратор мог обладать достоверной информацией, касающейся истории своего рода²¹, тем более что Андокид был современником договора с персами. Кроме того, оратор мог использовать в своей речи какие-нибудь документы из семейного архива. В той же речи «О мире с лакедемонянами» он повествует о заключении тридцатилетнего мира между Афинами и Спартой в 446 г. до н. э., переговоры о котором, по словам оратора, в составе десяти послов-автократоров вел его дед Андокид (Andoc., III, 6). Так что посольство Эпилика не было единственным, в котором участвовали его родственники²².

¹⁹ Правда, иногда бытует мнение о том, что речь «О мире» не принадлежит Андокиду, а является подложной, составленной в более поздний период (см.: Nagrosrat. Ἐλληνοταμίαι; Πηγάι; Dionys. ap. Andoc. Hyp. De Pace).

²⁰ См.: Stockton D. Peace of Kallias. P. 72; Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. P. 333. На ошибки в изложении событий Андокидом указывают К. Мьюризон, Г. Уэстлейк и Д. Кэган (Murison C. L. The Peace of Callias. P. 24; Westlake H. D. Athens and Amorges // Phoenix. 1977. Vol. 31. № 3. P. 325–326; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. N.Y.; Ithaca, 1987. P. 30–31). Об Андокиде см. специально: Albini U. Andocide. De Pace. Firenze, 1964; Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides. Politics, Ideology and Decision-Making in Democratic Athens. Cambridge, 1992.

²¹ Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 3. Если Д. Стоктон и К. Мьюризон полностью отрицают историчность Эпиликова мирного договора, то Г. Уэстлейк отмечает, что отдельные факты, указанные Андокидом, кажутся аутентичными. К ним исследователь относит Эпиликов договор, сотрудничество с Аморгом, персидский союз со Спартой, выплату персидских субсидий и их роль в поражении Афин (Stockton D. The Peace of Kallias. P. 72; Murison C. L. The Peace of Callias. P. 24; Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 325–326).

²² Р. Томас, изучавший семейные традиции греков, высказывается в пользу достоверности сведений Андокида об Эпиликовом договоре (Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 2003. P. 119–120).

5. Гераклид Клазоменский и Персия

С другой стороны, афинский декрет также упоминает о помощи в составлении договора, оказанной послам неким Гераклидом, приходившим в Афины от царя (IG. II², 8 = IG. I³, 227 = ML, 70). Хотя сама надпись сохранилась весьма фрагментарно, в ней прочитываются фразы οἱ πα]ρά βασιλέως ἤκ[οντες и ἐς τε τὰς σπονδὰς (сткк. 14–16), которые обычно считаются достаточными для установления того, что в надписи речь идет о договоре афинян с персидским царем (поскольку термин βασιλεύς без этника и без артикля применялся греками только к Великому царю Персии: cf. Schol. Ar., Ach., 61a–b)²³. Правда, декрет фактически не проясняет личность ни Гераклида (в тексте надписи его этникон не сохранился), ни персидского царя, с которым послы вели переговоры. Что касается Гераклида, то еще первый издатель надписи П. Фукар полагал, что декрет упоминает уроженца города Византия, который в 390 г. до н. э. совместно с Архибием передал свой родной город афинскому стратегу Фрасибулу (Dem., XX, 60)²⁴. Несмотря на то что это предположение также находит поддержку среди исследователей, отрицающих историчность Эпиликова договора, большинство ученых настаивают на его несостоятельности на основании как эпиграфических, так и исторических данных²⁵. П. Фукар считал, что Гераклид вел переговоры по поводу Анталкидова мира, и восстанавливал в стк. 16 τὰς σπονδὰς [καὶ τὴν εἰρήνην], но пассаж Демосфена не подтверждает участия Гераклида из Византия в переговорах с персидским царем. Кроме того, Д. Стоктон указывал, что афиняне едва ли могли наградить кого-либо за помощь в заключении Анталкидова мира. Исследователь высказал мнение, что «царем» в надписи назван не персидский царь, а фракийский — Севт или Медок, и выглядит вполне логичным, что византиец Гераклид мог участвовать в составлении какого-то соглашения с царем фракий-

²³ Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 3. Not. 6. В общем фразу декрета в стк. 15–19 реконструируют следующим образом ἐπ[εὶ δὲ οἱ πρέσβεις ἔοι πα]ρά βασιλέως ἤκ[οντες ἀγγέλοισι Ἡρακλ]εῖδην συμπράτ[τεν αὐτοῖς προθύμως] ἐς τε τὰς σπονδὰς [τὰς πρὸς βασιλέα ἐς τε ἄλ]λο ὅτι ἐπαγγέ[λειαν <...>.

²⁴ Foucart P. Décrets Athéniens du IVme siècle // BCH. 1888. T. 12. P. 163–169.

²⁵ Обычно восстановленный П. Фукаром этникон [τὸν Βυζάντιον] признавался слишком коротким, чтобы заполнить лакуну, и сейчас заменяется на [τὸν Κλαζομενίον] (Mattingly H. B. Athens and Persia: Two key documents // Philologus. 1975. Bd. 119. Ht. 1. S. 48).

цев²⁶. Но против этого предположения приводится все тот же решающий аргумент, что без указания этника не мог быть назван никто за исключением царя Персии²⁷.

Другое направление в интерпретации данных надписи берет свое начало с У. Келера, который предположил, что декрет наделяет почестями Гераклида — уроженца Клазомен, и первым связал надпись с Эпиликовым мирным договором²⁸. Его аргументацию развил уже в нашем столетии Г. Уэйд-Гери, который на основании просопографии упомянутых в документе афинских магистратов датировал декрет 424/3 г. до н. э.²⁹ В настоящее время многие исследователи, признающие историчность Эпиликова договора, солидаризируются с заключениями Г. Уэйд-Гери как в отношении личности Гераклида из Клазомен и ассоциации надписи со сведениями Андокида о посольстве Эпилика, так и в датировке документа³⁰. В начале 1980-х годов М. Уолбэнк предположил взаимосвязь двух документов, хранящихся в эпиграфическом музее в Афинах (один из которых — это как раз интересующий нас декрет), и подтвердил предположение, что в надписи идет речь о Гераклиде из Клазомен. Во втором документе (IG. I², 65) появилась возможность восстановления этника

²⁶ Stockton D. The Peace of Kallias. P. 74–79. К. Аллен в диссертации, посвященной филоварваризму, высказала предположение, что декрет в честь Гераклида упоминает или фракийского царя Севта, или персидского Артаксеркса (II) (Allen K. H. Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B.C. PhD Diss. Princeton, 2002. P. 67).

²⁷ Фракийские цари в надписях обычно называются по имени, даже без титула «царь» (IG. II, 12; IV, 11), либо же царский титул сопровождается этником (Ditt. Syll, 76) (Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 19. Not. 92).

²⁸ Прочтение разрушенных мест надписи базируется на восстановлении У. Келера (Köhler U. Herakleides der Klazomenier // Hermes. 1892. Bd. 27. S. 68).

²⁹ Г. Уэйд-Гери обратил внимание на то, что афинская надпись 424/3 г. до н. э., называющая Эпилика секретарем Совета в первую пританию, упоминает некоего Фукидида (Θ[οκυ]δίδης) в качестве казначея (ταμίης) (IG. I, 324, 25–7). Далее он предположил, что этот человек мог быть тем Фукидидом, который, судя по тексту документа, внес поправку к декрету о присуждении почестей Гераклиду из Клазомен (IG. I, 324, 14). Кроме того, в некоторых афинских декретах конца 420-х гг. до н. э. (в том числе и в афинской псефизме о союзе с Галиями) как секретарь Совета (γραμματεὺς) упоминается Неоклид (Νεοκλείδης) (IG. I, 324, 2–3; 87; 145, 5–6); он исполнял должность эпискрата во время принятия декрета в честь Гераклида (IG. I, 324, 7). Исследователь предположил, что Эпилик был назначен секретарем Совета в 423 г. до н. э. для того, чтобы совершить поездку в Персию в качестве посла, а после успешных переговоров он давал отчет о своих действиях Совету (Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 209).

³⁰ Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia. P. 25; Hegyi D. Athen und die Achäemeniden. S. 58.

[Κλαζο]μενίο через строку после имени [Ἡρακλ]εῖδο³¹. Другие данные также допускают возможность, что Гераклид Клазоменец занимался политической деятельностью в Афинах, даже избирался стратегом, не будучи еще гражданином — случай сам по себе довольно редкий (Plato, Ion, 544c; Aelian. VH., XIV, 5; Athen., XI, 506a), и имел связи с Персией. Отголоском этой связи Гераклида с Персией может выступать упомянутое Аристотелем прозвище — Царь (ὁ βασιλεὺς ἐπικαλούμενος) (Arist., Ath. Pol., 41, 3) (неясно, было ли это прозвище следствием иронии афинского демоса — например, по поводу его одежды или манеры поведения, или же было дано по случаю успешных дипломатических переговоров, как это предполагает немецкий исследователь У. Карштедт³²). Аристотель говорит также и о том, что Гераклид провел реформу оплаты посещения афинским демосом экклесии — ее размер увеличился с одного до двух оболов. Эту реформу исследователь относит к периоду после восстановления демократии в Афинах в 403 г. до н. э. (Arist., Ath. Pol., 41, 3), значит, к тому времени Гераклид должен был уже получить гражданство. Рассматриваемый же здесь декрет вовсе не касается предоставления Гераклиду политики, а говорит только о наделении его почетными титулами проксена и эвергета, даровании ему земельного участка и дома в Афинах, а также ателии (IG. I³, 227, 9–10, 20–21)³³. Следовательно, декрет может относиться к началу политической деятельности клазоменца, и можно предположить, что его помощь в заключении договора с царем (а как уроженец малоазийских Клазомен он мог выступать в качестве посредника-переводчика³⁴) могла послужить началом его политической карьеры. М. Уолбэнк предположил, что афинский декрет о предоставлении гражданства Гераклиду следует датировать 399/8 г. до н. э.³⁵, и его постскрипт сохранился на

³¹ Walbank M. B.: 1) Herakleides of Klazomenai: a New Join at the Epigraphical Museum // ZPE. 1983. Bd. 51. S. 183f; 2) Herakleides and the Great King // EC. 1989. Vol. 33. P. 347f.

³² Kahrstedt U. Herakleides (8) // RE. 1912. Bd. 8. Hbbd. 15. Sp. 458. См. комментарии: Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1993. P. 492–493.

³³ А. Бламайер замечает: «Высокие почести, присужденные ему ... свидетельствуют о позитивной значимости заключенного соглашения. Если это соглашение то самое, которое Андокид приписывает дипломатии своего дяди, то гордость семьи оратора была оправдана» (Blamire A. Epilycus' Negotiations... P. 22).

³⁴ Трудно согласиться с А. Бламайером в том, что Гераклид оказывал материальную помощь афинским послам (Ibid.).

³⁵ По мнению Й. Кирхнера, Гераклид получил проксению около 423 г. до н. э., а афинское гражданство «после архонства Эвклида» (404/3 г. до н. э.) (post Euclidem archonten civitate Attica donatur) (PA. № 6489).

той же стеле, где помещен более ранний декрет (другими словами, перед нами документ 399/8 г. до н. э., содержащий декрет 424/3 г. до н. э.)³⁶.

Итак, мы рассмотрели основные свидетельства в отношении Эпиликова мирного договора, которые в комплексе предполагают историчность этого соглашения афинян и царя Дария II. Относительно недавно Э. Харрис, интерпретируя фразу οἱ παρὰ βασιλέως ἤκοντες (стк. 15–16), обратил внимание на то, что декрет в честь Гераклида по существу говорил не о возвращении афинского посольства из Персии (хотя он и упоминал τὰς Ἀθηναίων πρεσβείας в стк. 12), а, напротив, о прибытии персидского посольства в Афины³⁷. Это утверждение, в общем, следует признать верным. Однако оно приводит Э. Харриса к неверному заключению, что декрет в честь Гераклида не имеет отношения ни к посольству Эпилика, ни к мирному договору с Персией. Следует тем не менее заметить, что этот новый аргумент сочетается уже с неоднократно заявленными в литературе положениями, которые успешно парируют современные исследователи. Э. Харрис оставляет без объяснения сделанное в документе упоминание о договоре с царем (как мы уже показали, несомненно, царем Персии). Поэтому упоминание в надписи о прибытии персидских послов в Афины объясняется обменом посольствами накануне заключения договора³⁸.

6. Проблема датировки Эпиликова договора

Теперь следует особо остановиться на вопросе датировки договора, а также попытаться реконструировать его основные условия. В настоящее время утвердилась датировка соглашения 424/3 г.³⁹

³⁶ Walbank M. B. Herakleides of Klazomenai. S. 184.

³⁷ Harris E. M. IG. I3. 227 and the So-Called Peace of Ephylos // ZPE. 1999. Bd. 126. S. 123–128. Свои выводы исследователь подкрепляет аналогичными примерами употребления выражения οἱ πρέσβεις οἱ παρὰ τινὸς ἤκοντες в других афинских декретах.

³⁸ Из Аристофана (Ach., 65ff) известно о прибытии таких послов в Афины (кстати говоря, вместе с возвратившимися из Персии афинскими послами) около 425 г. до н. э. В этом контексте заслуги Гераклида более очевидны, поскольку он, находясь в Афинах, должен был оказывать посреднические услуги афинским магистратам во время переговоров с персидскими послами; а затем, возможно, и при заключении договора с Персией.

³⁹ Schaefer H. Tissaphernes // RE. 1940. Suppl. 4. Sp. 1581; Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 357; Wade-Gery H. T. The Peace of Kallias. P. 207–211; Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 3; Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt

Во-первых, указанный год был первым годом царствования Дария, и как доказывал еще У. Келер, именно к этому времени и должен был принадлежать договор, возобновляющий условия Каллиева мира⁴⁰. Во-вторых, указанным годом принято датировать декрет в честь Гераклида. Впервые датировку этого декрета обосновал Г. Уэйд-Гери⁴¹, и за ним следуют за немногими исключениями другие исследователи. В-третьих, точную дату Эпиликова договора выводят из факта, что согласно уже упоминавшимся данным афинской надписи Эпилик был секретарем Совета в первую пританию 424/3 г. Г. Уэйд-Гери первым предположил, что он совершил поездку в Персию, занимая эту административную должность. Между тем в современной историографии эти основания справедливо не считаются достаточными для точной датировки Эпиликова договора⁴². Сомнение в этой датировке выразил Д. М. Льюис⁴³. У. Томпсон датировал Эпиликов договор периодом после Никиева мира 421 г. до н. э. Он полагал, что Дарий сначала мог надеяться обеспечить для себя максимально выгодные условия и только тогда согласиться на договор, когда Никиев мир развязал руки афинянам и предоставил им возможность причинять ему беспокойство⁴⁴. Но это лишь одно из предположений, не находящихся никакого подтверждения в сохранившихся источниках. И наконец, Д. Дж. Бердерман совершенно ошибочно относил договор к периоду после неудачной сицилийской экспедиции Афин⁴⁵.

Наиболее взвешенным представляется мнение А. Бламайера, который считал переговоры более продолжительными по времени, и его аргументы заслуживают внимания⁴⁶. Хотя ученый и поддержал

vom 700 bis 338 v.Ch. Berlin; München, 1962. S. 103; Mattungly H. B. The Peace of Kallias. S. 273ff; Will Éd. Le monde grec et l'Orient. T. 1. Paris–Nancy, 1972. P. 363; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 134f; Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C. // CPh. 1973. Vol. 68. № 3. P. 257; Adcock F., Mosley D. J. Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P. 62; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 59, № 101; Zahrnt M. Hellas unter Persischen Druck? // AKG. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 287; Walser G. Hellas und Iran. Studien zu den griechisch-persischen Beziehungen vor Alexander. Darmstadt, 1984. S. 67; Holladay A. J. The Detente of Kallias? P. 505.

⁴⁰ Köhler U. Herakleides der Klazomenier. S. 68–78.

⁴¹ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 207–211.

⁴² Аргументы см.: Thompson W. E. Athenian Treaties with Halia and Dareios the Bastard. P. 123–124; Blamire A. Epylicus' Negotiation with Persia. P. 22ff.

⁴³ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 76.

⁴⁴ Thompson W. E. Athenian treaties with Halia and Dareios the Bastard. P. 119–123.

⁴⁵ Berderman D. J. International Law in Antiquity. Cambridge, 2001. P. 157.

⁴⁶ Blamire A. Epylicus' Negotiations with Persia. P. 25; Mitchell L. G. Greek Bearing Gifts. P. 115.

предположение Г. Уэйд-Гери, что Эпилик отправился в Персию в 424/3 г. до н. э., когда исполнял должность секретаря Совета, все же он усомнился в том, что воцарение Дария II, поездка Эпилика в Сузы, сами переговоры, возвращение Эпилика в Афины, наконец, обсуждение договора в Совете и его ратификация экклесией могут укладываться в один год⁴⁷. Он предлагает 422/1 г. до н. э. в качестве даты окончательного заключения договора на том основании, что в тот год, к которому относят принятие декрета о союзе с Галиями, Неоклид, известный по декрету в честь Гераклида Клазоменского, служил секретарем Совета. Предположение А. Бламайера кажется уместным хотя бы потому, что еще в древности было хорошо известно, сколь продолжительным могло оказаться пребывание в Персии греческих послов, сначала затративших значительное время на дорогу (по мнению Геродота, дорога от Сард до Суз только в одном направлении занимала три месяца: Hdt., V, 53), затем ожидавших приема персидского царя и, наконец, участвовавших в затяжных переговорах в царской столице. Хронология Эпиликова мирного договора все еще остается неясной. Мы не знаем, как повели себя афиняне после получения известий о смерти Артаксеркса. Они могли немедленно отправить своих послов, дав им инструкции согласовать договор с любым персидским монархом, которого они найдут на престоле; но возможен и такой вариант, что афиняне приняли решение о направлении Эпилика и его коллег уже после воцарения Дария II⁴⁸, когда были получены данные о стабилизации ситуации в Персии.

7. Характер Эпиликова договора

Можно отчасти согласиться также с теми исследователями, которые видели в Эпиликовом мирном договоре возобновление условий Каллиева мира⁴⁹, поскольку, действительно, смена правителей в Пер-

⁴⁷ Точнее, более правильно говорить о 5–6 месяцах 423 г., если принимать во внимание промежуток между воцарением Дария II в Персии (январь–февраль) и началом нового аттического года (июль) (см.: *Andrewes A. Thucydides and the Persians*. P. 2. Ann. 4).

⁴⁸ Например, так считает А. Бламайер (*Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia*. P. 24).

⁴⁹ См.: *Schaefer H. Tissaphernes*. Sp. 1581; *Olmstead A. T. History of the Persian Empire*. P. 357; *Wade-Gery H. T. Peace of Kallias*. P. 211; *Andrewes A. Thucydides and the Persians*. S. 5; *ATL*, III, P. 277; *Meiggs R. The Crisis of Athenian Imperialism* // *HSCPh*. 1963. Vol. 67.

сии делала просто необходимым заручиться какими-либо гарантиями на счет соблюдения персидской стороной прежнего соглашения, или, по крайней мере, прояснить намерения нового Великого царя Персии (что могло сделать только афинское посольство). В условиях продолжающейся Пелопоннесской войны промедление с этим было бы крайне недопустимым⁵⁰. Однако было ли это возобновление дословным, как считают Г. Уэйд-Гери и некоторые другие исследователи? Представляются интересными взгляды А. Бламайера. Во-первых, исследователь полностью опровергает точку зрения о возобновлении Эпиликовым договором условий Каллиева мира (что, на наш взгляд, неправомерно); во-вторых, он обращает внимание на различия в исторической ситуации в тот момент, когда был заключен Каллиев мир, и в период Пелопоннесской войны⁵¹. К последнему мнению следует отнестись серьезно. Историк указывает, что прежний мир, положивший конец войне между Афинами и Персией, не мог устраивать Афины теперь, когда в Греции полным ходом шла Пелопоннесская война. Он не содержал никаких условий, которые препятствовали бы Спарте и Персии вести взаимные переговоры, направленные на заключение антиафинского союза в период Архидамовой войны. О попытках вести такие переговоры свидетельствуют данные источников относительно посольства спартанцев и их союзников в Персию летом 430 г. до н. э. (*Thuc.*, II, 67, 1–4; *Hdt.*, VII, 137) и сообщение Фукидида о поездке Артаферна в Спарту (*Thuc.*, IV, 50, 2). Таким образом, афиняне могли опасаться возникновения конфликта с персами в неблагоприятных для себя политических условиях⁵². Их государство было истощено после эпидемии. С начала войны территория Аттики периодически опустошалась спартанскими войсками под руководством царя Архидамы. Вероятно, и Дарий II в первые годы своего царствования также должен был быть всецело поглощен собственными проблемами (в тот период его за-

P. 11; *Will Éd. Le monde grecque et l'Orient*. T. 1. P. 363; *Eddy S. K. Cold War between Athens and Persia*. P. 257; *Hofstetter J. Griechen in Persien*. S. 59; *Badian E. Peace of Callias*. P. 27; *Holladay A. J. Detente of Kallias*. P. 505; *Thomas R. Oral Tradition*... P. 120.

⁵⁰ Возобновление ранее заключенных мирных договоров было распространенным явлением как в межполисных отношениях в Греции, так и в греко-персидских отношениях (примером тому может быть возобновление Аргосом договора о дружбе с Артаксерксом I — *Hdt.*, VII, 151).

⁵¹ *Blamire A. Epilycus' negotiations with Persia*. P. 22. А. Паубичек и У. Томпсон замечали, что договор едва ли бы простым возобновлением Каллиева мира (*Raubitschek A. E. Treaties between Athens and Persia*. P. 156–157; *Thompson W. E. Athenian treaties*... P. 123).

⁵² *Hegyi D. Athen und die Achaemeniden*... S. 58.

ботило главным образом укрепление царской власти и подавление восстаний в сатрапиях) и, следовательно, также должен был стремиться заручиться миром с Афинами, которые могли оказывать реальное противодействие его политике в Малой Азии⁵³. Отправляясь ко двору персидского царя, афиняне стремились доказать, что персам выгоднее оказывать помощь Афинам, а не Спарте и прекратить дипломатические контакты с последней. Так что причины заключения договора состояли в сочетании различных по своей природе факторов: от чисто формальной процедуры, такой, как возобновление прежнего соглашения, до требований военно-политической ситуации в период Пелопоннесской войны.

Можно только предполагать, кто из персидских сатрапов в Малой Азии оказывал помощь афинянам в переговорах с Дарием II, но в том, что афинские послы должны были воспользоваться посредническими услугами хотя бы одного из них, не может быть сомнения (об этом свидетельствует весь предшествующий опыт греко-персидских дипломатических отношений). Из двух возможных кандидатур, Фарнака и Писсуфна, с большим основанием следует выбрать последнюю. Фарнак, как мы знаем, в тот период занимал сторону Спарты, о чем явно свидетельствует тот факт, что он должен был оказать помощь спартанским послам в 430 г. до н. э. (Thuc., II, 67, 1). Даже в 422 г. до н. э. он все еще проявлял враждебное отношение к Афинам, оказав покровительство жителям Делоса (сатрап предоставил им г. Адрамиттий), которые были выселены афинянами со своего родного острова (Thuc., V, 1). Напротив, Писсуфн, который начинал свою деятельность как открытый враг Афин (достаточно вспомнить его позицию во время Самосского восстания в 440 г. до н. э. или участие его отрядов в захвате Колофона десять лет спустя), мог изменить свою позицию незадолго до своего открытого мятежа (не исключено, под воздействием каких-то личных причин). Писсуфн мог возратить афинянам Колофон до 425 г. до н. э., когда этот город вновь значится в афинских податных списках (IG. I³, 290)⁵⁴. Кроме того, когда афиняне намеревались зимой 425/4 г. до н. э. совершить поездку в Персию через Эфес (Thuc., IV, 50, 3), они уже должны были полагаться на посредническую помощь сатрапа Писсуфна, у которого во время мятежа против Дария II командиром наемников состоял афинянин. Наконец, уже упоминалась помощь Афин Аморгу, сыну Писсуфна.

⁵³ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 77.

⁵⁴ О положении Колофона в связи с Эпиликовым договором см.: Descat R. Colophon et la paix d'Épilykos // Erol Atalay Memorial / Ed. by H. Malay. Izmir, 1990. P. 33–40.

И хотя, чтобы уверенно проследить характер отношений Афин и сатрапа Сард в 420-е гг. до н. э., фактических данных недостаточно, можно предположить, что афиняне принимали во внимание Писсуфна при организации посольства Эпилика — так же, как, по сообщению Аристофана (Aves, 1027–1030), афиняне находились в контакте с Фарнаком, сыном Фарнабаза, сатрапом Даскилия, в 414 г. до н. э.

8. Условия Эпиликова договора

Некоторое представление об условиях Эпиликова договора дает краткое замечание Андокида о том, что афиняне с Великим царем заключили договор (σπονδὰς ποιησάμενοι) и установили дружбу на вечные времена (καὶ συνθέμενοι φιλίαν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον) (Andoc., III, 29). Термин σπονδαί означает мирный договор⁵⁵. А. Бламайер следующим образом комментирует условия договора: «...σπονδαί означало по крайней мере взаимную декларацию ненападения (non-aggression), а *philia* — по крайней мере формальную гарантию, что ни одна сторона не будет каким бы то ни было образом оказывать помощь врагам другой»⁵⁶. В истории афинской внешней политики в V в. до н. э. весьма часты примеры включения в тексты межгосударственных соглашений условия о дружбе (φιλία) (примером тому могут быть провозглашения *φιλία καὶ χυμυμαχία* в договорах Афин и Эгесты — IG. I³, 12, стк. 3, афинян и боттиейцев — IG. I³, 76, стк. 25). В провозглашении вечной дружбы афинян и Дария некоторые исследователи (У. Томпсон, А. Бламайер и Д. Льюис) видят новые черты договора, отличающие его от Каллиева мира⁵⁷.

Каковы причины включения пункта о «вечной дружбе», противоречащей традиционной со времени Греко-персидских войн антипер-

⁵⁵ См. LSJ. s.v. σπονδή. О терминологии договоров и значении σπονδαί см.: Baltrusch E. Symmachie und Spondai: Untersuchungen zum griechischen Völkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8–5 Jahrhundert v. Chr.). Berlin; New York, 1994. S. 92ff.

⁵⁶ Blamire A. Epilycus' negotiations with Persia. P. 23.

⁵⁷ Thompson W. E. Athenian Treaties... S. 123; Blamire A. Epilycus' Negotiations... P. 22. Not. 7; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 77. Правда Э. Бэдиан считает, что дружба не была новым явлением в договоре и Афины уже в течение полувека официально состояли в дружбе с царем Персии, что входило в первоначальные условия, обговоренные Каллием (Badian E. Peace of Callias. P. 26). Трудно поверить, что дружба «на вечные времена» была возможна в условиях, когда мирный договор был заключен с единственной целью — прекращение военных действий.

сидской ориентации Афин?⁵⁸ Какие же факторы заставили афинян пересмотреть свою политику на Востоке, провозглашать «дружбу» с Персией? Можно высказать предположение, что обе стороны (но прежде всего афиняне) надеялись на дальнейшее развитие взаимовыгодных отношений. Хотя, конечно, речь не могла идти об афино-персидской симмахии⁵⁹: Эпиликов договор едва ли был открыто направлен против Спарты. Тем не менее афиняне могли потребовать от персидского царя не вступать в переговоры с лакедемонянами и не оказывать помощь Спарте. В свою очередь, они могли обязаться не поддерживать восставших против него сатрапов. Другие условия Эпиликова договора, более подробно определяющие принципы, на которых строились взаимоотношения Афин и Персии, неизвестны. Конечно, условия Пелопоннесской войны накладывали свой отпечаток на ход переговоров и на характер соглашения, и мы должны ожидать компромиссного договора, который был намного более актуален, нежели дословное воспроизведение условий Каллиева мира, сформулированных в период могущества Афинской державы.

Действительно, анализ античной традиции позволяет определить те условия договора, по которым был достигнут компромисс, причем они во многом уточняют ряд статей прежнего соглашения. Это прежде всего касается пунктов, ограничивающих действия персов в Малой Азии и Эгеиде. В источниках можно обнаружить недвусмысленные указания на расширение персидского контроля над греческими городами Ионии и Эолиды. Еще А. Дж. Холлздей отмечал, что поскольку мирный договор заявлял в самых общих выражениях вечную дружбу, то совершенно неуместно было предъявлять ограничения персидскому царю⁶⁰. С этим утверждением можно согласиться.

Трудно представить в мирном договоре, который провозглашал «вечную дружбу», дословное воспроизведение основных условий Каллиева мира, в частности, в отношении «сухопутных» и «морских» границ, препятствующих действиям персов в Малой Азии. Возмож-

но, отсутствие условий, которые могли бы защитить греков Малой Азии от вмешательства со стороны Персии, могло дать формальный повод Дарию II возобновить претензии на сбор традиционной подати с греческих городов Малой Азии в 413/2 г.

Исследователи по-разному объясняют отсутствие сведений об Эпиликовом мирном договоре в труде Фукидида. Г. Уэйд-Гери считал это следствием незавершенности его «Истории»⁶¹. По предположению Э. Эндрюза, Фукидид написал книги, где договор мог бы быть упомянут (по мнению исследователя, это VI и VII книги), вскоре после завершения Сицилийской экспедиции и еще до того, как стала вполне очевидной роль Персии в Пелопоннесской войне⁶². А. Бламайер считает, что молчание о договоре Эпилика было обусловлено тем, что в первой книге была пропущена информация о Каллиевом мире: Фукидид мог рассчитывать в дальнейшем вернуться к рассмотрению договорных отношений между Афинами и Персией, но не успел этого сделать⁶³. А. Дж. Холлздей полагает, что условия Эпиликова договора были в 423 г. до н. э. еще недоступны для всеобщего обозрения (по терминологии автора, «не опубликованы»), что создавало определенную таинственность вокруг них. Наконец, Р. Мойзи высказал мнение, что Фукидид имел личные причины, чтобы не упоминать как о Каллиевом мире, так и об Эпиликовом мирном договоре. По мнению исследователя, заключение мира с Персией вовсе не считалось почетным делом в афинском обществе V столетия до н. э. Тем более это касается Эпиликова договора, провозгласившего «вечную дружбу» с варваром, что должно было вызвать особое негодование в Афинах и послужить одной из причин (как это мы увидим далее) скорого нарушения соглашения афинской стороной. Р. Мойзи отметил родственные отношения Фукидида, сына Олора, с Филаидами, представителем которых был Эпилик⁶⁴.

В равной степени возможны и другие объяснения того, почему Фукидид не называет Эпиликов договор в той части его труда, которую исследователи считают более проработанной. Если не считать того, что Фукидид имел личные причины для пропуска сведений о договоре, то допустимо высказать предположение и иного характе-

⁵⁸ См. *Bederman D. J. International Law in Antiquity*. P. 157.

⁵⁹ Об установлении союзнических отношений афинян и Персии по условиям Эпиликова мирного договора: *Amit M. A Peace Treaty between Sparta and Persia // RSA*. 1974. Vol. 4. P. 60; *Thompson W. E. Athenian Treaties...* P. 124; *Lewis D. M. Sparta and Persia*. P. 77.

⁶⁰ *Holladay A. J. The Detente of Kallias?* P. 506. Еще А. Бламайер указывал на то, что сами афиняне могли предложить уступки Дарию II в обмен на гарантии, что царь не поддержит спартанцев (*Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia*. P. 23), но далее исследователь не развивает эту гипотезу.

⁶¹ *Wade-Gery H. T. Essays in Greek History*. P. 210.

⁶² *Andrewes A. Thucydides and the Persians*. P. 1.

⁶³ *Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia*. P. 26.

⁶⁴ См. *Moysey R. A. Thucydides, Kimon and the Peace of Kallias // АНВ*. 1991. Vol. 5. № 3. P. 34–35 (здесь ссылки на специальную литературу о Фукидиде).

ра: договор мог быть просто не известен историку. Характерно, что большинство исследователей датируют именно 423 г. до н. э. начало пребывания Фукидида в изгнании. Изгнание, естественно, внесло некоторые коррективы в характер источников, ставших отныне доступными историку. Например, с этого момента он был существенно ограничен в доступе к афинским официальным документам (в том числе и к архиву на акрополе) и стал более зависимым от своих информаторов из афинского и спартанского военных лагерей.

Итак, подведем некоторые итоги. Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией представлял собой определенный этап развития греко-персидских договорных отношений в V столетии до н. э. Вследствие содержащейся в нем новой статьи о мире и дружбе «на вечные времена», он способствовал установлению более тесных, чем было когда-либо ранее, дипломатических отношений между ведущим государством Греции и Персидской державой. Однако этот договор оказался еще менее долговечен, чем Каллиев мир. Не прошло и десятилетия, как договор потерял свою силу. Причины такого поворота будут показаны далее.

9. Афины и мятеж Аморга

События, последовавшие за Никиевым миром 421 г. до н. э., особенно Сицилийская экспедиция 415–413 гг. до н. э., предполагают, что Афины оказались способны на возрождение активной внешней политики не только на Западе, но и на Востоке, правда, в меньших масштабах. Свидетельством этого стало оказание афинянами военной поддержки персидскому мятежнику Аморгу (до 412 г. до н. э.). Между тем взаимоотношения афинян и Аморга следует рассматривать в рамках политической ситуации в Персии. Мы уже упоминали о том, что в рассматриваемый период оказание помощи персидским мятежникам не было чем-то новым в афинской внешней политике.

Перед рассмотрением античных свидетельств о восстании Аморга прежде всего представляется необходимым обратиться к сведениям в отношении заключительного периода деятельности его отца. Итак, Фукидид называет Аморга незаконнорожденным сыном Писсуфна, того самого, который в течение довольно длительного времени управлял персидской сатрапией Сарды и также поднял восстание против персидского царя Дария II уже вскоре после его вступления на престол (после 424 г. до н. э.).

В отношении обстоятельств мятежа Писсуфна, сына Гистаспа, сохранилось краткое сообщение Ктесия Книдского, который, по-видимому, считал его третьим по счету после восстаний родного брата царя Арсита и Артифия, одного из сыновей Мегабиза, сатрапа Сирии (Ctesias FgrH., 688, F. 15, 50–52)⁶⁵. Опасность, которую представлял этот мятеж, была, очевидно, довольно высока, так как персидский царь направил против Писсуфна трех своих военачальников: Тиссаферна, Спифрадата и Пармиса: ἀποστέλλεται κατ' αὐτοῦ Τισσαφέρνης καὶ Σπιδραδάτης καὶ Παρμίσης (Ctesias FgrHist., 688, F. 15, 53). Мы не знаем абсолютно ничего о Спифрадате и Пармисе, но Тиссаферн, впервые вступающий на авансцену истории при подавлении мятежа Писсуфна, в дальнейшем приобретет известность как способный персидский администратор и искусный дипломат, вся последующая деятельность которого будет тесным образом связана с отношениями с греческими полисами⁶⁶.

Трудно сказать что-либо определенное о том, какими мотивами руководствовался Писсуфн, выступив против Великого царя, но допустимы несколько предположений. Во-первых, он мог стремиться утвердить независимость своей сатрапии, воспользовавшись династическим кризисом после смерти Артаксеркса I (что, впрочем, представляется маловероятным, поскольку стремление к независимости было более характерно для «местного династа», а не персидского чиновника в должности сатрапа). Во-вторых, сатрап мог сам предъявлять претензии на персидский престол⁶⁷, поскольку он, вероятно, принадлежал к роду Ахеменидов (приходился внуком Ксерксу). В-третьих, он мог не признать права на персидский престол Дария II — незаконного сына Артаксеркса I от вавилонской наложницы, прежнего сатрапа Гиркании Оха⁶⁸. Наконец, и это также не менее вероятно, причиной восстания Писсуфна могли быть личные

⁶⁵ Т. Браун полагает, будто бы сам Ктесий мог служить в качестве добровольца в войске Писсуфна и после разгрома мятежников оказался при дворе Дария II (Brown T. S. Suggestions for a Vita of Ctesias of Cnidus // Historia. 1978. Bd. 27. Ht. 1. S. 9).

⁶⁶ О Тиссаферне см. подробнее: Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 83–84; Рунг Э. В. Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // Античность: события и исследователи / Межвузовский сборник. Казань, 1999. С. 60–67.

⁶⁷ Д. Льюис считает, что Писсуфн был внуком Дария I, сына Гистаспа (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 55, 80). Ктесий говорит, что Ксеркс имел трех сыновей: Дария, Гистаспа и Артаксеркса (Ctesias FGrHist., 688, F. 13), и сыном этого Гистаспа мог быть Писсуфн. Г. Шефер видел причину восстания Писсуфна в традиционном соперничестве персидской знати с царем (Schaefer H. Pissuthnes // RE. 1950. Hbhd. 40. Sp. 1807).

⁶⁸ Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; London, 1992. P. 9.

обиды, которые сатрап претерпел от нового царя. Как показывают примеры сатрапских мятежей в течение всего продолжительного периода существования Персидской империи, именно личный конфликт сатрапа и царя довольно часто был основным поводом к открытому восстанию⁶⁹. Отношение сатрапа Сард к царской династии было достаточной причиной для возникновения вражды между ним и новым царем. Итог восстания хорошо известен: оно потерпело поражение, сатрап был захвачен в плен и казнен. Сатрапию Писсуфна царь передал Тиссаферну (Τισσαφέρην δούε τὴν Πισσοῦθνου σατραπείαν) (Ctesias FGrHist. 688 F. 15. 53).

Едва ли возможно точно датировать упомянутые восстания в Персии, особенно мятеж Писсуфна, который должен был затронуть значительную часть Малой Азии и определенным образом повлиять на состояние греко-персидских отношений. Одни историки относили мятеж Писсуфна к первым годам правления Дария II (421 или 420 г. до н. э.), когда положение на троне нового персидского монарха еще не было устойчивым⁷⁰. Другие же датировали это событие более поздним временем, пытаясь связать его с мятежом Аморгга, сына Писсуфна, в Карию⁷¹. В качестве примера упомянем мнение Дж. Кука, который относил восстание Арсита к 417 г. до н. э., а мятеж Писсуфна приурочивал к 416 г. до н. э.⁷² По мнению С. Рузики, Писсуфн восстал уже вскоре после начала царствования Дария, а Аморгг затем продолжил мятеж своего отца⁷³. Как станет очевидно в ходе дальнейшего повествования, следует согласиться с теми историками, которые предполагали связь между этим мятежом и восстанием Аморгга, продолжавшегося в 412 г., хотя оба выступления и могли отстоять по времени друг от друга.

Ктесий сообщает, что в своих действиях Писсуфн пользовался поддержкой отряда эллинов, которых возглавлял афинянин Ликон (ἔχων καὶ Λύκωνα τὸν Ἀθηναῖον ἄμα Ἑλλήνων ὧν ἐκεῖνος ἦρχε) (Ctesias FGrHist., 688, F. 15, 53), и некоторые исследователи действительно

но думают, что это свидетельствует в пользу афинской поддержки выступления Писсуфна⁷⁴. С. К. Эдди видит в эллинах, руководимых Ликоном, афинский отряд, а самого Ликона считает афинским стратегом, откликнувшимся на обращение Аморгга, сына Писсуфна, за помощью к Афинам⁷⁵. Это предположение, однако, не разделяется другими современными историками. Э. Эндрюз и Г. Уэстлейк отмечали, что происхождение Ликона не может указывать на официальную позицию афинского государства⁷⁶. Отмечалось также, что действия командира отряда греков были также более типичны именно для наемника, чем для афинского стратега⁷⁷. Ликон вместе со своим отрядом, по данным Ктесия, был подкуплен царскими военачальниками и обратился против самого Писсуфна (λαμβάνουσι δὲ οἱ τοῦ βασιλέως στρατηγοὶ χρήμασι Λύκωνα καὶ τοὺς Ἑλλήνας καὶ ἀφιστῶσι Πισσοῦθνου. В награду за предательство Ликон получил города и земли в Азии (ἔλαβε δὲ Λύκων πόλεις καὶ χώρας ὑπὲρ τῆς προδοσίας) (Ctesias FGrHist., 688, F. 15, 53), что вполне укладывалось в политические традиции, присущие Ахеменидам.

Конечно, не было бы ничего невероятного, если бы Писсуфн действительно приобрел военную поддержку Афин, даже несмотря на то, что в течение большей части периода управления сатрапией

⁷⁴ Г. Уэйд-Гери, например, считает, что афиняне поддержали Писсуфна неофициально (Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 222).

⁷⁵ Eddy S. K. Cold War between Athens and Persia. P. 257. Такой взгляд на развитие событий доминирует в отечественной историографии (Круглов Е. А. Юго-Западная Анатолия в протоэллинистический период (этно-политический аспект). Уфа, 1998. С. 39; Печатнова Л. Г.: 1) История Спарты. С. 207; 2) Спарта и Персия: История отношений. С. 95–96). Разделяя интерпретацию событий, данную С. К. Эдди, Л. Г. Печатнова заявляет, что весной 414 г. до н. э. афиняне послали Писсуфну наемное войско во главе с Ликоном и вступили в открытый конфликт с Дарием II. Так как Афины поддерживали впоследствии Аморгга, У. Томпсон предположил, что в этом полисе существовала группировка, дружественно расположенная к Писсуфну, отцу мятежника (Thompson W. E. The Athenian Treaties... P. 119–124). Правда, из этого предположения исследователь не делает вывод, будто афиняне оказали поддержку также и Писсуфну.

⁷⁶ Andrewes A. Thucydides and the Persians. S. 4, Anm. 10; Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 321. Not. 8.

⁷⁷ С. Хорнблауэр предполагает, что Ликон мог быть “private adventurer” (Hornblower S. Mausolus. Oxford, 1982. P. 31). С. Рузика прямо называет отряд Писсуфна наемниками, а Ликона характеризует как “Greek mercenary commander”, хотя Ктесий Книдский также прямо не свидетельствует об этом (Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 10). Д. М. Льюис уверенно заявляет, что Писсуфн не получил афинской поддержки (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 86), но эта уверенность также не имеет достаточной опоры на источники. Однако М. Трандл определяет статус Ликона как “somewhere between mercenary and state commander” (Trundle M. F. Greek Mercenaries: From the Late Archaic to Alexander. L., 2004. P. 149. cf. 154).

⁶⁹ Наиболее очевидно личные мотивы мятежей проявлялись в период Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н. э., что было отмечено Р. Мойзи (Mouzey R. A. Plutarch, Nepos and the Satrapal Revolt of 362/1 B.C. // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 1. S. 158–168).

⁷⁰ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 2. Abt. 1. S. 377; Schaefer H. 1) Tissaphernes. Sp. 1580; 2) Pissuthnes. Sp. 1808; Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 222; Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 321.

⁷¹ Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 358ff; Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C. P. 257; Печатнова Л. Г. История Спарты. С. 207.

⁷² Cook J. M. The Persian Empire. P. 129–130; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 81.

⁷³ Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 9–10.

он проводил ярко выраженную антиафинскую политику. Однако такой ход событий не находит подтверждения в источниках. В то же время имеет смысл предположить, что эллинский отряд Писсуфна, вероятно, включал в себя выходцев из различных греческих полисов; известно, что, когда сатрап еще управлял Сардами, при нем были аркадские гоплиты в качестве ἐπίκουροι (Thuc., III, 34, 2–3)⁷⁸.

Обращаясь непосредственно к восстанию Аморга, сына Писсуфна, следует отметить, что источники (главным образом Фукидид и Андокид) недвусмысленно отмечают *дружественные отношения* (φιλία), характеризующие взаимоотношения афинян и Аморга. Из сообщения Андокида следует, что инициатива в установлении дружбы исходила от Аморга и именно афиняне несли ответственность за нарушение договора с царем (Ἀμόργῃ πειθόμενοι... τῇ δὲ Ἀμόργου φιλίαν εἰλόμεθα) (Andoc., III, 29). Помимо Андокида, существование официального соглашения между афинянами и Аморгом удостоверяет Фукидид. Во-первых, историк определенно свидетельствует о том, что Аморг надеялся на поддержку афинской эскадры (Thuc., VIII, 28, 3). Во-вторых, Фукидид отмечает, что заботу о безопасности мятежника афиняне препоручили своему стратегу Фриниху, который в дальнейшем не справился с этой задачей. После битвы при Милете весной 412 г. до н. э. он побудил афинян эвакуировать войска из материковой Ионии на Самос (Thuc., VIII, 27, 1–5), в результате чего позднее был отстранен от должности экклесией по выставленному Писандром обвинению, что он предал врагу Иасос и Аморга (τὸν δὲ Φρύνιχον ὁ Πείσανδρος φάσκων Ἰάσον προδοῦναι καὶ Ἀμόργην διέβαλεν) (Thuc. VIII. 54. 3). Не вызывает сомнения, что, когда стратег Фриних оказывал вооруженную помощь Аморгу, он действовал по поручению афинских властей⁷⁹. В отношении конк-

ретных действий Аморга мы имеем больше сведений, чем о мятеже его отца Писсуфна, однако их явно недостаточно, чтобы дать определенный ответ на ряд существенных вопросов: какова была связь, хронологическая и причинно-следственная, между мятежами Писсуфна и Аморга; почему Афины, если они не оказали поддержку Писсуфну, тем не менее предоставили помощь Аморгу; какой характер носили отношения Аморга и Афин и, наконец, по каким причинам афиняне решились открыто поддержать мятежника, нарушив Эпиликов договор с царем.

Из этих вопросов наиболее принципиальное значение приобретает раскрытие двух последних. Э. Эндрюз предположил наличие некоторой связи между восстаниями отца и сына⁸⁰, а Д. М. Льюис заметил, что хронология событий не позволяет уточнить, продолжил ли Аморг восстание Писсуфна или начал собственное⁸¹. Подобным образом и Г. Уэстлейк полагал, что связь, если она была, между двумя мятежами неясна: нет данных, свидетельствующих, даже приблизительно, о том, когда восстание Писсуфна началось или закончилось и когда началось выступление Аморга⁸². Однако в пользу наличия определенной взаимосвязи между двумя восстаниями в Малой Азии говорит тот факт, что Аморг, по-видимому, имел в распоряжении пелопоннесских наемников своего отца. Фукидид сообщает о том, что наемники Аморга были в основном пелопоннессцами (Thuc. VIII, 28, 4), но трудно представить, чтобы этот мятежник самостоятельно на вербовал себе наемное войско в Греции до или же после начала Декелейской войны весной 413 г. до н. э. Спарта прочно контролировала своих пелопоннесских союзников, и Аморг, который в своей деятельности ориентировался на Афины, имел мало шансов заполучить наемников в Пелопоннесе. (Таковыми, более вероятно, могли бы стать наемники из афинских союзников.) Фукидид, как отмечалось, говорит об аркадских гоплитах в распоряжении Писсуфна, и греческая эпиграмма, помещенная в центре знаменитой стелы из Ксанфа (Там. 1, 44с, 29 = ML, 93), прославляет деяния ликийского династа Керига, сына Гарпага, в том числе и борьбу против Аморга. Эпиграмма упоминает о сражении,

⁷⁸ Ср. Hermyr., F. 63. 18 (Kock, I, 243). Исследователь считает, что аркадские наемники (ἀπὸ δ' Ἀρκαδίας ἐπικούρους) были широко распространены в греческом мире (об аркадских наемниках того периода см. подробнее: Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. From the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933. P. 14–15). М. Трандл замечает, что термин ἐπίκουροι, буквально «помощники», — наиболее общее понятие, использовавшееся для обозначения наемников еще с архаического периода греческой истории. Исследователь также рассматривает те области Греции, которые чаще всего поставляли наемников, и в том числе Пелопоннес (Trundle M. F. The Classical Greek Mercenary and his Relationship to the Polis. PhD Diss. McMaster University, Hamilton, Ontario, 1996. P. 54–55; 66ff).

⁷⁹ Wade-Gery H. T. The Peace of Kallias. P. 223; Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 5; Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 323; Holladay A. J. The Detente of Callias? P. 505. Кратер передает постановление народного собрания, записанное на медной стеле, согласно которому имущество Фриниха, бывшего стратегом на Самосе, было предписано конфисковать с посвящением десятины богу, а его дом разрушить (Craterus ap. Schol. Ar. Lys., 313).

⁸⁰ Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 6.

⁸¹ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 86.

⁸² Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 321. В том же духе высказывался также Э. Кин, который, однако, сам считал более вероятным, что Аморг продолжил восстание своего отца Писсуфна (Keen A. G. Athenian Campaigns in Karia and Lykia during the Peloponnesian War // JHS. 1993. Vol. 113. P. 156–157).

в котором Кериг убил семь аркадских гоппитов. Далее можно допустить, что к моменту мятежа Аморга с восстанием Писсуфна могло быть уже покончено. Прийти к указанному выводу помогают и слова Андокида о том, что Аморг был «царским рабом и изгнанником» — δούλος τοῦ βασιλέως καὶ φυγάς (Andoc., III, 29). Первое определение отражает эллинское представление обо всех персах как рабах царя, которое можно найти в различных источниках, тогда как второе может говорить о политическом статусе Аморга ко времени его мятежа.

А. Миссиу в исследовании, посвященном употреблению античными авторами выражения δούλος τοῦ βασιλέως, отмечает, что в связи с Аморгом термин φυγάς в передаче Андокида семантически соответствует тому, что обозначается Фукидидом как ἀφεστώς (sc. ἀπὸ βασιλέως)⁸³. Однако нам представляется сомнительным предположение об идентичности терминов «изгнанник» и «отложившийся» (от царя) в данном контексте. Андокид скорее говорит о реальном положении Аморга как изгнанника на момент его восстания. Афинский оратор мог называть Аморга так потому, что тот уже накануне своего восстания был поставлен вне закона — не исключено, что в связи с участием в мятеже своего отца Писсуфна. Таким образом, сын бывшего сатрапа Сард мог некоторым образом повторить судьбу сыновей Мегабиза — Зоппира и Артифия. Оба они также участвовали в восстании своего отца в 440-е гг. до н. э. (Ctesias FGrHist., 688, F. 14, 40), но затем, по прошествии определенного времени, организовали собственные выступления против царя Персии (Зоппир: Ctesias FGrHist., 688, F. 14, 43; Артифий: Ctesias FGrHist., 688, F. 15, 52). Подобным образом и Аморг после поражения Писсуфна мог тайно готовиться к новому мятежу в той области, где он имел больше всего сторонников — в Карию. Поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что Аморг поднял восстание уже после поражения выступления Писсуфна, но, скорее всего, незадолго до 413/12 г. до н. э.

Мятеж не приобрел большого размаха и продолжался относительно недолгое время⁸⁴. Захват Иаса и пленение Аморга датируют-

⁸³ *Missiou A.* ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation // CQ. 1993. Vol. 43. № 3. P. 378. Автор статьи полагает, что греческое выражение «раб царя» применимо ко всем подданным персидского монарха и имеет свои восточные параллели.

⁸⁴ Иначе см.: *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. P. 10: «Явная неспособность Тиссаферна использовать местные отряды против Аморга — Тиссаферн зависел от спартанских отрядов при захвате Иасоса — может указывать на то, что Аморг контролировал большую часть Карию, а не только Иасос».

ся осенью 412 г. до н. э. (Thuc., VIII, 28, 2–4)⁸⁵. Необходимо рассмотреть причины, побудившие Афины поддержать Аморга и таким образом поступить вопреки договору с царем. Некоторые исследователи принимают причинно-следственную связь, показанную Андокидом: поддержка афинянами Аморга сделала царя врагом Афин и союзником Спарты⁸⁶. Г. Уэстлейк, а вслед за ним и Д. Кэган, доказывали, что Андокид умышленно фальсифицировал факты, стремясь подыскать подходящий пример недальновидных действий афинян. По мнению этих исследователей, причиной изменения позиции царя к Афинам — от мирных отношений к враждебным, — были новости о серьезном поражении афинян в Сицилии в сентябре 413 г. до н. э. Как считают упомянутые авторы, сицилийская катастрофа нанесла серьезный удар по потенциалу Афин, в связи с чем Дарий II не мог упустить случая извлечь для себя определенные выгоды. Начало переговоров персидских сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза со Спартой как раз и побудили афинян заключить союз с Аморгом и оказать ему военную помощь: если бы Андокид был точен и афиняне заключили свой договор с Аморгом до персидских переговоров в Спарте, мы должны были бы ожидать, что Фукидид сделает замечание в связи с этим фактом⁸⁷. Андокид считал большой ошибкой афинян то, что они отказались от дружбы с могущественным персидским царем и предпочли отношениям с Аморгом, но, если признать указанный Д. Кэганом ход событий, действия афинян становятся более понятны: по словам исследователя, «они должны были мало потерять и кое-что приобрести». Согласно этой точке зрения, именно персидский царь, а не Афины, был виновен в нарушении Эпиликова договора и провоцировании войны. В историографии обоснованно высказываются сомнения в достоверности сведений, сообщаемых Андокидом в речи «О мире», хотя тот факт, что Фукидид не называет поддержку, оказанную афинянами Аморгу, поводом для вступления Персии в войну на стороне Спарты, также не является реальным доказательством в пользу мнения Г. Уэстлейка и Д. Кэ-

⁸⁵ Подробнее о разгроме Аморга см.: *Маринович Л. П.* Наемники в период Пелопоннесской войны // ВДИ. 1968. № 4. С. 72; *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 197; *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. P. 360; *Thompson W. E.* Two Athenian Strategoi // Hesperia. 1967. Vol. 36. № 2. P. 105f.

⁸⁶ *Andrewes A.* Thucydides and the Persians. P. 5; *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 85–86 (датируют афинское решение поддержать восстание Аморга началом 414 г. до н. э.); *Keen A. G.* Athenians Campaigns... P. 157; *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. P. 10.

⁸⁷ *Westlake H. D.* Athens and Amorges. P. 328–329; *Kagan D.* Fall of the Athenian Empire. P. 31–32.

гана. В литературе признается, что молчание Фукидида о чем-либо не может выступать решающим аргументом⁸⁸. Конечно, теоретически можно допустить, что Андокид переставил события местами, записав их не в той последовательности, которая действительно имела место, а поскольку сама речь была произнесена спустя двадцать лет, то это не могло выглядеть столь заметным. Однако все же достаточно вспомнить, что, заключая первый договор со Спартой весной 412 г. до н. э., Тиссаферн потребовал от спартанцев не оказывать помощи мятежникам против царя (Thuc., VIII, 18, 3), что, несомненно, было сделано под впечатлением нарушения афинянами договорных обязательств во время мятежа Аморга и демонстрировало важность этого условия для соблюдения персидских интересов. Но даже независимо от того, принимаем ли мы предложенную интерпретацию событий, существуют вполне объективные причины, объясняющие, почему Афины нарушили Эпиликов договор и оказали помощь Аморгу в восстании против царя.

Одна из причин, на наш взгляд, была идеологического характера и коренилась в традиционной вражде афинян к Персии. Недовольство в афинском обществе Эпиликовым мирным договором особенно могло быть усилено и в связи с тем обстоятельством, что в соглашении впервые провозглашался вечный мир и дружба с Персией, а это уже противоречило традиционной антиперсидской ориентации Афин. По справедливому мнению Д. Льюиса, решение о союзе с Аморгом было принято в Афинах под влиянием антиперсидских настроений, разговоров о слабости и нестабильности Персидской державы⁸⁹. Отчасти с этим объяснением мотивации афинян можно согласиться, поскольку при исследовании афино-персидских взаимоотношений в V в. до н. э. мы, несомненно, должны учитывать тот факт, что в афинском обществе достаточно сильна была память об опустошении персами Афин во время Греко-персидских войн, и враждебное отношение к Персии и персам периодически давало о себе знать со значительной силой еще и в следующем столетии, о чем красноречиво свидетельствуют призывы к объединению греков

⁸⁸ Точность сообщения Андокида отстаивает Э. Кин, который считает, что афинская поддержка Аморга рассматривалась в качестве предлога для разрыва Персии с Афинами. Именно поэтому Фукидид не упоминает его; он только заинтересован в реальной причине вовлечения Персии, которую, как он ожидает, читатель выведет из его текста (Keen A. G. Athenian Campaigns in Karia and Lykia... P. 157).

⁸⁹ Д. Льюис считает, что эkkлeсия фактически была неспособна отвергнуть любой союз независимо от того, давал ли он преимущества (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 86).

перед лицом враждебных персов у Аристофана (Lys., 1133–1134). В комедии «Всадники» Аристофан в речи Клеона дает аллюзию на заговоры неких афинян «с мидянами и царем» (Ar., Equ., 475–478). В «Фесмофоризусах» (411 г. до н. э.) комедиограф выводит женщину-глашатая, обращающуюся в молитве к олимпийским, пифийским и делосским богам и богиням и возвещающую проклятие тому, кто задумывает вред и преступление против народа, стремится стать тираном или является другом тиранов, а также вступает в сговор с мидянами (Ar., Thesm., 337). Позднее Исократ в «Панегирике» (157) сообщал, что даже и в его время на народных собраниях при совершении молитвы, перед обсуждением любого дела, возглашали проклятие тому, кто вступит в сговор с персами. Оратор тем самым подтверждает, что Аристофан перелагал подлинную афинскую молитву, совершаемую в эkkлeсии. Далее в комедии Аристофана хор женщин также поддерживает эту молитву, возглашая проклятье тому, кто призовет мидян в страну (Μῆδους ἐπάγχοις τῆς χώρας) (Ar., Thesm., 357–365). Кроме того, политика по поддержке противников персидского царя в V в. до н. э. была, в принципе, традиционной для Афин. Особенно отчетливо она проявилась в афинской военной помощи восстаниям Инара и Амиртея в Египте, в поддержании связей с мятежниками уже после подавления основного восстания, в оказании покровительства персам Ресаку (Plut. Cim., 10, 9) и Зопиру (Ctesias FGrHist., 688, F. 14, 43) в 450–430-е гг. до н. э. Трудно судить о других причинах афинского решения поддержать мятеж. Восстание Аморга в Карии было меньшим по масштабу, чем, например, мятеж его отца Писсуфна, и едва ли было способно коренным образом изменить политическую ситуацию в Персии. Маловероятно, что Аморг, незаконнорожденный сын Писсуфна, мог реально претендовать на персидский престол. Правда, не исключено, что некоторым формальным основанием для союза с Аморгом могло быть то, что он был признан афинской эkkлeсией правителем в Карии или даже преемником Писсуфна в управлении всей сатрапией Сарды⁹⁰. В любом случае, как Кария, так и Сарды находились в тот период под управлением Тиссаферна.

В ходе восстания Аморга неизвестны какие-либо крупные боевые операции, которые он вел в Карии: фактически он только укрепился

⁹⁰ Некоторые исследователи, очевидно по ошибке, называют Аморга восставшим сатрапом или династом в Карии (Holladay A. J. Detente of Kallias. P. 505; Walser G. Hellas und Iran. P. 67; Печатнова Л. Г.: 1) История Спарты. С. 207; 2) Спарта и Персия: История отношений. С. 95).

в единственном городе на побережье — Иасосе⁹¹. Наконец, при персидском дворе опасность этого мятежа также не преувеличивалась, о чем говорит тот факт, что подавление восстания Аморга поручили одному только Тиссаферну (Thuc., VIII, 5, 5). Неизвестно, правда, должен ли был сатрап подавить мятеж собственными силами, или же персидский царь выделил для этой цели денежные средства и войска, но намерение Тиссаферна использовать спартанские войска при разгроме Аморга предполагает некоторую ограниченность сатрапа в средствах. Тем не менее Андокид отмечает, что в Афинах дружбу с Аморгом посчитали выше мирного договора и дружественных отношений с персидским царем. Поиск ответа на этот вопрос приводит также к предположению, что при заключении соглашения с Аморгом афиняне принимали во внимание не столько последствия их действий, сколько текущие выгоды, которые они могут извлечь из сложившейся ситуации. И если решение поддержать мятеж в Карию было принято в Афинах еще до поражения в Сицилийской экспедиции, то в этом случае афиняне ощущали полную уверенность в своих силах, способность держать под своим контролем ситуацию на Востоке. Наиболее рациональное объяснение при таком развитии событий заключается в необходимости постоянного военного присутствия афинян в Малой Азии, обеспечить которое в рамках соблюдения Эпиликова мирного договора было достаточно проблематично. С. Рузика объясняет пребывание афинских отрядов и стратега в западной Анатолии обеспокоенностью афинян тем, что пока большая часть их флота и множество гоплитов участвуют далеко на западе в Сицилийской экспедиции, антиафинские группы в анатолийских греческих городах могут получить возможность низвергнуть местные демократии и порвать с Афинами. Аморг же, осознавая беспокойство афинян, вероятно, предложил соглашение о взаимопомощи, по которому он должен был помогать Афинам ликвидировать какую-либо угрозу их контролю над малоазийскими городами в обмен на помощь в борьбе с Тиссаферном⁹².

Другое объяснение присутствия афинских войск в Малой Азии предполагает, что Иония и Кария, основные очаги восстания Аморга, были важными податными округами Афинской морской державы,

⁹¹ С. Рузика считает, что Аморг контролировал значительную часть Карию, а не только Иасос: если бы его власть ограничивалась лишь этим городом, он едва ли удостоился большого внимания со стороны афинян (*Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty*. P. 10).

⁹² Ibid. P. 10–11.

но нерегулярность поступления форося в казну вызывала серьезное беспокойство афинян. Показателем этого были афинские экспедиции Мелесандра (430) и Лисикла (427 г. до н. э.) к побережью Малой Азии, имевшие целью сбор подати (о действиях Мелесандра в Карию и Ликию: Thuc., II, 69, 1–2; Paus., I, 27, 7; Лисикла — в Карию: Thuc., III, 29, 1–2). Э. Кин предположил, что после того как эти экспедиции постигла неудача, афиняне увидели в Писсуфне и Аморге хорошую возможность достигнуть своих целей без обременительного военного участия⁹³. Исследователь считает, что поскольку Персия никак не прореагировала на действия Мелесандра и Лисикла, которые были предприняты против подданных персидского царя и потому были, в строгом смысле слова, враждебными действиями, то афиняне не ожидали никакой реакции царя и по этому случаю. Но они просчитались, так как вмешательство Персии было вызвано на этот раз афинским поражением в Сицилии и верой в то, что Афины теперь могут быть разгромлены и изгнаны из Ионии. Сообщается также, что в марте 414 г. до н. э. афинский стратег собирал подати в Эфесе (IG. I², 302 = Tod, 75). Некоторые историки, правда, считают, что пребывание афинского стратега в Эфесе могло быть связано с афинской поддержкой Аморга, и на этом основании относят начало помощи мятежнику против персидского царя к 414 г.⁹⁴ Однако Г. Уэстлейк и Д. Кэган выступают против такого вывода. Они полагают, что присутствие стратега в Эфесе могло объясняться иными причинами, в частности, сомнением в верности эфесцев и намерением собрать задолженности по подати. По мнению этих исследователей, Эфес не был слишком уж подходящим местом, откуда афинские войска могли помогать мятежнику: афинские силы могли быть напрямую отправлены в Иасос или в Милет, более близкий к Иасосу⁹⁵. Списки обложения афинских союзников показывают, что иасосцы платили подать в 3 таланта в 415 г. до н. э., а также весной 414 г. до н. э. (ATL. II. List 39. I. 35; 40. I. 12). Военное присутствие афинян

⁹³ Keen A. G. Athenian Campaigns... P. 157. Исследователь полагает, что истинной целью экспедиций было возвращение Карию и Ликию под афинский контроль. Об экспедиции Мелесандра см. также: Горюжанова А. Н. Проблема взаимоотношений Ликии с Афинами во время Архидамовой войны // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Вып. 2. Н. Новгород, 2006. С. 9–20.

⁹⁴ См., например: Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 5; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 86; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 10.

⁹⁵ Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 323; Kagan D. Fall of the Athenian Empire. P. 30. К тому же афиняне в это время предпринимали меры по строительству ряда укреплений в Малой Азии, в частности в Теосе (Thuc., VIII, 16, 3; 20, 2).

в Малой Азии приобретало еще большую актуальность в связи с тем, что Афины увеличили в 425/4 г. до н. э. почти в два раза по сравнению с предвоенным уровнем размера обложения форосом своих союзников (IG. I³, 71). По оценкам Э. Кина, подать Ионии и Карии выросла на 110 талантов (частично за счет увеличения размера подати прежних союзников, а также вследствие появления в списках новых членов, ранее не плативших подать) и составила около 500 талантов⁹⁶. Все отмеченные факторы объективного и субъективного характера могли послужить в глазах афинского народного собрания и должностных лиц достаточными причинами для того, чтобы пренебречь договором с Великим царем и оказать помощь Аморгу, причем приведенные аргументы предполагают, что такое решение афиняне могли принять еще до катастрофы, постигшей их в Сицилии в сентябре 413 г. до н. э.

* * *

Эпизод со взаимоотношениями афинян и Аморга позволяет реконструировать достаточно важный аспект афинской восточной политики в период от Никиева мира 421 г. до н. э. и до начала Декелийской войны, который не получает прямого освещения в сохранившихся источниках и относительно редко привлекает внимание современных исследователей. Конечно, и персы, в свою очередь, были заинтересованы в ослаблении афинского влияния в Малой Азии и в полном восстановлении своего контроля над малоазийскими и островными греками, однако благоприятные условия для проведения такой политики могли сложиться только в связи с поражением афинских войск в Сицилии. Сицилийская катастрофа афинян была следующим по значимости фактором, который непосредственно сказался на развитии греко-персидских отношений в Пелопоннесской

войне и побудил Персию без колебаний решиться на согласование союза со Спартой. В то же время афинская помощь Аморгу способствовала тому, что Дарий II до конца жизни оставался верным союзником спартанцев и бескомпромиссным врагом афинян, чего, например, нельзя сказать о его сатрапах — Тиссаферне и Фарнабазе, которые были более склонны менять свои внешнеполитические ориентации, поддерживая в Пелопоннесской войне попеременно то спартанцев, то афинян.

⁹⁶ Keen A. G. Athenian Campaigns... P. 156. Как пишет М. А. Кондратьев, первое повышение фороса нужно датировать 428 г. до н. э., а в 425 г. до н. э., после завершившейся удачно для Афин пилосской военной операции, афинское народное собрание приняло решение о новом, еще более высоком обложении союзников. Если до войны общая сумма фороса колебалась в пределах 400–600 талантов, то по декрету Фудиппа она была установлена в размере 1400–1500 талантов; одновременно происходило значительное увеличение числа городов-плательщиков подати (Кондратьев М. А. Архэ и Афинская демократия // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 337–338). О последствиях этого увеличения размера фороса см.: Kallet L. Epigraphic Geography. The Tribute Quota Fragments Assigned to 421/0–415/4 B.C. // Hesperia. 2004. Vol. 73. № 4. P. 465–496.

Глава VI

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СПАРТЫ И ПЕРСИИ В ПЕРИОД ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

В событиях первого десятилетия Пелопоннесской войны, как мы видели, Персия не принимала сколько-нибудь заметного участия, ограничиваясь только эпизодическими дипломатическими контактами с ведущими полисами Греции — участниками конфликта. Иная ситуация сложилась к осени 413 г. до н. э. Сицилийская катастрофа афинян в сентябре того года привела к важным изменениям в расстановке политических сил в Восточном Средиземноморье. Она оказала сильнейшее влияние на международную ситуацию, побуждая к восстанию афинских союзников (Thuc., VIII, 2, 1–4; 5, 1–4).

С началом последнего периода Пелопоннесской войны (413–404 гг. до н. э.) Афины и Персия вновь оказались в состоянии конфронтации. Спарта же, со своей стороны, стала тем греческим государством, которое находилось в самых тесных дипломатических отношениях с Персией (чаще всего, конечно, при посредничестве малоазийских персидских сатрапов), получая от персов не только финансовую и материальную, но частично даже военную помощь для борьбы со своим врагом — Афинской державой. Значение персидской финансовой помощи Спарте в период Декелейской войны подчеркивают уже сами античные авторы: Андокид и Исократ утверждали, что Персия предоставила Спарте 5000 талантов, и именно эти деньги позволили спартанцам выиграть Пелопоннесскую войну (Andoc., III, 29; Isocr., VIII, 97).

1. Заключение спартано-персидского союза

Следует констатировать, что персы выгодно использовали сложившуюся ситуацию в связи с действиями афинян по помощи Аморгу в Ионии. Они были объективно заинтересованы в ослаблении афинского влияния в Малой Азии и в полном восстановлении своего контроля над малоазийскими и островными греками. Средством к этому должен был стать союз со Спартой, благоприятные условия для которого сложились к зиме 413/12 г. до н. э.

Однако, если Д. Льюис допускал возможность, что решение царя поддержать Спарту было принято не столько под влиянием известий о поражении афинян в Сицилии, сколько в ярости от афинской поддержки Аморга и убеждения, что Афины скованы в своих действиях войной в Сицилии¹, то Г. Уэстлейк и Д. Кэган предполагали, что поражение афинян в Сицилии предопределило решение царя вступить в войну на стороне Спарты².

Выбор между этими мнениями определяется в основном хронологией событий: считаем ли мы достаточным время в несколько месяцев, от сентября 413 г. до н. э. до зимы этого года, чтобы известия о поражении афинян в Сицилии дошли до царя Персии и тот смог отреагировать на них направлением инструкций своим сатрапам.

Между тем, по нашему мнению, первоначальная ответственность за обращение к Спарте не обязательно лежала целиком на Дарии II. Это обращение могло исходить со стороны малоазийских сатрапов, которые, конечно, лучше Великого царя Персии ориентировались в ситуации, получая самую свежую информацию из Эллады *in loco*. Да и Фукидид не говорит о том, что сатрапы Тиссаферн и Фарнабаз получали непосредственные приказы царя вести войну с Афинами или заключить союз со Спартой. Единственное, о чем сообщает историк, так это о приказе царя своим сатрапам собрать с греческих городов сатрапий подать, и препятствия, чинимые афинянами, побуждали сатрапов обратиться в Спарту (Thuc., VIII, 5, 5; 6, 1). В направлении таких приказов не было ничего необычного, ибо даже после Каллиева мира персидские власти продолжали претендовать на право сбора подати с греков Азии.

¹ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 87. Not. 25.

² Westlake H. D. Athens and Amorges. P. 328; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 31.

Исследователи обычно говорят о том, что царь потребовал погасить задолженности по подати, и различно определяют то время, с которого малоазийские греки задолжали дань царю. Так, по мнению Г. Уэйд-Гери, задолженности не могли накопиться с 449 или 423 г. до н. э.: дань не платилась всего лишь за последние год или два — т. е. с того времени, когда афиняне начали препятствовать сбору подати³. О. Меррей полагает, что задолженность насчитывалась со времени восшествия на престол Дария II — за одиннадцать лет⁴. С этим мнением согласились Э. Эндрю и Д. Кэган, которые обратили внимание на сообщение Геродота (VI, 59) о существовании персидского обычая прощать все долги при восшествии на престол нового царя⁵. Однако, как стремился доказать еще Р. Дандас, речь в указанных пассажах Фукидида идет не о требовании царем задолженности, а просто о приказе собрать дань с азиатских греческих городов⁶.

Во время переговоров в Спарте зимой 413/12 г. до н. э. о привлечении спартанцев к союзу с персидским царем представители Тиссаферна и Фарнабаза действовали независимо друг от друга. Более того, между ними, по свидетельству Фукидида, шло откровенное соперничество в вопросе о приоритетах спартанской политики в Малой Азии. Тиссаферн, обещая спартанцам финансовую помощь Персии, пытался сам выступать посредником в договоре между спартанцами и царем и добиться организации спартанской морской экспедиции в Ионию (Thuc., VIII, 5, 5). Прибывшие от Фарнабаза Каллигит, сын Лаофонта, и Тимагор, сын Афинагора, доставили в Спарту 25 талантов. Они рассчитывали с помощью этих денег привлечь спартанцев на сторону Фарнабаза и склонить их к походу на Геллеспонт. Дело фактически доходило до бурных споров между представителями двух сатрапов (Thuc., VIII, 6, 1–2).

³ Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 223.

⁴ Murray O. 'Ο ἈΡΧΑΙΟΣ ΔΑΣΜΟΣ. S. 148–149. О. Меррей принимает во внимание, что Дарий предоставил сатрапию Тиссаферну как награду за разгром мятежа Писсуфна. На этом основании ученый считает маловероятным, что царь потребовал с сатрапа задолженности по подати, имевшиеся у его предшественника. Далее он полагает, что если царь потребовал подать с Тиссаферна только со времени его прибытия в сатрапию, то едва ли он стал требовать большее с Фарнабаза.

⁵ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. Oxford, 1981 ad V, 16; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 29. Not. 18. В то же время еще М. Кэри отмечал, что претензии Дария II на задолженности по подати не имели законного основания, а могли быть связаны с особенностями данной политической ситуации (или, как говорит исследователь, had no legal basis, but were a product of pure opportunism) (Cary M. The Peace of Kallias. P. 89).

⁶ Dundas R. H. Thucydides VIII. 5. v // CR. 1934. Vol. 48. № 5. P. 167–168.

Казалось бы, эти факты говорят о том, что Тиссаферн и Фарнабаз, действовавшие независимо друг от друга, находились в равном положении⁷. Однако хотелось бы обратить внимание на одну особенность, вытекающую из описания Фукидидом переговоров в Спарте. Историк называет представителя Тиссаферна термином *πρεσβευτής* — посол, тогда как в отношении Каллигита и Тимагора он не употребляет такого определения (его выражение здесь — *πέμψαντος Φαρναβάζου*). Это означает, что речь идет об официальном персидском посольстве, направленном в Спарту Тиссаферном, и одновременно предполагает, что посольство от Фарнабаза не было официальным. Еще более убеждает в этом заключении то обстоятельство, что Каллигит и Тимагор названы греческими изгнанниками из Мегар и Кизика, находившимися при дворе сатрапа, посол же Тиссаферна не упомянут по имени, а это может говорить в пользу того, что он, скорее всего, был персом. Таким образом, Тиссаферн мог выступать на переговорах от лица царя, а Фарнабаз действовал уже от своего имени. Это могло быть еще одной причиной (не названной Фукидидом), почему спартанцы поддержали инициативу сатрапа Сард. Кроме того, именно Тиссаферн, а не Фарнабаз, был тем человеком, который имел все необходимые полномочия от царя на заключение договоров со Спартой. Примечательно, что в дальнейшем, когда происходят разногласия спартанцев с Тиссаферном, Спарта, несмотря на плодотворное сотрудничество с Фарнабазом, добивается направления нового главнокомандующего в лице Кира Младшего. Таким образом, именно Тиссаферн был назначен главнокомандующим⁸.

⁷ По мнению Д. М. Льюиса, нельзя найти следов какого-либо подчинения Фарнабаза Тиссаферну в тот период (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 86). О независимых обращениях в Спарту двух сатрапов говорят Л. Митчелл и Дж. Коуквелл (Mitchell L. G. Greek Bearing Gifts. P. 115; Cowkwell G. L. The Greek Wars. P. 153).

⁸ Как уже упоминалось, Тиссаферн получил сатрапию Сарды в качестве награды за участие в разгроме мятежа Писсуфна, вероятно, после 420 г. до н. э. (Ctesias FGRIst., 688, F. 15, 53). Фукидид называет Тиссаферна в 412 г. до н. э. *στρατηγὸς τῶν κατὰ* — военачальник прибрежной области (Thuc., VIII, 5, 5). Исследователи не сомневаются, что здесь должен подразумеваться персидский термин *каран* (греч. *κάρανος*, Ксенофонт переводит его как *κῆρυξ* — «владыка»: Xen., Hell., I, 4, 3; вероятно, существует этимологическая связь между словом «каран» и древнеперсидским термином *kāra* — войско). См.: Schaefer H. Tissaphernes. Sp. 1580. Это мнение фактически разделяет Э. Эндрюз, который отметил, что греческий термин *στρατηγός* не может быть точным эквивалентом слова «сатрап» (Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. ad V, 16). Тот же ученый подчеркивал, что Фукидид старался избегать слова *сатрап*, которое он в своем труде употребляет только один раз (Andrewes A. Thucydides and the Persians. P. 6. Anm. 13). Кир Младший, заменив Тиссаферна на посту главнокомандующего в Малой Азии, также носил титул *каран*. Он имел письмо с царской

Концентрация командования в руках одного военачальника была обычной практикой, к которой прибегал царь в условиях войны. Как известно, Тиссаферн и позднее не спешил сотрудничать с Фарнабазом из-за личной вражды с ним.

Переговоры в Спарте увенчались успехом. Спартакие власти решили воспользоваться затруднительным положением, в котором оказались Афины после Сицилийской катастрофы, и с помощью Персии начать боевые действия против афинян в Малой Азии. Они постановили направить в Ионию эскадру под руководством Халкидея. Фукидид сообщает, что основными сторонниками организации спартанской экспедиции в Ионии были находившийся в Спарте афинянин Алкивиад и спартанский эфор Эндий, и именно их позиция оказала сильное влияние на решение спартанцев направить свою эскадру к малоазийскому побережью весной 412 г. до н. э. Предложение Фарнабаза в конечном итоге наряду с прочими соображениями было отклонено ввиду того, что спартанцы принимали в расчет экономический и военный потенциал ионийских городов, ту пользу, которую они могут принести лакедемонянам в войне против Афин (особенно в деле снабжения их деньгами, продовольствием и кораблями) (Thuc., VIII, 6, 4)⁹. Не последнее значение в решении спартанцев имело и то, что Тиссаферн обещал содержать пелопоннесский флот: он установил размер ежедневного жалованья в одну аттическую драхму на человека (Thuc., VIII, 29, 1).

2. Договоры Спарты и Персии в оценках историографии

После начала военных действий в Ионии спартанцы и персы заключают последовательно три соглашения, направленные против Афин. Все они дословно приводятся Фукидидом в восьмой книге.

печатью о своем назначении, адресованное всем жителям побережья (τοῖς κατὰ πᾶσι) (Xen., Hell, I, 4, 3). Иного мнения, правда, придерживается Э. Кин, который считает, что Тиссаферн в 413/2 г. до н. э. еще не осуществлял высшего командования в Малой Азии, а был просто сатрапом Лидии, и таким образом, его должность не была эквивалентна той, которую получил позднее Кир Младший (Keen A. G. Persian Karanoi and Their Relationship to the Satrapal System // *Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993* / Ed. by T. W. Hillard, R. A. Kearsley, C. E. V. Nixon, A. M. Nobbs. Vol. 1. Michigan: Eerdmans, 1998. P. 89, 93).

⁹ В отношении мотивации спартанцев при сотрудничестве с Тиссаферном см.: Bloedow E. Alcibiades Reexamined / *Historia. Einzelschriften*, 21. Wiesbaden, 1973. P. 23ff.

Мнения историков расходятся как в отношении сущности трех договоров Спарты и Персии, заключенных друг за другом в течение 412–411 гг. до н. э., так и при интерпретации их отдельных статей, а также по вопросу их значения и влияния на ход греческой истории¹⁰. Одни исследователи предполагали, что два первых договора (Халкидея и Феримена) были только проектами, никогда не утвержденными в Спарте, а формализованным был только третий договор (который, по их мнению, был ратифицирован спартанцами и персидским царем)¹¹. Основанием для такого заключения служат не только внешние признаки каждого из договоров (только третий договор содержит датировку в тексте Фукидида, там же указывается место заключения соглашения — долина Меандра — Thuc., VIII, 57, 1), но также и то обстоятельство, что первые два соглашения были подвергнуты резкой критике со стороны Лихаса, одного из спартанских «советников», на переговорах с Тиссаферном на Книде (Thuc., VIII, 43, 3).

Д. Льюис, который уделил много внимания интерпретации соглашений Спарты и Персии, не считал возможным провести градацию между ними по указанному принципу, видимо, посчитав эти договоры в равной степени действующими¹². Э. Леви, со своей стороны, полагал, что нет основания считать третий договор каким-либо образом более формализованным, чем два предыдущих, и также выступил против отмеченной трактовки соглашений¹³. Мы еще возвратимся к этому вопросу при рассмотрении договоров, а сейчас остановимся еще на одной проблеме. Значительное большинство

¹⁰ О спартано-персидских договорах: Печатнова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. С. 85–108; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. С. 196–200; De Sanctis G. I trattati fra Sparta e la Persia // *idem*. Studi di storia della storiografia greca. Roma, 1951. P. 163–171; Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt vom 700 bis 338 v. Ch. No. 200–202; Westlake H. D. Ionians in the Ionian War // CQ. NS. 1979. Vol. 29. № 1. P. 36–37; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 90–107; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 40–42, 79–82, 138–146; Andrewes A. The Spartan Resurgence // CAH2. 1992. Vol. 5. P. 467–471; Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 221–242; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 47–49, 80–82, 98–101.

¹¹ De Sanctis G. I trattati... P. 163–171; Westlake H. D. Ionians in the Ionian War. P. 36–37; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 40; Andrewes A. The Spartan Resurgence. P. 467ff; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 48; Falkner K. L. The Battle of Syme — 411 BC // AHB. 1995. Vol. 9. N 3–4. P. 117; Mitchell L. Greeks Bearing Gifts. P. 115; Cawkwell G. L. The Greek Wars. P. 149ff.

¹² Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 90ff.

¹³ Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 221–242.

исследователей считают эти договоры выгодными преимущественно Персии. Заключив их, Спарта, по мнению историков, совершила «сделку» с персидским царем, в обмен на финансовую помощь в войне против Афин. Спартанцы передали персам своих соплеменников — греков Малой Азии. Наиболее выразительно такое мнение излагает Л. Г. Печатнова. Она называет договор Халкидея «сделкой спартанцев с персидским царем», означающей, что «материальная помощь персов покупается ценой предательства дела эллинов». Сам договор, по ее мнению, «содержал ярко выраженную претензию царя на греческие города и земли (sic! — Э. Р.) в Малой Азии» и показывал «в очень невыгодном свете политику Спарты»¹⁴. Правда, с подобной интерпретацией событий не согласился Д. М. Льюис, который предположил, что третий договор Спарты и Персии потерял свою значимость уже вскоре после его заключения, и привел аргумента в пользу существования четвертого договора, который исследователь назвал по имени Беотия, спартанского посла, участвовавшего в переговорах с персидским царем после 410 г. до н. э.¹⁵ Однако, как мы попытаемся показать далее, едва ли могут быть справедливы упреки в том, что спартанцы предали малоазийских греков. Во-первых, договоры, согласованные с царем и Тиссаферном, фактически перестали соблюдаться сторонами уже вскоре после их заключения. Во-вторых, даже при соблюдении их условий, переход под персидскую власть греческих полисов Малой Азии оказался невозможен до спартанской победы в Пелопоннесской войне, однако уже вскоре после этой победы спартанцы встали на защиту тех же малоазийских греков, которых они «на бумаге» ради получения персидской финансовой помощи передали царю Дарию II. Что же касается сотрудничества с персами в целом, то к этому, как известно, стремились не только спартанцы, но также и афиняне — персидское участие оказалось насущной потребностью эпохи ожесточенных межполисных конфликтов.

3. Первый договор Спарты и Персии

Итак, весной 412 г. до н. э. Спарта заключает первый договор с Персией. Текст этого договора в изложении Фукидида (VIII, 18, 1–3) звучал следующим образом: «Лакедемоняне и союзники заключили

¹⁴ Печатнова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. С. 91, 92, 95.

¹⁵ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 123ff.

союз с царем и Тиссаферном на нижеследующих условиях. Все земли и города, которыми царь владеет или владели его предки, должны принадлежать царю. Сколько бы денег и других доходов ни поступало до сих пор к афинянам от этих городов, пусть царь и лакедемоняне с союзниками отныне не допускают афинян получать эти деньги и другие доходы. И пусть царь и лакедемоняне с союзниками сообща ведут войну против афинян. Мира же с афинянами не заключать без взаимного согласия царя, с одной стороны, и лакедемонян с союзниками — с другой. Если кто-либо восстанет против царя, то пусть будет врагом лакедемонян и их союзников. А если кто поднимет восстание против лакедемонян и их союзников, то равным образом да будет врагом царя» (перевод Г. А. Стратановского)¹⁶.

По мнению Э. Эндрюза, договор был лишь предварительным рабочим соглашением (preliminary working agreement), заключенным «на месте» между военачальниками обеих сторон, отвечал главным образом нуждам Тиссаферна, а спартанцы ничего по нему не получили¹⁷. Не согласившись с мнением о предварительном характере договора, Э. Леви все же отметил, что в договоре Халкидея дипломатическая лексика еще недостаточно выверена, а кроме того, в нем нет статей, где бы отмечались ратификация договора — принесение клятв, а также его публикация — воздвижение стелы¹⁸.

Следует, однако, учитывать, что отмеченные Э. Леви атрибуты договора были характерны скорее для псефизмы, а приведенный Фукидидом текст, как это часто признается в литературе, представ-

¹⁶ Некоторые исследователи считают, что дословное переложение договора обусловлено использованием Фукидидом архива Алкивиада, который мог участвовать вместе с Халкидеем в разработке этого, впрочем, как и других двух, договоров (*De Sanctis G. I trattati fra Sparta e la Persia*. P. 163). Несомненно, перед нами рукописные копии договоров, тексты которых написаны на аттическом диалекте, лишь с некоторыми ионизмами (которые могут объясняться естественными причинами развития аттического диалекта); об этих ионизмах см.: Bengtson H. *Die Verträge der griechisch-römischen Welt vom 700 bis 338 v. Ch.*. S. 142; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 5. P. 144–145; Levy E. *Les trois traités entre Sparte et le Roi*. P. 222). Предполагается, что именно Алкивиад записал их на аттическом диалекте (в противном случае Фукидид постарался бы привести тексты в подлиннике, на дорийском или ионийском диалекте). Другие ученые находят эту гипотезу маловероятной. Д. Льюис и Э. Эндрюз полагают, что Тиссаферн мог иметь в своем распоряжении грекоязычных секретарей, владевших аттическим письмом лучше, чем каким-либо другим (Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 95. Not. 57; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 5. P. 144).

¹⁷ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 5. P. 40; Andrewes A. *Spartan Resurgence*. P. 467.

¹⁸ Levy E. *Les trois traités entre Sparte et le Roi*. P. 225.

лял собой рукописную копию договора, возможно, находившуюся в хранилище документов в Спарте; достаточно заметить, что спартанцы, в отличие от большинства греков, не имели обыкновения записывать документы на стелах. Именно последним может объясняться то обстоятельство, что договор, кроме Фукидида, не упоминается никто из античных авторов. Историк же определенно показывает его как первый союзный договор наряду с другими соглашениями¹⁹.

Вероятно, Халкидей и Тиссаферн при составлении текста соглашения в Милете приняли за основу проект, который мог уже быть обговорен прежде в Спарте, а сам сатрап действовал также в соответствии с царскими инструкциями. Слишком малый промежуток между переговорами в Лакедемонии и заключением первого союзного договора предполагает, что договор не должен был требовать какой-то дополнительной ратификации.

Договор открывается провозглашением союза с царем и Тиссаферном лакедемонян и их союзников: *ἡμῶν τε καὶ τοῦ βασιλέως καὶ Τισσαφέρνην Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ἑταῖροι* (Thuc., VIII, 18, 1). Вторым пунктом после провозглашения союза и определения прав персидского царя следует обязательство сторон воевать сообща против афинян и не прекращать войну без взаимного согласия. Этот пункт свидетельствует о том, что договор был направлен против Афин и был составлен по типу союзных договоров в классической Греции (Thuc., VIII, 18, 2). Между тем во время переговоров в Милете Тиссаферн добился от Халкидея и принятия условий, заведомо благоприятных персидской стороне, на основании чего Э. Эндрюз и заключил, что договор отвечал в основном нуждам сатрапа. В частности, в текст договора было включено обязательство спартанцев быть врагами тех, кто поднимал восстание против персидского царя. Это условие, формально соответствующее основам межгосударственного общения в Греции, имело особое звучание в контексте политической ситуации того периода. Оно, несомненно, имело целью привлечь спартанцев к борьбе, которую все еще вел Тиссаферн против мятежника Аморга

¹⁹ Фукидид именует договор Халкидея *ἡμῶν τε καὶ τοῦ βασιλέως καὶ Τισσαφέρνην Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ἑταῖροι* (Thuc., VIII, 17, 4) и *τοῖς Πελοποννησίοις αἱ πρώτοι ἑταῖροι καὶ οἱ Χалкиδεῖς γενομένοι* (Thuc., VIII, 36, 2). С. Больмарсич пытается продемонстрировать, что «договор Халкидея» фактически не был «правильной» симмахией (*Bolmarcich S. A. Thucydidean Explanations: Diplomacy and Historiography in Archaic and Classical Greece. PhD diss. Univ. of Virginia, 2003. P. 330ff*). Однако, как представляется, в доказательстве этого нет необходимости. Фукидид, следуя мнению своих современников и ссылаясь на текст соглашения, считает его симмахией — военным союзом Спарты и Персии.

в Карию²⁰. Ответное персидское заявление о том, чтобы быть врагами поднимавшим восстание против власти лакедемонян и их союзников, выглядит, напротив, ничем не подкрепленной декларацией, требуемой нормами составления договоров (Thuc., VIII, 18, 3).

Договор Халкидея содержал условие, имеющее недвусмысленное отношение к положению малоазийских греческих городов, которые были защищены Каллиевым миром с Афинами и к тому времени фактически входили в Афинский морской союз. Это условие о правах персидского царя на территорию Малой Азии: «Все земли и города, которыми царь владеет или владели предки царя, должны принадлежать царю» (*ὅποσον χώραν καὶ πόλεις βασιλεὺς ἔχει καὶ οἱ πατέρες οἱ βασιλέως εἶχον βασιλέως ἔστω*) (Thuc., VIII, 18, 1).

Исследователи подчеркивают исключительную важность указанной статьи для персидских интересов: не случайно именно она открывает договор. Как считает Э. Леви, признание прав царя было первым пунктом каждого из трех спартано-персидских соглашений, той уступкой царю со стороны спартанцев, без которой едва ли могло состояться заключение договора²¹.

Современные историки не предлагают общепринятого объяснения первой статьи «договора Халкидея». Ввиду крайне широко декларируемых прав персидского царя, часто полагают, что первая статья договора в правовом отношении восстанавливала персидское господство даже над большей частью Греции²². Так, по мнению Я. А. Ленцмана, «не только побережье Малой Азии, но и острова и даже часть Балканского полуострова формально должны были перейти под власть Персии»²³. Уступки царю признаются огромными; делается вывод, что если бы спартанцы стали в точности следовать заявленным условиям, то их политика привела бы к восстановлению Персидской державы в границах времен Дария I и Ксеркса²⁴. Недавно С. М. Больмарсич присоединилась к этому мнению, замечая: «Если царь выполнял бы

²⁰ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 91; Kagan D. Fall of the Athenian Empire. P. 48.

²¹ Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 229.

²² Hatzfeld J. Alcibiade: Etude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P., 1940. P. 222. Not. 4; Will Éd. Le monde grec et l'Orient. V. 1. P. 364; Ste Croix E. G. M. The Origins of the Peloponnesian War. P. 155; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 48.

²³ Ленцман Я. А. Пелопоннесская война // Древняя Греция. М., 1956. С. 326.

²⁴ Д. Кэган считает договор «циничным», очень невыгодным спартанцам и высказывается в пользу его секретного характера. Исследователь называет Халкидея «дипломатическим неофитом» по сравнению с таким опытным персидским дипломатом, каким был Тиссаферн. «Так как Халкидей был вскоре убит, никто уже не мог спросить его о той роли, какую он играл при заключении договора» (Kagan D. Fall of the Athenian Empire. P. 48–49). Он следует в этом мнению И. Хацфельда (Hatzfeld J. Alcibiade... P. 222, Not. 4).

статью, определяющую его территорию, он мог бы расширить свои владения в Греции вплоть до Истма»²⁵. Другие исследователи, однако, правомерно не соглашались с такой трактовкой первой статьи «договора Халкидея», ибо считают ее неуместной в конкретных политических условиях конца V в. до н. э.²⁶ На их взгляд, в Милете обсуждался вопрос не более чем о принадлежности царю земель и городов, находившихся в Малой Азии. О правомерности такого вывода применительно к городам (πόλεις) говорит содержание идущей следом статьи: «Сколько бы денег и других доходов не поступало до сих пор к афинянам от этих городов, пусть царь и лакедемоняне с союзниками отныне не допускают афинян получать эти деньги и другие доходы» (Thuc., VIII, 18, 1). В ней речь, безусловно, идет о препятствовании взимании фороса афинянами с их малоазийских союзников. Это условие имело смысл только в том случае, если предыдущая статья договора касалась эллинских городов в Малой Азии в составе Афинской державы. Говоря об интерпретации термина χώρα, следует отметить, что под ним все исследователи единодушно понимают царскую землю²⁷. Остается все же неясным: говорил ли договор о той царской земле, которая традиционно принадлежала царю, или шла речь о территории, находившейся, как и упомянутые города, в 412 г. до н. э. под контролем Афин? Э. Эндрюз привел примеры употребления термина χώρα в документах, относящихся к различным периодам, и предположил, что персы подразумевали возвращение некоторых утраченных территорий царских владений²⁸. Напротив, Э. Леви считает, что признание прав на землю, которой царь владеет, означало, что договор признает права царя на его собственную территорию²⁹. Это мнение

²⁵ Bolmarcich S. A. Thucydidean Explanations. P. 331.

²⁶ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 90; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 41; Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 229–234; Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 188.

²⁷ См., например: Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 41.

²⁸ Э. Эндрюз приводит два основных варианта употребления слова χώρα: 1) в эллинистической Малой Азии — это царская земля (см.: Tod, II, 185); 2) сельская местность, принадлежащая городу (Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 41).

²⁹ Э. Леви считает, что признание прав царя на «территорию, которой царь владеет», естественно, не представляло никакой проблемы для спартанцев, ибо договоры признают права царя на его собственную территорию. Но признание прав царя на владение городами касалось греческих полисов, которые трудно было подчинить персидской власти, учитывая также тот факт, что Спарта провозгласила целью войны освобождение греческих городов от афинского господства (Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 229f).

представляется более обоснованным, поскольку упоминание χώρα (наряду с πόλεις) в «договоре Халкидея» может выглядеть как обычная гарантия неприкосновенности территории царя Дария II. Условие же о правах царя на земли и города Малой Азии в период Пелопоннесской войны должно было носить декларативный характер и иметь реальную силу только в случае окончательного поражения Афин в войне³⁰.

Рассматривая условия договоров Спарты и Персии, не следует забывать, что они, прежде всего, предусматривали установление союзнических отношений сторон (ξυμμαχία) с целью координации усилий в войне против Афин. В соглашениях этому уделено значительное внимание. Договор Халкидея содержал декларацию о военном сотрудничестве: «И пусть царь и лакедемоняне с союзниками сообща ведут войну против афинян (καὶ τὸν πόλεμον τὸν πρὸς Ἀθηναίους κοινῇ πολεμοῦντων βασιλεὺς καὶ οἱ ξύμμαχοι). Не прекращать же войну с афинянами без взаимного согласия царя, с одной стороны, и лакедемонян с союзниками — с другой (καὶ κατάλυσιν τοῦ πολέμου πρὸς Ἀθηναίους μὴ ἐξέστω ποιεῖσθαι, ἣν μὴ ἀμφοτέροις δοκῇ, βασιλεῖ καὶ Λακεδαιμονίοις καὶ τοῖς ξυμμαχοῖς)» (Thuc., VIII, 18, 2–3). Соглашение не упоминает обязательств персов содержать моряков пелопоннесского флота, в чем должны были быть особенно заинтересованы спартанцы. Вероятно, стороны в момент согласования договора Халкидея в Милете посчитали действующей договоренность, достигнутую в Спарте, выплачивать воинам одну драхму в день на человека (Thuc., VIII, 29, 1).

Фукидид приводит конкретный факт сотрудничества спартанцев и персов в 412 г. до н. э., который свидетельствуют о принципиальном соблюдении условий «договора Халкидея». Летом 412 г. до н. э. Тиссаферн разрушил остатки афинского укрепления в Теосе (Thuc., VIII, 20, 1) и принял участие в сражении спартанцев и афинян при Милете (Thuc., VIII, 25, 1–5). В битве, в которой пелопоннесцы Халкидея и милетяне сражались против 1000 афинских гоплитов, 1500 аргосцев и 1000 союзников, на стороне спартанцев выступали конница Тиссаферна и отряд наемников (Thuc., VIII, 25, 2). В свою очередь, спартанцы внезапным нападением завладели карийским городом Иасосом, пленили Аморга, а затем передали его Тиссаферну, чтобы тот, если пожелает, доставил его к царю (Thuc., VIII, 28, 2–4). Прочие

³⁰ У. С. Фергюсон считает, что формулировка первой статьи договора настолько широка, что трудно ее интерпретировать однозначно (Ferguson W. S. Sparta and the Peloponnese // CAH1. 1927. Vol. 5. P. 315f).

пленники были проданы сатрапу по цене в один дарик за каждого, а пелопоннесские наемники Аморга были присоединены к спартанскому войску. На ликийской стеле из Ксанфа утверждается, что этими наемниками в основном были аркадяне (ТАМ, 1, 44с, 29 = ML, 93), которые, как уже было сказано выше, вероятно, могли служить еще у Писсуфна, отца Аморга (Thuc., III, 34, 2–3).

Разгром Аморга был наиболее заметным эпизодом сотрудничества спартанцев и персов. Участие спартанцев в боевых действиях помогло Тиссаферну успешно выполнить задание персидского царя, заключавшееся в том, чтобы наказать мятежника (Thuc., VIII, 5, 5). На этой стадии войны жалование пелопоннесцам платили достаточно регулярно, о чем свидетельствует Фукидид (Thuc., VIII, 36, 1). Источником поступления средств все еще были деньги, полученные с продажи добычи и пленников, захваченных в Иасосе.

4. Второй договор Спарты и Персии

Фукидид (VIII, 37, 1–5) излагает текст второго договора: «Лакедемоняне и союзники заключают договор о дружбе и союзе с царем, с сыновьями царя и с Тиссаферном на нижеследующих условиях. Против всех земель и всех городов, принадлежащих царю Дарию или принадлежащих его отцу и предкам, ни лакедемоняне, ни их союзники не должны воевать или причинять им какой-либо ущерб. Лакедемоняне и их союзники не должны собирать дань с этих городов. Царь же Дарий и его подданные не должны воевать против лакедемонян и их союзников и причинять им какой-либо ущерб. Если лакедемоняне и их союзники будут иметь какие-либо притязания к царю или царь будет иметь какие-либо притязания к лакедемонянам, то все, что они решат по взаимному согласию, должно считаться правильным. Войну же с афинянами и их союзниками царь и лакедемоняне должны вести сообща, и если будут заключать мир, то действовать также сообща. Царь обязан оплачивать расходы на содержание всех войск, находящихся в его стране по его просьбе. Если какой-либо город, участник этого договора, нападет на царские земли, то остальные города должны вступить и помогать царю, насколько это в их силах. И если кто-либо из жителей царской земли или земли ему подвластной нападет на землю лакедемонян или их союзников, то царь должен вступить и помогать лакедемонянам или их союзникам по мере возможности» (перевод Г. А. Стратановского).

Итак, этот договор, согласованный спартанским навархом Ферименом с сатрапом Тиссаферном, Фукидид не называет больше *ξύμμαχία*, хотя по существу он таковым являлся. Вместо этого термина, который нигде больше не встречается в тексте «Истории», употребляется общепринятый греческий термин для обозначения договоров *ξύθηται*. Однако некоторое различие в терминологии здесь не имеет принципиального значения (ведь и к договору Халкидея, как мы видели, Фукидид применяет термин *ξύθηται*). Гораздо важнее могло быть то, что в самом тексте соглашения провозглашаются мир и дружба спартанцами, персидским царем и Тиссаферном: это условие вводится фразой *σπονδὰς εἶναι καὶ φιλίαν* (Thuc., VIII, 37, 1).

Некоторые исследователи даже считают, что договор Феримена формально завершал войну между Спартой и Персией, длившуюся уже семьдесят лет, со времени Греко-персидских войн, то есть, по существу был мирным договором³¹. Э. Эндрюз отметил, что с этого времени дружеские отношения, которые были провозглашены между Дарием II и Афинами и никогда не были особенно теплыми, установились между персами и Спартой³². На тот факт, что Спарта и Персия были формально в состоянии войны до 412 г. до н. э., обратил внимание также С. Хорнблауэр³³. Правда, с указанным мнением едва ли следует согласиться. Если и был договор, который с формальной стороны дела завершал войну между двумя государствами, то таковым, скорее всего, являлся предшествующий договор Халкидея — первый спартано-персидский союзный договор, заключенный в Милете весной 412 г.

В качестве номинальных участников соглашения выступают также сыновья царя — *οἱ παῖδες τοῦ βασιλέως* (Thuc., VIII, 37, 1). Д. М. Льюис, правда, замечает, что причины распространения договора на сыновей царя (в данном случае, Арсака и Кира) не вполне понятны. Однако, как представляется, включение в текст договора царских наследников было довольно распространенной практикой в межгосударственных отношениях в Восточном Средиземноморье. Их упоминание в договоре Феримена, вероятно, было сделано с намерением предоставить дополнительные гарантии соблюдения договора с персидской стороны и, возможно, продлить срок его действия.

³¹ Amit M. A Peace Treaty between Sparta and Persia // RSA. 1974. Vol. 4. P. 55–63; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 93; Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 229; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 81.

³² Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 80.

³³ Hornblower S. The Greek World 479–423 B.C. P. 73.

Первая статья договора, идущая вслед за преамбулой, заявляла права царя на земли и города, бывшие во владении царя Дария или принадлежавшие его предкам (ὁπόση χώρα καὶ πόλεις βασιλέως εἰς Δαρείου, ἢ τοῦ πατρὸς ἦσαν ἢ τῶν προγόνων), однако в ней дело не ограничилось уже простой констатацией этого факта. Теперь спартанцы, как и афиняне по условиям Каллиева мира, дали гарантии неприкосновенности царских земель и городов (Thuc., VIII, 37, 2). Это обстоятельство еще более приближало договор к нормам составления союзных договоров в классической Греции³⁴. Кроме того, спартанцы по новому соглашению обязались не взимать форос с упомянутых городов Малой Азии, тогда как в договоре Халкидея, как известно, они должны были только препятствовать действиям афинян по сбору фороса.

Две вышеназванные статьи договора Феримена полностью отвечали персидским интересам. Они подчеркивали отказ спартанцев от притязаний на наследственные земли и города Малой Азии, принадлежащие персидскому царю, как в деле осуществления политического контроля над этими территориями (что обнаружил договор Халкидея), так и в вопросе о податях. Пунктом о податях персы еще раз подчеркнули свое единоличное право взимать дань с малоазийских эллинских городов и распоряжаться ею по своему усмотрению. Следует заметить, что в 412 г. до н. э. спартанцы еще не прибегали ко взиманию фороса с греческих полисов, особенно расположенных в Малой Азии. Первые упоминания о том, что спартанцы по примеру Афин стали взимать регулярный форос, относятся к периоду уже после завершения Пелопоннесской войны (Diod., XIV, 10,2)³⁵. Ранее средства на военные нужды поступали со стороны спартанских союзников и частных лиц благодаря добровольным взносам денег и продовольствия в спартанскую казну (см.: Thuc., VIII, 36, 14; Xen. Hell., I, 6, 12); имели место и разовые сборы денег насильственными средствами (как в случае с Родосом в 411 г. до н. э.: Thuc., VIII, 44, 4), но они не были связаны с регулярно взимаемым форосом³⁶. Поэто-

³⁴ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 81; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 81.

³⁵ См.: Печатникова Л. Г., Алексеева И. А. Организация спартанской державы (гармонисты и форос) // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 90–106.

³⁶ Об этом свидетельствует, помимо прочего, и спартанский документ, фиксирующий пожертвования денег, продовольствия, кораблей со стороны спартанских союзников и частных лиц «на войну» — πὸτ' τὸν πόλεμον (IG, V, 1). Из этого документа, в частности, следует, что эфесцы предоставили 1000 дариков (стк. 22–23). Впервые гипотезу, прошедшую практически незамеченной, о принадлежности документа ко времени Спарто-персидской

му данная статья договора могла подразумевать то, что спартанцы, по примеру афинян, в будущем не станут взимать форос с городов Малой Азии³⁷.

Во втором соглашении, так же как и в прежнем союзном договоре, предписывалось совместно воевать против афинян и их союзников и заключить мир также сообща (Thuc., VIII, 37, 4). Но на этом прямое сходство заканчивается. Остальные статьи предстают либо в несколько измененном виде, либо же в прежнем договоре вообще отсутствуют. Эти выгодные персам условия были уравновешены статьями, особо важными для спартанцев. По одной из них царь обещал оплачивать расходы по содержанию всех спартанских войск (τὴν δαπάνην βασιλέα παρέχειν), находящихся в его стране (στρατιὰ ἐν τῇ χώρᾳ τῆς βασιλείας). Правда, в этой статье договора была сделана оговорка, что войска должны находиться в Азии только по просьбе персидского царя (μεταπεμφθέντος βασιλέως) (Thuc., VIII, 37, 4). Это уточнение должно было существенно ограничить действия спартанцев, нежелательные Дарию II. Примечательно и то, что в указанном договоре отсутствуют конкретные цифры, определяющие размер оплаты службы моряков пелопоннесского флота. Это можно объяснить тем, что Тиссаферн и Феримен считали действующим договор, заключенный ранее в Милете и оговаривавший размер оплаты (Thuc., VIII, 29, 2)³⁸. Однако, с другой стороны, персидский сатрап Тиссаферн, не включив в текст соглашения конкретные цифры из этого договора, фактически оставлял за собой право на пересмотр условий оплаты.

войны 400–394 гг. до н. э., высказал К. Ю. Белох (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 3. Abt. 1. S. 4. Anm. 1). Другие исследователи относили надпись к различным периодам. М. Фрэнкел относил ее к 408 г. до н. э. (Frankel M. Epigraphische Beiträge // RhM. 1902. Bd. 57. S. 537), тогда как Э. Хикс датировал ее «не ранее 416 г. до н. э.» (Hicks. N 43). Р. Мейтц и Д. Льюис в комментариях к надписи относили ее к 427 г. до н. э. — ко времени военных операций спартанского наварха Алкида в Ионии (ML, 67; в пользу этого мнения см. также: Loomis W. T. The Spartan War Fund: IG V 1, 1 and a New Fragment. / Historia. Einzelschriften, 74. Stuttgart, 1992), но это предположение маловероятно: Фукидид (III, 33, 1) говорит о поспешном отступлении, почти бегстве Алкида из Эфеса, сам же город вплоть до 412 г. до н. э. входил в Афинский морской союз. Наконец, некоторые современные исследователи более обоснованно возвращаются к прежней датировке документа временем Ионийской войны — 409/8 г. до н. э. (Blekmann B. Sparta und seine Freunde im Dekeleischen Krieg. Zur Datierung von IG V 1, 1 // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 297–308).

³⁷ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 93; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 81.

³⁸ Thompson W. E. Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus // Philologus. 1965. Bd. 109. Ht. 3–4. P. 294–297; Perme L. Des subsides à taux fixe ou/et à la proportionnelle. Thucydide VIII, 29 // RPh. 1980. T. 54. P. 114–121.

Другие статьи были вполне типичны для союзного договора. Среди них особо выделяется новая статья о взаимном ненападении: стороны не должны воевать друг с другом и обязуются решать все спорные дела по взаимному согласию (Thuc., VIII, 37, 3)³⁹. К этой же части соглашения относится условие, касающееся взаимоотношения Персии и городов, находящихся в договорных отношениях с персидским царем (τις τῶν πόλεων ὅπως ζυνέθεντο βασιλεῖ): ни один из этих городов не должен нападать на царские земли, а в случае, если это произойдет, другие города должны будут выступить на стороне царя. Подобным образом, если кто-либо из жителей царской земли (τις τῶν ἐν τῇ βασιλέως χώρᾳ) или подвластной царю земли (ὅσῃς βασιλεὺς ἄρχει) нападёт на территорию лакедемонян и их союзников, то персидский царь должен воевать на стороне Спарты (Thuc., VIII, 37, 5). Упоминание о царской земле и земле, подвластной царю, соответствует присутствующему ещё в первой статье договора Халкидея и воспроизведенному в договоре Феримена делению территории Азии на χώρᾳ и πόλεις. Труднее интерпретировать сведения договора о городах, находящихся в соглашении с царем.

Э. Эндрюз считает, что в тексте не могла идти речь о городах Балканской Греции, поскольку трудно представить, что какой-либо материковый греческий город — спартанский союзник — мог совершить нападение на царскую территорию. Наблюдение исследователя не лишено оснований. Греки Балканского полуострова, связанные со спартамцами, выступали равноправными участниками договоров Халкидея и Феримена: в преамбуле и в тексте самих соглашений постоянно фигурируют οἱ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ξύμμαχοι — официальное название Пелопоннесского союза (Thuc., VIII, 18, 1–3; 37, 1–5).

Следовательно, все условия, распространявшиеся на спартанцев, были обязательны и для их союзников, почему было бы неуместным упоминать последних отдельно. Э. Эндрюз справедливо считает, что договор Феримена говорил о малоазийских греческих городах, заключивших союз со Спартой либо до начала войны в Ионии, либо в первый месяц войны. Таким образом, упоминание городов, которые состояли в договорных отношениях с персидским царем Дарием II, разрешало дипломатический казус, когда одни и те же города могли одновременно считаться и спартанскими союзниками, и подданными Великого царя: это прежде всего может относиться к Эрифрам,

³⁹ Д. М. Льюис характеризует эту статью как “non-aggression clause” (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 94; ср.: Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 81).

Клазоменам, Милету (Thuc., VIII, 6, 4; 14, 4; 17, 3). Эти полисы Малой Азии могли иметь особый статус, определяемый отдельными договорами с царем. Необходимость такого пункта могла быть осознана после заключения договора Халкидея. По мнению Э. Эндрюза, существование таких соглашений должно объяснить, почему в договорах ничего не предусмотрено для защиты интересов союзных городов Азии, переданных Персии⁴⁰.

После заключения договора Феримена взаимоотношения спартанцев и Тиссаферна значительно осложняются. Последующее развитие переговорного процесса поставило эти отношения на грань полного разрыва, что иногда воспринимают как показатель того, что договоры Халкидея и Феримена не были ратифицированы в Спарте⁴¹. Ухудшение отношений с Тиссаферном, однако, не означало каких-либо существенных изменений в позиции спартанцев относительно союза с Персией. На горизонте спартанской политики появляется Фарнабаз, который начинает рассматриваться в Спарте в качестве альтернативы Тиссаферну. Некоторые исследователи справедливо видят причину пересмотра спартамцами своей прежней ориентации на Тиссаферна во внутривнутриполитических изменениях в Спарте: приход к власти новых эфоров, которые заменили Эндия и его коллег — сторонников активной спартанской политики в Ионии⁴². Донос гармоста Хиоса Педарита на наварха Астиоха послужил поводом для направления в Ионию комиссии из одиннадцати спартанских советников (ξύμβουλοι), которые отправились вместе с эскадрой в 27 кораблей под начальством Антисфена⁴³. По данным Фукидида, эта была та самая эскадра, которая была снаряжена для Фарнабаза по настоянию Каллигита из Мегары и Тимагора из Кизика после долгих переговоров и проволочек (Thuc., VIII, 39, 1). Предполагалось, что либо эти, либо какие-то другие корабли по усмотрению спартанских советников отправятся в район Геллеспонта под руководством Кле-

⁴⁰ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 80–81.

⁴¹ Печатникова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. С. 104; De Sanctis G. I trattati... P. 90, 93; Westlake H. D. Ionians in the Ionian War. P. 36; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 43.

⁴² Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 99; Falkner K. L. The Battle of Syme. P. 117f.

⁴³ «Их мандат, согласно Фукидиду, состоял в том, чтобы исследовать ситуацию на юге и решить, что является наилучшим для интересов Спарты, отправить войска любой численности, на их усмотрение, на север в район Геллеспонта, а также сместить Астиоха, наварха, со своего поста, если они посчитают это необходимым, так как они были недовольны тем, как он вел войну на Хиосе. Нет намека, что принципы союза с Тиссаферном ставились в то время под сомнение» (Falkner K. L. The Battle of Syme. P. 117f.).

арха, сына Рамфия. В Книде состоялись переговоры спартанцев и Тиссаферна (Thuc., VIII, 42, 1–5). Эти переговоры сразу приняли непростой для обеих сторон характер. По словам Фукидида (VIII, 43, 2), «спартанские советники вели переговоры с прибывшим туда Тиссаферном о предметах договоренности в тех ее частях, которые вызывают у них возражения, а также о том, как следует отныне в общих интересах вести войну». Обращает внимание тон спартанских заявлений — резкий и не способствующий успеху переговоров. Подверглись критике те положения, которые повторялись в обоих договорах и были особо важными для персидских интересов. Прежде всего это касалось статьи о правах царя, которую критиковал Лихас, сын Аркесилая⁴⁴, видный спартанский советник, член герусии. Он считал совершенно недопустимым, чтобы царь претендовал на все земли, которыми владеет он сам и некогда владели его предки: в противном же случае, как говорил Лихас, «все острова, Фессалия, Локрида, и вся территория Греции вплоть до Беотии будут вновь порабощены, и тогда, вместо свободы, лакедемоняне навяжут эллинам мидийское господство». Со своей стороны, он потребовал заключения других, лучших соглашений или отмены прежних (Thuc., VIII, 43, 3). Итак, на переговорах Лихас выступал против неопределенно сформулированной в договорах Халкидея и Феримена статьи о правах персидского царя. Эта критика, однако, не затрагивала подлинного содержания указанной статьи, которая подразумевала, что Дарию II принадлежат земли и греческие города, расположенные в Малой Азии: о них ни словом не сказано в речи Лихаса. Таким образом, следует думать, что спартанец выбрал для критики наиболее уязвимое с точки зрения формулировки положение в договорах с той целью, чтобы объявить оба соглашения недействительными. В то же время, спартанцы использовали этот случай, дабы снова показать себя поборниками эллинской свободы, особенно в отношениях с Персией. Подвергнув критике договоры, спартанцы прибегли также к политике дипломатического давления на Тиссаферна с целью побудить его более активно вести войну против Афин, не только по-прежнему снабжать пелопоннесцев жалованьем и съестными припасами, но и интенсивнее использовать в боевых операциях собственные военные силы. Возможно, именно на переговорах на Книде спартанские представители потребовали от Тиссаферна ввести в бой против афинян финикийский

⁴⁴ В тексте Фукидида Лихас предстает человеком, не лишенным дипломатического искусства. И действительно, этот спартиат имел уже некоторый опыт ведения переговоров после Никиевого мира и преуспел в тайной дипломатии (Thuc., V, 22, 2; 76, 3).

флот, отличавшийся многочисленностью и боевыми качествами (Thuc., VIII, 46, 1, 5). С другой стороны, в случае полного разрыва с Тиссаферном, лакедемоняне оставляли для себя возможность сотрудничества с Фарнабазом, к которой они вскоре и прибегли.

В начале 411 г. до н. э. переговоры на Книде были прерваны по инициативе самого Тиссаферна, который посчитал себя оскорбленным заявлениями спартанцев. После срыва переговоров сатрап прекратил и всякую помощь пелопоннесским войскам: в течение их пребывания на Родосе воины были лишены нормального содержания и вынуждены были реквизировать у родосцев сумму в 32 таланта серебром (Thuc., VIII, 44, 4).

* * *

После заметного ухудшения отношений со спартанцами в результате срыва переговоров на Книде Тиссаферн начал переговоры с Афинами. Между тем безуспешные переговоры персидского сатрапа с афинянами побудили его отправиться в Кавн и решиться на заключение нового, третьего, договора со Спартой, вероятно, на условиях, предложенных Лихасом во время встречи на Книде. С другой стороны, и спартанцы осознавали невозможность продолжения войны без финансовой поддержки Тиссаферна и сильного финикийского флота. Именно эти обстоятельства вынудили представителей Спарты добиваться заключения нового компромиссного соглашения, которое не только включало бы в себя элементы прежних договоров, но и содержало бы некоторые дополнительные условия, высказанные спартанцами в ходе переговоров с Тиссаферном на Книде.

Фукидид (VIII, 57, 1) объясняет мотивы, побудившие сатрапа согласовать новый договор. Так, в частности, по мнению историка, Тиссаферн не желал окончательного разрыва с пелопоннесцами; впредь он предпочитал исправно выплачивать им жалованье, поскольку опасался, что в случае сражения с афинянами спартанцы потерпят поражение или экипажи их кораблей дезертируют; больше же всего сатрап опасался, что, не получая своевременно содержания, воины спартанцев и их союзников займутся грабежом подвластных ему территорий Азии⁴⁵.

⁴⁵ О мотивации Тиссаферна см.: Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 103; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 5. P. 136–137; Levy E. *Le trois traite...* P. 224; Erbse H. *Die Reise des Satrapen nach Kaunos (zu Thuk. 8. 57–59)* // Wiener Studien. 1988. Bd. 101. S. 59–67.

5. Третий договор Спарты и Персии

Третий спартано-персидский договор был заключен весной 411 г. до н. э. Его текст также передает Фукидид (VIII, 58, 1–7): «В тринадцатом году царствования Дария, когда в Лакедемоне эфором был Алексиппид, на равнине Меандра заключен следующий договор между лакедемонянами и их союзниками, с одной стороны, и Тиссаферном, Гиераменом и сыновьями Фарнака — с другой, — о делах царя и лакедемонян и их союзников. Все царские владения в Азии остаются за царем, и царь может распоряжаться этими своими владениями как ему угодно. Лакедемоняне и их союзники не должны нападать на царские владения и причинять им какой-либо вред. Если же кто-либо из лакедемонян и их союзников нападет на царскую землю и причинит ей вред, то лакедемоняне и союзники должны воспрепятствовать этому. И если со стороны царя кто-либо нападет и причинит вред лакедемонянам и их союзникам, то царь должен воспрепятствовать этому. Тиссаферн должен доставлять содержание для имеющих в наличии кораблей лакедемонян согласно договору, вплоть до прибытия царского флота. По прибытии царского флота, лакедемоняне и их союзники могут либо сами содержать свои корабли, либо получать деньги на это от Тиссаферна. Если они захотят получать содержание от Тиссаферна, то по окончании войны лакедемоняне и союзники обязаны возратить все полученные ими деньги. По прибытии царского флота корабли лакедемонян и их союзников должны совместно с ним вести войну, сообразно с тем, как признают нужным Тиссаферн, лакедемоняне и их союзники. Если же они захотят установить мир с афинянами, то должны заключить его на одинаковых условиях» (перевод Г. А. Стратановского).

В отличие от двух предыдущих этот договор содержал официальную преамбулу. Она включает: датировку договора годом правления Дария II и эпонимного эфора в Спарте: *τρίτῳ καὶ δεκάτῳ ἔτει Δαρείου βασιλεύοντος, ἐφορεύοντος δὲ Ἀλεξιπίδα ἐν Λακεδαιμόνι*; указание на место заключения договора: *ἔσυνθηκαὶ ἐγένοντο ἐν Μαϊάνδρου πεδίῳ*. Фукидид говорит, что переговоры начались в Кавне, куда прибыл Тиссаферн из своей резиденции в Сардах (Thuc., VIII, 57, 1), а затем продолжились в Милете⁴⁶. Историк объясняет приезд Тиссаферна в Кавн намерением побудить пелопоннесцев возвратиться в Милет, чтобы там заключить с ними новый договор «на прием-

лемых для себя условиях» (Thuc., VIII, 57, 1). На основании данных эпиграфики известно, что хора Милета в некоторой своей части распространялась и на долину Меандра (Ditt. Syll³, 134 = Tod, II, 113), что соответствует указанию Фукидида о месте проведения переговоров.

В отличие от двух предыдущих третий договор был документом более частного характера. Он представлял собой соглашение с персидскими сатрапами, касающееся только вопросов совместного ведения войны. Договор не провозглашает больше *ἑυμῆχια* (как договор Халкидея) или *σπονδαὶ καὶ φιλία* (как договор Феримена). Он обозначается лишь *terminus technicus* *ἔσυνθηκαὶ*. По мнению Э. Леви, терминология этого договора не дает основания считать его каким-то образом более официальным, чем два предыдущих⁴⁷. Здесь с персидской стороны участником соглашения выступал уже не царь, а только его сатрапы — Тиссаферн, Гиерамен и дети Фарнака (*ἔσυνθηκαὶ... πρὸς Τισσαφέρην καὶ Ἱεραμένην καὶ τοὺς Φαρνάκου παῖδας*); сам же договор был заключен «о делах царя и лакедемонян и их союзников (*περὶ τῶν βασιλέως πραγμάτων καὶ Λακεδαιμονίων καὶ τῶν ἑυμῆχων*)».

Появление в тексте документа Тиссаферна представляется естественно оправданным, поскольку этот сатрап выступал посредником в переговорах, и кроме того был ответственным с персидской стороны за заключение договора и непосредственным исполнителем заявленных в его тексте условий. Но остается не вполне ясным, какую роль в подготовке и реализации соглашения играли Гиерамен и дети Фарнака. Из других источников известно, что Гиерамен являлся родственником царя Дария (он был женат на одной из дочерей царя, следовательно приходился ему зятем) (Xen., Hell., II, 1, 8–9) и в период Пелопоннесской войны находился в Малой Азии (см. ТАМ. 1, 44с, 11–12)⁴⁸. Однако трудно сказать, был ли Гиерамен личным представителем царя в Анатолии, царским секретарем⁴⁹ или же сатрапом, равным по положению Тиссаферну и Фарнабазу. В качестве «детей Фарнака» прежде всего следует назвать Фарнабаза, сатрапа Даскилия. Вероятно, в тексте договора сделана ссылка и на братьев Фарнабаза: один из них, Багей, сводный брат сатрапа, появ-

⁴⁷ Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 229.

⁴⁸ Ксенофонт рассказывает, что в 405 г. до н. э. Кир Младший, являясь сатрапом в Малой Азии, убил сыновей Гиерамена Автобесака и Митрея на том основании, что они не выставили свои руки из кор и, следовательно, не поприветствовали царевича надлежащим образом: этот поступок вызвал недовольство Дария (Xen., Hell., II, 1, 8–9).

⁴⁹ Печатнова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. С. 105.

⁴⁶ См.: Erbse H. Die Reise des Satrapen nach Kaunos. S. 59–67.

ляется в качестве предводителя персидской конницы Фарнабаз в период военных действий против Агесилая в 396 г. до н. э. (Хел., Hell., III, 4, 13). Можно предположить с большой долей вероятности, что братья Фарнабаз занимали должности наместников (ὑπαρχοι) в сатрапии Даскилии. Примечательно, что незадолго до заключения третьего спартано-персидского договора планировалась экспедиция спартанцев в район Геллеспонта, которая предусматривала сотрудничество с Фарнабазом (Thuc., VIII, 39, 1; 61–62). Это могло быть еще одной причиной того, что Фарнабаз также представлен в качестве участника соглашения⁵⁰. В то же время обращает на себя внимание, что Гиерамен и дети Фарнака упомянуты только в преамбуле договора; далее же текст документа касается лишь взаимодействия спартанцев и Тиссаферна. Это позволяет допустить, что, скорее всего, персидские чиновники были включены в текст не только в связи с необходимостью непосредственного военного сотрудничества между ними и спартанцами. Возможно, присутствие их имен в документе придавало большую значимость заключенному соглашению, поскольку Гиерамен и Фарнабаз могли выступать в качестве гарантов соблюдения договора в других частях Малой Азии (если считать Гиерамена сатрапом). Поэтому упоминание в договоре других влиятельных персов было сделано прежде всего в интересах спартанцев, которые тем самым хотели получить более выгодный для себя договор.

Договор, как и предыдущие два соглашения, начинается с заявлений прав персидского царя; однако теперь уже права царя распространяются только на Азию. Это особо оговаривается в тексте документа: все царские владения, которые находятся в Азии, принадлежат царю (χώραν τὴν βασιλέως, ὅση τῆς Ἀσίας ἐστί, βασιλέως εἶναι), и царь может распоряжаться этими владениями так, как он желает (καὶ περὶ τῆς χώρας τῆς αὐτοῦ βουλευέτω βασιλεὺς ὅπως βούλεται) (Thuc., VIII, 58, 2). Лакедемоняне обязались не нападать на владения персидского царя и препятствовать подобным действиям со стороны своих союзников. В свою очередь подобные обещания предоставил Дарий II в отношении территории лакедемонян и их союзников. Двусмысленность в договоре по-прежнему сохраняется. Несмотря на то что указанная статья договора сводила власть Дария II только к территории Азии, она уже больше не упоминала о правах царя

⁵⁰ Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi. P. 228. Неизвестно, действительно ли Фарнабаз прибыл в Милет, как это считает Л. Г. Печатнова (Печатнова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. С. 105).

повелевать городами. Конечно, это не означало отказа персидского монарха от притязаний на греческие города Малой Азии; очевидно, что власть над малоазийскими греческими городами, теперь прямо не заявленная в тексте документа, все же подразумевается. По мнению Э. Дж. М. Сент-Круа, признание спартанцами прав царя на территорию Азии означало и признание царских прав на малоазийские греческие города⁵¹. Но тогда уже спартанцы могли с полным основанием использовать в своих целях указанную формулировку статьи договора, предложив ей неоднозначное толкование. Например, Лихас объяснял гражданам Милета, что им, как и другим подданным персидского царя, надлежит подчиняться Тиссаферну и всячески угождать ему, но только до благополучного окончания войны (Thuc., VIII, 84, 4). Конечно, формулировки соглашения давали возможность для их последующей неоднозначной интерпретации, создавая тем самым зерно конфликта в будущем. Однако можно быть уверенным, что персидская сторона понимала эти условия соглашения весьма однозначно: как право на власть над греческими полисами Малой Азии.

Соглашение касалось также конкретного взаимодействия спартанцев и Тиссаферна в той части договора, которая следует после заявления прав царя.

Сатрап сделан ответственным за доставку содержания (τροφή) морякам пелопоннесского флота вплоть до прибытия царского флота, который, как предполагалось, должен был решительно изменить ход войны. При этом сделана ссылка на какие-то соглашения по этому вопросу (κατὰ τὰ συγχεόμενα), под которыми, вероятно, следует видеть договоренности по размеру оплаты, достигнутые в Милете осенью 412 г. до н. э.⁵². Договор предлагает два варианта финансирования пелопоннесской эскадры после прибытия царского флота: спартанцы либо сами должны были содержать свои корабли, либо получать на это средства от Тиссаферна. В последнем случае они обязывались возратить полученную ими сумму после окончания войны.

В заключительной части договора излагались планы в отношении ведения и окончания войны (Thuc., VIII, 58, 5–7).

Как показывает имеющийся материал, третий спартано-персидский договор, который наметил вполне конкретные пути взаимодействия спартанцев и персов в войне против Афин, не был реали-

⁵¹ Ste Croix E. G. M. The Origins of the Peloponnesian War. P. 155.

⁵² De Sanctis G. I trattati fra Sparta e la Persia. P. 92.

зован в полной мере. Большинство условий договора так и не было выполнено. С каждым днем увеличивалось недоверие между спартанцами и Тиссаферном, и уже к осени 411 г. до н. э. они оказались на грани нового разрыва отношений. Прежде всего, сатрап оказался не в состоянии обеспечить финансирование пелопоннесского флота без задержек и в полном объеме. Положение усугубляло и то, что, когда Тиссаферн отбыл в Аспенд с целью привести в Эгейское море обещанный финикийский флот, он поручил заботу о выплате жалования Тамосу, который, по словам Фукидида, оказался еще худшим плательщиком (Thuc., VIII, 87, 3). Таким образом важная статья спартано-персидского договора, предусматривающая оплату экипажам пелопоннессцев, перестала соблюдаться. Все же Фукидид возлагает основную вину за неполные и нерегулярные выплаты жалования гребцам на сатрапа Тиссаферна. В этом он соглашается со своими современниками, в первую очередь, с сиракузянином Гермократом, который немало потрудился в дискредитации Тиссаферна как в Спарте (Xen., Hell., I, 1, 31), так и в Ионии, настраивая против него воинов (Thuc., VIII, 29, 2; 45, 3; 85, 3–4). Но историк прав лишь отчасти. Персидскому сатрапу частые задержки в выплате жалования были также невыгодны, так как недостаток съестных припасов часто служил поводом для мародерства воинов (поскольку военные действия происходили у побережья Азии) (см: Thuc., VIII, 57.1).

Оксиринхский историк, например, считает виновным за финансовые проблемы самого персидского царя. Он пишет: «Стратеги платили воинам неаккуратно жалование, как всегда бывает, когда война ведется за (персидского) царя; так, и во время Декелейской войны (κατὰ τὸν Δεκελεικὸν πόλεμον), когда персы были союзниками лакедемонян, они выдавали деньги крайне скупо и неохотно, и много раз положение было таково, что оставалось лишь распустить союзный флот... Виновник такого положения — (персидский) царь (τούτων δὲ βασιλεὺς αὐτίος ἐστίν); когда он затевает войну, он только в самом начале препровождает военачальникам небольшую сумму денег и не заботится о том, что будет дальше. Поэтому иногда лица, которым поручено руководство делами, не имея возможности вести расходы за собственный счет, вынуждены распустить боевые силы. Таково обычное положение вещей» (перевод С. Я. Лурье) (Hell. Оху., XXII, 2).

Характеристика оксиринхского историка отражает взгляд на проблему финансовой помощи Персии грекам, которые были распространены в первой половине IV в. до н. э., когда значительные гре-

ческие контингенты служили в качестве наемников у персов. Речь в приведенном отрывке идет о заключительной стадии Пелопоннесской войны; по нему можно судить о реальном положении дел. После заключения договора Халкидея осенью 412 г. до н. э. Тиссаферн, выплатив жалование морякам в одну аттическую драхму в день на человека, впредь обещал платить ровно половину — три обола, пока не получит согласия царя⁵³. Фукидид дважды касается вопроса о понижении Тиссаферном жалования морякам пелопоннесского флота: один раз — при изложении обстоятельств переговоров в Милете, и повторно — в том разделе, где говорит о бегстве Алкивиада из спартанского лагеря к Тиссаферну. По мнению историка, в первом случае решение Тиссаферна вызвало резкое сопротивление военачальников, присутствовавших на переговорах от имени спартанцев и их союзников. Поэтому Тиссаферн обязался платить каждому гребцу чуть больше трех оболов. В другом месте Фукидид также рассказывает об этом понижении жалования, однако отмечает здесь решающую роль Алкивиада. Этот афинский политик в изгнании, преследуя собственные политические цели, убеждал сатрапа к понижению оплаты, ссылаясь на афинский опыт, и подкупом склонял спартанских триерархов принять установленный размер жалования (Thuc., VIII, 45, 6). Спартанцы в такой ситуации вынуждены были согласиться на указанную меру, опасаясь в будущем лишиться персидской поддержки.

Причины понижения оплаты морякам не находят адекватного отражения в источниках⁵⁴. Опять же, согласно Фукидиду, сам Тиссаферн объяснял свои действия предписанием персидского царя (Thuc., VIII, 29, 2), которое он мог получить уже вскоре после заключения договора Халкидея вместе с реакцией царя на присланный ему текст договора. Не исключено, по-видимому, и то, что Тиссаферн своим решением понизил содержание морякам, так как от царя вовремя не поступили обещанные средства. Дальнейшие пассажи Фукидида показывают, что сатрап, лишенный денег, вынужден был вести войну за свой счет, как это становится известно со слов Алкивиада (τοῖς ἰδίοις χρήμασι πολεμοῦντα) (Thuc., VIII, 45, 6). Итак, указанные примеры свидетельствуют о том, что Тиссаферн понизил оплату если не по прямому решению царя, то под влиянием известий из Суз.

⁵³ См.: Thompson W. E. Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus. P. 294–297.

⁵⁴ Варианты поведения Тиссаферна см.: Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 92; Westlake H. D. Tissaphernes in Thucydides. P. 48.

Следующим камнем преткновения выступил вопрос о финикийском флоте, который Тиссаферн предполагал задействовать в борьбе с афинянами (Thuc., VIII, 46, 1, 5). Финикийский флот не состоял в прямом подчинении сатрапов, им распоряжался персидский царь лично (поэтому в тексте договора финикийские корабли названы «кораблями царя» — *αἱ νῆες αἱ βασιλέως, αἱ βασιλέως νῆες*, — Thuc. VIII, 58, 4–7). Однако забота о доставке и использовании флота на нужды войны была поручена царем Тиссаферну, который, как сообщает Фукидид, стал готовиться к тому, чтобы привести этот флот в Эгейское море. Именно с этой целью после согласования договора сатрап отправился в Аспенд. Фукидид выражает уверенность, что финикийская эскадра достигла Аспенда, греческого города в Памфилии на реке Эвримедонте (Thuc., VIII, 81, 3; 87, 1–6; 88). Там с финикийским флотом встретился Тиссаферн (Thuc., VIII, 87, 6). Кроме этого, античный историк осведомлен также и о численности эскадры, которая насчитывала всего 147 кораблей (Thuc., VIII, 87, 3). Согласно Плутарху, флот состоял из 150 судов, но здесь писатель следует Фукидиду (Plut., Alc., 25). В оценке численности эскадры другой точки зрения придерживается Диодор, который сообщает, что финикийский флот включал в себя 300 триер (Diod., XIII, 36, 5; 37, 4; 38, 4; 41, 4; 42, 4; 46, 6). В то же время приведенная Диодором цифра — не реальная численность кораблей, а та, которую царь приказал собрать Тиссаферну⁵⁵. Особую позицию в определении численности кораблей занимает оратор Исократ (XVI, 18), который сообщает о том, что из Финикии в Аспенд прибыли только 90 кораблей. Наибольшее доверие, разумеется, вызывают сведения Фукидида. Историк имел достаточно способов получить точную информацию о движении эскадры: в Аспенд отправился лакедемонянин Филипп с двумя триерами, имевший поручение привести финикийскую эскадру (Thuc., VIII, 87, 6). Кроме того, недалеко от Аспенда, в Фаселиде, находился в то время некий спартанец Гиппократ, который также мог сообщить о прибытии флота в район Памфилии и о его численности (Thuc., VIII, 99, 1). Сам Тиссаферн, отправившийся в Аспенд, попросил, чтобы его сопровождал спартиат Лихас (Thuc., VIII, 87, 1). В направлении Аспенда отплыл также с 12 триерами

⁵⁵ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 291. 300 кораблей — обычная численность финикийской эскадры, собираемой персами в разные времена по приказанию царя (Hdt., VII, 89, 1; Diod., XII, 3, 2; Xen., Hell., III, 4, 1). В целом наблюдается тенденция к снижению реальной численности персидского флота с 600 кораблей, которые персы собирали в начале V в. до н. э. (Hdt., VI, 9, 1; Phanodem. FGHist, 325, F. 22), до 300 кораблей.

Алкивиад, который незадолго до этого покинул расположение спартанского флота и, замыслив вернуться на родину в Афины, взял на себя миссию примирителя афинян и Тиссаферна. Он отправился вслед за сатрапом из Самоса с намерением убедить его привести финикийцев на помощь афинянам (Thuc., VIII, 88).

Однако финикийская эскадра, несмотря на все ожидания, так и не была введена в бой. Почему финикийцы не участвовали в боевых действиях античные авторы и современные историки однозначно не объясняют. Фукидид не обладал точной информацией на этот счет и предлагал своему читателю несколько возможных объяснений, приведенных им со слов очевидцев, которые предпочитали возложить ответственность на Тиссаферна. Так, по одной из наиболее популярных версий развития событий, Тиссаферн преднамеренно медлил с введением финикийского флота в бой, поскольку настойчиво следовал политике уравнивания сил в Греции, не допуская возникновения решительного перевеса ни у одной из воюющих греческих держав (Афин или Спарты). Того же мнения придерживается сам Фукидид, который отмечает: «По-моему, впрочем, вернее всего, Тиссаферн не привел финикийской эскадры, чтобы затяжками и помехами обессилить эллинов. Его цель была — нанести вред обеим сторонам, он отправился в Аспенд и тратил время там, чтобы привести к бездействию, а вовсе не усилить одного из противников, вступив с ним в союз. Действительно, Тиссаферн мог бы при желании окончить войну, если бы он решительно пришел на помощь одной из сторон. Ведь, приведя лакедемонянам финикийскую эскадру, Тиссаферн, конечно, обеспечил бы им победу, так как в тот момент лакедемоняне если и не уступали, то по крайней мере были равны по силам афинянам» (Thuc., VIII, 87, 4).

Фукидид приводит и другие объяснения того обстоятельства, почему Тиссаферн не привел свою эскадру на помощь спартамцам. По одному из них, сами спартанцы считали, что сатрап несет вину за невыполнение одной из наиболее важных статей третьего договора, так как он умышленно проводил политику ослабления пелопоннесцев (Thuc., VIII, 87, 3). Другое объяснение — Тиссаферн привел эскадру в Аспенд только для того, чтобы вымогать у экипажей деньги за отпуск домой, а в действительности он не собирался использовать ее в боевых действиях. Третье мнение — Тиссаферн отправился за эскадрой, чтобы оправдаться в глазах пелопоннесцев, так как жалобы на его бездействие уже достигли Спарты. Сам Тиссаферн, согласно Фукидиду, выставил в свое оправдание тот довод, что он собрал меньше кораблей, чем повелел персидский царь (Thuc.,

VIII, 87, 5). Очевидно этот довод не мог быть оспорен кем-либо, поскольку он соответствовал истине. Но трудно думать, что последнее обстоятельство могло послужить реальным препятствием для использования флота в боевых действиях на стороне спартанцев.

Свое место в этих предположениях, представлявших собой мнения современников, отводится интригам Алкивиада. По мнению Фукидида, Алкивиаду заранее было известно намерение Тиссаферна не приводить эскадру (Thuc., VIII, 88). Более определенно о роли Алкивиада в этих событиях говорят Исократ (XVI, 20) и Диодор (XIII, 37, 4; 38, 5), согласно которым политик, действуя в интересах афинян, убедил сатрапа отправить финикийский флот назад. Кроме того, Диодор также заявляет, что Тиссаферн в качестве оправдания своим действиям перед спартанцами выставил тот довод, что цари арабов и египтян строили козни в отношении Финикии, и это обстоятельство потребовало возвращения эскадры из Памфилии (Diod., XIII, 46, 6).

Несмотря на известную определенность в свидетельствах источников о прибытии флота в Аспенд и о его численности, некоторые современные исследователи неправомерно подвергают сомнению реальность существования финикийской эскадры, считая, что сама эскадра была мифом, изобретенным Тиссаферном с целью оправдаться перед спартанцами за свое бездействие⁵⁶. Как считают эти историки, само содержание флота требовало бы значительных расходов царя (но известно, что ощущался недостаток денежных средств, выделенных царем на военные нужды), и Тиссаферн не мог рисковать флотом, чтобы в случае поражения лишиться его. Дж. Кук по этому поводу даже говорит: «Финикийский флот, мобилизованный и приведенный к самому Аспенду, был призракным флотом, но уверениям Тиссаферна, что он реально существует, верили»⁵⁷.

Другие исследователи уверены в реальности существования эскадры, но по-разному объясняют причины, обусловившие неучастие финикийского флота в боевых действиях. Д. Льюис выступал в пользу аутентичности сообщения Диодора о том, что причиной ухода финикийского флота было восстание в Египте⁵⁸. Косвенное свидетельство о нелояльности, которую египтяне в это время проявляли

⁵⁶ Maele S. van de. Le livre VIII de Thucydide et la politique de Sparte en Asie Mineure (412–411 av J.C.) // Phoenix. 1971. Vol. 35. № 1. P. 47.

⁵⁷ Cook J. M. The Persian Empire. P. 209.

⁵⁸ Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 BC. P. 395.

к Персии, содержится у Фукидида — это упоминание о движении египетских хлебных караванов морем в Афины⁵⁹; спартанцы стремились перехватить их в районе Книда, у мыса Триопия (Thuc., VIII, 35, 2). Английский исследователь доказывал реальность восстания в Египте на основании данных источников восточного происхождения. В частности, он привлекает сообщения двух арамейских документов о захвате египетскими жрецами во взаимодействии с военными отрядами египтян храма бога Яхве на Элефантине в 410 г. до н. э. (Cowley. № 27, 30), а также недатированной переписки сатрапа Египта Аршама⁶⁰ с управляющими своих имений в Египте во время его пребывания в одной из царских столиц (AD V, VII, VIII). Следуя мнению Д. Льюиса, можно допустить, что положение требовало присутствия финикийского флота вблизи других регионов Персидской державы, которые вызывали значительно большее беспокойство царя, нежели война Спарты и Афин. Это объяснение развития событий принимают большинство исследователей, считающих, что Тиссаферн должен был увести эскадру из Аспенда по приказу персидского царя⁶¹. Конечно, восстание в Египте могло помешать финикийскому флоту прибыть в Эгейское море и участвовать в военных действиях спартанцев против Афин.

⁵⁹ По мнению П. Бриана, на основании данного сообщения Фукидида трудно заключить, что некий египетский династ принял сторону афинян против персов (Briant P. Histoire de l'Empire perse. P. 614). Правда, в другие периоды Египет посылал хлеб противникам Персии, что определенно было связано с его антиперсидской политикой: отправка в Афины в 445/4 г. до н. э. Псамметихом около 30 тыс. медимнов зерна (Philoch. FGrHist., 328, F. 130), поставка в 396 г. до н. э. Неферитом 500 тыс. медимнов Спарте, которая вела войну с Персией, по условиям военного союза (Diod., XIV, 79, 4; Iust., VI, 2, 11; Oros., Hist., III, 8).

⁶⁰ Ктесий называет его Арксаном, сатрапом Египта, и говорит о том, что он восстал против Секудиана в 425 г. до н. э. и совместно с начальником конницы Арбарием и евнухом из Армении Артоксаром поддержал Дария II (Ctesias FgrHist., 688, F. 15, 47). Трудно сказать, можно ли считать, что это Арксан и упомянутый тем же Ктесием Сарсам, назначенный сатрапом Египта после подавления восстания Инара в 454 г. до н. э., одно лицо. Арамейские документы из Элефантины упоминают Аршама, который занимал должность сатрапа Египта в период с 37-го года Артаксеркса I (428 г. до н. э.) по 17-й год Дария II (407 г. до н. э.), но предполагается, что он управлял сатрапией до 403 г. до н. э.

⁶¹ Э. Эндрюз (Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 290) следует в интерпретации событий Д. Льюиса. См. также: Tuplin C. J. The Treaty of Boiotios // Achaemenid History / Ed. by Heleen Sancisi-Weerdenburg and Amelie Kuhrt. Leiden, 1987. Vol. 2. P. 140; Krentz P. Athenian Politics and Strategy after Kyzikos // CJ. 1989. Vol. 84. № 3. P. 212; Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt and the Date for the Battle of Citium // Phoenix. 1991. Vol. 45. № 1. P. 5.

Предложенная взаимосвязь возвращения финикийского флота и восстания в Египте а также, возможно, угрозы со стороны арабов (если принимать дословно сообщение Диодора) представляется наилучшим из всех прочих объяснений событий⁶². Это объяснение все же не исключает и других версий произошедшего, предложенных как самим Фукидидом, так и современными исследователями. К числу последних можно отнести предположение Д. Латеинера о том, что Тиссаферн не привел финикийский флот на помощь спартанцам, так как опасался поражения или серьезных военных потерь, зная о низких боевых качествах финикийской эскадры. И хотя такие опасения, конечно, могли тревожить Тиссаферна, все же трудно согласиться с мнением о низкой боеспособности финикийцев, которые составляли ядро персидского флота и использовались во всех кампаниях⁶³.

* * *

После ухода финикийского флота из Аспенда отношения спартанцев и Тиссаферна снова осложняются. Еще больше этому способствовали действия сатрапа, направленные на сближение с Афинами. Недовольство спартанцев Тиссаферном усиливалось тем, что он, по их мнению, умышленно затягивал войну. Летом 411 г. до н. э. произошли волнения экипажей пелопоннесского флота в Милете (Thuc., VIII, 78, 1–2; 83, 1–3; 84, 1–4). Моряки собирались на сходки и бурно выражали свое недовольство существующим положением дел. Они обвиняли своего наварха Астиоха, который едва смог избежать расправы, найдя спасение у алтаря (Thuc., VIII, 84, 2). Но главным нападкам подвергался Тиссаферн, которому был брошен упрек в несоблюдении условий соглашения: он выплачивает содержание нерегулярно и не пол-

⁶² Что касается угрозы персам со стороны царя арабов, то ее также нельзя исключить. Во время Кипрской войны 390–380 гг. царь аравийцев проводил антиперсидскую политику, оказывая помощь Эвагору (Diod., XV, 2, 4).

⁶³ Lateiner D. Tissaphernes and the Phoenician Fleet (Thucydides, 8. 87) // TAPA. 1976. Vol. 106. P. 279–290. Д. Латеинер подвергает сомнению связь возвращения финикийского флота и восстания в Египте по нескольким причинам. Он считает, что размеры египетского восстания остаются неясными; кроме того, флот вернулся в Финикию, а не в Египет, и нет информации о дальнейших его передвижениях; наконец, Диодор представляет события как оправдание Тиссаферна, а Фукидид не мог ничего не знать о восстании. Однако эти аргументы несут также характер предположений. Точно так же выглядят приводимые Д. Латеинером доказательства слабости финикийского флота, которые выводятся историком из факта военных поражений финикийцев в столкновениях с греками.

ностью (τροφὴν ὅτι οὐ ξυνεχῶς, οὐδ' ἐντελῇ διδούς), не доставляет обещанные корабли (τὰς τε ναῦς αὐτάς οὐ κομίζειν) и тем самым наносит вред спартанскому флоту (κακοῖ τὸ ναυτικόν) (Thuc., VIII, 78, 2). Постепенно обстановка накаляется. Недовольство Тиссаферном быстро перерастает в ненависть к нему.

Волнения на пелопоннесском флоте привели к антиперсидским выступлениям в некоторых городах Ионии. Прежде всего произошло восстание в Милете, где в то время находилась пелопоннесская эскадра. По свидетельству Фукидида, недовольные Тиссаферном милетяне внезапно напали на построенное им укрепление в городе, завладели им и изгнали оттуда персидский гарнизон (Thuc., VIII, 84, 4). Этот поступок был одобрен почти всеми спартанцами, за исключением спартиата Лихаса, который, убеждая повиноваться персам, несомненно понимал значительную зависимость Спарты от персидской финансовой помощи. Кроме Милета, выступления произошли в Антандре и Книде (Thuc., VIII, 108, 3–5; 109). В Антандре антиперсидские действия были спровоцированы персидским наместником Арсаком, и из города был изгнан персидский гарнизон; Диодор отмечает, что спартанцы оказали содействие горожанам (Diod., XIII, 42, 4). Известные факты не дают основания согласиться с мнением Г. Уэстлейка о том, что антиперсидские выступления в некоторых городах Ионии были следствием крайне сурового обхождения с греками со стороны Тиссаферна, поскольку сам сатрап нигде не присутствовал во время этих событий⁶⁴. Очевидно, причины враждебных действий против персов в некоторых городах Малой Азии следует видеть в глубоком разладе, в котором оказались спартанцы и Тиссаферн к лету 411 г. до н. э. Мы не имеем оснований говорить о том, что изгнание персидских гарнизонов из некоторых городов Ионии было вызвано сопротивлением ионийских греков укреплению персидского контроля над этими полисами, предусмотренного договорами Спарты и Персии⁶⁵. До тех пор, пока спартанские гарни-

⁶⁴ См. замечания Г. Уэстлейка о «почти фанатической ненависти» и вражде Тиссаферна к грекам (Westlake H. D. The Decline and Fall of Tissaphernes. P. 278); ср.: «Тиссаферн обращался с ненавидимыми им азиатскими греками как угнетатель» (Idem. Tissaphernes in Thucydides. P. 52); «существуют в обилии свидетельства (sic! — Э. Р.), что Тиссаферн ненавидел греков и с радостью использовал любые возможности подавить их или унижить их достоинство» (Idem. Spartan Intervention in Asia. P. 407). Эти выводы сделаны с учетом утверждения Плутарха о ненависти Тиссаферна к грекам (Idem. Ionians in the Ionian War. P. 38–39).

⁶⁵ Такое мнение высказывала М. А. Кондратюк (Кондратюк М. А. Архэ и афинская демократия. С. 340).

зоны присутствовали в греческих городах Малой Азии, персидские чиновники, очевидно, имели мало шансов рассчитывать на полное восстановление своего контроля на ними (хотя сатрапы наверняка считали эти города входящими в состав своих владений и даже открыто демонстрировали это). Реальная угроза подчинения малоазийских греков Персии возникла только с окончанием Пелопоннесской войны, когда спартанцы покинули Малую Азию.

Вскоре о политике Тиссаферна и восстаниях в Ионии стало известно в Спарте. Спартанским властям об этом сообщили Астиох, послы милетян и Гермократ, которые отправились в Спарту после приезда на флот нового наварха Миндара. Они намеревались подвергнуть критике действия сатрапа. В свою очередь, Тиссаферн, узнав об этом посольстве, отправил в Спарту двуязычного (*διγλωσσος*) карийца Гавлита, рассчитывая снять обвинения и принести жалобу на захват своего укрепления в Милете (Thuc., VIII, 85, 1–2). Об итогах переговоров в Спарте Фукидид ничего не сообщает. Однако его дополняет Ксенофонт, который говорит, что Гермократ произнес обвинительную речь против Тиссаферна, и спартанцы поверили, что он говорит правду. Его слова подтвердил и прежний наварх Астиох (Xen., Hell., I, 1, 31)⁶⁶. Реакция спартанцев была мгновенной: новый наварх Миндар получил приказ покинуть Милет со всем своим флотом, насчитывающим 73 корабля, и взять курс в направлении Геллеспонта, куда его пригласил Фарнабаз, желающий наладить сотрудничество с лакедемонянами (Thuc. VIII, 99, 1–2).

Нам доподлинно неизвестно решение спартанцев, касающееся судьбы третьего спартано-персидского договора. Но, по справедливому предположению Д. Льюиса, так как Тиссаферн не выполнял условий договоренности, спартанцы впредь могли считать себя свободными от обязательств перед этим сатрапом⁶⁷. В свою очередь, они начинают активно добиваться заключения еще одного договора с Персией, предпочитая обратиться непосредственно к царю и не желая больше прибегать к посредническим услугам сатрапов. Возможно, новые спартанские посольства, отправлявшиеся теперь в Вавилон или Сузы, рассчитывали также добиться от царя и заме-

⁶⁶ Возможно, милетское посольство в Спарту вновь дало повод для дискуссии о положении малоазийских греков и могло способствовать изменению мнения спартанцев по одному из важных вопросов, затронутых спартано-персидскими договорами 412–411 гг. до н. э. (Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 111–112). Однако это остается только гипотезой, не находящей подтверждения в источниках. По мнению Д. Льюиса, после переговоров в Спарте 411 г. до н. э. третий договор потерял большую часть своей значимости.

⁶⁷ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 113.

ны Тиссаферна на посту главнокомандующего персидскими войсками в Малой Азии более удобным для себя персидским военачальником.

После разрыва отношений спартанцев с Тиссаферном боевые действия против афинян перемещаются в район Геллеспонта и Пропонтиды, где спартанцы плодотворно взаимодействуют с Фарнабазом и пытаются перекрыть проливы и лишить Афины подвоза боспорского хлеба.

Еще весной 411 г. до н. э. передовой спартанский отряд, возглавляемый Деркилидом, прибыл по суше вдоль побережья в район Геллеспонта. Он имел задачу установить непосредственные контакты с даскилейским сатрапом и добиться отложения от Афин некоторых городов области (Thuc., VIII, 61, 1). Первый опыт военного сотрудничества спартанцев и Фарнабаза был успешным: Деркилид и Фарнабаз смогли поднять восстание против афинян в Абидосе и Лампсаке. Летом того же года спартанцы послали к Фарнабазу Кларха, сына Рамфия, с эскадрой из 40 кораблей (Thuc., VIII, 80, 2). Наконец, в район Геллеспонта прибывает и Миндар с основным флотом.

После ухода пелопоннесского флота из Ионии Тиссаферн предпринимает безуспешные попытки нормализовать отношения со спартанцами (Thuc., VIII, 109), поскольку теперь он уже вынужден самостоятельно защищать сатрапию от нападения афинян. Правда, в некоторых наиболее важных городах Ионии продолжали находиться спартанские гарнизоны во главе с гармостами (присутствие спартанского гарнизона в Эфесе: Hell. Оху., I, 1), которые должны были обеспечивать верность городов Спарте.

6. Возобновление афино-персидских контактов

Уже первый существенный кризис в отношениях спартанцев и Тиссаферна после провала переговоров на Книде зимой 411 г. до н. э. привел к активизации афинской политики, направленной на нормализацию отношений с Персией. В возникшей ситуации немаловажное значение приобретали личные связи Алкивиада с Тиссаферном⁶⁸.

⁶⁸ О значимости личных связей между Алкивиадом и Тиссаферном см.: Bloedow E. *Alcibiades Reexamined*. P. 33ff; Mitchell L. G. *Greeks Bearing Gifts*. P. 116–117; Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // АМА. 2002. Вып. 11. С. 11.

Как уже упоминалось, афинский политик в изгнании был одним из тех, кто побуждал спартанцев решиться на «освобождение» Ионии зимой 413/12 г. до н. э. С началом войны в Малой Азии он постоянно находился при флоте пелопоннесцев. До осени 412 г. до н. э. Алкивиад стоял за кулисами переговорного процесса, и мы не можем сказать что-либо о его конкретных действиях на стороне Спарты⁶⁹. Однако в ноябре 412 года он покидает спартанский лагерь и перебирается к Тиссаферну. Находясь при дворе этого сатрапа в Сардах, он приобретает его благосклонность и становится доверенным советником по вопросам взаимоотношений с греками (Thuc., VIII, 45, 1; Plut. Alc., 24). Обычно исследователи считают, что причиной того, что Алкивиад потерял доверие спартанских властей (так же как в случае с изменением позиции к Тиссаферну) были внутрисполитические изменения в Спарте: вступление в должность новых эфоров, тесно связанных с царем Агисом II, личным врагом Алкивиада⁷⁰. Фукидид сообщает, что в результате какой-то интриги в Спарте наварх Астиох получил приказ расправиться с Алкивиадом (Thuc., VIII, 45, 1). Сам историк высоко оценивает влияние Алкивиада на персидского сатрапа, считая, что он первым предложил Тиссаферну не оказывать решительной помощи афинянам и спартанцам, а истощать обе стороны (τρίβειν... πρῶτον ἀμφοτέρους: Thuc., VIII, 46, 4; τρίβειν ἀμφοτέρους: Thuc., VIII, 56, 2) и поддерживать равновесие среди эллинов (ἔχειν δ' ἀμφοτέρους ἕαν δίχα τὴν ἀρχήν: Thuc., VIII, 46, 1; ἐπανισοῦν τοὺς Ἕλληνας πρὸς ἀλλήλους: Thuc., VIII, 57, 2). Этой политике Тиссаферн следовал на протяжении всей своей деятельности в качестве сатрапа Сард. Подобным же образом политику Персии оценивает Ксенофонт (Hell., I, 5, 9), излагая совет об отношениях с греками, который Тиссаферн давал Киру Младшему в 407 г. до н. э.: «Следить за тем, чтобы из эллинов никто не был сильным, но все были слабыми и находились в распрях друг с другом» (σκοπεῖν ὅπως τῶν Ἑλλήνων μὴδὲ ὅτινες ἰσχυροὶ εἰσιν, ἀλλὰ πάντες ἀσθενεῖς, αὐτοὶ ἐν αὐτοῖς στασιάζοντες) (причем Ксенофонт, как и Фукидид, также возлагает ответственность за такую политику на Алкивиада, употребляя оборот πεισθεὶς ὑπ' Ἀλκιβιάδου). Подобные же соображения о роли Персии в делах Эллады (правда, без прямой ассоциации с Алкивиадом) можно найти у Исократы (IV, 134, 138–139)

⁶⁹ Т. Айдонис предполагает, что Алкивиад в последний раз действовал в интересах Спарты только в сражении при Милете осенью 412 г. до н. э. (*Aidonis T. Tissaphernes' Dealings with the Greeks. P. 91–92*).

⁷⁰ О внутрисполитической ситуации в Спарте: *Bloedow E. Alcibiades... P. 31*.

и Демосфена (X, 51). Таким образом, политика Персии в отношении греков, принятая еще в период Греко-персидских войн, теперь в полной мере была осознана современниками.

Но вернемся к отношениям Алкивиада с Тиссаферном. Афинянин убедил сатрапа в том, что спартанцы представляли скрытую угрозу для персов: они, освобождая греческие города от афинской власти, могут освободить их и от власти Персии (Thuc., VIII, 46, 3; 52, 1–2). Наиболее важным мотивом поведения Алкивиада, склонявшего Тиссаферна к переговорам с афинянами и заключению с ними союзного договора, было его стремление вернуться на родину (Thuc., VIII, 47, 1). Алкивиад должен был дальновидно учитывать настроения, сложившиеся в афинском обществе в тот период: безусловно, афиняне видели, какие преимущества (прежде всего материального характера) извлекают спартанцы из союза с персидским царем. В то же время сами афиняне с началом Декелейской войны оказались в весьма затруднительном финансовом положении и решились даже на то, чтобы начать использовать на военные нужды тысячу талантов, которые представляли собой резервный денежный фонд (Thuc., VIII, 15, 1). Поэтому афинские политики были заинтересованы в новом урегулировании взаимоотношений с Персией.

Возобновлению афино-персидских взаимоотношений в 411 г. до н. э. предшествовало установление тесных отношений между Алкивиадом и сторонниками олигархии в Афинах, которые, в свою очередь, по свидетельству Фукидида и Аристотеля, рассчитывали убедить своих сограждан в необходимости изменения политического строя, описывая перспективы заключения союза с Персией (они доказывали, что персы согласятся на союз с афинянами более охотно, если в Афинах будет олигархический строй) (Thuc., VIII, 53, 3; Arist., Ath. pol., 29, 1). В таких условиях вопрос о союзе с персидским царем первоначально обсуждался экклесией, собранной по случаю отчета прибывших с Самоса афинских послов во главе с Писандром в январе 411 г. до н. э., а затем уже было принято решение снарядить посольство для переговоров с Тиссаферном (Thuc., VIII, 53, 1–3; 54, 2). В феврале 411 г. до н. э. десять афинских послов, возглавляемых Писандром, прибыли в Малую Азию для ведения переговоров с Тиссаферном о заключении соглашения (περὶ τῆς ὁμολογίας) (Thuc., VIII, 56, 1). Переговоры были устроены Алкивиадом, проживавшим в то время в Сардах⁷¹. Однако они завершились провалом, ответс-

⁷¹ Фукидид не называет места переговоров, но исследователи полагают, что это была Магнесия-на-Меандре, так как в этом городе незадолго до того пребывал Тиссаферн

твенным за который Фукидид необоснованно считает Алкивиада: афинский политик якобы не был полностью уверен в их успехе и поэтому сознательно решил спровоцировать провал переговоров, но, чтобы не дискредитировать свои усилия в глазах афинян, вознамерился выставить причиной их провала требования Тиссаферна, заведомо неприемлемые для афинян.

Однако А. Вудхед продемонстрировал, что не в интересах Алкивиада было выдвигать своим соотечественникам-афинянам непомерные требования и что инициатива должна была исходить от Тиссаферна⁷². По мнению исследователя, неудачное завершение переговоров не отвечало намерениям Алкивиада заслужить доверие афинского народа и вернуться на родину.

Тем не менее едва ли можно принять мнение А. Вудхеда о том, что Тиссаферн занял предельно жесткую позицию на переговорах потому, что не желал возвращения Алкивиада в Афины и вообще не хотел помогать афинянам. Скорее следует допустить, что действия сатрапа были вынужденными. Тиссаферн в связи с переговорами оказывался в довольно сложном положении: с одной стороны, его побуждал к союзу с афинянами Алкивиад, и механизм переговоров уже был запущен, а с другой — персидский сатрап не был уверен в одобрении царем этих переговоров и возможного соглашения, поскольку знал, что Дарий был настроен на продолжение войны с Афинами.

Ход переговоров показывает, что афинские послы готовы были согласиться на наиболее важные персидские требования, которыми, однако, Тиссаферн не стал ограничиваться. Вероятно, именно Тиссаферн, а не Алкивиад рассчитывал либо добиться провала переговоров, либо же обеспечить принятие афинянами таких персидских условий, которые превзошли бы самые лучшие ожидания и оправдали бы действия сатрапа в глазах персидского царя. Так, по сведениям Фукидида, сатрап потребовал от Афин отдать персам всю Ионию и все прилегающие к ней острова и «многое другое», причем на это афинские послы не стали возражать. Но когда на третьей встрече с послами речь зашла о том, чтобы персидский царь имел право строить корабли и плавать вдоль своей земли там, где он желает, и с каким угодно количеством кораблей, послы прервали переговоры и отбыли назад в Афины (Thuc., VIII, 56, 4). Последнее

(Thuc., VIII, 50, 3): Maele S. van de. Le livre VIII de Thucydide... P. 46; Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 5. P. 132). Не исключена возможность, что переговоры велись в Сардах — резиденции Тиссаферна.

⁷² Woodhead A. G. Peisander // AJPh. 1954. Vol. 75. № 2. P. 143.

требование могло означать, таким образом, пересмотр условий Каллиева мира, в том их пункте, который запрещал персидским военным кораблям плавать между Кианеями и Хелидонами.

Переговоры не удались, однако Алкивиад не оставлял своих попыток укрепить отношения Афин и Персии; правда, забегая вперед, можно отметить, что все они в итоге оказались безуспешными. Решающее слово оставалось за персидским царем, который не желал менять своей враждебной позиции к афинянам и отказываться от поддержки Спарты (в то время как сатрапы были более подвержены колебаниям). Летом 411 г. до н. э. Алкивиад заявлял, как оказалось, весьма поспешно, что благодаря его усилиям Тиссаферн стал еще большим другом афинянам, чем был прежде (Thuc., VIII, 108, 1). Однако зимой 410 г. Алкивиад, посетив сатрапа в районе Геллеспонта с дарами гостеприимства (очевидно, намереваясь скрепить свои отношения с сатрапом личной ксенией и еще раз попытаться склонить его к союзу с Афинами), был заключен под стражу в Сардах (Xen., Hell., I, 1, 9; Plut. Alc. 27). По сведениям Ксенофонта, Тиссаферн мотивировал арест Алкивиада тем обстоятельством, что царь повелевал воевать с афинянами (Xen., Hell., I, 1, 9).

С осени 411 по весну 410 г. до н. э. спартанцы потерпели несколько серьезных поражений: сначала афинские стратеги Фрасилл и Фрасибул во главе флота из 76 кораблей разгромили превосходящие их силы Миндара (86 кораблей) в сражении при Киносеме (Thuc., VIII, 104–105), затем они нанесли поражение спартанскому наварху в битве при Абидосе (Xen. Hell., I, 1, 5–7; Diod., XIII, 45–46). В последнем сражении Фарнабаз оказывал посильную помощь пелопоннесскому флоту⁷³. По сообщению Ксенофонта, «и сам он сражался, пока только это было возможно, въехав на лошади в море, и другим своим всадникам и пехотинцам приказывал поступить так же» (Xen. Hell., I, 1, 6). Наконец, завершает серию военных неудач спартанцев битва при Кизике, в которой погиб наварх Миндар, а Алкивиад и афинские стратеги овладели всеми спартанскими кораблями (Xen. Hell., I, 1, 16–18; Diod., XIII, 50–51; Plut., Alc., 28). В этом сражении Фарнабаз с помощью наемников с суши прикрывал пелопоннессцев, сражающихся с афинянами⁷⁴.

⁷³ См.: Krentz P.: 1) Xenophon and Diodoros on the Battle of Abydos // AHB. Vol. 3. № 1. 1989. P. 10–14; 2) Xenophon, Hellenika III. 3. 10. Warminster, 1989. P. 86–93.

⁷⁴ О битве при Кизике и ее последствиях см. Littman R. J. The Strategy of the Battle of Cyzicus // TAPA. 1968. Vol. 99. P. 265–272; Andrewes A. Notion and Kyzikos: the Sources Compared // JHS. 1982. Vol. 102. P. 15–25; Krentz P.: 1) Athenian Politics and Strategy after Kyzikos. P. 206–215; 2) Xenophon, Hellenika I–II.3.10. P. 95ff.

После поражения при Кизике в 410 г. до н. э. спартанские войска, впервые с начала Декелейской войны, оказались в исключительно трудном положении. Ксенофонт приводит текст донесения, отправленного в Спарту Гиппократом, эпистолеом Миндара, но перехваченного афинянами, в котором по-лаконски кратко сообщалась тяжелая весть: «Корабли потеряны, Миндар погиб, экипажи голодают, мы не знаем, что делать» (Xen., Hell., I, 1, 23).

Восстановление спартанского флота происходило крайне медленно. Показательно, что весной 407 г. новый спартанский наварх Лисандр сумел собрать в Эфесе только 70 кораблей (Xen., Hell., I, 5, 1; Diod., XIII, 70, 2) — немного меньшее количество, чем то, которое составляло флот Миндара накануне битвы при Кизике (80 кораблей: Diod., XIII, 50, 2; Just., V, 4, 1). Таким образом, потребовалось почти три года, чтобы возместить потерю спартанских военно-морских сил. Но начало восстановлению флота положили действия Пасиппида и Кратесиппида, которые, последовательно занимая должность наварха, собирали корабли у спартанских союзников (Xen., Hell., I, 1, 32). Кроме того, 30 кораблей строились в лаконской гавани Гифия (Xen., Hell., I, 4, 11). Спарта вступила в решающую фазу войны, в которой теперь многое зависело от позиции Персии. В этих обстоятельствах Фарнабаз оказал существенную помощь спартанцам. По свидетельству Ксенофонта, он выдал каждому моряку одежду и паек на два месяца, вооружил матросов и назначил их на гарнизонную службу в прибрежной полосе, находившейся под его властью. Но и этим его помощь не ограничилась. Поддержав воинов морально и материально, убеждая их не отчаиваться из-за погибших кораблей, сатрап предпринял и практические шаги по восстановлению флота. Он собрал вместе командиров союзных отрядов и триерархов, поручил им выстроить в Антандре триеры в таком числе, которое каждый потерял в бою. На строительство кораблей Фарнабаз выделил деньги и пообещал доставлять строительный лес с горы Иды (Xen., Hell., I, 1, 24–25). Строительство триер продолжалось еще в 408 г. до н. э., когда назначенный гармостом Византия Клеарх встретился с Фарнабазом, чтобы получить у него жалованье для воинов и собрать корабли (Xen., Hell., I, 3, 17–18). Примечательно и то, что сиракузские моряки, участвуя в постройке кораблей, помогли жителям Антандра соорудить часть городской стены и за свою дружбу с горожанами были наделены гражданскими правами и получили почетный титул эвергетов (Xen., Hell., I, 1, 26). Возможно, в установлении контактов между сиракузянами и жителями Антандра следует также видеть

заслугу Фарнабаза, сумевшего найти должное занятие для воинов в тяжелую минуту и не допустить в деморализованной армии грабежей. В то же время действия сатрапа по оказанию помощи спартанцам могли объясняться тем, что Спарта начала переговоры о мире с Афинами, не привлекая к ним персидскую сторону. Это было явным нарушением спартанцами условий всех заключенных прежде договоров и доказывало, что Спарта перестала придерживаться условий этих соглашений.

После битвы при Кизике в Афины отправилось спартанское посольство, возглавляемое бывшим эфром Эндием, которое предлагало мир на тех условиях, что каждая из сторон должна сохранить приобретенные в ходе войны города, разрушить крепости друг друга, произвести обмен военнопленными — за одного афинянина одного спартанца (Philoch. FGrHist., 328, F. 139a-b; Diod., XIII, 52, 3). Это посольство положило начало длительному переговорному процессу, который продолжался еще в 408 г. до н. э., когда, согласно данным Андротиона, спартанские послы Мегилл, Эндий и Филохорид прибыли в Афины в год архонта Эвктемона из Кидафин, чтобы установить выкуп за каждого пленного спартанца в одну мину (Androt. FGrHist., 324, F. 44)⁷⁵. Одновременно с переговорами спартанцы продолжали укреплять позиции перед решающим столкновением. Спартанские власти имели достаточно причин начать новый переговорный процесс с персами, при котором основным вопросом оставалось взаимодействие в войне против Афин. В связи с поражением при Кизике сложилась ситуация, требовавшая эффективной персидской помощи, но спартанцы стремились к переговорам с Персией еще и по другим причинам. Это уже упоминавшийся разрыв отношений с Тиссаферном, который, согласно приказу царя, осуществлял верховное командование персидскими войсками в Малой Азии с 412 г. до н. э. В 409 г. до н. э. на Тиссаферна даже пало подозрение в том, что он вместе с Пасиппидом устроил мятеж на Фасосе, в результате которого были

⁷⁵ О переговорах: Parke H. W. A Note on the Spartan Embassy to Athens (408/7 BC) // CR. 1957. Vol. 7. N 2. P. 106–107; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 126–127. Not. 112–114; Kienast D. Presbeia. Sp. 623; Robertson N. The Sequence of Events in the Aegean in 408 and 407 BC. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 291; Pesely G. E. The Speech of Endius in Diodorus Siculus 13. 52. 3–8 // CPh. 1985. Vol. 80. N 4. P. 320f; Natalicchio A. La tradizione delle offerte Spartane di pace tra il 411 ed il 404: storia e propaganda // RIL. Classi di lettere e scienze morali e storiche. 1990. Vol. 124. P. 163. Not. 6; Bleckmann B. Athens Weg in der Niederlage. Die Letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Stuttgart; Leipzig, 1998. S. 393–404.

изгнаны лаконофильская группировка и гармост Этеоник (Xen., Hell., I, 1, 32)⁷⁶.

Взаимодействие спартанцев с Фарнабазом в тот период не строилось на договорной основе. Еще в 410 г. до н. э. спартанцы имели основания отправить своих представителей непосредственно ко двору персидского царя: во-первых, такое решение объяснялось бы все тем же неудачным опытом сотрудничества с Тиссаферном; во-вторых, спартанцы могли рассчитывать разрешить некоторые вопросы, входившие только в компетенцию самого царя, в частности, добиться отстранения Тиссаферна от руководства персидскими войсками в Анатолии и получить такого командующего, который бы полностью их устраивал. Следствием переговоров в Вавилоне или Сузах могло стать заключение нового соглашения, которое заменило бы утративший силу третий договор. Конечно, персидский царь мог также иметь свои причины для форсирования заключения договора, на которые указывал Д. Льюис: это внутренние проблемы в Персидской державе (Xen., Hell., I, 2, 19; II, 1, 13; III, 1, 13; Anab., I, 9, 14; II, 5, 13; Hell. Оху., XXII, 2). (Хотя они, вероятно, все же носили второстепенный характер и не имели решающего значения в этой ситуации.) Исследователь считает, что Дарий II намеревался использовать восточные отряды в войнах против мисийцев, писидийцев и кадусиев и оставить борьбу против афинян спартанцам, снабженным персидскими финансовыми средствами⁷⁷. Решающее значение для царя, видимо, имели перспективы дальнейшего сотрудничества со Спартой, особенно в силу того, что не имеется сведений, будто бы Дарий когда-либо колебался в проведении политики, направленной на поддержку спартанцев в войне после 412 г. до н. э.

В реальности ускорению переговоров могло способствовать возрождение активной афинской внешней политики в Малой Азии, направленной на возвращение утраченных позиций в данном регионе. В этом отношении первому натиску афинян подверглась Иония, куда летом 410 г. до н. э. предпринял поход афинский стратег Фра-

⁷⁶ С. Хорнблауэр принимает исправление в тексте с Θάσφ на Ἰάσφ (Hornblower S. Mausolus. P. 33, not. 207). Однако Этеоник, насколько мы знаем, вероятно, после этих событий стал гармостом на Лесбосе (Xen. Hell., I, 6, 35). Это назначение легче объяснить, если считать, что он прежде был гармостом именно на Фасосе, а не в Иасосе.

⁷⁷ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 133–134. Ср.: Tuplin C. J. The Treaty of Boiotias. P. 140–141. О внутренней ситуации в Персидской державе см.: Cook J. M. The Persian Empire. P. 130; Briant P. Histoire de l'Empire perse. P. 613ff.

силл⁷⁸. После безуспешной атаки на Пигелы Фрасилл присоединил к себе отряды колофонцев и вторгся в Лидию, вглубь побережья (Xen., Hell., I, 2, 4). Как отмечает Ксенофонт, афиняне «сожгли много деревень и захватили деньги, рабов и другую добычу в большом числе», но в столкновении с персом Стагом, находившимся в этих местах со своей конницей, понесли некоторые потери (Xen. Hell., I, 2, 5). На восемнадцатый день своего вторжения в Лидию Фрасилл атаковал Эфес. Согласно Ксенофону, против Фрасилла выступили эфесские граждане, организованные для защиты своего родного города, отряды, приведенные Тиссаферном, экипажи 25 сиракузских кораблей и 2 селинунтских (Xen., Hell., I, 2, 8). Фрагмент оксиринхского историка упоминает эфесцев под руководством их предводителей Тимарха и Поссикрата (οἱ ἡγεμόνες) (Hell. Оху., I, 2; II, 1), сиракузян (II, 2) и отряд спартанцев (I, 1) — вероятно, гарнизон Эфеса⁷⁹. Особо примечательны действия, предпринятые по обороне города Тиссаферном, которые показывают, что сатрап считал, что этот город входит в состав его сатрапии. По словам Ксенофонта, Тиссаферн собрал многочисленное войско (στρατίαν τε συνέλεγε πολλήν), разослал всадников по окрестностям с призывом «идти в Эфес на помощь Артемиде» (εἰς Ἐφεσον βοηθεῖν), обращаясь к тем жителям близлежащих мест, которые были связаны с культом Артемиды Эфесской (Xen., Hell., I, 2, 6). Оксиринхский историк называет среди союзников эфесцев жителей долины Кильбия — [τ]ῶν [Κιλ]βί[ω]ι πεδί[ω]ι κατοικοῦντων (Hell. Оху., I, 2)⁸⁰. После отступ-

⁷⁸ Исследователи расходятся в определении времени кампании Фрасилла: одни относят ее к весне или лету 410 г. до н. э. (Robertson. N. The Sequence of Events in the Aegean... P. 282ff; Krentz P.: 1) Xenophon, Hellenika I–II. 3. 10. P. 111; 2) Athenian Politics. P. 207–212; Pesely G. E. The Date of Thrasyllus' Expedition to Ionia // AHB. 1998. Vol. 12. N 3. P. 96–100), другие — к весне 409 г. до н. э. (Ferguson W. S. Sparta and the Peloponnese // CAH. 1927. Vol. 5. P. 345; Andrewes A. The Generals in the Hellespont, 410–407 BC // JHS. 1953. Vol. 73. P. 4; McCow W. J. Thrasyllus // AJPh. 1977. Vol. 98. N 3. P. 279ff). Причиной расхождений послужили различные подходы к хронологии событий Ксенофонта. Дионисий Галикарнасский датирует ее архонтом Главкиппом — 410/9 г. до н. э. (Hypothes. Lys. XXXII), и можно предположить, что поход Фрасилла в Малую Азию относится к началу года этого архонта — к лету 410 г. до н. э.

⁷⁹ Koenen L. A New Fragment of the Oxyrhynchite Historian // Studia Papyrologia. 1976. Vol. 15. № 1. P. 55–76; Lehmann G. A. Ein neues Fragment del Hell. Oxy.: einige Bemerkungen zu P. Cairo (Tem. Inv. No) 26/6/27/1–35 // ZPE. 1977. Bd. 26. S. 181–191. Эти фрагменты помещены также в новые издания Оксиринхской истории (Hellenica Oxyrhynchia / Ed. by P. A. McKechne and S. Kern. Warminster, 1988; Hellenica Oxyrhynchia / Ed. by M. Chambers. Stuttgart; Leipzig, 1993).

⁸⁰ В Малой Азии Артемиды была известна под именем богини Анахиты и почиталась у анатолийских жителей и персов. И сам Тиссаферн совершал жертвоприношения Арте-

ления из-под Эфеса Фрасилл отплыл в Нотий, затем на Лесбос, и наконец, в район Геллеспонта, где он совместно с Алкивиадом совершал рейды на территорию Фарнабаза (Xen., Hell., I, 2, 17; Diod., XIII, 64, 4). Фрасилл и Алкивиад обратили в бегство кавалерию сатрапа в сражении при Абидосе (Xen., Hell., I, 2, 16; Plut., Alc., 29), а затем в течение зимы 410/9 гг. до н. э. периодически разоряли царские владения в Азии (Xen. Hell., I, 2, 17). Весной 409 г. до н. э. во время осады Калхедона Алкивиад совершил вторжение с гоплитами и всадниками в область вифинских фракийцев, а также захватил Селимбрию и атаковал Византий (Xen., Hell., I, 3, 3–4, 10; Plut., Alc., 29). Афинские боевые операции затронули также и Карию. Сохранилась надпись, в которой афиняне хвалят галикарнасцев за помощь их войску и городу; она датируется архонтом Главкиппом — 410/9 г. до н. э. (IG. I³, 103, 7–8).

В этой ситуации афинские стратеги стали понимать, что их первоочередная задача состояла в том, чтобы добиться выхода Персии из войны, независимо от итога мирных переговоров со спартамцами. По мнению П. Кренца, «здоровой афинской стратегией... было в первую очередь наступление на Геллеспонте и в Ионии, чтобы продемонстрировать Фарнабазу и Тиссаферну их уязвимость, а затем предложить существенные уступки, дабы вынудить их обоим рекомендовать мир царю»⁸¹. Роль посредника в переговорах с персидским царем отводилась Фарнабазу. Договор, заключенный афинскими стратегами с Фарнабазом в Калхедоне, содержал условие, обязывающее сатрапа доставить афинских послов к царю (Xen., Hell., I, 3, 8) и во время следования по территории Азии обеспечить им безопасность (Plut., Alc., 31).

Осенью 409 г. до н. э. афиняне снарядили посольство, включавшее Дорофея, Филодика, Феогена, Эвриптолема и Мантифея, которые должны были встретиться с Фарнабазом в Кизике и с наступлением весны отправиться в его сопровождении в Персию⁸². К афинянам

миде в Эфесе, что засвидетельствовано заключительными строками труда Фукидида (Thuc., VIII, 109). О некой связи Тиссаферна с культом Артемиды свидетельствуют монеты, найденные в Астире, в Мисии, недалеко от святилища Астирской Артемиды: на реверсе монет изображена богиня, на аверсе — голова сатрапа и легенда ΤΙΣΣΑ (Cahn I. 1) Le monnayage des satrapes. P. 99; 2) Tissaphernes in Astyra // AA. 1985. S. 587–594.

⁸¹ Krentz P. Athenian Politics... P. 207–212.

⁸² См.: Amit M. Le traité de Chalcedoine entre Pharnabaze et les stratèges athéniens // AC. 1973. Vol. 42. P. 436–457. Трудно согласиться с Д. Льюисом, что Фарнабаз в какой-то степени колебался, стоит ли поддерживать Спарту, и потому был готов провести афинское посольство к царю (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 129). Персидский сатрап был

присоединились аргосские послы Клеострат и Пирролох, которые, вероятно, должны были отстаивать перед лицом персидского царя интересы афинян — своих союзников (Xen., Hell., I, 3, 13). Несомненно, что в формировании посольства активное участие принял сам Алкивиад, который рассчитывал на успех в переговорах с Персией для еще большего укрепления своего влияния в Афинах в тот период. В переговорах с царем афиняне могли одновременно задействовать и Тиссаферна, который после разрыва со Спартой стремился поднять свой авторитет у царя, обратившись к Афинам.

Афино-персидские переговоры афинян с персами того времени в какой-то степени отражены в фрагментарно сохранившемся афинском декрете в честь Эвагора Саламинского (IG., I³, 113). Точная датировка документа не дошла до нас, однако большинство исследователей относят его к периоду с 411 по 407 гг. до н. э., правда, не исключаются и иные датировки⁸³. В псефизме Эвагор объявляется афинским проксеном и эвергетом, в неопределенном контексте упоминаются какие-то вестники (ἄγγελοι) (fr. a, стк. 2), стратеги, персидский царь (βασιλεύς) (fr. b, стк. 3; fr. c, сткк. 11, 13) и Тиссаферн — Τισσαφρένεν (fr. c, стк. 14). С. Спиридакис и Ю. Коста полагают, что афинский декрет чествует Эвагора за оказание посреднических услуг в переговорах афинян с персами⁸⁴, но трудно судить о правомерности такого заключения. Указание в надписи на царя и Тиссаферна подразумевает, что в год принятия псефизмы афиняне имели с ними какие-то отношения, возможно, дипломатического свойства. Согласно восстановлению частично разрушенной строки документа, Эвагор возводится в почет у афинского народа, царя и союзников (fr. c, стк. 13). Псефизма предложена Клеофонтом, в котором следует видеть афинского политика последней трети V в. до н. э.

принужден заключить этот договор военной силой, но даже после этого он не прекратил выдачу денежных средств пелопоннесцам (Xen., Hell., I, 3, 17). Сатрап был популярен в Спарте (Plut., Lys., 20), что едва ли могло иметь место, если он был непоследователен в своей политике по отношению к лакедемонянам.

⁸³ П. Кренц предположил, что этот декрет относится ко времени нового предполагаемого сближения Тиссаферна с афинянами накануне прибытия в Малую Азию Кира Младшего в 407 г. (Krentz P. Athenian Politics... P. 214). К. Ю. Белох датировал декрет 407–405 гг. до н. э. (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 425. Anm. 2). Terminus post quem декрета является 411 г. до н. э. — приход к власти Эвагора в Саламине на Кипре и переговоры Писандра с Тиссаферном; terminus ante quem — 408 г. до н. э. — замена Тиссаферна Киром в должности сатрапа Сард.

⁸⁴ Spyridakis K. Evagoras I von Salamis: Untersuchungen zur Geschichte des Kyprischen Königs. Stuttgart, 1935. S. 44–45; Costa E. A. Jr. Evagoras I and the Persians, ca 411 to 391 BC // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 1. P. 46.

7. Проблема договора Беотия

Ввиду особой военной и дипломатической активности Афин после битвы при Кизике спартанцы были особенно заинтересованы в том, чтобы ускорить переговоры с Персией. Ксенофонт рассказывает о двух спартанских посольствах, отправившихся в Персию за период 410–408 гг. до н. э. Первое посольство возглавлялось Беотием (οἱ τε Λακεδαιμονίων πρέσβεις Βοιωτίας [ἄνομα] καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ καὶ οἱ ἄγγελοι). Историк упоминает только о возвращении этих послов (весной 408 г. до н. э.) и о том, что с их слов стало известно, что спартанцы добились от царя всего, что им было нужно. Послы также сообщили, что Кир, младший сын царя Дария, назначен новым сатрапом в Малую Азию (Xen., Hell., I, 4, 2). Второе посольство было сформировано спартанцами в 409 г. до н. э. в составе Пасиппида и других лакедемонян и входило в группу послов из Афин и Аргоса, которые собиралась в сопровождении сатрапа Фарнабаза проследовать к царю весной следующего года (Xen., Hell., I, 3, 13). Не исключено, что намерение послов состояло в том, чтобы помешать афинянам договориться с персидским царем⁸⁵. Послы во главе с Пасиппидом встретились с Фарнабазом вероятно, в Кизике, и далее сумели добраться до города Гордия в Великой Фригии⁸⁶. Там они и увидели возвращающегося Беотия и других послов и узнали о результатах, достигнутых в ходе переговоров с Дарием II (Xen., Hell., I, 4, 2). Мы не располагаем информацией об этом втором

⁸⁵ Д. Лотце полагал, что упомянутые Беотий и Пасиппид входили в состав одного и того же посольства; Ж. Боммелэр к этому добавляет, что в то время как афинские послы зимовали в Гордии, спартанское посольство проследовало к царю (Lotze D. *Lysander und der Peloponnesische Krieg*. B., 1964. S. 10; *Bommelaer J.-F.* Lysander de Sparte. P., 1981. P. 62–65). Н. Робертсон и П. Кренц справедливо отмечали, что едва ли Ксенофонт стал называть сначала одного спартиата, а затем другого во главе послов (Robertson N. *The Sequence of Events in the Aegean...* S. 290. Anm. 25; *Krentz P.* Xenophon, *Hellenika* I–II.3.10. P. 125). О том, что Беотий и Пасиппид возглавляли два различных посольства см.: *Amit M.* Le traité de Chalcedoine... P. 455; *Natalicchio A.* La tradizione delle offerte Spartane di pace P. 166. Not. 21. Едва ли спартанские послы, отправившиеся в Персию осенью 409 г. до н. э., оставив афинян зимовать в Гордии, успевали вернуться домой уже весной следующего года.

⁸⁶ Интересы лакедемонян должны были отстаивать, помимо официальных спартанских послов — в том числе Пасиппида — также сиракузские Гермекрат и его брат Проксен, которые, вероятно, отправились в Персию как частные лица. Ксенофонт рассказывает, что Пасиппид бежал из Спарты ввиду обвинения в изгнании лаконофилов из Фасоса (Xen., Hell., I, 1, 32), но П. Кренц считает, что он был уже возвращен ко времени посольства (*Krentz P.* Xenophon, *Hellenika* I–II. 3. 10. P. 121).

посольстве; но, принимая во внимание контекст сообщения Ксенофонта, можно полагать, что спартанские послы возвратились из Гордия назад, отказавшись продолжить поездку в Персию. Если бы переговоры представителей греческих полисов все же состоялись в Персии, то мы имели бы первый пример совместной дипломатической конференции (часто созываемых при участии царя в IV в. до н. э.). Однако этого не произошло, и переговоры происходили в рамках двусторонних отношений греков и Персии.

Д. М. Льюис предполагал, что успех Беотия мог состоять в заключении нового договора с персидским царем: «Должно казаться невероятным, что первое спартанское посольство, имевшее дело непосредственно с царем с 424 г., возвратилось бы назад в таком состоянии удовлетворения, если бы не было достигнуто новое соглашение»⁸⁷. Многие исследователи в целом поддержали мнение Д. М. Льюиса, согласившись с некоторыми его аргументами и подвергнув сомнению другие⁸⁸. В то же время П. Карлледж, Э. Кин и Дж. Коуквелл выразили скептическое отношение к данному мнению⁸⁹. П. Карлледж, например, считал, что молчание Ксенофонта никогда не является решающим аргументом, но кажется странным, что проспартански настроенный Ксенофонт не намекал на сущность соглашения Беотия или не нашел какого-либо контекста, в котором он мог бы сослаться на него.

И хотя в распоряжении исследователей нет прямых свидетельств о договоре Беотия, тем не менее выражение Ксенофонта, что при помощи посольства Беотия спартанцы получили от персидского царя все то, что им было нужно (Λακεδαιμόνιοι ὧν δέονται πάντων πεπ-

⁸⁷ *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 124. Н. Робертсон относит отправку Беотия и других послов к Дарию II самое позднее к 410 г. до н. э.: спартанцы, оставшиеся неудовлетворенными сотрудничеством с Тиссаферном, были вынуждены добиваться более прочного и всестороннего соглашения с самим царем. Однако исследователь не говорит, было ли достигнуто такое соглашение (*Robertson N.* The Sequence of Events in the Aegean. P. 290–291).

⁸⁸ В пользу договора Беотия см.: *Seager R., Tuplin C. J.* The Freedom of the Greeks of Asia. P. 144. Not. 36; *Tuplin C. J.* The Treaty of Boiotios. P. 133–153; *Andrewes A.* The Spartan Resurgence. P. 489; *Hamilton C. D.* Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor // *AncW.* 1992. Vol. 23. № 1. P. 36. С. Хорнблауэр называет гипотезу Д. М. Льюиса о договоре Беотия «привлекательным современным предположением» (*Hornblower S.* The Greek World, 479–423 BC. P. 150). О договоре см. также: *Рунг Э. В.* Договор Беотия // Международные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 1. Казань, 2000. С. 113–135.

⁸⁹ *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 189–190; *Keen A. G.* Persian Policy in the Aegean, 412–386 BC. // *JAC.* 1998. Vol. 13. P. 103; *Cawkwell G. L.* The Greek Wars. P. 290–291.

ραγότες παρὰ βασιλέως) (Xen., Hell., I, 4, 2), Д. М. Льюис воспринимает как указание на успешные переговоры. Кроме того, исследователь предполагает, что сохранилась одна статья из этого договора, которая приводится Ксенофонтом при описании первой встречи спартанского наварха Лисандра и Кира в Сардах весной 407 г. до н. э. Во время этих переговоров, по уже сложившейся традиции, вновь возник вопрос о жалованье морякам пелопоннесского флота, и Лисандр убеждал Кира выдавать морякам жалованье в размере одной аттической драхмы в день на человека, но встретил противодействие Кира. Царевич ссылаясь на договор, согласно которому необходимо было давать экипажу каждого корабля тридцать мин в месяц, независимо от того, сколько кораблей пожелают содержать лакедемоняне (εἶναι δὲ καὶ συνθήκας οὕτως ἐχούσας τριάκοντα μνᾶς ἐκάστη νηὶ τοῦ μηνὸς δίδοναι, ὅπόσας ἂν βούλωνται τρέψειν Λακεδαιμόνιοι) (Xen., Hell., I, 5, 5). Таким образом, Лисандр пытался возобновить соглашение о размере оплаты в одну драхму, которое было достигнуто в Спарте перед началом военных действий в Ионии, а Кир, в свою очередь, ссылаясь на договор, где предусматривалась оплата службы моряков эскадры в размере 3 оболов ровно. Закономерно предположить, что Кир имел в виду новый договор между спартамцами и персами, имеющий дополнительные пояснения по размеру оплаты, а не тот, что был согласован с Тиссаферном в Милете осенью 412 г. до н. э.⁹⁰ Новый документ устанавливал в качестве расчетной единицы по выплате жалованья экипажу одного корабля (предписано было выдавать 30 мин в месяц) и содержал обязательство персидской стороны оплачивать любое количество кораблей (тогда как договор в Милете делал расчетными 55 кораблей). Вообще же, учитывая официальное положение Кира в Малой Азии и его взаимоотношения с Тиссаферном, представляется маловероятным, что царевич стал бы ссылаться на соглашение, заключенное предыдущим сатрапом и потерявшее свое значение в глазах спар-

⁹⁰ Дж. Кокуэлл, выступая против историчности договора Беотия, предполагал, что Кир Младший ссылаясь на соглашения, которые были заключены между Тиссаферном и спартамцами еще в Спарте в 413/2 г. до н. э. Удовлетворенность же посольства Беотия, как считает исследователь, может быть объяснена смещением Тиссаферна с должности главнокомандующего в Малой Азии (Cawkwell G. L. The Greek Wars. P. 291). Однако следует заметить, что соглашение в Спарте обязывало платить одну драхму в день каждому моряку, но συνθήκαι Кира устанавливали размер платы около трех оболов. Кроме того, συνθήκαι — это *terminus technicus* для обозначения официального договора, тогда как соглашения об оплате как в Спарте, так и в Милете, очевидно, не были официально оформлены.

танцев и персидского царя. Он должен был ориентироваться на недавний договор, заключенный с Дарием II, в котором он лично принимал участие. Примечательно, что послы во главе с Беотием первыми принесли весть о назначении Кира сатрапом в Малую Азию, а афинские послы увидели царевича недалеко от Гордия (для некоторых исследователей это послужило основанием считать, что послы во главе с Беотием сопровождали Кира в Малую Азию).

Сложным и дискуссионным следует считать вопрос о том, как формулировалась в договоре Беотия статья о правах персидского царя, бывшая непременным атрибутом трех договоров 412–411 гг. до н. э. Дело в том, что Д. Льюис связывает появление этого договора не только с закономерными требованиями военной и политической обстановки, но главным образом с необходимостью нового решения проблемы малоазийских греков: предоставления им персидской стороной автономии с тем условием, чтобы они платили традиционную подать царю⁹¹. Однако приведенные исследователем аргументы не убеждают в такой трактовке статьи договора, и неудивительно, что современные историки часто не соглашались с его мнением. Р. Сиджер отмечал, что договор Беотия заслуживает своего места в истории, а Д. Льюис достоин благодарности за доказательство его существования; но реконструкция им территориальной статьи остается только предположением, и нет необходимости выводить ее из присутствия такой статьи в предшествующих договорах⁹². П. Картледж также сомневается в том, что персидский царь вынужден был изменять предъявленные условия по территориальному вопросу в новом договоре, но исследователь высказывает этот аргумент, чтобы отрицать историчность договора Беотия в целом⁹³.

Основные аргументы Д. Льюиса о том, что договор Беотия признавал автономию малоазийских греков, базируются на обсуждении им статуса греческих городов Малой Азии в составе Персидской державы и отношения этих городов к системе сатрапий. Историк, в частности, доказывает, что после 407 г. до н. э. малоазийские греческие города (в частности ионийские) не были частью административных сатрапий Персидской державы, а подчинялись сначала Киру, а затем и Тиссаферну не как сатрапам, а как частным лицам,

⁹¹ По мнению Д. Льюиса, города Малой Азии «были по форме автономны, хотя они могли иметь финансовые обязательства перед царем» (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 123).

⁹² Seager R., Tuplin C. J. The Freedom of the Greeks of Asia. P. 141. Not. 36.

⁹³ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta.. P. 190.

и потому могли считаться автономными по отношению к царю⁹⁴. В дополнение к этому, исследователь не находит свидетельств антиперсидских выступлений в городах Ионии в 411–405 гг. до н. э., а, напротив, говорит об энтузиазме ионийских греков, с которыми они оказали поддержку Спарте, и задается вопросом: совместим ли этот энтузиазм со знанием того, что по завершении войны города будут преданы персидскому контролю?⁹⁵ Спартанцы во время боевых действий против персов под руководством Фиброна, Деркилида и Агесилая в 400–395 гг. до н. э. требовали от персидской стороны предоставления малоазийским грекам автономии (Xen., Hell., III, 1, 3; 2, 20; 4, 5), и, по мнению Д. Льюиса, это должно предполагать, что подобное требование персы уже допустили ранее⁹⁶.

Вышеназванные аргументы были рассмотрены Р. Сиджером, а более подробно — К. Таплином. Оба историка доказывают, что данные источников не допускают однозначного заключения относительно автономного статуса греческих городов Малой Азии после согласования договора Беотия⁹⁷. Действительно, трудно утверждать, будто новое соглашение существенно изменило положение малоазийских

⁹⁴ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 118–122. Здесь исследователь принимает во внимание несколько свидетельств. Во-первых, сообщение Ксенофонта о том, что в 405 г. до н. э. Кир передал Лисандру право собирать подати с городов, которые поступали в его личную пользу (Xen., Hell., II, 1, 14), дает ему основания полагать, что в данном случае имеются в виду греческие города Ионии. Во-вторых, комментируя замечание греческого историка о передаче царем ионийских городов Тиссаферну и их последующем переходе на сторону Кира (за исключением Милета) (Xen., Anab., I, 1, 6), Д. Льюис отмечает, что Ксенофонт никогда не говорит об Ионии в целом, а только о городах.

⁹⁵ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 115ff. Между тем античные историки считают причиной эмоционального подъема малоазийских греков в конце войны присутствие Лисандра, который быстро сумел найти себе многих сторонников в городах, а также Кира, ставшего близким другом спартанского наварха (Xen., Hell., I, 6, 4; II, 1, 6–7; Plut. Lys., 4–7). К. Таплин, исследовав участие в войне кораблей из городов Малой Азии, отмечал такой энтузиазм главным образом в двух городах: Милете и Эфесе, которые находились под прямым спартанским и персидским влиянием соответственно. Что касается других городов, то, по мнению исследователя, в отношении их энтузиазма в войне свидетельства отсутствуют (Tuplin C. J. *The Treaty of Boiotios*. P. 138f).

⁹⁶ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 117ff. Определяющим для Д. Льюиса является сообщение Ксенофонта о том, что персидский царь в 395 г. до н. э. проявил готовность согласиться на требование спартанского царя Агесилая признать автономию греков Малой Азии на том условии, чтобы они платили ему традиционную подать (Xen., Hell., III, 4, 25). К. Таплин же полагает, что условия, предложенные Артаксерксом II, не предполагали возврата к договору Беотия (Tuplin C. J. *The Failings of Empire. A Reading of Xenophon Hellenica 2.3.11–7.5.27 / Historia. Einzelschriften*, 76. Stuttgart, 1993. P. 56).

⁹⁷ Seager R., Tuplin C. J. *The Freedom of the Greeks of Asia*. P. 141. Not. 36; Tuplin C. J. *The Treaty of Boiotios*. Passim.

эллинов. Известно, что после завершения Пелопоннесской войны спартанские гарнизоны и гармосты покидают греческие города Малой Азии, и это произошло, вероятно, в соответствии с имевшимися договоренностями⁹⁸. Сообщение Ксенофонта о передаче новым персидским царем Артаксерксом II ионийских городов Тиссаферну после 404 г. до н. э. (Xen., Anab., I, 1, 6), может означать, что царь был полномочен распоряжаться городами. В этом же месте приводится свидетельство о сборе Киrom подати с этих городов (после того как города восстали против Тиссаферна и заняли сторону царевича) и отправке ее персидскому царю (Xen., Anab., I, 1, 6). Рассмотрение сведений о статусе греческих городов Эолиды также показывает, что их положение оставалось неизменным независимо от договора Беотия. Ксенофонт говорит, что эолийские греческие города находились под властью Фарнабаза, а должность сатрапа там вплоть до самой смерти занимал дарданец Зений (Xen., Hell., III, 1, 10). Затем наместницей стала Мания — жена Зения, которая значительно укрепила и расширила свою власть: она подчинила силой не подвластные ей прежде города Ларису, Гамаксит и Колоны (Xen., Hell., III, 1, 12). Правление Зения и назначение Мании относится к концу войны⁹⁹.

Вероятно, договор Беотия соблюдался обеими сторонами гораздо дольше, чем предшествующие соглашения. Об этом говорит весьма конструктивный характер сотрудничества спартанцев и персов (в особенности личные контакты Лисандра и Кира) на заключительном этапе Пелопоннесской войны, в 407–405 гг. до н. э. Оксиринхский историк, обвиняя персидского царя в проблемах с выдачей жалования морякам пелопоннесского флота, отмечает особое усердие Кира в решении этого вопроса (τῇν Κύρου προθυμίαν) (Hell. Оху., XXII, 2). Со времени встречи Лисандра и Кира в Сардах содержание воинам стало выдаваться в полном объеме и без задержек (исключая тот период, когда спартанским навархом был Калликратид). К. Таплин считает что договор соблюдался не слишком долго, принимая во внимание тот факт, что в 404 г. до н. э., без согласования с персидской стороной, был заключен мирный договор с Афинами, обусловивший капитуляцию города¹⁰⁰. Но

⁹⁸ Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 137.

⁹⁹ См.: Lewis D. M. *Sparta and Persia*. P. 128. Not. 123; Tuplin C. J. *The Treaty of Boiotios*. P. 145–146. Именно сотрудничество спартанских военачальников и Фарнабаза в 411–405 гг. до н. э. могло позволить наместникам в Эолиде расширять свои владения.

¹⁰⁰ К. Таплин считает, что договор Беотия, как и прежние соглашения Спарты и Персии, включал статью о заключении мира с Афинами только с согласия обеих сторон. С этим мнением можно согласиться, но трудно принять точку зрения, что договор перестали соблюдать до 404 г. до н. э. (Tuplin C. J. *The Treaty of Boiotios*. P. 146, 152).

следует указать на особые обстоятельства, сопутствующие заключению договора с Афинами. Еще в 405 г. до н. э. Дарий II, находясь в городе Фамнериях, серьезно заболел во время военного похода против восставших кадусиев (Xen., Hell., II, 1, 15). Год спустя царь скончался в Вавилоне. В это же время и Кир, узнав о болезни своего отца, в сопровождении Тиссаферна также отбыл вглубь Азии и непрерывно находился при умирающем царе. Таким образом, в момент решающего поражения афинского флота при р. Эгоспотамах осенью 405 г. до н. э., а также во время блокады Афин спартанцами с суши и с моря и дипломатических переговоров, касающихся капитуляции города, прямые контакты спартанцев и персидских сатрапов были крайне затруднены. Также не носит принципиального характера вопрос, было ли назначение Кира следствием успеха посольства Беотия или же результатом закулисных интриг при дворце персидского царя. Именно последнее мнение принимает большинство исследователей, которые считают, что назначение Кира произошло по инициативе царицы Парисатиды выдвижением своего любимого сына (ему было самое большее 16 лет, поскольку он родился после вступления Дария II на престол в 424 г. до н. э.), которая создала условия для того, чтобы в будущем он наследовал престол¹⁰¹.

8. Кир Младший и Лисандр: Роль личных связей

Весной 408 г. до н. э. Кир Младший прибыл в Малую Азию. По данным Ксенофонта, он получил власть над всей приморской областью (ἄρξων πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ) и должность главнокомандующего — карана «всех собирающихся в долине Кастола» (ἄρσανος τῶν εἰς Καστωλὸν ἀθροιζομένων) (Xen., Hell., I, 4, 3–4; Anab., I, 1, 2; 9, 7). Решение царя назначить своего младшего сына на должность карана было продиктовано его стремлением отстранить Тиссаферна от руководства войсками в Малой Азии, а Фарнабаза поставить в подчинение Киру. Между тем Тиссаферн потерял не только официальное положение главнокомандующего, но и некоторую часть своих владений, которые были теперь переданы царем Киру. Прежде всего, Кир сменил Тиссаферна в должности сатрапа Сард (Xen., Hell., I, 5,

¹⁰¹ См. напр: Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 369; Will Éd. Le monde grec et l'Orient. T. 1. P. 385; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 134–135; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. P. 295; Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 190.

1; Diod., XIII, 70, 3; Plut. Lys., 4). При этом сама сатрапия претерпела определенные изменения в административном устройстве. Прежде безусловно включавшая в себе Лидию, Ионию, Карию, сатрапия Сарды теперь значительно преобразовывалась путем интеграции в нее областей центральной части Малоазийского полуострова (Великой Фригии и Каппадокии), составлявших ранее самостоятельные сатрапии, и выделением из нее Карию в качестве отдельной сатрапии¹⁰². Таким образом, согласно сведениям Ксенофонта, Кир стал «сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии» — σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας τῆς μεγάλης καὶ Καππαδοκίας (Xen., Anab., I, 9, 7).

Однако эти изменения в административном устройстве сатрапии Сарды еще не означали, что Тиссаферн полностью был лишен провинции, как считают некоторые современные исследователи¹⁰³. Уже после гибели Кира в 401 г. до н. э. в сражении при Кунаксе, Тиссаферн «был назначен сатрапом не только тех областей, в которых он начальствовал прежде, но и тех, где начальником прежде был Кир» (Xen., Hell., III, 1, 3). Кроме того, сатрап не только получил область Кира, но и сохранил собственную область (Xen. Anab., II, 5, 11)¹⁰⁴. Правы те историки, которые полагают, что за Тиссаферном, после прибытия Кира в Малую Азию весной 408 г. до н. э., осталась Кария, теперь отделенная от Сард и преобразованная в самостоятельную сатрапию¹⁰⁵. Во-первых, Кария отсутствует в числе упомянутых Ксенофонтом областей, входивших в сатрапию Кира; во-вторых, именно в Карию находилось личное имение Тиссаферна — его οἶκος; в-третьих, нет

¹⁰² Ruzicka S. Cyrus and Tissaphernes, 407–401 BC // CJ. 1985. Vol. 80. № 3. P. 204.

¹⁰³ См.: Hornblower S. Mausolus. P. 33. К этому мнению близка точка зрения С. Рузики. Он полагает, что Тиссаферн в 407 г. до н. э. вообще не имел сатрапии, а входил в число близких советников Кира; получил же сатрапию Карию он только после того, как Кир был взят под стражу в связи с обвинением в заговоре против царя Артаксеркса II в 403 г. (Ruzicka S.: 1) Cyrus and Tissaphernes. P. 204; 2) Politics of a Persian Dynasty. P. 12–13). Однако с этим утверждением трудно согласиться. После ареста Кира в Вавилоне царевич должен был быть лишен своей сатрапии Сарды, и именно эту сатрапию, а не Карию, мог получить Тиссаферн в 403 г. до н. э. Кроме того, не исключено, что, даже являясь советником Кира с 407 г. до н. э., Тиссаферн, который нуждался в постоянном источнике дохода, мог управлять сатрапией Карию.

¹⁰⁴ С. Хорнблауэр интерпретирует эту фразу Ксенофонта следующим образом: Тиссаферн после смерти Кира получил назад ту сатрапию, которую он имел до 407 г. до н. э. и ту, которой управлял Кир с 407 по 401 гг. до н. э. (Hornblower S. Mausolus. P. 33).

¹⁰⁵ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 119. Not. 78; Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 369; Andrewes A. Two Notes on Lysander // Phoenix. 1971. Vol. 25. № 3. P. 208; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. New York, Ithaca, 1979. P. 101–102.

основания говорить о том, что Кария уже оформилась в отдельную сатрапию под управлением сатрапа из местной династии. Но Кир, только что прибывший в Малую Азию и еще не посвященный во все аспекты местной политики и дипломатии, испытывал острую нужду в опытных советниках. Этим и объясняется то обстоятельство, что Тиссаферн первоначально предпринимал попытки направлять действия Кира в выгодное для себя русло, намереваясь по-прежнему активно влиять на ситуацию. В первую очередь, Тиссаферн попытался склонить Кира к проведению прежней политики, заключавшейся в том, чтобы не оказывать решительной поддержки ни одной из воюющих сторон, но царевич отверг это мнение и твердо встал на сторону Спарты. Не пренебрегал Тиссаферн и оказанием некоторых услуг афинянам. В частности, он стремился убедить Кира принять афинских послов, правда, тоже безуспешно (Xen., Hell., I, 5, 9). В то же время новый сатрап в Малой Азии получил вполне определенные указания от персидского царя вести войну против афинян совместно с лакедемонянами (*συνπολεμήσων Ἀχαιδαίωνοις*) (Xen., Hell., I, 4, 3; 5, 3), а это, по заверениям самого Кира, вполне соответствовало его личным намерениям (Xen., Hell., I, 5, 3). Возможно, в качестве первого шага, направленного против афинян, был приказ Кира выдать ему афинских послов, или, по крайней мере, не отпускать их домой. По словам Ксенофонта, Кир опасался, что афиняне могут узнать о происходящем, что, впрочем, не объясняет его истинных намерений (Xen., Hell., I, 4, 5). Прибытие Кира было событием, которое трудно было скрыть, и следует думать, что царевич мог опасаться неожиданных дипломатических действий афинян в ответ на известие о заключении нового спартано-персидского договора, предписывающего более тесное сотрудничество спартанцев и персов в войне. Фарнабаз, связанный с афинянами договором и клятвами (Xen., Hell., I, 3, 9; 11–12), не решился выдать послов Киру, а удерживал их в течение длительного времени у себя¹⁰⁶.

* * *

Спартанцы избрали Лисандра своим навархом, вероятно, осенью 408 г. до н. э., а уже весной следующего года он прибыл в Малую

¹⁰⁶ По сведениям Ксенофонта, только спустя три года Фарнабаз уговорил Кира отпустить послов, которые были приведены провожатыми Ариобарзана (вероятно, одного из гипархов сатрапа) в мисийский город Киос, откуда они отплыли к афинянам на Геллеспонт (Xen., Hell., I, 4, 7). Таким образом, если доверять Ксенофону, Фарнабаз освободил афинских послов совсем незадолго до завершения Пелопоннесской войны.

Азию к пелопоннесскому флоту¹⁰⁷. Появление в рядах высшего спартанского командования этого человека, отличающегося неординарными способностями военачальника и дипломата, энергично настроенного на продолжение войны с Афинами, означало важные изменения в ходе Пелопоннесской войны. О решительном настрое Лисандра свидетельствует предпринятое им увеличение флота с 70 кораблей, которых он собрал в начале кампании, до 90 судов (Xen., Hell., I, 5, 10). Спартанские приготовления положили конец неопределенности, бывшей следствием сражения при Кизике, и ознаменовали переход от дипломатических переговоров к активным боевым действиям.

После прибытия в Малую Азию Лисандр устраивает свою ставку в Эфесе, городе, который был наиболее удобным местом для быстрого сообщения с Сардами (резиденцией персидских сатрапов), от которых его отделяло только три дня пути. Именно благодаря ему Эфес с того времени приобрел особую значимость в качестве важного опорного пункта Спарты на Востоке (Plut., Lys., 3). В этой ситуации спартанцы вновь могли приступить к укреплению контактов с персами. При этом большое значение приобретала первая личная встреча Лисандра и Кира, которая состоялась в Сардах, при посредничестве возвратившихся из Персии спартанских послов (вероятно, тех, которые заключили договор Беотия) (Xen., Hell., I, 5, 2; Diod., XIII, 70, 2; Plut., Lys., 4). По сообщению Ксенофонта, Лисандр и спартанцы выступили с обвинениями против Тиссаферна. Они просили Кира оказать поддержку в войне с Афинами и получили от царевича все необходимые заверения в неизменной поддержке. Но основным на переговорах был, несомненно, вопрос о продолжении персидской финансовой помощи. Здесь Кир также смог значительно обнадежить спартанцев. Он не только предполагал выдать деньги, выделенные персидским царем на нужды войны (500 талантов), но и планировал использовать финансовые средства из других источников, в частности, бывшие в его личном распоряжении (Xen., Hell., I, 5, 2–3).

Между Лисандром и Киром установились тесные дружественные отношения, которые сохранялись все последующее время. Так, Плутарх отмечает: «Слова Лисандра и его манера держаться располо-

¹⁰⁷ В целом о Лисандре из отечественной литературы см., например: *Печатнова Л. Г.*: 1) Первая навархия Лисандра // Вестник ЛГУ. 1984. Вып. 4. № 20. С. 107–110; 2) Лисандр и спартанский полис // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 11–25; 3) Лисандр и Пелопоннесская война // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 60–77; 4) История Спарты. С. 359–412; *Фролов Э. Д.* Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 109–132.

жили Кира к спартанскому военачальнику: своим угодливым тоном Лисандр окончательно пленил юношу и внушил ему намерение продолжать войну» (Plut., Lys., 4). В то же время Кир, как и его предшественник Тиссаферн, отказался платить жалованье морякам пелопоннесского флота в размере одной аттической драхмы в день на человека, сославшись на существующий договор (договор Беотия, как сейчас предполагается), предписывающий платить только 3 обولا. Но Лисандр все же добился некоторого увеличения размера оплаты (до 4 оболов), проявив при этом дипломатические качества. Кроме этого, были уплачены все задолженности по жалованью и выданы деньги на месяц вперед (Xen., Hell., I, 5, 4–5). Все это значительно подняло боевой дух спартанцев. Диодор и Плутарх отмечают, что единовременная сумма, переданная Лисандру на военные нужды (вероятно, в качестве оплаты воинам) составила 10 тыс. дариков (около 50 талантов серебра) (Diod., XIII, 70, 3; Plut., Lys., 4). Отмеченные меры позволили стабилизировать обстановку с выдачей персами содержания пелопоннесцам, которое стало теперь платиться бесперебойно и в полном объеме¹⁰⁸. Мы не располагаем конкретными данными об отношении персов к спартанской политике в Малой Азии при Лисандре, однако не вызывает сомнения, что создаваемые им в городах олигархические правительства, декархии, пользовались поддержкой Кира. Утверждение в городах декархий после известного съезда видных деятелей олигархии в Эфесе в 407 г. до н. э. находилось в русле мероприятий Лисандра по укреплению собственного влияния в Малой Азии: единственным критерием на выдвижение в члены олигархических правительств была личная преданность спартанскому наварху, безотносительно от богатства или знатности. Естественно, декархии возникали в городах, где присутствовали гарнизоны во главе с гармостами.

Период первой навархии Лисандра был примечателен отдельными военными столкновениями. В частности, в 407/6 г. спартанский военачальник разгромил афинского стратега Антиоха в битве при Нотии (Xen., Hell., I, 5, 12–14; Hell., Оху., IV, 1–4). После окончания годовичного срока навархии Лисандр был сменен в должности Кал-

¹⁰⁸ Сохранилось некоторое количество персидских имитаций афинских драхм, датированных временем Пелопоннесской войны, на которых присутствуют портретные изображения персидского царя Дария II и его сына Кира Младшего. Как полагают исследователи, эти монеты были выпущены специально для расчета с экипажами кораблей, находившихся под командованием спартанцев (Weiser W. Die Eulen von Kyros dem Jüngeren. S. 267–298; Стрелков А. В. К вопросу о появлении и начальном этапе распространения имитаций афинских монет на Востоке. С. 139–155).

ликратидом, который, однако, не добился сколько-нибудь значительных успехов в боевых действиях в Эгейском море. Прибыв в Малую Азию, Калликратид оказался лишен персидской поддержки. Как отмечают Ксенофонт и Плутарх, последнее произошло прежде всего из-за интриг, которые плел против него Лисандр, возвративший Киру неизрасходованные средства (Xen., Hell., I, 6, 10; Plut., Lys., 6). В то же время новый наварх встретил враждебное к себе отношение со стороны сторонников Лисандра в городах. Согласно Ксенофону, друзья Лисандра интриговали против Калликратида и не только не оказывали ему должного содействия, но и объявляли по городам, что лакедемоняне совершают грубую ошибку, постоянно меняя навархов и посылая новичков в морском деле (Xen., Hell., I, 6, 4). Попытки Калликратида получить денежные средства у Кира также не имели успеха. По сообщениям источников, царевич всячески оттягивал свою встречу с ним и томил его долгим ожиданием (Xen., Hell., I, 6, 6; Plut., Lys., 6). Некоторые современные исследователи видели в Калликратиде противника прежних, союзнических отношений с Персией, ратовавшего за прекращение войны с Афинами¹⁰⁹. Трудно сказать, действительно ли взгляды Калликратида отличались столь разительно от мнений предшествующих спартанских командиров, которые осознавали зависимость Спарты от персидской финансовой помощи, или же, встретив сопротивление своим действиям, новый наварх поневоле вынужден был изменить свою тактику, не считая более возможным целиком полагаться на помощь Персии в войне. По крайней мере, Ксенофонт говорит, что Калликратид отправил послов в Спарту, рассчитывая переложить заботу о своем финансировании на спартанское государство, а также занял денежные средства у граждан Милета и Хиоса (Xen., Hell., I, 6, 8; 9–12). После прибытия в Эфес Калликратид попытался более полно использовать морское преимущество Спарты в войне. Новый спартанский наварх значительно увеличил количество кораблей, собрав дополнительно

¹⁰⁹ О Калликратиде: Roisman J. Kallikratides — a Greek patriot? // CJ. 1987. Vol. 83. № 1. P. 21–33; Moles J. Xenophon and Callicratidas // JHS. 1994. Vol. 114. P. 70–84. При оценке деятельности наварха в расчет принимались его высказывания в пользу примирения Афин и Спарты и прекращения сотрудничества с Персией (Xen., Hell., I, 6, 7–8). Ксенофонт приводит весьма эмоциональные слова Калликратида: «Эллины — несчастнейшие люди, если им приходится лстить варварам из-за денег» (Xen., Hell., I, 6, 7). Б. Лафорс доказывает, что Калликратид не был убежденным панэллинистом или сторонником мира с Афинами, но в своей деятельности оказался в зависимости от сложившейся ситуации (Laforse B. Xenophon, Callicratidas and Panhellenism // ANB. 1998. Vol. 12. № 1–2. P. 55–67).

50 судов на Родосе, Хиосе и у других союзников (Xen., Hell., I, 6, 3), и именно это обстоятельство могло быть одной из причин того, что Кир не выражал особого желания содержать эскадру в 140 кораблей¹¹⁰.

Калликратид энергично повел войну против Афин: он захватил город Мефимну на Лесбосе (Xen., Hell., I, 6, 12–14) и осадил с суши и с моря афинских стратегов Конона, Леонта и Эрасинида в Митилене (Xen., Hell., I, 6, 18–19). Между тем, отсутствие персидского финансирования успело негативно сказаться на положении пелопоннесского флота. В частности, это выразилось в заговоре с целью мятежа в войске под командованием Этеоника на Хиосе. Тяжелое положение спартанцев на Хиосе отмечает Ксенофонт, когда говорит о том, что в течение лета воины кормились плодами земли и нанимались за плату на полевые работы, но с наступлением зимы они начали голодать и стали испытывать нехватку даже самых необходимых для жизни вещей. Заговор был раскрыт, а деньги на оплату службы моряков были собраны с хиосских граждан (Xen., Hell., II, 1, 1–6). Попытка мятежа на Хиосе произвела известный резонанс, показав еще раз, насколько ценно умение договариваться с персами. И человеком, обладавшим этим умением, по-прежнему оставался Лисандр.

После гибели Калликратида в неудачном для спартанцев сражении при Аргинусских островах в 406 г. до н. э. Кир присоединил своих посланцев к делегации ряда малоазийских городов, отправившейся в Спарту просить возвращения Лисандра (Xen., Hell., II, 1, 6–7). Возвращение Лисандра в Малую Азию в качестве эпистолея (помощника) при навархе Араке в 405 г. до н. э. способствовало продолжению его успешных контактов с Киром. Как сообщает Ксенофонт, Кир возобновил финансирование пелопоннесского флота, даже несмотря на то обстоятельство, что, по словам царевича, все царские средства уже израсходованы и уже было потрачено много его собственных денег (Xen., Hell., II, 1, 11–12). Незадолго до решающего сражения при Эгоспотамах Кир Младший, отправляясь в мидийские Фамнерии к больному царю, передал Лисандру наличный остаток казны, а также право собирать с городов подати, поступающие в его личную пользу (Xen., Hell., II, 1, 14; Diod., XIII, 104, 4; Plut., Lys., 9). Далее Ксенофонт сообщает, что Кир посоветовал Лисандру не давать морского сражения в его отсутствие, а дожидаться, пока флот станет

¹¹⁰ Ко времени осады афинских стратегов в лесбосской Митилене Калликратид возглавлял флот, насчитывавший 170 кораблей (Xen., Hell., I, 6, 17).

еще более многочисленным, и при этом обещал новое финансирование военных затрат Спарты (Xen., Hell., II, 1, 14). Плутарх добавляет немаловажную деталь, сообщая, что Кир даже пообещал вернуться с большим числом кораблей из Финикии и Киликии (Plut., Lys., 9), и это свидетельствует о его готовности оказать спартанцам не только финансовую, но и военную помощь (как предполагал это сделать ранее Тиссаферн). Но поражение афинян в битве при Эгоспотамах осенью 405 г. и последовавшая капитуляция города оставила эти планы нереализованными.

Окончание Пелопоннесской войны и смерть Дария II, пришедшиеся на 404 г. до н. э., завершают один период в эволюции греко-персидских дипломатических отношений и начинают другой, характеризующийся все большим проникновением Персии в дела Эллады и активным участием греков в событиях, которые происходили внутри Персидской державы.

* * *

Подводя итог рассмотрению первого значительного опыта осуществления дипломатических отношений между греками и Персией, нельзя признать его удачным в целом. Несомненно, что как ведущие греческие полисы (Афины и Спарта), с одной стороны, так и царь и его сатрапы — с другой, преследовали собственные внешнеполитические цели, и несмотря на достигнутые компромиссы взаимодействие греков и персов нельзя считать полностью плодотворным. Именно в этом, на наш взгляд, состоит причина того, что афино-персидский Эпиликов мирный договор и согласованные впоследствии три антиафинских спартано-персидских договора перестали соблюдаться уже вскоре после их непосредственного заключения (выражаясь языком некоторых зарубежных исследователей, можно назвать их *dead letters*). Проблема малоазийских греков в этот период постепенно приобретает особую значимость, но еще не становится узлом острых противоречий. Спартанцы в обмен на персидское сотрудничество в войне с Афинами признали право персидского царя на греческие города Малой Азии, но это не была «предательская сделка» со стороны Спарты. Спартанские власти хорошо осознавали, что полный персидский контроль над малоазийскими греками станет возможным только после завершения войны (т. е. в некотором более или менее отдаленном будущем), и, таким образом, решение спартанцев определялось выгодами текущего момента. Как мы увидим далее, как только война завершилась, спартанцы решительно встали

на защиту эллинов Малой Азии. Между тем, именно в период Пелопоннесской войны закладываются основные аспекты греко-персидского взаимодействия, которые получают дальнейшее развитие в IV в. до н. э. Нельзя сказать, правда, что идея эллино-персидского сотрудничества в период Пелопоннесской войны была принята большинством греков. Мы упоминали о том, что уже Аристофан призывал к прекращению межполисных распрей перед лицом враждебных варваров. Такой же смысл носили призывы оратора и софиста Горгия из Леонтин (Philostr., Vit. Soph., I, 9, 4; Gorgias. F. 5b Diels-Kranz⁶ = Philostr., Vit. Soph., I, 9, 5), который считается в историографии одним из протагонистов идеологии панэллинизма.

Глава VII

ПЕРСИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГРЕЦИИ В НАЧАЛЕ IV в. до н. э.

Победа спартанцев над Афинами в Пелопоннесской войне в 404 г. до н. э. подвела своеобразный итог продолжительной борьбе за гегемонию в Элладе. Новым общеэллинским гегемоном стала Спарта, которая достигла этого во многом благодаря союзу с персами и их финансовой помощи¹.

Однако спустя пять лет после победы над Афинами лакедемоняне разорвали отношения со своим бывшим союзником Персией и вступили в новую войну, которая происходила на территории Малой Азии. В связи с таким развитием событий возникает закономерный вопрос: в чем заключаются причины столь быстрого изменения в спартано-персидских отношениях?

Прежде всего несомненно, что предпосылкой к началу войны стало обострение проблемы малоазийских греков. Договоры Спарты и Персии на заключительном этапе Пелопоннесской войны (из которых первостепенное значение имел договор Беотия) не привели к безоговорочному решению малоазийской проблемы, хотя каждый из них содержал статьи, затрагивающие положение греческих горо-

¹ Об организации Спартанской державы после Пелопоннесской войны см., например: Parke H. W. The Development of the Second Spartan Empire // JHS. 1930. Vol. 50. Pt. 1. P. 37–79; Печатнова Л. Г.: 1) Декархии Лисандра // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 4–31; 2) Спартанская навархия // Город и государство в античном мире: проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 162–179; 3) Лисандр и спартанский полис // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 11–25; 4) История Спарты. С. 351–412; Печатнова Л. Г., Алексеева И. А. Организация спартанской державы (гармосты и форос) // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 90–106.

дов Малой Азии. Подобная ситуация порождала различные интерпретации статуса малоазийских греков как самими спартамцами², так и персидским царем и его западными сатрапами.

1. Проблема малоазийских греков

После вступления на престол Артаксеркса II Мнемона (404–359 гг. до н. э.) спартанские представители власти могли связывать сохранение своего влияния в городах Малой Азии с Киром Младшим, сыном Дария II, оказавшим им значительную помощь еще в период Пелопоннесской войны. Однако положение самого Кира было очень нестабильным. Как известно, Тиссаферн, недовольный потерей своей сатрапии, обвинил царевича в заговоре против царя; Кир избежал наказания только благодаря вмешательству своей матери Парисатиды (Xen., Anab., I, 1, 3; Plut., Artax., 3, 5; Ctesias FGrHist., 688, F. 16, 59). Но когда Кир возвратился в Малую Азию, он прежде всего вступил в конфликт со своим врагом Тиссаферном за контроль над городами Ионии.

О политическом положении ионийских греческих городов в тот период Ксенофонт, в частности, замечает: «Ионийские города первоначально были отданы царем Тиссаферну (ἦσαν αἱ ἰωνικαὶ πόλεις Τισσαφέρνους τὸ ἀρχαῖον ἐκ βασιλείως δεδομένοι), но в это время все они, кроме Милета, перешли на сторону Кира (τότε δὲ ἀφειστήκεσαν πρὸς Κύρον πᾶσαι πλὴν Μιλήτου)» (Xen. Anab., I, 1, 6). Это сообщение историка, несомненно, может относиться к тем событиям, которые произошли

² С окончанием войны спартанцы, в соответствии с договорами, должны были покинуть Малую Азию и, следовательно, передать своих новых союзников под юрисдикцию персидских властей (См.: Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 137). Правда, спартанцы уходили из Азии в течение довольно длительного времени, и в некоторых городах еще несколько лет продолжали находиться спартанские гарнизоны. Так, например, в 400 г. до н. э. не видно следов спартанского присутствия в Эфесе и Нотии, граждан которых афиняне предоставляли за предоставление убежища самосцам, изгнанным из своего отечества Лисандром (IG. II/III2. 1, 48 = Ditt. Syll., I3, 117, 9; о том, что в Эфесе находился спартанский гарнизон в 409 г.: Hell. Оху., I, 1), но очевидно, что спартанцы все еще продолжали держать гарнизон в Калхедоне (Xen. Anab., VII, 1, 20). Это единственный пример присутствия спартанцев, спустя четыре года после войны, в городе, принадлежащем к сатрапии Фарнабаза; поэтому, возможно, следует признать правоту К. Таплина, полагающего, что случай Калхедона мог быть специально обговорен обеими сторонами (поскольку, как мы знаем, в конце войны власть одного гармоста распространялась на Калхедон и на Византий: Xen. Hell., II, 2,2) (Tuplin C. J. The Treaty of Boiotios. P. 145). Существуют основания считать, что большинство гарнизонов во главе с гармостами покинули малоазийские греческие города, и это ускорило их переход под власть Персии.

в первые годы царствования Артаксеркса II — в 404 или 403 гг. до н. э. Ксенофонт, правда, не называет по имени персидского царя, а слово τὸ ἀρχαῖον весьма неопределенно указывает на то время, когда царь передал Тиссаферну управление над греческими городами Ионии³.

Однако существуют основания полагать, что ионийские греческие города (αἱ ἰωνικαὶ πόλεις) перед тем как они были отданы царем Тиссаферну, входили в состав сатрапии Сарды и управлялись Киром⁴; следовательно, передача царем этих городов от одного сатрапа к другому могла иметь место только при определенных обстоятельствах, скорее всего, это произошло во время пребывания Кира под стражей в Вавилоне. Вообще же после ареста Кира Тиссаферн мог получить назад сатрапию Сарды, которую он потерял по решению Дария II в 408 г. до н. э., с другой стороны известно, что в во время своего восстания Кир уже контролировал Сардийскую сатрапию⁵. Однако, если считать ионийские города частью Сардийской сатрапии,

³ Некоторые исследователи, однако, считали, что Тиссаферн получил Ионию в дополнение к сатрапии Карию еще в 407 г. до н. э. (Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 40–41; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 2. Abt. 2. S. 135–139; Schaefer H. Tissaphernes. Sp. 1591). По мнению Э. Эндрюза, фраза Ксенофонта τὸ ἀρχαῖον ἐκ βασιλείως δεδομένοι может означать только назначение, сделанное Артаксерксом непосредственно после своего восшествия (Andrewes A. Two Notes on Lysander. P. 208. Not. 8).

⁴ Впрочем, Д. М. Льюис отмечает, что города Ионии не были частью административных сатрапий Персидской державы: эти города подчинялись сначала Киру, а затем Тиссаферну не как сатрапам, а как частным лицам и считались автономными по отношению к царю. Однако царь, как считает исследователь, все же поддерживал притязания на доходы с них (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 122). Подобной точки зрения в отношении статуса ионийцев придерживается и С. Хорнблауэр: «Тиссаферн получил их (города. — Э. Р.) точно также, как Фемистокл получил свои малоазийские города после Греко-персидских войн, то есть в результате формального пожалования царя, которое не имеет ничего общего с сатрапскими назначениями» (Hornblower S. Mausolus. P. 33–34).

⁵ Диодор говорит о том, что Кир в 403 г. до н. э. ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης σατραπειῶν ἡγούμενος, а в 401 г. до н. э. ὁ ἐπὶ θαλάττης ἥρχε σατραπειῶν (Diod., XIV, 19, 2; 26, 4). Плутарх более определенно называет Кира в тот период сатрапом Лидии и стратегом приморской области — σατράπης τῆς Λυδίας καὶ τῶν ἐπὶ θαλάσσης στρατηγός (Plut., Artax., 2, 5). С. Рузика считает, что в данном случае историк допускает неточность и называет более ранний статус Кира (Ruzicka S. Cyrus and Tissaphernes, 407–401 В С // CJ. 1985. Vol. 80. № 3. P. 205–206). Но, по сведениям Диодора, незадолго до своего мятежа против Артаксеркса II Кир назначил правителем «Ионии, Эолиды и соседних мест» египтянина Тамоса (XIV, 19, 6; 35, 3), который уже со времени Пелопоннесской войны действовал на территории Ионии в качестве подчиненного у сатрапа Тиссаферна (Thuc., VIII, 81, 3). Диодор также говорит о том, что Кир, помимо Тамоса, назначил своих родственников-персов наместниками Лидии и Фригии, сделав местом сбора войск для войны против своего брата город Сарды (Diod., XIV, 19, 6). Таким образом, приведенные сведения могут подтвердить предположение, что Кир накануне своего мятежа управлял значительной областью в Малой Азии.

то их самовольный переход на сторону царевича предполагает две возможности: либо Кир мог вступить в управление сатрапий Сарды по своему усмотрению, а не по решению царя Артаксеркса, либо же ионийские греческие города уже больше не входили в эту сатрапию. Последний из этих двух вариантов маловероятен, и существуют свидетельства в пользу первого. Так, Ксенофонт рассказывает о суде над Оронтом, который удерживал акрополь Сард против Кира по приказу царя Артаксеркса II (Xen., Anab., I, 6, 6).

По мнению С. Рузики, было бы странным, если бы царевич вовсе не понес никакого наказания за заговор против своего брата. И в качестве такого наказания, как считает исследователь, скорее всего, Кира могли лишить сатрапии⁶. Наконец, возвращение Кира в Малую Азию, как уже было замечено выше, произошло по инициативе Парисатиды, а не самого царя⁷; поэтому существуют основания полагать, что Кир мог вернуть себе сатрапию вопреки воле брата. Таким образом, Тиссаферн закономерно должен был расценивать переход ионийских городов к Киру как восстание, о чем свидетельствует развернувшаяся между ними борьба за контроль над Милетом⁸.

По сведениям Ксенофонта, первоначально Артаксеркс II не обращал внимания на противоборство двух сатрапов, поскольку, ве-

⁶ См. *Ruzicka S.* Cyrus and Tissaphernes. P. 205.

⁷ По данным Ктесия, Парисатида, добившись освобождения Кира, отослала его в «родную сатрапию» — *πρὸς τὴν οἰκίαν σατραπείαν* (Ctesias, FGrHist., 688, F. 16, 59); по словам Ксенофонта, мать отослала Кира вновь в его владения — *ἀποπέμπει πάλιν ἐπὶ τὴν ἀρχήν* (Xen. Anab., I, 1, 3); Плутарх отмечает, что Парисатида отослала царевича к морю — *κατέπεμψεν αὐτὸς ἐπὶ θάλατταν*, т. е. Кир также возвратился в Сарды (Plut., Artax., 3, 5).

⁸ Еще в 405 г. до н. э. Тиссаферн оказал поддержку милетянам, которых изгнал из их города спартанский наварх Лисандр (Diod., XIII, 104, 5; Plut. Lys., 8; 19; Polyae., I, 45, 1; 4): сатрап предоставил убежище 1000 милетянам, выдал каждому беглецу золотой статер и поселил их в крепости Блавда на территории Лидии (Diod., XIII, 104, 6). В данном месте Диодор говорит о Фарнабазе; однако, как это отметили исследователи, имя Тиссаферна у него напрочь отсутствует в XIII книге, поэтому почти не вызывает сомнения, что в этом месте подразумевался именно Тиссаферн (*Andrewes A.* Two Notes on Lysander. P. 213. Not. 15; *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 121. Not. 92). Накануне мятежа Кира Младшего Тиссаферн предпринял вооруженное нападение на Милет и захватил город (Polyae., VII, 18, 2). Ксенофонт объясняет враждебные действия Тиссаферна против Милета тем, что персидский сатрап предвидел переход милетян на сторону Кира; поэтому одних из них он казнил, а других изгнал из города (Xen., Anab., I, 1, 7). После возвращения из Вавилона Кир осадил Милет с моря и с суши, стремясь добиться отпадения города от Тиссаферна и возвращения изгнанных этим сатрапом милетян (Xen., Anab., I, 1, 7).

роятно, считал их конфликт частным делом, довольствуясь тем, что Кир исправно отсылал царю установленную подать с греческих городов Ионии — *καὶ γὰρ ὁ Κύρος ἀπέπεμπε τοὺς γιγνομένους δασμοὺς βασιλεῖ ἐκ τῶν πόλεων* (Xen., Anab., I, 1, 9). Упоминание подати весьма примечательно; это является еще одним прямым свидетельством фактического восстановления персидской власти над одной из важнейших областей Малой Азии, заселенной греками — Ионии.

2. Обострение спартано-персидских отношений

В 401 г. до н. э. спартано-персидские отношения быстро осложняются, чему в немалой степени способствовала помощь, оказанная Киру Младшему в войне против Артаксеркса. По крайней мере известно, что еще в 402 г. до н. э. Кир в ходе подготовки к своему выступлению направил послов в Спарту с просьбой военной помощи (Xen., Hell., III, 3, 1), и спартанцы, по всей видимости, ответили согласием⁹. Гибель царевича в битве при Кунаксе осенью 401 г. до н. э. вызвала опасения малоазийских (и прежде всего ионийских) греков в отношении враждебных действий со стороны Тиссаферна. Очевидно в такой тревожной ситуации ионийские греческие полисы решили возродить древний Ионийский союз, ликвидированный персами после Ионийского восстания в 494 г. до н. э.¹⁰.

⁹ *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 138; *Hornblower S.* The Greek World 479–423 B.C. P. 191. Спартанские эфоры откликнулись на просьбу Кира и направили на помощь мятежному принцу в Киликию свой флот, состоящий из 35 кораблей, во главе с навархом Самием (Xen., Hell., III, 1, 1; Anab., I, 4.2). Кроме того, на помощь Киру отправились 700 спартанских гоплитов, возглавляемых спартиатом Хейрисофом (Xen., Anab., I, 4, 2; ср. Diod., XIV, 19, 4–5). Вероятно, важной частью сотрудничества спартанцев и Кира было позволение последнему набирать наемников по всей Греции (*Hamilton C. D.* Sparta's Bitter Victories. P. 104. Not. 15). Г. Парк, однако, полагал, что эта помощь Киру была оказана Спартой неофициальным образом (*Parke H. W.* The Development of the Second Spartan Empire. P. 65). Вероятно, следствием спартанской поддержки Кира было изменение позиции царя по отношению к Спарте: так, например, по сведениям Динона Колофонского, Артаксеркс II возненавидел спартанцев и вообще стал считать их «самыми бесстыдными людьми на свете» — *ἀνδρώπων ἀπάντων ἀναϊδέστατους* (Dion., FGrHist., 690, F. 19 = Plut., Artax., 21).

¹⁰ О существовании Ионийского союза городов известно из сообщения Диодора, который говорит об объединении ионийцев применительно к 374 г. до н. э. (Diod., XV, 49, 1). Предположения в отношении времени и обстоятельств возрождения Ионийского союза см., в частности: *Caspari M. O. B.* The Ionian Confederacy // JHS. 1915. Vol. 35.

* * *

Тиссаферн принял деятельное участие в разгроме мятежа Кира Младшего (в решающем сражении при Кунаксе как один из четырех царских военачальников, он командовал значительными военными силами: Xen., Anab., I, 7, 11) и, предательски убив командиров эллинских наемников Кира, заслужил у греков плохую репутацию (Xen., Anab., II, 6, 1; Diod., XIV, 26, 6–7; Plut. Artax., 18; Ctesias, FGrHist., 688, F. 27; Suid., s.v. *Ξενοφῶν*)¹¹.

После возвращения на малоазийское побережье персидский сатрап попытался применить самые жесткие меры по отношению к ионийским греческим городам¹². Прежде всего он потребовал полного подчинения своей власти греческих городов Малой Азии — *ἐαυτῷ ὑπήκοος εἶναι*. Однако его требование было отвергнуто ионийскими греками, которые отказались открыть городские ворота сатрапу (Xen., Hell., III, 1, 3; Diod., XIV, 35, 6).

Исследователи предлагают различные объяснения правомочности подобных действий со стороны Тиссаферна. По мнению Г. Бенгтсона, Тиссаферн руководствовался спартано-персидскими договорами 412–411 гг. до н. э. и поэтому, разумеется, был полномочен подчинить греческие города¹³. М. А. Дандамаев также отмечает, что желание сатрапа подчинить греческие города Малой Азии соответствовало соглашениям, заключенным со Спартой¹⁴. Однако, как

Р. 183 (статья прошла практически незамеченной в науке и до сих пор ни в одной известных автору работ не встречается мнение, что посольства в Спарту были отправлены городами — членами Ионийского союза). Да и вообще сам факт существования этого союза, как представляется, достоверно засвидетельствованный в источниках (см. надписи: IvP. 139; Ditt. Syll. 3 134 = Tod. II, 113 = Harding, no. 24, датируемая между 391 и 388 гг. до н. э.), иногда обходится молчанием даже в специальных работах, посвященных политической истории Ионии в указанный период (см. *Hegyí D. Die ionische Poleis vom Kalliasfrieden bis zur Zeit der makedonische Eroberung* // HP. 1973. Bd. 2. S. 1016–1032).

¹¹ Примечательна характеристика, которую Плутарх (Alcib., 24, 6) дал Тиссаферну: «Свирепый и ненавидевший греков более всех из персов» (...ὤμῶς ὢν καὶ μισέλλῃν ἐν τοῖς μάλιστα Περσῶν). По-иному херонейский биограф отзывался о Фарнабазе (Lys., 20): «Лакедемоняне любили Фарнабазу, поскольку во время [Пелопоннесской] войны среди царских военачальников он действовал особенно энергично» (ἡγάπατο γὰρ ὁ Φαρναβάζος ὑπὸ τῶν Λακεδαιμονίων, προθυμότεατος ἐν τῷ πολέμῳ τῶν βασιλέωσιν στρατηγῶν γεγεννημένος).

¹² Ксенофонт отмечает, что Тиссаферн был послан сатрапом тех областей, где он началствовал прежде, и тех, которыми управлял ранее Кир (Τισσαφέρνης... σατράπης κατεπέμφθη ὧν τε αὐτὸς πρόσθεν ἦρχε καὶ ὧν Κύρος) (Xen., Hell., III, 1, 3).

¹³ Bengtson H. The Greeks and the Persians. P. 206.

¹⁴ Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. С. 232.

считает Г. Уэстлейк, Тиссаферн не имел права обращаться с малоазийскими греками как со своими подданными, а действия сатрапа объясняются в значительной мере его личными претензиями на их полное подчинение. Исследователь далее подчеркивает различия между позициями Тиссаферна и персидского царя (последний должен был довольствоваться только тем, чтобы ионийцы платили ему традиционную подать)¹⁵.

На наш взгляд, реальные мотивы, побудившие Тиссаферна потребовать подчинения греческих городов Малой Азии, не ограничиваются какими-либо из указанных факторов. Во-первых, согласно спартано-персидским соглашениям периода Пелопоннесской войны, малоазийские греческие города действительно должны были находиться под персидской властью, а на деле они уже входили в сферу контроля Персии, о чем наиболее выразительно свидетельствуют факты передачи царем ионийских греческих городов сатрапу Тиссаферну и поступление подати с этих городов в царскую казну (Xen., Anab., I, 1, 6, 8); поэтому неудивительно, что в 400 г. до н. э. сатрап обращался с жителями этих полисов как со своими подданными. Во-вторых, репрессивные меры по отношению к городам Ионии могут вполне объясняться их позицией, занятой по отношению к Тиссаферну накануне и в период мятежа Кира Младшего.

Как уже было замечено, Тиссаферн имел законные основания рассматривать переход ионийских городов на сторону Кира как восстание, которое он, по персидским обычаям, должен был подавить собственными силами, даже без апелляции к царю¹⁶. Подобную трактовку событий подтверждает и Ксенофонт при объяснении причин обращения за помощью в Спарту ионийских греческих городов: «Эти города, с одной стороны, желали сохранить свободу (*ἐλευθερίαν βουλόμεναι εἶναι*), а с другой, опасались мщения Тиссаферна за то, что они при жизни Кира отпали от Тиссаферна и стали на сторону Кира; поэтому они не открыли городских ворот Тиссаферну, а отправили послов в Лакедемон. Эти послы просили спартанцев, как защитников всей Греции (*πάσης τῆς Ἑλλάδος προσταταί*) позабо-

¹⁵ Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia, 400–397 B.C. // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 4. S. 407.

¹⁶ После возвращения в Малую Азию Тиссаферн предпринял карательные действия не только против эллинских городов Ионии. Он решил наказать тех сатрапов и те города, которые поддержали восстание Кира и признали его власть над собой. Диодор отмечает, что одни сатрапы, отправив послов к Тиссаферну, старались умиловить его, другие же оказались в большой тревоге. Среди последних был друг Кира — Тамос (Diod., XIV, 35, 3).

тяться о них, азиатских греках, спасти их страну от опустошения и выступить на защиту их свободы (ἐπιμελεσθῆναι καὶ σφῶν τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ Ἑλλήνων, ὅπως ἡ τε χώρα μὴ δέχοιτο αὐτῶν καὶ αὐτοὶ ἐλεύθεροί εἶεν)» (Xen. Hell., III, 1, 3). Этот призыв ионийских греков к спартамцам в конечном итоге явился предпосылкой к войне, которую в 400–394 гг. до н. э. начали спартанцы с персами под лозунгом независимости и свободы (αὐτονομία καὶ ἐλευθερία) греческих городов Малой Азии в целом.

К сожалению, остается неизвестным, какие именно города отправили своих послов в Спарту¹⁷, но возможно, что это были как раз участники воссозданного Ионийского союза. Каких действий со стороны Тиссаферна могли опасаться эти полисы? На этот счет высказываются разные мнения.

Так, ионийские послы в Спарте заявляли, что они опасаются опустошения их хоры и потери свободы, и эту мотивацию принимает Г. Уэстлейк¹⁸. Однако в историографии часто встречается и другое мнение, выраженное, например, американским исследователем Ч. Гамилтоном. Он считает, что в большинстве ионийских городов в тот период у власти находилась олигархия, и, по его словам, «проспартанские олигархические правительства этих городов опасались действий Тиссаферна, направленных на изменение политического строя и сопровождаемых изгнаниями и казнями их граждан, подобных тому, какие он предпринял в отношении Милета»¹⁹. Мнение Ч. Гамилтона, однако, не представляется обоснованным. Ведь, согласно устоявшейся точке зрения, в пользу которой, как мы считаем, есть достаточные свидетельства, падение влияния Лисандра в Спарте около 401 г. до н. э. привело к появлению «декрета» эфоров, упразднивших столь ненавистные многим декархии и восстанавливающие в городах *πάτριος πολιτεία*²⁰. Эта точка зрения, очевидно,

¹⁷ См. Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia. P. 406–407.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 109. Подобное предположение высказывают и некоторые отечественные исследователи: Дьяков В. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э. // Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1956. С. 403; Исаева В. И. Греция в IV в. до н. э. // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 313. Правда, Г. Уэстлейк предполагает, что участники посольства могли быть олигархами (Westlake H. D. Spartan Intervention. P. 407), но ничто в источниках не указывает на это обстоятельство.

²⁰ О дате см.: Parke H. W. The Development of the Second Spartan Empire. P. 54. Р. Смит, однако, относит этот «декрет» эфоров к 397 г. до н. э. (Smith R. E. Lysander and the Spartan Empire // CPh. 1948. Vol. 43. № 3. P. 145–156). С этим мнением солидаризировались Ч. Гамилтон и С. Рузика (Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 126–129; Ruzicka S.

заслуживает доверия²¹; поэтому наиболее вероятно, что не власти конкретного ионийского полиса, а общий совет ионийцев направил послов в Спарту — в то время самое могущественное государство Эллады. Действительной же причиной этого обращения были конкретные опасения враждебных действий со стороны Тиссаферна. И такие действия, как показывает дальнейшее развитие событий, не замедлили последовать.

Осенью 400 г. до н. э. Тиссаферн осадил эолийский город Кимы, который, вероятно, прежде входил в область Тамоса — сторонника Кира. Осада оказалась безуспешной (Diod., XIV, 35, 7), тем не менее этот агрессивный шаг со стороны Тиссаферна должен был вызвать беспокойство не только в Ионии, но и в самой Спарте. Первая попытка решения проблемы малоазийских греков еще до начала, собственно, Спартоно-персидской войны не увенчалась успехом. Диодор (XIV, 35, 6) сообщает, что в обращении к Тиссаферну спартанцы в довольно жесткой, почти что ультимативной форме, передали сатрапу требование не выступать войной против греческих городов — τοὺς ἐρούντας μὴ ὅπλα πολέμια ἐπιφέρειν ταῖς Ἑλληνίσιν πόλεσιν.

Требование не принесло ожидаемого результата, и Спарта оказалась перед лицом войны с Персией. Любопытно, что ситуация во многом напоминает ту, которая сложилась почти сто пятьдесят лет назад в связи с обращением малоазийских греков в Спарту с просьбой защитить их от враждебных действий со стороны Кира Великого. Но результат был иным: если в середине VI в. до н. э. лакедемоняне отказались выступить на защиту малоазийских греков, то в новой политической ситуации они ответили согласием.

The Eastern Greek World // The Greek World in the Fourth century / Ed. by L. Tritle. N.Y., 1997. P. 111). Основной аргумент против этой более поздней датировки может заключаться в том, что в 397 г. до н. э. Лисандр уже находился в Спарте и даже возродил в некоторой степени свое влияние, добившись избрания Агесилая спартанским царем в 399 г. до н. э. и его назначения руководителем спартанской экспедиции в Азию (подробное рассмотрение вопроса о дате упразднения декархий и аргументы в пользу датировки 397 г. до н. э. см.: Hamilton C. D. Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor. P. 40–47).

²¹ Ксенофонт описывает политический строй в ионийских городах после известного решения эфоров и накануне прибытия Агесилая в Малую Азию весной 396 г. до н. э. как «настоящий хаос, когда не было ни демократий, как при афинской власти, ни декархий — как при Лисандре» (Xen., Hell., III, 4, 7). Далее Ксенофонт и Плутарх указывают, что именно олигархи — бывшие члены декархий, оказавшиеся в изгнании, обращались в Спарту и побуждали Лисандра оказать им вооруженную помощь против своих сограждан.

Теперь возникает закономерный вопрос: какие цели преследовали спартанцы, направляя свой военный отряд в Малую Азию по просьбе ионийских греческих городов? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному. Так, например, Г. Бенгтсон говорил о том, что спартанцы просто не имели другого выхода, как только принять просьбу ионийцев. Исследователь замечает: «Могла ли Спарта, ведущая держава в Греции, победительница Афин, сдать греков Малой Азии варварам? Если Спарта не сумела бы ответить на призыв ионийцев, она должна была отказаться от своего положения гегемониальной державы. Таким образом Спарта показала бы всему миру, что она не могла и не желала воспринять роль защитницы анатолийских греков, которую прежде играли Афины»²².

Другие историки, однако, считают, что спартанцы решились на рискованное малоазийское предприятие, руководствуясь собственными политическими соображениями, в числе которых обычно называют стремление распространить свое влияние из Греции на Малую Азию и тем самым расширить спартанскую державу, а также «освободить» малоазийских греков от варваров. Наиболее красноречиво такая оценка причин Спартоно-персидской войны присутствует у Г. Глотца и Р. Коэна, а также Ш. Перлмана. Так, по мнению первых, спартанцы полагали, что победа над персами укрепит их гегемонию и доставит вследствие грабежа богатых сатрапий необходимое серебро для содержания флота²³. Согласно Ш. Перлману, «целью войны Спарты в Малой Азии было не только освободить греческие города от персидского правления, но также укрепить свое положение имперской державы и гегемона Греции»²⁴. К. Таплин также полагал, что спартанцы рассчитывали на расширения своей *epimeleia* за счет греческих городов Малой Азии²⁵. В обеих этих точках зрения, конечно, содержится рациональное зерно: в чем-то,

²² Bengtson H. The Greeks and the Persians. P. 206; cf. 2) Griechische Geschichte. S. 256. Об аналогичной дилемме, стоящей перед Спартой, говорит М. Кэри (Cary M. The Ascendancy of Sparta // CАН1. 1927. Vol. 6. P. 37). Г. Уэстлейк и Ч. Гамильтон среди прочего обращали внимание на то, что, соглашаясь оказать военную помощь малоазийским полисам, спартанцы получили шанс оправдаться в глазах греков за передачу этих полисов Персии в период Пелопоннесской войны (Westlake H. D. Spartan intervention in Asia. P. 408; Hamilton C. D.: 1) Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. London; Ithaca, 1991. P. 88–89; 2) Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor. P. 44).

²³ Glotz G., Cohen R. Histoire Grecque. T. 3. P. 43.

²⁴ Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War // CQ. NS. 1964. Vol. 14. P. 77.

²⁵ Tuplin C. J. The Failings of Empire. A Reading of Xenophon Hellenica 2.3.11–7.5.27 / Historia. Einzelschriften. Ht. 76. Stuttgart, 1993. P. 48.

несомненно, прав Г. Бенгтсон, который справедливо полагал, что отказ спартанцев оказать помощь ионийцам сильно уронил бы их престиж в Греции. Но также справедливо и мнение Г. Глотца, Р. Коэна, Ш. Перлмана и К. Таплина, считавших, что Спарта надеялась извлечь из войны с персами и определенные выгоды для себя²⁶.

Но все еще неясным остается вопрос: на что могли надеяться спартанцы, отправляя в Малую Азию военный отряд во главе с гармостом Фиброном? Даже если предположить, что спартанский военачальник рассчитывал уже вскоре увеличить свое войско за счет присоединения к армии «кирейцев» — греческих наемников Кира Младшего, о чем говорит, например, направление к ним эмиссаров Хармина и Полиника с предложением каждому солидного жалованья²⁷, то и эта армия, почти половина которой были наемниками, едва ли могла быть достаточной для решающей победы над Персией.

Решение этой проблемы может быть очевидным: спартанцы объявили о ведении не наступательной, а «превентивной» войны в Малой Азии, войны не против самого персидского царя, а против малоазийских сатрапов²⁸.

²⁶ О намерении спартанцев усилить свое влияние в Малой Азии свидетельствует факт помещения спартанским военачальником Деркилидом гарнизонов во главе с гармостами в малоазийские греческие города (Xen., Hell., III, 2, 20; Diod., XIV, 39, 6). Это делалось, несомненно, с согласия граждан этих городов, которые в спартанском военном присутствии видели залог собственной безопасности. Античные авторы говорят о присутствии гармостов в общих выражениях, из конкретных имен можно назвать, пожалуй, только пелленца Драконта в Атарнее, который с отрядом в 3000 воинов должен был охранять склад с продовольствием (Xen., Hell., III, 2, 11; Isocr., IV, 144).

²⁷ Ксенофонт предоставляет подробные сведения в отношении условий оплаты, которые предложил наемникам Фиброн: солдатам он пообещал платить по дарика в месяц, лохагам — два дарика, стратегам — четыре дарика (Xen., Anab., VII, 6, 1). Комментарии к этому месту см.: Stronk J. P. Ten Thousand in Thrace. Amsterdam, 1995. P. 251–258.

²⁸ На это обратил внимание еще В. Юдаих (Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 40). Ксенофонт заявляет в «Анабасисе» (VII, 6, 1): со слов посланцев Фиброна к «кирейцам», становится известно, что «лакедемоняне решили воевать против Тиссаферна, а Фиброн уже отплыл, чтобы вести войну (δοκεῖ στρατεύεσθαι ἐπὶ Τισσαφέρην, καὶ Θίβρων ἐκπέπλευκεν ὡς πολέμῳ)». В «Греческой истории» Ксенофонт заявляет: ионийские греки во время своего второго посольства в Спарту зимой 398/7 г. до н. э. говорили лакедемонянам, что от Тиссаферна зависит предоставить независимость грекам Азии (Xen., Hell., III, 2, 12). Наконец, уже после гибели Тиссаферна в 395 г. до н. э., персидский хилиарх Тифравст представлял перед Агесилаем этого сатрапа как главного виновника войны (Xen., Hell., III, 4, 25). Это, конечно, пропагандистский ход, однако данный факт в некоторой степени подтверждает личную ответственность Тиссаферна за начало военных действий. Д. М. Льюис и Г. Уэстлейк считают, что сатрап по отношению к малоазийским грекам мог действовать по собственному усмотрению, без согласования с царем (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 139; Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia. P. 407).

Как уже говорилось выше, ионийские послы просили спартанцев сохранить им свободу, не допустить разорения их земли, а виновным в их бедах они склонны были представлять сатрапа Тиссаферна (Xen. Hell., III, 1, 3, 2, 12). Здесь следует упомянуть справедливое замечание Г. Уэстлейка, что экспедиция спартанцев в Малую Азию должна была только удержать Тиссаферна от агрессивных действий против греческих городов. И этим может объясняться довольно пассивный характер военных действий, когда стороны, вплоть до прибытия Агесилая, уклонялись от решающего сражения и при каждом удобном случае шли на перемирия (это становится особенно заметным при Деркилиде, который предпочитал переговоры военным действиям)²⁹.

В литературе иногда встречаются попытки рассматривать начальный этап спартанской экспедиции в Азию в контексте внутривосточной ситуации в Спарте; историки пытаются определить, несли ли ответственность за нее сторонники Лисандра, царя Агиса II или же царя Павсания³⁰. Отвечая на этот вопрос, как представляется, можно высказывать только предположения. Несомненно, что экспедиция имела место в период после падения влияния Лисандра в Спарте (да и сам он, вероятно, был в то время в отъезде, поскольку посещал святилище Амона в Ливии — Plut., Lys., 20), когда резко возросла активность спартанских эфоров (достаточно вспомнить, например, «декрет» об упразднении декархий или восстановление демократии в Афинах в 403 г.).

Именно эфоры, возможно, по согласованию с обоими спартанскими царями, решили обратить внимание на Азию. В дальнейшем эфоры руководят кампанией спартанцев в Малой Азии: весной 399 г. до н. э. они дают приказ Фиброну совершить поход в Карию (Xen.,

Hell., III, 1, 7), затем отзывают его и направляют в качестве военачальника Деркилида (Xen., Hell., III, 1, 8), в 398 г. до н. э. эфоры направляют своих представителей Арака, Навбата и Антисфена вести наблюдение за ходом дел в Азии и передают через них свои распоряжения Деркилиду (Xen., Hell., III, 2, 6), а в 397 г. до н. э. они приказывают ему, как и Фиброну раньше, совершить вторжение в Карию (Xen., Hell. III., 2, 12). Г. Уэстлейк предполагает, что быстрота, с которой спартанцы откликнулись на обращение ионийских греков, несмотря на продолжающиеся военные действия в Пелопоннесе (в Элиде), дает понять, что в Спарте «не было какого-то значительного сопротивления этому решению»³¹.

3. Между войной и миром: Дипломатические контакты

в период спартано-персидского конфликта

Фиброн отплыл из Коринфа в Эфес осенью 400 г. до н. э.³². Спартанский гармост, по сведениям Диодора (XIV, 36, 3–4), начал военные действия весьма энергично, атаковав базы Тиссаферна в долине реки Меандра.

Однако после прибытия Тиссаферна на театр военных действий Фиброн решает возвратиться в Эфес, а затем оттуда выступить походом в Эолиду, принадлежавшую к сатрапии Фарнабаза. Поход против Фарнабаза на первый взгляд вызывает недоумение, поскольку, в отличие от Тиссаферна, спартанцы никогда прежде не шли на обострение отношений с этим сатрапом. Однако эта акция объяснима с учетом чисто практических выгод: Фиброн именно там рассчитывал добиться быстрого успеха, присоединив к своему войску бывших наемников Кира, находившихся в Пергаме (Xen., Anab., VII, 7, 24; Hell., III, 1, 6; Diod., XIV, 37, 4), а также склонив к сдаче города, управляемые греками на правах пожалованных от персидского царя

²⁹ Г. Уэстлейк, на наш взгляд, правильно определил военные действия спартанцев в Малой Азии в 400–397 гг. до н. э. как “phase of limited commitment” и “long period of somewhat luckwarm and haphazard campaigning” (Westlake H. D. Spartan Intervention.... S. 407). Об этом периоде Спартано-персидской войны см.: Pareti L. Studi minori di storia antica. Vol. 2. Roma, 1961. P. 259–277; Wysocki R.: 1) Kampania Derkylidasa w Troadzie w 399 roku p.n.e. // Meander. 1980. R. 35. № 11. S. 477–486; 2) Kampania karyjska w 397 r. p.n.e. // Meander. 1983. R. 38. № 1–2. S. 45–53; 3) Strategia Tissafernesa w wojnie ze Sparta w latach 400–397 p.n.e. // Meander. 1985. R. 40. № 3. S. 63–74; Westlake H. D. Decline and Fall of Tissaphernes // Historia. 1981. Bd. 30. Ht. 3. S. 257–279; Aidonis T. Tissaphernes' Dealings with the Greeks // CM. 1996. Vol. 47. P. 89–108; Рунг Э. В. Спарта и проблема малоазийских греков // Античный вестник. Вып. 3. Омск, 1995. С. 114–120.

³⁰ Об отношении к войне с Персией в самой Спарте см., например: Hamilton C. D. 1) Spartan Politics and Policy, 405–401 BC. // AJPh. 1970. Vol. 91. № 3. P. 312–313; 2) Ly-sander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor. P. 44ff.

³¹ Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia. P. 408.

³² Эта традиционная датировка прибытия Фиброна в Азию была пересмотрена Я. П. Стронком, который привел аргументы в пользу несколько более поздней датировки — весны (начало марта) 399 г. до н. э. (Stronk J. P. Ten Thousand in Thrace. P. 252–253). Однако голландский исследователь здесь не учитывает вполне ясное заявление Ксенофонта, что Фиброн зимовал в Азии, на территории дружественных ему городов (Xen., Hell., III, 2, 1).

(владения Демаратидов и Гонгилидов) (Xen., Hell., III, 1, 6)³³. Между тем спартанские власти не были удовлетворены ходом военных действий и весной 399 г. до н. э. заменили Фиброна другим военачальником — Декрилидом³⁴.

Назначение Деркилида в качестве преемника Фиброна должно объясняться прежде всего его личными качествами. Этот человек явно не был лишен дипломатических талантов. По словам Ксенофонта, Деркилид считался ловким и изобретательным человеком и поэтому носил прозвище Сизифа (Xen., Hell., III, 1, 8). Эфор более обстоятельно говорит о причинах, которые обусловили выбор Деркилида: «Лакедемоняне направили в Азию Деркилида вместо Фиброна, услышав, что живущие в Азии варвары привыкли совершать все дела с хитростью и коварством (*μετα ἀπάτης καὶ δόλου*). Именно поэтому, считая себя менее способными совершать обманы, они направили Деркилида: ведь никто в характере не имел столько же лаконской простоты (*λακωνικὸν ἄπλου*), сколько хитрости и коварства (*τὸ πανοῦργον καὶ θηριώδες*)» (Ephor., FGrHist., 70, F. 71). При назначении Деркилида спартанцы принимали в расчет его предшествующий опыт военного руководства и взаимодействия с сатрапами в период Пелопоннесской войны (он воевал совместно с Фарнабазом против афинян и был одно время гармостом Абидоса: Thus., VIII, 61, 1; 62, 1; Xen., Hell., I, 9). С момента своего прибытия этот спартанский военачальник развернул активную деятельность по налаживанию дипломатических контактов с персидскими сатрапами.

Так, первым делом, вместо того чтобы возобновить военные действия против Тиссаферна, Деркилид заключил с ним перемирие (*κοινολογησάμενος τῷ Τισσαφέρνει*) и решил выступить в Эолиду, принадлежавшую к сатрапии Фарнабаза (Xen., Hell., III, 1, 9). Трудно в действительности определить, какими истинными мотивами руководствовался Деркилид, решаясь на этот поход, имел ли он соответствующее поручение спартанских властей или же действовал по собственной инициативе³⁵. Ксенофонт объясняет поступок Деркилида тем, что он воспользовался недоверием и подозрительнос-

тью в отношениях между Тиссаферном и Фарнабазом, а также предпочитал одновременно вести войну с одним сатрапом, чем с обоими сразу. Другим мотивом поведения спартанца античный историк считает личную вражду между самим Деркилидом и Фарнабазом, восходящую еще ко времени его службы в качестве гармоста Абидоса под началом этого сатрапа (Xen., Hell., III, 1, 9).

Г. Уэстлейк, однако, не считает объяснение Ксенофонта исчерпывающим, поскольку полагает, что Деркилид едва ли был столь безответственным, чтобы принять важное стратегическое решение под влиянием лишь личных мотивов³⁶. Исследователь ссылается на сообщение Юстина / Помпея Трога, который говорит, что Деркилид заключил перемирие с Тиссаферном потому, что посчитал этого сатрапа более энергичным и более сильным в военном отношении, чем Фарнабаза (Iust., VI, 1, 3)³⁷. Однако, на наш взгляд, сообщение Юстина, впрочем, как и свидетельство Ксенофонта, также не до конца проясняет причины действий Деркилида. Как представляется, существуют основания полагать, что Деркилид дипломатическими средствами попытался разрешить проблему, которую Фиброн оказался не в состоянии разрешить в ходе военных действий — ликвидировать непосредственную угрозу ионийским городам со стороны Тиссаферна. Дело в том, что Ксенофонт со всей определенностью подчеркивает позитивную роль перемирий для поддержания политической стабильности и мира в Малой Азии. Так, историк в одном случае говорит, что к моменту истечения срока перемирия «Тиссаферн, Деркилид и местные эллины и варвары находились между собой в мире» (*ἐν εἰρήνῃ διῆγον Τισσαφέρνης τε καὶ Δερκυλίδας καὶ οἱ ταύτη Ἕλληνες καὶ οἱ βάρβαροι*) (Xen., Hell., III, 2, 12), а в другом сообщает о совете, который дал Деркилид прибывшим к нему с проверкой представителям Спарты: на обратном пути проехать через Эфес и увидеть греческие города «наслаждающимися благами мира» (*τὰς πόλεις ἐν εἰρήνῃν εἰδαιμονικῶς διαγοῦσας*) (Xen., Hell., III, 2, 9)³⁸. Наконец, по словам Ксенофонта, то обстоятельство, что дру-

³³ См: *Paveti L. Studi minori di storia antica. Vol. 2. P. 171–191.*

³⁴ Рассказ Ксенофонта (Hell., III, 2, 8) предполагает, что Фиброн был остранин от командования эфорами, однако возможно, что у спартанского гармоста просто закончился годичный срок исполнения должностных обязанностей, и его полномочия не были, как в случае с Деркилидом (Xen. Hell., III, 2, 6), продлены на следующий год. Примечательно, что после возвращения Фиброн все же был привлечен к суду в Спарте по обвинению в том, что он позволял отрядам грабить дружественные города (Xen. Hell., III, 2, 8).

³⁵ *Westlake H. D. Spartan Intervention in Asia. P. 413.*

³⁶ *Ibid. P. 414.*

³⁷ Как отметил Г. Уэстлейк, Деркилид также не мог быть вполне уверен, что он сможет провести успешную кампанию в Карию, учитывая то, что он все еще не обладал сильной конницей и не смог бы безопасно перейти долину Меандра (*Ibid.*).

³⁸ Некоторые исследователи вслед за В. Юдайхом считают Арака, Навбата и Антифена спартанскими послами в Персию, уполномоченными вести мирные переговоры с персидским царем, и полагают, что они по пути в Персию остановились у Деркилида в Лампсаке с целью передать ему поручение эфоров. Также высказывается мнение, что это посольство идентично со спартанским посольством в Персию, упомянутым Ктесием

жественные греческие города пребывают в мире (τὰς πόλεις φιλίας ἐν εἰρήνῃ διαβαίνει), позволило Деркилиду продлить еще на год перемирие с Тиссаферном — σπονδαί (Xen., Hell., III, 2, 9). Таким образом, как дает понять историк, бывший к тому же и участником событий, перемирия были вполне продуманной политикой Деркилида, они, как ему казалось, могли бы защитить греческие города Ионии и таким образом способствовать выполнению одной из задач спартанского военного присутствия в Малой Азии. Со своей стороны, Тиссаферн, заключив перемирие с Деркилидом, вероятно, предпочитал, чтобы спартанцы опустошали территорию Фарнабаза, а не его собственную область³⁹. Юстин отмечает, что позднее именно Фарнабаз обвинял Тиссаферна перед Артаксерксом в том, что тот содержал спартанцев на царские средства, добился путем подкупов от спартанцев затягивания войны и не вел активных боевых действий (Iust., VI, 1, 5–6). Еще более откровенно поведение сатрапа обличает Корнелий Непот, который передает рассказ о том, что Тиссаферн изменил царю и заключил союз со спартанцами (*ex intimis regis ab amicitia eius defecerat et cum Lacedaemoniis coierat societatem*) (Nep., Conon, 2–3). Этот рассказ отражает «персидский взгляд» на развитие событий и выявляет негативное отношение к сатрапу среди окружения персидского царя (он мог быть почерпнут из труда Динона Колофонского по истории Персии, сведениям которого, как пишет сам Непот, он доверял больше всего: Nep., Conon, 5).

Между тем военные действия в Эолиде и Геллеспонтской Фригии привели к «освобождению» спартанцами ряда эолийских городов, а также к заключению перемирия с Фарнабазом, которое гарантировало неприкосновенность греческих полисов области (Xen., Hell., III, 2, 1; Diod., XIV, 38, 3). Так, Деркилид во время похода в Троаду против Фарнабаза отправил послов в эолийские города с предложением стать свободными, открыть ему ворота и вступить с ним в союз (Xen., Hell., III, 1, 16). Таким же образом, при переговорах с Мидием, тираном в Эолиде, Деркилид потребовал предоставления αὐτονομία

καὶ ἐλευθερία греческим полисам области (Xen., Hell., III, 1, 20). Наконец, после захвата Скепсиса, Деркилид, по словам Ксенофонта, вывел гарнизон Мидия (τοὺς μὲν τοῦ Μειδίου φρουροὺς ἐξήγαγε) и передал город гражданам (παρὰ τοὺς δὲ τοῖς πολίταις τῆς πόλιν). В торжественной речи перед жителями Скепсиса спартанский военачальник указал, что они могут учредить у себя такой строй, какой подобает свободным гражданам (ὥσπερ Ἑλλήνας καὶ ἐλεύθερους χρή, οὕτω πολιτεύειν) (Xen., Hell., III, 1, 21).

Однако сами малоазийские греки, видимо, рассматривали «политику перемирий» Деркилида только как временную меру и потому стали требовать более радикального решения проблемы. При повторном обращении в Спарту в 397 г. до н. э. послы ионийских греческих полисов вменяли в вину Тиссаферну нежелание предоставить им независимость — ἐδίδασκον ὅτι εἴη ἐπὶ Τισσαφέρνει, εἰ βουλοίτο, ἀφιέναι αὐτονόμους τὰς Ἑλληνίδας πόλεις (Xen., Hell., III, 2, 12). Они предлагали спартанцам принудить Тиссаферна дать им независимость, создав угрозу частным владениям сатрапа в Карию.

Во время похода в Карию весной 397 г. до н. э. Деркилид, вместо того чтобы вступить в сражение с объединенными силами Тиссаферна и Фарнабаза при р. Меандре, снова согласился на перемирие с обоими сатрапами одновременно, начав также переговоры о согласовании более прочного мирного договора между Спартой и Персией. Спартанский военачальник поставил условием будущего мира (εἰρήνῃ) предоставление греческим городам Малой Азии αὐτονομία, а сатрапы потребовали, чтобы греческие войска покинули Малую Азию и спартанские гармоны ушли из городов. Затем на этих условиях было заключено перемирие, которое должно было действовать до тех пор, пока условия Деркилида не будут утверждены властями в Спарте, а условия Тиссаферна — царем в Персии (Xen., Hell., III, 2, 20; Diod., XIV, 39, 6).

Эти дипломатические переговоры, вероятно, имели продолжение, о чем можно получить некоторое представление из Фотиевой эпитомы «Персидской истории» Ктесия Книдского, где сообщается о направлении спартанских послов к царю (398/7 г. до н. э.), их помещении под стражу при царском дворе, а также ответной миссии в Спарту самого Ктесия, доставившего царские письма спартанцам (Ctesias, FGrHist., 688, F. 30)⁴⁰.

Книдским (Ctesias, FGrHist., 688, F. 16, 64) (Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 49–50; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 116. Not. 56; Westlake H. D. Decline and Fall of Tissaphernes... P. 260. Not. 12; Hamilton C. D. Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor. P. 45). Но, как указал Г. Уэстлейк, Арак, Навбат и Антисфен не поехали в Персию, а возвратились из Лампсака через греческие города домой, чтобы сообщить эфорам о политической ситуации в Малой Азии (Westlake H. D. Spartan Intervention... P. 417. Not. 34).

³⁹ Westlake H. D. The Decline and Fall of Tissaphernes. P. 259.

⁴⁰ Об этих переговорах в связи с биографией Ктесия Книдского: Brown T. S. Suggestion for a Vita of Ctesias of Cnidus // Historia. 1978. Bd. 27. Ht. 1. P. 13.

* * *

Весной 396 г. до н. э. войну против персов возглавил молодой царь Агесилай, который года за два перед этим вступил на престол в Спарте⁴¹. С его приходом в Малую Азию проблема азиатских греков приобретает особую остроту. Ксенофонт (Hell., III, 4, 7) живописно рисует хаос и анархию, которые творились в малоазийских греческих городах. Однако при определении отношения спартанцев к проблеме греков Азии принципиальное значение имеет вопрос о целях заморского предприятия Агесилая. Как полагает греческий историк, сопровождавший царя Лисандр, некогда первый человек в государстве, опираясь на многочисленных друзей в олигархических кругах малоазийских греческих городов, рассчитывал восстановить в прежнем виде правления десяти — декархии (Xen. Hell., III, 4, 2). Ксенофонту вторит Плутарх (Ages., 6, 1), видя в экспедиции Агесилая плод усилий Лисандра, стремившегося помочь своим друзьям, которых он оставил прежде правителями городов, но в тот момент они из-за склонности к насилию оказались в изгнании. Между тем сам Агесилай, преисполненный честолюбивых планов и пропагандируя свою экспедицию как панэллинское мероприятие⁴², вполне вероятно, мог рассчитывать на быструю победу над Персидской державой.

Между тем деятельность в качестве главнокомандующего спартанскими военными силами в Малой Азии Агесилай также начал с

⁴¹ О деятельности Агесилая в Малой Азии см.: Рунг Э. В. Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н. э.) // *Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения»*, 17 февраля 1997 г. Казань, 1997. С. 63–75.

⁴² Во-первых, спартанский царь направил послов во многие полисы Греции, приглашая их принять участие в походе и указав, сколько воинов должно было прислать каждое государство (Xen., Hell., III, 4, 2; Paus., III, 9, 1). Во-вторых, источники изобилуют сведениями о посещении спартанским царем известных греческих святилищ, обильных жертвоприношениях (диабатериях, предшествующих выступлению войска в поход: Xen., Hell., III, 4, 3; посещение, по поручению эфоров, оракулов Зевса в Додоне и Аполлона в Дельфах: Plut. Mor., 191b, 208f–209a). В-третьих, важное символическое значение имели жертвоприношения в беотийской Авлиде, на том самом месте, где приносил жертвы легендарный ахейский царь Агамемнон перед отплытием против Трои (Xen., Hell., III, 4, 3; Plut., Ages., 6, 6; Pel., 21, 4; Paus., III, 9, 3–4). Современные исследователи полагают, что Агесилай считал свой поход возобновлением борьбы между Европой и Азией и сознательно возродил лозунг панэллинской войны против варваров, представляя ее «второй Троянской войной» Спарты, а себя — новым Агамемноном (Cary M. The Ascendancy of Sparta. P. 41; Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 382; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 257; Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. P. 77; Bellen H. Der Rachgedanke in der griechisch-persischen Auseinandersetzung. // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 49–50; Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 388; Rahe P. A. The Military Situation in Western Asia on the Eve of Cunaxa // AJPh. 1980. Vol. 101. № 1. P. 95; David E. Sparta between Empire and Revolution. P. 21; Hornblower S. The Greek World. P. 192).

дипломатических акций. В Эфесе спартанский царь обратился к Тиссаферну с ультимативным требованием предоставить городам Малой Азии такую же независимость, какой обладают и полисы собственно Греции — αὐτονομίους καὶ τὰς ἐν τῇ Ἀσίᾳ πόλεις εἶναι, ὥσπερ καὶ τὰς ἐν τῇ παρ' ἡμῖν Ἑλλάδι. В этом требовании, носящем декларативный характер, впервые за время Спарто-персидской войны, указаны «границы» требуемой автономии. Такая постановка вопроса о статусе азиатских греков, предусматривающая полную свободу их от власти Великого царя и сатрапов, побудила Тиссаферна согласиться на переговоры. В итоге стороны договорились о трехмесячном перемирии (Xen., Hell., III, 4, 5; Ages., I, 10; Plut., Ages., 9, 1; Mor., 209A) под предлогом того, чтобы успели возвратиться послы, которых сатрап собирался направить к персидскому царю (Xen., Ages., I, 10). Однако после истечения срока перемирия Тиссаферн, получив подкрепление от Артаксеркса II, выразил готовность объявить Агесилаю войну, если он вместе со своим войском вскоре не покинет пределы Малой Азии (Xen., Hell., III, 4, 11; Ages., I, 13; Plut., Mor., 209A) — требование, которое было отвергнуто спартанским царем.

Таким образом, между сторонами начались открытые военные действия, в ходе которых Агесилай продолжил прежнюю тактику ведения войны, начатую еще его предшественниками, которая заключалась в сочетании внезапных отвлекающих ударов и опустошения территории врага с долгосрочными перемириями, позволявшими восстанавливать силы и держать в неприкосновенности защищаемые ими греческие города Малоазийского побережья.

Одним из отвлекающих ударов было вторжение весной 396 г. до н. э. в Геллеспонтскую Фригию — владение персидского сатрапа Фарнабаза (Xen., Hell., III, 4, 10–12; Xen., Ages., I, 15–20; Diod., XIV, 79, 3). Год спустя, весной 395 г. до н. э., Агесилай предпринял внезапное нападение на Сарды — резиденцию самого Тиссаферна. Вероятно, спартанский царь рассчитывал захватить город еще до подхода войск сатрапа, которые по-прежнему продолжали защищать подступы к Карии (Xen., Hell., III, 4, 21; Ages., I, 29)⁴³. Захват одного из центров западных сатрапий Персидской державы должен был создать угрозу

⁴³ Античные авторы свидетельствуют, что объявление Агесилаем своих намерений было воспринято Тиссаферном как ложный маневр. Сатрап посчитал, что он решил теперь вторгнуться в Карию (Xen., Hell., III, 4, 20–21; Ages., I, 28–29; Plut., Ages., X, 1; Polyae., II, 1; Front., Strat., I, 8, 12; Nepos., Ages., 3). Именно благодаря этой стратегии Агесилай сумел отвлечь силы Тиссаферна от места предполагаемого наступления и выиграть столь необходимое ему время для атаки на Сарды (См.: DeVoto J. G. Agesilaos and Tissaphernes near Sardis in 395 B.C. // Hermes. 1988. Bd. 116. Ht. 1. S. 46).

внутренним районам Малой Азии (Paus., III, 9, 5). В самом сражении при Сардах Агесилай разгромил конницу Тиссаферна (см.: Xen., Hell., III, 4, 21–25; Xen. Ages., I, 29; Diod., XIV, 80, 1–7; Hell. Оху., XIV, 2 — XVI, 1–2; Plut., Ages., 10, 1–4; Paus., III, 9, 6; Polyae., III, 1, 9, VII, 16, 1; Front., I, 8, 12; Nepos, Ages., 3, 4–6)⁴⁴. Спартанская победа имела скорее вес в психологическом плане. В военном отношении плоды победы были весьма скромными: в битве фактически не участвовала многочисленная персидская пехота, да и сами потери персов (Hell. Оху. XVI, 4) не были слишком большими. Сарды не были захвачены Агесилаем, поскольку прибывшие вовремя основные силы персов смогли предотвратить возможное нападение спартанского царя на город. Но после поражения кавалерии Тиссаферн едва ли мог предпринять боевые действия против Агесилая.

При царском дворе действия Тиссаферна вызвали серьезное раздражение, которое усиливали интриги Фарнабаза и царицы Парисатиды⁴⁵. В результате этого Артаксеркс направил в Малую Азию своего представителя Тифравста, который получил широкие полномочия⁴⁶. Диодор говорит о назначении Тифравста предводителем и отмечает, что персидский царь направил городам и сатрапам письма, предписывающие исполнять все его приказания (Diod., XIV, 80, 7)⁴⁷. Однако Тифравст, очевидно, не рассматривался в качестве преемника Тиссаферна; сам он не задержался надолго в Малой Азии и вскоре отбыл назад к царскому двору⁴⁸. Одна из основных задач Тифрав-

⁴⁴ Дискуссия об обстоятельствах битвы при Сардах: Grenfell B. P., Hunt A. S. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. 5. L., 1908. P. 152–153; Cornelius F. Die Schlacht bei Sardis // Klio. 1933 Bd. 26. Ht. 1. S. 29–31; Bruce I. A. F. An Historical Commentary on the «Hellenica Oxyrhynchia». P. 150–156; Nellen D. Zur Darstellung der Schlacht bei Sardes in den Quellen // AS. 1972. Vol. 3. S. 45–54; Anderson J. K. The Battle of Sardis in 395 B.C. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 27–53; Gray V. J. Two Different Approaches to the Battle of Sardis in 395 B.C.: Xenophon, Hellenica 3, 4, 20–24 and Hellenica Oxyrhynchia 11(6), 4–6 // CSCA. 1979. Vol. 12. P. 183–200; DeVoto J. G. Agesilaos and Tissaphernes near Sardis. P. 41–53; Wylie G. Agesilaos and the Battle of Sardis // Klio. 1992. Bd. 74. S. 118–130.

⁴⁵ В тот период Фарнабаз осуществлял верховное командование персидским флотом. Этой должности он смог добиться путем интриг, направленных против Тиссаферна, хотя сатрап Сард по-прежнему продолжал руководить сухопутными силами. В истории Персии разделение командования было часто встречающейся практикой.

⁴⁶ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 216.

⁴⁷ По данным Непота, Тифравст был хилиархом и вторым лицом в государстве (Nep., Conon, 3). О его влиянии при царском дворе см.: Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 17–18.

⁴⁸ Некоторые исследователи тем не менее считают Тифравста преемником Тиссаферна в должности сатрапа Сард (см., например: Дьяков В. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э. // Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1956. С. 404; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. С. 235).

та заключалась в выполнении тайного приказа об умерщвлении Тиссаферна, которого персидский царь склонен был считать виновником войны и всех военных неудач персов (Xen., Hell., III, 4, 25; Xen., Ages., I, 35; Plut., Ages., 10; Nep., Conon, 4). С этой задачей Тифравст успешно справился (Diod., XIV, 80, 7; Hell. Оху., XVI, 1–2; Polyae., VII, 16, 1). После гибели Тиссаферна хилиарх, по словам Павсания (III, 9, 7), испытывавший личную антипатию к спартанцам, мог приступить к выполнению другого поручения царя — пустить в ход все доступные ему средства, для того чтобы добиться удаления спартанских войск из Малой Азии. И здесь он прежде всего обратился к дипломатии.

Тифравст направил к Агесилаю послов, через которых он изложил условия царя относительно окончания войны. Согласно этим условиям, «царь считает справедливым, чтобы Агесилай отплыл домой, а азиатские города получают автономию, но при условии уплаты ему прежней подати — τὰς δ' ἐν Ἀσίᾳ πόλεις αὐτονομίους οὔσας τὸν ἀρχαῖον δασμὸν αὐτῷ ἀποφέρειν» (Xen., Hell., III, 4, 25) таково было персидское понимание автономии малоазийских греков. Кроме того, Тифравст представил перед Агесилаем казнь Тиссаферна как вполне заслуженную с точки зрения царя и отметил, что с гибелью Тиссаферна должна была исчезнуть и всякая причина для войны (Xen., Hell., III, 4, 25)⁴⁹. В стремлении выполнить поручение царя хилиарх заключил шестимесячное перемирие с Агесилаем (Diod., XIV, 80, 8; cf. Isocr., IV, 153)⁵⁰, по условиям которого в течение установленного срока спартанцы должны были воздерживаться от опустошения Лидии (Xen., Hell., III, 4, 26; Hell. Оху., XXIV, 1). Совет Тифравста Агесилаю перейти в подвластную Фарнабазу Фригию и предоставленные им 30 талантов на содержание войска (Xen., Hell., III, 4, 26; Plut., Ages., 10) как нельзя лучше свидетельствуют о личных неприязненных взаимоотношениях Тифравста и Фарнабаза.

* * *

Несомненно, что в течение двухлетних боевых действий в Малой Азии Агесилай задумывался и о способе, с помощью которого он сможет нанести более серьезный урон Персии, — набегам или

⁴⁹ По свидетельству Ксенофонта, Тифравст заявил Агесилаю, что Тиссаферн, «виновник вашего и нашего беспокойства, теперь наказан» (Xen., Hell., III, 4, 25).

⁵⁰ См.: Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. Berlin-München, 1962. № 222.

разорениями территории сатрапов. И такой способ был найден: это была поддержка сепаратизма местных малоазийских сатрапов и династов, а также их объединение против персидского царя, где дипломатическим средствам в создании «малоазийской» антиперсидской коалиции принадлежала едва ли не ключевая роль.

Исследователи неоднократно обращали внимание на планы спартанского царя в отношении Персидской державы. Так, Ш. Перлман пишет: «Агесилай поставил целью полное низвержение персидского правления в Малой Азии, побуждая к отложению независимые племена и персидскую знать»⁵¹. По мнению Р. Сиджера, «великой стратегией Агесилая в Малой Азии было создание буферной зоны восставших сатрапов»⁵². Наконец, и Д. Льюис также замечает: «Если я осмеливаюсь догадываться о способе, которым Агесилай думал разрешить проблему малоазийских греков, то я должен указать на его переговоры с пафлагонцами и Фарнабазом и предположить, что он мог видеть в Малой Азии маленькие буферные государства»⁵³.

Как известно, история Персидской державы Ахеменидов не знала недостатка в разного рода восстаниях, которые периодически угрожали целостности самого государства, и греки в своей борьбе с Персией уже в V в. до н. э. не раз вставали на сторону какого-либо мятежника (см. примеры поддержки греками Ионийского восстания, мятежа Инара и Амиртея в Египте, выступления Зопира, сына Мегабиза и Аморга, сына Писсуфна, рассмотренный с той или иной степенью подробности в предыдущих разделах книги). Поэтому Агесилай должен был прекрасно понимать, что восстания царских наместников и династов, обращенные против Артаксеркса, могут, если и не сокрушить Персию, то, по крайней мере, существенно ослабить ее, заставив царя из-за угрозы внутренней нестабильности пойти на значительные уступки, тем самым способствуя повышению внешнеполитического престижа Спарты и ее влиянию на дела Востока. Стратегические планы Агесилая находили воплощение в конкретных действиях во внутренних районах Малой Азии — попытках завязать отношения со знатным персом Спифридатом (Xen., Hell., III, 4, 10; Plut., Lys., 24; Plut., Ages., 8), пафлогонским династом Отисом (Xen., Hell., IV, 1, 3; Ages., III, 4; Hell. Oxy., XXIV, 2), и наконец, с самим сатрапом Фарнабазом при посредничестве

Аполлофана из Кизика, ксена сатрапа (Xen., Hell., IV, 1, 29ff; Plut., Ages., 12, 1; Porphyg. ap. Euseb. Praep. ev. 10. p. 465). Между тем политическая ситуация в самой Греции (в частности, начало Коринфской войны) сделала необходимым присутствие Агесилая в Спарте, и таким образом военные действия были приостановлены. Спартанские эфоры направили в Азию спартиата Эпиклида, который передал Агесилаю приказание немедленно спешить на помощь отечеству (Xen., Hell., IV, 2, 1). Античные авторы отмечают, что такое приказание Агесилай получил в разгар подготовительных мероприятий для продолжения войны против персидского царя. Ксенофонт свидетельствует, что после встречи с Фарнабазом и заключения перемирия с ним Агесилай удалился из Геллеспонтской Фригии и вновь прибыл на Фиванскую равнину, расположившись недалеко от храма астирской Артемиды. В этом месте он начал собирать множество воинов и предполагал идти походом вглубь азиатского материка, считая, что все те племена, которые останутся позади него, будут тем самым отторгнуты от царя Персии (Xen., Hell., IV, 1, 41). Согласие с этим обнаруживает и оксиринхский историк, по мнению которого, с наступлением весны Агесилай предполагал совершить вторжение в Каппадокию (Hell., Oxy., XXV, 4). По сообщению Плутарха, «в то время Азия вся волновалась и была склонна к отпадению от персидского царя», и Агесилай решил двинуться дальше, «чтобы, удалив войну от Греческого моря, заставить царя сразиться за собственную жизнь и сокровища Суз и Экбатан, и таким образом лишить его возможности возбуждать войну среди греков» (Plut., Ages., 15, 1).

Возможно, Агесилай действительно вынашивал планы вторжения в центральные районы Персидской державы. Об этом говорит тот факт, что, покидая Малую Азию, он пообещал вновь вернуться, чтобы продолжить войну с персами, и потом он все еще не оставлял эту надежду (Xen., Hell., IV, 2, 3; Ages., II, 29)⁵⁴. Уход Агесилая из Малой Азии позволил персам продолжить военные действия против Спарты.

В 398 г. до н. э. начались военные действия в Эгейском море. Уже Деркилид, намереваясь осуществить поход в Карию, привлек эскадру из 120 судов под командованием наварха Фарака (Xen., Hell., III,

⁵¹ Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. P. 77.

⁵² Seager R. Agesilaus in Asia: Propaganda and Objectives // LCM. 1977. Vol. 2. P. 183f.

⁵³ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 154.

⁵⁴ В малоазийских греческих городах оставались только спартанские гармосты. Помимо них, Агесилай оставил также гармостом и Евксена с 4000 воинами, чтобы он мог защищать местные города (Xen., Hell., IV, 2, 5). Об этих гармостах: Bockisch G. Ἀρμοσταί (431–387) // Klio. Bd. 46. 1965. S. 217.

2, 12). Далее, нуждаясь в кораблях и продовольствии для военных нужд, спартанцы заключили союз с Египтом, который возвратил себе независимость от персов еще в конце V в. до н. э. — *πρέσβεις ἀπέστειλαν πρὸς Νεφερέα τὸν Αἰγύπτου βασιλέα περὶ συμμαχίας* (Diod., XIV, 79, 4)⁵⁵. Но помощь египетского царя фактически ограничилась предоставлением строительного леса для 100 триер и 500 тысяч медимнов хлеба (Diod., XIV, 79, 4; Iust., VI, 2, 11; Oros., Hist., III, 8).

В 397 г. до н. э. Фарнабаз посетил царский двор в Сузах, где убеждал Артаксеркса II начать оснащение собственного флота. Сатрап посоветовал царю воспользоваться услугами афинянина Конона, который на тот момент пребывал в качестве эмигранта на Кипре⁵⁶. Между персидским двором в Сузах и Кононом развернулась оживленная переписка, посредником в которой выступали Эвагор, правитель кипрского города Саламина и покровитель Конона, а также придворный медик Ктесий Книдский, который описал эти переговоры в «Персидской истории»⁵⁷. В конечном итоге Фарнабаз добился утверждения кандидатуры Конона на должность одного из навархов.

Одновременно Фарнабаз начал оснащение персидского флота в бухтах Кипра, Финикии и Киликии и получил от царя на эти цели 500 талантов серебром (Diod., XIV, 39, 1; Iust., VI, 1, 4; Oros. Hist., III, 1, 7); так, в частности, предполагалось построить на Кипре 100 кораблей (Diod. XIV., 39, 2), а в Финикии и Киликии оснастить 300 су-

⁵⁵ О позиции Египта: *Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt...* P. 8.

⁵⁶ Сама идея организации морской войны против Спарты, очевидно, принадлежала Конону (Diod., XIV, 39, 3), поскольку он рассчитывал предложить царю план действий и свои услуги в качестве наварха (Plut., Artax., 21). Решающую роль Фарнабаза в назначении Конона навархом персидского флота единодушно подчеркивают многие античные авторы: Ктесий Книдский, в частности, прямо говорит, что Фарнабаз сделал навархом Конона *ὁπὸ Φαρναβάζου ναύαρχος ἐγένετο* (Ctesias, FGrHist., 688, F. 30; cf. Diod., XIV, 39, 1; Plut., Artax., 21; Nepos, Conon, 2; Just., VI, 1, 4; Oros., Hist., III, 1, 7).

⁵⁷ Конон обратился со своими предложениями к Эвагору, а Эвагор написал о них в письме Ктесию. Вслед за тем Ктесию написал уже сам Конон. В свою очередь, Ктесий обратился с предложениями Конона непосредственно к царю и передал ему написанное афинянином письмо. Затем Эвагор отправил дары одному персидскому чиновнику, Сатибарзану, а послы, курсировавшие между Саламином и царским двором, доставили письмо Конона царю и Ктесию (Ctesias, FGrHist., 688, F. 30). По словам Диона, Конон написал царю письмо, в котором изложил свои планы и намерения, и велел передать его Артаксерксу через танцовщика критянина Зенона или медика Поликрита из Менды, а в случае отсутствия двух последних — через Ктесия Книдского (Dion. ap. Plut. Artax., 21). Об этих переговорах см. также: *Brown T. S. Suggestion for a Vita of Ctesias of Cnidus*. P. 13–16.

дов (Xen., Hell., III, 4, 1)⁵⁸. Как полагает Д. М. Льюис, персидский царь, начав строительство флота в южной Эгеиде, должен был иметь в виду не только Спарту, поскольку независимый Египет также создавал значительные беспокойства⁵⁹.

По мнению Р. Холла, огромный флот из 300 судов должен был быть собран в гаванях Финикии с целью предпринять попытку вернуть Египет персидскому царю⁶⁰. Однако подобные намерения тогда едва ли были реально выполнимы, поскольку персы не могли рассчитывать одновременно вести войну на два фронта, тем более что к началу военных действий против Спарты на море финикийский флот так и не был собран в должном количестве. Можно лишь допустить, что персы предполагали использовать финикийцев в экспедиции против Египта только после завершения войны со Спартой.

Боевые операции флота, которым руководил Конон, начались еще в год архонта Суниада — 397/6 г. до н. э. (Philoch., FGrHist., 328, F. 144–145). Вероятно, весной 396 г. до н. э. Конон, находившийся на Кипре, снялся с якоря и во главе греческих кораблей отплыл в Киликию. Не завершив еще полного оснащения своей эскадры, он всего с 40 судами переправился в Карию и расположился вблизи Кавна (Diod., XIV, 39, 4). В то же время спартанский наварх Фарак блокировал Конона у Кавна (Diod., XIV, 79, 4). Но после довольно продолжительной осады персидские военачальники Фарнабаз и Артаферн подоспели на выручку Конону и кавнийцам и принудили Фарака отступить.

Зимой 397/6 г. до н. э. строительство кораблей в Финикии и Киликии было в самом разгаре, но уже вскоре оно было приостановлено, так как спартанцы «случайно» обнаружили все приготовления. Они получили сведения об этом от некоего сиракузянина Герода, прибывшего на купеческом корабле (*μετά ναυιλήρου*) в Финикию (Xen., Hell., III, 4, 1). В период пребывания Агесилая в Малой Азии

⁵⁸ Как известно, Кипр был важным источником снабжения персов корабельным лесом. Кроме того, остров «имел решающее значение для поддержания персидской морской власти в Восточном Средиземноморье и, таким образом, служил гарантией персидского господства в южной Малой Азии, Финикии, Сирии и Египте» (*Costa E. A. Jr. Evagoras I and the Persians ca 411 to 391 B.C.* P. 47). После принятия решения при персидском дворе о подготовке к морской войне, Фарнабаз отправился с определенной суммой денег на Кипр, где он поручил кипрским царям (*βασιλεύσι*) выстроить установленное количество кораблей и лично вел переговоры с Кононом (Diod., XIV, 39, 2).

⁵⁹ *Lewis D. M. Sparta and Persia*. P. 141.

⁶⁰ *Hall H. R. Egypt to the Coming of Alexander* // *CAH*1. 1927. Vol. 6. P. 145.

морская война приобрела активный характер. Доведя численность своего флота до 80 кораблей, Конон летом 396 г. до н. э. вошел со своими судами в родосскую гавань и бросил якорь на Родосе, который незадолго до того освободился от власти спартанцев (Diod., XIV, 79, 5). Переход Родоса к персам и Конону явился событием, оказавшим значительное воздействие не только на состояние спартанского господства в Эгейском море, но и на ход самой войны с Персией⁶¹. В руки персов перешел остров, который занимал ключевое положение в сообщениях спартанцев с другими странами Восточного Средиземноморья, и это не замедлило сказаться на ходе событий: караван с египетским хлебом, следовавший из Египта и имевший промежуточную остановку на Родосе, был перехвачен Кононом (Diod., XIV, 79, 7). Кроме того, персы, завладев Родосом, лишали спартанскую армию прикрытия с моря в том случае, если военные действия переместятся в район Карики. Весной 395 г. до н. э. в Кавне к Конону, который имел уже 80 кипрских и родосских кораблей, присоединились еще 90 судов: 10 киликийских и 80 финикийских триер под командованием некоего сидонского династа (Diod., XIV, 79, 8; Hell. Оху., XII, 2). Таким образом, греко-персидский флот в этот момент получил численное превосходство над спартанской эскадрой⁶².

Между тем флот, руководимый Фарнабазом и Кононом, оказался в тяжелом финансовом положении. Выданные в 398/7 г. до н. э. Фарнабазу деньги в размере 500 талантов уже иссякли, а новые денежные средства от царя еще не поступали. Таким образом, собранный флот, хотя и значительный по численности, оказался небоеспособным. Тяжелая финансовая ситуация разрешилась только с прибытием Тифравста в Сарды. По сведениям оксиринхского историка, когда в начале лета 395 г. до н. э. Конон, желая встретиться с Фарнабазом и Тифравстом (βουλόμενος δὲ συμμείξει τῷ Φαρναβάζῳ καὶ Τιφράστῳ, отбыл к ним из Кавна, его основной целью было получить деньги

(χρήματα λαβεῖν), чтобы рассчитаться с воинами, которым задолжали плату за много месяцев (προσοφειλόμενος μισθὸς πολλῶν μῆνων) (Hell., Оху., XXII, 2). Исократ уточняет этот срок и говорит о 15 месяцах, в течение которых Конон не платил жалованье своим воинам (Isocr., IV, 142). Фактически указание Исократом, даже если оно и преувеличено, указывает на последний срок, когда Конон был еще способен рассчитываться с воинами: это зима 397/6 г. до н. э.

С прибытием Тифравста в Сарды ситуация переменялась. Вероятно, именно он привез с собой денежные средства, предоставленные персидским царем. К их числу добавились деньги, взятые из имущества казенного Тиссаферна (ἀργυρίον ἐκ τῆς Τισσαφέρνου). Поэтому при личном свидании с хилиархом в Сардах Конон получил 220 талантов серебром. С учетом еще 700 талантов серебра и золота, бывших в распоряжении у Тифравста, получается общая сумма в 920 талантов⁶³. В целом же за три года персы выделили на военные нужды 1420 талантов (Hell. Оху., XXII, 3)⁶⁴.

Несмотря на то что переданная Конону сумма денег была значительной, большая часть ее должна была пойти на покрытие задолженности морякам и наемникам, служившим под его начальством. Вслед за этим Тифравст, очевидно, направил в Грецию родосца Тимократа с 10 000 дариков. Выполнив свою задачу, хилиарх к концу лета 395 г. до н. э. отправился обратно к царю, передав свои полномочия Ариео и Пасиферну (Hell. Оху., XXI, 3).

Зимой 395/94 г. до н. э. Конон посетил царский двор и добился выделения дополнительных средств (Diod., XIV, 81, 4–7; Just., VI, 2, 12–15; Nep., Conon, 3, 2; 4, 1–2). Диодор сообщает, что, поручив свое войско афинянам Гиерониму и Никодему, Конон отплыл в Киликию, а по прибытии в сирийский город Тапсак он поднялся вверх по Евфрату до Вавилона (Diod., XIV, 81, 4). В царской столице он вел переговоры с Артаксерксом II и добился того, что персидский царь предоставил в его распоряжение казначея, имевшего значительные денежные средства, а также дал ему право использовать на военные нужды подати, поступавшие с некоторых сатрапий. Исследователи в основном считают достоверным факт встречи Конона и Артаксеркса и, соответственно, признают, что визит афинянина в Вавилон действительно имел место и был обусловлен мятежом кипрских

⁶¹ О восстании Родоса см.: *Perlman S.* The Causes and the Outbreak... P. 79; *Seager R.* Thrasibulus, Conon and Athenian Imperialism, 396–386 B.C. // *JHS.* 1967. Vol. 87. P. 95; *Горлов Ю. В.* Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996. С. 98. О событиях на Родосе см.: *Bruce I. A. F.* The Democratic Revolution at Rhodes // *CQ.* 1961. NS. Vol. 11. № 2. P. 166–170; *Berthold R. M.* Fourth Century Rhodes // *Historia.* 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 32–37; *Ruschenbusch E.* Stasis und Politischen Umsturz in Rhodos // *Hermes.* 1982. Bd. 110. Ht. 4. S. 495–498; *Funke P.* Nochmals zu den Wechselfällen rodischer Politik zu Beginn des IV. Jahrhunderts v. Chr. // *Hermes.* 1984. Bd. 112. Ht. 1. S. 115–119; *David E.* The Oligarchic Revolution at Rhodes 391–389 B.C. // *CPh.* 1984. Vol. 79. № 4. P. 273.

⁶² Э. Рушенбуш отмечал, что в итоге Конон располагал 170 триерами и превосходил спартанцев с их 120 триерами (*Ruschenbusch E.* Stasis und Politischen Umsturz... S. 495).

⁶³ Д. Льюис считает эти деньги полностью взятыми из имущества Тиссаферна, а не царским пожалованьем (*Lewis D. M.* Persian Gold in Greek International Relations. P. 232).

⁶⁴ См.: *Cook M. L.* Timokrates' 50 Talents and the Cost of Ancient Warfare // *Eranos.* 1990. Vol. 88. № 1. P. 90.

наемников и нехваткой денежных средств даже после получения денег от Тифравста⁶⁵. Юстин и Непот говорят, что Конон лично не встречался с царем, а общался с ним при помощи того же Тифравста (Just., VI, 2, 13; Nepos., Conon, 3), и их информация заслуживает доверия⁶⁶.

3. Роль Персии в консолидации антиспартанского движения в Греции

С самого начала IV в. до н. э. Спарта, добившаяся гегемонии в греческом мире после победы над Афинами, начинает восприниматься как угроза греческой свободе. Как результат, укрепляются взаимоотношения враждебно настроенных по отношению к Спарте эллинских государств и Персии. Не подлежит особому сомнению, что в Афинах к возобновлению тесных дипломатических отношений с Персией стремилась антиспартанская группировка Эпикрата и Кефала, которая поддерживала определенные контакты с афинянином Кононом, назначенным Артаксерксом II навархом флота в морской войне Персии против Спарты (Hell., Оху., X, 1; Isocr., IV, 142)⁶⁷. Именно эта группировка, вероятно, несла ответственность за организацию неудачной афинской дипломатической миссии в Персию в 398/7 г. до н. э.

По сведениям оксиринхского историка, отправленные к царю послы во главе с Гагнием и Телесегором (πρέσβεις ὡς βασιλέα), были задержаны навархом Фараком и отосланы в Спарту, где были казнены (Hell. Оху., X, 1)⁶⁸. Свидетельство оксиринхского историка об

⁶⁵ Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 66, Anm. 1; Swoboda H. Konon (3) // RE. 1922. Bd. XI. Hbbd. 22. Sp. 1325; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 108; March D. A. Konon and the Great King's Fleet, 396–394 // Historia. 1997. Bd. 46. Ht. 3. S. 267.

⁶⁶ Bruce I. A. F. A Historical Commentary... P. 124.

⁶⁷ В этот же период в Афинах восстанавливается почетный декрет в честь Геракла, прославляющий деятельность последнего при заключении Эпилика мирного договора (Perlman S. Athenian Democracy and the Revival of Imperialistic Expansion at the Beginning of the Fourth century B.C. // CPh. 1968. Vol. 63. № 3. P. 259).

⁶⁸ Имя одного из послов полностью не сохранилось в тексте, но по первому изданию фрагментов Оксиринхской истории состав посольства определяется как οἱ περὶ Π[ερ]κράτη τε καὶ Ἀγνίαν καὶ Τηλεσγόρον (Hell. Оху., X, 1). С. Я. Лурье в переводе фрагментов Оксиринхской истории восстанавливает имя первого посла, не известного нам по другим источникам — [Гипп]ократ (Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Я. Лурье. 2-е изд. М., 1993. С. 265).

аресте послов спартанцами подтверждают аттидографы Андриотий и Филохор (Harpocr. s.v. Ἀγνίας = Androton, FGrHist., 324, F. 18; Philoch., FGrHist., 328, F. 147). На это посольство намекает в своей речи оратор Исей, говоря о том, что Гагний готовился отплыть в составе посольства по делу, которое должно было принести большую пользу государству (Isaeus, XI, 8)⁶⁹. Задержание и последующая казнь послов в Спарте, пожалуй, позволяют сделать следующие выводы: во-первых, сама афинская миссия определенно носила секретный характер⁷⁰; во-вторых, она причиняла вред спартанским интересам, так как была направлена на сближение с Персией, противником Спарты.

Отправив посольство к персидскому царю, афиняне тем самым нарушали условия мирного договора 404 г. до н. э., согласно которым Афины становились спартанским союзником, обязались иметь одних и тех же врагов и друзей и подчиняться спартанской гегемонии на суше и на море (Xen., Hell., II, 2, 20). По мнению И. Брюса, это посольство могло столь явно быть связано с войной между Спартой и Персией, что афиняне не осмелились допустить, чтобы оно было официальным⁷¹. Разумеется, афиняне не выразили протеста в связи с казнью своих послов, а проявляли крайнюю осторожность, стремясь не допустить открытого обострения в отношениях со Спартой ввиду тяжелых экономических и политических последствий Пелопоннесской войны.

Таким образом, Афины в начале IV в. до н. э. стали предпринимать некоторые шаги, хотя пока еще и робкие, для укрепления своей внешней политики в Восточном Средиземноморье и возобновления отношений с Персидской державой на фоне враждебности к Спарте. Между тем расправа спартанцев над афинскими послами во многом напоминает аналогичную акцию афинян в отношении пелопоннесских послов в 430 г. до н. э. и свидетельствует о том, что спартанцы опасались установления тесных контактов афинян с Персидской державой.

После неудачи, постигшей посольство Гагния в 398/7 г. до н. э., афиняне предпринимали все новые и новые попытки установить отношения с Персией. Вероятно, в 394/3 г. до н. э., уже после пер-

⁶⁹ Впрочем, встречается мнение, что Исей рассказывает о дипломатической миссии какого-то другого Гагния, состоявшейся спустя несколько десятилетий после 398/7 г. до н. э. (Humphreys S. C. The Date of Hagnias' Death // CPh. 1983. Vol. 78. № 3. P. 219–225).

⁷⁰ Bruce I. A. F. Athenian Embassies in the Early Fourth century B.C. // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 3. S. 276; Perlman S. Athenian Democracy. P. 259.

⁷¹ Bruce I. A. F. Athenian Embassies... P. 277.

сидской победы при Книде, афиняне отправили другое, известное нам, посольство к персидскому царю. Данное посольство возглавляли уже сами видные политические деятели Афин — Эпикрат и Формисий⁷². Один из современников тех событий, комический поэт Платон, в пьесе «Послы» говорит о том, что Эпикрат и Формисий получили от царя «многочисленные взятки» (*παρὰ τοῦ βασιλέως πλεῖστα δωροδοκήματα*) в виде золотых сосудов и серебряных табличек. Он также рассказывает о пышности, которая сопровождала прием афинских послов в Сузах (Plato Comicus. CAF. I. F. 119, 208 = Athen., VI, 16 p. 229f). В связи с этим посольством приобрели известность слова Эпикрата о том, что афинской эkkлeсии лучше всего вместо девяти архонтов ежегодно выбирать девять послов к царю из самых простых и бедных граждан, чтобы последние разбогатели благодаря его щедротам (Heges. ar. Athen., VI, 58. p. 251a–b; Plut., Pel., 30, 12).

Помимо Афин, к выступлению против Спарты стали склоняться и прежние спартанские союзники — Фивы и Коринф, где к власти пришли враждебные спартанцам политические группировки. Особенно выразительна была их позиция относительно экспедиции Агесилая в Малую Азию. И если афиняне, стремившиеся к установлению контактов с Персией, выставили предлогом для отказа от участия в походе тот факт, что их государство еще не оправилось в экономическом и военном отношении после Пелопоннесской войны и перенесенной ими эпидемии⁷³, то коринфяне сослались на неблагоприятные предзнаменования, в том числе пожар храма Зевса Олимпийского⁷⁴. Примечательна позиция фиванцев. Последние не только ответили отказом на предложение Агесилая присоединиться к его экспедиции в Малую Азию, переданное им через посла Аристомелида, но и воспрепятствовали жертвоприношениям, производившимся спартанским царем (Paus., III, 9, 3): прибывшие в Авлиду беотархи приказали сбросить с алтаря тела жертвенных животных, применив при этом силу, а самого царя прогнали из храма под тем предлогом, что он нарушил законы и старинные обычаи беотийцев

⁷² О датировке посольства Эпикрата и Формисия см.: Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. 3. P. 88; Bruce I. A. F. Athenian Embassies... P. 277; Perlman S. Athenian Democracy... P. 259. Not. 19; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 57–58; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 126. Г. Глотц полагал, что это посольство было организовано Кононом после возвращения в Афины (Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. P. 88), тогда как Ш. Перлман видит в нем попытку некоторых афинян установить отношения с Персией независимо от Конона (Perlman S. The Athenian Democracy. P. 259. Not. 19).

⁷³ Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 107.

⁷⁴ См.: Salmon J. B. Wealthy Corinth. P. 342–343.

(Xen., Hell., III, 4, 3; Plut., Ages., 6; Paus., III, 9, 4)⁷⁵. Вскоре после завершения Коринфской войны политические противники Исмения и спартанцы выдвинули против него обвинения в персофиilstве и казнили этого лидера антиспартанской гетерии (Xen., Hell., V, 2, 35)⁷⁶. Эти факты свидетельствуют о том, что сторонники войны со Спартой в греческих городах видели в Персии союзницу в борьбе против спартанцев и очевидно уже тогда надеялись на реальную персидскую военную и материально-финансовую помощь.

* * *

Персы также стремились к установлению дипломатических контактов с полисами Балканской Греции с тем, чтобы побудить греков совместно с царем и сатрапами выступить против Спарты. В этой связи следует обратиться к подробному рассмотрению дипломатической миссии Тимократа Родосского, которая, очевидно, носила также неофициальный характер.

Для персидской дипломатии, как мы уже не раз стремились продемонстрировать ранее, был характерен такой метод воздействия на эллинов, как направление собственных эмиссаров с золотом в Грецию. К таким мерам персы прибегли и в 396–395 г. до н. э., во время крайне опасной для них кампании Агесилая в Малой Азии: персидские посланцы, среди которых был Тимократ, посетили крупнейшие греческие государства, где они в основном нашли благодатную почву для своей деятельности. То, что Тимократ не был единственным персидским представителем, посетившим Грецию в этот период, можно судить по факту поездки в Грецию Дориея, предводителя родосских олигархов, казненного в Спарте во время перехода Родоса на сторону Конона и персов в 396 г. до н. э. (Paus., VI, 6, 6 = Androktion, FGGrHist., 324, F. 46)⁷⁷.

Существуют две основные традиции, которые различаются между собой как по отдельным вопросам, связанным с посещением

⁷⁵ По мнению Ш. Перлмана, нападение беотархов на Агесилая было не только провокацией, но ясным протестом против войны в Малой Азии, новой спартанской политики и панэллинской пропаганды Агесилая (Perlman S. The Causes and the Outbreak... P. 66). О внутривнутриполитической ситуации в Фивах в тот период: Lendon J. E. The Oxyrhynchus Historian... P. 310; Buck R. Boeotia and the Boeotian League 432–371 BC. Alberta, 1994. P. 28–30.

⁷⁶ Об Исмении: Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 32–33.

⁷⁷ О дате и целях поездки Дориея: Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. P. 80; Funke P. Homonoia und Arche. S. 55, Anm. 30.

Тимократом Греции, так и по общей оценке значения этого визита и в целом роли Персии в возникновении Коринфской войны греков против Спарты 395–386 гг. до н. э.⁷⁸

Одна традиция, основоположником которой может быть назван Ксенофонт, относит поездку Тимократа в Грецию ко времени непосредственно после битвы при Сардах между Агесилаем и сатрапом Тиссаферном весной 395 г. до н. э., а лицом, направившим родосца, называет персидского хилярха Тифравста (Xen., Hell., III, 5, 1; Paus., III, 9, 8). Ксенофонт, в частности, полагает, что Тимократ прибыл в Грецию еще до начала Коринфской войны, которой, как известно, предшествовал пограничный локридо-фокейский конфликт, и привезенное Тимократом золото сыграло решающую роль в возникновении войны в Греции (Xen., Hell., III, 5, 1)⁷⁹. Указанная традиция отражает официальную спартанскую версию событий, согласно которой зачинщики войны в греческих полисах были подкуплены варварами (Xen., Hell., IV, 2, 1; IV, 4, 2; V, 2, 35). Этому объяснению событий следуют Плутарх и Павсаний (Plut., Ages., 15, Artax. 20, 3, Lys., 27, Mor., 211B; Paus., III, 9, 8).

⁷⁸ Причины Коринфской войны вызывают оживленную дискуссию в современной литературе, что объясняется неоднозначными трактовками события античными авторами (Ксенофонтом, Диодором, оксиринхским историком, Плутархом). Так, например, одни исследователи, следуя оксиринхскому историку, предпочитают говорить о решающей роли Беотии в возникновении конфликта (Bruce I. A. F. Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War // Emerita. 1960. Vol. 28. № 1. P. 75–86; Andrewes A. Two Notes on Lysander. P. 217–226; Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 277–289; Lendon J. E. The Oxyrhynchus Historian and the Origins of the Corinthian War. // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 3. P. 300ff). Другие же причины конфликта видят в событиях в Эгее, Малой Азии, и даже на Сицилии (Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War. P. 64ff; Hornblower S.: 1) The Greek World 479–423 B.C. P. 181–196; 2) Sicily and the Origins of the Corinthian War // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 1. P. 121–123), третьи — в расколе среди спартанских союзников (Seager R. The Corinthian War. P. 97ff). Д. Кэган, посвятивший свою работу изучению экономических предпосылок Коринфской войны, подчеркивал роль Персии как стороны, обеспечившей материальную поддержку выступлениям греческих полисов против Спарты (Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War // Pdp. 1961. Vol. 80. № 1. P. 321ff).

⁷⁹ О локридо-фокидском конфликте специально см.: Buckler J. The Incident at Mt Par-nassus, 395 BC // Xenophon and His World. Papers from a conference held in Liverpool in July 1999 / Ed. by C. J. Tuplin. Historia. Einzelschriften, 172. Stuttgart, 2004. P. 397–411. О миссии Тимократа Родосского в Грецию см. также наши работы: Рунг Э. В.: 1) Персидская дипломатия в начале IV в. до н. э.: миссия Тимократа Родосского в Грецию // Античность: мир и образы / Сборник статей. Казань, 1997. С. 8–15; 2) Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the Mission of Timocrates to Greece // Xenophon and His World. P. 413–425. Сохранились тексты афино-беотийского (IG. II. 2. 14), афино-локрийского (IG. II. 2. 15) и афино-эретрийского (IG. II. 2. 16) союзных договоров, датированных 395–394 гг. до н. э., которые составили основу антиспартанской Коринфской коалиции греческих полисов.

Другую традицию представляет оксиринхский историк. Он полагает, что деньги, привезенные Тимократом в Грецию, были предоставлены сатрапом Фарнабазом, но не эти финансовые средства, а деятельность лидеров политических группировок в ведущих полисах привела греков к войне со Спартой (Hell. Оху., X, 5). Точно так же и Полиен считает Фарнабаза тем сатрапом, который направил Тимократа в Грецию (Polyaen., I, 48, 3).

Большинство исследователей относят поездку Тимократа в Грецию к периоду более раннему, чем битва при Сардах⁸⁰: они обычно датируют этот визит периодом 397 — нач. 395 г. до н. э. Вслед за оксиринхским историком и Полиеном, историки придерживаются мнения, что именно Фарнабаз направил родосца с царским золотом. Другие же историки, однако, предпочитают говорить о двух посещениях Тимократом Греции — по поручениям Фарнабаза и Тифравста⁸¹. Вышеотмеченные суждения современных историков были вызваны кажущейся хронологической несовместимостью времени поездки Тимократа и возникновения Коринфской войны. Обычно считают, что если бы Тимократ отправился в Грецию по заданию Тифравста после битвы при Сардах весной 395 г. до н. э., то он непременно опоздал бы к началу Коринфской войны⁸². Однако аргу-

⁸⁰ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III Abt. 2. S. 216; Cary M. The Ascendancy of Sparta // CAH. 1927. Vol. 6. P. 45; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. P. 80; Stauffenberg Graf. Tithraustes // RE. 1937. Bd. 6A. Sp. 1522; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 258; Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War. P. 322. Not. 4; Seager R. 1) Thrasibulus, Conon and Athenian Imperialism, 396–386 B.C. // JHS. 1967. Vol. 87. P. 95. Not. 1; 2) The Corinthian War P. 98; Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 388; Lehmann G. A. Spartas ἀρχή und die Vorphase des Korinthischen Kriegen in dem Hellenica Oxyrhynchia // ZPE. 1978. Bd. 28. S. 111ff; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 185; Salmon J. B. Wealthy Corinth. P. 342. Not. 3; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 110. Not. 73; Lendon J. E. The Oxyrhynchus Historian... P. 310; Sealey R. Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993. P. 9 О доверии к данным Ксенофонта: Bockisch G. Ἀρμόσται. S. 221.

⁸¹ Barbieri G. Conone. Roma, 1955. P. 95; Bruce I. A. F. An Historical Commentary... P. 60; Bonamente G. Studio sulle Elleniche di Ossirinco. Saggio sulla storiografia greca della prima metà del IV secolo a. C. Perugia, 1973. P. 109–120; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 182–183, 188–192, 202. Возражения см.: Lehmann G. A. Spartas ἀρχή. S. 112. Anm. 9.

⁸² По мнению М. Кук, Тифравст не мог прибыть в Сарды прежде июня, а июль для датировки этого события даже более предпочтителен. Далее Тимократ, если бы был послан Тифравстом, не мог бы достичь Греции ранее августа. Пограничный спор между Локридой и Фокидой, начавший войну, имел место около середины мая, а битва при Галиарте — в июле 395 г. до н. э. Следовательно, по мнению историка, Тимократ должен был прибыть в Грецию уже после того, как война началась (Cook M. L. Timocrates' 50 Talents and the Cost of Ancient Warfare P. 69. Not. 1; cf. Meyer Ed. Theopomp's Hellenika. S. 41; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 66. Anm. 1).

менты исследователей не проясняют ситуацию, поскольку оставляют место для различных логических комбинаций в отношении хронологии того исторического периода⁸³.

Более серьезное, нуждающееся в объяснении противоречие двух различных традиций заключается в определении лиц, ответственных за направление Тимократа. Однако это противоречие разрешается достаточно просто, если предположить, что поездка родосца в Грецию была плодом совместных усилий сатрапов. По сообщению Диодора, в период краткого пребывания Тифравста в Сардах персидский царь обязал всех сатрапов оказывать ему повиновение как своему личному представителю (*καταστήσας οὖν Τιθράυστην ἡγεμόνα, πρὸς δὲ τὰς πόλεις καὶ τοὺς σατράπας ἐπεμψεν ἐπιστολὰς ὅπως ἂν πάντες τούτῳ ποιῶσι τὸ προσταττόμενον*) (Diod., XIV, 80, 7). Таким образом, на некоторое время Фарнабаз оказывался в подчинении у Тифравста. Это обстоятельство может прояснить, почему Ксенофонт и следующие ему авторы считают именно Тифравста лицом, направившим Тимократа в Грецию, и почему оксиринхский историк и Полиен предпочитают говорить о Фарнабазе.

Кроме того, кажется очевидной связь поездки Тимократа с распределением денег персидскими сатрапами в 398–395 гг. до н. э. Из всех исследователей такую взаимосвязь видят только Т. Леншау и М. Кук, которые, однако, по-разному определяют источники финансовых средств, предоставленных Тимократу. М. Кук полагает, что 50 талантов были выделены Тимократу при первой субсидии персидского царя, полученной Фарнабазом еще в 398 г. до н. э.⁸⁴ Однако, по свидетельству оксиринхского историка и Исократ, эти деньги уже в скором времени иссякли, и с конца 397 г. до н. э. оснащенный на них персидский флот оставался практически без финансирования (Hell. Оху., XXII, 2; Isocr., IV, 142). К тому же, подобному предположению противоречит заявленная во всех источниках связь миссии Тимократа Родосского с экспедицией Агесилая в Малую Азию, начавшейся только весной 396 г. до н. э. Поэтому вполне обоснованным

⁸³ Точная дата битвы при Сардах до сих пор неизвестна, и во всех исследовательских работах это сражение помещается в довольно широкий хронологический диапазон весны 395 г. до н. э. (с февраля-марта по июнь), равно как не определен месяц локридо-фокейского конфликта. Мы не знаем также, когда Тифравст прибыл в Малую Азию и сколько времени отделяет это событие от битвы при Сардах. И наконец, чтобы определенным образом повлиять на возникновение Коринфской войны, Тимократ не должен был оказаться в Греции раньше локридо-фокейского конфликта; он мог прибыть в основные греческие города чуть позднее, в тот период, когда ведущие греческие полисы вели переговоры о заключении союзных договоров — в середине лета 395 г. до н. э.

⁸⁴ Cook M. L. Timokrates' 50 Talents. P. 90.

кажется стремление Т. Леншау согласовать визит Тимократа в Грецию с распределением денежных средств Тифравстом летом 395 г. до н. э.⁸⁵ Как известно, во время пребывания в Малой Азии Тифравст предпринимал определенные меры, чтобы ликвидировать опасную для персов ситуацию, сложившуюся после спартанской победы в сражении при Сардах. Полиен говорит о причастности афинянина Конона к направлению Тимократа в Грецию. Конон командовал греческими контингентами в составе персидского флота, и именно он, по сведениям автора стратегем, убедил Фарнабаза послать родосца с золотом в Грецию (Polyaen., I, 48, 3)⁸⁶. Последнее нельзя исключить, учитывая, что родосский демократический переворот весной 395 г. до н. э., ликвидировавший правление олигархии диагоровцев, произошел при непосредственной поддержке Конона (Hell. Оху., XVII, 1–3). С учетом этого некоторые историки видят в Тимократе деятеля руководимой Доримахом демократической группировки Родоса⁸⁷.

Прибыв в Грецию, Тимократ вступил в контакт с руководителями враждебных Спарте группировок в Афинах, Фивах, Аргосе и Коринфе. И хотя Ксенофонт обходит стороной факт принятия персидских денег афинянами, об этом недвусмысленно заявляют оксиринхский историк и Павсаний (Paus., III, 9, 8). По словам оксиринхского историка, афинские политики Эпикрат и Кефал вели переговоры с Тимократом и получили золото (*Τιμοκράτει διελέχθησαν καὶ τὸ χρυσίον ἔλαβον*) (Hell. Оху., X, 2). По словам Ксенофонта в других полисах деньги приняли фиванцы Андроклид, Исмений и Галаксидор, коринфяне Тимолай и Полианф, аргосцы Килон и его сторонники (Xen. Hell., III, 5, 1–2). Павсаний называет Андроклида, Исмения и Амфифемиса в Фивах; Тимолая и Полианфа в Коринфе; Килона и Содама в Аргосе (Paus., III, 9, 8). Согласно оксиринхскому историку, некий персидский посланец (*ὁ παρὰ τοῦ βαρβάρου πεμφθεὶς*), под которым исследователи обычно видят также Тимократа Родосского, появился в Фивах незадолго до вступления в войну Беотии и обещал деньги

⁸⁵ Lenschau Th.: 1) Pharnabazus // RE. 1938. Bd. 19. Sp. 1845; 2) Die Sendung des Timokrates und der Ausbruch des Korinthischen Kriegen // Phil. Woch. 1933. S. 1325–1328.

⁸⁶ Роль Конона в организации миссии Тимократа Родосского подчеркивается в работе Д. Марча (*March D. A. Konon and the Great King's Fleet. P. 266–267*).

⁸⁷ К. Ю. Белох допускал возможность, что Тимократ был изгнанником (*Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 2. S. 216*). М. Кэри называл его родосским демократическим деятелем, а Г. Бокиш говорила о нем как “aus Rhodos zu Persien geflüchteter Demokrat” (*Cary M. The Ascendancy of Sparta. P. 45; Bockisch G. Ἀρροσταί. S. 221*; против этой точки зрения см.: *Funke P. Homonoia und Arche. S. 55. Anm. 30*). О связях Тимократа и Родоса см. *Berthold R. M. Fourth Century Rhodes // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 37*.

от имени царя беотархам Исмению и Андроклиду, тем самым придав им решимости бороться против Спарты и уверенности в успехе грядущей войны (Hell. Оху., XIX, 1)⁸⁸.

Особую дискуссию в литературе, посвященной роли поездки Тимократа в возникновении Коринфской войны, вызывает вопрос о значении привезенных Тимократом денег. По мнению Ксенофонта, «принявшие деньги (οἱ μὲν δεξάμενοι τὰ χρήματα) всячески стремились опорочить лакедемонян в глазах своих сограждан. Когда же им удалось возбудить ненависть к лакедемонянам, крупнейшие греческие государства стали объединяться друг с другом в союзы» (Xen. Hell., III, 5, 1–2). Ксенофонт неоднократно доказывает эту точку зрения на возникновение войны (Xen., Hell., IV, 2, 1; IV, 4, 2; V, 2, 35). Оксирихский историк придерживается иного мнения о роли персидских денег в возникновении Коринфской войны и полемизирует с Ксенофонтом: «Правда, некоторые говорят (καίτοι τινὲς λέγουσιν), что именно розданные Тимократом деньги вызвали (αἵτια γένεσθαι) мятеж среди этих лиц (принявших деньги. — Э. Р.) в Беотии и других вышеуказанных государствах; но сторонникам этого взгляда (очевидно) неизвестно, что все эти люди с давних пор были враждебны лакедемонянам и только искали подходящего повода, чтобы вызвать открытый разрыв между своими государствами и Лакедемоном» (Hell., Оху., X, 2). Упомянутые авторы, несмотря на различные оценки роли персидских финансов в возникновении Коринфской войны в Греции, соглашались в том, что эти деньги представляли собой взятки политикам в греческих государствах. Однако некоторые современные историки видят в персидском золоте субсидии, предоставленные царем на ведение борьбы со Спартой. Эти деньги, как считают исследователи, должны были значительно облегчить финансовые тяготы предстоящей войны. Например, П. Клоше называет их «обильными субсидиями» (abondants subsides)⁸⁹. По мнению Д. Кэгана, «прибытие персидской финансовой помощи... освободило имущие классы от страха, что они должны будут нести финансовое бремя войны», «во всех эллинских государствах она (финансовая помощь) способствовала духу войны, обещав большие шансы на успех», «персидское золото сделало возможным для Афин, Фив, Аргоса и Коринфа объединение в союзе против Спарты»⁹⁰. Дру-

⁸⁸ Объяснение различий см.: Bruce I. A. F. An Historical Commentary... P. 58–59. О политической ситуации в Беотии накануне Коринфской войны см.: Cook M. L. Ancient Political Factions: Boeotia 404 to 395 // TAPA. 1988. Vol. 118. P. 57–85.

⁸⁹ Cloché P. La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant J.-C. P., 1934. P. 13.

⁹⁰ Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War. P. 328, 332, 341.

гие исследователи все же соглашались с тем, что эти деньги выступали в качестве взяток отдельным лицам. Г. Глотц и Р. Коэн говорят о «золотом дожде», который осыпал политиков, и полагают, что «народ тоже получил свою часть прибыли»⁹¹. Предлагая подобные объяснения значению персидского золота, исследователи тем самым признают эти деньги вполне реальным вкладом Персии, оказавшим прямое воздействие на возникновение конфликта накануне Коринфской войны.

Иного мнения придерживается М. Кук. Она полагает, что 50 талантов не могли считаться значительной субсидией, так как расходы в Коринфской войне значительно превышали эту сумму. В результате рассмотрения в более широком контексте «стоимости» войны в древности она пришла к выводу, что эта сумма была явно недостаточной, чтобы служить также в качестве первого взноса в ежегодной серии платежей, которые мог предложить грекам персидский царь. В итоге М. Кук обращается к точке зрения, предлагаемой древними историками, и приходит к выводу, что эти деньги могли быть взяткой политикам в греческих государствах. Если предположить, рассуждает автор, что эти деньги были поделены поровну, то получается, что каждому политику было предложено по пять талантов (всего, согласно приведенным выше данным, получили деньги девять или десять политиков в четырех крупных греческих государствах). Сумма в пять талантов, крайне незначительная в военном отношении, для одного лица достаточно велика. По мнению М. Кука, если бы политик решил далее распределить эти деньги, он мог бы повлиять на голоса некоторых граждан, но все же этих денег не могло быть достаточно, чтобы «купить» голоса очень многих из них. Таким образом, М. Кук отрицает прямое влияние персидских денег на решение о начале войны со Спартой⁹². Однако эта точка зрения также не безупречна, поскольку она не учитывает того факта, что все античные авторы говорят о принявших деньги не как о частных лицах, а как о руководителях антиспартанских группировок, уже тем самым подразумевая политическую подоплеку событий. Поэтому не исключено, что эти деньги могли быть потрачены на нужды борьбы со Спартой. С другой стороны, Тимократ, предлагая деньги греческим политикам, мог обещать более значительную финансовую помощь в ближайшем будущем. Эта помощь, впрочем, поступила только почти год спустя, когда во время рейда вдоль восточного побережья Пелопоннеса в 394/3 г. до н. э. греко-финикийский флот под руко-

⁹¹ Glotz G, Cohen R. Histoire grecque. P. 80.

⁹² Cook M. L. Timocrates' 50 Talents. P. 95–97.

водством Конона и Фарнабаз посетил Истмийский перешеек. В Коринфе Фарнабаз обратился с речью к присутствующим членам союзного совета (синедриона) антиспартанской коалиции, увещевал их храбро сражаться и быть верными союзниками персидского царя, заключил военный союз с Коринфской симмахией и, наконец, оставил на военные нужды привезенные с собой денежные средства (Xen., Hell., IV, 8, 8; Diod., XIV, 84, 5). В Коринфе Конон впервые учредил и наемные силы, оплачиваемые персидским золотом, которые впоследствии перешли под командование афинского стратега Ификрата (Harpocrat. s.v. *Ἐνικράτῃ ἐν Κορίνθῳ*)⁹³. На персидские деньги построили корабли также и коринфяне: этот флот, возглавляемый Агафином, господствовал в Коринфском заливе (Xen., Hell., IV, 8, 10)⁹⁴. И уже после возвращения в Афины Конон на персидские средства продолжил восстановление афинских Длинных стен⁹⁵.

Как фактор, имеющий в основном психологическое значение, оценивает персидское золото, доставленное Тимократом в Грецию, П. Картледж: «Деньги Тимократа не вызвали Коринфскую войну, но они должны были быть сильным аргументом для людей, которые долго ожидали подходящего момента, чтобы вовлечь государство в войну. Они должны были убедить тех, кто все еще страдал от последствий Пелопоннесской войны, и способствовали молчанию тех, кто не желал делать какие-либо вложения в антиспартанское дело»⁹⁶. Причины такого значительного влияния персидского золота на умы греков восходили своими истоками к предшествующему периоду (поскольку греки должны были хорошо помнить о той роли, которую сыграла Персия в победе Спарты над Афинами) и объяснялись политической и экономической ситуацией, в которой оказалась Греция накануне нового конфликта⁹⁷. Оксирихский историк, в частности, называет обещание денег персидским посланцем в числе тех факторов, которые побудили беотийцев решиться на войну со Спартой (Hell. Оху., XIX, 1).

⁹³ Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 126.

⁹⁴ К этому времени исследователи относят уникальный выпуск коринфских золотых монет (Salmon J. B. Wealthy Corinth. P. 354).

⁹⁵ Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. P. 87; Hubert O. Die wirtschaftliche Verhältnisse Athens von Ende des peloponnesischen Kriegen bis zur Königsfriede. Diss. München, 1939. S. 37.

⁹⁶ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 290.

⁹⁷ Д. Кэган справедливо трактует значение персидских денег более широко. Безусловно, как это показал американский ученый, греческие государства нуждались в персидской материальной поддержке, особенно это касается Афин, которые значительно пострадали в ходе Пелопоннесской войны (Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War. P. 323–328).

Помимо этого, важнейшее политическое значение миссии Тимократа заключалось в том, что он играл роль «связного» между антиспартанскими группировками в Афинах, Беотии, Аргосе и Коринфе. По этому поводу Ч. Гамильтон пишет: «Тимократ оказался бы более чем небрежным, если бы он не координировал силы оппозиции Спарте, информируя тех, кого он нашел заинтересованным... об их партнерах в других государствах»⁹⁸.

В целом греки получили непосредственное доказательство того, что Персия окажет им поддержку в назревающем конфликте. Этот факт мог побудить греков вновь, после продолжительной Пелопоннесской войны, взяться за оружие и теперь выступить против Спарты (Xen. Hell., III, 5, 13). Удачное завершение визита Тимократа в Грецию свидетельствовало о значительном успехе персидской дипломатии и представляло собой одно из наиболее важных событий кануна Коринфской войны. Оно должно рассматриваться в ряду подобных миссий, которые, в дополнение к другим факторам, оказывали значительное влияние на политическую жизнь греческих полисов в V–IV вв. до н. э. Персидские взятки были одной из излюбленных тем обсуждения в афинской экклесии в IV в. до н. э. и не раз приковывали внимание афинских ораторов.

* * *

После победы над спартанцами в морском сражении при Книде в начале августа 394 г. до н. э.⁹⁹ Конон и Фарнабаз выступили со всем своим флотом против спартанских союзников среди островных и

⁹⁸ Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 193; См. также: Sealey R. A History of the Greek City-States. P. 389; Lendon J. E. The Oxyrhynchus Historian... P. 311.

⁹⁹ О битве при Книде см.: Andoc., III, 22; Isocr., IV, 154; IX, 56; V, 63–64; VII, 12, 65; Dein., I, 14; Diod., XIV, 84, 4; Plut. Artax., 21, 1; Plut. Mor., 345E; Just., VI, 3, 12–14; Nep., IX, 4, 4. Предположительно к периоду после битвы при Книде принадлежит выпуск кизикских серебряных монет: на аверсе их помещены портрет Фарнабаза и легенда *ΦΑΡΝΑΒΑ-*, на реверсе — изображение рыбы-тунца, символа Кизика, и носа боевого корабля. Изображение носа боевого корабля, как считают К. Краай и Г. Кан, символизирует празднование персидской победы при Книде в 394 г. до н. э. (См.: Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkley, 1976. P. 258; Cahn H. A. Le monnayage des satrapes: Iconographie et signification // L'or perse et l'histoire grecque / Actes de la table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond. REA. T. 91. № 1/2. P. 101). К этому периоду относил выпуск монет и Ф. Маффе (Maffre F. Le monnayage de Pharnabaze frappé dans l'atelier de Syzique // NC. 2004. P. 24). По мнению же А. Н. Зографа и А. Т. Олмстеда, выпуск монет следует относить ко времени спартанского поражения при Кизике в 410 г. до н. э. (Зограф А. Н. Несколько греческих монет V и IV вв. с портретными изображениями // Античный портрет. Л., 1929. С. 20; Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 367).

малоазийских греков. По словам Ксенофонта (Hell., IV, 8, 1), они, изгоняя спартанских гармостов, уверяли жителей этих городов, что не будут оставлять гарнизонов в их крепостях, а предоставят им независимость — *παρεμυθούντο τὰς πόλεις ὡς οὔτε ἀκροπόλεις ἐν-τελίσσειεν ἑάσοιεν τε αὐτονόμους*¹⁰⁰. Конон говорил Фарнабазу, что если он будет поступать таким образом, то все города будут к нему дружелюбно расположены; если же обнаружится, что он хочет их поработить, то каждый город в отдельности может причинить ему много хлопот, а кроме того, возникнет опасность того, что греки, узнав об этом, сообща возмутятся (Xen., Hell., IV, 8, 2). Таким образом, лозунг *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία*, столь плодотворно используемый прежде спартанцами, теперь послужил на пользу персидской антиспартанской пропаганде, адресованной грекам.

Несомненно, персы соглашались на автономию малоазийских греков в соответствии с царскими инструкциями, переданными Агесилаю еще при посредничестве хилиарха Тифравста, при том условии, что греки обязуются платить прежнюю подать царю. Успешно используя лозунг независимости и свободы, Конон и Фарнабаз добились отложения от Спарты Коса, Нисира и Теоса. Хиосцы, митиленцы, эфесцы и эрифрейцы, избавившись от спартанских гарнизонов, также перешли на их сторону (Diod., XIV, 84, 3)¹⁰¹.

¹⁰⁰ См.: Bockisch G. Ἀρμυσταί. S. 218.

¹⁰¹ К этому времени относится существование союза островных и малоазийских греческих полисов, выпускавших монеты с легендой ΣΥΝ (по хиосскому и персидскому весовым стандартам) и изображением младенца Геракла, душащего змей. На основании данных нумизматики известно, что этот союз объединял Византий, Кизик, Самос, Книд, Родос, Иасос и, возможно, Лампсак. Еще с середины XIX в. утвердилась точка зрения, правда, принимаемая не всеми исследователями (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 1. S. 95, Anm. 3), союз этих городов (легенда ΣΥΝ обычно расшифровывается как ΣΥΝ (συνήκον)) сложился при содействии Персии после сражения при Книде в 394 г. до н. э. и был направлен против Спарты (Cawkwell G. L. The ΣΥΝ coins again // JHS. 1963. Vol. 83. P. 152; Seager R. Thrasibulus, Conon and Athenian Imperialism. P. 102; Perlman S. The Athenian Democracy... P. 261, not. 33; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 230; Lanzetta E. Le itta greche dell'Asia Minore daglia battaglia di Cnido alla paci di Antalcida // Scritti sul mondo antico in memoria di F. Grosso. Roma, 1981. P. 285; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 126, not. 18). Некоторые исследователи (явное меньшинство) считают союз проспартанским, но по-разному определяют время и обстоятельства его возникновения. Дж. Кук считает датой его создания 391 г. до н. э. и отмечает влияние Фив на эмблему союза (подобная эмблема присутствует также на фиванских монетах этого времени) (Cook J. M. Cnidean Peraea and Spartan Coins // JHS. 1961. Vol. 81. P. 69). Фиванский фактор подчеркивает и М. Бертольд, однако интерпретирует его по-иному: как показатель того, что союз был сформирован под лидерством Фив (Berthold R. Fourth Century Rhodes. P. 38). Кроме того, встречается другая точка зрения: этот союз относится ко времени Лисандра

Согласно Ксенофону, жители городов перевозносили Фарнабазу и слали ему дары в знак гостеприимства — *οἱ δὲ ἀκοῦοντες ταῦτα ἤδοντο τε καὶ ἐπῆρουν καὶ ξένια προθύμως ἐπεμπον Φαρναβάζῳ* (Xen., Hell., IV, 8, 2). Значительных почестей в городах удостоился и лично Конон. В Эрифрах, например, он был провозглашен проксеном и эвергетом эрифрейцев, ему были предоставлены проэдриа и ателия, он и его потомки объявлены почетными гражданами полиса, его медное изображение было установлено в городе (Ditt. Syll.² 65). В Эфесском Артемисии и Самосском Герее, где прежде стояли статуи Лисандра, были воздвигнуты изваяния Конона (Paus., VI, 3, 16)¹⁰².

Весной 393 г. до н. э. Фарнабаз снарядил большое войско и поплыл вместе с Кононом между островами Кикладского архипелага на Мелос. Там они устроили лагерь и отправились дальше к побережью Лаконики. Причалив в мессенских Ферах, Фарнабаз опустошил окрестности этого города. Вслед за этим он поместил собственный гарнизон на Кифере. Прежний спартанский гарнизон покинул город, заключив с Фарнабазом перемирие, гарантировавшее свободное возвращение в Лаконику (Xen., Hell., IV, 8, 8; Diod., XIV, 84, 4–5). Впервые со времени Греко-персидских войн финикийские боевые корабли стали показываться у берегов Греции и опустошали ее территорию.

В то же время в Греции участники антиспартанской коалиции вели трудную борьбу с врагом. Они потерпели поражение при Немее в 394 г. до н. э., а возвратившийся в Европу Агесилай вскоре после битвы при Книде разгромил их в сражении при Коронее. Таким образом, коринфские союзники насущно нуждались в персидской финансовой и военной помощи. И эта помощь пришла от Фарнабаза, который заключил с ними союз на Истме (Xen. Hell., IV, 8, 8; Diod. XIV, 84, 5). Мы не знаем никаких подробностей в отношении условий союзного договора греков и Фарнабаза в Коринфе, так что можно только предполагать, на какие взаимные уступки пошли стороны

и был создан после спартанской победы при Эгоспотамах в 405 г. до н. э. (David E. The oligarchic Revolution at Rhodes. P. 272.) Нам представляется более верным предположение некоторых отечественных историков о попытке создания независимого от внешних сил союза восточных греческих городов (Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. С. 48; Поздеева В. И. Внешняя политика Афин в 394–386 гг. до н.э. // ВДИ. 1959. № 1. С. 101–102). Однако этот союз не мог долго оставаться полностью независимым, и на различных этапах Коринфской войны он должен был находиться под спартанским, персидским или афинским влиянием.

¹⁰² О почестях Конону: Swoboda H. Konon. Sp. 1328; Hofstetter J. Die Griechen in Persien. S. 109.

при его согласовании. Не вызывает сомнения факт, что, согласно этим условиям, Персия обязывалась оказывать военную и финансовую помощь коринфским союзникам в борьбе со Спартой; не исключена также вероятность, что в обмен на это условие представители антиспартанской коалиции обязались признать права Великого царя на греческие города Малой Азии.

Сражение при Книде привело к укреплению афинских позиций в Эгейском море и, собственно, военного потенциала полиса. В 394–393 гг. до н. э. афиняне, поддерживаемые Персией, вновь приобрели острова Лемнос, Скирос и Имброс, провозглашенные автономными по условиям мирного договора конца Пелопоннесской войны, возвратили контроль над Делосом¹⁰³. По справедливому мнению О. Хуберта, все эти успехи могли быть достигнуты только вследствие того, что в то время Афины пользовались большой поддержкой Персии, поскольку они сами еще не оправались в финансовом отношении¹⁰⁴.

¹⁰³ К периоду после битвы при Книде относится целый ряд афинских псефизм, предоставляющих проксении жителям некоторых островов, где традиционно было распространено афинское влияние. Таков, например, афинский декрет о даровании проксении некоему родосцу, датированный годом архонта Эвбулида — 394/3 г. до н. э. (IG. II.2. 20). К числу таких документов принадлежит афинский декрет проксении фасосцу Сфорию (IG. II.2. 18). Примечательно, что, согласно Демосфену (XX, 69–70), на почетной стеле в честь Конона было высечено, что последний «освободил союзников Афин».

¹⁰⁴ Hubert O. Die wirtschaftliche Verhältnisse... S. 37.

Глава VIII АНТАЛКИДОВ МИР

Анталкидов, или Царский, мир 387/6 г. до н. э. явился своеобразным итогом развития греко-персидских контактов и оформил соответствующим образом ту политическую роль, которую стала играть Персия в межполисных отношениях балканских греков на протяжении нескольких десятилетий. И хотя этому договору посвящена довольно значительная исследовательская литература¹, он остается все еще довольно загадочным явлением в греческой истории IV в. до н. э. Это связано, прежде всего, с отсутствием текста самого мирного догово-

¹ Специальные исследования по Анталкидову миру: Underhill G. L. Athens and the Peace of Antalcidas // CR. 1896. Vol. 10. P. 19–21; Nolte F. Die historisch-politischen Voraussetzung des Königsfrieden. Bamberg, 1923; Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens // Abhandl. des preuss. Akad. d. Wissensch. Hist.-phil. Kl. 1941. № 15; Martin V. Sur une interpretation nouvelle de la “Paix du Roi” // MH. 1949. Vol. 6. № 3. P. 127–139; Levy M. A. Le fonti per la paci di Antalcide // Acme. 1955. Vol. 8. P. 105–111; Aucello E. La genesi della Paci di Antalcida // Helicon. 1965. Vol. 5. P. 340–380; Seager R.: 1) The King’s Peace and the Balance of Power in Greece 386–362 B.C. // Athenaeum. 1974. Vol. 52. № 1. P. 36–63; 2) The King’s Peace and the Second Athenian Confederacy // CAH2. 1994. Vol. 6. P. 156–186; Sinclair R. K. The King’s Peace and the Employment of Military and Naval Forces 387–378 // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 29–54; Cawkwell G. L. The King’s Peace // CQ. 1981. Vol. 31. № 1. P. 69–83; Schmidt K. The Peace of Antalcidas and the Idea of Koine Eirene. A Panhellenic Peace Movement // RIDA. 1999. 3-e Serie. T. 46. P. 81–96; Urban R. Der Königsfrieden von Jahre 387/86 v. Chr.: Vorgeschichte, Zustandkommen, Ergebnis und Politische Umsetzung / Historia Einzelschriften, 68. Wiesbaden, 1991; Quass F. Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. Zur Problematik einer allgemein-griechischen Friedensordnung // HZ. 1991. Bd. 252. S. 33–56; Badian E. The King’s Peace // Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell / BICS. Suppl. 58, 1991. P. 25–48. Из отечественной литературы следует назвать недавно опубликованную статью В. В. Антонова, в которой, впрочем, также рассматривается главным образом исторический контекст Анталкидова мира, а не сам мирный договор (Антонов В. В. Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Н. Новгород, 2007. С. 246–263). Лучшие исследования Царского мира принадлежат перу Дж. Кокуэлла и Э. Бэдиана.

ра, который, по данным оратора Исократ (IV. 180; XII. 107), уже вскоре после заключения был начертан на каменных стелах и выставлен для всеобщего обозрения в важнейших эллинских святилищах.

Так что все изложение основных условий Анталкидова мира, как правило, сводится только к рескрипту царя Артаксеркса II, который передает Ксенофонт (Xen. Hell. V. 1. 31). В значительном же большинстве исследований, посвященных Анталкидову миру, изучается фактически не собственно договор, но военно-политическая и дипломатическая ситуация, приведшая к его заключению, а также его наиболее значимые политические последствия.

Так, в частности, многие исследователи воспринимали Анталкидов мир как своего рода кульминационный момент как в греческой истории, так и в истории греко-персидских отношений, когда влияние Персии на межполисные отношения в греческом мире достигает апогея². Между тем, как представляется, можно с уверенностью утверждать, что Анталкидов мир фактически во многих отношениях определял политическую ситуацию в Греции только, по крайней мере, до конца 380-х гг. до н. э., сохранял силу еще в 370-е гг. до н. э. и, наконец, утратил значимость в 360-е гг. до н. э., — за двадцать лет до основания Коринфского союза Филиппом II. С формальной стороны этот договор прекратил свое существование уже к 375 г. до н. э., когда состоялось его первое возобновление. Причем, как вполне очевидно, влияние Персии не было неизбежным и закономерным, а осуществлялось только тогда, когда греки нуждались в персидской поддержке, и сходило на нет в тех случаях, когда такой поддержки не требовалось.

² См.: Wilken U. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte, München, 1962. S. 200ff; Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Kaiserzeit. München, 1960. S. 149, 219, 245, 253, 271f, 285. Иногда исследователи подчеркивали роль дипломатии в греко-персидских отношениях того периода. Так, Дж. Балсер полагал, что в начале IV в. до н. э. Персия контролировала Грецию дипломатически — в отличие от начала V в. до н. э., когда персы стремились к достижению военного контроля над греками (Balcer J. M. The Greeks and the Persians: the Processes of Acculturation // Historia. 1983. Bd. 32. Ht. 3. S. 257). По мнению Дж. Хайлэнда, с Царским миром Персия закончила период прямого вмешательства в греческую политику, однако продолжала действовать как арбитр в дипломатических соглашениях в течение нескольких десятилетий IV в. до н. э. (Hyland J. O. Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon. PhD Diss. Univ. of Chicago, 2005. P. 1–2). М. Царнт в большой статье, посвященной греко-персидским отношениям со времени Анталкидова мира 387/6 г. до н. э. и до создания Коринфского союза Филиппом II в 338/7 г. до н. э. стремится доказать, что фактические персидские цари, погруженные в собственные проблемы, не оказывали реального влияния на политическое положение в Греции (Zahrnt M. Hellas unter Persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluss des Königsfriedens bis zur Gründung des Korinthischen Bundes // AKG. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 249–306).

1. Дипломатическая конференция в Сардах в 393/2 г. до н. э.

Приступить к обстоятельному исследованию Анталкидова мира представляется необходимым с обращения к военно-политической и дипломатической ситуации, которая сложилась в период Коринфской войны, которую наиболее значимые греческие полисы вели против Спарты в 395–387 гг. до н. э. Поражение спартанцев в морском сражении при Книде летом 394 г. до н. э., потеря влияния в Малой Азии, утрата островов Кикладского архипелага, наконец, занятие персами о. Кифера и угроза самой Спарте, а также персидская финансовая помощь антиспартанской коалиции, — все это делало неопределенным перспективы спартанцев на достижение победы в войне в Греции. И даже отдельные успехи, какими, например, были победы спартанцев при Немее и Коронее, едва ли могли серьезным образом изменить ситуацию на театре военных действий. Спарта оказалась в той ситуации, когда, как и в период Пелопоннесской войны, она вынуждена была обратиться за помощью к Персии. Не вызывает поэтому особого удивления тот факт, что спартанцы начали склоняться к урегулированию своих отношений с Персией, надеясь прекратить войну на два фронта. С этой целью они вынуждены были выступить с инициативой заключения мира с персами и поручить переговоры Анталкиду, сыну Леонта³.

³ Об этом см.: Smith R. E. The Opposition of Agesilaus' Foreign Policy 394–371 B.C. // Historia. 1953/4. Bd. 2. Ht 3. S. 274, 277; Cawkwell G. L. Agesilaus and Sparta // CQ. NS. 1976. Vol. 26. № 1. P. 68; David E. Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.). N.Y., 1981. P. 24; DeVoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace of 392/1 B.C. // CPh. 1986. Vol. 81. № 1. P. 191. В какой степени выбор Анталкида в качестве посла в Персию был обусловлен снижением влияния Агесилая на спартанскую внешнюю политику? Исследователи иногда считают, что Анталкид относился к той группировке в Спарте, которая сопротивлялась активной внешней политике в отношении Персии (Rice D. Agesilaus, Agesipolis and Spartan Politics, 386 to 379 B.C. // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 1. P. 165; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. Politics and Diplomacy in the Corinthian War. N.Y., Ithaca, 1979. P. 241), однако сам тезис о существовании в Спарте того периода трех политических групп (Лисандра, Агесилая и Павсания) может быть поставлен под сомнение; как представляется, борьба шла не между группировками, а между наиболее влиятельными личностями. Поэтому выбор Анталкида послом в Персию, несомненно, свидетельствовал о некотором снижении роли Агесилая в Спарте. В целом же Э. Давид справедливо считает, что мирные переговоры с персами первоначально наносили тяжелый удар спартанскому царю, даже если он позднее и приспособился к этой политике и даже использовал ее в собственных целях (David E. Sparta between Empire and Revolution. P. 24) (в то же время, как хорошо известно, Агесилай до конца жизни оставался противником Персии). Плутарх (Ages., 23), в частности, отмечает, что Агесилай не скрывал негативного отношения и к Анталкидову миру, но вынужден был примириться с обстоятельствами.

Переговоры начались со встречи представителей основных воюющих сторон с сатрапом Тирибазом в Сардах и были посвящены обсуждению условий будущего мирного договора между греческими полисами. Дата этих переговоров точно не определена, но большинство исследователей полагает, что они предшествовали собранию в Спарте, которое, без сомнения, следует датировать весной 392/1 г. до н. э.⁴ Вообще, нужно сказать, что очередность переговоров периода Коринфской войны является предметом дискуссии в историографии. Ксенофонт подробно рассказывает о ходе переговоров в Сардах (Xen. Hell. IV. 8. 12–15), но не упоминает о переговорах в Спарте; о последних же мы узнаем из речи оратора Андокида «О мире с лакедемонянами» (Andoc. III. passim), из введения к этой речи, содержащей ссылку на аттидографа Филохора (Philoch. FGrHist. 328. F. 149a), и из комментариев Дидима к речам Демосфена, где, также с обращением к Филохору, говорится об этих переговорах (F. 149b). В. Юдаих, У. Вилькен и некоторые исследователи первой половины XX века считали, что переговоры в Спарте состоялись раньше⁵. Другие историки, однако, справедливо полагают, что собрание в Сардах состоялось раньше, и это мнение в настоящее время решительно преобладает в литературе. Действительно, как мы убедимся далее, встреча представителей греческих полисов в Спарте представляет собой уже следующую стадию в развитии переговорного процесса⁶. Ксенофонт полагает, что, когда Анталкид отправился с дипломатической мис-

⁴ Дата мирных переговоров в Спарте выводится из анализа речи Андокида и фрагмента Филохора. Последний датирует их годом архонта Филокла — 392/91 г. до н. э. (Philoch., FGrHist., 328, F 149a). Андокид отмечает, что беотийцы «воюют уже четыре года» (Andoc., III, 20) (аргументы см.: Поздеева В. И. Внешняя политика Афин в 394–386 гг. до н. э. // ВДИ. 1959. № 1. С. 95–109).

⁵ Judeich W. Die Zeit des Friedensrede des Andokides // Philologus. 1926. Bd. 81. Ht. 2. S. 145ff; Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. S. 4ff; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 260–261; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 233ff.

⁶ Cary M. The Ascendancy of Sparta // CAH. 1927. Vol. 6. P. 50; Martin V. Sur une interpretation nouvelle... P. 137; Payrau S. EIPHNKA. Considerations sur l'echec de quelques tentatives panhellenique au IVe siecle avant Jesus-Christ // REA. 1971. T. 73. № 1. P. 27ff; Sealey R. A History of the Greek City-States, 776–338 BC. Berkeley, 1976. P. 393–394; Hornblower S. The Greek World, 479–323 BC. L., 1983. P. 197; Devoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace of 392/1 B.C. P. 191ff; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 BC. L., 1986. P. 136ff; Badian E. The King's Peace. P. 25–48; Urban R. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. S. 59–79; Jehne M. Die Friedensverhandlungen von Sparta 392/1 v. Ch. und das Problem der kleinasiatischen Griechen // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 265ff; idem. Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungs-bemühungen in den griechischen Poliswelt des 4 Jahrhunderts v. Ch. Stuttgart, 1994. S. 35–36.

сией в Малую Азию, он имел официальное поручение властей Спарты добиться мира между спартанцами и персидским царем — εἰρήνην τῇ πόλει ποιῆσθαι πρὸς βασιλέα (Xen. Hell. IV. 8. 12). В ходе своей миссии Анталкид при посредничестве сатрапа Сард Тирибаза⁷ был уполномочен пойти на значительные уступки требованиям персидского царя, которые во многих аспектах совпадали с заключенным спустя семь лет Анталкидовым, или Царским, миром. Во время переговоров, которые состоялись в Сардах, Анталкид заявил Тирибазу, что он прибыл хлопотать о мире, условия которого совпадают с волей царя — οἰόσθαι βασιλεὺς ἐπεθύμει: спартанцы не оспаривают у царя греческих городов, находящихся в Азии; все прочие города и острова провозглашаются автономными (Xen. Hell. IV. 8. 14)⁸. Признание спартанцами этих условий свидетельствует о том, что цели, которые они ставили в ходе войны с персами, начатой, как известно, под лозунгом освобождения греков Малой Азии, фактически не были достигнуты. Более того, спартанцы подтверждали свое поражение в этой войне, выражая готовность отказаться от продолжения борьбы за освобождение малоазийских греческих городов, и, наконец, формально даже закрепляли то положение, которое фактически уже сложилось после битвы при Книде 394 г. до н. э., когда спартанцы потеряли возможность контролировать ситуацию

⁷ О положении Тирибаза как карана см.: Schaefer H. Tiribazos // RE. 1937. Bd. 6A. Sp. 1432; Devoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 193; Keen A. G. A “Confused” Passage of Philochoros (F 149 a) and the Peace of 392/1 B.C. // Historia. 1995. Bd. 64. Ht. 1. S. 3. Anm. 15. Согласно Ксенофону, Тирибаз был βασιλεὺς στρατηγός (Xen. Hell. IV. 8. 12). Прежде Тирибаз занимал должность сатрапа Западной Армении. Ксенофонт называет его другом царя и отмечает, что в его присутствии никто другой не помогал царю садиться на коня (Xen. Anab. IV. 4. 4). М. Озборн ошибочно считает, что Тирибаз в качестве сатрапа Сард сменил в 395 г. до н. э. Тиссаферна (Osborn M. J. Oronptes // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 4. S. 524). Однако на самом деле после Тиссаферна сатрапом Сард на непродолжительное время стал Арией (Xen. Hell. IV. 1. 27), и Тирибаз, вероятно, сменил в должности именно этого сатрапа. Специально о Тирибазе см. также: Meloni P. Tiribazo satrapo di Sardi // Athenaeum. 1950. Vol. 28. P. 292–339.

⁸ По мнению Т. Райдера, Анталкид провозгласил целью своей миссии установление мира между царем и спартанцами, но действительные условия, которые он предложил, должны были привести к общему замирению в Греции: они были равносильны первому предложению соглашения Всеобщего мира на основе автономии для всех государств (Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and the Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965. P. 28). Особое место в истории Древней Греции занимает проблема всеобщего мира (κοινὴ εἰρήνη), которой посвящена многочисленная литература. Обзор проблемы с ссылками на литературу см.: Гребенский Н. Н. КОΙΝΗ ΕΙΡΗΝΗ и федеральное движение в Греции // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 20сл.

в Малой Азии⁹. Однако Анталкид на переговорах с Тирибазом преследовал и другую цель: убедить сатрапа стать союзником Спарты в борьбе с антиспартанской коалицией и усилившимися Афинами (Xen. Hell. IV. 8. 12). Двусторонние переговоры Анталкида и Тирибаза в итоге должны были привести к заключению спартано-персидского соглашения, аналогичного договорам периода Пелопоннесской войны.

Однако эти планы были сорваны совместными действиями антиспартанской коалиции, а принципы мирного договора, предложенные Анталкидом, стали предметом обсуждения послами Коринфского союза¹⁰. Так, получив известие о миссии Анталкида, афиняне, в свою очередь, отправили свою делегацию к Тирибазу в Сарды (ἀντιπρόσωποι πρέσβεις). Делегация состояла из Конона и присоединившихся к нему афинских послов Гермогена, Диона, Каллисфена и Каллимедонта¹¹.

⁹ Д. М. Льюис считает признание спартанцами малоазийских греческих городов во власти царя спартанской изменой панэллинизму (Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / Cincinnati Classical Studies № 1. Leiden, 1977. P. 145; cf. Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 261).

¹⁰ О двустороннем характере переговоров Анталкида и Тирибаза см.: Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 28; Seager R. Thrasibulus, Conon and Athenian Imperialism, 396–386 BC // JHS. 1967. Vol. 87. P. 104; *idem*. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 36; Devoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 193. По справедливому замечанию П. Дебора, действия афинян и их союзников трансформировали прежде двусторонние переговоры в международную конференцию (Debord P. L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 а.с.): Pouvoirs et jeux politiques. Bordeaux, 1999. P. 253).

¹¹ О личностях афинских послов мы имеем лишь очень скудную информацию. Как полагают исследователи, Каллимедонт был родственником афинского политика Агиррия, Дион служил членом Совета, а Гермоген являлся учеником Сократа (Perlman S. Athenian Democracy and the Revival of Imperialistic Expansion at the Beginning of the Fourth century B.C. // CPh. 1968. Vol. 63. № 3. P. 263. Not. 47; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 131, 138). Не вполне ясно, какое положение в составе афинского посольства занимал сам Конон. По данным Ксенофонта (IV. 8. 16), уже после неудачного завершения переговоров в Сардах Тирибаз обвинил Конона в преступлении против царя и заключил его под стражу (обвинение, вероятно, основывалось на том, что Конон на персидские средства проводил политику возрождения Афинской морской державы: Xen. Hell. IV. 8. 12). Такое развитие событий может указывать на то, что Конон официально не входил в число афинских послов, а только сопровождал посольство (Funke P. Homonoia und Arche: Athen und die griechischen Staatenwelt von Ende des peloponnesischen Kriegen bis zur Königsfrieden (404/3–387/6 v.Ch.) / Historia. Einzelschriften, 37. Wiesbaden, 1980. S. 137, Anm. 8; Urban R. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. S. 62. Anm. 206). Б. С. Страусс подчеркивает, что именно Конон по своей инициативе направил афинское посольство к сатрапу Тирибазу (Strauss B. S. Thrasibulus and Conon: A Rivalry in Athens in the 390s BC. // AJPh. 1984. Vol. 105. № 1. P. 40). На это может указывать также и сочетание μετὰ Κόνωνα (IV, 8, 13), с которого Ксенофонт начинает свой рассказ о составе

Кроме афинских послов, в Сарды отправились представители других участников антиперсидской коалиции: Беотийского союза, Коринфа и Аргоса (Xen. Hell. IV. 8.13).

Ксенофонт отмечает, что основные возражения союзников по антиспартанской коалиции вызвали те условия мира, которые предусматривали автономию городов и островов. В этом не было ничего необычного. Противники Спарты надеялись на дальнейшее развитие своего успеха в борьбе со спартанцами в Греции и стремились сохранить позиции, которых они смогли достичь за предшествующий период войны. Афиняне не хотели терять острова Скирос, Лемнос и Имброс, находившиеся на пути подвоза зерна из Понта Эвксинского; фиванцы полагали, что условия мира приведут к признанию независимости беотийских городов, а следовательно, и к роспуску Беотийского союза; аргосцы, которые незадолго до того установили контроль над Коринфом, опасались, что им придется отказаться от своего приобретения (Xen. Hell. IV. 8. 15). Возражения противников Спарты на условия мира, предложенного Анталкидом, привели к провалу в целом мирных переговоров в Сардах: послы вынуждены были возвратиться в свои государства. Однако Ксенофонт, отмечая реакцию послов на предложения автономии городам и островам, ничего не говорит о том, как они восприняли условие, по которому малоазийские греки признавались находящимися в подчинении персидского царя. Возможно, однако, афиняне и другие союзники по Коринфской симмахии вообще обошли молчанием этот сложный вопрос, ибо рассчитывали на то, что Персия будет продолжать оказывать помощь в войне. К тому же в тот момент проблема малоазийских греков имела особое значение именно в ракурсе спартано-персидских взаимоотношений, так как спартанцы в течение шести лет вели войну под лозунгом освобождения малоазийских греков.

После того как переговоры по поводу согласования всеобщего мира между воюющими сторонами постигла неудача, Тирибаз с готовностью принял все условия, первоначально предложенные Анталкидом и касающиеся исключительно спартано-персидского урегулирования

афинской делегации в Сарды. Несомненно, арест имел место уже после того, как афиняне отвергли условия мира. Как раз это допускают сообщения Диодора и Корнелия Непота о том, что Тирибаз специально вызвал Конона в Сарды, а затем уже поместил его под стражу (Diod. XIV. 85. 4; Nepos. Conon. 5. 3) (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 3. Abt. 2. S. 222; Perlman S. Athenian Democracy. P. 263. Not. 47). Присоединившись к афинской дипломатической миссии в Сарды, Конон мог рассчитывать, что своим опытом, приобретенным на службе, персов, и личным участием, он сможет помешать «делке» между Тирибазом и Анталкидом.

отношений. Поэтому он заключил соглашение со спартанцами, а также выдал Анталкиду деньги на строительство флота. Ксенофонт особо подчеркивает, что сатрап действовал без одобрения царя (ἄνευ βασιλέως) и нуждался в подтверждении своих действий в Сузах (Xen. Hell. IV. 8. 15–16; Diod. XIV. 85. 4). С другой стороны, провал конференции в Сардах также побуждал Тирибазу посетить царский двор, поскольку сатрап должен был убедить Артаксеркса II возобновить персидскую помощь Спарте¹². Однако царь решил по-иному. Вместо Тирибазы Артаксеркс прислал в Малую Азию перса Струфа, ревностного сторонника афинян (Στρούβας ἰσχυρῶς τοῖς Ἀθηναίοις... τὴν γνῶμην προσέιχε), который был решительно настроен на продолжение войны со Спартой (Xen. Hell. IV. 8. 17). Ксенофонт непосредственно не связывает прибытие Струфа с отставкой Тирибазы¹³. Тем не менее исследователи не сомневаются в мотивах поведения Артаксеркса и полагают, что Тирибаз не смог убедить персидского царя принять сторону Спарты и получить одобрение своим действиям¹⁴.

¹² *Devoto J. G.* Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 194.

¹³ Проафинские симпатии Струфа помогли установить ему контакты с греческими городами Ионии. Милетская надпись этого времени предоставляет сведения по разрешению тяжбы между ионийскими городами Милетом и Миунтом из-за спорной территории в долине реки Меандра (O надписи.: *Hegyi D.* Die ionische Poleis vom Kalliasfrieden bis zur Zeit der makedonischen Eroberung // *Hellenische Poleis. Kriese–Wandlung–Wirkung* / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Bd. I–IV. Berlin, 1973. Bd. 2. S. 1031; *Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 143, not. 55; *Lanzillotta E.* Le città greche dell'Asia Minore dagli battaglia di Cnido alla paci di Antalcida // *Scritti sul mondo antico in memoria di F. Grosso*. Roma, 1981. P. 287.). Ионийские дикасты, которым было поручено разрешение спора, обратились к персидскому царю и прибегли к арбитражу перса Струфа, названному в надписи сатрапом Ионии — Στρούβας... ἐξαιτράτης ἐὼν Ἰωνίης (Ditt. Syll. 3 134 = Tod. II, 113). Надпись упоминает дикастов из Эрифры, Хиоса, Клазомен, Лебедоса и Эфеса (названия других ионийских городов в надписи не сохранились). Из милетского декрета явствует, что около 391 г. до н. э. основные ионийские города были на стороне Персии. Следует заметить, что роль Струфа в качестве арбитра в споре между двумя ионийскими городами показывает укрепление юрисдикции персидских властей над греками Ионии. С другой стороны, приглашение ионийскими дикастами Струфа для разрешения спора может подразумевать добровольное признание ионийскими греками власти царя и сатрапов; а это должно было явиться следствием персидских обещаний провозгласить независимость и свободу городов Малой Азии после битвы при Книде.

¹⁴ *Osborn M.* Orontes. S. 524; *Adcock F., Mosley D. J.* Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P. 68; *Hamilton C. D.* Sparta's Bitter Victories. P. 248; *Hornblower S.* The Greek World. P. 197; *Devoto J. G.* Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 194; *Keen A.* A "Confused" Passage of Philochoros. P. 4. Ч. Гамильтон, например, считает, что одной из причин отстранения Тирибазы было то, что царь все еще не был убежден в том, что Конон и афиняне представляли ему большую угрозу, чем спартанцы (*Hamilton C. D.* Sparta's Bitter Victories. P. 248). По мнению Д. Льюиса и Дж. Девото, немаловажное значение в

2. Дипломатическая конференция в Спарте в 392/1 г. до н. э.

Как мы увидим далее, на переговорах в Спарте весной 392/1 г. до н. э. царские условия мира также стали предметом обсуждения. Как и раньше в Сардах, они содержали важные пункты, предусматривающие автономию всех городов Греции и принципы всеобщего мира (Andoc. III. 14, 19). Однако, если в Сардах афиняне отвергли условия мирного договора на том основании, что пункт о предоставлении автономии городам Греции препятствовал их контролю над Лемносом, Имбросом и Скиросом, то в Спарте обсуждаемые условия мира уже специально оговаривали владение этими островами (Andoc. III. 12, 14, 23). Большую уступчивость проявили фиванцы, которые согласились предоставить автономию Орхомену (Andoc. III. 13, 20). В то же время и аргосцы, также отвергнувшие мир в Сардах, теперь, по данным Андокида, заключили сепаратный мир со Спартой и больше не участвовали в войне (Andoc. III. 27).

Несмотря на достигнутый компромисс, мирный договор был отклонен афинской экклесией. Отказ заключить мир показывает возросшие внешнеполитические амбиции афинского демоса¹⁵. Андокид подчеркивает, что многие афиняне надеялись возратить себе Херсонес Фракийский, колонии, имущество, которым граждане владели за границей, и предоставленные некогда ссуды, но с их устремлениями не были согласны не только афинские союзники, но и персидский царь (Andoc. III. 15)¹⁶.

В историографии особую дискуссию вызывает вопрос об отношении Персии к переговорам в Спарте. В одном из фрагментов

решении царя отказаться от договора, заключенного Тирибазом, играла ненависть царя к Спарте, доставившей ему столько проблем, особенно в период спартанских боевых действий в Малой Азии под руководством царя Агесилая (*Lewis D. M.* Sparta and Persia. P. 147; *Devoto J. G.* Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 194.). Однако упоминание Ксенофонтом того факта, что Тирибаз действовал без одобрения царя, относится только к заключению соглашения с лакедемонянами и отнюдь не доказывает, будто бы сатрап не был уполномочен вести переговоры о мире со Спартой и ее противниками. Поэтому мнение исследователей, что Великий царь отклонил спартанские предложения мира, не может быть безоговорочно принято (см., напр: *Jehne M.* Die Friedensverhandlungen von Sparta. S. 267–268). Вероятно, Артаксеркс воспрепятствовал лишь соглашению Тирибазы с Анталкидом, направленному против Афин и их союзников.

¹⁵ *Sealey R.* A History of the Greek City-States. P. 395.

¹⁶ Таким образом очевидно, что политика Афин, направленная на возрождение собственной державы, входила в противоречие с интересами царя.

Филохора сохранилось сообщение, что во время этих переговоров обсуждался мир, предложенный персидским царем при Анталкиде, условия которого требовали передачу во власть царя малоазийских греков, и именно это требование персидской стороны явилось причиной отклонения мира афинянами и изгнания собственных послов, возвратившихся из Спарты. Филохор под годом архонта Филокла (392/1 г. до н. э.) сообщает: «И ниспослал Царь мир при Анталкиде (καὶ τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀντιαλκίδου κατέλεμψεν ὁ βασιλεύς), который афиняне не только не приняли, так как в нем было предписано всем грекам, населяющим Азию, находиться во владении царя (ἐγγράπτο ἐν αὐτῇ τοὺς τὴν Ἀσίαν οἰκοῦντας Ἕλληνας ἐν βασιλείῳ οἴκῳ εἶναι συννεμεμένους), но и послов, ведших переговоры в Лакедемоне, изгнали по предложению Каллистрата, не дожидаясь суда: Эпикрата Кефисийца, Андокида Кидафинейца, Кратина Сфетца, Эмбулида Элевсинца» (Philoch. FGrHist. 328. F. 149a).

Таким образом, согласно данным греческого историка, получается, что в Спарте обсуждался царский рескрипт, содержащий пункт о политическом статусе малоазийских греков. В целом исследователи не сомневаются в аутентичности фрагмента Филохора¹⁷. Дело в том, что в нем, по-видимому, сохранен греческий вариант подлинного рескрипта персидского царя, как показывают наблюдения в отношении фразеологических оборотов, присутствующих во фрагменте. Из них особо примечательны выражения καὶ τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀντιαλκίδου κατέλεμψεν ὁ βασιλεύς, а также ἐν βασιλείῳ οἴκῳ: первое довольно часто встречается у античных авторов, когда они рассказывают об Анталкидовом мире (Xen. Hell. V. 1. 35–36; Dem. XX. 54. 2; Polyb. I. 6. 2; IV. 27. 5; VI. 49. 5; Diod. XV. 19. 1; Strabo. VI. 4. 2; Plut. Artax. 21. 5; Arr. Anab. II. 1. 4); второе же выражение обычно присутствует в тех греческих текстах, которые представляют собой перевод персидских документов, и отражает восприятие персами своей державы как *дома царя*¹⁸. Мнения исследователей рас-

ходятся лишь в определении того, обсуждался ли царский рескрипт на переговорах в Спарте в 392/1 г. до н. э.¹⁹, или рассказанный Филохором эпизод следует относить уже к Анталкидовому миру, заключенному пять лет спустя²⁰. Компромиссную позицию занимает Ф. С. Пауналл, который предполагает, что указанное сообщение Филохора должно быть отнесено к переговорам в Сардах²¹; на них действительно обсуждался вопрос о признании власти царя над греческими городами Малой Азии, поставленный Анталкидом, но, вероятно, в согласии с царским рескриптом. Итак, как же нужно

контекста различные значения: 'правлящий род Ахеменидов' или 'царский дворец' (DB, I, 69, 71; IV, 66; DPe, 24; DPh, 10; DPi; DNa, 53; DNb, 30; DSe, 51; DSg, 3; DSt, 9; DH, 8; XPh, 58; XPi; XH; A11; A2Hc, 20). Собственно говоря, греческий аналог οἶκος βασιλείας, помимо обозначения царского рода Ахеменидов, мог вполне употребляться применительно ко всей Персидской державе, которую персидские монархи воспринимали как свое законное владение. Отражение персидских идеологических представлений об Азии как владении Великого царя в произведениях греческих авторов V в. до н. э.: Рунг Э. В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 4. СПб., 2005. С. 136 сл.

¹⁹ В пользу того, что фрагмент Филохора относится к мирным переговорам в Спарте 392/1 г. до н. э. основные аргументы см.: Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin-Leipzig, 1927. Bd. 3. Abt. 1. S. 81; Martin V. Sur une interpretation nouvelle... P. 133; Barbieri G. Conone. Roma. 1955. P. 175–182; Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 146. Not. 68; Roberts J. T. Athenian Conservatives and the Impeachment Trials of the Corinthian War // Hermes. 1980. Bd. 108. Ht. 4. S. 104; Cawkwell G. L. The King's Peace. P. 70; Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War. P. 137; Keen A. G. A "Confused" Passage of Philochoros. P. 1–10; idem. Philochoros F 149 A & B: A Further Note // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 3. P. 375–378.

²⁰ В пользу того, что этот фрагмент передает реальный рескрипт царя времени Анталкидова мира, см.: Bruce I. A. F. Athenian Embassies in the Early Fourth Century BC // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 3. S. 278; Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 32–33; Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 233ff; Devoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 191; Badian E. The King's Peace. P. 29–32. И. Брюс пишет, что «конгресс в Спарте в 392/1 г. до н. э. не касался «мира, который царь ниспослал»: это была попытка достичь мира в Греции, о котором с Персией не проконсультировались» (Bruce I. A. F. Athenian Embassies. P. 278). Э. Бэдиан в одной из своих работ считает более поздним мифом то, что афиняне отвергли мир 392/1 г. до н. э. на том основании, что он передавал царю греков Азии (Badian E. The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Akten eines Symposiums 3–7 August 1992, Bellagio / Ed. W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 84. Anm. 19).

²¹ Pownall F. S. Presbeis Autokratores: Andocides' De Pace // Phoenix. 1995. Vol. 49. № 2. P. 142–143. Аналогичным образом еще ранее Э. Харрис отмечал, что Дидим просто перепутал Анталкидов мир с не принятыми предложениями Анталкида в 392/1 г. до н. э. (Harris E. M. More Chalcenteric Negligence // CPh. 1989. Vol. 84. № 1. P. 37).

¹⁷ См. Gibson C. A. Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators. Berkeley: Calif. univ. press, 2002. P. 114–115; См. также анализ сообщения Филохора в изложении Дидима: Harding Ph. Didymos: on Demosthenes. Oxford, 2006. P. 164–177.

¹⁸ Выражение οἶκος βασιλείας — «дом царя» — представляет собой кальку с соответствующего древнеперсидского термина. Встречается оно в письме Дария I сатрапу Гадату (ML, № 12, 16–17: μηγάλη χάρις ἐμ βασιλείῳ οἴκῳ) и в труде Геродота (V, 31; VI, 9). Сведения Фукидида (I, 129, 3; 137) показывают, что выражение «дом царя» присутствовало в переписке между царем Ксерксом и спартанским военачальником Павсанием, а также Фемистоклом и Артаксерксом I в 470–460-е гг. до н. э. В древнеперсидских надписях выражение «дом царя» (viθam) могло иметь в зависимости от

интерпретировать свидетельство Филохора? Во-первых, на наш взгляд, этот фрагмент не может служить доказательством того, что описанные в нем события принадлежали предыстории Анталкидова мира. Помимо датировки события архонтом Филоклом (392/1 г. до н. э.), во фрагменте упоминается отклонение афинянами условий мирного договора и изгнание ими послов, участвовавших в переговорах в Спарте. Между тем хорошо известно, что Афины вынуждены все же были принять Анталкидов мир, хотя и последними из греков (Ael. Arist. I. 293). Еще более показательны сведения источников о судьбе афинских послов в Спарту, которыми были Эпикрат из Кифисия, Андокид из Кидафин, Кратин из Сфетта, Эвбулид из Элевсина²².

Противники того, чтобы помещать сообщение Филохора в исторический контекст конференции 392/1 г. до н. э. в Спарте, выдвигают в качестве аргумента то обстоятельство, что на этих перего-

²² Поездка Андокида в составе афинского посольства в Спарту в 392/1 г. до н. э. подтверждается как датировкой сохранившейся речи оратора «О мире с лакедемонянами», так и гипотезисом к этой речи, содержащей ссылку на Филохора (Philoch., FGrHist., 328, F. 149b). Указание на изгнание Андокида в связи с посольством в Спарту содержится в произведении Псевдо-Плутарха «Жизнь десяти ораторов»: «Посланный в отношении мира в Лакедемон, он (Андокид. — Э. Р.) был осужден и изгнан» (Ps-Plut., *Andoc.*, 12). Несмотря на очевидную связь посольства Андокида в Спарту и его изгнания из Афин, некоторые исследователи выдвигают предположение, что Андокид отправился в изгнание после посольства 386 г. до н. э., в течение которого участвовал в переговорах по поводу Анталкидова мира. И. Брюс, например, пишет: «Вера в то, что Андокид был изгнан в 391 г. — только предположение, так как мы знаем, что он отправился в Спарту в 392/1 г. до н. э. и по возвращении обнародовал речь. Источники, которые упоминают его изгнание, не объясняют, когда именно он был изгнан, и вполне возможно, что Андокид был снова послан в Спарту в 386 г. до н. э.» (Bruce I. A. F. *Athenian Embassies*. P. 279). Собственно говоря, и Д. Кинаст считает Эпикрата, Андокида, Кратина и Эвбулида послами в Спарту в 386 г. до н. э. (*Kienast D. Presbeia* (Πρεσβεία), *griechisches Gesandtschaftswesen* // RE. 1973. Suppl. 13 (zum 22 Bd.). Sp. 601). Сведения об участии в посольстве и изгнании Эпикрата еще более представительны и определены хронологически. Обратимся к свидетельствам Демосфена и Лисия. Демосфен в речи «О предательском посольстве» отмечает, что афиняне приговорили к смерти послов, среди которых был Эпикрат. Оратор перечисляет обвинения, предъявленные послам: они в посольстве действовали вопреки предписанию; некоторые из них обличены в том, что докладывали Совету и сообщали в письмах неправду, лгали насчет союзников и принимали подкуп. Далее Демосфен также сообщает, что смертную казнь Эпикрату заменили изгнанием (Dem., XIX, 277–280). В речи «Против Эпикрата» Лисий упоминает об обвинениях, выдвинутых против Эпикрата и «бывших с ним послов», причем суд над ним, по данным оратора, имел место еще до завершения Коринфской войны (Lys., XXVII, 1). Таким образом, указанные свидетельства подтверждают, что, по крайней мере, Андокид и Эпикрат действительно участвовали в посольстве в Спарту и были осуждены по возвращении; о судьбе остальных афинских послов ничего не известно.

ворах не обсуждались условия мира, ниспосланные царем при посредничестве Анталкида. Даже во время переговоров в Сардах — как считают исследователи более ранних по времени свидетельств — Анталкид не получал аудиенции у персидского царя, а был в контакте только с Тирибазом. Однако это не исключает возможности того, что рескрипт царя стал известен грекам еще на переговорах в Сардах, вероятно, при посредничестве сатрапа Тирибаза; возможно также, что этот рескрипт был доставлен неким персидским посланцем прямо в Грецию накануне переговоров в Спарте²³. Выражение τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀντιαλκίδου во фрагменте Филохора, конечно, должно относиться к Анталкидову миру, но появление этой фразы в связи с более ранними переговорами тоже объяснимо: античные авторы, как известно, считали, что условия мирного договора, которые обсуждались в 393/2 г. до н. э., почти дословно совпадали с условиями Анталкидова мира 387/6 г. до н. э.²⁴ Поскольку переговоры в Сардах и Спарте завершились неудачей, Коринфская война продолжалась еще, по меньшей мере, пять лет.

3. На пути к мирному договору

Новую попытку заключить мирный договор с Персией спартанцы предприняли только в 387 г. до н. э. в изменившейся политической ситуации. В 390 г. до н. э. началась Кипрская война Эвагора Саламинского против царя Артаксеркса II, которая продолжалась десять лет и мобилизовала значительные ресурсы персов²⁵. Союзниками Эвагора в этой войне стали афиняне, которые тем самым спровоци-

²³ В пользу того, что проблема малоазийских греков могла обсуждаться на переговорах в Спарте, обычно приводят также отрывок из «Менексена» Платона (245b–c), который, однако, интерпретируется далеко не однозначно (об этом см. *Badian E. The King's Peace*. P. 32; *Jehne M. Die Friedensverhandlungen von Sparta...* S. 268–269; *Keen A. G. A «Confused» Passage of Philochoros...* P. 4; *Pownall F. Lessons from the Past: The Moral Use of History in Fourth Century Prose*. Michigan, 2003. P. 44).

²⁴ См.: *Keen A. G. Philochoros F 149 A & B: A Further Note*. S. 375ff.

²⁵ Хронология Кипрской войны не вполне ясна, но к настоящему времени заметна тенденция к достижению консенсуса в отношении начала и завершения войны — ок. 390–380 гг. до н. э. В пользу этой датировки: *Tuplin C. J. Lysias XIX, the Cypriote War and Thrasibulus' Naval Expedition* // *Philologus*. 1983. Bd. 127. P. 170–176; *Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt and the Date for the Battle of Citium* // *Phoenix*. 1991. Vol. 45. № 1. P. 1–20.

ровали разрыв отношений с Персией²⁶. Немного позднее, в 388 г. до н. э., афиняне заключили союз с Египтом (Ag. Plut. 178 cum schol.; о союзе Эвагора и египетского царя Акориса см.: Theop. FGrHist. 115. F. 103. 1), который сохранял независимость от Персии с конца V в. до н. э. И, наконец, афинский стратег Фрасибул после 389 г. до н. э. вел активную деятельность, связанную с войной в греческих полисах Малой Азии, видимо, поставив целью возрождение Афинского морского союза²⁷.

Несмотря на то что после заключения союза афинян с Эвагором еще некоторое время продолжала сохраняться видимость союзнических отношений между Афинами и Персией, существуют свидетельства того, что персидский царь изменил свое отношение к афинянам. В одном фрагменте Феопомпа сохранилось сообщение, что в 390 г. до н. э. Артаксеркс передал верховное руководство войной против Эвагора Автофрадату (στρατηγὸν ἐλιστήσας), который назван сатрапом Лидии (Λυδίας ἐξαίρατον), и назначил навархом сатрапа Карики Гекатомна (Theop. FGrHist. 115. F. 103. 4). Принимая во внимание тот факт, что в упоминавшейся уже милетской надписи Струф назван сатрапом Ионии, некоторые ученые полагают, что после отставки Тирибаза обширная Сардийская сатрапия была поделена на

²⁶ В 393 г. до н. э. Афины удостоили Эвагора еще одним почетным декретом, признав его царем Саламина. В этом декрете предписывалось увенчать Эвагора золотым венком, наградить проедрией на афинских трагедиях в театре; ему была также воздвигнута статуя рядом со статуей Конону (IG. II.2, 21; Paus. I. 3. 2; Isocr. IX. 57; Dem. XX. 70) (См.: Lewis D. M., Stroud R. S. Athens Honors King Evagoras of Salamis // Hesperia. 1979. Vol. 42. № 2. P. 180–193). Кроме того, благодаря связям Эвагора и Конона, в Афинах планировали породнить Эвагора с Дионисием Сиракузским и объединить их в союзе против Спарты (Lys. XIX. 19–20). По свидетельству оратора Лисия, Афины посетили послы Эвагора с просьбой о военной помощи (Lys. XIX. 21, 43). Несмотря на опасность разрыва отношений с персами, в Афинах была организована помощь Эвагору; главным образом, благодаря стараниям друзей Конона, в частности Аристофана, сына Никофема, саламинские послы встретили хороший прием (Lys. XIX. 27), им были предоставлены корабли, выделено некоторое количество денег, за счет которых они получили возможность нанять матросов, пельтастов и купить оружие (Lys. XIX. 21). Кроме того, афиняне постановили снарядить 10 триер (Lys. XIX. 21). Возможно, это были те самые 10 триер, с которыми Филократ, сын Эфиальта отправился на Кипр «по союзу с Эвагором» (Xen. Hell. IV. 8. 23).

²⁷ О политике Фрасибула см., в частности: Schwahn W. Thrasybulus (3) // RE. 1936. 2 Reihe. Hbhd. 41. Bd. 6A. Sp. 568–576; Cawkwell G. L. The Imperialism of Thrasybulus // CQ. 1976. Vol. 26, № 2. P. 270–277; Антонов В. В. Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин. С. 250–254. Фрасибул организовывал сбор дани с малоазийских греческих городов, от Клазомен (IG. II.2, 28), которые позднее, по условиям Анталкидова мира, отойдут под власть Великого царя, и до Аспенда на Эвримедонте (Xen. Hell. IV. 8. 30).

три отдельные сатрапии: Иония, Лидия и Кария²⁸. Между тем представляется уместным предположить, что если раздел сатрапий и имел место, то его следствием было выделение из Сардийской сатрапии только Карики под управлением зависимого от царя династа Гекатомна, тогда как Автофрадат сменил в конце 390-х гг. до н. э. проафински настроенного Струфа, который стал сатрапом Сард в качестве преемника Тирибаза²⁹. Только эта замена Струфа Автофрадатом могла отражать адекватную реакцию персидского царя на афинскую военную поддержку мятежа Эвагора. После того как Автофрадат был назначен командующим в Кипрской войне, царь оказался вынужден принять враждебную политику по отношению к Афинам. С другой стороны, после замены Автофрадата вновь назначенным сатрапом Сард Тирибазом в 388 г. до н. э., последний взял на себя руководство персидскими силами в Кипрской войне (Theop. FGrHist. 115. F. 103. 9; Diod. XV. 2. 2). Одновременно Артаксеркс отозвал из Малой Азии Фарнабаза, предложив ему вступить в брак с царской дочерью; таким образом был деликатно устранен сатрап, который мог служить помехой новому сближению Спарты и Персии ввиду того, что он по-прежнему продолжал взаимодействовать с афинянами. В результате этого Фарнабаз был заменен на посту Даскилийского сатрапа Ариобарзаном — гостеприимцем Анталкида (Xen. Hell. V. 1. 28).

В такой ситуации дальнейшего обострения афино-персидских взаимоотношений Артаксеркс должен был уже иначе смотреть на перспективы своего союза со Спартой. В 387 г. до н. э. свою основ-

²⁸ Olmstead A. T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 390; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 261; idem. The Greeks and the Persians from the Sixth to Fourth Centuries. L., 1969. P. 210; Osborn M. J. Orontes. S. 524; Zahrt M. Hellas unter persischen Druck? S. 293; Debord P. L'Asie Mineure. P. 254–255.

²⁹ Fiehn. Struthas. // RE. 1931. 2 Reihe. Hbhd. 7. Sp. 384. Дж. Девото считает Струфа, также как и Тирибаза, караном и сатрапом Сард (Devoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace. P. 197). Д. Льюис допускает возможность, что Автофрадат был сатрапом Лидии позднее, и его упоминание Феопомпом не исключает, что Петит Струф мог быть сатрапом Сард (Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 118. Not. 75). Э. Кин считает Струфа караном и сатрапом Сард, а Автофрадату — «подчиненным сатрапом» (Keen A. G. Persian Karanoi and their Relationship to the Satrapal System // Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993. Vol. 1. P. 92–93). В пользу того, что Тирибаз, Струф, Автофрадат и снова Тирибаз последовательно занимали должность карана и сатрапа Сард см., в частности: Petit M. À Propos des “satrapies” ionienne et carienne // BCH. 1988. T. 112. P. 309–312 (также отрицает факт существования отдельной сатрапии Ионии в тот период). Ксенофонт называет Струфа управлявшим приморской сатрапией (Xen. Hell. IV. 8. 17), а Диодора — стратегом приморской сатрапии (Diod. XIV. 99. 1).

ную задачу спартанцы и персы видели в том, чтобы воспрепятствовать укреплению афинского влияния в Восточном Средиземноморье. Средством к этому обе стороны могли считать скорейшее окончание Коринфской войны и заключение мирного договора на принципах автономии для всех городов Греции. Кроме того, персы принимали в расчет и прежнюю готовность спартанцев признать власть персидского царя над малоазийскими греками и намеревались вновь поднять этот вопрос.

В начале 387 г. до н. э. Анталкид и Тирибаз совершили поездку в Сузы (Xen. Hell. V. 1. 25). Основной целью переговоров в Сузах было достижение мирного соглашения между Спартой и Персией. Как представляется, эта поездка была вызвана тем, что обе стороны должны были учитывать прежний неудачный опыт достижения соглашения без непосредственного обращения к персидскому царю. На предстоящих переговорах Анталкид, поддерживаемый сатрапом Сард, рассчитывал изложить Артаксерксу спартанские условия мира и выслушать его мнение по этому вопросу. К сожалению, ход и результаты переговоров в Сузах остаются все еще не до конца выясненными. Ксенофонт сообщает только, что в ходе визита Анталкида и Тирибаза в Сузы персидский царь дал согласие на союз со спартанцами, если афиняне и их союзники не примут мирных условий (Xen. Hell. V. 1. 25).

Диодор рассказывает о переговорах в Сузах более подробно. Согласно историку, спартанцы, будучи истощены войной как с греками, так и с персами, отправили наварха Анталкида к Артаксерксу добиваться мира (Diod. XIV. 110. 2). По данным Диодора, после переговоров Артаксеркс изложил условия, на которых он был согласен заключить мир. Эти условия в своей основе совпадали с предложениями Анталкида: греческие города, находящиеся в Азии, должны принадлежать царю, тогда как всем другим грекам надлежало быть автономными. С неповиновавшимися и непринявшими договор Артаксеркс II обязался воевать (Diod. XIV. 110. 3). Таким образом, персидский царь продиктовал мир, который должны были принять все греки. Следует заметить, что ни из сообщения Ксенофонта, ни из отрывка Диодора прямо не следует, что спартанцы уже в Сузах заключили мир и союз с персидским царем. Но формально Спарта была единственным греческим государством, находившимся в состоянии войны с Персией, и новый мирный договор должен был завершить эту войну³⁰. У. Вилькен ссылается на другое сооб-

щение Ксенофонта, из которого становится понятно, что уже вскоре после посещения Анталкидом Суз, но еще до заключения официального мира между греками, Артаксеркс II считался союзником спартанцев (Xen. Hell. V. 1. 29). На основании этого свидетельства и данных Диодора ученый полагает, что «симмахия могла объединить только те две державы, между которыми был мир»³¹. Наконец, Исократ подтверждает существование договора между Спартой и Персией 387 г., провозглашающего союз «на вечные времена» (Isocr. IV. 128).

Основная причина, побудившая царя в 387 г. до н. э., в отличие от 392 г. до н. э., согласиться на мир с греками, заключалась в его озабоченности развитием войны с Кипром и Египтом. Артаксеркс II преследовал цель, во-первых, лишить Эвагора и Акориса афинской помощи, а во-вторых, развязать себе руки для более активной политики в отношении последних. Именно этот факт побуждал царя особо заявить притязания на Кипр в своем эдикте, переданном Тирибазу в Сузах (Xen. Hell. V. 1. 31), и фактически только после заключения Анталкидова мира Персия начала решительное наступление на Кипр и Египет³². В ходе переговоров в Сузах было достигнуто двустороннее соглашение между спартанцами и персидским царем, заключенное при посредничестве Анталкида и Тирибаза по типу того, который планировался несколько лет назад при первой встрече этих двух деятелей. Именно такое соглашение должно было являться целью спартанской дипломатии, и без достижения такого урегулирования отношений Спарты и Персии переговоры бы теряли смысл. Примирение с Персией послужило достаточным основанием для получения спартанцами в скором времени персидской военной помощи, вызвавшей обеспокоенность в Афинах (Xen. Hell. V. 1.28–29). Несомненно также, что отчасти Анталкид сумел добиться целей в ходе поездки в Сузы, благодаря искусству дипломата и личным качествам³³.

К началу 387 г. до н. э. афиняне и другие участники антиспартанской коалиции оказались в крайне трудном положении. Спартанский

³¹ Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens S. 13. Напротив, В. Мартэн полагает, что вплоть до окончания Коринфской войны не существовало мира между Персией и каким-либо греческим государством, а переговоры в Сузах касались только завершения конфликта между греками (Martin V. L'histoire diplomatique dans la tradition littéraire au IV siècle av. J.C. // МН. 1944. Vol. 1. № 1. P. 23).

³² Reid C. I. Ephoros Fragment 76 and Diodoros on the Cypriote War // Phoenix. 1974. Vol. 28. № 1. P. 138; Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt. P. 2ff.

³³ Этот факт особо подметил У. Вилькен (Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. S. 13). См. также: Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 307.

³⁰ Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories. P. 305.

флот, блокировав Аттику, подверг непосредственной угрозе порт Пирей (Xen. Hell. V. 1. 20–24). Действия флота Анталкида препятствовали подвозу зерна в Афины из Эвксинского понта, создавая напряженную экономическую и социальную обстановку в городе (Xen. Hell. V. 1. 28)³⁴. Не в лучшем положении оказались и афинские союзники, которые еще ранее выражали готовность заключить мир (особенно Фивы). В этой ситуации по предложению Анталкида делегаты греческих городов, участвующих в Коринфской войне, собрались в Сардах, где заслушали представленный Тирибазом рескрипт царя, который в конечном итоге лег в основу Анталкидова (Царского) мира. Не исключено, что уже перед дипломатической конференцией в Сардах 387 г. до н. э. в греческих государствах началось бурное публичное обсуждение условий мирного договора, заявленного Артаксерксом через Анталкида. Ксенофонт говорит, что в Сардах послы должны были принести клятвы персидскому царю от имени своих государств в верности условиям мира (Xen. Hell. V. 1. 32). Последний факт означает, что содержание царского рескрипта было известно грекам уже загодя, поскольку послы из греческих государств должны были иметь соответствующие полномочия от правящих кругов своих полисов.

С другой стороны, на последующей конференции в Спарте состоялась официальная церемония заключения мира, который объявлял автономию греческих полисов (кроме Клазомен и Кипра), передавал эллинские полисы Малой Азии во власть персидского царя, а самого Артаксеркса II делал гарантом соблюдения условий соглашения. К сожалению, нам неизвестны многие подробности, касающиеся процесса заключения мира, но можно с уверенностью сказать, что предметом основных споров в греческих государствах теперь стала статья, признающая власть персидского царя над малоазийскими греческими городами. Фактически в этот период на роль покровителя азиатских греков стали вновь претендовать Афины, которые за предшествующие несколько лет добились значительного успеха в укреплении связей с греческими городами, находящимися в Азии. Именно с признанием такой роли за Афинами могла быть связана просьба к афинянам, которая присутствует в одной надписи из Эрифры времени Анталкидова мира, — «не передавать эритрейцев варварам» — *μη ἐκδίδωσθαι Ερυθραίους τοῖς βαρβάροις* (SEG. 1976. XXVI.

³⁴ Лисий в речи «Против хлебных торговцев» отмечает возросшее количество случаев спекуляции хлебом в Афинах, вызванных отчасти блокадой Геллеспонта спартанцами (Lys., XII, 14).

№ 1282). Ответ афинян на эту просьбу не сохранился. Диодор также отмечает, что афиняне и фиванцы нашли тягостным оставить персам азиатские греческие города, но, не имея возможности сражаться и под давлением необходимости, они согласились на мир (Diod. XIV. 110. 4). Кроме того, позднеантичный ритор Элий Аристид сообщает, что последними на мир согласились афиняне; в противном случае они были бы вынуждены воевать не только с лакедемонянами и пелопоннесцами, но и с персидским царем, с фракийским царем Севтом и даже тираном Дионисием Сиракузским (Ael. Arist. I.293; о позиции Сиракуз в Коринфской войне: Xen. Hell. V. 1. 26).

4. Характер Анталкидова мира

Необходимо прежде всего постулировать принципиальные отличия Анталкидова мира от предшествующих ему греко-персидских соглашений. Так, прежде всего в терминологическом аспекте, мы должны принять во внимание первое появление для обозначения мирного договора слова *εἰρήνη*, который начинает употребляться часто вместо другого определения — *σπονδαί*, которым обозначались как все прежние межполисные мирные договоры, так и двусторонние соглашения греческого полиса и Персии в V в. до н. э. (Каллиев мир, Эпиликов мирный договор, спартано-персидские соглашения)³⁵. Ксенофонт же дважды употребляет слово *мир* (*εἰρήνη*) применительно к договору 387/6 г. до н. э. в следующих сочетаниях: «мир, который ниспослал царь» (*εἰρήνην ἣν κατέλεψε βασιλεὺς*) (Xen. Hell. V. 1. 35), «царем ниспосланный мир» (*τῆς ὑπὸ βασιλέως καταλεμφθείσης εἰρήνης*) (V. 1. 36).

³⁵ Quass F. Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. S. 41–42. Об изменении *σπονδαί* на *εἰρήνη* в IV в. до н. э.: Troncoso V. A. War, Peace and International Law in Ancient Greece // War and Peace in the Ancient World / Ed. by K. Rauffaub. Oxford, 2007. P. 209, 220–221. Теоретическое обоснование различий между *εἰρήνη* и *σπονδαί* как миром и мирным договором, принадлежит Андокиду в речи «О мире с лакедемонянами» 392/1 г. до н. э. (III, 11), который писал: «Ведь мир и мирный договор отнюдь не одно и то же: мир заключают друг с другом на равных условиях те, кто пришел к соглашению относительно предмета спора; мирный же договор диктуют после своей победы на войне победители побежденным — подобно тому, как лакедемоняне, победив нас в войне, предписали нам и стены срыть, и корабли выдать, и изгнанников возвратить из изгнания». Конечно, Андокид ошибается, когда таким образом проводит разграничение между *εἰρήνη* и *σπονδαί*, однако для нас важно подчеркнуть то, что афинский оратор показывает преимущества именно *εἰρήνης*, по сравнению со *σπονδαί* в греческих межполисных отношениях своего времени.

Собственно же выражение «Царский мир» — [βασι]λέως εἰρήνη, присутствует в афинской надписи 369/8 г. до н. э., которая содержит текст союзного договора афинян и тирана Дионисия Сиракузского, в которой последнего восхваляют за помощь в согласовании «Царского мира», заключенного «афинянами, лакедемонянами и другими эллинами» (IG. II. 103, сткк. 23–26)³⁶.

Другое общепринятое название мирного договора, «Анталкидов мир», также сообщает Ксенофонт, употребляя выражение ἐπ' Ἀνταλκίδου εἰρήνης καλουμένης (Hell. V. 1. 36). Подобные обозначения присутствуют и у Филохора. В одном случае аттидограф говорит о том, что «царь ниспослал мир при Анталкиде» — τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀνταλκίδου κατέπεμψεν ὁ βασιλεὺς (Philoch. FGrHist 328. F. 149b). В другом случае мирный договор 375/4 г. до н. э. Филохор называет подобным миру, который был заключен «при лаконце Анталкиде» — παραπλήσιον αὐτὴν τῇ τοῦ Λάκωνος Ἀνταλκίδου προσήκοντο (Philoch. FGrHist 328. F. 151). Вообще же выражение «мир при Анталкиде» встречается намного чаще, чем какие-либо другие. Это сочетание становится общим местом в античной традиции: его употребляют такие известные авторы, как Феопомп (FGrHist. 115. F. 103, 7), Демосфен (XX. 54. 2), Полибий (I. 6. 2; IV. 27. 5; VI. 49. 5), Диодор Сицилийский (XV. 19. 1), Страбон (VI. 4. 2), Плутарх (Artox. 21. 5), Флавий Арриан (Anab. II. 1. 4; 2. 2).

Некоторые исследователи считают, что определения «Царский мир» и «мир при Анталкиде» должны были относиться не только,

³⁶ Еще К. Филлипсон считал, что надпись ссылается на сам Анталкидов мир. По мнению исследователя, «она (надпись — Э. Р.) заявляет, что афиняне публично хвалят его (Дионисия — Э. Р.) за усердие в сохранении условий Анталкидова мира» (Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. Vol. 1. P. 185). Однако нередко высказывается мнение, что в псефизме, где встречается выражение [βασι]λέως εἰρήνη, афиняне хвалят Дионисия за помощь в согласовании мира 371/0 г. до н. э. — только лишь за возобновление условий Анталкидова мира. Так, по мнению П. Стилиану, в 386–371 гг. до н. э. Дионисий поддерживал спартанцев в использовании условий мирного договора против Афин и таким образом не мог удостоиться похвалы за помощь в заключении мира 386 г. до н. э. (Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus Book 15. Oxford, 1995. P. 383). Однако участие Дионисия в согласовании мира 386 г. до н. э. вполне вероятно (см.: Ael. Arist., I, 293). В новых же политических условиях, когда афиняне и спартанцы были уже союзниками в войне против фиванцев (с 370/69 г. до н. э.), должно было измениться их отношение к Царскому миру. Кроме того известны и прежние попытки афинян завязать отношения с сиракузским тираном (об этом подробнее см.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2005. С. 385).

собственно, к мирному договору 387/6 г. до н. э., но и ко всем последующим соглашениям, которые были заключены по побуждению персидского царя и возобновляли условия последнего. Однако приводимые исследователями примеры такого употребления указанных определений не дают возможности сделать однозначное заключение³⁷.

Но считали ли греки Анталкидов мир первым договором из ряда соглашений всеобщего мира — κοινὴ εἰρήνη? Имел ли договор фактическое отношение только к тем греческим государствам, которые принимали участие в Коринфской войне 395–387 гг. до н. э. или же распространялся на всех греков, включая тех, которые не принимали участия в военном конфликте?

Определение κοινὴ εἰρήνη по отношению к Анталкидову миру встречается только у Диодора Сицилийского (XV. 5. 1), который говорит о нем как о «всеобщем мире» при Анталкиде — τοῖς Ἑλλήσι κοινὴ εἰρήνη τῆς ἐπ' Ἀνταλκίδου. В дальнейшем, как рассказывает историк, Артаксеркс неоднократно побуждал греков к заключению всеобщего мира (Diod. XV. 38. 1; 50. 4; 51. 2; 70. 2; 76. 3). При этом традиционным в историографии стало стремление воспринимать Анталкидов мир именно как первый κοινὴ εἰρήνη³⁸. Нередко, однако, среди исследователей встречается мнение, что этот мирный договор в действительности не был всеобщим. По мнению Д. Льюиса, договор завершил «билатеральную» войну между Персией и Спартой³⁹. Аналогичным образом высказывается Э. Бэдиан, который утверждает: «Мир не был “всеобщим миром”, но по существу миром между противоборствующими сторонами в Коринфской войне»⁴⁰. Дж. Баклер, в свою очередь, считает, что κοινὴ εἰρήνη как *terminus technicus* является «творением» самого Диодора, возможно, результатом восприятия сицилийским историком стоических идей универ-

³⁷ Так, Э. Кин (Keen A. G. Philochorus F 149 A & B. P. 376) ссылается на несколько путаное сообщение Павсания (IX, 13, 2), согласно которому, Эпаминонд участвовал в переговорах, когда «лакедемоняне заключили так называемый мир при Анталкиде» (вероятно, здесь Павсаний смешивает два события — мирные договоры 386 и 372/1 г. до н. э.).

³⁸ См.: Martin V. Sur une interpretation nouvelle... P. 131sq; Payrau S. EIPHNIKA. P. 46sq; Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 36; Quass F. Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. S. 40–42; Jehne M. Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4 Jahrhundert v. Chr. // HZ. 1992. Bd. 255. Ht. 1. S. 110–111; Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 163–164; Schmidt K. The Peace of Antalcidas... P. 82ff.

³⁹ Lewis D. M. Sparta and Persia. P. 146.

⁴⁰ Badian E. The King's Peace. P. 43.

сализма⁴¹. Между тем, на наш взгляд, выражение κοινὴ εἰρήνη стало традиционным для обозначения договоров всеобщего мира уже в начале IV в. до н. э., о чем свидетельствует повторяющееся его употребление в речи Андокида «О мире с лакедемонянами» (392 г.) (III. 17, 28, 34). Всеобщий характер договора также следует из того факта, что его условия об автономии больших и малых полисов должны были закономерно распространяться на всех греков (кроме малоазийских), а не только на тех, которые стали фактически участниками соглашения. Таким образом, следует говорить по крайней мере о трех аспектах восприятия греками соглашения 387/6 г. до н. э.: он расценивался как «Царский мир», «мир при Анталкиде» и «всеобщий мир».

Появление различных характеристик мирного договора едва ли было случайным. Так, например, когда греки обращали внимание на роль персидского царя в согласовании мирного договора, они соответственно называли его «Царским миром»; однако в том случае, если внимание акцентировалось на роли Анталкида и Спарты, то эллины предпочитали, очевидно, говорить об «Анталкидовом мире». Когда же подчеркивался универсальный характер договора, условия которого распространялись на все греческие полисы, а не только на участников договора, то его называли «всеобщим миром».

Далее, согласно договору 387/6 г. до н. э., сам персидский царь выступал гарантом соблюдения условий мирного договора греками, как это следует из царского рескрипта грекам: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами — ὁπότεροι δὲ ταύτην τὴν εἰρήνην μὴ δέχονται, ἐγὼ πολεμήσω μετὰ τῶν ταῦτὰ βουλομένων καὶ πεζῇ καὶ κατὰ θάλατταν καὶ ναυσὶ καὶ χρήμασιν» (Xen. Hell. V. 1. 31). Вероятно под впечатлением от этого условия и принимая во внимание конкретную ситуацию, сложившуюся в греко-персидских отношениях сразу же после Анталкидова мира, афинский оратор Исократ в «Панегирике» называет персидского царя стражем мира, распорядителем дел греков, назначающим войну, устраивающим мир и вообще хозяином текущего положения дел: φύλαξ τῆς εἰρήνης (IV. 175); τοῦ πολέμου κύριος ἐγένετο καὶ τὴν εἰρήνην ἐπριτανεύσεν καὶ τῶν παρόντων πραγμάτων ἐπιστάτης καθέστηκεν (IV. 121). Принятие царского рескрипта греческими государствами означало признание греками откры-

того вмешательства персидского царя в дела Эллады и ознаменовало собой новый этап развития греко-персидских отношений⁴².

По мнению одних исследователей, персидский царь был непосредственным участником договора с греками⁴³, другие, однако, считают, что это был только договор между самими эллинами, которые связали себя общей клятвой по отношению к Великому царю Персии⁴⁴. В пользу последней точки зрения основные соображения привел Э. Бэдиан. По мнению исследователя, царь не намеревался быть (и фактически не был) участником мира, который греческие воюющие стороны были призваны выработать для самих себя. Далее Э. Бэдиан продолжает: «... непостижимо, чтобы царь мог присягать миру с греческим городом». В ранней работе, посвященной Каллиеву миру, исследователь более определенно разъясняет свою позицию. Он, ссылаясь на мнение швейцарского ученого В. Мартэна, замечает, что «нельзя представить царя, присягающего греческому городу на равных условиях»; «он мог ниспосылать эдикт, устанавливавший свои условия»⁴⁵. В конечном итоге историк считает, что в тех случаях, когда мы встречаем в источниках ссылки на Анталкидов мир как на договор греков с царем, они отражают скорее представления эллинов о статусе персидского царя по договору, нежели действительное положение дел. Реальный мир, условия которого были написаны на стеле, как замечает Э. Бэдиан, не мог содержать клятву царя, так как мир заключался отнюдь не между царем и каким-либо греческим государством (или «греками» в целом)⁴⁶. Действительно, Ксенофонт (Hell. V. 1. 35) говорит о том, что греки принесли клятвы в соответствии с присланными царем условиями мира; сам же договор был «первым миром между лакедемонянами, афинянами и их союзниками за всю войну» — таким образом, греческий историк не называет царя в качестве участника мирного договора.

Однако хотелось бы заметить следующее. Во-первых, большинство авторов единодушно свидетельствуют, что Анталкидов мир был именно «договором с царем» — πρὸς βασιλέα (Isocr. VIII. 16; XII. 60. 2; Dem. XV. 9. 29; Diod. XIV. 117; Theop. FGrHist. 115. F. 103. 7). Во-вторых, в сохранившихся начальных строках афинской псефизмы

⁴² Urban R. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. S. 136–138.

⁴³ Так, Дж. Коуквелл резонно полагал, что представитель персидского царя присягнул миру (Cawkwell G. L. The King's Peace. P. 77).

⁴⁴ Badian E. The King's Peace. P. 37.

⁴⁵ Idem. The Peace of Callias // JHS. 1987. Vol. 107. P. 27; idem. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore-L., 1993. P. 41ff.

⁴⁶ Idem. The King's Peace. P. 38.

⁴¹ Buckler J. Philip II, the Greeks, and the King 346–336 B. C. // ICS. 1994. Vol. 19. P. 120; idem. Aegean Greece in the Fourth Century BC. London-Boston: Brill, 2003. P. 170.

о союзе с Хиосом 384/3 г. до н. э. упоминается персидский царь как участник договора с греками, поклявшийся быть верным его условиям⁴⁷. Эту надпись от заключения Анталкидова мира, как нетрудно заметить, отделяет чуть более двух лет, и она может быть решающим аргументом в пользу того, что, как считали греки, персидский царь был участником договора. Другой вопрос, закономерно поднятый Э. Бэдианом: присягал ли царь на верность договору с греками? Можно утверждать, что царь, разумеется, не принес клятву лично, так как греки заключали договор в отсутствие царя: основные переговоры проходили сначала в Сардах, а затем в Спарте. Однако не исключено, что в Сардах клятву от имени царя мог произнести не кто иной, как сам сатрап Тирибаз. Греки допускали такого рода клятвы «заочно», при отсутствии одного из участников договора, как мы знаем из обстоятельств заключения спартано-персидских договоров 412–411 гг. до н. э., в которых царь был одним из участников, а также афино-персидского соглашения о статусе Калхедона в 409 г. до н. э. Но даже, если царь действительно не присягал на верность договору с греками, он все равно был его участником, не только как одна из сторон, но как арбитр, призванный следить за его соблюдением. Отсюда возникает следующий вопрос: было ли условие о Великом царе как гаранте мира единственным, на основании которого греки считали, что договор заключен именно с царем. Ключ к дальнейшему прояснению статуса персидского царя в Анталкидовом мире дают ссылки Арриана на договоры митиленцев и тенедосцев с царем Дарием III, заключенные «при Анталкиде». Речь, безусловно, идет об интересующем нас мире. По сообщению Арриана, персидские военачальники потребовали как от митиленцев, так и от тенедосцев разорвать договоры с Александром Великим и стать союзниками Дария, какими они были по Анталкидову миру (Arr. Anab. II. 1. 4; 2. 2)⁴⁸. Между тем

⁴⁷ Tod., II, № 118, сткк. 13–15; русский перевод И. А. Шишовой: «[Хиосцы] помнят об общих решениях, записанных у эллинов: сохранять, как и афиняне, мир, дружбу, клятвы и существующие договоры, чему присягнули царь, афиняне, лакедемоняне и другие эллины... — διαφυλάξειν καθάπερ Ἀθηναῖοι τὴν εἰρήνην καὶ τὴν φιλίαν καὶ τοὺς ὅρκους καὶ [τὰς οὖσας συνθήκας] [ἃς] ὤμοσεν βασιλεὺς [καὶ] Ἀθηναῖοι καὶ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ἄλλοι Ἕλληνες» (сткк. 8–12); «и они прибыли с благими предложениями для афинского народа, всех эллинов и для царя — καὶ ἤκουσιν ἀγαθὰ ἐπαγγελλόμενοι τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων καὶ ἀπάσῃ. τῇ Ἑλλάδι καὶ βασιλεῖ».

⁴⁸ Ксенофонт сообщает о порядке принесения клятв при заключении соглашения в Калхедоне: афинские стратеги и сатрап Фарнабаз принесли взаимные соглашения в Калхедоне; однако Алкивиад, отсутствующий при заключении договора, принес клятву в Хрисополе послан Фарнабаза Митробату и Ариапу, а Фарнабаз в Калхедоне — Алкивиадом послан Эвриптолему и Диотиму (Hell. I. 3. 11–12).

это заявление Арриана нуждается в ряде корректировок. Во-первых, неправомерным выглядит упоминание царя Дария как участника Анталкидова мира; во-вторых, представляется, что отношения персидского царя с греческими полисами, скорее всего должны характеризоваться как *φιλία* — «дружба», а не *συνμαχία* — «военный союз», поскольку в действительности договор не был направлен против какого-либо государства, а кроме того некоторые тексты используют именно *φιλία* при ссылках на Анталкидов мир (IG. II. 35. fr. a, стк. 3; Cp.: Philoch. FGrHist. 328. F. 157; Androtion. FGrHist. 324. F. 53; Anaximen. FGrHist. 72. F. 28). «Союз на вечные времена» (εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον συνμαχία), насколько можно судить по краткому замечанию оратора Исократа (IV, 128), с царем заключили еще спартанцы, очевидно, в преддверии начала мирных переговоров в Сардах в 387 г. до н. э.; в таком случае спартано-персидская симмахия была направлена против враждебных им участников Коринфской войны. Установление «дружественных отношений» эллинов с персидским царем в полной мере отвечало логике развития греко-персидских отношений со времени Каллиева мира.

Самое же разительное отличие прежних договоров с Персией от Анталкидова мира заключалось в том, что теперь в договорных отношениях с Великим царем состояло не какое-то одно греческое государство, но все греки, в том числе не присягнувшие на верность соглашению (например, названные Аррианом митиленцы и тенедосцы, принадлежавшие к гражданам тех полисов, которые были признаны независимыми по Анталкидову миру).

Условие, согласно которому царю должны принадлежать греческие города Малой Азии, решало в пользу персов проблему малоазийских греков, которая долгое время служила камнем преткновения в отношениях Афин, Спарты и Персии⁴⁹. Претензии царя на Кипр и Клазомены также понятны: упоминание в тексте рескрипта (а следовательно и в договоре) Кипра должно было в дальнейшем развязать руки Артаксерксу в завершении Кипрской войны и лишить Эвагора помощи афинян. Клазомены, как это хорошо показал С. Ру-

⁴⁹ Об историческом контексте такого рода заявлений см.: Холод М. М. Персидская политическая пропаганда во время восточного похода Александра Македонского // Война и военное дело в античности (Para bellum! № 12). СПб., 2000. С. 31–34; Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 61.

зика, служили местом сбора персидских войск для борьбы с Эвагором, и этим фактором было обусловлено упоминание данного по- лиса⁵⁰.

Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, согласно тексту царского рескрипта, а следовательно — договора, должна была предоставляться автономия. Исключение было сделано для островов Лемнос, Имброс и Скирос, которые признавались афинскими владениями.

Теперь следует задаться вопросом, который часто также подни- мают исследователи: определял ли договор Анталкидова мира «блос- тителей мира» среди самих греческих полисов? Были ли претензии Спарты на роль защитника мира обусловлены самим договором с греками и царем? На этот счет Ксенофонт (Hell. V. 1. 36) заявляет, что лакедемоняне благодаря этому миру получили значительное превосходство (πολλὸν ἐλικυδέστεροι ἐγένοντο ἐκ τῆς ἐλ' Ἀνταλκίδου εἰρήνης καλουμένης), поскольку стали блюстителями присланных царем мирных условий и добывали автономию греческим городам (προστάται γὰρ γενόμενοι τῆς ὑπὸ βασιλέως καταλεμφθείσης εἰρήνης καὶ τὴν αὐτονομίαν ταῖς πόλεσι πράττοντες). Некоторые современ- ные историки склонны буквально понимать это заявление Ксено- фонта, полагая, что договор определял Спарте роль блюстителя мира⁵¹. Р. Сиджер, однако, замечает: «Царский рескрипт не предна- значал Спарте или какому-либо другому городу роль *prostates* мира. Царь сам выступал как единственный гарант мира. Он сам взял себе обязанности лидера желающих бороться за его соблюдение. Однако Персия показала готовность и желание позволить Спарте взять на себя роль *prostasia* договора...»⁵². И с этим мнением, очевидно, можно согласиться.

⁵⁰ О том, что даже после Анталкидова мира малоазийские греческие города, вопреки популярному мнению современников (см. Isocr. IV. 123), в правовом отношении считались автономными по отношению к Великому царю Персии (правда, их автономия была ограничена условиями выплаты дани), показывает относительно недавно опубликованный Синопско-гераклеийский договор (см.: Ефремов Н. В. Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей Понтийской (попытка исторической интерпретации) // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 78–105). В соглашении особо оговариваются совместные действия союзников в случае нападения кого-либо из подданных персидского царя — организация пособия к царю с требованием вывести войска с их территории.

⁵¹ Ruzicka S. Clazomenae and Persian Foreign Policy, 387/6 B.C. // Phoenix. 1983. Vol. 37. № 2. P. 108; *idem*. Athens and the Politics of Eastern Mediterranean in the Fourth Century B.C. // AncW. 1992. Vol. 1. P. 65.

⁵² Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens. S. 17; Quass F. Der Königs- friede... S. 49; Urban R. Der Königsfrieden... S. 126; Jehne M. Koine Eirene. S. 40–41.

5. Анталкидов мир и Персия

После заключения Анталкидова мира Артаксеркс II создал себе условия для завершения Кипрской войны и возобновления борьбы против Египта. Основные события конфликта с Эвагором разверну- лись только после 386 г. до н. э. Источники сообщают о долгих при- готовлениях Артаксеркса к войне против Эвагора: создании сухо- путного войска и флота, назначении военачальником над войском Оронта, зятя царя, и над флотом — Тирибаза (Diod. XV. 2. 3). Основ- ные морские силы Персии собирались в заливе Смирны.

Диодор особо упоминает греческие города Фокею и Кимы, а это предполагает, что значительную часть флота составляли малоазийские греки (ионийцы и эолийцы). Эти сведения подтверждает Исократ, который называет эллинских наемников самой боеспособной частью войска Тирибаза, а ионийцев — основой флота (Isocr. IV. 135). Столь массовый призыв во флот малоазийских греков, осуществленный впервые за последние сто лет (со времени завершения Греко-персид- ских войн в 479 г. до н. э.), очевидно был вынужденной мерой со стороны персидской администрации. Дело в том, что, насколько мы знаем, основные военно-морские базы, располагавшиеся на побережье Киликии и Финикии, были к тому времени потеряны для Персии. Диодор (XV. 2. 4) и Исократ (IV. 161; IX. 62) сообщают, что Эвагор опустошил Финикию, взял штурмом Тир и склонил к отпадению от царя Киликию (из 90 триер Эвагора 20 кораблей были тирийские: Diod. XV. 2. 4). Таким образом, мобилизация малоазийских греков для участия в персидском войске и флоте была прямым следствием того условия Анталкидова мира 387/6 г. до н. э., по которому царю должны принадлежать греческие города, расположенные в Малой Азии.

В период Кипрской войны Персия предпринимает также наступ- ление против Египта. Об этом персидском нападении на Египет крат- ко сообщает только Исократ в своем «Панегирике» (IV. 140): «Когда против царя восстал Египет... царь послал на войну своих лучших полководцев Аброкома, Тифравста и Фарнабаза, а те, протоптавшись на месте три года и испытав больше поражений, чем удач, отступили из Египта с таким позором, что восставшие, не довольствуясь добытой свободой, уже посягают на соседние земли». *Terminus ante quem* для этой египетской кампании является 380 г. до н. э. — с одной стороны, это год смерти царя Акориса и вступления на престол в Египте Нек- тенеба, а с другой — примерная дата составления «Панегирика» Исо- кратом. Одни исследователи датировали событие 389–387 гг. до н. э.,

относя его к сражению при Китии к 386 г. до н. э.⁵³, другие, однако, принимали более поздние даты: 385–383 и 383/2 гг. до н. э. соответственно. Последний подход к датировке трехлетней египетской кампании Персии против Египта представляется продуктивным на том основании, что Исократ упоминает об этом событии непосредственно перед сообщением о Кипрской войне. Следует также признать правоту С. Рузики, который называл в качестве *terminus post quem* для подготовки египетской кампании 389 г. до н. э.⁵⁴ Именно в этот год Фарнабаз был отозван с эгейского театра военных действий под предлогом вступления в брак с царской дочерью Апамой (Xen. Hell. V. 1. 28) и мог получить командование в египетской кампании, которое он сохранял и в течение последующих 370-х гг. до н. э. (Diod. XV. 41–43; Nepos. Datam. 3). Другой персидский военачальник Аброком готовился к экспедиции против Египта уже с 401 г. до н. э. (спустя несколько лет после отпадения страны) и руководил собранными для этой цели войсками (Xen. Anab. I. 4. 5, 18; VII. 12). Однако мятеж Кира Младшего и все последующие события в Эгее должны были надолго отсрочить реализацию этого плана, и именно продолжительные задержки в начале экспедиции, вероятно, могли побудить Атаксеркса усилить командный состав персидского войска, направив Аброкому на помощь Фарнабаза и Тифравста. Мы уже ранее встречали Фарнабаза в должности хилиарха и царского представителя в Малой Азии. Таким образом, персидский поход в Египет почти наверняка должен был начаться также только после заключения Анталкидова мира с греками⁵⁵.

6. Анталкидов мир и Спарта

После заключения мира внешнеполитические устремления спартанцев определялись задачами восстановления собственной гегемонии в Греции. Используя персидскую поддержку в собственных интересах, спартанцы первым делом приступили к осуществлению далеко идущих планов. Сразу же после согласования мирного дого-

вора они добились принятия его требований фиванцами на условиях предоставления автономии городам, означавших роспуск Беотийского союза (Xen. Hell. V. 1. 32–33), расторжения союза между Коринфом и Аргосом (V. 1. 34). Затем лакедемоняне приступили к наказанию своих союзников, которые оказались неблагонадежными во время прежней Коринфской войны. После 386 г. до н. э. они предприняли репрессии против Мантинеи (Xen. Hell. V. 2. 1–7; Diod. XV. 5. 3–5; 12. 1–2), затем Флиунта (Xen. Hell. V. 3. 10–17, 21–25), и, наконец, начали так называемую Олинфскую войну (V. 2. 11–24, 37–43; 3. 1–9, 26; Diod. XV. 19. 2–4, 21. 1–3, 22. 2, 23. 2–3). Античная историческая традиция сохранила обвинения выдвинутые против Спарт в нарушении условий Анталкидова мира. Так, Феопомп, согласно эпито́ме Фотия, сообщал о том, что «полис афинян решил соблюдать договор с царем, лакедемоняне же, чрезмерно возгордившиеся, нарушили договор» (Theop. FGGrHist. 115. F. 103, 7). На этот счет довольно красноречиво высказывается Диодор Сицилийский. Говоря об организации похода спартанцев против Мантинеи в 385 г. до н. э., историк констатирует: «... лакедемоняне решили выступить против Мантинеи, никак не заботясь о заключенном договоре...» (Diod. XV. 5. 1). Из этих сообщений следует, что другие эллины считали, что спартанцы не имели какого-либо особого статуса по условиям договора с царем и воспринимали их как равноправных участников соглашения. Вероятно, именно в таком качестве спартанцев должны были воспринимать Эвагор Саламинский и Глос, сын Тамоса; оба обратились в Спарту с предложением заключить военный союз против Персии в период Кипрской войны. И хотя по каким-то причинам спартанцы отказались заключить союз с Эвагором (Theop. FGGrHist. 115. F. 103. 10; Isocr. IV. 134–135)⁵⁶, они согласились уста-

⁵³ Г. Шримптон приводит аргументы в пользу одновременности персидского нападения на Кипр и Египет, предпринятого с целью предотвратить их помощь друг другу, и датирует эти события 387/6 г. до н. э. (*Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt...* P. 5). Однако, во-первых, такой план был бы рискованным для Персии: персы стали бы вести войну на два фронта, и вероятность неудачи была бы очень велика. Во-вторых, сообщение Диодора (XV, 3, 2) о помощи, оказанной Акорисом кораблями и деньгами Эвагору накануне битвы при Китии, предполагает, что в то время Египет едва ли уже находился под угрозой персидского вторжения. Эти аргументы не поддерживают мнение Г. Шримптона. Скорее, военные действия против Египта завершились еще до того, как персы нанесли решающее поражение восставшим киприотам в морской битве при Китии, а затем подвергли осаде Саламин, положив начало долгим переговорам об условиях капитуляции. Если мы датировем сражение при Китии 385/4 г. до н. э., то персидская экспедиция против Египта должна относиться к предшествующим годам Кипрской войны (возражения против точки зрения Г. Шримптона см.: *Tuplin C. J. Achaemenid Studies*. Stuttgart, 1996. P. 9–15).

⁵³ *Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece*. P. 38.

⁵⁴ *Judeich W. Kleinasiatische Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Ch.* Marburg, 1892. S. 153–154; *Lenschau Th. Pharnabazus* // RE. 1938. Bd. 19. Sp. 1847; *Ruzicka S. Clazomenae and Persian Foreign Policy*. P. 106.

⁵⁵ Впрочем, С. Рузика, на наш взгляд, необоснованно датирует персидскую экспедицию в Египет 389–387 гг. до н. э. *Ruzicka S. Clazomenae and Persian Foreign Policy*. P. 106; *idem. Athens and the Politics of Eastern Mediterranean...* P. 63–64.

новить союзнические отношения с Глосом, сыном Тамоса (Diod. XV. 9. 3–5; 18. 1; 19. 1). Как известно, Глос был назначен одним из персидских военачальников в Кипрской войне, но впоследствии поднял восстание против Великого царя Персии⁵⁷. Мятеж Глоса, вероятно, начался уже после заключения мира с Эвагором, но, очевидно, еще до смерти царя Акориса в Египте; он, таким образом, мог приходиться на 380-е гг. до н. э. Если следовать хронологии Диодора, восстание Глоса нужно датировать 385 г. до н. э.

В свою очередь, Т. Райдер предположил неточность в хронологии мятежа Глоса и, следовательно, заключения союза со спартанцами, которая присутствует у Диодора⁵⁸. По мнению исследователя, вся ситуация, связанная с этим мятежом, подходила больше для заключительного периода Кипрской войны, а не для того времени, когда прошло всего два года после Анталкидова мира. С указанным мнением вполне можно согласиться: хронология Кипрской войны в изложении Диодора не может считаться корректной. Далее, если следовать аргументам Райдера, следует признать, что спустя два года после Царского мира, спартанцы должны были все еще быть признательны царю за поддержку их действий в Греции по утверждению их гегемонии. Наконец, и само замечание Диодора в рассказе о мятеже Глоса о том, что спартанцы к тому времени уже вовлекли города в хаос и поработили их (Diod. XV. 9. 5), указывает на то, что историк говорит о завершающих годах Кипрской войны. Поэтому Т. Райдер относит союз лакедемонян и Глоса к 380/79 г. до н. э. Факт заключения союза с персидским мятежником может несколько озадачить, однако С. Хорнблауэр верно оценил это событие, как «курьезный, но весьма вероятный эпизод»⁵⁹. Но курьезным он выглядит только на первый взгляд. Диодор считает, что целью спартанцев было восстановить свою популярность в Греции, которая, как они думали, была низкой из-за сотрудничества с Персией. По мнению С. Душанича, Кипрская война и союз Глоса с египетским царем Акорисом дали великолепную возможность для новой ориентации восточной

политики Агесилая, которая проводилась им до 380 г. до н. э.⁶⁰ Как уже было замечено выше, Агесилай не испытывал особого энтузиазма по поводу заключения Анталкидова мира с Персией, но пытался приспособиться к новой политике Спарты и в полной мере использовать всевозможные выгоды, которые спартанцы получали вместе с этим договором. Однако это, естественно, не означало, что Агесилай отказался от мысли о возобновлении войны с Персией, надежду на которую могло дать ему заключение союза спартанцев с Глосом, сыном Тамоса.

7. Анталкидов мир и Афины

Согласившись на заключение Анталкидова мира, афиняне, во-первых, отстаивали свою независимость, избежав повторения событий конца Пелопоннесской войны, когда Спарта в союзе с Персией добила их капитуляции на унижительных условиях; во-вторых, афиняне сумели также сохранить добытые во время Коринфской войны позиции. Надо сказать, что афинские политики, несомненно, также извлекли определенные уроки из прошлого, в полной мере осознав в сложившейся ситуации роль Персии в греческих делах⁶¹.

Понимание значения персидского фактора в межполисных отношениях в Греции способствовало тому, что Афины стали вести более осторожную и предусмотрительную, чем когда-либо прежде, политику в отношении Персии. В этом отчасти может заключаться причина, согласно которой, по мнению А. Олмстэда, Афины скрупулезно придерживались буквы Царского мира, даже когда нарушали его дух⁶². Такого же мнения придерживался и Ф. Хардинг: «Свидетельства показывают, что афиняне не были глупы. Со времени Великого

⁵⁷ Г. Шримптон датирует посольство Эвагора в Спарту 381/80 г. до н. э. (*Shrimpton G. Persian Strategy against Egypt...* P. 3).

⁵⁸ Подробнее см.: *Swoboda H. Glos (2) // RE. 1910. Bd. 7. Sp. 1431; Ruzicka S. Glos, son of Tamos, and the End of the Cypriot War // Historia. 1999. Bd. 48. Ht. 1. P. 23–43.*

⁵⁹ *Ryder T. T. B. Spartan Relations with Persia after the King's Peace: a Strange Story in Diodorus 15, 9 // CQ. NS. 1963. Vol. 13. № 1. P. 106.* Эту датировку восстания Глоса фактически принимает и С. Рузика (*Ruzicka S. Glos, son of Tamos... P. 31*). По мнению П. Стилиану, восстание Глоса следует датировать самое позднее 383/2 г. до н. э. (*Stylianou P. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 148–149*).

⁶⁰ *Hornblower S. The Greek World. P. 203.*

⁶¹ *Dušanič S. The Attic-Chian Alliance (IG II2 34) and the 'Troubles in Greece' of the Late 380's BC // ZPE. 2000. Bd. 133. S. 28–30.*

⁶² Суровая критика Анталкидова мира, предпринятая Исократом в «Панегерике» (IV. 115–121, 175–180), отражает, очевидно, не только его личное мнение, но и позицию тех афинян, которые воспринимали этот договор прежде всего как вмешательство персов в дела греков. Однако ритор не последователен в отстаивании этой точки зрения. В другой своей речи «О мире» (ок. 358–355 гг. до н.э.) он называет этот мир эталоном, по примеру которого греки должны заключать свои договоры впредь (VIII, 16, 20, 68). О восприятии Исократом Анталкидова мира подробнее см.: *Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 157–165; Urban R. Der Königsfrieden... S. 143–160.*

Царского мира и потом в течение трех десятилетий появлялись многочисленные документированные доказательства того, что афиняне старались не причинять неприятностей Великому царю»⁶³. С. Душанич констатирует: «Большинство афинян должны были выбрать мудрую политику»⁶⁴.

В конце 380-х гг. до н. э. афиняне уверенно взяли курс на возрождение морского союза, очевидно ожидая, что Персия не будет препятствовать этому. В результате была заключена серия договоров афинян с материковыми и островными полисами на рубеже 380–370-х гг. до н. э.⁶⁵ Особенно примечательны в этом отношении уже упомянутые выше ссылки на условия Царского мира в афинской псефизме о союзе с Хиосом 384/3 г. до н. э.⁶⁶

«Псефизма Аристотеля» 378/7 г. до н. э., которая провозглашала создание Второго афинского морского союза и устанавливала некоторые принципы его организации, содержала несколько ссылок на условия Анталкидова мира⁶⁷. В документе, в частности, заявлено: «...Если кто-нибудь из эллинов или варваров, живущих на материке или на островах, из тех, кто не находится под властью царя (курсив мой — Э. Р.), пожелает быть союзником афинян и их союзников, пусть будет это ему позволено; пусть останется он свободным и автономным, имея государственный строй, какой желает, не принимая к себе ни гарнизона, ни правителя над собой, не платя фороса, а на тех же самых условиях, что хиосцы, фиванцы и другие союзники» (IG.II². 43 = Tod. II. 123). Рассмотрение документа позволяет сделать вывод о попытке афинян примирить создание союза городов с условиями Анталкидова мира. Этой цели, во-первых, служит исключение *a priori* из числа афинских союзников городов Малой Азии, которые пребывали под персидской властью после 386 г. до н. э., а во-вторых, объявление о том, что союзнические отношения строятся на принципах соблюдения *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία*. Союз носил открыто выраженный антиспартанский характер (IG.II². 43A 1.9-10),

⁶³ Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 404.

⁶⁴ Harding Ph. Athenian Defensive Strategy in the Fourth Century // Phoenix. 1988. Vol. 42. № 1. P. 67.

⁶⁵ Dušančić S. The Attic-Chian Alliance... P. 24. Впрочем и Дж. Баклер также подчеркивает, что «Афины всегда стремились тщательно соблюдать корректность в отношениях с Персией» (Баклер Дж. Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 91)

⁶⁶ Об этих договорах: Badian E. The Ghost of Empire. P. 86–90.

⁶⁷ Обращение к условиям Анталкидова мира уже присутствует в стк. 12–14 документа, которые были преднамеренно выскоблены, но теперь частично восстановлены. По крайней мере, в них можно увидеть упоминание царя (Seager R. The King's Peace... P. 169).

но он, очевидно, не встретил особого противодействия со стороны персидской администрации⁶⁸.

В 380 г. до н. э. египетский царь Акорис продолжал готовиться к отражению очередного персидского вторжения в Египет. Он сформировал войско, состоявшее из эллинских наемников, и пригласил в качестве военачальника афинянина Хабрия, к тому времени уже известного стратега периода Коринфской войны. Последний до своего прибытия в Египет воевал на Кипре на стороне Эвагора против персов (Xen. Hell. V. 1. 10), по словам Непота (XII. 2), как представитель афинского государства (publice ad Atheniensibus Euagore adiutor datus). В то же время решение отправиться в Египет Хабрий принял уже «без ведома афинского демоса», как это можно предположить, исходя из сообщения Диодора (XV. 29. 2: ἀνευ τῆς τοῦ δήμου γνώμης)⁶⁹. Такое изменение в официальной позиции афинян объяснимо с учетом того, что Хабрий отправился на Кипр еще во время Коринфской войны в соответствии с условиями союза афинян с Эвагором, в Египет же — после Анталкидова мира 387/6 г. до н. э.⁷⁰

Между тем после первой неудачи персов главнокомандующим персидской армией, готовящейся к вторжению в Египет, опять был назначен

⁶⁸ О «псефизме Аристотеля» и основании Второго Афинского морского союза существует довольно значительная литература. Основные работы см., например: Cawkwell G. L. The Foundation of the Second Athenian Confederacy // CQ. NS. 1973. Vol. 23. № 1. P. 47–60; Griffith G. T. Athens in the Fourth Century // Imperialism in the Ancient World / Ed. by P. D. A. Garnsey & C. R. Whittaker. Cambridge, 1976. P. 137ff; Cargill J. L. The Second Athenian League. Empire or Free Alliance? Berkeley, 1981. P. 17–27; Hamilton C. D. Diodorus on the Establishment of the Second Athenian League // ANB. 1989. Vol. 3. № 5. P. 93–101; Dreher M. Hegemon und Symmachoi: Untersuchungen zum Zweiten Athenischen Seebund. B.; N.Y., 1995 (об отношениях Афин и их союзников). Barron C. A. The Aristoteles Decree and the Expansion of the Second Athenian League // Hesperia. 2006. Vol. 75. № 3. P. 379–395; Маринович Л. П. Второй Афинский морской союз // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Часть 2. Хрестоматия. Казань. С. 82–113; Антонов В. В.: 1) К вопросу о характере Второго Афинского морского союза // XII Чтения памяти профессора С. И. Архангельского. Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 7–11; 2) Второй Афинский морской союз и возрождение имперской политики Афин в первой половине IV в. до н. э. Автореф. дис. к.и.н.: Н. Новгород, 2003. В выскобленных начальных строках псефизмы Аристотеля, как часто предполагают, могла содержаться ссылка на условия Анталкидова мира.

⁶⁹ О пребывании Хабрия в Египте см.: Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 102; Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers From the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933. P. 60–62.

⁷⁰ Хабрий очевидно пребывал на Кипре с 389 по 386 г. до н. э. и покинул остров только после заключения Анталкидова мира. По предположению П. Стилиану, в Египте он находился с 386 по 380/79 г. до н. э. (Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 146, 150).

Фарнабаз, который, принимая в расчет прежние свои связи с Афинами, добился отзыва Хабрия и назначения Ификрата предводителем греческих наемников персидского войска. Диодор (XV. 29. 3–4) сообщает о действиях Фарнабазы: «Он направил послов к афинянам, обвинив Хабрия в том, что тот, находясь во главе египтян, способствует отчуждению в отношениях царя и [афинского] народа, призывал он дать ему стратегом Ификрата. Афиняне, заботясь о том, чтобы добиться благоприятного положения царя и склонить на свою сторону Фарнабазу, быстро возвратили Хабрия из Египта и направили Ификрата стратегом по союзу с персами». В самих Афинах, несомненно, в направлении Ификрата в персидский лагерь в г. Аку, где собирались войска, увидели долгожданный повод, позволявший попытаться нейтрализовать или даже привлечь на свою сторону Персию в канун нового обострения отношений со Спартой⁷¹. Эта политика в конечном итоге принесла плоды, и персы на некоторое время оказались в стороне от греческих дел.

Наконец, необходимо задаться вопросом: каким годом все же следует датировать официальное прекращение действия Анталкидова мира? Разумеется, нет нужды считать, что этот договор создал систему, отличающуюся особой стабильностью и просуществовавшую вплоть до основания Коринфского союза македонским царем Филиппом II в 338/7 г. до н. э. Царский мир прекратил существование гораздо раньше, о чем существует вполне недвусмысленное указание Диодора Сицилийского. После сообщения о нападении спартанского отряда во главе с гармостом Сфодрием на афинский порт Пирей в 378/7 г. до н. э. историк замечает: «Афиняне... постановили признать лакедемонян виновными в нарушении договора, осудив их за начало войны... — ἸΑθηναῖοι... ἐψηφίσαντο λελύσθαι τὰς σπονδὰς ὑπὸ Λακεδαιμονίων κρίναντας δὲ πολεμεῖν αὐτοῖς κτλ» (Diod. XV. 29. 7). Таким образом, сообщение Диодора позволяет прийти к заключению, что афиняне фактически денонсировали мирный договор⁷². Таким же образом и предложение Артаксер-

кса II грекам несколько лет спустя, в 375/4 г. до н. э., заключить новое соглашение на условиях прежнего Анталкидова мира (Diod. XV. 38. 1–2; Philoch. FGrHist. F. 151) вполне определенно предполагает, что и персидский царь стал тоже считать договор уже утратившим силу.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги. Прежде всего, Анталкидов мир был заключен греками в определенной политической ситуации в период Коринфской войны. Во многом договор носил компромиссный характер. Он устраивал Персию, которая добилась важных уступок от участников договора, главная из которых заключалась в юридическом оформлении права на осуществление контроля над малоазийскими греками. В свою очередь, спартанцы добились благоприятных условий, дававших грекам надежду на создание межполисной системы, построенной на принципах «независимости и свободы», которые были прямо заявлены в тексте договора. Именно компромиссный характер Анталкидова мира 386 г. до н. э. послужил главной причиной скорого прекращения его действия и начала нового конфликта.

⁷¹ Как справедливо обращает внимание Л. П. Маринович, в данном случае мы видим пример того, как командиром наемников Ификрат стал не столько по собственной инициативе, как наиболее часто происходило в прошлом, но по поручению своего полиса (Маринович Л. П. Греческое наемничество... С. 104). О службе Ификрата в Египте см. также: Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers... P. 105–106.

⁷² Так, например, информацию Диодора оценивает Дж. Коуквелл (Cawkwell G. L. The Foundation of the Second Athenian Confederacy P. 52; *idem*. The King's Peace. P. 75). Правда, иногда также встречается точка зрения, согласно которой Анталкидов мир оставался в силе даже после 378/7 г. до н. э., несмотря на обвинения в нарушении его условий спартанцами (Sinclair R. K. The King's Peace... P. 52–53; Munn M. H. The Defence of Attica: The Demia Wall and the Boiotian War of 378–375 B.C. Berkeley, 1993. P. 147).

Глава IX

РОЛЬ ПЕРСИИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ
ДОГОВОРОВ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Анталкидов мир 386 г. до н. э. не принес стабилизации политической ситуации в Восточном Средиземноморье, и предпосылкой к возникновению новых конфликтов была политика Спарты. После заключения мира внешнеполитические устремления спартанцев определялись задачами восстановления их гегемонии в Греции¹. Получив преимущество перед другими греческими государствами по условиям мирного договора и первоначально используя персидскую поддержку в собственных интересах, спартанцы первым делом приступили к осуществлению планов по возрождению своего влияния в греческом мире. Эта политика Спарты в скором времени вызвала новое сопротивление греков. Государственный переворот в Фивах в 378 г. до н. э. и основание Второго Афинского морского союза способствовали формированию мощной антиспартанской коалиции в Греции.

В 378/7 г. до н. э., как уже было сказано, условия Анталкидова мира были окончательно нарушены спартанской стороной, и с этого момента начинается новая война в Эгейском регионе, участниками которой выступали, с одной стороны, фиванцы и афиняне, а с другой — спартанцы и их союзники; эта война в конечном итоге приведет к поражению спартанцев в сражении при Левктре в 371 г. до н. э. и к последующему крушению системы спартанской гегемонии в Греции². В то же время персидский царь, заключив мир с гре-

¹ О спартанской внешней политике в эти годы см., например: *Rice D. G.* Agesilaus, Agesipolis and Spartan Politics, 386 to 379 B.C. // *Historia*. 1974. Bd. 23. P. 164–182.

² В 378–377 гг. до н. э. спартанские войска, поочередно возглавляемые царями Клеомбротом и Агесилаем, периодически совершают вторжения в Беотию, стремясь положить конец укреплению Фив (Xen. Hell., V, 4, 18; 34–41; Diod., XV, 29sqq). Афинские военные

ками, завершил примирением с Эвагором Кипрскую войну и продолжил ведение войны за возвращение Египта. В этой ситуации персы были особо заинтересованы в пропаганде «всеобщего мира» (κοινὴ εἰρήνη) среди греков, который, во-первых, был нужен, чтобы сохранить *status quo* в греко-персидских отношениях, а во-вторых, должен был способствовать сохранению роли Великого царя Персии как гаранта соблюдения его условий.

1. Дипломатические конференции
370-х гг. до н. э. и Персия

Договоры между греками, согласованные при содействии персидского царя (в результате направления в Грецию Артаксерксом II или его сатрапами неких послов — οἱ πρέσβεις), были заключены в Спарте в 375/4 г. до н. э. (Diod., XV, 38, 1–2; Philoch., FGrHist., F. 151; ср.: Xen., Hell., VI, 2, 1) и в 372/1 г. до н. э. (Xen. Hell., VI, 3, 2–6; Diod., XV, 50, 4), а также в Афинах в 371/0 г. до н. э. (Xen. Hell., VI, 5)³. Причем, если Ксенофонт обычно не склонен подчеркивать

отряды во главе с Хабрием во время спартанских экспедиций оказывают помощь фиванцам (Xen. Hell., V, 4, 14). В 378 г. до н. э. Афины заключили союзный договор с фиванцами (IG. II2, 40), а год спустя Фивы вошли в число городов — членов Второго Афинского морского союза (См.: *Burnett P.* Thebes and the Expansion of the Second Athenian Confederacy: IG II2 40 and IG II2 43 // *Historia*. 1962. Bd. 11. P. 1–17; *Kallet-Marx R. M.* Athens, Thebes, and the Foundation of the Second Athenian League // *CA*. 1985. Vol. 4. P. 127–151). Непосредственно война между Афинами и Спартой началась только после безуспешной попытки спартанского отряда во главе со Сфодрием под покровом ночи захватить афинскую гавань Пирей (Xen., Hell., V, 4, 20–21; Diod., XV, 29, 5–7). В 377 г. до н. э. Хабрий добивается присоединения к афинскому морскому союзу некоторых островов Кикладского архипелага (Diod., XV, 30, 5); в морской битве при Наксосе в 376 г. до н. э. Хабрий нанес поражение спартанскому флоту под командованием наварха Поллида (Xen., Hell., V, 4, 61; Diod., XV, 34, 3–5).

³ По поводу договоров всеобщего мира см.: *Гребенский Н. Н.* KOINH EIPHNH и федеральное движение в Греции. С. 21–29; *Roos A. G.* The Peace of Sparta of 374 BC. // *Mnemosyne*. 1949. Vol. 4. P. 265–285; *Ryder T. T. B.*: 1) The Supposed Common Peace of 366/5 B.C. // *CQ. NS*. 1957. Vol. 7. P. 199–205; 2) Koine Eirene. *Passim*; *Cawkwell G. L.* 1) Notes on the Peace of 375/4 // *Historia*. 1963. Bd. 12. Ht. 1. S. 84–95; 2) The Common Peace of 366/5 B. C. // *CQ. NS*. 1961. Vol. 11. № 1. P. 80–86; *Buckler J.*: 1) Dating the Peace of 375/4 // *GRBS*. 1971. Vol. 19. P. 353–361; 2) Philip II, the Greeks, and the King 346–336 B. C. // *ICS*. 1994. Vol. 19. P. 119–122; *Jehne M.*: 1) Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4 Jahrhundert v. Chr. S. 99–116; 2) Koine Eirene. *Passim*; *Zahrnt M.* Xenophon, Isokrates und die KOINH EIPHNH // *RhM*. 2000. Bd. 143. Ht. 3–4. S. 295–325.

роль Персии в дипломатическом урегулировании в Греции в 370-е гг. до н. э., то Диодор Сицилийский, основываясь на данных современника тех событий Эфора, напротив, подчеркивает персидскую инициативу в заключении всеобщего мира. Так, например, Ксенофонт (VI, 2, 1) сообщает о мире 375 г. до н. э. как о соглашении, которое афиняне со спартанцами заключили по собственному почину. Однако Диодор замечает: «Персидский царь Артаксеркс, намереваясь начать войну против египтян и будучи занят организацией значительной наемной армии, решил добиться завершения войн, идущих в Греции. Кроме того он, вероятно, надеялся, что освобожденные от междоусобных войн греки должны были быть готовы поступить на наемную службу. Он отправил послов в Грецию, чтобы побудить города вступить во всеобщий мир по соглашению. Греки приветствовали его предложение, и так как они находились в непрерывной череде войн, все согласились заключить мир...» (Diod., XV, 38, 1–2)⁴. В том же русле можно интерпретировать свидетельство Филохора, сохранившееся в комментариях Дидима к «Четвертой речи против Филиппа» Демосфена. Дидим называет этот договор, утвержденный афинянами, «другим Царским миром» (*ἑτέρως ἀπὸ βασιλέως εἰρήνης*). Далее он ссылается на мнение Филохора о том, что этот договор был сходен с миром, заключенным лаконцем Анталкидом (*παράπλησιον αὐτὴν τῇ τοῦ Ἀλκωνος Ἀνταλκίδου προσήκοντο*). Филохор утверждает, что афиняне приняли эти условия, поскольку были истощены содержанием наемников и изнурены в продолжительной войне (Philoch., FGrHist., 328, F. 151 = Didym. in Demosth., X, 34. Col. VII,

⁴ Т. Райдер и Ч. Гамильтон признают объяснение Диодора истинным мотивом посредничества Персии в заключении мира в Греции (Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 58; Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. P. 191.). Возможность участия царя в деле заключения мира отвергал в.Ф. Кутергин (Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 55). По мнению А. Рооса, Ксенофонт намеренно игнорировал посредничество царя, чтобы показать, что Афины, его родина, и Спарта, его отечество по выбору, окончательно предпочли одобряемую им политику согласия (Roos A. G. The Peace of Sparta of 374 BC. P. 277–278). Таким образом, исследователь, согласно достаточно популярной в западной историографии оценке творчества Ксенофонта, утверждает, что в отношении мира 375/4 г. до н. э. этот историк говорит правду, но далеко не всю. С таким мнением трудно согласиться. Дело в том, что краткость, с которой Ксенофонт сообщает об этом мире, не упоминая даже подробностей переговоров и его основных условий, разительно отличается от намного более подробного описания им мира «перед Левктрой» 371 г. до н. э. (Hell., VI, 3, 2–6) или же более сжатого, но все же обстоятельного объяснения мира 371 г. до н. э. «после Левктры» (Hell., VI, 5) (в этих переговорах Афинам принадлежала ведущая роль) — и в этих случаях роль персидского царя вполне очевидна даже по сообщениям Ксенофонта.

62). Безуспешное персидское вторжение в Египет под предводительством Фарнабаза началось в 374/3 г. до н. э. (Diod., XV, 41–43), и таким образом, персидская инициатива по заключении всеобщего мира в Греции предшествовала завершению долгой подготовки к наступлению против египтян⁵. Между тем мир оказался недолговечным, и война в Греции продолжалась несколько лет между афинянами и фиванцами, с одной стороны, и спартанцами и их союзниками — с другой, до тех пор пока не были согласованы в Спарте условия нового всеобщего мира.

Ксенофонт, подробно излагая ход переговоров о мире 372/1 г. до н. э., сообщает, что инициаторами заключения договора были, как и в предыдущем случае, афиняне. Именно они первыми направили в Лакедемон для выработки условий будущего мира своих послов, среди которых были Каллий, сын Гиппоника, Австокл, сын Стромбихида, Демострат, сын Аристофонта, Аристокл, Кефисодот, Меланоп, Ликед и Каллистрат (Xen., Hell., VI, 3, 2–3). Некоторые из перечисленных Ксенофонтом афинских послов уже успели получить репутацию опытных дипломатов, неоднократно участвуя в различных посольских миссиях афинян. К их числу можно отнести прежде всего Каллия, сына Гиппоника, представителя афинского рода Кериков⁶. Можно сказать, что этот род специализировался на дипломатии, и наибольшую известность среди афинян приобрел прадед нашего Каллия (также Каллий, сын Гиппоника) за заключение Каллиева мира 449 г. до н. э. и тридцатилетнего мира Афин со Спартой 445 г. до н. э. Да и сам Каллий, участник посольства 371 г. до н. э., согласно Ксенофону (VI, 3, 4–6), уже в третий раз был отправлен в Спарту послом. Это дает возможность современным исследователям предполагать, что, по крайней мере, дважды до того, в 386 и 375 гг. до н. э., он был участником афинской делегации к спартанцам⁷. Участие в дипломатической миссии афинян Кефисодота и Каллистрата, афинских ораторов и политиков, предполагает, что афиняне придавали большое значение миру со Спартой. Ксенофонт передает содержание речей Каллия, Австокла и Каллистрата в народном собрании Спарты и союзников, в результате которых спартанцы приняли решение заключить мирный договор с Афинами (Xen. Hell., VI, 3, 18). С фиван-

⁵ См.: Gray V. J. The Years 375 to 371 BC: A Case Study in the Reliability of Diodorus Siculus and Xenophon // CQ. NS. 1980. Vol. 30. № 2. P. 314–315. Предводителем греческих наемников (20000 чел.) был афинянин Ификрат (Diod., XV, 41, 1).

⁶ О нем: Суриков И. Е. Два очерка об афинской внешней политике... С. 108–109.

⁷ В пользу этого мнения см.: там же. С. 109.

ской стороны участником конференции в Спарте был Эпаминонд, как об этом сообщает перизетг Павсаний (IX, 13, 2)⁸.

Диодор, так же как и в случае с миром 375 г. до н. э., считает инициатором переговоров персидского царя: «Царь Артаксеркс, видя, что в Греции опять начались смуты, отправил послов, приглашая их прекратить междоусобную войну и заключить всеобщий мир, положив в основу те же принципы, что и в предыдущий раз» (Diod., XV, 50, 4)⁹. Однако на этот раз роль Персии в переговорах подразумевает и Ксенофонт. Хотя он прямо не заявляет об этом, но из речи афинянина Калистрата в Спарте становится ясно, что спартанцы незадолго до мирных переговоров отправили в Персию Анталкида с поручением доставить от царя денежные средства, предназначенные, несомненно, для продолжения войны, а царь выпустил свой рескрипт, предписывающий автономии всем государствам Эллады (Xen., Hell., VI, 3., 12). Дионисий Галикарнасский (Lys., 12) также подтверждает роль Артаксеркса в заключении этого договора, когда сообщает, что при архонте Алкисфене (372/1 г. до н. э.) афиняне, лакедемоняне и царь принесли клятвы миру.

Что касается, собственно, условий мирных договоров 375 и 371 гг. до н. э., то они действительно походили на условия Анталкидова мира. Так, мирный договор 375 г. до н. э. был заключен на условиях, согласно которому все греческие города должны были стать не только автономными, но и свободными от гарнизонов (πάσας τὰς πόλεις αὐτονόμους καὶ ἀφρουρήους εἶναι). Во исполнение этого условия были избраны уполномоченные (ἐξαρχοὺς), посещавшие город за городом и выводившие гарнизоны (Diod., XV, 38, 2). По мнению Т. Райдера, если условие об автономии воспроизводило соответствующее положение Царского мира, то статья о гарнизонах была новым явлением в договоре (причем исследователь допускает вероятность перенесения условия о выводе гарнизонов афинянами из декрета Аристотеля об основании Второго Афинского морского союза — IG. II². 43A. 1. 22)¹⁰.

⁸ Cawkwell G. L. Epaminondas and Thebes // CQ. NS. 1972. Vol. 22. № 2. P. 257.

⁹ Некоторые исследователи не придают значения персидской инициативе на том основании, что они считают рассказ Диодора о посольстве Артаксеркса в Грецию в 372/1 г. до н. э. повторением прежнего заявления историка о роли Персии в мире 375/4 г. до н. э. (см. например: Ryder T. T. B. Athenian Foreign Policy and the Peace-Conference at Sparta in 371 B.C. // CQ. NS. 1963. Vol. 13. № 2. P. 238. Not. 5; Кутергин В. Ф. Беотийский союзу С. 55–56). Аргументы против см.: Roos A. G. The Peace of Sparta. P. 270ff; Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 383).

¹⁰ Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 58. С этим мнением соглашался также Ч. Гамильтон (Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. P. 195).

Трудно однозначно утверждать, содержал ли договор признание малоазийских греков подвластными, как было записано в договоре Анталкидова мира (как то считает, например, Т. Райдер¹¹). В 387/6 г. до н. э. это условие разрешило в пользу Персии давнишний узел противоречий, особенно обострившихся в период Спартано-персидской и Коринфской войны, которые затрагивали политическое положение греческих городов Малой Азии. Однако в малоазийском вопросе за истекшие десять лет не появилось никаких новшеств, которые потребовали бы подтверждения этой статьи договора, так что молчание Диодора и других источников о подобном условии — красноречивое подтверждение ее отсутствия в договоре 375 г. до н. э.

Условия мирного договора 372/1 г. до н. э., в котором, по данным Диодора (XV, 50, 4–5), не приняли участие фиванцы, были сходны с условиями Анталкидова мира и мира 375 г. до н. э. В изложении Ксенофонта (Hell., VI, 3, 18) они выглядят следующим образом: во-первых, вывести из союзных городов гармостов (τοὺς τε ἄρμωστὰς ἐκ τῶν πόλεων ἐξαγαγεῖν); во-вторых, распустить сухопутные и морские силы (τὰ τε στρατόπεδα διαλύειν καὶ τὰ πεζικά); в-третьих, предоставить автономии всем городам (τὰς τε πόλεις αὐτονόμους εἶναι). Диодор (XV, 50, 4), не упоминая конкретно никаких условий договора, говорит, что они были сходны с заявленными в предыдущем мире. В отношении роли царя Персии в заключении этого соглашения можно утверждать еще с большей уверенностью (чем даже для мира 375 г. до н. э.), что Артаксеркс, хотя и призывал к установлению мира в Греции и фактически являлся участником мирного договора, на деле уже не считался гарантом мира. Вообще же мирный договор 371 г. до н. э., по-видимому, не отводил никакому государству роль гаранта, каким был царь Артаксеркс по условиям договора 387/6 г. до н. э.. По словам Ксенофонта (Hell., VI, 3, 18), «в случае нарушения кем-либо из договаривающихся сторон этих условий (мира. — Э. Р.) каждый желающий имеет право идти на помощь обиженному государству; однако же клятвенный договор никого не принуждает к подаче помощи».

После поражения спартанцев при Левктрах в 371 г. до н. э. афиняне проявили инициативу в заключении мирного договора в Греции, однако на этот раз они созвали мирный конгресс в Афинах¹². Единственным источником по переговорам и условиям мирного соглаше-

¹¹ Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 58.

¹² Специально об этом мирном договоре см.: Sordi M. La pace di Atene de 371–370 // RFIC. 1951. Vol. 79. NS. 29. P. 34–64.

ния является Ксенофонт (Hell., VI, 5, 2), который определенно говорит о том, что поводом к созыву представителей греческих городов на мирный конгресс в Афинах было обсуждение условий мира, присланных персидским царем. Таким образом, уже не только Диодор (в отношении мира 375 и 371 гг. до н. э.), но и Ксенофонт теперь также подчеркивает роль Персии в заключении мирных соглашений в Греции.

Ксенофонт передает, очевидно, подлинную клятву эллинов на верность договору, который «царь ниспослал»: Ἐμμενὼ ταῖς σπονδαῖς ἄς βασιλεὺς κατέπεμψε κτλ (Xen. Hell., VI, 5, 2). Далее историк отмечает, что всеобщий мир 371/0 г. до н. э. предусматривал автономию греков; с этим условием не были согласны элейцы, которые не желали терять контроля над периэжскими городами (Магданом и Скил-лунтом) и областью Трифилией, однако афиняне и остальные присутствующие делегаты вынесли постановление, чтобы, как царь предписал, все города, большие и малые были независимы, — οἱ Ἀθηναῖοι καὶ οἱ ἄλλοι ψηφισάμενοι, ὥσπερ βασιλεὺς ἔγραψεν, αὐτονόμους εἶναι ὁμοίως καὶ μικρὰς καὶ μεγάλας πόλεις. В этом можно увидеть несомненную реминисценцию на условия Царского мира. Затем по городам были разосланы уполномоченные для принятия клятв, и, как говорит Ксенофонт (VI, 5, 3), все принесли присягу, кроме элейцев. Таким образом, в 371/0 г. до н. э. в Греции состоялось уже третье возобновление условий Анталкидова мира.

2. Проблема статуса Амфиполя и Херсонеса Фракийского

Очевидно именно на первом конгрессе в Афинах в 371/0 г. до н. э. были приняты решения о возвращении афинянам Амфиполя и городов Херсонеса Фракийского, которые стали независимы по условиям Анталкидова мира.

Совместные решения эллинов и Артакеркса II в отношении признания афинских прав на владение Амфиполем и Херсонесом Фракийским являются примером участия Великого царя Персии в решении межгреческих дел в 370-е гг. до н. э. История афинских поселений на Херсонесе Фракийском восходит еще ко второй половине VI в. до н. э., куда афиняне отправили ойкистом Мильтиада Старшего. Амфиполь же был основан на месте захваченного у персов Эйона

в устье р. Стримон, и туда выведена афинская клерухия при Перикле в 437 г. до н. э.¹³ Афиняне потеряли надежду восстановить заморские владения во Фракии по условиям Царского мира, который, как известно, признавал автономию больших и малых греческих городов за исключением островов Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны были принадлежать Афинам.

Поэтому на протяжении почти полувека в IV в. до н. э. вопрос о возвращении афинянами утраченных ранее владений периодически становился предметом напряженных дипломатических дебатов, проходивших первоначально при участии других греков и даже царя Персии, а затем и македонского царя Филиппа II. Именно в речах афинских ораторов Демосфена и Эсхина, произнесенных по случаю посягательств Филиппа на Амфиполь и Херсонес Фракийский, мы получаем первую информацию о более ранних дискуссиях в отношении политического положения этих территорий.

В речи «О предательском посольстве» (343 г. до н. э.) Демосфен говорит о решении греков и царя признать афинские претензии на Амфиполь — βασιλεὺς καὶ πάντες οἱ Ἕλληνες ὑμετέραν ἔγνωσαν Ἀμφίπολιν (Dem., XIX, 253). В другой речи Демосфенова корпуса, «О Галлонесе» (ок. 342 г. до н. э.), обычно приписываемой Гегесиппу, также говорится о том, что греки и персидский царь вынесли решение в отношении Амфиполя: οἱ Ἕλληνες καὶ βασιλεὺς ὁ Περσῶν ἐψηφίσαντο, καὶ ὡμολογήκασιν ὑμετέραν εἶναι (Ps-Dem., VII, 29). И наконец, еще в одной речи Демосфен говорит о признании за афинянами уже Херсонеса Фракийского, решение о чем приняли также «царь и все эллины» — βασιλεὺς καὶ πάντες οἱ Ἕλληνες (Dem., IX, 16).

Наиболее оживленную полемику в историографии вызывают три взаимосвязанных вопроса: 1) было ли решение об Амфиполе и Херсонесе частью одного и того же документа или же двух документов, появившихся в разное время и по разным случаям; 2) какой мирный конгресс или конгрессы греков в IV в. до н. э. признали афинские права на эти территории; 3) были ли решения о признании за афинянами Амфиполя и Херсонеса приняты царем и греками совместно или же они принимались по разным случаям и независимо друг от друга.

Первоначально исследователи полагали, что решения греков о признании афинских претензий на Амфиполь и Херсонес были од-

¹³ Об Амфиполе как афинской колонии см.: Гришин М. Г. Амфиполь и понтийская экспедиция Перикла // XII чтения памяти С. И. Архангельского / Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 33–41.

новременно приняты и утверждены царем Персии. Такого взгляда придерживался, например, Ф. Хампл, который датировал эти события временем мирного конгресса греков в Спарте 375 г. до н. э.¹⁴ С. Аккаме, напротив, полагал, что греки и царь приняли свои решения по разным поводам, а решение эллинов он относил к мирному конгрессу в Афинах весной 369 г. до н. э.¹⁵ Это мнение принимал Дж. Коуквелл, который обосновывал его близостью к фактическому началу афинских операций под руководством Ификрата за возвращение Амфиполя в 368 г. до н. э. Исследователь доказывает, что, во-первых, решения греков в отношении Амфиполя и Херсонеса были приняты по двум различным поводам, а во-вторых, утверждение их царем не обязательно могло происходить синхронно с принятием самих решений мирными конгрессами греков. По мнению Дж. Коуквелла, решение о Херсонесе должно принадлежать к так называемому Всеобщему миру 366/5 г. до н. э., заключенному незадолго до начала военных действий Тимофея за Херсонес в 365 г. до н. э. Тогда же, как считает исследователь, персидский царь мог одновременно утвердить оба решения греков (и об Амфиполе, и о Херсонесе)¹⁶. Некоторые исследователи (с оговорками) согласились с возможностью указанного развития событий¹⁷.

Несмотря на различные подходы к определению хронологии решений греков в отношении Амфиполя и Херсонеса, большинство современных историков считают, что царь утвердил их после мирной конференции в Сузах в 367/6 г. до н. э.¹⁸ Эту датировку аргументировала и Дж. Хескель, однако только в отношении Амфиполя. Что касается Херсонеса, то она склоняется к парадоксальной точке зрения, согласно которой афинские права на Херсонес признал сатрап Ариобарзан от имени царя во время конференции в Дельфах 369/8 г. до н. э.¹⁹ Основанием для датировки решения царя об Амфиполе является сообщение Демосфена (XIX, 137) о том, что после того как

¹⁴ Hampl F. Die griechische Staatsverträge des 4. Jahrhundert v. Chr. Leipzig, 1938. S. 18.

¹⁵ Accame S. La lega ateniese del secolo IV a.C. Roma, 1941. P. 155.

¹⁶ Cawkwell G. L.: 1) The Common Peace of 366/5 BC. P. 80–81; 2) The Greek Wars. P. 188–189.

¹⁷ См., например: Cargill J. Athenian Settlements in the Fourth Century BC. Leiden–N. Y.–Köln: Brill, 1995. P. 23.

¹⁸ Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 199; Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 81; Moysey R. The Date of the Strato of Sidon Decree (IG II2 141) // AJAH. 1976. № 1. P. 184–185; Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 62.

¹⁹ Heskell J. The North Aegean Wars, 370–361 BC. / Historia Einzelschriften, 102. Stuttgart, 1996. S. 103–113.

афиняне казнили персидского посла Тимагора, царь признал их претензии на этот город. Однако наречие *πάλιν* «вновь», употребленное оратором при рассказе об этом событии, говорит в пользу того, что после 367 г. до н. э. Артаксеркс уже *вторично* согласился утвердить афинские права на Амфиполь (но не на Херсонес, о котором здесь Демосфен не говорит ни слова). Необходимость такого решения была вызвана тем, что персидский царь, на переговорах в Сузах убежденный фиванцами, объявил Амфиполь независимым городом, другом и союзником персидского царя. Таким образом, следует полагать, что первое решение царя в отношении Амфиполя было принято ранее дипломатической конференции в Сузах в 367 г. до н. э.

Р. Сили, согласившись с мнением о признании греками и персидским царем афинских прав на Амфиполь и Херсонес в 369 г. до н. э. в Афинах, тем не менее допустил и другую возможность. Он высказал здравое предположение, что решение могло быть отнесено к конференции 371 г. до н. э.²⁰ Нам это мнение представляется наиболее адекватным. Дело в том, что если на переговорах в Афинах 371/0 г. до н. э. обсуждался царский рескрипт, следствием чего было возобновление условий Анталкидова мира, то собрание в Афинах год спустя было связано только с заключением афино-спартанского союза и не имело отношения к заключению всеобщего мира в Греции, которое в тот период проходило при непосредственном участии Великого царя.

Выражения *βασιλεὺς καὶ πάντες οἱ Ἕλληνες* или *οἱ Ἕλληνες καὶ βασιλεὺς* дают основания считать, что решения передать афинянам Амфиполь и Херсонес были частью *официального договора Всеобщего мира*, утвержденного *совместно* греками и персидским царем²¹. Этот вывод кажется бесспорным. Важно определить год, когда эти решения были приняты. Решение проблемы дает, как увидим, сообщение Эсхина (Aesch., II, 32).

Принимая во внимание обычную довольно вольную манеру обращения ораторов с историческими фактами, казалось бы излишним ждать от Эсхина какой-либо особой точности в освещении конкретных исторических событий. Тем не менее каждый эпизод, упомянутый оратором, особенно если он неизвестен по другим источникам, не должен немедленно отвергаться в духе гиперкритицизма, а нуждается в тщательной проверке с целью определения степени достоверности и отыскания зерна истины. Это в полной мере относится к инте-

²⁰ Sealey R. Demosthenes and His Time. A Study in Defeat. Oxford, 1993. P. 75–76.

²¹ Jehne M. Die Anerkennung der athenischen Besitzansprüche auf Amphipolis und die Chersones // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 3. S. 275–276.

ресующему нас случаю. Итак, вопроса о признании греками афинских прав на Амфиполь Эсхин касается только в своей речи «О предательском посольстве», также при обсуждении претензий Филиппа II на владение этим городом, но несколько в ином ключе, чем Демосфен. Так, Эсхин говорит об *общем решении греков* (τὸ κοινὸν δόγμα τῶν Ἑλλήνων) помочь афинянам вернуть себе Амфиполь при помощи других эллинов (Ἀμφίπολιν τῇν Ἀθηναίων συνεξαίρεῖν μετὰ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων Ἀθηναίοις), что, как представляется, должно было произойти уже вслед за признанием греками афинских прав на этот город. Далее в сообщении Эскина можно найти детали, помогающие уточнить хронологию принятого решения об Амфиполе.

Кроме того, оратор называет конгресс греков собранием «союза лакедемонян и других эллинов» — *συνμαχία γὰρ Λακεδαιμονίων καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων*. Некоторые исследователи полагают, что мы имеем здесь дело с исторической неточностью оратора²². Но так ли это в действительности? Уже на примере рассмотренных нами дипломатических переговоров 370-х гг. до н. э. видно, что, по крайней мере, два мирных конгресса греков (375 г. и 371 гг. до н. э.) проводились в Спарте, и афинским послам, по свидетельству Ксенофонта, приходилось держать речь в спартанском народном собрании перед самими спартиатами и их союзниками (cf. Xen., Hell., VI, 3, 3: ἐπὶ τοὺς ἐκκλητήτους τε τῶν Λακεδαιμονίων καὶ τοὺς συμμάχους). Другой конгресс, на котором могли собраться лакедемоняне и их союзники, проходил в Афинах в 371/0 г. до н. э., и на нем могли обсуждаться афинские притязания на Амфиполь и Херсонес. В некоторой степени внести ясность в хронологию интересующего нас события может другое замечание Эскина о том, что в голосовании по поводу решения об Амфиполе принял участие посол македонского царя Аминты III, смерть которого в 370/69 г. до н. э. устанавливает *terminus ante quem*²³. Упоминание посла Аминты III на мирном конгрессе греков, определенного как *σύνεδρος*, предполагает неплохую осведомленность оратора об этих событиях и определенно предполагает, что конгресс происходил в Афинах. Голосование посла от имени македонского царя в пользу Афин согласуется с тем, что известно о внешней политике Македонии того времени: Аминта III и Афины были союзниками начиная с 375 г. до н. э. (IG., II², 102).

²² См., например: *Hampl F.* Die griechische Staatsverträge. S. 18.

²³ По мнению Ю. Борзы, Аминта III как раз принял участие в мирном конгрессе в Афинах 371/0 г. до н. э. и поддержал афинские претензии на Амфиполь (*Borza E. N.* In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 187). Об этих событиях см. также: *Шофман А. С.* История античной Македонии. Т. I. С. 162.

Наконец, перед определением единственной даты мы должны сослаться на справедливое мнение Дж. Коуквелла, согласно которому между решением греков о передаче афинянам Амфиполя и началом самих боевых действий за этот город не должно было пройти слишком много времени. К этому мы должны добавить, что международная ситуация в Греции в тот период менялась столь стремительно, что любое решение, принятое на том или ином мирном конгрессе, не могло иметь долговременных последствий, и очередные переговоры понуждали заинтересованные стороны вновь обращаться к, казалось бы, уже ранее решенным вопросам. Таким образом, наиболее оправданным кажется отнести эллинское решение об Амфиполе к 371/0 г. до н. э. Получив карт-бланш на захват города амфиполитов, несомненно, с молчаливого согласия Артаксеркса — инициатора мира 375/4, 372/1 и 371/0 гг. до н. э., афиняне едва ли стали медлить с исполнением своего намерения. Правда, все еще остается возможность, что вопрос об Амфиполе поднимался трижды, на обоих мирных конгрессах в Спарте, но положительное решение в пользу Афин все равно могло быть достигнуто на мирном конгрессе в Афинах 371/0 г. до н. э., поскольку именно тогда казались гораздо лучшими перспективы сближения Афин и Лакедемона перед лицом возрастающего отчуждения с фиванцами, которые были исключены из договора. Далее, и Анталкид, совершивший поездку в Сузы в 371 г. до н. э., мог в чем-то прояснить позицию Великого царя по вопросу об афинском владении Амфиполем, что, конечно, фактически было нарушением декларированного принципа автономии больших и малых греческих городов, заявленных в тексте договора, но нарушением не более серьезным, чем признание в договоре Царского мира за афинянами — Лемноса, Имброса и Скироса, а за Персией — Клазомена и малоазийских греков. Таким образом, еще раз повторим: условие о принадлежности афинянам Амфиполя могло быть обговорено в тексте договора в Афинах 371/0 г. до н. э.

О признании царем и греками за афинянами Херсонеса Фракийского Демосфен говорит только один раз, причем в тех же выражениях, как он сообщает об Амфиполе, поэтому оратор почти наверняка также подразумевает какой-то мирный конгресс греков. Попытки исследователей доказать, что решения об Амфиполе и Херсонесе были приняты по разным поводам, не представляются нам убедительными. Нетрудно отыскать в истории весьма насыщенных самыми различными событиями 370–360х гг. до н. э. конгрессы, на которых вопрос о Херсонесе мог быть специально поднят, в частности, при дискуссии о возвращении афинянами своих прежних владений,

включавших Амфиполь. Поскольку в отношении Херсонеса отсутствует такое важное свидетельство Эсхина, то мы вправе предположить несколько мирных конгрессов (375/4, 372/1, 371/0, 370/69, и, наконец, 366/5 г. до н. э.). И опять, на наш взгляд, оптимальным выглядит конгресс 371/0 г. до н. э., поскольку проблема Херсонеса могла быть решена в пользу Афин только в тесной связи с решением проблемы Амфиполя (в последнем случае должна была идти речь о целой области с многими важными пригеллеспонтскими городами, тогда как в первом — только об одном, хотя и значимом городе). Поэтому вполне возможно, что решение о Херсонесе было принято на том же мирном конгрессе в Афинах 371/0 г. до н. э.

Мнение Дж. Коуквелла о принятии греками решения о Херсонесе на мирном конгрессе 366/5 г. до н. э. не находит подтверждения в источниках. Еще менее вероятной представляется трактовка события Дж. Хескель, которая полагает, что претензии афинян на Херсонес признал сатрап Ариобарзан от имени царя через своего агента Филиска во время посещения им Греции в 369/8 г. до н. э. Если согласиться с мнением исследовательницы, то получается, что афиняне начали свои боевые действия на Херсонесе Фракийском при кажущейся поддержке царя и без согласования с другими греками, что противоречит не только утверждению Демосфена, но и самому развитию событий. Несомненно, когда Афины планировали начать борьбу за возвращение под свой контроль Херсонеса (как и Амфиполя), они должны были, в первую очередь, заручиться поддержкой ведущих греческих городов, а не Персии, и единственными греками, которые могли открыто выразить свое неприятие такой политики Афин, оказались фиванцы. В то же время и Артаксеркс II должен был поддержать решения эллинов, а поскольку он, кроме того, был инициатором конгресса 371/0 г. до н. э., это дало основание грекам определять данное решение как принятое сообща эллинами и царем (Dem., XIX, 253; IX, 16).

3. Миссия Филиска и конференция в Дельфах в 369/8 г. до н. э.

После конференции в Афинах афино-фиванский союз был расторгнут, и заключение союза афинян со Спартой состоялось год спустя, в 370/69 г. до н. э. уже на другой конференции, в Афинах (Xen. Hell., VII, 1, 1–14). Причиной решительного изменения приоритетов афинской внешней политики стало усиление фиванцев,

которые стали представлять угрозу интересам афинян в Греции гораздо в большей степени, чем терпящие поражение спартанцы²⁴.

В 360-е гг. до н. э. персидский царь Артаксеркс II и его сатрапы, в достаточной степени уже вовлеченные в урегулирование межполисных отношений, стали придерживаться более активной политики в отношении греков. И первым делом они оказали поддержку недавно созданной афино-спартанской коалиции, направленной против фиванцев. Этот выбор, вероятно, был продиктован тем, что, следуя принципу поддержания равновесия сил в Элладе, представители персидской царской администрации увидели в стремительно возвысившихся Фивах нового претендента на общегреческую гегемонию, а в лице спартанцев, разгромленных в битве при Левктре в 371 г. до н. э., — сторону, терпящую поражение в войне и поэтому нуждающуюся в поддержке.

Отражением этой политики стала прежде всего миссия Филиска в Грецию. Сведения о ней содержатся только в трудах Ксенофонта и Диодора. Согласно Ксенофону, абидосец Филиск, располагая значительной суммой денег, совершил поездку в Элладу по поручению Ариобарзана, сатрапа Геллеспонтской Фригии — ἔρχεται Φιλίσκος Ἀβυδηνὸς παρ' Αἰριοβαρζάνου χρήματα ἔχων πολλά (Xen. Hell., VII, 1, 27). Диодор, однако, отмечает, что Филиск отплыл в Грецию, направленный самим царем Артаксерксом — Φιλίσκος μὲν ὑπ' Ἀρταξέρξου κατέπλευσεν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα (Diod., XV, 70, 2).

Миссия Филиска датируется на основании сообщения Диодора, где это событие отнесено к 369/8 г. до н. э. (XV, 70, 2). Одни исследователи считают, что Ариобарзан при направлении Филиска действовал строго в интересах царя Артаксеркса, который призывал греков прекратить межполисные войны, заключить всеобщий мир, а также набрать в Греции наемников для службы в Персидской державе²⁵. Другие ученые, не отрицая факта отправки Филиска Арио-

²⁴ См.: Баклер Дж. Спарта, Фивы, Афины... С. 92.

²⁵ Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. С. 89–90; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 31. Т. Райдер считает данные Ксенофонта и Диодора о персидском деятеле, направившем Филиска, несовместимыми (Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 80). По мнению Ч. Гамильтона, направление Филиска было плодом совместных усилий Артаксеркса и Ариобарзана (Hamilton C. J. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. London; New York; Ithaca, 1991. P. 234). М. Осборн замечает, что оба греческих историка могут быть правы: миссия Филиска предположительно касалась всеобщего мира, но если Ариобарзан и нес ответственность за направление Филиска, то, возможно, это говорит в пользу того, что сатрап уже замыслил восстание и нуждался в наемниках (Osborn M. J. Orontes. P. 539. Not. 111). К. Таплин замечает, что мы не располагаем доказательствами того, что миссия Филиска была частью секретных

барзаном по распоряжению царя, отмечают, что сатрап Геллеспонтской Фригии действовал в собственных интересах, в частности, стремился к поиску союзников в Греции в преддверии своего восстания против царя Персии²⁶.

Действительно, поездка Филиска в Грецию фактически приходилась на период мятежей сатрапов в Персидской державе, которые были начаты в 370 г. до н. э. восстанием Датама, сатрапа Киликии, а позднее достигли кульминации в Великом восстании сатрапов 362/1 г. до н. э.²⁷ Ариобарзан же поднял мятеж в 366/5 г. до н. э., спустя всего лишь несколько лет после мятежа Датама²⁸, и мы знаем, что в течение некоторого времени до этого сатрап скрытно готовился к войне против царя Артаксеркса: Корнелий Непот (Datam., 5) сообщает об установлении *тайной* дружбы Датама с Ариобарзаном — *clam cum Ariobarzane facit amicitia*. Поэтому, конечно, нельзя исключить, что направление Филиска в Грецию могло входить в планы сатрапа Геллеспонтской Фригии, который рассчитывал найти среди греков военную поддержку в случае предстоящего мятежа против персидского царя.

По прибытии в Элладу Филиск собрал представителей греческих государств в Дельфах, чтобы обсудить персидские условия заклю-

чения всеобщего мира в Греции, и эти условия, несомненно, должны были отражать позицию царя²⁹. По данным Ксенофонта, в переговорном процессе участвовали, с одной стороны, послы Спарты, а с другой — беотийцев и их союзников, т. е. представители двух враждебных на тот момент коалиций в Греции.

Дельфы как место проведения переговоров были выбраны неслучайно. Это был священный город Аполлона, и Филиск, видимо, пытался повлиять на решение греков тем, что надеялся привлечь на свою сторону (очевидно посредством подкупа) дельфийский оракул (хотя достичь этого ему не удалось)³⁰. О таком намерении Филиска говорит следующее высказывание Ксенофонта: «Собравшиеся здесь послы не доверили божеству решение вопроса о том, какие условия мира будут наилучшими, а стали обсуждать этот вопрос между собой» (Xen., Hell., VII, 1, 27). На этих-то переговорах персидский посланец поддерживал интересы Спарты. Вероятно, наряду с предложением традиционных условий всеобщего мира, основанных на принципах *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία* для всех греков, Филиск откровенно настаивал на том, чтобы фиванцы признали господство лакедемонян над Мессенией.

Как известно, еще во время первого похода фиванцев и их союзников в Пелопоннес в 370–369 гг. до н. э. от Спарты была отторгнута значительная по своим размерам область Мессения, находившаяся под властью спартанцев в течение нескольких столетий (с VII в. до н. э.), а в 369 г. до н. э. по инициативе фиванского полководца Эпаминонда начинает отстраиваться город Мессена (Diod., XV, 66, 1; 67, 1)³¹. Потеря Мессении стала еще одним ощутимым ударом по Спарте и ее системе господства в Греции со времен битвы при Левктре, и вопрос о возвращении этой области стал жизненно важным для спартанской внешней политики. Отказ же фиванцев принять условие будущего соглашения о восстановлении спартанского господства над Мессенией послужил причиной провала переговоров при том, что все остальные представители прочих греческих городов ответили согласием. Далее Ксенофонт и Диодор сообщают, что после неудачи переговоров Филиск собрал 2000 наемников,

приготовлений Ариобарзана к восстанию (Tuplin C. J. The Failings of Empire. P. 153. Anm. 22). П. Стилиану считает, что Филиск как подчиненный сатрапа Ариобарзана делал заявления от имени царя (Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 460).

²⁶ Мойзи Р. А. Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н. э. // Международные отношения и дипломатия в античном мире. Казань, 2000. С. 144. Прим. 15; Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 197; Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers... P. 89, 107–108; Buckler J.: 1) The Theban Hegemony, 371–362 B.C., Cambridge (Mass.), 1980. P. 102; 2) Plutarch and the Fate of Antalcidas // GRBS. 1977. № 2. P. 141–142; 3) Aegean Greece in the Fourth Century BC. P. 314–316; Welskopf M. The So-Called “Great Satraps’ Revolt”, 366–360. / Historia. Einzelschriften, 63 Stuttgart, 1989. S. 35; Ruzicka S.: 1) Politics of a Persian Dynasty. P. 60; 2) Athens and the Politics of the Eastern Mediterranean in the Fourth Century B.C. P. 67; Jehne M. Koine Eirene. S. 80.

²⁷ О дате восстания Датама — 370/69 г. до н. э.: Moysey R. A.: 1) Observations on the Numismatic Evidence Relating to the Great Satrapal Revolt of 362/1 BC. // L’or perse et l’histoire grec / REA. 1989. T. 91. P. 108; 2) Plutarch, Nepos and the Satrapal Revolt of 362/1 BC. // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 2. S. 158; Bing J. D. Datames and Mazeus: The Iconography of Revolt and the Restoration in Cilicia // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 41.

²⁸ Основные источники о восстании Ариобарзана: Diod., XV, 90, 3; Trog. Prol., X; Dem., XV, 9; Nepos. Datam., 2, 5. Основанием для установления даты восстания Ариобарзана служит сообщение Демосфена в речи «О свободе родосцев» (XV, 9). См: Radicke J. Die Rede des Demosthenes für die Freiheit der Rhodier. Stuttgart-Leipzig, 1995. S. 92–93; Heskel J. The North Aegean Wars. S. 94–98, 131–133.

²⁹ О переговорах в Дельфах 369/8 г. до н. э. подробнее см.: Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 89–90; Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 80; Jehne M. Koine Eirene. S. 79–81.

³⁰ Ч. Гамильтон, однако, дает другое объяснение. Он считает, что выбор такого «нейтрального» места, как Дельфы, демонстрирует, что ни Спарта, ни Афины не были более столь сильны, чтобы предоставить подходящее место для важной дипломатической конференции (Hamilton C. D. Agesilaus. P. 234).

³¹ Подробнее об этих событиях см.: Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 80–83.

оставил их спартанцам, а затем возвратился в Азию. Как считают исследователи, это было то самое наемное войско, при помощи которого спартанцы разгромили аркадян в «Бесслезной битве» 368 г. до н. э.

Итак, поддерживая Спарту на переговорах в Дельфах, Филиск мог следовать политике, принятой персидским царем по отношению к ведущим греческим государствам. К тому же известно, что в тот период в Сузах уже находился спартанский посол Эвтикл (Xen. Hell., VII, 1, 33), который, должно быть, во многом постарался, чтобы создать благоприятный образ Спарты в глазах царя³². Однако выполняя задания царя, Филиск не должен был забывать интересы своего покровителя Ариобарзана. Дж. Хескель справедливо допускает возможность того, что именно Филиск смог договориться со спартанцами о помощи сатрапу Геллеспонтской Фригии в случае его мятежа, хотя, возможно, Ариобарзан позднее направил другое посольство в Спарту, на которое и отреагировали спартанцы³³. Но как бы то ни было, деятельность Филиска в Дельфах вполне могла способствовать установлению контактов спартанцев с Ариобарзаном. В частности, Ксенофонт, рассказывая о последующей дипломатической миссии спартанского царя Агесилая к восставшему уже Ариобарзану, называет сатрапа союзником спартанцев (Xen. Ages., II, 26)³⁴. Ксеном Ариобарзана был один из видных спартанских деятелей — известный нам Анталкид, сын Леонта (Xen. Hell., V, 1, 28)³⁵.

Демосфен подчеркивал тесную связь Филиска с Афинами, и это, очевидно, раскрывает еще одну, неофициальную сторону деятельности персидского посланца в Греции: как Ариобарзан и его сыновья, так и Филиск были награждены афинскими гражданскими правами

³² Правда, по мнению Р. Сиджера, спартанцы отправили посла Эвтикла в Сузы как раз в связи с неудачным опытом переговоров в Дельфах (Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece 386–362 B.C. P. 59).

³³ Heskell J. The North Aegean Wars. S. 111. Дж. Хескель предполагает, что Филиск в это время мог посетить также и Спарту, хотя представляется более вероятным, что он мог вести переговоры как с афинянами, так и со спартанцами непосредственно в Дельфах.

³⁴ Исследователи по-разному определяют дату миссии Агесилая в Азию. Р. Мойзи и П. Карпледж справедливо относили ее к 366/5 г. до н. э. (Moyses R. A. The Date of the Strato of Sidon Decree // AJAH. 1976. Vol. 1. P. 189. Not. 23; Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 200–201), а Г. Парк — к 364 г. до н. э. (Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. P. 109). Дж. Хескель датирует миссию Агесилая к Ариобарзану концом 362 — началом 361 г. до н. э. (Heskell. The North Aegean Wars. P. 111).

³⁵ Mitchell L. Greek Baring Gifts. P. 126.

(Dem., XXIII, 141–143)³⁶. В речи «О свободе родосцев» (XV, 9) Демосфен рассказывает о решении афинян послать стратега Тимофея на помощь вскоре восставшему против царя Ариобарзану. Можно предположить, вслед за Дж. Хескель, что сатрап обязан своей дружбой с афинянами Филиску, который во время посещения Греции в 369/8 г. до н. э. вступил в отношения не только со спартанцами, но и с афинянами. И если события развивались таким образом, то Филиск и в этом случае также должен был выполнять задание Ариобарзана, а никак не царя Артаксеркса. Правда, Ксенофонт и Диодор не называют афинян среди участников конференции в Дельфах, но их присутствие весьма возможно, поскольку на переговорах речь шла о заключении договора всеобщего мира³⁷. Кроме того, не было ничего невероятного, если Филиск посетил Афины во время своей поездки в Грецию³⁸. Наконец, существует два документальных свидетельства о взаимоотношениях Филиска с Афинами. Во-первых, это упоминание Филиска на камне монумента в честь афинского стратега Хабрия в 375 г. до н. э. в связи с победой над спартанцами

³⁶ Конкретные обстоятельства награждения гражданством не вполне ясны. Исследователи высказывают ряд предположений. Например, А. Олмстед, С. Рузика, а также Дж. Хескель указывают, что афиняне предоставили гражданские права Филиску и Ариобарзану во время конференции в Дельфах, и далее замечают, что неизвестны другие причины, которые могли бы объяснить награждение гражданством их обоих (Olmstead A. T. The History of the Persian Empire. P. 409; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 60; Heskell J. The North Aegean Wars. P. 113. Anm. 62; 125; cf. Weiskopf M. The So-Called 'Great Satraps' Revolt'. P. 34–35). Однако существует и альтернативное мнение: афиняне предоставили гражданство Ариобарзану за то, что сатрап передал стратегу Тимофею пригеллеспонские города Сест и Критоту в 366/5 г. до н. э. (Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 31).

³⁷ Правда, Т. Райдер полагает, что афиняне не приняли заметного участия в конференции, поскольку не упоминаются в связи с ней в источниках. Но, как уже говорилось, сообщения Ксенофонта и Диодора о конференции в Дельфах достаточно кратки и не предоставляют подробного описания событий, каким, например, является рассказ Ксенофонта о переговорах в Сузах в 368/7 г. до н. э. (Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 79). Кроме того, П. Стилиану справедливо обратил внимание на строки афинской псефизмы в честь Дионисия Сиракузского 368 г. до н. э., где делается ссылка на письма, которые послал Дионисий о восстановлении храма и о мире (Tod. II. 133, сткк. 10–11). Под «миром» здесь, вероятно, следует понимать как раз мирный конгресс, который проходил в Дельфах в 369/8 г. до н. э. (Stylianiou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 461).

³⁸ Ср.: Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 64; Heskell J. The North Aegean Wars. P. 131–132. За десять лет до миссии Филиска Грецию посещал и другой эмиссар персидского царя — Диомедонт из Кизика, который предлагал деньги фиванскому полководцу Эпаминонду, а после того как получил отказ, отправился в Афины для ведения переговоров с афинским военачальником Хабрием (Nepos, Epam., 4; Ael. VH., V, 5).

при Наксосе (SEG, XIX, 204)³⁹, которое дает почву для предположения, что Филиск взаимодействовал с афинянами еще за несколько лет до его миссии в Грецию и переговоров в Дельфах. Во-вторых, это собственно афинская псефизма, согласно которой лично Филиск, а также его потомки сына Лика, наделялись проксенией и эвергией (IG, II², 133)⁴⁰. То, что в обоих документах речь идет об интересующем нас Филиске, практически не вызывает сомнения. На монументе Хабрия, наряду с Филиском и «воинами», упомянуты «союзные воины в Эантее на Геллеспонте» (ст. В, стк. 4.2); в афинской псефизме Филиск назван «стражем гавани афинян на Геллеспонте», а наряду с ним упомянуты «правители на Геллеспонте». Демосфен же (XXIII, 141) называет Филиска властителем всего Геллеспонта и самым сильным из правителей. По сообщению оратора, Филиск должен был контролировать несколько городов в регионе и среди них — Абидос, Сест, Лампсак, Перинф (Dem., XXIII, 141–143).

4. Конференция в Сузах и всеобщий мир 366/5 г. до н. э.

Немногим позже неудавшихся переговоров в Дельфах произошло другое собрание представителей греческих государств, целью которого было обсудить условия нового всеобщего мира. На этот раз, в 367/6 г. до н. э. греки собрались в одной из столиц Персии, резиденции Артаксеркса II — Сузах.

В составе греческих делегаций упоминаются послы из Спарты, Фив, Афин, Аргоса, Аркадии и Элиды. Как следует из источников (прежде всего Ксенофонта и Плутарха), переговоры в Сузах были действительно крупным событием международной жизни Греции, возможно, первым со времени встречи греческих послов с сатрапом Тирибазом в Сардах в 387 г. до н. э. для заслушивания царского рескрипта, содержащего условия мирного договора. Масштабность

³⁹ Burnett A. P., Edmonson C. N. The Chabrias Monument in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1961. Vol. 30. № 1. P. 74–91.

⁴⁰ Перевод документа см.: Рунг Э. В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н. э. // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 119–120; проблемы датировки псефизмы см.: он же. Филиск — правитель на Геллеспонте // *Античность: общество и идеи*. Казань, 2001. С. 55–58.

событию придавал тот факт, что встреча происходила непосредственно с Великим царем Персии в одной из царских столиц, что, как можно заметить, было весьма нечастым явлением даже в дипломатической практике греческих полисов в V–IV вв. до н. э.

Вероятно, первыми из греков обратились к персидскому царю спартанцы, о после которых Эвтикле говорит Ксенофонт⁴¹. Историк полагает, что он отправился в Сузы ранее всех других греческих делегатов (Xen. Hell., VII, 1. 33). Однако некоторые исследователи считают, что в переговорах участвовал также Анталкид, что и было последней миссией этого известного спартанского дипломата⁴². Дж. Хескель даже называет Анталкида руководителем спартанского посольства в Сузы в 367 г. до н. э.⁴³ Хотя Ксенофонт не упоминает Анталкида в составе посольства из Спарты, основанием для такого допущения является тот факт, что о нем говорит Плутарх при описании дипломатических переговоров 360-х гг. до н. э. Так, в одном случае Плутарх, рассказывая о собрании в Сузах в 367/6 г. до н. э., сравнивает почести, которыми Артаксеркс наделил других послов, с почестями Анталкиду (во время пира царь снял со своей головы венок, окунул его в благовония и передал спартанцу) (Plut. Pel., 30). Однако контекст сообщения менее всего позволяет думать, что Плутарх подразумевает участие Анталкида в дипломатической конференции 367 г. до н. э. Л. Митчелл считает, что царь воздавал почести Анталкиду во время переговоров 375 г. до н. э. по поводу заключения Всеобщего мира, однако о посещении этим спартанским дипломатом Персии в тот год ничего не известно (в отличие от его посещения в 371 г. до н. э.). Вообще же почести, оказанные Анталкиду царем, упоминают и другие античные авторы, однако, скорее всего, эпизод следует относить к первому посещению Анталкидом персидской столицы еще в 387 г. до н. э. (Aelian., VH., XIV, 39; Athen., II, 31). Крайне маловероятно, чтобы Артаксеркс, который поддержал фиванцев на переговорах и согласился с их мирными предложениями, в корне расходящимися с интересами Спарты — главного против-

⁴¹ Mosley D. J. Euthycles: One or Two Spartan Envoys? // *CR*. 1972. Vol. 86. P. 168.

⁴² Judeich W. Antalkidas // *RE*. 1894. Bd. 1. Sp. 2345; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 3. Abt. 1. S. 188. Anm. 3; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 4 Aufl. Bd. 5. S. 431; Ryder T. T. B. Koine Eirene. P. 81; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 282; Mitchell G. L. Greek Bearing Gifts. P. 127. Дж. Моусли предлагает дату смерти Анталкида 370 г. до н. э. (Mosley D. J.: 1) Pharax and the Spartan Embassy to Athens in 370/69 BC // *Historia*. 1963. Ht. 12. P. 249; 2) Euthycles. P. 168; 3) Diplomacy in Classical Greece//AncSoc. 1972. Vol. 3. P. 12).

⁴³ Heskell J. The North Aegean Wars. P. 110.

ника Фив — при этом оказывал почести Анталкиду⁴⁴. В другом случае Плутарх говорит о посещении Анталкидом Персии, но с совершенно противоположным результатом; по словам херонейского биографа, царь столь явно пренебрег Анталкидом, что тот, страшась эфоров, по возвращению в Спарту довел себя голоданием до смерти (Plut., Artax., 22). Здесь писатель более определен в своих хронологических указаниях, помещая визит спартанского дипломата в Персию ко времени после битвы при Левктрах (371 г. до н. э.) и до экспедиции Агесилая в Египет (361 г. до н. э.). Именно это последнее сообщение Плутарха, как считают исследователи, может непосредственно относиться к переговорам в Сузах 367 г. до н. э. Но даже такие временные ориентиры оставляют достаточно широкий диапазон для миссии Анталкида ко двору Артаксеркса II. Поэтому Дж. Куквелл полагал, что Анталкид посещал Персию в конце 360-х гг. до н. э. Эту точку зрения поддержал Дж. Баклер, который убедительно доказал, что последнее посольство Анталкида следует относить к 361 г. до н. э.⁴⁵

Поддержка Артаксерком фиванцев, очевидно, была не только следствием какой-либо принципиальной позиции царя (как полагают некоторые исследователи), но может быть объяснена также дипломатическим искусством фиванских послов — Пелопида и Исмения. Иначе непонятно, какие изменившиеся обстоятельства принудили царя два года спустя после переговоров в Дельфах отказаться от поддержки афино-спартанской коалиции в пользу фиванцев⁴⁶. Ксе-

⁴⁴ Mitchell L. G. Greek Bearing Gifts. P. 127.

⁴⁵ Buckler J. Plutarch and the Fate of Antalcidas. P. 139–145.

⁴⁶ Дж. Баклер доказывает, что Артаксеркс поддержал фиванцев, поскольку он не имел другого выбора перед лицом афино-спартанского союза. По мнению исследователя, политика царя объяснялась стремлением к сохранению равновесия сил в Греции. Царь действовал таким образом, чтобы развязать себе руки для решения своих внутренних проблем, в частности, борьбы с восстаниями сатрапов (Buckler J. The Theban Hegemony. P. 154). Однако, как показывают примеры из прошлого, Артаксеркс, скорее всего, мог получить свежие новости о состоянии дел в Греции со слов самих послов, и в этой ситуации аргументы каждого из участников посольства могли оказаться решающими при определении позиции царя по отношению к различным греческим государствам. М. Вейскопф и С. Рузика, однако, считают, что действия царя были вызваны известиями о подготовке к восстанию Ариобарзана, который был тесно связан со Спартой и Афинами (Weiskopf M. The So-Called 'Great Satraps' Revolt'. P. 37; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 61). В. Ф. Кутергин, в свою очередь, объясняет поворот персидского царя в сторону фиванцев несколькими обстоятельствами: ослаблением Спарты, опасениями в связи с усилением Второго афинского морского союза, очередной попыткой персов сыграть на межполисных противоречиях, направив Беотийский союз против возвышающихся Афин (Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 90).

нофонт подчеркивает, что Пелопид, победитель спартанцев при Левктре, сумел найти соответствующие аргументы, чтобы склонить Артаксеркса на свою сторону. В частности, он указывал на то, что из всех греков одни фиванцы сражались на стороне персов в битве при Платеях в 479 г. до н. э. и после этого они никогда не выступали против царя; спартанцы же боролись с фиванцами за то, что те не хотели вместе с Агесилаем выступить против персидского царя и не позволили ему принести в Авлиде жертву Артемиде. «Очень содействовало успеху Пелопида у царя, — пишет Ксенофонт, — и то, что фиванцы были победителями в Левктрской битве и предали разграблению Лакедемонскую область» (Xen., Hell., VII, 1, 35). Плутарх считает, что не сами результаты битвы, но слава Пелопида способствовала тому, что Артаксеркс почтил своим вниманием именно фиванцев (Plut., Pel., 30). Но даже более, чем включение в посольство Пелопида, дружественные намерения фиванцев по отношению к Персии должно было показать присутствие в числе делегатов Исмения, сына того Исмения, который был известен связями с персами в период Коринфской войны и был казнен по обвинению в персифильстве⁴⁷ (о поведении Исмения на переговорах: Plut., Artax., 22; Ael., VH, I, 21).

Несомненно, фиванской дипломатической победе способствовал также и раскол в афинском посольстве. Афинскими послами в Сузы были Тимагор и Леонт. Из них только последний отстаивал интересы афинян; Тимагор же во всех мнениях примыкал к Пелопиду и, по словам Ксенофонта, был почтен царем после Пелопида больше всех остальных греков. Эти почести были поистине необычными для греческих послов, и они привели античных писателей в изумление. По данным Плутарха, Тимагор получил не только золото и серебро в размере 10 тыс. дариков, но и драгоценное ложе и рабов, чтобы его застилать, и даже 80 коров с пастухами, под тем предлогом, что, страдая какой-то болезнью, постоянно нуждался в коровьем молоке; носильщики, доставившие его к берегу моря, получили от имени царя по 4 таланта (Plut., Pel., 30; Artax., 22; Phot., s.v. Τιμαγόρας). Демосфен говорит о том, что Тимагор получил от царя 40 талантов

⁴⁷ В числе обвинений Исмения Старшего было то, что он даже заключил с персом союз гостеприимства: ὡς βαρβαρίζοι καὶ ὡς ξένος τῷ Πέρσῃ (Xen., Hell., V, 2, 36). Похоже, что семья Исмения вообще «специализировалась» на отношениях с Персией. Показателем является не только присутствие Исмения Младшего в составе фиванской делегации в Сузах, но и рассказ Арриана: спустя тридцать пять лет, после сражения при Иссе, Александр Македонский захватил в лагере Дария III Кодомана эллинских послов и в их числе фиванца Фессалиска, сына Исмения (Arr. Anab., II, 15, 2–5).

(Dem., XIX, 137). Надо думать, что не только поддержка фиванских послов была причиной столь обильных даров, которые, хотя и не были редкими при персидском дворе, но определенно не входили в число тех, которые получали от Великого царя чужеземные послы⁴⁸. В источниках содержатся косвенные указания на то, что Тимагор всячески угождал персидскому царю: очевидно он с готовностью исполнил проскинесис (Athen., II, 31; Suid. s.v. Τιμαγόρας), затем направил царю какое-то тайное послание через писца Булурида (Plut. Artax., 22), мог обещать Артаксерксу убедить своих сограждан принять условия мирного договора (намек на последнее обстоятельство дает Демосфен: XIX., 137) и, наконец, расторгнуть дружбу афинян и спартанцев (Suid. s.v. Τιμαγόρας)⁴⁹. В любом случае по возвращению в Афины Леонт возбудил обвинение против Тимагора и добился его казни (Xen., Hell., VII, 1, 38; Plut. Pel., 30, Artax., 22; Dem. XIX, 137, 191)⁵⁰.

В греческую делегацию входили также элейский посол Архидам и аркадский Антиох (Xen., Hell., VII, 1, 33), которые, очевидно, приехали в Персию с мыслями об интересах своих государств. Во время переговоров элейцы и аркадяне определенно оказались противниками, пытаясь использовать авторитет царя, чтобы разрешить взаимный спор об области Трифилия. Ксенофонт сообщает о том, что Артаксеркс отнесся к элейцам лучше, чем к аркадянам, и это, возможно, означает, что царь разрешил спорный вопрос в пользу Элиды. По крайней мере, греческий историк говорит о том, что Архидам восхвалял все, что он видел у царя, а Антиох, напротив, отказался даже принять подарки, и в народном собрании Аркадского союза заявил, что «у царя, правда, очень много пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, но, однако, при всем старании ему не удалось увидеть людей, которые могли бы сражаться с греками» и назвал рассказы о царских сокровищах пустым бахвальством (Xen., Hell., VII, 1, 38). В составленный царским секретарем и зачитанный всем присутствующим послам проект мирного договора был включен исключительно важный для фиванцев пункт о независимости Мессены,

⁴⁸ Ср. аналогичные дары, преподнесенные, по данным Афиня, некоему гортинцу Энтиму еще царем Артаксерксом I (Phainias FHG. II. 296 = Athen., II, 31) (об историческом контексте см.: Zecchini G. Entimo di Gortina (Athen. II. 48d) e le relazioni greco-persiane durante la Pentecontaetia // AncSoc. 1989. V. 20. P. 5–13).

⁴⁹ См. Mosley D. J. Diplomacy by Conference. P. 189–190.

⁵⁰ Об обвинении Тимагора см.: Perlman S. On Bribing Athenian Ambassadors // GRBS. 1976. Vol. 17. № 3. P. 228–229.

принятие которого нанесло бы существенный удар по интересам Спарты в Пелопоннесе (Xen., Hell., VII, 1, 36). Согласие царя на это условие означало явный отказ от прежних условий мирного договора, переданных грекам ранее через Филиска в Дельфах в 369/8 г. до н. э., которые предусматривали бы признание господства спартанцев над Мессенией (Xen. Hell., VII, 1, 27).

Таким образом, переговоры откровенно свидетельствуют, что Артаксеркс отказался от поддержки Спарты в пользу Фив. Другое важное условие, включенное по настоянию фиванцев в текст мирного договора, касалось Афин, и в случае его принятия привело бы к прекращению существования Второго Афинского морского союза. Суть фиванско-персидского требования состояла в том, что афиняне должны были отказаться от своего флота. Ксенофонт передает это условие договора в следующей формулировке: афиняне должны вытащить на сушу свои боевые корабли, ибо таково значение фразы ἀνέλκει τὰς ναῦς (Xen., Hell., VII, 1, 36). Подобное требование возмутило афинского посла Леонта, и он во всеуслышание заявил, что настало время Афинам искать какого-либо другого друга вместо царя. Некоторые современные историки пытаются понять, кого именно имел в виду Леонт⁵¹, однако нам представляется, что едва ли афинский посол имел в виду какого-либо конкретного друга: его слова имели риторическое значение были призваны побудить царя пересмотреть свою позицию по отношению к афинянам. Далее, как часто отмечается в современной историографии на основании сообщения Демосфена (XIX, 137), условия договора включали объявление Амфиполя «другом и союзником» персидского царя, что означало бы прекращение только что начатых афинских военных операций, направленных на борьбу за этот город⁵².

Открытая поддержка, которую Артаксеркс оказал фиванцам на переговорах, весьма показательна. По словам Плутарха (Pelop., 30), персидский царь объявил фиванцев старинными друзьями царя (πατρίκοι φίλοι). Несомненно, фиванские представители добивались прежде всего повторения ситуации при заключении Анталкидова мира,

⁵¹ Дж. Баклер считает, что афинский посол говорил об Ариобарзане (Buckler J. Theban Hegemony. P. 157). С этим предположением не согласен Р. Мойзи, который думает, что подразумевался Египет (Мойзи Р. Греко-персидские отношения. С. 136. Прим. 1).

⁵² Ryder T. T. B.: 1) The Supposed Common Peace. P. 202; 2) Koine Eirene. P. 80; Cawkwell G. L. The Common Peace. P. 81; Hamilton C. D. Agesilaus. P. 237.

с той лишь разницей, что теперь не Спарта, но Фивы при персидской поддержке стремились к гегемонии в Греции. Этот вывод очевиден, и об этом свидетельствует приписка, сделанная к тексту договора также по настоянию Пелопида, о том, что если греки не подчинятся решению царя, то против них следует выступить походом, и если какое-нибудь государство не захочет выставить свои контингенты в союзное войско, против него следует выступить прежде всего. Однако все же можно увидеть отличие между условиями договора 367 г. до н. э. и Анталкидовым миром, особенно в том, что касается непосредственного участия персидского царя в соглашении.

И на этот раз, как в предшествующих договорах всеобщего мира, Артаксеркс не был связан договорными обязательствами с греками, а довольствовался скромной ролью «устроителя» мира, т. е. был своего рода посредником в отношениях между самими греками. Подобное положение царя Персии накладывало свой отпечаток на характер договора. Во-первых, проект соглашения, видимо, не содержал никаких статей в отношении статуса малоазийских греков; во-вторых, царь сам не брал на себя роль блюстителя мира и не определял в качестве такового ни одно греческое государство (даже Фивы). Поэтому условие о гарантиях соблюдения мира было в некоторых отношениях сходно с заявленному в договорах 371 г. до н. э. в Спарте и Афинах (Xen. Hell., VI, 3, 18; 5, 2) с той лишь разницей, что в первых случаях соглашения предусматривали репрессалии греков против государства, которое первым нарушило было договор, а теперь — против того, кто этому договору не присягнет (как и в случае с Анталкидовым миром). В этом и заключалась политика фиванцев на переговорах в Сузах, которая имела целью доставить им господство в Греции (Xen. Hell., VII, 1, 40). Намереваясь теперь укрепить свои позиции в Греции при помощи Персии, фиванцы не приняли в расчет того, что в связи с многочисленными внутренними проблемами, угрожающими целостности Персидской державы, влияние Великого царя на греческие дела к тому времени уже шло на убыль. Это уже ясно показал исход переговоров в Дельфах, когда, как мы видели, спартано-персидские мирные инициативы не получили отклика у греков (прежде всего благодаря противодействию тех же фиванцев, которые теперь добивались принятия греками собственных условий мира, поддержанных персидским царем в Сузах в 367/6 г. до н. э.). Теперь прочие греки единым фронтом выступили против мира с участием Персии.

Мирный конгресс в Фивах не принес результатов. После того как собранные фиванцами делегаты греческих городов заслушали скреп-

ленную печатью царскую грамоту, доставленную персидским послом в Фивы, они заявили, что были посланы только для заслушивания письма, а не для принесения присяги на верность договору. По словам Ксенофонта, аркадянин Ликомед даже прибавил, что местом собрания должны быть не Фивы, а тот город, где вспыхнет война (Xen. Hell., VII, 1, 39). Когда фиванцы направили своих представителей по городам с целью добиться ратификации мирного договора, то получили откровенный отказ, мотивы которого наиболее отчетливо сформулировали коринфяне, заявив, что они не видят нужды в том, чтобы греки связали себя по отношению к царю общей клятвой (Xen. Hell., VII, 1, 40).

В другом месте Ксенофонт (VII, 4, 10) заявляет, что коринфяне некоторое время спустя после отклонения персидских предложений проявили инициативу в начале другого раунда переговоров в Фивах. На новом конгрессе мирный договор на условиях сохранения каждым из государств собственной территории заключили фиванцы, флиунтцы, аргосцы и другие греки; таким образом, мир также носил всеобщий характер (Xen. Hell., VII, 4, 11)⁵³. Но Ксенофонт ничего не говорит об участии царя в созыве конгресса.

Между тем Диодор (XV, 76, 3) сообщает о направлении Артаксерксом II в Грецию послов с предложением согласовать всеобщий мир в 366/5 г. до н. э. Далее историк говорит о том, что договор был в действительности заключен. Возникает закономерный вопрос: сообщает ли Диодор о тех же самых событиях по заключению всеобщего мира, что и Ксенофонт (Hell., VII, 4, 11), но по обыкновению делая особый акцент на роль персидского царя в процессе его согласования? Или же мы должны предположить, что Диодор и Ксенофонт говорят о разных событиях? То, что договор в действительности был заключен, сицилийский историк подтверждает и в рассказе о решении спартанцев поддержать Великое восстание сатрапов в 362/1 г. до н. э.: «...спартанцы отстранились от Артаксеркса, поскольку мессенцы наряду с другими эллинами были включены царем в договор всеобщего мира» (Diod., XV, 90, 2)⁵⁴. Таким образом, Диодор называет мессенцев участниками всеобщего мира 366/5 г. до н. э., а, как мы знаем, условие о независимости Мессении обсуждалось еще на переговорах в Сузах в 368/7 г. до н. э. Мнение исследователей разделилось: одни историки высказываются в пользу историчности

⁵³ Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 62.

⁵⁴ Собственно говоря, о том, что мессенцы могли быть участниками мира 366/5 г. до н. э. предполагает и сообщение Ксенофонта (Hell., VII, 4, 9).

всеобщего мира 366/5 г. до н. э.⁵⁵, другие же отрицают его всеобщий характер и считают его частным соглашением между Фивами и некоторыми другими греческими полисами, заключенным без участия Спарты и Афин⁵⁶.

Существуют некоторые косвенные основания полагать, что договор все же мог быть в действительности заключен, в чем-то даже на иных условиях, чем те, которые были предложены фиванцами на переговорах в Сузах. Современные исследователи в основном соглашаются, что провал попыток заключить всеобщий мир в Греции в 368/7 г. до н. э. при посредничестве персидского царя Артаксеркса II, не остановил переговорный процесс. Как афиняне, так и спартанцы, недовольные предложенными условиями мирного договора, могли вновь направить своих послов в Сузы, чтобы попытаться добиться более обнадеживающих результатов. Следует сказать, что античные источники не содержат достаточно определенных данных, но косвенных свидетельств вполне достаточно. Так, приглашение афинян вторично посетить Персию для участия в новых переговорах содержалось уже в ответе персидского царя на возражения афинского посла Леонта по поводу предложенных условий мирного договора: «Если афиняне остановятся на более справедливых условиях мира, то они могут снова явиться к царю с соответствующим заявлением» (Хен., Нелл., VII, 1, 37). Подобная приписка к проекту договора, как справедливо считает Дж. Хескель, может указывать на то, что в 367 г. до н. э. персидская поддержка Фив не была столь бескомпромиссной; царь, заинтересованный в поддержании также и дружественных отношений с Афинами, приглашал афинских послов открыть новый раунд переговоров. Интересно заметить, что Дж. Хескель не ограничивается своим выводом, но предполагает, что аналогичный ответ царя могли получить и представители других крупных греческих полисов — участников переговоров в Сузах⁵⁷. Однако

⁵⁵ Cawkwell G. L.: 1) The Common Peace of 366/5 BC. P. 80–86; 2) The Greek Wars. P. 179, 292–297; Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 62; Jehne M. Koine Eirene, S. 88–90; Stylianou P. J. A Historical Commentary on Diodorus Siculus. P. 485ff; Allen K. H. Intercultural Exchanges in Fourth Century Attic Decrees // CA. 2003. Vol. 22. № 2. P. 200. Not. 2.

⁵⁶ Ryder T. T. B.: 1) The Supposed Common Peace of 366/5 B.C. P. 199–205; 2) Koine Eirene. P. 83–84; Buckler J.: 1) Theban Hegemony. P. 160; 2) Aegean Greece in the Fourth Century BC. P. 331. Однако в другой своей работе Дж. Баклер тем не менее помещает мир 366/5 г. в свой список κοινή ειρήνη (Buckler J. Philip II, the Greeks and the King 346–336 BC // ICS. 1994. Vol. 19. N 2. P. 119–120).

⁵⁷ Heskell J. The North Aegean Wars. P. 110.

источники не говорят, состоялся ли в действительности еще один раунд переговоров в Персии. Тем не менее некоторые исследователи полагают, что уже спустя некоторое время афиняне направили второе посольство к царю Артаксерксу. В. Юдаих датировал эту миссию весной 366 г. до н. э.⁵⁸ Аргументы в поддержку этой же датировки приводит и Дж. Хескель, которая относит отправление послов из Афин к началу марта — незадолго до отплытия Тимофея и за несколько месяцев до восстания Ариобарзана против Артаксеркса. Р. Мойзи, однако, датирует эту афинскую дипломатическую миссию несколькими годами позднее — 364 г. до н. э.⁵⁹ Подтверждение этой точки зрения исследователь видит в начальных строках афинской псефизмы в честь Стратона Сидонского, где отмечается, что сидонский царь «заботился о том, чтобы наилучшим образом (καλλιστα) совершили поездку послы к царю, которых отправил народ» (IG. II². 141 = Tod. II, 139, сткк. 3–4). Однако датировка псефизмы по-прежнему вызывает споры, и связь гипотетического афинского посольства в Персию с упомянутым в надписи посольством остается далеко не очевидной⁶⁰. На наш взгляд, если еще одно афинское посольство к царю и имело место, то логичнее датировать его 366 г. до н. э. и предположить, что по результатам этой миссии персидский царь снова, как и в 371 г. до н. э., признал афинские права владеть Амфи-

⁵⁸ Judeich W. Kleinasiatische Studien. S. 199.

⁵⁹ Moysey R. A. The Date of the Strato of Sidon Decree. P. 182.

⁶⁰ Впрочем, еще А. Шефер и В. Юдаих указывали, что в документе говорится об афинских послых Тимагоре и Леонте, которые, по данным Ксенофонта, отправились в Сузы в 368/7 г. до н. э. (Scheafer A. Demosthenes und seiner Zeit. Leipzig, 1885. Bd. I. S. 94f; Judeich W. Kleinasiatischen Studien. S. 198). М. Тод в комментарии к надписи упоминает об этом мнении, заметив, однако, что хронология посольства не может считаться определенной. Р. Сиджер считал, что декрет в честь Стратона, вероятно, упоминает афинскую делегацию в Сузы Тимагора и Леонта (Seager R. The King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 59. Not. 120). К этому мнению склоняется также М. Йене (Jehne M. Koine Eirene. S. 82. Anm. 204). Об афинской псефизме см.: Рунг Э. В. Некоторые аспекты предоставления проксии Стратону Сидонскому (К интерпретации IG. II² 141 = Tod. II, 139) // Античность: эпоха и люди / Сборник статей. Казань, 2000. С. 28–38. Точные годы правления Стратона не определяются по данным нарративных источников. Большинство исследователей принимают датировку 376–360 гг. до н. э. Э. Бабелон на основании данных нумизматики датировал правление Стратона 374–362 гг. до н. э. (Babelon E. Les Perse Achéménides, les satrapes et les dynastes tributaire de leur empire, Cyre et Phénicie / Catalogue des Monnaies Grecques de la bibliothèque nationale. Paris, 1893. P. CLXXXII). Р. Мойзи принимал 372/1–359/8 гг. до н. э. (Moysey R. A. Observations on the Numismatic evidence relating to the Great Satrapal Revolt. P. 121. Not. 38), хотя в более ранней работе предпочитал традиционную дату — 376–367 гг. до н. э. (Moysey R. A. The Date of the Strato of Sidon Decree (IG II² 141). P. 182f).

полем⁶¹ (Демосфен относит это признание ко времени после казни афинянами своего посла Тимагора). Конечно, позицию, занятую Афинами по отношению к восстанию сатрапа Ариобарзана в 366 г. до н. э. против царя, легче объяснить, учитывая результаты неудачных переговоров в Сузах 368/7 г. до н. э., а не последствиями более успешной последующей миссии в Персию. Однако не исключено, что переговоры 366 г. до н. э. теперь были подкреплены успешными действиями стратега Тимофея, затрагивающими персидские интересы: прежде всего, восьмимесячной осадой Самоса⁶², а затем и последующей помощью Ариобарзану, который был осажден в Ассе царским военачальником Автофрадатом и карийским династом Мавсолом (Dem., XV, 9; Isocr., XV, 111; Xen., Ages., II., 26–27; Nep., XIII, 1). Таким образом, именно сочетание военных и дипломатических усилий афинян могло возыметь успех и отразиться в более выгодных условиях мирного договора, который мог быть заключен, скорее всего, на конференции в Фивах, несмотря на то что спартанцы в нем не участвовали.

В любом случае, если мы относим мирный договор к 366/5 г. до н. э., то становится вполне понятной политика официального нейтралитета, принятая афинами во время Великого восстания

⁶¹ Seager R. King's Peace and the Balance of Power in Greece. P. 62. В пользу мнения, согласно которому Артаксеркс *вторично* признал афинские права на Амфиполь после конгресса в Сузах 367 г. до н. э., говорит употребление Демосфеном наречия *πάλιν* — «вновь» в выражении *καὶ γὰρ τὸν πρῶτον μὲν Ἀμφίπολιν πάλιν ὑμετέραν [δούλην] κατέπεμψε* (Dem., XIX, 137. Таким образом, очевидно, что пассаж Dem. XIX, 137 связан с более поздним признанием царем Персии (причем, упомянут *только* царь, а не царь и эллины!) афинских прав на Амфиполь, чем Ps-Dem. VII.29 и Dem. XIX. 253, где названы царь и эллины (по миру 371 г. до н. э.). Так что это признание должно относиться к миру 366/5 г. до н. э.

⁶² Как известно, Самос был занят гарнизоном во главе с Кипрофемидом, подчиненным персидского наместника Тиграна (Dem., XV, 9 cum schol.; Isocr., XV, 111; Harpocr., *Κυπρόθεις*; Phot., s.v., *Κυπρόθεις*; Suid., s.v., *Κυπρόθεις*) (о Тигране см. подробнее: *Shahbazi A. S. Irano-Hellenic Notes: 1. The Three Faces of Tigranes* // AJAH. 1985 [1993]. Vol. 10. № 2. P. 124–136). Дж. Каргилл считает захват персами острова явным нарушением условий Царского мира, который в 360-х гг. до н. э., по мнению исследователя, стал “dead letter” (*Cargill J. Athenian Settlements...* P. 19). С этим мнением можно согласиться только отчасти. Вполне очевидно, что договор Анталкидова мира фактически утратил силу в 377 г. до н. э., о чем прежде всего свидетельствуют многократные попытки возобновления его условий (успешные в 375/4, 372/1 и 366/5 и неудачные в 369/8 и 368/7 гг. до н. э.). Ф. Хардинг верно обратил внимание на то, что захват Тимофеем Самоса был «ответом» афинян на персидскую поддержку фиванских предложений всеобщего мира 367 г. до н. э. (*Harding Ph. Athenian Foreign Policy in the Fourth Century* // Klio. 1995. Bd. 77. P. 118).

сатрапов, апогей которого приходится на 362/1 г. до н. э., и подтверждаемая эпиграфически надписью из Аргоса, известной как «ответ греков послу от восставших сатрапов» (Tod. II, 145). Надпись гласит: «Если он (царь. — Э. Р.) будет хранить спокойствие и не выступит против эллинов, не попытается расторгнуть теперь заключенный нами мир хитростью или кознями, то будем и мы находиться в мире с царем; если же он пойдет войной против некоторых из нас, заключивших договор, или другие действия предпримет по расторжению этого мира, или сам <будет> врагом эллинов, которые заключили мир, или кто-либо другой из его владений, то мы все сообща достойно будем защищать заключенный теперь мир и тот, который раньше заключили» (Tod. II, 145)⁶³. Надпись демонстрирует, что греки в 362/1 г. до н. э. перестали непосредственно ассоциировать как Анталкидов мир 386 г. до н. э., так и все последующие договоры из серии *κοινὴ εἰρήνη* с Персией⁶⁴. К тому же следует обратить внимание на то, что в заключенном греками после битвы при Мантинее — 362/1 г. до н. э. всеобщем мире Персия, очевидно, никак не была представлена (Diod., XV, 89, 1) — таким образом, это был первый договор всеобщего мира без участия царя⁶⁵.

⁶³ См. полный перевод документа с комментариями: Рунг Э. В. Дипломатические отношения... С. 129–130.

⁶⁴ Между тем как сама идея договора *κοινὴ εἰρήνη* продолжала оставаться весьма привлекательной для греков, о чем говорят факты заключения таких договоров в последующий период — Филократова мира 346/5 г. до н. э. (см., например: *Griffith G. T. The So-Called Koine Eirene of 346 B.C.* // JHS. 1939. Vol. 59. P. 71–79) или договора Коринфского союза 338/7 г. до н. э. (*Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики...* С. 506, 514).

⁶⁵ Участниками этого мира стали и мессенцы; тогда как спартанцы, напротив, не приняли в нем участия (о договоре 362/1 г. до н. э. см.: *Jehne M. Koine Eirene.* S. 96–115).

Глава X

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ МЕЖДУ ПЕРСИЕЙ И МАКЕДОНИЕЙ

В 360/359 гг. до н. э. как в греческом мире, так и на Востоке происходят важные изменения. Этот год ознаменовался вступлением на престол в Македонии энергичного царя Филиппа II, вся деятельность которого была направлена на установление македонской гегемонии в Греции и подготовку панэллинского похода против Персидской державы. В самой Персии это был завершающий год правления Артаксеркса II Мнемона и вступления на престол Артаксеркса III Оха, при котором происходит последняя консолидация Персидской державы. Между тем в это время ведущие греческие полисы оказываются перед нелегкой проблемой выбора: откликнутся ли они на призывы Филиппа в отношении войны против Персии или же, напротив, объединятся с персами в борьбе против державной политики македонского царя. И прежде всего перед греками встал вопрос об отношении к восстаниям сатрапов.

1. Греки и восстания персидских сатрапов

Своего апогея Великое восстание сатрапов достигает в 362/1 г. до н. э., после которого быстро идет на убыль. Это тот год, под которым Диодор Сицилийский (XV, 90, 3–4), единственный историк, который сохранил связное изложение тех событий, помещает все восстание: «Когда всеобщее восстание против Персии достигло столь больших размеров, царь также начал готовиться к войне. В одно и то же время он должен был сражаться с египетским царем, греческими городами Азии, лакедемонянами и их союзниками — сатрапами и военачальниками, которые управляли прибрежными областями и согласились

объединиться с ними. Из них наиболее выдающимися были Ариобарзан, сатрап Фригии, который после смерти Митридата принял владение его царством, Мавсол, правитель Карики, который владел многими крепостями и городами, из коих центром и метрополией был Галикарнас, имевший знаменитый акрополь и царский дворец в Карики; и вдобавок к двум упомянутым, Оронт, сатрап Мизии, и Автофрадат, сатрап Лидии. Кроме ионийцев, были ликийцы, писидийцы, памфилийцы и киликийцы, также сирийцы, финикийцы и практически все прибрежные народы. В результате столь обширного восстания царь лишился половины своих доходов, а того, что осталось, было недостаточно для расходов на войну»¹. Предводителем мятежников, по данным Диодора (XV, 91, 1), был выбран Оронт, сатрап Мизии.

Источники сохранили весьма разрозненные сведения о ходе военных действий. Диодор, в частности, уделяет основное внимание борьбе Датама и Артабаза (XV, 91, 1–7), а также действиям Таха, царя египтян (XV, 92, 1–5). Однако Пергамская хроника, например, говорит о военных операциях Оронта (OGIS 264 = FGrHist., 506, F. 1). Некоторая информация о противостоянии сатрапов содержится у Полиена (VII, 14, 2–4; 21, 23, 1; 26; 27; 29).

Афиняне и спартанцы, как уже говорилось, проявляли заинтересованность в установлении контактов с мятежниками — несомненно, в ответ на поддержку, которую Артаксеркс оказал фиванцам в 367/6 г. до н. э. В отношении афинян об этом говорят, во-первых, псефизма о предоставлении почестей Стратону Сидонскому (IG, II², 141 = Tod. II, 139)²; во-вторых, военная помощь Ариобарзану (Dem.,

¹ О причинах Великого восстания сатрапов см.: *Moysey R. A. Plutarch, Nepos and the Satrapal Revolt of 362/1 B.C.* P. 158–168. О ценности труда Диодора для реконструкции хода восстания см.: *idem. Diodoros, the Satraps and the Decline of the Persian Empire* // АНВ. 1991. Vol. 5. P. 113–122. Р. Мойзи выступает против попыток некоторых современных исследователей (М. Вейскопфа и П. Бриана) отрицать масштабы Великого восстания сатрапов в пользу предположения о том, что имел место ряд изолированных друг от друга мятежей (см.: *Weiskopf M. The So-Called 'Great Satraps' Revolt*. P. 10; *Briant P. Histoire de l'empire Perse*. P. 675–694).

² Правда, афинская псефизма была принята еще до открытого восстания Стратона и хвалит сидонского правителя за помощь в посреднических услугах при отношениях с Великим царем. Однако в IV в. до н. э. финикийские города периодически поднимали восстание против персов, и весьма симптоматично, что позднее Стратон также оказался в числе мятежных правителей. Диодор называет финикийцев в числе восставших (Diod., XV, 90, 2), однако Гиероним отмечает, что Стратон разорвал договор (foedus) с персидским царем ради союза с царем Египта и после неудачи в восстании погиб (Hieron. adv. Iovenianum. 1. 45). Об особых союзнических отношениях Стратона и египетского царя Таха свидетельствует также Ксенофонт. Он сообщает, что после того, как воины покинули Таха в трудном положении, тот бежал в Сидон (Xen., Ages., II, 30).

XV, 9; Isocr., XV, 111; Xen., Ages., II, 26–27; Nep., XIII, 1)³; и, наконец в-третьих, афинский декрет, датированный в литературе обычно 360/59 г. до н. э., в честь Пигрета, Аполлодора и Зопира — послов египетского царя Таха в Афины (IG, II², 119 = Hicks, 121). Между тем афиняне прекратили официальную помощь мятежникам около 361 г. до н. э.⁴, как об этом свидетельствует упомянутая выше надпись с ответом греков послу от сатрапов (Tod. II, 145), но неофициально они могли выразить одобрение в связи с отправкой в Египет Хабрия во главе наемников (Diod., XV, 92, 3; Plut., Ages, 37; Nep., XII, 2)⁵. В то же время антиперсидская позиция Спарты в период Великого восстания сатрапов была более последовательна, так что, например, Диодор (XV, 90, 3) даже считал лакедемонян союзниками мятежных сатрапов. Прежде всего, примечательна упомянутая миссия Агесилая к Ариобарзану в Малую Азию в 366/5 г. до н. э., в результате которой он, очевидно, вел переговоры с царскими военачальниками Автофрадатом и Мавсолом Карийским об отложении их от царя⁶. Однако еще

³ Афинская надпись, датированная пятой пританией года архонта Кефисодора — декабрем 366 г. до н. э., свидетельствует о контактах стратега с ионийским городом Эрифры, которые имели место точас после прибытия Тимофея в Малую Азию, но еще до начала осады Самоса (IG, II², 108). С. Хорнблауэр и С. Рузика полагают, что Тимофей каким-то образом вмешался в политическую борьбу в Эрифрах между олигархами и демократами на стороне последних, и видят связь между принятием этой псефизмы афинянами и появлением эрифрского декрета в честь Мавсола Карийского, а также сообщением оратора Исея о морском сражении близ Хиоса в 366/5 г. до н. э. (Hornblower S. Mausolus. P. 108–110; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 72–73) Однако справедливость этой точки зрения подвергла сомнению Дж. Хескель, которая отметила, что надпись не указывает на то, что Тимофей действительно отправился в Эрифры, а говорит только о том, что он сообщал об отношениях с этим городом (Heskel J. The North Aegean Wars. P. 99).

⁴ О заинтересованности афинян в поддержке Великого восстания сатрапов: Austin R. P. Athens and the Satrap's Revolt // JHS. 1944. Vol. 64. P. 98–100.

⁵ Диодор подчеркивает (XV, 92, 3), что Хабрий не был направлен народом своего отечества, но был убежден египетским царем частным образом присоединиться к его военным действиям (δημοσίᾳ μὲν ὑπὸ τῆς πατρίδος οὐκ ἀπεσταχμένος, ἰδίᾳ δὲ ὑπὸ τοῦ βασιλέως συστρατεύειν πεπεισμένος). Такой же смысл передает сообщение Корнелия Непота (XII, 2) о том, что в Египте Хабрий сражался по своей воле (in Aegyptio sua sponta gessit). И, наконец, Плутарх также подтверждает это заключение (Plut., Ages., 37).

⁶ Ксенофонт (Ages., II, 26) упоминает миссию Агесилая как пример для его утверждения, что спартанский царь выступал в качестве посла (πρεσβευτῆς ἐκπορευόμενος), и даже во время посольства (ἐν τῇ πρεσβείᾳ) совершал деяния, достойные великого стратега. На этом основании Р. Мойзи и Дж. Баклер говорили о дипломатической миссии Агесилая в Малую Азию (Μοῖζι Ρ. Греко-персидские отношения... С. 149; Buckler J. Aegean Greece... P. 353). Однако Г. Парк, С. Рузика и Ч. Гамильтон полагали, что Агесилай под Ассой был во главе наемников (Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers... P. 109; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. P. 66; Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. P. 239). И в самом деле, Ксенофонт далее отмечает, что Автофрадат, осадив

более определенно свидетельствует об официальной позиции спартанцев в период восстания сатрапов деятельность Агесилая в Египте на стороне Таха (Diod., XV, 92, 3; Plut. Ages., 37)⁷.

Поражение Великого восстания сатрапов, явившееся скорее следствием раздоров и противоречий между самими восставшими, чем значительных военных усилий царской администрации, не покончило с мятежными устремлениями персидских наместников. Несмотря на то что новый царь Артаксеркс III Ох (359–338 гг. до н. э.) повелел сатрапам распустить наемные войска, в Малой Азии по-прежнему периодически вспыхивали мятежи сатрапов.

В 356 г. до н. э. началось восстание сатрапа Артабаза, сторону которого принял афинский стратег Харес, а позднее и известный фиванский военачальник Паммен (Diod., XVI, 22, 1–2; 34. 1–2; FGrHist., 105, F. 1; Schol. Dem., III, 146a; IV, 84b; Polyae., VII, 33, 1–2)⁸. Поскольку сотрудничество Хареса с Артабазом отнесено Диодором ко времени Союзнической войны 357/6–355/4 гг. до н. э. (военных действий афинян против отпавших от них городов — членов Второго Афинского морского союза: Хиоса, Родоса, Коса и

Ариобарзана в Ассе, вынужден был отступить из страха перед Агесилаем (Ἀυτοφράδα τῆς τε γὰρ πολιορκῶν ἐν Ἀσσῶ Ἀριοβαρζάνην σύμμαχον ὄντα δείσας Ἀγησίλαον φεύγων ὤχετο (Xen., Ages., II, 26). Наконец, после сообщения об освобождении Сеста, осажденного фракийским царем Котисом, Ксенофонт заключает: «Таким образом, Агесилай имел основание воздвигнуть трофей по случаю победы над врагом и после своего посольства» (ὥστα οὐκ ἀλόγως καὶ ἀπὸ τῆς πρεσβείας τρόπαιον τῶν πολεμίων εἰστήκει αὐτῷ (Xen., Ages., II, 26). Действительно, понимание роли Агесилая в этой междоусобной борьбе сатрапов возможно лишь в том случае, если предположить, что престарелый спартанский царь сочетал угрозу силы и дипломатию как методы давления на противоборствующие стороны. Так, он наверняка соединил свои войска наемников с отрядами Тимофея, чтобы заставить отступить Автофрадату из-под Ассоса, но в отношениях с Мавсолом Карийским он мог предпочесть дипломатию. Ксенофонт указывает, что Мавсол вынужден был отойти, поддавшись на уговоры Агесилая (Xen., Ages., II, 26). Возможно, дипломатические контакты спартанского царя и карийского династа оказались очень плодотворными, как об этом можно судить по замечанию Ксенофонта о том, что Мавсол при отъезде Агесилая предоставил ему почетный эскорт и впоследствии ссужал Спарту деньгами (Xen., Ages., II, 27); и в дальнейшем мы видим Мавсола среди восставших (Diod., XV, 90, 3). Впрочем, возможно, спартанский царь вел переговоры об отложении от царя и с Автофрадатом, который также назван Диодором (XV, 90, 3) среди мятежных персидских сатрапов.

⁷ Об этом см. подробнее: Маринович Л. П. Греческое наемничество... С. 107–108; Борухович В. Г. Агесилай в Египте // АМА. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 24–33; Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers... P. 110–112; Shipley D. R. A Commentary on Plutarch's Life of Agesilaos: Response to Sources in the Presentation of Character. Oxford, 1997. P. 375–400.

⁸ Восстание потерпело неудачу, а сам Артабаз, по сообщению Диодора, и его зять Мемнон с братом Ментором (см. Dem., XXIII, 154: ὁ Μένμων καὶ ὁ Μέντωρ, οἱ κηδεσταὶ τοῦ Ἀρταβάζου) в течение некоторого времени проживали при дворе Филиппа II в Македонии на положении политических изгнанных (Diod., XVI, 52, 3).

Византия)⁹, в которой тот был афинским стратегом, то отсюда следует также, что и во время войны на стороне мятежного сатрапа Харес оставался афинским должностным лицом. Мнения исследователей по вопросу об официальной позиции Афин в отношении к Персии в период восстания Артабаза расходятся. Одни говорят о том, что афиняне приняли решение поддержать мятежного сатрапа и даже заключили с ним союз¹⁰; другие, однако, считают, будто Харес действовал по собственной инициативе¹¹. В пользу последней возможности свидетельствует то, что решение Хареса присоединиться к Артабазу имело материальную подоплеку¹²: афинский стратег остро нуждался в денежных средствах для содержания своего войска (Diod., XVI, 22, 1; Schol. Dem., IV, 84b). Тем не менее вполне вероятно, что афинские властные структуры первоначально отнюдь не возражали против действий Хареса в Малой Азии (Diod., XVI, 22, 2). Последний, успешно сражаясь на стороне Артабаза, даже нанес поражение войскам персидского сатрапа Тифравста и по этому случаю написал письмо в Афины, хвастливо заявляя, что одержал победу, которая является «сестрой Марафона», тем самым побуждая многих афинян отправиться к нему наемниками в Малую Азию (Schol. Dem., IV, 84b).

Важным для понимания афинской официальной позиции по отношению к восстанию Артабаза является информация Демосфена. Так, знаменитый оратор (XV, 3; 29) объявляет Мавсола Карийского зачинщиком восстания союзников против афинян, утверждая, что он побуждал к этому острова (Родос, Кос, Хиос). Скорее всего Мавсол, подстрекая острова к восстанию против Афин, преследовал

⁹ О Союзнической войне подробнее см.: *Sealey R.* Athens after the Social War // JHS. 1955. Vol. 75. P. 74–81; *Cawkwell G. L.*: 1) Notes on the Social War // C&M. 1962. Vol. 23. P. 34–49; 2) Notes on the Failure of the Second Athenian Confederacy // JHS. 1981. Vol. 101. P. 40–55; *Cargill G. L.* The Second Athenian League. P. 161–188. С. Рузика видит связь восстаний афинских союзников с фиванской политикой в годы, предшествующие битве при Мантинее, особенно с антиафинской пропагандой Эпаминонды в то время, когда он во главе флота посетил Родос, Хиос и Византию (Diod., XV, 79, 1) (см.: *Ruzicka S.* Epaminondas and the Genesis of the Social War // CPh. 1998. Vol. 93. № 1. P. 60–69).

¹⁰ По мнению В. Г. Боруховича, афиняне в тот период были крайне враждебно настроены по отношению к Персии и потому поддерживали и восстававших сатрапов, и Хареса (Борухович В. Г. Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоевания Египта Артаксерксом III в 343 г. до н. э. // АМА. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 4–5).

¹¹ Г. Парк и Л. П. Маринович справедливо считают, что Харес изначально действовал без санкции своего государства (*Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers... P. 123; *Маринович Л. П.* Греческое наемничество... С. 109).

¹² *Moysey R. A.* Chares and Athenian Foreign Policy // CJ. 1985. Vol. 80. P. 221.

собственные цели¹³, но афиняне, видя в карийском династе прежде всего подданного Артаксеркса III, могли быть убеждены в том, что он проводил политику в ущерб их интересам если и не по прямому указанию персидского царя, то во всяком случае с его согласия¹⁴. Между тем Артаксеркс направил послов в Афины и потребовал немедленного возвращения Хареса. Диодор (XVI, 22, 2) в этой связи сообщает: «Афиняне сначала одобрили действия Хареса; позднее же, когда царь направил послов и обвинил Хареса, они изменили мнение: распространился слух, что царь обещал врагам афинян сообщать вести войну против афинян с 300 триерами».

В 350-е гг. до н. э. в Афинах действительно циркулировали слухи о подготовке царем военного похода против Греции. В. Г. Борухович полагает, что Артаксеркс III, потребовав возвращения Хареса, действительно пригрозил Афинам своим флотом¹⁵. Но как бы то ни было, эти военные приготовления конечно не были направлены против Афин; независимый Египет вызывал гораздо большее беспокойство персидской царской администрации, и оснащение флота фактически предшествовало очередной попытке восстановления персидского контроля над этой страной (см. Diod. XVI, 40, 3ff). Однако военные приготовления персов действительно могли вызвать серьезную тревогу в Греции, и одна из речей Демосфеновского корпуса «О симмориях» как раз посвящена обсуждению обоснованности афинских опасений на счет возможной персидской угрозы — нападения персов на Грецию (Dem., XIV passim; Liban ad. Dem., XIV, 1–2)¹⁶. Таким образом, отдав приказ Харесу вернуться из Малой Азии, афиняне не пошли на разрыв отношений с Персией¹⁷.

¹³ *Hornblower S.* Mausolus. P. 168–169, 212; *Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. P. 95ff; *Ефремов Н. В.* Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей... С. 98–99.

¹⁴ *Olmstead A. T.* The History of the Persian Empire. P. 427; *Moysey R. A.* Chares and Athenian Foreign Policy. P. 225. По мнению П. Сэлмонда, действия Хареса побудили персидского царя вмешаться в конфликт между Афинами и ее союзниками (*Salmond P. D.* Sympathy for the Devil: Chares and Athenian Politics // G&R. 1996. Vol. 43. № 1. P. 44).

¹⁵ *Борухович В. Г.* Афины, Персия и Египет... С. 4.

¹⁶ Демосфен выступает против мнения о том, что греки должны первыми начать войну с персами. Оратор стремится доказать, что царь не представляет угрозы для Греции, и прямо заявляет, что война с варваром не должна преследовать никакой другой цели, как только защиту страны, жизни, обычаев, свободы и т. п. (Dem., XIV, 32).

¹⁷ С. Хорблауэр следующим образом характеризует афинскую политику по отношению к Персии в тот период: «Персидская служба Ификрата в 370-е гг., действия Фокиона в 340-е гг., так же как побуждение к возвращению Хабрия в 380 г. и Хареса в 355 г. по требованию Персии, показывают, что позиция Афин была сложной и в высшей степени компромиссной, чтобы считать ее панэллинской» (*Hornblower S.* Persia. P. 93).

Деятельность же Паммена на службе у Артабаза может вызывать некоторое удивление в том случае, если согласиться с утверждением Диодора (XVI, 34, 2), что Артабаз убедил фиванцев заключить с ним союз. Существование такого союза противоречит тому, что известно о фивано-персидских отношениях как в предшествующий, так и в последующий период¹⁸. В особенности же официальная поддержка мятежа Артабаза трудно согласуется с получением фиванцами царских денежных средств в 351/0 г. до н. э. (Diod., XVI, 40, 1–2). Поэтому следует предположить две возможности: либо Паммен нанят к Артабазу по собственной инициативе, а отправившийся с ним в Азию отряд в 5000 чел. представлял собой добровольцев-наемников (?), либо же то, что фиванский стратег действовал в ущерб интересам мятежного сатрапа. И хотя Диодор говорит о победах Паммена над персами в двух сражениях, последнее предположение подтверждает рассказ Полиена (VII, 33, 2) о том, что Артабаз заподозрил Паммена в измене и предал его смерти.

2. Позиция греков в войне Артаксеркса III против Египта

Новый период взаимных дипломатических контактов греков и персов начался после 351 г. до н. э., во время организации очередной персидской экспедиции, направленной на возвращение Египта под власть Персии, после более ранних безуспешных попыток сломить сопротивление египтян¹⁹.

¹⁸ См.: Buckler J.: 1) Pammenes, die Perser und die Heilige Krieg // Boiotika. Vorträge vom 5 Internationalen Bötien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. Siegfried Lauffer / Hrsg. von H. Beister und J. Buckler, München, 1989. S. 157–160; 2) Aegean Greece... P. 411.

¹⁹ Диодор датирует все события, связанные с военными действиями против Финикии и Египта, только двумя годами: архонтом Физла — 351/0 г. до н. э. (Diod., XVI, 40, 3 — 45, 6) и архонтом Аполлодора — 350/49 г. до н. э. (Diod., XVI, 46, 1 — 51, 3). Возможно, эта датировка применима только по отношению к первому неудачному походу против Египта, о котором говорит Демосфен в речи «О свободе родосцев» (Dem., XV, 11–12) (Radcliffe J. Die Rede des Demosthenes für die Freiheit der Rhodier. Stuttgart; Leipzig, 1995. S. 36–38). Общепринятыми в науке являются даты, устанавливаемые по данным вавилонских и египетских документов: 345 г. до н. э. — захват персами Сидона; 344–342 гг. до н. э. — военные действия против Египта (о хронологии см.: Борухович В. Г. Афины, Персия и Египет... С. 6–11; Дандамаев М. А. Политическая история... С. 251; Cawkwell G. L. Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I. // CQ. 1963. Vol. 13. № 1. P. 121–123, 127–130, 136–138). Посольство в Грецию, упомянутое Диодором, неправильно относят к лету 344 г. до н. э.

В сложившейся ситуации Артаксеркс III стремился, во-первых, заручиться поддержкой своих действий у ведущих греческих держав, а во-вторых, заполучить наемников в Греции. Так, в частности, накануне организации военной экспедиции против Египта в 351 г. до н. э., в Греции появились персидские послы, которые посещали ведущие греческие полисы и приглашали присоединиться к планируемому предприятию Великого царя (Diod., XVI, 44, 1). Здесь также отчетливо проявились расхождения в позициях различных греческих государств. Афиняне и спартанцы объявили о сохранении дружбы с персами, но официально отказались направить свои контингенты в Персию²⁰. Однако фиванцы и аргосцы выразили согласие оказать помощь персам в походе против Египта; во время переговоров с посланниками Артаксеркса они могли сослаться на традиционные дружественные узы, связывавшие Аргос и Фивы с Персией со времени Греко-персидских войн. Что касается конкретно фиванцев, то они в 351/0 г. до н. э., во время III Священной войны, получили в дар от персидского царя 300 талантов серебра (Diod., XVI, 40, 1–2)²¹. В результате в Азию отправились 1000 фиванских гоплитов под руководством стратега Лакрата (Diod., XVI, 44, 2), а также 3000 аргосцев, возглавляемых по просьбе персидского царя их предводителем Никостратом (Diod., XVI, 44, 2; Theop. FGrHist., 115, F. 124).

В 344/3 г. до н. э. афиняне принимали послов от Великого царя²². Однако на призыв Артаксеркса III Оха к Афинам сохранить «отеческую дружбу» (τὴν φιλίαν διαμενεῖν ἑαυτῶι τὴν πατρίαν) афиняне ответили согласием, но при условии, если царь не пойдет войной

²⁰ В составе войска Артаксеркса III в качестве командиров отрядов Диодор называет афинянина Диофанта и спартиата Ламия (Diod., XVI, 48, 2).

²¹ Д. М. Льюис в этом эпизоде видит первый пример прямого предоставления денег в дар греческому государству в ответ на прямую просьбу со стороны фиванцев (Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations. P. 233). Однако еще К. Ю. Белох предполагал, что 300 талантов были наградой фиванцам за согласие предоставить свой контингент Артаксерксу III Оху для войны с Египтом в 351 г. до н. э. Это мнение принимают Э. Д. Фролов и В. Ф. Кутергин (Фролов Э. Д. Греческие тираны. С. 154; Кутергин В. Ф. Беотийский союз. С. 138).

²² О датировке посольства 344/3 г. до н. э.: Cawkwell G. L. Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. P. 121–123, 127–130, 136–138; Griffith G. T. The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Oxford, 1979. Vol. 2. P. 484; Harris E. M. More Chalcenteric Negligence // CPh. 1989. Vol. 84. № 1. P. 36–44; Sealey R. Demosthenes and His Time. P. 172; McQueen E. I. Diodorus Siculus: The Reign of Philip II. P. 114–115. Buckler J. Philip II, the Greeks and the King. P. 104.

против греческих городов; этот ответ неправомерно характеризуют современниками как «высокомерный более, чем необходимо» (ὕπεροπτικώτερον ἢ ἐχρήν) (Didym. in Demosth., X, 34, col. VIII, 8 = Philoch., FGrHist., 328, F. 157; Androtion., FGrHist., 324, F. 53; Anaximenes., FGrHist., 72, F. 28) и воспроизводит почти дословно ответ греков на призыв присоединиться к восстанию сатрапов в 362 г. до н. э.

По мнению Дж. Коуквелла, персидское обращение к Афинам по вопросу о союзе и дружбе, о котором сообщает Филохор, идентично упоминаемому Диодором Сицилийским (XVI, 44, 2); ученый считает это частью подготовки к окончательному наступлению против Египта²³. Подобный взгляд на развитие событий принимают и другие исследователи²⁴. Дж. Баклер, например, считает, что, направив послов в Афины, Артаксеркс III Ох желал набрать себе наемников, а в случае неудачи этого плана, по крайней мере, добиться нейтралитета Афин²⁵. На мой взгляд, скорее речь должна идти о двух персидских посольствах в Грецию — в 351/0 и 344/3 гг. до н. э. В первом случае, персидские послы, как уже говорилось, призывали греков поддержать войну против Египта. В ходе второй миссии послы Артаксеркса III могли посетить только Афины с намерением прояснить позицию афинян по отношению к Персии накануне нового похода против Египта, вслед за завершившейся неудачей предыдущей попыткой покорения страны после 350 г. до н. э. Как обратил внимание Э. Харрис, персидский царь мог рассчитывать на заверения афинян о сохранении нейтралитета во время войны против египтян и на то, что они впредь не предоставят Египту военную помощь²⁶.

²³ Cawkwell G. L. Demosthenes' Policy... P. 121.

²⁴ См.: Hornblower S. Persia // CAH2. 1994. Vol. 6. P. 92.

²⁵ Buckler J. Philip II, the Greeks and the King. P. 104.

²⁶ Э. М. Харрис, правда, также считает, что персидское посольство в Афины 344/3 г. до н. э. просило афинян прислать свои отряды для войны против Египта (Harris E. M.: 1) More chalcenteric Negligence. P. 41ff; 2) Aeschines and Athenian Politics. Oxford., 1995. P. 108–109). Однако о такой просьбе Артаксеркса во время этих переговоров источники не сообщают. Далее, как это замечает С. Хорнблауэр, афиняне (и спартанцы) определенно сражались против персов на стороне египетского царя Нектанеба (Hornblower S. Persia. P. 93); в афинской псефизме 327/6 г. до н. э. одного из персидских командиров, знаменитого родосца Мендора, восхваляют за то, что он спас эллинов в Египте во время захвата страны персами (IG, II2, 356 = Tod, II, 199, сткк. 28–29). О греческих наемниках в Египте на службе Нектанеба см.: Маринович Л. П. Греческое наемничество... С. 110–112.

3. Греко-персидские контакты перед лицом македонской угрозы

К концу 340-х гг. до н. э. ситуация в Греции и на Востоке стабилизируется. Политика Филиппа II, царя Македонии, на Балканах принудила греческие полисы прекратить собственные распри и думать не только о сплочении перед возрастающей мощью Македонии, но и о поиске внешних союзников. И среди претендентов на эту роль на первом месте оказалась конечно Персия, где при Артаксерксе III Охе завершается последний период консолидации империи. Это приводит к новому повороту в греко-персидских отношениях, который характеризовался, с одной стороны, сближением Персии и греческих противников Македонии (прежде всего Афин и Фив), а с другой — все возрастающей враждой Персии и Македонии. Почти полностью от отношений с персами на десятилетия отстраняется Спарта: по крайней мере, неизвестно о каких-либо контактах спартанцев и персов вплоть до событий, которые предшествовали войне Агиса III против Македонии. В этой ситуации антимакедонское движение в Греции возглавляют Афины, которые, благодаря деятельности противников Македонии, постепенно принимают сторону Персии. В этой связи представляется также вполне уместным сказать несколько слов о тех афинских политиках, которые могли увидеть в Персии союзника эллинов в борьбе против установления македонской гегемонии в Греции.

Открывает этот список, безусловно, Демосфен, который, как известно, был принципиальным противником Македонии. Его призывы к сотрудничеству с персами против Филиппа II присутствуют в ряде сохранившихся речей в 340-е гг. до н. э. (IX, 71; X, 33, 51–52)²⁷; кроме того, уже современники обвиняли афинского оратора в при-

²⁷ В «Четвертой речи против Филиппа» Демосфен заявлял: «...Надо отказаться от нелепого взгляда, который много раз причинял нам ущерб: “да, он варвар” или “он общий враг для всех” и все тому подобное» (καὶ τὴν ἀβελετρίαν ἀποθεῖναι, δι’ ἣν πολλάκις ἡλαττώθητε, ὁ δὲ βαρβαρὸς καὶ ὁ κοινὸς ἅπασιν ἐχθρὸς, καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα) (Dem., X, 33; ср., однако, XIV, 3, где оратор говорит, что он считает царя общим врагом всех греков). По представлению многих исследователей, «панэллинизм» Демосфена отличался от панэллинизма Исократы как раз тем, что Демосфен призывал к объединению греков в войне не против Персии, а против Македонии; он убеждал видеть в персах союзников против Филиппа (Dunkel H. B. Was Demosthenes a Panhellenist? // CPh. 1938. Vol. 33. № 3. P. 291–305; Green P. From Ikaria to the Stars: Classical Mystification, Ancient and Modern. Texas, 2004. P. 126ff; Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. С. 163).

нятии персидских денег — фактически в коррупции²⁸. Но, разумеется, не только Демосфен выступал за союз с Персией. После смерти Филиппа II его сын Александр потребовал (правда, безуспешно) у афинян выдать десять политиков (Arr. Anab., I, 10, 4; Idomeneus. FGrHist., 338, F. 11; Duris. FGrHist., 76, F. 39; Plut., Dem., 23, 4; Suid., s.v. Ἀντίπατρος)²⁹; по крайней мере половина из них поддерживали связи с персами — помимо Демосфена, это Гиперид (?), Харес, Харидем и Эфиальт³⁰.

Между тем, по-видимому до конца 340-х гг. в Персии еще не возникал вопрос об объединении с эллинами для борьбы против

²⁸ Плутарх (Dem., 23) даже сообщает, что после смерти Филиппа II Демосфен писал письма царским военачальникам в Азии с призывом выступить против Александра. О факте принятия афинским оратором персидского золота см. например: *Маринович Л. П.*: 1) Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1994. С. 86–87; 2) Античная и современная демократия. Новые подходы. М., 2001. С. 81–82; *Рунг Э. В., Холод М. М.* Персидская политическая пропаганда в греческом мире... С. 59. Прим. 55. (в работах приведены источники и библиография вопроса).

²⁹ Список политиков, выдачи которых потребовал Александр, несколько разнится у различных авторов. Так, например, Арриан (I, 10, 4) говорит о десяти: Демосфен, Ликург, Гиперид, Полиевкт, Харес, Харидем, Эфиальт, Диотим и Мироклей. Согласно Плутарху (Dem., 23, 4), некоторые античные авторы называют только восемь политиков — Демосфен, Полиевкт, Эфиальт, Ликург, Мироклей, Демон, Каллисфен и Харидем. Лексикон Суда, однако, упоминает Демосфена, Гиперида, Ликурга, Полиевкта, Эфиальта, Фрасибула, Хареса, Харидема, Диотима, Патроклея, Кассандра (Suid., s.v. Ἀντίπατρος) (об этом: см.: *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский. С. 93).

³⁰ Гиперид, наряду с Демосфеном, также обвинялся в принятии персидского золота (Ps-Plut. Vit. X Or., 848 E; о мировоззрении Гиперида и его антимакедонской деятельности в Афинах см.: *Маринович Л. П.*: 1) Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 229–230; 2) Греки и Александр Македонский. С. 93; 3) Античная и современная демократия. С. 89–91). Харес, хотя в прошлом и воевал на стороне мятежного сатрапа Артабаза против царя (Diod., XVI, 22, 1–2; 34.1–2; FGrHist., 105, F. 1; Schol. Dem., III, 146a; IV, 84b), в дальнейшем принимал участие в совещании персидских военачальников против Филиппа II (Philoch., FGrHist., 328 F. 162) и в конечном итоге перебрался в Азию и обосновался в Сигее — правда, как тиран, а не как персидский ставленник (Arr. Anab., I, 12, 1). Харидем, уроженец Г. Орея на Эвбее, в прошлом служил в Азии в качестве предводителя наемников; затем, намереваясь утвердиться как тиран в городах Эолиды, даже воевал против персидских сатрапов (Dem., XXIII, 154–157; Ps-Arist. Oec., II, 30). В 357 г. до н. э. Харидем получил афинское гражданство, в 349/8 г. до н. э. участвовал в Олинфской войне против Филиппа II (Philoch. FGrH. 328. F. 50); в 335 г. до н. э., отправившись в изгнание по требованию Александра, Харидем прибыл к царю Дарию III (Din., I, 32; Arr., Anab., I, 10, 6; Curt., III, 2, 10–11; Diod., XVII, 30, 1ff). Эфиальт был послом в Персию в 340 г. до н. э. и золото в Афины доставил царское, которое использовалось для подстрекательства к войне против Филиппа II путем подкупа ведущих афинских политических деятелей (Ps-Plut. Vit. X Or., 847 F, 848 E); в дальнейшем афиняне Эфиальт и Фрасибул также находились при царе Дарии III (Diod., XVII, 25, 6; 26, 2; 6; 27, 3).

Македонии. Дело в том, что Филипп II, полностью поглощенный задачей установления македонской гегемонии в Греции, был заинтересован в поддержании мирных отношений с Персидской державой, где царствовал Артаксеркс III Ох. С другой стороны, царь в тот период сосредоточился на приведении в порядок дел внутри своей державы: борьбе с мятежными сатрапами, подавлении восстания в Финикии и возвращении под персидскую власть Египта. В связи с этим отнюдь не исключено, что в этот период македоно-персидские отношения были урегулированы в результате заключения договора о дружбе и союзе между Артаксерксом III с Филиппом II³¹. По крайней мере, этот договор мог быть заключен после 346 г. до н. э. — года Филократа мира с греками — и действовал вплоть до 340 г. до н. э., когда акции Филиппа II в районе проливов и Пропонтиды спровоцировали ответные меры со стороны персидских сатрапов.

Диодор сообщает о помощи, оказанной малоазийскими сатрапами перинфянам: «Персидский царь, опасаясь могущества Филиппа,

³¹ Прямое указание на существование такого договора содержится в письме Дария III Кодомана к Александру Македонскому в Марафе в 333/2 г. до н. э. В этом письме, по изложению Арриана (II, 14, 1–3; cf. Diod., XVII, 39, 1–2), Великий царь, в частности, писал: «У Филиппа существовали с Артаксерксом дружба и союз (Φιλίππῳ τε πρὸς Ἀρτοξέρξην φιλία καὶ ζυμμάχια ἐγένετο); по воцарении же Арсеса, сына Артаксеркса, Филипп первым несправедливо поступил с Арсесом, хотя персы ничего плохого ему не сделали. С тех пор, как Дарий стал царем персов, Александр никого не присылал к нему, чтобы утвердить старинную дружбу и союз (οὔτε πέμψαι τινὰ Ἀλέξανδρον παρ' αὐτὸν ἐς βεβαίωσιν τῆς πάλαι οὔσης φιλίας τε καὶ ζυμμάχιας), а вторгся с войском в Азию и много зла сделал персам...». Независимо даже от дискуссии в отношении аутентичности самой переписки, исследователи расходятся во мнениях в отношении того, существовали ли вообще македоно-персидский договор. Одни считают союз реальностью (*Judeich W.* Kleinasiatische Studien. S. 299; *Bloedow E. F.* Diplomatic Negotiations between Darius and Alexander: Historical Implications of the First Phase at Marathus in Phoenicia in 333/332 BC // АНВ. 1995. Vol. 9. № 3–4. P. 96–97; *Schmitt R.* Artaxerxes III // Elr. 1987. Vol. 2. Fasc. 3. P. 659), другие говорят о фиктивности соглашения (*Griffith G. T.* The Reign of Philip the Second // *Hammond N. G. L., Griffith G. T.* A History of Macedonia. Vol. 2. P. 485–486; *Zahrnt M.* Hellas unter Persischen Druck? S. 255. Anm. 19; *Buckler J.* Philip II, the Greeks and the King. P. 110 [объявляет, что все то, что касается персидско-македонского союза — древняя фабрикация]; *Hornblower S.* Persia. P. 95 [стремится доказать существование враждебных македоно-персидских взаимоотношений еще до 340 г. до н. э.]). Отметим, что такой договор мог быть исключительно выгоден обеим сторонам, а кроме того отсутствуют данные, которые бы однозначно свидетельствовали против такого соглашения (не являются таковыми и сведения о том, что Филипп предоставил политическое убежище родосцу Мемнону и сатрапу Артабазу, а также союз македонского царя с Гермием Атарнейским). Обмен посольствами между македонским и персидским царями, о котором сохранились сведения в источниках (Dem., IV, 48; Plut., Alex., 5; Mor., 342B), легко объясняется с учетом существования такого договора.

приказал сатрапам приморских областей оказывать помощь перинфянам всеми силами. Сатрапы, сговорившись между собой, послали в Перинф множество наемников, деньги в изобилии, достаточное количество хлеба, метательные орудия и все остальное для ведения войны» (Diod., XVI, 75, 1–3). С этим сообщением согласуются данные, содержащиеся в речи Демосфена в ответ на письмо Филиппа II афинянам от 340 г. до н. э.: «Кроме того... сатрапы, правящие в Азии, недавно помешали ему (Филиппу. — Э. Р.) взять осадой Перинф, послав туда наемные войска, а сейчас, когда у них установились враждебные отношения с ним и стала близкой опасность в том случае, если будет подчинен Византий, не только сами охотно помогут в войне, но и царя персидского побудят, как хорега, снабжать нас деньгами, а ведь он обладает таким богатством, какого нет у всех остальных вместе, и такой силой для вмешательства в здешние дела, что еще и прежде, когда мы вели войну с лакедемонянами, он давал превосходство над противниками той из двух сторон, к которой сам присоединялся, и теперь, если станет на нашу сторону, легко победит на войне силу Филиппа» (Dem., XI, 5–6). С персидской стороны против Филиппа II сражались фереец Аристомед (Theop., FGrHist., 115, F. 222) и Аполлодор, командир наемников Арсита — сатрапа Геллеспонтской Фригии (Paus. I, 29, 20)³². Так сложилась ситуация, в которой могли оживиться афино-персидские контакты.

В 340 г. до н. э., в ответ на захват Филиппом II торгового хлебного каравана в районе Гиерона, афиняне в одностороннем порядке денонсировали Филократов мир 346 г. до н. э. (Theop., FGrHist., 115, F. 292; Philoch., FGrHist., 328, F. 162), а впоследствии оказали помощь Византию во время осады города войсками македонского царя (Diod., XVI, 77, 2; Plut. Phoc., 14; Dem., 17).

Следует принимать во внимание то, что еще во время захвата Филиппом хлебного каравана, направлявшегося из Понта в Афины на 180–230 судах в год архонта Феофраста (340/339 гг. до н. э.), афинский стратег Харес, который имел задание обеспечить охрану этого каравана, находился в Азии и присутствовал на совещании царских военачальников — ἐς τὸν σύλλογον τῶν βασιλικῶν στρατηγῶν (Philoch., FGrHist., 328, F. 162). Нетрудно заключить, что это совещание могло быть посвящено обсуждению отношений с македонским

³² Об осаде Филиппом II Перинфа написано во всех многочисленных работах, посвященных македонской тематике и политике Филиппа. Из самых новых следует указать на статью Дж. Баклера, где внимание уделено позиции Персии в конфликте Филиппа II и Афин по поводу Перинфа. (Buckler J. Philip II, the Greeks and the King. P. 108–109).

царем. Кроме того показателен также пример с афинским послом в Персии Эфиальтом, который возвратился от персидского царя около 340 г. до н. э. с поручением поднять своих сограждан на войну с Филиппом II и доставил в Афины царское золото, распределив часть этих денег, по слухам, между ораторами Демосфеном и Гиперидом (πρεσβεύσας πρὸς βασιλέα χρήματα φέρων ἦκε λάθρα, ὅπως διανείμας τοῖς δημαγωγοῖς τὸν πρὸς Φίλιππον ἐξάψῃ πόλεμον) (Ps-Plut. Vit. X Or., 847 F, 848 E)³³. Наконец, по-видимому, именно к 341 или 340 г. до н. э. принадлежит афинский декрет, предоставлявший почести персидскому сатрапу Оронту. В данном декрете содержится недвусмысленная информация о контактах афинских стратегов Проксена, Хареса, Харидема и Фокиона с одним из сатрапов (IG, II², 207).

Эта надпись представляет собой довольно интересный документ и заслуживает специального рассмотрения в рамках нашей работы. Надпись известна научному миру более ста пятидесяти лет, с того времени как К. Питтакис первым скопировал документ, обозначающийся сейчас как *fr. a*, и издал его факсимиле в 1835 году в книге «Древние Афины»³⁴. К настоящему времени оригинальная греческая стела, виденная Питтакисом, уже утеряна и исследователи пользуются сделанной им копией. Дальнейшие находки прибавили дополнительный материал: были обнаружены фрагменты надписи (b+c+d) того же самого документа³⁵. Из литературы, помимо многочисленных эпиграфических комментариев к надписи, следует назвать специальные работы, посвященные взаимоотношениям Афин и Оронта (М. Озборна, Р. Мойзи, Р. Девелина, М. Уолбэнка), для которых надпись служила основным источником³⁶. Не вызывает особых сомнений,

³³ О датировке миссии Эфиальта: Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd. 2. S. 483; Bd. 3. S. 139; Swoboda H. Ephialtes (5) // RE. 1903. Bd. 5. Sp. 2852. Едва ли можно согласиться с И.-Г. Дройзеном, который датировал миссию Эфиальта 335 г. до н. э. (Дройзен И.-Г. История эллинизма / Пер. с франц. изд. М. Шелгунова. Т. 1. СПб., 1997. С. 72).

³⁴ Pittakys K. S. L' Ancienne Athènes. Athens, 1835. P. 500–501.

³⁵ Перевод фрагментов надписи на русский язык с комментариями см.: Рунг Э. В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 136–139.

³⁶ Osborn M. J. Athens and Orontes // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 297–321; Moysey R. A. IG II² 207 and the Great Satraps Revolt // ZPE. 1987. Bd. 69. S. 93–100; Develin R. Once More About IG II² 207 // ZPE. 1988. Bd. 73. S. 75–81; Walbank M. B. IG. II² 207 Again // ZPE. 1988. Bd. 73. S. 83–85. Несколько особняком стоит работа Д. Келли, в которой надпись используется для реконструкции политической деятельности Харидема (Kelly D. Charidemos's Citizenship: The Problem of IG II² 207 // ZPE. 1990. S. 96–109), но именно в данной работе содержатся важные наблюдения, которые наиболее близки к нашей точки зрения.

что надпись представляет собой афинскую псефизму, принятую в честь некоего Оронта, имя которого присутствует во всех существующих фрагментах. Документ начинается традиционной преамбулой: «Народ решил: в пританию Пандиониды, секретарем был Диэвкс, сын Демарха Фреарриея, Филей председательствовал, Поликрат, сын Полиевкта, сказал...» (fr. a, 1-2). Вслед за преамбулой, из текста *fr. a* следует, что Оронт находился в тесных дипломатических отношениях с Афинами, засвидетельствованных традиционной формулой: «о том объявляют послы афинян и (послы) от Оронта приходившие ... (περὶ ὧν ἀπαγγέλουσιν οἱ πρέσβεις οἱ τε ᾿Αθηναῖων καὶ οἱ παρὰ <᾿Ο>ρόντου ἥκοντες κτλ)» (fr. a, 3). Данная преамбула предвещает наделение почестями Оронта на основании информации этих послов. Дальнейшие строки текста, поддающиеся прочтению, связаны с похвалой Оронта афинянами и награждением его различными почестями, среди которых, если признать верным расшифровку К. Питтакиса, присутствует наделение его и его потомков гражданскими правами в Афинах — <καὶ εἶναι ᾿Ορό[υ]την ᾿Αθηναῖον (fr. a, 6)³⁷. Из того же отрывка следует, что Оронт ко времени принятия псефизмы управлял какой-то областью, обозначенной как «владение Оронта» — ἡ ᾿Ορόντου ἀρχὴν (fr. a, 12, 14). В строке 11 фрагмента Питтакис прочитывает указание на архонта Никомаха, при котором была принята псефизма (fr. a, 11). Документ также содержит информацию о каких-то соглашениях (τὰ σύμβολα), заключенных афинянами и их союзниками с Оронтом (fr. a, 13; b, 6). Фрагменты b+c+d позволяют сделать некоторые наблюдения в отношении исторической ситуации, сложившейся во время принятия афинянами декрета в честь Оронта. Среди прочего, в документе упоминается о серебре, которое необходимо было взять из военной казны для приобретения хлеба (εἶναι εἰς τῇ[ν πα]ράληψιν τοῦ σίτου ἐκ τῶν στρατιωτικῶν) (fr. b, 11). По-видимому, зерно должно было быть доставлено в лагерь афинского войска Хареса, Харидема и Фокиона (τῷ στρατοπέδῳ τῷ μετὰ Χάρητος καὶ Χαριδήμου καὶ Φωκίωνο[ς] (fr. b, 12). Для закупки зерна, вероятно, предназначались и деньги, поступившие из денежных сборов на Лесбосе (χρήματα τῶν συντάξεων τῶν ἐν Λέσβῳ) (fr. b, 13). Следует особо отметить, что псефизма в честь Оронта, по-видимому, была принята в ситуации военного времени,

³⁷ Предоставление афинских гражданских прав персу в IV в. до н. э. не должно уже вызывать удивления. Самую близкую параллель данному случаю обнаруживает предоставление афинянами гражданства сатрапу Ариобарзану и его троим сыновьям в 360-е гг. до н. э. (Dem., XXIII, 141, 202)

поскольку в ней особо упоминается некая война (πόλεμος) (fr. b, 19). Помимо закупки зерна здесь идет речь и о получении денежных средств для выплаты жалования воинам (καὶ γένηται μισθὸς τοῖς στρατιώταις) (fr. b, 16). Часть денег афинские стратеги вероятно должны были доставить к Оронту (καὶ τὰ χρήματα ὡς ᾿Ορόντην καὶ πλοῖα παρὰ <...>) (fr. c, 22) с тем, чтобы взять у него корабли, очевидно, нагруженные хлебом. Кроме уже названных трех афинских стратегов в надписи упоминается еще один — Проксен, который фигурирует в числе послов (возможно, к Оронту, следуя логике афинского декрета) (Πρόξενον τ[ὸν] στρατηγὸν μετὰ τῶν πρέσβεων) (fr. c, 23). Таким образом, можно согласиться с предположением Р. Мойзи о том, что афиняне получили зерно у Оронта, и переговоры вокруг покупки этого зерна составляют основное содержание frg. b+c+d³⁸. Заботу об охране торгового каравана, как следует из документа, афинский народ поручил стратегам Харесу, Харидему и Фокиону.

Однако все же, на наш взгляд, не представляется правомерным рассматривать документ только в качестве «торгового соглашения» с Оронтом (как это общепринято в литературе). Предваряя дальнейший анализ, следует указать на то, что несмотря на большое место в декрете, по-видимому отведенное вопросу приобретения зерна у Оронта, существуют основания полагать, что основным содержанием документа были военно-политические взаимоотношения Афин и Оронта. В частности, весьма симптоматично упоминание о войне, военной казне, военном лагере, четырех афинских стратегах, жалования для воинов. В тексте фрагментов несколько раз встречается слово «союзники» (σύμμαχοι), причем лишь несколько слов прочно ассоциированы со словом «афиняне», а кроме того во фрагменте b фигурирует фраза φίλοι καὶ σύμμαχοι (fr. b, 4). Это предварительные замечания по существу самого афинского декрета в честь Оронта.

В исследовательской литературе общепринято мнение, согласно которому афинская псефизма повествует о персидском сатрапе Оронте, сама надпись относится к середине IV в. до н. э., а под упоминаемым в документе «владением Оронта» понимается область Мизия. Из известных нам персидских сатрапов IV века до н. э. всего лишь два носили имя Оронта. Первым, безусловно, является неоднократно упоминаемый у античных авторов персидский военачальник, участвовавший во многих значительных военно-политических событиях Ахеменидской державы, зять царя Артаксеркса II — Оронт,

³⁸ *Moysey R. A. IG II2 207 and the Great Satraps Revolt. P. 95.*

сын Артасира, женатый на царской дочери Родогуне. Этот Оронт впервые появляется в «Анабасисе» Ксенофонта как сатрап Армении во время мятежа Кира Младшего в 401 г. до н. э. (Xen. Anab. II. 4.8, 5.40; III. 4.13, 5.17; IV. 3.4), затем после десятилетнего перерыва он фигурирует у Диодора уже в качестве одного из высших персидских командиров в Кипрской войне 390–380 гг. до н. э. (Diod. XV. 2.2, 8.3, 9.1ff, 10–11), а затем применительно к 362 г. до н. э. как сатрап Мизии и руководитель мятежников в период Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н. э. (Diod. XV. 91.1). После поражения восстания сатрапов об Оронте мы больше ничего не слышим. Пергамская хроника относит смерть Оронта ко времени после его восстания (OGIS. 264a), но данные хронологические указания неопределенны³⁹. О другом Оронте существуют краткие упоминания у Арриана в описании похода Александра, где тот назван сатрапом Армении в 331 г. до н. э. (Arr. An. 3.8.5), а также у Диодора применительно к 316 г. до н. э. (Diod. XIX. 23.3)⁴⁰. В посвяительных надписях Антиоха I Эпифана из Коммагены родословная армянских царей Коммагены возводится к Дарию I, сыну Гистаспа, Ксерксу и Оронту, сыну Артасира, а одна надпись считает предком коммагенских царей отца Оронта — Артасира (OGIS. 388–393). Эти данные позволяют допустить, что даже после перемещения на запад, Оронт не потерял контактов с «отеческой» сатрапией Арменией, а упомянутого Аррианом Оронта можно считать родственником известного сатрапа (возможно его сыном). Потомки Оронта, сына Артасира — управляли Арменией по крайней мере до 200 г. до н. э., когда, по словам Страбона, страна была разделена на две части под управлением полководцев Антиоха III Великого, Артаксия и Зариадрия (Strabo. XI. 14. 15 p.531). Последний правитель из этого персидского рода, также по имени Оронт, по словам географа, приходился потомком перса Гидарна, сподвижника Дария I и одного из семи персов, убивших Гаумату (Hdt. III. 70; VI. 133; DB. 2. 19, 22–23; 4. 84).

Несомненно, что область, называемая в документе «владением Оронта», была не чем иным, как какой-то приморской сатрапией, связанной политическими и торговыми контактами с греческим миром. Допущение, что афиняне наградили почестями Оронта, занимавшего должность сатрапа Армении, исследователями право-

³⁹ В нашу задачу не входит подробное изучение жизни Оронта, сына Артасира. Подобное исследование можно найти в работах: *Osborn M. Orontes* // *Historia*. 1973. Bd. 22. Ht. 4. S. 515–551; *Troxell H. Orontes, satrap of Mysia* // *SNR*. 1981. Vol. 60. P. 27–37.

⁴⁰ См.: *Berve H. Orontes* (7) // *RE*. 1941. Bd. 20. Sp. 1166.

мерно отвергается⁴¹. Общепринято мнение, что им в награду была получена область Мизия, которой, согласно Диодору, управлял Оронт (I), сын Артасира в 362 г. до н. э. (Diod. XV. 91.1). О присутствии Оронта в Мизии сообщает также уже упоминавшаяся Пергамская хроника в связи с захватом этим сатрапом города Пергама во время его мятежа против царя Артаксеса II (OGIS. 264a). В нашем случае не является особо принципиальной дискуссия, ведущаяся среди исследователей, по вопросу о том, владел ли Оронт Мизией на правах сатрапа или гипарха⁴². Более важно определить, какой из Оронтов мог получить почести от Афин и находилась ли Мизия во власти кого-то из Оронтидов в год принятия декрета. Начнем, пожалуй, с проблемы датировки самого декрета. Этот вопрос вызывает значительное затруднение у исследователей, обусловленное еще и тем, что теперь утерян тот фрагмент, где содержалась датировка документа афинским архонтом. Еще К. Питтакис прочитал следующую фразу, определенно указывающую на имя архонта: ENIKAMMAXOY. То, что прочитал еще Питтакис в 11 строке фрагмента, является не чем иным, как искаженным именем некоего архонта. Казалось бы, вопрос этот можно было считать почти решенным после того, как Питтакис в одной из строк документа восстановил искаженное имя архонта Никомеха (fr. a, 11), приняв дату псефизмы 341/0 г. до н. э. Однако, спустя двадцать лет после опубликования надписи К. Питтакисом французский исследователь А. Рангабэ внес несколько важных эмендаций в текст афинского декрета. В частности, он изменил прочтение имени архонта, предлагая вместо «Никомеха», как это предполагал

⁴¹ См. *Osborn M. Athens and Orontes*. P. 311, 315, n. Помпей Трог помещает Оронта в Армению во время Великого восстания сатрапов (Trogus, Prol. X). Поэтому некоторые исследователи пытались доказать ошибочность сведений Диодора об Оронте как сатрапе Мизии (см. еще: *Krumbholz, De Asii Minoris Satrapis Persicis*. Leipzig, 1883). Этой точки зрения придерживается также С. Хорнблауэр (*Hornblower S. Mausolus*. P. 176–179).

⁴² Точки зрения, согласно которой Мизия была гипархией в составе одной из малоазийских сатрапий, принимается рядом современных исследователей (*Olmstead A. T. The History of the Persian Empire*. P. 415; *Weiskopf M. The So-Called “Great Satraps Revolt*. P. 73; *Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty*. P. 67). Однако М. Осборн убедительно показал, что Оронт в 360-е гг. до н. э. возглавлял сатрапию Мизия. Основным его аргумент заключается в утверждении, что мятежные сатрапы едва ли поставили бы своим предводителем не другого малоазийского сатрапа, а гипарха (*Osborn M. J. 1) Athens and Orontes*. P. 315, n. 117; 2) *Orontes. S. 538*; 3) *The Satrapy of Mysia* // *GB*. 1975. Bd. 3. S. 290–301). В новейшей статье Н. Секунды принимается точка зрения, согласно которой Мизия была сатрапией (*Sekunda N. V. Itabelis and the Satrapy of Mysia* // *AJAH*. 1998. Vol. 14. № 1. P. 99–100). Дискуссионным также является вопрос о том, когда Оронт получил в управление Мизию.

Питтакис, читать «Каллимах», датировав афинский декрет более ранним, 349/8 г. до н. э.⁴³ Но А. Рангабэ во время публикации надписи в 1855 г. уже не видел утерянный к тому времени оригинальный текст декрета. Более того, как отметил М. Озборн, французский исследователь никак не объяснял причины внесенных изменений, и потому на сегодняшний день невозможно узнать мотивы, заставившие ученого пересмотреть расшифровку надписей⁴⁴. Тем не менее большинство современных исследователей принимают 349/8 г. до н. э., предложенный А. Рангабэ, а не 341/0 г. до н. э., проистекающий из копии декрета Питтакиса, в качестве отправной точки для датирования афинской псефизмы в честь Оронта⁴⁵. В 1971 г. М. Озборн, признавая такой подход более удобным для историков, сам следует методу Рангабэ и, обращаясь к исследованию исторического контекста появления декрета, в итоге склоняется к еще более удобной, но также произвольной дате, исправляя имя архонта на Никофем. Таким образом, исследователь датирует декрет 361/0 г. до н. э. и связывает его появление с позицией Афин в период Великого восстания сатрапов⁴⁶. Эту точку зрения подверг критике Р. Мойзи в 1987 г., возвратившись к ставшей традиционной датировке декрета 349/8 г. до н. э.⁴⁷ Против этого мнения высказывался Р. Девелин, который предпочитал вернуться к первоначальной датировке документа, хотя в небольшой статье он и не касался исторического контекста появления псефизмы в честь Оронта⁴⁸. Эту датировку поддержал Д. Келли, который первым из исследователей, на наш взгляд, верно связал появление документа с афино-персидским сотрудничеством во время боевых действий Филиппа II против Перинфа и Византия в 340–339 гг. до н. э.⁴⁹

Со своей стороны, отметим, что датировка декрета К. Питтакисом, насколько известно, относительно редко принимаемая в литературе, разумеется, заслуживает внимания и не только ввиду того, что ее записал первый издатель утерянного теперь фрагмента надписи. В частности, М. Озборн отвергает датировку надписи временем прав-

ления архонта Никомаха на том основании, что «существуют значительные, может быть даже непреодолимые трудности в отнесении документа к 341/340 г. до н. э.»⁵⁰. Основные аргументы против датировки 341/0 г. до н. э. исследователь сводит к следующему. М. Озборн считает невероятным, что Оронт, сын Артасира, впервые появившись на исторической сцене в 401 г. до н. э. дожил до конца 340-х гг. до н. э. И хотя М. Озборн и полагает, что Оронт имел сына, также называемого Оронтом и управлявшего, как известно, Арменией в 331 г., все же он считает неправдоподобным, что «афиняне должны были заключить торговое соглашение с Арменией в это время»⁵¹. Таким образом, историк не видит иной кандидатуры на получение афинских почестей, кроме Оронта, сына Артасира. С этими соображениями М. Озборна не согласился Р. Мойзи. А аргументируя принимаемую им дату, исследователь отметил, что не исключена вероятность, что Оронт дожил до 349/8 г. до н. э. и сохранил Мизию после восстания сатрапов. В отношении сына или внука Оронта, Мойзи указывает, что, возможно, Оронт (II) сменил Оронта (I) в должности сатрапа Мизии, и только позднее был перемещен в «отеческую» сатрапию Армению⁵². Другой аргумент М. Озборна, направленный против датировки Питтакиса, еще более слабый, чем предыдущий. Исследователь полагает, что Оронт не мог возглавлять Мизию в 340 г. до н. э., поскольку в этом году область находилась под руководством Росака, называемого Диодором сатрапом Ионии и Лидии (историк считал Мизию частью Лидийской сатрапии)⁵³. В 1987 г. к этому аргументу присоединился и Р. Мойзи⁵⁴. Однако Н. Секунда справедливо заметил, что Мизия входила в состав сатрапии Геллеспонтской Фригии, а не Лидии. Следовательно, вопрос о том, кто возглавлял Мизию в 341/0 г. до н. э. больше не связан ни с личностью Росака, ни с сатрапией Ионии и Лидии вообще. К возражениям М. Озборна против датировки 341/0 г. до н. э. Р. Мойзи прибавил еще собственное. Так, он отметил отсутствие сведений о том, что упоминаемый в надписи Харидем был стратегом в год архонта Никомаха⁵⁵. Однако этот *argumentum ex silentio* не может быть решающим, поскольку он ничего не говорит за то, что Харидем был стратегом в 341/0 г. до н. э. Мы же знаем точно, что оба других на-

⁴³ Rangabé A. R. *Antiquité Helleniques*. Athenes, 1855. 2.74.

⁴⁴ Osborn M. J. *Athens and Orontes*. P. 298–299.

⁴⁵ Parke H. W. *Athens and Euboea, 349–8 BC* // JHS. 1929. Vol. 49. Pt. 2. P. 246ff; Cawkwell G. L. *The Defence of Olynthus* // CQ. 1962. NS. Vol. 12. № 1. P. 122f; Moysey R. A. *IG II2 207 and the Great Satraps Revolt* P. 93.

⁴⁶ Osborn M. J. *Athens and Orontes*. P. 319, 321.

⁴⁷ Moysey R. A. *IG II2 207 and the Great Satraps Revolt*. P. 98–99.

⁴⁸ Develin R. *Once More About IG II2 207*. P. 75–81.

⁴⁹ Kelly D. *Charidemus's Citizenship...* S. 108–109.

⁵⁰ Osborn M. J. *Athens and Orontes*. P. 301–302.

⁵¹ *Ibidem*. P. 310–311.

⁵² Moysey R. A. *IG II+ 207 and the Great Satraps Revolt*. P. 97–98.

⁵³ Osborn M. J. *Athens and Orontes*. P. 310, 316; *idem*. *Orontes*. P. 538.

⁵⁴ Moysey R. A. *IG II2 207 and the Great Satraps Revolt*. P. 96.

⁵⁵ *Ibidem*. P. 96.

званных в декрете известных афинских деятеля Харес и Фокион исполняли должность стратегов в 340 г. до н. э., когда осенью Филипп II начал военные действия против Перинфа (Plut. Phoc. 14). Итак, фактически нет убедительных возражений против датирования декрета временем правления архонта Никомаха. Все аргументы, построенные на поиске эпиграфических свидетельств, носят чисто вспомогательный характер.

Интересно однако узнать, какие же аргументы предлагают исследователи в отношении других датировок. Одним из наиболее важных доказательств в пользу 361/0 г. до н. э. М. Озборн считает сведения об афинских стратегах, названных в надписи. Он указывает, что Харес, Фокион и даже Харидем могли исполнять должность стратега в тот год. И если в отношении Хареса и Фокиона исследователь ограничивается простой констатацией возможности, то в отношении Харидема он предпринимает попытку доказать реальность его стратегии в 361/0 г. до н. э.⁵⁶ Главный же довод в пользу датировки декрета временем правления архонта Никофема М. Озборн видит в изучении основных вех жизни Оронта и связей Афин и Персии в период Великого восстания сатрапов⁵⁷. Против этого мнения выступил Р. Мойзи, который справедливо отметил, что из четырех афинских стратегов, упомянутых в надписи, только о Харесе достоверно известно, что он реально был стратегом в 361 г. до н. э., однако в то время он воевал на Керкире (Diod. XV. 95. 3). Сам Р. Мойзи, подвергнув критике ряд положений М. Озборна, выдвигает аргументы в пользу датировки 349/8 г. до н. э. Наиболее важным доказательством в пользу своей точки зрения исследователь считает то обстоятельство, что все три известных нам по надписи афинских стратега действовали в 349/8 г. до н. э.⁵⁸ Правда, Р. Мойзи не смущает то обстоятельство, что эти стратеги действовали в разных концах Эгеиды и принимали участие в различных военных кампаниях: Харес и Харидем возглавляли афинские войска, шедшие на помощь Олинфу, осаждаемому Филиппом II (Philoch. FGrHist. 328 Fr. 49–51), а Фокион весной 348 г. до н. э. воевал на Эвбее (Plut. Phoc. 12–13). Между тем, при такой реконструкции остается неясным, какие общие внешнеполитические интересы связывали Хареса и Харидема с Фокионом, и всех троих с Оронтом. Р. Мойзи пытается дать ответы на эти вопросы. Он полагает, что «война», упомянутая в декрете, — это война

Филиппа II против Олинфа, афиняне пытались получить зерно от Оронта для своих войск на Халкидике и Эвбее, тогда как Оронт, в свою очередь, желал помочь остановить Филиппа до того, как он стал бы угрожать его собственной территории⁵⁹. Это, в принципе, правдоподобная реконструкция событий, но есть несколько замечаний. Прежде всего, из сохранившихся строк декрета складывается впечатление, что афиняне взаимодействовали с Оронтом по более важному поводу, чем просто получение зерна. Между тем Харес, Харидем и Фокион, как представляется по тексту надписи, действуют сообща. Упоминание в надписи Лесбоса (fr. b, 13) предполагает, что афинский флот действовал у берегов северо-западной Малой Азии, недалеко от Мизии. Наконец, кажется невероятным, что Олинфская война Филиппа II могла сильно сблизить Афины и Оронта. Однако вопрос об исторической ситуации, сложившейся во время принятия декрета в честь Оронта, решается достаточно просто, если, как уже предлагалось, связать появление документа с войной Филиппа II против Перинфа осенью 340 г. до н. э.: Перинф не только был связан политически и экономически с Афинами, но и находился в сфере персидских интересов.

Поражение афинян при Херонее и заключение договора с Филиппом II в 338/7 г. до н. э., вероятно, приостановили на время афиноперсидские контакты⁶⁰. Более того, участники Коринфского конгресса 338/7 г. до н. э. по побуждению македонского царя приняли решение о начале панэллинского похода против Персии⁶¹. Во исполнение этого решения в Азию были направлены войска под командованием македонских военачальников Пармениона и Аттала с приказанием освободить от персов малоазийские греческие города⁶².

⁵⁹ *Moysey R. A. IG II2 207 and the Great Satraps Revolt. P. 98.*

⁶⁰ О политических последствиях битвы при Херонее см.: *Холод М. М.*: 1) Демадов мир: к истории афино-македонских отношений в IV в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. С. 99–114; 2) Тень Херонейского льва: утверждение македонского господства в Греции в 338 г. до н. э. // Проблемы античной истории / Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 185–218.

⁶¹ О Коринфском союзе и его решениях см.: *Борухович В. Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н. э. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия историко-филологическая. 1959. № 46. С. 199–211; *Фролов Э. Д.* 1) Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–63; 2) Панэллинизм в политике IV в. до н. э. С. 188–202; Греция в эпоху поздней классики. С. 512–529; *Roebuck C.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 BC. // CPh. 1948. Vol. 43. № 2. P. 73–92.

⁶² О ходе македоно-персидской войны Филиппа II специально см.: *Ruzicka S.* A Note on the Philip's Persian War // AJAH. 1985 [1993]. Vol. 10. № 1. P. 84–95.

⁵⁶ *Osborn M. J.* Athens and Orontes. P. 317–318.

⁵⁷ *Ibidem.* P. 319–320.

⁵⁸ *Moysey R. A. IG II2 207 and the Great Satraps Revolt. P. 98.*

Однако смерть Филиппа II возродила надежды греков на избавление от македонской гегемонии, и в этой ситуации некоторые афинские политики смогли убедить демос снова обратить свое внимание на Персию.

* * *

Весной 334 г. до н. э. Александр Великий начал свой знаменитый поход против Персидской державы, который явился судьбоносным событием в мировой истории и открыл новую эпоху в истории государств Запада и Востока — эпоху эллинизма. Большинство греческих государств после битвы при Херонее в 338 г. до н. э. вынуждено было вступить в Коринфский союз и признать сначала Филиппа II, а затем, после убийства последнего, его сына Александра гегемоном эллинов и предводителем в панэллинском походе против Персии. Между тем, как только Александр с армией переправился в Азию, ведущие греческие полисы возобновили дипломатические контакты с царем Дарием III Кодоманом, безусловно, рассчитывая на объединение усилий в борьбе против Македонии. В самом деле, греко-персидское сотрудничество носило взаимовыгодный характер. Персидский царь, несомненно, мог рассчитывать на то, что во время военных действий Александра в Азии, антимакедонские силы в Греции объединятся и македонский царь, который окажется не в состоянии вести войну на два фронта, вынужден будет завершить поход. В свою очередь, греки видели в персах ту силу, которая смогла бы разгромить Александра и поспособствовать крушению системы македонского господства в Балканской Греции.

Со слов Эсхина (III, 238) становится известно, что еще «незадолго до похода Александра в Азию» (вероятно, в 335 г. до н. э., когда ложная весть о смерти царя в войне с иллирийцами внушила эллинам надежды на освобождение от македонской гегемонии) афиняне обратились с просьбой о предоставлении финансовых средств для того, чтобы поднять антимакедонское восстание в Греции, к персидскому царю Дарию III Кодоману (336–330 гг. до н. э.), но получили письмо с категорическим отказом. Этот ответ приводит оратор: «Золота я вам не дам, не просите, не получите» — ἐγὼ... ὑμῖν χρυσίον οὐ δώσω μὴ με αἰτεῖτε οὐ γὰρ λήψεσθε. Отказ, вероятно, был следствием того, что новый царь Персии Дарий, взойшедший на престол после убийства евнухом Багоем Арсеса (Артахсеркса IV), в отличие от своих предшественников не имел реального опыта взаимоотношений с греками и на момент начала своего правления

слабо разбирался в политической обстановке в греческом мире. Впоследствии афиняне, подтвердившие союзный договор с Александром, по словам того же Эсхина (III, 239), из осторожности отказались принять 300 талантов, которые Дарий III направил в Афины уже во время военной кампании Александра Македонского против Персии.

Эта информация о направлении Дарием III денег грекам содержится в письме, которое было написано Александром в Марафе в 333/2 г. до н. э. в ответ на первые мирные предложения со стороны персидского царя (Arr., Anab., II, 14, 4–9)⁶³. В таком случае возникает вопрос: каким образом греки реагировали на персидские инициативы, кроме того что принимали царское золото. Прежде всего известно, что греки направляли собственных послов в Персию для обсуждения вопросов о координации действий в борьбе против Александра.

В труде Арриана (Anab., II, 15, 2) содержится крайне важная информация о том, что после победы при Иссе в 333 г. до н. э. Александр в числе прочих пленников захватил в персидском обозе в Дамаске и греческих послов, которые незадолго до этого прибыли к царю Дарию III; историк называет среди послов спартиата Эвтикла, фиванцев Фессалиска, сына Исмения, и олимпионика Дионисодора, афинянина Ификрата, сына Ификрата.

По поводу этой дипломатической миссии следует сделать несколько замечаний. Так, представляется почти несомненным, что мы наблюдаем здесь согласованную дипломатическую акцию греков, о чем говорит то, что одновременно в лагере Дария оказались афинские, спартанские и фиванские послы (в этом не было ничего удивительного, поскольку такие «совместные» миссии греков в Азию были довольно частыми в предшествующий период). Далее, вполне определено, что фиванские послы были изгнанниками, которые после разрушения Фив Александром в 335 г. до н. э., очевидно, проживали не где-нибудь, а именно в Афинах (поэтому они должны были прибыть в лагерь Дария от имени фиванцев, но в составе афинской делегации). И, наконец, некоторые эллинские послы были представителями семейств, которые имели потомственные связи с персами, что также вполне закономерно.

Так, например, спартанец Эвтикл мог быть сыном или внуком того самого Эвтикла, который был послом в Сузы в 368/7 г. до н. э.

⁶³ Вопрос об аутентичности переписки Дария и Александра: Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда... С. 56–57, прим. 53.

(Xen., Hell., VII, 1, 33)⁶⁴. Дед Фессалиска Исмений состоял в ксении-ческих связях с Артаксерксом II в 395 г. до н. э., был осужден и казнен спартанцами в 383 г. до н. э. по обвинению в «варваризме» — расположенности к персам (Xen., Hell., V, 2, 36); отец его, тоже Исмений, как уже упоминалось выше, был послом в Сузы в 368/7 г. до н. э. и получил особую известность исполнением проскинесиса перед лицом персидского царя (Plut. Artax., 22; Ael. VH., I, 21). У афинского посла Ификрата также обнаруживаются потомственные связи с персами, так как его отец, тоже Ификрат, служил под начальством Фарнабаза в Египте в 373 г. до н. э. (Diod., XV, 29, 3–4). После захвата послов Александр, по словам Арриана (Anab., II, 15, 3–5), отнесся к ним дифференцированно: так, он отпустил фиванцев, сожалея о разрушении их города, однако афинян и спартанцев продолжал удерживать в качестве военнопленных.

Курций (III, 13, 15) сообщает, что после битвы при Иссе в лагере Дария Александр захватил эллинских послов, среди которых были афиняне Аристокрит, Дронид и Ификрат и спартанцы Павсипп, Ономасторида, Моним и Калликратид. Между тем в данном случае налицо смешение у Курция посольства, направленного греками к персам в 332 г. до н. э., с более поздним. Арриан (III, 24, 4) же свидетельствует, что еще одно «совместное» посольство греков к Великому царю, включавшее спартанцев Каллистратида, Павсиппа, Монима, Ономанта и афиняна Дропида, Александр захватил в плен в Гиркании в 330 г. до н. э., после победы при Гавгамелах и смерти Дария.

Это были последние безуспешные попытки объединения греков и агонизирующей Персидской державы против македонского завоевателя.

В течение некоторого времени оптимизм грекам внушало начавшееся успешно для персов контрнаступление в бассейне Эгейского моря в 333 г. до н. э., когда персидские военачальники (среди которых главнокомандующим первоначально был знаменитый родосец Мемнон) объявили своим намерением «освободить» греков от македонского контроля и восстановление политической системы Анталкидо-

ва мира⁶⁵. Уже после смерти Мемнона персидские военачальники Фарнабаз и Автофрадат встретились на о. Сифн со спартанским царем Агисом III и предоставили ему в предверии подготовки войны против Македонии 30 талантов серебром и 10 триер (Arr. Anab., II, 13, 4, 6; 14, 6; Diod., XVII, 48, 1) — помощь, которая вполне отвечала их собственным возможностям, поскольку основные ресурсы Персии были направлены на борьбу с Александром под руководством самого царя Дария III⁶⁶. Впрочем, как известно, это практически единственный пример реального военного сотрудничества греков и персов против Александра. Контрнаступление персов постигла неудача, а крушение Персидского государства естественным образом прекратило более чем двухвековые греко-персидские контакты.

* * *

После заключения Анталкидова мира 387/6 г. до н. э. в истории Древней Греции наступил новый период, который был знаменателен многими важными событиями, явлениями и процессами, такими как кризис классического греческого полиса, обострение социальной борьбы и возрождение тираний. Во внешней же политике это было время упадка одних греческих государств и возвышения и расцвета других. На смену политическому дуализму и биполярному греческому миру, характерному для V в. до н. э., когда внешнеполитические отношения определялись борьбой двух ведущих полисов — Афин и Спарты, приходит настоящий многополярный мир.

После сражения при Левктре в 371 г. до н. э. стремительно клонится к упадку система спартанского господства в Греции, наряду с ослаблением самой Спарты. На политическую арену выходят Фивы, возглавляемые блестящими полководцами Эпаминондом и Пелопидом; в северной Греции борьбу за региональное лидерство ведут Халкидский союз, Фессалийский союз и Македония. Наконец, на политическое положение в Эгейском мире также оказывал зачительное влияние и Второй Афинский морской союз, объединивший около

⁶⁴ Дж. Моузли привел аргументы в пользу того, что один и тот же спартиат по имени Эвтикл осуществлял две дипломатические миссии в Персию (Mosley D. J. Euthycles: One or Two Spartan Envoys // CR. 1972. Vol. 22. № 1. P. 187–189). Однако, на мой взгляд, более обоснованным выглядит мнение о том, что Эвтикл — посол к Дарию III в 333 г. до н. э. был ближайшим родственником другого Эвтикла — посла к Артаксерксу II в 368/7 г. до н. э. (следует принять во внимание временной интервал между двумя миссиями — 35 лет!) (об этом см.: Niese B. Euthycles (5) // RE. 1907. Bd. 11. Sp. 1506–1507).

⁶⁵ Персы сумели захватить Кос, Хиос, Лесбос, Тенедос, Андрос, Сифну и ряд других эллинских островов (Arr. Anab. II. 1–2; Diod., XVII, 29, 2–4; 31, 3; Curt., IV, 1, 37). Об этих действиях персидского флота и о пропаганде персов см.: Холод М. М. Персидская политическая пропаганда... С. 31–34; Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда. С. 55–65 (раздел написан М. М. Холодом).

⁶⁶ О персидско-спартанском сотрудничестве при Александре см.: Маринович Л. П.: 1) Спарта времени Агиса III. С. 266; 2) Греки и Александр Македонский. С. 141–142; Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда. С. 58. Прим. 54.

60 материковых и островных полисов и ставший одним из крупнейших образований Греции. Преодоление традиционных противоречий между Афинами и Спартой и создание совместного антифиванского союза в 370/69 г. до н. э. как нельзя лучше отражало изменение приоритетов во внешней политике ведущих государств Эллады.

В 370-е гг. до н. э. международное положение Персидской державы Ахеменидов оставалось достаточно устойчивым. К тому времени персы сумели успешно завершить Кипрскую войну и сосредоточили все усилия на задаче возвращения Египта. Греко-персидские отношения в указанный период главным образом определялись условиями Анталкидова мира 387/6 г. до н. э., согласно которым Персия получила известное превосходство над греческими государствами. И даже афиняне, которые считали этот мир навязанным им спартанцами, в некоторых официальных документах выказывали неременное уважение к условиям договора (например, в афинской псефизме о союзе с Хиосом 384/3 г. и в декрете об основании Второго Афинского морского союза 378/7 г. до н. э.). Наконец, в отмеченный период в Греции состоялось возобновление условий Анталкидова мира в Спарте в 375/4 и 372/1, в Афинах в 371/0 г. до н. э., инициатором которых был Великий царь Персии.

В 360-е гг. до н. э. ситуация в греко-персидских отношениях решительным образом изменяется. Указанные годы стали временем политической нестабильности для Персии, в течение которого сама целостность государства Ахеменидов оказалась под угрозой из-за многочисленных восстаний как персидских сатрапов, так и племен и народов в ее составе. В это время между греками и Персидской империей Ахеменидов устанавливается подлинное равновесие сил. Прежде всего постепенно сходит на нет то превосходство, которым обладала Персия над греческими государствами после Анталкидова мира. Все дипломатические попытки персов восстановить пошатнувшееся влияние на ход греческих дел оканчиваются безрезультатно (миссия Филиска в Грецию и переговоры в Дельфах в 369/8 г. до н. э., переговоры в Сузах 367/6 г. до н. э., поддержка попеременно спартанцев и фиванцев и т. п.). К концу 360-х гг. до н. э. авторитет персидского царя в греческом мире был уже столь низок, что к заключению всеобщего мира 362/1 г. до н. э. персидская сторона оказалась вовсе не причастной. Для греков же в то время решительно встал вопрос об их отношении к Великому восстанию сатрапов: сохранят ли они нейтралитет, примут ли сторону царя или же присоединятся к мятежным сатрапам? И здесь отчетливо проявилась позиция каждого из ведущих греческих государств: Спарта офици-

ально приняла сторону восставших, Афины предпочли сохранять нейтралитет, а Фивы были на стороне персидского царя. Вообще надо заметить, что в отмеченный период греко-персидские отношения находились в такой тесной взаимосвязи, что какие-либо крупные события в одной из частей ойкумены немедленно находили отклик в другой. При этом значительную роль играла дипломатия, которая со времени Анталкидова мира и до начала македонской экспансии на Восток оставалась единственным средством осуществления политических контактов.

Поражение Великого восстания сатрапов не покончило с мятежными устремлениями персидских наместников. Новый период дипломатической активности греков и персов начался после 351 г. до н. э. во время организации очередных персидских экспедиций, направленных на возвращение Египта под власть Персии, после нескольких более ранних безуспешных попыток сломить сопротивление египтян. Здесь также отчетливо проявились расхождения в позициях различных греческих государств: если афиняне и спартанцы официально отказались направить свои контингенты в Персию, то фиванские и аргосские отряды участвовали в персидских кампаниях против Египта.

К концу 340-х гг. до н. э. политика Филиппа II на Балканах принудила греческие полисы приостановить собственные распри и думать не только о сплочении перед возрастающей мощью Македонии, но и о поиске помощи извне. Это приводит к новому повороту в греко-персидских отношениях, который характеризовался, с одной стороны, сближением Персии и греческих противников Македонии (прежде всего Афин и Фив), а с другой — все возрастающей враждой Персии и Македонии. Новый раунд греко-персидского дипломатического взаимодействия не прекратился даже с поражением при Херонее и возникновением Коринфского союза. И только крушение Персидской державы Ахеменидов в ходе восточного похода Александра Македонского поставило точку в более чем двухсотлетней истории греко-персидских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение эволюции греко-персидских дипломатических отношений позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, как это вполне очевидно, процесс дипломатического сближения греческого мира и Персии был фактически неизбежен. Это было обусловлено самим фактом двухвекового естественного соседства греков и Ахеменидской державы. Как греки, так и персидский царь и сатрапы, безусловно, проявляли взаимный интерес к такого рода контактам, о чем, например, свидетельствует довольно интенсивный обмен дипломатическими миссиями с середины VI по середину IV в. до н. э.

Начальный период греко-персидских дипломатических отношений начинается с возникновения Персидской державы в середине VI в. до н. э. и продолжается фактически до первых походов персов против балканских греков в 492 и 490 гг. до н. э. Этот период характеризуется тем, что персидские монархи, проводившие в тот период активную завоевательную политику, в отношениях с греками, даже на дипломатическом поприще, всегда стремятся выступать с позиций силы, как о том свидетельствуют самые первые контакты (с малоазийскими греками, Спартой и Афинами, с другими греческими полисами посредством миссий глашатаев с требованием земли и воды как символов покорности). Однако отсутствие до определенного момента непосредственной угрозы Балканской Греции со стороны персов во многом объясняет довольно осторожную и в ряде случаев непоследовательную политику Афин и Спарты. Причем, если спартанцы, первоначально заявившие о себе как о враге Персии, стремились в дальнейшем избежать осложнения отношений с самой могущественной на тот момент державой Востока, то афиняне проделали обратную эволюцию: после неудачных попыток заключить союз с персами на выгодных для себя условиях, афиняне все более втягиваются в войну с Персией, выражением которой

был неудачный поход Мардония против Греции в 492 г. до н. э. и битва при Марафоне.

В период наиболее ожесточенной конфронтации ряда греческих полисов с Персией — Греко-персидских войн — имели место оживленные дипломатические контакты, которые со стороны персов были направлены на поиск союзников в Греции (в том числе и при помощи «дипломатии золота»), а со стороны эллинов — на поиск мирного урегулирования конфликта (деятельность спартиата Павсания, дипломатическая миссия Каллия). В этой политической ситуации проявились различия в подходах к отношениям с Персией среди различных греческих государств: одни покорились под угрозой военной силы (острова, многие племена Средней Греции), для других покорность персам был вполне осознанным выбором (правлящие круги Фессалии, Фив, Аргоса), третьи — выбрали путь сопротивления персам; однако, даже среди последних «степень вражды» к персам была далеко не одинакова (наиболее явно она проявляется у афинян, и в гораздо меньшей степени — у спартанцев). И эти различные подходы на десятилетия определили характер дипломатических контактов тех или иных греческих полисов с персами. Каллиев мир 449 г. до н. э. завершает период военных действий между Афинами и Персией.

Пелопоннесская война способствовала дальнейшему укреплению греко-персидских отношений, которые проявились в том, что Персия перестает быть индифферентной державой по отношению к политической жизни в Балканской Греции. Именно эта война, принявшая невиданный прежде в греческой истории размах, вынуждала греков, и прежде всего афинян и спартанцев, обратиться к помощи и ресурсам Персии. В политическом отношении в этот период Афины и Спарта представляли два крупных военно-политических образования (Афинский морской союз и Пелопоннесский союз соответственно). Поэтому договоры, заключенные этими государствами, имели более весомое политическое значение, чем, например, те, которые заключал с персами какой-либо отдельный греческий полис (в частности, Аргос, проводивший самостоятельную политику к Персии и связанный традиционной дружбой с персидским царем). Важным шагом на пути к укреплению греко-персидских отношений был Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией в конце 420-х гг. до н. э. Этот договор, установивший «вечную дружбу» афинян с персидским царем, показал, что афиняне впервые со времени Греко-персидских войн выбрали политику сотрудничества со своим прежним врагом — Персидской державой. Эпиликов мирный договор не имел

продолжительного действия, поскольку не устранял противоречий, существовавших между Афинами и Персией, поэтому его последствия не смогли реализоваться в полной мере. Но он наметил основные подходы к сближению эллинов и персов и послужил примером для противников Афин, и прежде всего для Спарты. Именно Спарта на заключительном этапе Пелопоннесской войны развернула активную деятельность по установлению договорных отношений с Персией и последовательно заключила в 412–411 гг. до н. э. несколько соглашений с персидским царем и сатрапами (договоры Халкидеа, Феримена и Лихаса). Внутреннее содержание договоров Спарты и Персии показывает, что спартанцы в поисках персидской военной и финансовой помощи готовы были пойти навстречу ряду персидских требований и выступить гарантом соблюдения интересов Персии в Малой Азии и Эгейде. Наблюдается тенденция к возникновению среди государств Греции, несущих значительные расходы в войне, зависимости от персидского золота.

После денонсации Эпиликова мирного договора и поддержки афинянами мятежа Аморга в Малой Азии персидский царь Дарий II отдавал неизменное предпочтение спартанцам. Однако спартано-персидское сотрудничество в период Пелопоннесской войны осложнялось тем, что условия соглашений не соблюдались в полной мере обеими сторонами. Персидский царь и сатрапы нерегулярно и не полностью платили предусмотренное условиями соглашений жалование пелопоннесским войскам в Малой Азии. Надежды спартанцев на военную помощь в борьбе с афинянами также не оправдались. Крупный финикийский флот, обещанный спартанцам по условиям третьего договора, так и не появился в Эгейском море. Все эти обстоятельства способствовали тому, что Спарта предпринимала усилия для заключения нового договора с персами, взамен утративших силу прежних. Результатом усилий спартанской дипломатии был договор Беотия, который действовал до конца войны.

Поражение Афин в Пелопоннесской войне в 404 г. до н. э. завершает определенный этап борьбы за гегемонию в Греции. Спарта, взяв на себя роль гегемона греческого мира, вступила в непосредственный конфликт со своим бывшим союзником Персией, вылившийся в шестилетнюю Спартано-персидскую войну. В начальный период войны особое значение получает проблема малоазийских греков. В разные периоды развития греко-персидских отношений интересы малоазийского эллинизма были противоречивы: лавирование между Афинами и Спартой, обращение к помощи персов в борьбе с гегемонией одной из ведущих держав греческого мира,

проведение политики, направленной на обеспечение собственной независимости.

Спартано-персидская война имеет целый ряд особенностей, которые отличают ее от всех прежних греко-персидских конфликтов. Прежде всего, в этой войне отсутствовали крупномасштабные военные действия: с обеих сторон война велась ограниченными силами. Другой особенностью этой войны было то, что обе стороны отдавали предпочтение перемириям и избегали по возможности активных военных действий в Азии. Как становится очевидно, даже во время войны у враждующих сторон продолжала существовать надежда разрешить противоречия дипломатическими средствами.

Особо необходимо подчеркнуть роль спартанской пропаганды в войне с Персией. Спартано-персидская война проходила под лозунгом освобождения малоазийских греческих городов от персидской власти. Для придания этой войне панэллинского характера спартанцы использовали в своей пропаганде и мифологические сюжеты (например, в случае с жертвоприношениями Агесилая в Авлиде). Именно Спартано-персидская война начала IV в. до н. э. послужила предпосылкой всех последующих событий, приведших к заключению Анталкидова мира. Она привела, в частности, к активизации персидской дипломатии в направлении Греции. Поездка Тимократа Родосского с золотом в Грецию, предшествующая Коринфской войне, свидетельствует об укреплении влияния Персии на внутривосточную жизнь греческих полисов (не только Афин, но и Фив, Аргоса и Коринфа). Персидское золото, привезенное Тимократом, явилось одним из факторов, придавших решимости противникам спартанской гегемонии взяться за оружие и открыто выступить против Спарты.

Дипломатические переговоры периода Коринфской войны 394–386 гг. до н. э. показывают, что греки под давлением обстоятельств начинают воспринимать Персию в качестве посредника в урегулировании межполисных конфликтов. В этот период двусторонние переговоры, характерные для греческой дипломатии по отношению к Персии в V в. до н. э., начинают перерастать в конференции враждующих государств, проходившие при участии персидской стороны или непосредственно инициированные персами. В этих переговорах принимали участие как спартанцы, так и противники Спарты по Коринфской коалиции — Афины, Фивы, Аргос и Коринф. По условиям Анталкидова мира греки вынуждены были доверить персидскому царю право выступать в качестве гаранта соблюдения мирного договора. Анталкидов мир был важным дипломатическим успехом Персии в отношениях с греками.

В период после заключения Анталкидова мира и до Коринфского конгресса 338 г. до н. э. персы стремятся оказывать влияние на политическую жизнь греков. В этой ситуации эллины, нуждаясь в финансовых и военных ресурсах Персии, сознательно допускают участие царя и сатрапов в межполисных конфликтах последней четверти IV в. до н. э. — либо как союзников одного из греческих государств (афинян, спартанцев или фиванцев), либо же в роли третьей стороны в делах греков (роль царя в возобновлении условий Анталкидова мира). Наконец, перед лицом македонской угрозы для противников укрепления гегемонии Филиппа II в греческом мире было вполне естественным обратиться за поддержкой к Персии.

В то же время не следует думать, что греко-персидские дипломатические отношения в тот период представляли собой полную идиллию. Такими могли быть связи с персами разве что только тех полисов, которые славились своим традиционным персофильством, восходящим еще к периоду Греко-персидских войн; но они поддерживали контакты с персами весьма эпизодически (об отношениях аргосцев и фиванцев с персами известно не так много, но даже сохранившиеся сведения показывают, что эти отношения были также подвержены изменениям). В случае же с Афинами и Спартой дело обстояло несколько иначе. Прежде всего обращает на себя внимание, что политика двух ведущих греческих полисов по отношению к Персии продолжала отличаться определенной непоследовательностью, и за дипломатическим сближением следовали осложнения в отношениях. Отчасти они были связаны с вмешательством греков во внутренние дела Персидской державы, и это вмешательство равным образом было традиционно присуще как Афинам (свидетельством чему является в прошлом открытая поддержка Ионийского восстания, мятежей Инара и Амиртея в Египте, выступлений Зоппира, сына Мегабиза, и Аморга, сына Писсуфна, войны Эвагора Саламинского и др.), так и Спарте (военная поддержка выступления Кира Младшего и Великого восстания сатрапов).

Основная же причина этой непоследовательности афинян и спартанцев, как представляется, была идеологического свойства: эхо Греко-персидских войн, способствовавших росту панэллинской сплоченности и возникновению эллино-варварской поляризации в общественном сознании греков, периодически давало о себе знать при обсуждении и принятии решений по вопросам политических отношений с Персией и влияло на позицию как основной массы граждан, так и ведущих политических деятелей в Афинах и Спарте. В то же время даже сам факт греко-персидского сотрудничества, несомнен-

но, должен был вызывать протест представителей греческой интеллигентной и политической элиты и во многом способствовать зарождению в конце V — середине IV в. до н. э. идеологической доктрины панэллинизма — идеи, согласно которой греки должны примириться и выступить единым фронтом «в походе возмездия» против раздираемой мятежами Персидской державы. Хотя идеология не всегда адекватна политической реальности, идеи панэллинизма, безусловно, стали реальным руководством к действию в обосновании войны против Персии для ряда выдающихся политических деятелей Эллады IV в. до н. э. — Агесилая, Филиппа II, а также и Александра Македонского.

Между тем персидские цари и сатрапы, в свою очередь, реагировали на частые изменения в политике греков по отношению к Персии проведением соответствующего внешнеполитического курса, направленного на то, чтобы, как считали уже современники, уравновешивать и истощать греков во время их межполисных конфликтов, попеременно поддерживая то одну, то другую противоборствующую сторону. Конечно, после заключения Каллиева мира 449/8 г. до н. э. на повестке дня в персидской внешней политике уже не стоял вопрос о политическом подчинении греческого мира; тем не менее персы в отношениях с греками стремились отстаивать свои интересы, которые сводились как минимум к возвращению под власть Ахеменидов греческих полисов Малой Азии, из-за чего проблема малоазийских греков, ставшая одной из ключевых в греко-персидских отношениях с момента крушения Лидийского царства, особенно обостряется в конце V — начале IV вв. до н. э. и, наконец, находит дипломатическое разрешение в условиях Анталкидова мира.

Восточный поход Александра Македонского привел к крушению Ахеменидской державы и естественным образом подвел черту под двухвековой историей греко-персидских отношений.

Приложения

1. Список греческих и персидских дипломатических миссий

1. Посольство ионийских и эолийских греков в Сарды в 546 г. до н. э. и переговоры с Киром в отношении их статуса (Hdt., I, 141; Diod., IX, 35, 1–3).
2. Поездка спартанского глашатая Лакрина в Сарды в 545 г. до н. э. и переговоры с Киром Великим в отношении статуса греков Малой Азии (Hdt., I, 152–153).
3. Посольство из семи персов к македонскому царю Аминте I ок. 510 г. до н. э. с требованием земли и воды (Hdt., V, 17–21; Just., VII, 3, 1).
4. Афинское посольство в Сарды и переговоры с сатрапом Артаферном в 507 г. до н. э. о заключении афино-персидского союза против Спарты (Hdt., V, 73).
5. Второе афинское посольство в Сарды и переговоры с Артаферном по поводу пребывания в Персии изгнанного афинского тирана Гиппия, сына Писистрата в 500 (?) г. до н. э. (Hdt., V, 96).
6. Миссия персидских глашатаев в Грецию по приказу Дария I с требованием земли и воды в 492/1 г. до н. э. Убийство глашатаев в Спарте и Афинах (Hdt., VI, 48–49; VII, 32, 133).
7. Миссия спартанцев Сперфия и Булиса в Спарту между 486 и 481 (?) гг. до н. э. под предлогом искупления за убийство спартанцами персидских глашатаев в 491 г. до н. э. (Hdt., VII, 134–136).
8. Посольство от Алевадов из Фессалии ко двору персидского царя Ксеркса в 485 г. до н. э. с призывом к походу в Грецию (Hdt., VII, 6).
9. Миссия персидских глашатаев в Грецию по приказу Ксеркса с требованием земли и воды в 481 г. до н. э. (кроме Спарты и Афин) (Hdt., VII, 32, 132–133; Diod., XI, 2, 3; Paus., III, 12, 7; Plut., Them, 6).
10. Прибытие персидского глашатая от Ксеркса в Аргос и переговоры о заключении договора о дружбе в 481 г. до н. э. (Hdt., VII, 150).
11. Миссия македонского царя Александра I Филэллина в Афины по поручению сатрапа Мардония с предложением мира и союза афинянам и предложением в дар 10 000 талантов в 479 г. до н. э. (Hdt., VIII, 140–144; Aristod., FGrHist., 104, F. 1 = P. Оху., XXVII, 2469; Isocr., IV, 94).
12. Миссия геллеспонтийца Мурихида на о. Саламин по поручению сатрапа Мардония с предложением мира и союза афинянам в 479 г. до н. э. (Hdt., IX, 4).

13. Миссия Арфмия Зелейского в Пелопоннес (Спарту) по поручению царя Ксеркса с персидским золотом в 480–479 гг. до н. э. (?) (Dem., IX, 41; XIX, 272; Din., II, 24–25; Aesch., III, 258–259; Schol. Aesch. Persae, sch. hyp. 15; Index Lect. Gott. 1884 p. 10 = Craterus, FGrHist., 342. F. 14).
14. Миссия Мегабаза в Спарту с царским золотом по поручению царя Артаксеркса I в 456 г. до н. э. (?) с предложением спартанцам совершить вторжение в Аттику и побудить афинян вывести войска из Египта (Thuc., I, 109, 4; Diod., XI, 74, 6).
15. Посольство в Афины, направленное с Кипра сатрапами Артабазом и Мегабизом, с предложением заключить мирный договор с афинянами (Каллиев мир) в 450 г. до н. э. (Diod., XII, 4, 5).
16. Посольство аргосцев в Сузы в 449/8 г. до н. э. с намерением возобновить дружбу с Артаксерксом I, которая существовала у аргосцев с Ксерксом (Hdt., VII, 151).
17. Посольство Каллия, сына Гиппоника, в Сузы в 449/8 (?) г. до н. э. и заключение Каллиева мира с Артаксерксом I (Hdt., VII, 151; Diod., XII, 4, 5).
18. Поездка афинского посла Перилампа, друга Перикла, в Персию в 440–е гг. до н. э. (точная цель неизвестна) (Plato. Charm. 158a).
19. Посольство Диотима, сына Стромбиха, в Сузы в 440–е гг. до н. э. (цель неизвестна) (Damastes FGrHist. 5. F. 8 = Strabo, I, 3, 1).
20. Афинское посольство в Персию в 430–420-е гг. до н. э., упомянутое Аристофаном, с поручением привезти персидское золото в Афины (состав неизвестен) (Ar. Ach., 65–67).
21. Направление афинянина Мегакла (V) в качестве посла в Персию (Экбатаны: Ar. Ach., 613 cum schol.).
22. Посольство пелопоннесцев в Персию в 430 г. до н. э. с намерением договориться о персидской помощи во время Пелопоннесской войны; перехвачено и казнено афинянами (спартанцы Николай и Анерист, коринфянин Аристей, тегеец Тимагор, аргосец Поллид) (Hdt., VII, 137; Thuc., II, 67, 1–4).
23. Миссия Артаферна в Спарту в 425 г. до н. э. по поручению царя Артаксеркса I с предложением спартанцам направить собственное посольство в Персию. Перехвачена афинянами (Thuc., IV, 50, 1–2).
24. Спартанское посольство в Персию в 420-е гг. до н. э., упомянутое Аристофаном (состав неизвестен) (Ar. Ach., 645–651).
25. Афинское посольство в сопровождении перса Артаферна в Персию в 425 г. до н. э., вернувшееся назад после получения известий о смерти Артаксеркса I (состав неизвестен) (Thuc., IV, 50, 1–3).
26. Посольство Эпилика, сына Тисандра, в Персию после 423 г. до н. э. и заключение Эпиликова мирного договора с Дарием II (Andoc., III, 29).
27. Посещение Спарты послом сатрапа Тиссаферна в 413 г. до н. э. с предложением условий спартано-персидского союза против афинян (Thuc., VIII, 5, 5).
28. Посещение Спарты посланцами сатрапа Фарнабаза — мегарцем Каллигитом, сыном Лаофонта, и кизикенцем Тимагором, сыном Афинагора, в 413 г. до н. э. с предложением спартано-персидского союза против афинян при посредничестве Фарнабаза (Thuc., VIII, 6, 1).
29. Афинское посольство в Сарды во главе с Писандром в 411 г. до н. э. и переговоры с сатрапом Тиссаферном о заключении афино-персидского соглашения (Thuc., VIII, 56, 1–4).

30. Поездка «двуязычного» карийца Гавлита в Спарту по поручению Тиссаферна с целью защитить репутацию сатрапа перед спартанскими властями в 411 г. до н. э. (Thuc., VIII, 85, 2).
31. Спартанское посольство в Сузы (?) во главе с Беотием после 410 г. до н. э. и заключение договора Беотия (?) (Xen., Hell., I, 4, 2).
32. Совместная дипломатическая миссия греков в Персию в 409 г. до н. э., возвратившаяся из Азии после получения известия об успехе посольства Беотия (афиняне Дорофей, Филодик, Феоген, Эвриптолем и Мантифей, аргосцы Клеострат и Пирролох, спартанский посол Пасиппид и др., сиракузские Гермократ и Проксен) (Xen., Hell., I, 3, 13).
33. Афинское посольство к царевичу Киру Младшему в 407 г. до н. э. с намерением убедить его стать союзником афинян (Xen., Hell., I, 5, 9).
34. Посольство Кира Младшего в Спарту с целью просить возвращения Лисандра на должность командира флота в 405 г. до н. э. (Xen., Hell., II, 1, 7).
35. Посольство Кира Младшего в Спарту с просьбой к спартанцам оказать помощь в войне против брата царя Артаксеркса II в 402/1 г. до н. э. (Xen., Hell., III, 1, 1).
36. Спартанское посольство к сатрапу Тиссаферну в 400 г. до н. э. с намерением удержать его от военных действий против греческих полисов Ионии и Эолиды (Diod., XIV, 35, 6).
37. Поездка медика Ктесия Книдского в Спарту по поручению царя Артаксеркса II в 398/7 г. до н. э. с намерением доставить какие-то письма спартанцам (Ctesias, FGrHist, 688, F. 30).
38. Поездка афинских послов Гагния и Телесагора в Персию в 398/7 г. до н. э.; перехвачены и казнены спартанцами (Harpocr. s.v. Ἀγνίας = Androt., FGrHist., 324, F. 18; Philoch., FGrHist., 328, F. 147; Isaeus, XI, 8).
39. Поездка спартанских послов в Сузы к Артаксерксу II и их арест при персидском дворе в 398/7 г. до н. э. (Ctesias, FGrHist., 688, F. 30).
40. Поездка родосца Дориса в Пелопоннес по поручению персидских властей с целью антиспартанской агитации и его казнь в Спарте в 396 г. до н. э. (Androt., FGrHist., 324, F. 46 = Paus., VI, 6, 6).
41. Миссия Тимократа Родосского с царским золотом в размере 10 000 дариков (50 талантов серебром) в Грецию по поручению хилиарха Тифравста и сатрапа Фарнабаза с намерением подкупа политиков в Афинах, Фивах, Аргосе и Коринфе и антиспартанской агитации в 395 г. до н. э. (Xen. Hell., III, 5, 1; Hell. Oxy., X, 5; XIX, 1 Polyae., I, 48, 3; Plut. Ages., 15, Artax., 20, 3, Lys., 27, Mor., 211B; Paus., III, 9, 8).
42. Поездка афинских послов Эпикрата и Формисия в Персию в 394/3 г. до н. э. (Plato Comicus. CAF. I. F. 119, 208; Heges. ap. Athen., VI, 58, P. 251 a-b; Plut., Pel., 30, 12).
43. Дипломатическая миссия спартанца Анталкида в Сарды в 393/2 г. до н. э. (Xen., Hell., IV, 8, 12).
44. Совместная дипломатическая миссия греков в Сарды в 393/2 г. до н. э. (Конон и афинские послы Гермоген, Дион, Каллисфен и Каллимедонт, послы беотийцев, Коринфа и Аргоса) (Xen., Hell., IV, 8, 13–15). Неудавшиеся переговоры о заключении мира в период Коринфской войны.
45. Посольство Анталкида в Сузы и заключение спартано-персидского союза «на вечные времена» в 387 г. до н. э. (Xen., Hell., V, 1, 25; Diod., XIV, 110, 2–3; Plut., Artax., 21–22; Pel., 30; Aelian., VH, XIV, 39; Athen., II, 31).
46. Совместная дипломатическая миссия эллинов в Сарды в 387 г. до н. э., предшествующая заключению Анталкидова (Царского) мира (состав неизвестен) (Xen. Hell. V. 1. 31–32).
47. Персидское посольство в Афины от сатрапа Фарнабаза с предложением прислать Ификрата в качестве командира наемников в кампании против Египта в 378 г. до н. э. (Diod., XV, 29, 3–4).
48. Персидское посольство в Грецию по поручению царя Артаксеркса II с призывом к заключению «всеобщего мира» на условиях Анталкидова мира в Греции в 375/4 г. до н. э. (Diod., XV, 38, 1–2).
49. Персидское посольство в Грецию по поручению царя Артаксеркса II с призывом к заключению «всеобщего мира» на условиях Анталкидова мира в Греции в 372/1 г. до н. э. (Diod., XV, 50, 4).
50. Посольство Анталкида в Персию в 372/1 г. до н. э. и возобновление Анталкидова мира (Xen., Hell., VI, 3, 12).
51. Дипломатическая миссия Диомедонта из Кизика в Грецию по поручению царя Артаксеркса II с царским золотом в сумме 30 000 дариков и переговоры с Эпаминондом в Сузах и Хабрием в Афинах в 370–360-е гг. до н. э. (Nep. Epam, 4; Plut., Mor., 193 c; Ael., VH., V, 5).
52. Дипломатическая миссия Филиска по поручению царя Артаксеркса II и сатрапа Ариобарзана и переговоры в Дельфах о заключении всеобщего мира в 369/8 г. до н. э. (Xen., Hell., VII, 1, 27; Diod., XV, 70, 2).
53. Поездка спартанского посла Эвтикла в Сузы в 368/7 г. до н. э. (Xen., Hell., VII, 1, 33).
54. Совместное посольство греков в Сузы в 368/7 г. до н. э. и переговоры с царем Артаксерксом II о заключении всеобщего мира в Греции (фиванцы Пелопид и Исмений, сын Исмения, афиняне Тимагор и Леонт, аркадянин Антиох, элеец Архидам) (Xen., Hell., VII, 1, 33–40; Plut., Pel., 30, Artax., 22; Dem., XIX, 137, 191; Suid. s.v. Τίμαχόρας).
55. Визит персидского посланца в Фивы с намерением добиться присяги собравшимися представителями греческих полисов условиям согласованного в Сузах в 367/6 г. до н. э. «всеобщего мира» на персидско-фиванских условиях (Xen., Hell., VII, 1, 39).
56. Предполагаемое афинское посольство в Персию в 366/5 г. до н. э. (Xen., Hell., VII, 1, 37; IG. II². 141 = Tod. II, 139, сткк. 3–4?).
57. Персидское посольство в Грецию по поручению царя Артаксеркса II и заключение «всеобщего мира» в 366/5 г. до н. э. (Diod., XV, 76, 3).
58. Поездка спартанца Каллия в Персию в 360-е гг. до н. э. (Xen., Ages., VIII, 3; Plut., Ages., 23, 10).
59. Неофициальный визит в Спарту посланца царя Артаксеркса II к спартанскому царю Агесилаю с предложением дружбы и союза гостеприимства в 360-е гг. до н. э. (Xen., Ages., VIII, 3; Plut., Ages., 23, 10).
60. Посольство в Грецию от восставших сатрапов с призывом к грекам принять участие в Великом восстании сатрапов в 362/1 г. до н. э. (Tod. II, 145, стк. 4).
61. Последняя дипломатическая миссия спартанца Анталкида в Персию в 362/1 г. до н. э. (Plut., Artax., 22).

62. Персидское посольство в Афины с требованием отзыва стратега Хареса, который поддержал восстание сатрапа Артабаза против царя Артаксеркса III в 356 г. до н. э. (Diod., XVI, 22, 2; FGrHist., 105, F. 4).
63. Посольство фиванцев в Персию с просьбой финансовой помощи в 351/0 г. до н. э. Получение 300 талантов (Diod., XVI, 40, 1).
64. Посольство царя Артаксеркса III в 351/0 г. до н. э. с призывом к грекам принять участие в военной экспедиции против Египта (Diod., XVI, 44, 1).
65. Посольство в Афины царя Артаксеркса III в 344/3 г. до н. э. с предложением афинянам «сохранить отеческую дружбу» (Didym. in Demosth., X, 34, col. VIII, 8 = Philoch., FGrHist., 328, F. 157; Androton., FGrHist., 324, F. 53; Anaximen., FGrHist., 72, F. 28).
66. Прибытие персидского посольства в Македонию ко двору царя Филиппа II в 340-е гг. до н. э. (Plut., Alex., 5; Mor., 342B).
67. Поездка афинского посла Эфиальта в Персию в 340 (?) г. до н. э. и переговоры с Артаксерксом III с намерением получить финансовую помощь в войне против Филиппа II (Ps-Plut. Vit. X Or. 847F, 848 E).
68. Афинское посольство в Персию к Дарию III с просьбой финансовой помощи в войне против Филиппа II; отказ царя в предоставлении денежных средств (Aesch., III, 238).
69. Совместное посольство в Персию к Дарию III в 333 г. до н. э. (спартанец Эвтикл (2), фиванцы Фессалиск, сын Исмения и Дионисодор, афинянин Ификрат, сын Ификрата), попавшее в плен к Александру Македонскому в Дамаске после битвы при Иссе (Aтг. Anab. II. 15. 2–5).
70. Совместное посольство к Дарию III в 330 г. до н. э. (спартанцы Каллистратид, Павсипп, Мониом, Ономант и афинянин Дропид) (Aтг., III, 24, 4; Curt., III, 13, 15), попавшее в плен к Александру в Гиркании.

2. Хронологическая таблица событий из истории греко-персидских отношений

558–530 гг. до н. э.	Царствование Кира II Великого в Персии
550 г. до н. э.	Союз лидийского царя Креза и спартанцев
547/6 г. до н. э.	Покорение персами Лидийского царства
546/5 г. до н. э.	Персидское завоевание малоазийских греков
530–522 г. до н. э.	Царствование Камбиза, сына Кира, в Персии
525 г. до н. э.	Завоевание Камбизом Египта
522 г. до н. э.	Государственный переворот в Персии. Правление мага Гауматы
522–486 г. до н. э.	Царствование Дария I в Персии
516–512 г. до н. э.	Подчинение Дарием I Фракии, Македонии и Фессалии
	Скифский поход
508/7 г. до н. э.	Попытка заключения афино-персидского союза
499–494 гг. до н. э.	Ионийское восстания против Дария I
492 г. до н. э.	Неудачный поход Мардония против Балканской Греции

491 г. до н. э.	Персидские требования земли и воды у греков в пользу Дария I
490 г. до н. э.	Поход Датиса и Артаферна против Эретрии и Афин
	Афинская победа при Марафоне
486–465 г. до н. э.	Царствование Ксеркса в Персии
481 г. до н. э.	Возникновение Эллинского союза против персов
480–479 гг. до н. э.	Великий поход Ксеркса против Греции
480 г. до н. э.	Сражения при Фермопилах, Артемисии и Саламине
479 г. до н. э.	Сражения при Платеях и м. Микале
478 г. до н. э.	Захват эллинами Сеста. Экспедиция на Кипр
478/7 г. до н. э.	Возникновение Делосского союза против персов
477–460 г. до н. э.	Контакты спартиата Павсания, сына Клеомброта, с персами
476/5 г. до н. э.	Захват Кимоном Эйона на р. Стримоне
ок. 466 г. до н. э.	Победа Кимона над персами в сражении при Эвримедонте
465–425/4 г. до н. э.	Царствование Артаксеркса I Макрохейра в Персии
ок. 462/1–	Восстания Инара и Амиртея в Египте. Афинские
456/5 г. до н. э.	экспедиции на Кипр, в Финикию и Египет
ок. 455/4 г. до н. э.	Поражение афинян в Египте
454 г. до н. э.	Трансформация Делосского союза в Афинский морской союз (перенесение общесоюзной казны с Делоса в Афины)
451/0 г. до н. э.	Экспедиция Кимона на Кипр. Возобновление войны в Египте против персов
449/8 г. до н. э.	Каллиев мир между Афинами и Персией
448 г. до н. э.	Проект созыва панэллинского конгресса в Афинах
440-е гг. до н. э.	Мятеж Мегабиза, сына Зопира, в Персии. Бегство Зопира, сына Мегабиза, в Афины
441/0 г. до н. э.	Самосская война. Помощь сатрапа Писсуфна самосцам в войне против Афин
431–404 гг. до н. э.	Пелопоннесская война в Греции
430 г. до н. э.	Захват Колофона персами под руководством Итамана — подчиненного сатрапа Писсуфна
424/3–404 гг. до н. э.	Царствование Дария II Нота в Персии
422/1 г. до н. э.	Эпиликов мирный договор между Афинами и Персией
ок. 420 г. до н. э.	Мятеж Писсуфна, сатрапа Сард против Дария II
ок. 413 г. до н. э.	Поддержка афинянами мятежа Аморга, сына Писсуфна, в Карии
413/2 г. до н. э.	Вступление Персии в Пелопоннесскую войну на стороне Спарты
412–411 гг. до н. э.	Три договора Спарты и Персии. Спартанское сотрудничество с Тиссаферном
410–408 гг. до н. э.	Период спартанского сотрудничества с Фарнабазом в войне против афинян
408 г. до н. э.	Договор Беотия (?)
407–405 г. до н. э.	Период спартанского сотрудничества с Киром Младшим
404 г. до н. э.	Капитуляция Афин. Конец Пелопоннесской войны
404–359 гг. до н. э.	Царствование Артаксеркса II Мнемона в Персии
401 г. до н. э.	Поддержка спартанцами мятежа Кира Младшего

400–394 гг. до н. э.	Спартано-персидская война
400–399 гг. до н. э.	Кампания Фиброна в Малой Азии
399–397 гг. до н. э.	Военные действия Деркилида в Малой Азии
398 г. до н. э.	Заключение спартано-египетского союза
398/7 г. до н. э.	Назначение афинянина Конона навархом персидского флота
396–394 гг. до н. э.	Кампания Агесилая в Малой Азии
395–387 гг. до н. э.	Коринфская война в Греции
394 г. до н. э.	Персидская победа при Книде над спартанцами
393–391 гг. до н. э.	Мирные переговоры в Сардах и Спарте
391 г. до н. э.	Вторая экспедиция Фиброна в Малую Азию
390–380 гг. до н. э.	Кипрская война Эвагора Саламинского против Артаксерса II
390/89 г. до н. э.	Заключение союза афинян и Эвагора
388 г. до н. э.	Заключение афино-египетского союза
387/6 г. до н. э.	Переговоры в Сузах, Сардах и Спарте
386 г. до н. э.	Анталкидов (Царский) мир
386–384 гг. до н. э.	Персидская экспедиция против Египта
384/3 г. до н. э.	Заключение афино-хиосского союза
378/7 г. до н. э.	Образование Второго афинского морского союза
377/6 г. до н. э.	Нарушение спартанцами условий Анталкидова мира
375/4 г. до н. э.	Заключение всеобщего мира в Спарте на условиях Анталкидова мира
372/1 г. до н. э.	Заключение всеобщего мира в Спарте на условиях Анталкидова мира
370/69 г. до н. э.	Заключение всеобщего мира в Афинах на условиях Анталкидова мира
369/8 г. до н. э.	Провал мирных переговоров в Дельфах
367/6 г. до н. э.	Мирные переговоры в Сузах и неудавшаяся попытка заключения всеобщего мира на фивано-персидских условиях
366/5 г. до н. э.	Афинская поддержка мятежа Ариобарзана против царя Артаксеркса II
366/5 г. до н. э.	Заключение всеобщего мира в Фивах
362/1 г. до н. э.	Спартанская поддержка Великого восстания сатрапов. Нейтралитет афинян
362 г. до н. э.	Битва при Мантинее. Крушение системы спартанской гегемонии в Греции
361 г. до н. э.	Агесилай в Египте
359–338 г. до н. э.	Царствование Артаксеркса III Оха в Персии
359–338 г. до н. э.	Царствования Филиппа II в Македонии
356 г. до н. э.	Поддержка афинянином Харесом и фиванцем Памменом восстания Артабаза против персидского царя
346 г. до н. э.	Филократов мир в Греции
340-е гг. до н. э.	Договор Филиппа II с Артаксерксом III Охом о дружбе и союзе (?)
344–343 гг. до н. э.	Присоединение аргосцев и фиванцев к персидскому походу против Египта. Нейтралитет афинян и спартанцев

340/39 г. до н. э.	Нападение Филиппа II на Перинф и Византий. Расторжение Филократова мира и македоно-персидского союза (?)
338 г. до н. э.	Победа Филиппа II при Херонее над войсками афино-фиванской коалиции
338–336 гг. до н. э.	Правление Артаксеркса IV (Арсеса) в Персии
337 г. до н. э.	Коринфский конгресс и его решение о начале панэллинского похода против Персии
336–334 г. до н. э.	Экспедиция Пармениона и Аттала в Малую Азию
336 г. до н. э.	Убийство Филиппа II в Эгах
336–323 г. до н. э.	Царствование Александра III Македонского
336–330 г. до н. э.	Царствование Дария III Коломана в Персии
334–323 гг. до н. э.	Восточный поход Александра Македонского
334 г. до н. э.	Победа Александра над персами на р. Граник
333 г. до н. э.	Победа Александра над персами при Иссе
331 г. до н. э.	Сражение при Гавгамелах и крушение Персидской державы. Смерть Дария III
323 г. до н. э.	Смерть Александра Македонского

3. Эпиграфические документы по истории греко-персидских отношений: тексты, перевод и комментарии

1. Клятва эллинов перед битвой при Платеях, 479 г. до н. э.

Надпись была обнаружена на территории афинского дема Ахарны в 1932 г. и впервые опубликована известным французским эпиграфистом Луи Робером (20 верхних строк той же самой стелы занимает знаменитая клятва афинских эфебов), который датировал ее последней третью IV в. (эта датировка общепринята)¹. Как известно, к настоящему времени мнения исследователей расходятся по вопросу подлинности клятвы: одни выносят негативный вердикт, считая клятву фиктивной, другие же стремятся рассматривать ее как подлинную². Текст надписи приводится по изданию: Tod, II, 204³.

¹ Robert L. *Études epigraphiques et philologiques*. Paris, 1938. P. 302–316. Cf. Tod, II, no. 204. P. 303–307; Daux G. *Serments amphictioniques et serment de Platées* // *Studies Presented to David M. Robinson*. Vol. 2. St. Louis, 1953. P. 775–782.

² Tod, II, no. 204. P. 303–307. В пользу подлинности: Raubitschek A. E. *The Covenant of Plataea* // *TPAPhA*. 1960. Vol. 91. P. 178ff; Burn A. R. *Persia and the Greeks. The Defence of the West*. Stanford, 1984. P. 512–515; Green P. *The Greco-Persian Wars: Year of Salamis*, 480–479 B. C. Berkely, 1998. P. 239–241. В пользу фальсификации: Habicht C. *Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege* // *Hermes*. 1961. Bd. 89. H. 1. S. 11ff; Flower M. A., Marincola J. *Herodotus: Histories Book IX* Cambridge, 2002. P. 323–325. Дж.

³ Кроме надписи из Ахарны, текст клятвы также сохранился в нарративных источниках — Ликурга в речи «Против Леократа» (81) и у Диодора Сицилийского (XI, 29, 1).

<...> "Ορκος ὃν ὤμοσαν Ἀθηναῖοι ὅτε ἤμελλον | μάχεσθαι πρὸς τοὺς βαρβάρους· οὐδὲν ἄν ζῶ, καὶ οὐ περὶ πλείονος | ποιήσομαι τὸ ζῆν ἢ τὸ ἐλεύθερος εἶναι, καὶ οὐκ ἀπολείψω τὸν ταξίλοχον οὐδὲ τὸν ἐνωμοτάρχην οὔτε ζῶντα οὔτε ἀποθανόντα, καὶ οὐκ ἄπειμι ἔαμ μὴ οἱ ἡγεμόνες | ἀφηγῶνται, καὶ ποιήσω ὅτι ἂν οἱ στρατηγῶι παραγγειλῶσιν, καὶ τοὺς ἀποθανόντας τῶν συμμαχεσασμένων θάψω ἐν τῷ αὐτῷ καὶ ἄθαρτον οὐδένα καταλείψω· καὶ νικήσας μαχόμενος τοὺς βαρβάρους δεκκατεύσω τὴν Θηβαίων πόλιν, καὶ οὐκ ἀναστήσω Ἀθήνας οὐδὲ Σπάρτην οὐδὲ Πλαταιᾶς οὐδὲ τῶν ἄλλων πόλεων τῶν συμμαχεσασμένων οὐδεμίαν, οὐδὲ λιμῶι περιόψομαι ἐργομένους οὐδὲ ὑδάτων ναματιάω[ν] εἶρξω οὔτε φίλους ὄντας οὔτε πολεμίους. Καὶ εἰ μὲν ἐμπεδορκοῖεν τὰ ἐν τῷ ὄρκῳ γεγραμμένα, ἢ πόλις ἢ μὴ ἄνοσος εἴη, εἰ δὲ μὴ, νοσοίη· καὶ πόλις ἢ μὴ ἀπόρητος εἴη, εἰ δὲ μὴ, πορθοίτο· καὶ φέροι ἢ μὴ, εἴ δὲ μὴ, ἀφορος εἴη· καὶ γυναικες τίκτοι· ἐοικότα γονεύσιν, εἰ δὲ μὴ, τέρατα· καὶ βосκήματα τίκτοι ἐοικότα βοσκήμασι, εἰ δὲ μὴ, τέρατα. Ταῦτα ὁμόσαντες κατακαλύψαντες τὰ σφάγια ταῖς ἀσπίσιν ὑπὸ σάλπιγγος ἄρᾳ ἐποιήσαντο, εἰ τι τῶν | ὁμομομένων παραβαίνοιεν καὶ μὴ ἐμπεδορκοῖεν τὰ ἐν τῷ ὄρκῳ γεγραμμένα, αὐτοῖς ἄγος εἶναι τοῖς ὁμόσασι.

Клятва, которую принесли афиняне, когда намеревались сражаться с варварами. ... Я буду сражаться, покуда жив, и я не посчитаю ничего выше жизни, чем быть свободным⁴, и не покину ни таксилуха, ни энотарха, ни живого, ни мертвого⁵, и я не уйду до тех пор, пока командиры не уведут, и

⁴ Οὐ ποιήσομαι περὶ πλείονος τὸ ζῆν τῆς ἐλευθερίας (Lyc., in Leocr., 81; Diod., XI, 29, 4).

⁵ В вариантах клятвы у Ликурга и Диодора говорится обобщенно о военачальниках: «... я не покину своих командиров, ни живыми ни мертвыми» (οὐδ' ἐγκαταλείψω τοὺς ἡγεμόνας οὔτε ζῶντας οὔτε ἀποθανόντας — Lyc., in Leocr., 81; οὐδὲ καταλείψω τοὺς ἡγεμόνας οὔτε ζῶντας οὔτε ἀποθανόντας — Diod., XI, 29, 4). В надписи же упоминаются несколько необычных командных должностей (на это особо обратил внимание М. Н. Тод). Трудность в интерпретации заключается в том, что термин ταξίλοχος очень редко встречается в античных текстах (вероятно, производный от τασσώ λόχος — «выстраиваю лох»). В LSJ под термином ταξίλοχος понимается командир лоха (аналог командной должности лохага). Издатели LSJ способны назвать только один пример употребления этого термина (Arist., frg. 640. 34 Rose). В то же время в словаре И. Х. Дворецкого таξίλοχος объясняется как «начальник отряда, командир» и дается ссылка на поэтические строки в Anth. Pal., упоминающие легендарного предводителя афинян в Троянской войне — Менесфея Петеида: Ταξίλοχος λαῶν, υἱὸς Πετεῶ Μενηςθεὺς ἐνθάδ' ἐνὶ κλεινῇ πατρίδι μοῖραν ἔχει (Предводитель народа, сын Петея Менесфей, здесь в славе отечества имеет счастье) (Anth. Pal., Epigr. Sepulch., 59). Ч. Форнара, однако, полагает, что термин таξίлоχος был спартанским и обозначал должность, равную таксиарху (Fornara no. 58). Целесообразно предположить, что употребление термина таξίлоχος представляет собой архаизм и может представлять дополнительный аргумент в пользу аутентичности клятвы греков. Энотарх же, определенно, командир энотии — самого мелкого подразделения спартанской армии, четвертой части

я сделаю все то, что стратеги прикажут⁶, и павших союзников я погребу и непогребенным никого не оставлю⁷, и, победив, сражаясь с варварами, возложу десятину на город фиванцев⁸, и не выступлю ни против Афин, ни против Спарты, ни против Платей, ни против кого-либо из других союзников, не допущу, чтобы испытывали голод, и не лишу проточной воды, ни тех, которые были друзьями, ни врагов⁹. И если я буду верен записанному в клятве, город мой не будет подвержен болезням, если нет, то город будет болен; и да не будет город разорен, если нет, то пусть разорен будет; и да будут плоды, если нет, то земли будут бесплодны; и женщины пусть рожают нормальных детей их родителям, если нет, то уродцев; и скот пусть

лоха (Thuc., V, 66, 3). Таким образом, в указанных строках надписи говорится о вполне конкретных спартанских (а не афинских) командных должностях, а не о греческих командирах вообще (как можно было бы первоначально предположить на основе интерпретации термина ταξίλοχος). В итоге афиняне дают клятву не оставлять своих командиров лохов и энотий!!! Правда, эти строки все же оставляют возможность для предположения, что афиняне адаптировали для себя текст клятвы, приносимой спартанцами и их пелопоннесскими союзниками перед битвой при Платеях. Это наиболее вероятное объяснение, поскольку из 110 000 греков, воевавших в союзном войске, по сообщению Геродота (IX, 28–30), только 800 были афинянами, а большинство — пелопоннессцами.

⁶ Это место клятвы не упоминается в нарративных источниках.

⁷ ἀλλὰ τοὺς ἐν τῇ μάχῃ τελευτήσαντας τῶν συμμάχων ἅπαντας θάψω (Lyc., in Leocr., 81; Diod., XI, 29, 4).

⁸ Версия клятвы, сохраненная Ликургом (in Leocr., 81), говорит обобщенно обо всех мидистах: τὰς δὲ τὰ τοῦ βαρβάρου προελομένας ἀπάσας δεκατεύσω. Надпись из Ахарны же специально отмечает Фивы при упоминании обложения десятиной сторонников персов. Платеи же, другой беотийский полис, назван в числе тех городов (Спарта и Афины), против которых принешие клятву не будут предпринимать враждебных действий после завершения войны. Таким образом, определенно, что афинская версия клятвы отражает факт вражды к Фивам и дружбу с Платеями. Почему из 50 000 греков, сражавшихся на стороне персов при Платеях, составители надписи выбрали именно фиванцев, а из всех союзных греков — платейцев? Ответ на этот вопрос совершенно не предполагает, что мы должны связать появление надписи с приоритетными направлениями внешней политики Афин в период Фиванской гегемонии в Греции — 371–362 гг. Как известно, Фивы — традиционный соперник Афин, тогда как Платеи — традиционный афинский союзник. Поэтому и в этом случае мы имеем непосредственный результат афинской адаптации клятвы.

⁹ Это место в иных версиях клятвы отсутствует. Вместо этого упоминается о решении греков не восстанавливать храмы, разрушенные персами: «И храмов сожженных и получивших урон от варваров я не восстанавливаю повсеместно, но память о произошедшем я сохранил как свидетельство нечестия варваров» (καὶ τῶν ἱερῶν τῶν ἐμπρησθέντων καὶ καταβληθέντων ὑπὸ τῶν βαρβάρων οὐδὲν ἀνοικοδομήσω παντάπασιν, ἀλλ' ὑπόμνημα τοῖς ἐπιγινόμενοις ἔασω καταλείπεσθαι τῆς τῶν βαρβάρων ἀσεβείας — Lyc., in Leocr., 81; καὶ τῶν ἱερῶν τῶν ἐμπρησθέντων καὶ καταβληθέντων οὐδὲν ἀνοικοδομήσω, ἀλλ' ὑπόμνημα τοῖς ἐπιγινόμενοις ἔασω καὶ καταλείψω τῆς τῶν βαρβάρων ἀσεβείας — Diod., XI, 29, 5).

порождает нормальное потомство, если нет, то уродцев¹⁰. Таким образом, принеся клятву и прикрыв жертвенных животных щитами, по звуку трубы они исполнили молитву, что если кто-то из поклявшихся нарушит ее и не будет следовать записанному в клятве, проклятию быть на присягнувших.

2. Афинская псефизма в честь Гераклида Клазоменского

Надпись датируется началом IV в. до н. э. Она сообщает о предоставлении почестей некоему Гераклиду за услуги, оказанные во время согласования мирного договора с Персией. Как сейчас признает большинство исследователей, Гераклид был уроженцем г. Клазомена и впоследствии стал видным политическим деятелем Афин, получил афинское гражданство, избирался стратегом (Plato, Ion, 544c; Aelian. VH., XIV, 5; Athen., XI, 506a) и после 403 г. до н. э. провел реформу оплаты за посещение народного собрания (Arist., Ath. Pol., 41,3). Документ имеет отношение к заключению афинянами Эпиликова мирного договора после 423 г. до н. э. с персидским царем Дарием II. Текст надписи дается по изданию: IG. I³. 227.

[... ψήφισμα τόδε κ]αὶ τὸ πρότερον γενόμενον Ἑρακλείδῃ | ἀναγράψαι τὸν [γραμματέα τῆς βολῆς κα]ὶ θέναι ἐν πόλει... | ἔδοξεν τῇ βολῇ [καὶ τῷ δήμῳ.....]...ῖς ἐπρυτάνευσεν, Σ[..... ἐγραμμάτευσεν, | [N]εοκλείδης ἐπεστ[άτει, ...] [εἰ]πεν Ἑρακλείδῃ [τὸν Κλαζομένιον ἀν]αγράψαι τὸν γραμμ[ατέα τῆς βολῆς προξ]ε[νο]ν καὶ εὐεργέτη[ν καθ' ὅτι ἂν τῷ δήμῳ][ι δο]κῇ καὶ θέναι ἐν πόλει, ἐπειδὴ εὖ ἐπ[ι]όησεν τὰς Ἀθηναίων [πρ]εσβείας καὶ ἐν π[ι]ασι ἀνὴρ ἐστὶ ἀγαθ[ός] εἰς τὸν δῆμον τὸν[τ] Ἀθ[η]ν[α]ίων. Θεοκυδίδης εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα κ[αὶ] ἀθά[να]τα περὶ τῇ βολῇ· ἐπειδὴ δὲ οἱ πρέσβεις. | [οἱ π]αρά βασιλέως ἦκ[οντες] ἀγγέλλοσι Ἡ[ρακλ]εῖδῃ συμπρα[τε]ν ἑαυτοῖς προθύ[μῳ] [μω]ς ἔς τε τὰ σπονδὰς {τὰς σπονδὰς} {τὰς πρὸς βασιλέα} ἔ[τε] ἄλλο ὅτι ἐπαγγέ[λειαν] εἶναι Ἑρακλε[ίδην] γῆς ἔγκτησιν κα[ὶ] οἰκίας Ἀθηνησ[ι]ν[ων] καὶ ἀ[ν]τέλειαν καθάπ[ερ] τοῖς ἄλλοις πρ[ὸς] [ο]ξένους καὶ ἐὰν πο β[ι]ασθῇ ὧν Ἀθηναῖο[ι] κρατῶσιν, π[ερὶ] αὐτῷ τ[— — — — —]

Псефизму эту и прежде принятую Гераклиду записать секретарю Совета и установить в городе. Решил Совет и Народ: ...был пританом. С... был секретарем. Неоклид председательствовал...сказал: Гераклида Клазоменца записать секретарю Совета прокшеном и эвергетом согласно решению на-

¹⁰ Тексты клятвы у Ликурга и Диодора также не содержат эти строки. Однако Диодор в другом месте (IX, 10, 5) упоминает возможно эту же клятву следующим образом: «[Греки] поклялись при Платеях передавать детям своих детей вражду к персам, до тех пор пока реки текут в море и род человеческий [существует], и земля плоды несет» — ὧμοσαν γὰρ ἐν Πλαταιαῖς παραδῶσιν παίδων παισὶ τὴν πρὸς τοὺς Πέρσας ἔχθραν, ἕως ἂν οἱ ποταμοὶ ῥέωσιν εἰς τὴν θάλατταν καὶ γένος ἀνθρώπων ἢ καὶ γῆ καρποὺς φερῇ.

рода и установить <псефизму> в городе, так как он принес пользу афинским посольствам и во всем муж хороший у народа афинян. Фукидид сказал: в остальном согласно <решению> Совета: поскольку послы от царя приходившие просили¹¹ Гераклида содействовать им с усердием в договорах с царем и в других каких-либо просьбах, иметь Гераклиду земельный участок и дом в Афинах, и ателию, как и другим прокшеном: и если когда-либо насильственной смертью умрет, быть за это наказание как и...

3. Надпись, сообщающая о посредничестве сатрапа Струфа в разрешении территориального спора между Милетом и Миунтом, ок. 392/1 г. до н. э.

Надпись была обнаружена на территории Милета и впервые опубликована в 1901 г. Документ касается разрешения спора за территорию в районе р. Меандра между Милетом и Миунтом, а также арбитраж персидского сатрапа Струфа, который принял окончательное решение в пользу милетян.

Перевод надписи дается по изданию: Tod. II, 113; принимается во внимание перевод надписи на английский язык: Harding, 24.

frg.a [---20---] Διονυσ | [---22--- πέ]μπων, ἃ χαρίζονται ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ ἐξαίρετ[ος] π[ρ]εσβ[υ]τας τῆς Ἰωνίας Στρού[ου]σης· διεφ[έ]ροντο περὶ τῆς γῆς τῆς ἐμ Μαιανδρ[ου] πεδίῳ, ὥστε ἀμφοτέρωθεν γενέσθαι | [ταῖς πόλεσι περὶ αὐτῆς] ἀμφισβητή[σας]· νῦν δὲ καὶ ἑκατέρωθεν τῆς πόλεως [ἐπι]τρεψαμένης τῷ βασιλεῖ, καὶ σ[τ]είλαντος τῷ βασιλεῖ Στ[ρού]ουσην, ὅπ[ω]ς οἱ τε τῶν Ἰωνῶν δικασταὶ συ[ν]ελθόν[τες] [---20---]vi...

frg.b [---5---]δη[---20---] | [---5---]μήδης Ἀ[---17---] | [---4---]λῶνος, Ἐρυθρά[ων] [---10---] | [---3---]άνεος, Διχόλεως Πεδιέ[ος] [---5---] | [---2---]ς Ἀπολλᾶδος, Ἐπικράτης Ἀ[---6---] | [---2---]εος, Πυθῆς Ἀνακρίτο. Χίων Σωσ[τρα]τ[ος] Κλεινίου, Ἀγγελῆς Ἰππώνακτος, [Κ]τήσιππος Εὐπτολέμο, Φάνων Ἑρμομάχο, Ἀλέξανδρος Ἰκεσίο. Κλαζομένων· Ἰσθμέριμος Θεομβρότο, Ἀρτέμων Ἀπολλωνίου, Ἀθηναγόρης Πολυάρχο, Ζήνις Εὐάνδρο, Ἡρογείτων Ἀναξίτιμο. | Λεβεδίων· Νυμφόδροτος Κάλλιω, Ἀριστετιππίδος [---5---]λεω, Δήκλος Ἀπολλωνίου, Κλεινίας Ἠγεσίωνος, Δημοκράτης Ἐγδῆλο. Ἐφεσίων· Πολυκλῆς Θεωδώρο, Πυθοκλείδης Διονύσιο, Εὐερμ[ος] Ἀθηναίο, [Εὐ]αίων Ἑρμῖω, Θεόδωρο[ς] | Ἑρακλειδέω καὶ τ[ε]θείσης τῆς δικῆς ὑπὸ Μιλησίων καὶ Μυησίων καὶ τῶμ | [μ]αρτύρων μαρτυρησάντων ἀμφοτέρωθεν τοῖς καὶ τῶν οὐρῶν ἀποδεχθέντων τῇ[ς] γῆς, ἐπεὶ ἐμελλον οἱ δικασταὶ δικᾶν τὴν δίκην, ἔλιπον τὴν δίκην Μυή[σι]ο[ι]. οἱ

¹¹ Под «царем» здесь несомненно понимается Великий царь Персии — единственный, кто мог упоминаться греками без имени и этника. Документ упоминает о прибытии персидских послов в Афины (Harris E. M. IG. I³. 227 and the So-Called Peace of Epilykos. S. 123–128).

... была дежурной. Решил народ... ид сказал: поскольку Филиск муж славный у народа афинян, донеся о византийцев войске¹⁸, пусть постановит народ быть прокшеном и эвергетом народа афинян и ему и <его> потомкам; и надписать эту псефизму секретарю Совета на каменной стеле и установить на акрополе. <В течение> десяти дней дать казначею народа 20 драхм из выделенных средств по псефизме. Воздать хвалу Филиску и позвать его по обычаю гостеприимства в пританий на завтра. Позаботится о том, <чтобы назначенный> Филиском страж гавани афинян¹⁹ на Геллеспонте и правители на Геллеспонте²⁰ в Афинах всегда давали совет стратегам, чтобы те не поступали несправедливо.

5. Афинский декрет о предоставлении почестей Стратону, царю Сидона

Стратон I (его финикийское имя — Абдастарт) — царь финикийского города Сидона в IV в. до н. э. Нарративные источники, сообщающие о Стратоне, не дают возможности точно датировать его правление в Сидоне. Поэтому даты, предлагаемые исследователями, значительно разнятся. Обычно принимают за факт 376–360 гг. до н. э. Как известно, Стратон участвовал в Великом восстании сатрапов. Диодор (XV, 90, 2) называет его в числе восставших финикийцев, но участие Стратона в Великом восстании сатрапов удостоверяют Ксенофонт (Ages., II, 30) и Гieronim (adv. Iovenianum. 1, 45). Однако точная дата восстания сидонского правителя так и остается не установленной.

Приводимый ниже документ датируется периодом до восстания Стратона против Артаксеркса II, поскольку упоминает его посредничество в отношениях афинян с персидским царем. Афинский почетный декрет в отношении Стратона Сидонского представляет интерес не только с точки зрения политических отношений Афин и одного из крупных городов финикийского побережья, но содержащиеся в нем гарантии финикийским купцам, торгующим в Афинах, еще раз подтверждают прочные экономические связи двух городов. Текст надписи приводится по изданиям: IG. II2. 141 = Tod. II. 39.

ν] Ἀθηναί[ων κ]αὶ ἐπεμελ[ήθη] ὅπως ὥς | κάλλιστα πορευθήσονται οἱ
πρέσβεις ὡς βασιλέα οὗς ὁ δῆμος ἐπεμψ[εν] καὶ ἀποκρίνασθαι τῷ ἥκοντι

¹⁸ В строке 11 издатели восстанавливают: μὴνύσας τ[ὸν τῶν Βυζαντίων στόλ]ον. Надо сказать, что восстановление не бесспорно. Один из вариантов может быть, например: τ[ὸν τῶν Περίνθιων στόλ]ον, что даже более вероятно, если речь идет о Филиске из Абидоса. Демосфен буквально говорит, что Филиск «платил жалованье ///наемникам в Перинфе (ἐμισθοδότηι μὲν τοῖς ἐν Περίνθῳ ξένοις)» (Dm.XXIII.142).

¹⁹ Ср. LSJ, sv. λιμενόφυλαξ. Демосфен говорит, что Филиск «владел всем Геллеспонтом (εἶχεν δ' ὅλον τὸν Ἑλλήσποντον)» (Dem.XXIII.142).

²⁰ «Правители на Геллеспонте» — могли быть наместниками Филиска в городах.

π|αρά τοῦ Σιδωνίων βασιλέως ὅτι καὶ | ἐς τὸν λοιπὸν χρόνον ὦν ἀνὴρ
ἀγαθ|ὸς περὶ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων οὐκ ἔστι ὅτι ἀτυχήσει παρὰ
Ἀθηναίω|ν ὦν ἂν δεῖται· εἶναι δὲ καὶ πρόξεν|ον τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων
Στράτω|να τὸν Σιδῶνος βασιλέα καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους· τὸ δὲ ψήφισμα
τόδε ἀν|αγραφάτο ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς | ἐν στήλῃ λιθινῇ δέκα
ἡμερῶν καὶ | καταθέτω ἐν ἀκροπόλει, ἐς δὲ τὴν ἀναγραφὴν τῆς στήλης
δοῦναι τοὺς | ταμίαις τῷ γραμματεῖ τῆς βουλῆς Δ|ΔΔ δραχμὰς ἐκ τῶν
δέκα τάλαντων· π|οιησασθω δὲ καὶ σύμβολα ἢ βουλή πρ|ὸς τὸν βασιλέα
τὸν Σιδωνίων ὅπως | ἂν ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων εἰδῇ ἂν τι | πέμπτῃ ὁ
Σιδωνίων βασιλεὺς δεόμε|νος τῆς πόλεως, καὶ ὁ βασιλεὺς ὁ Σιδωνίων εἰδῇ
ὅταμ πέμπτῃ τινὰ ὡς αὐτὸν ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων· καλέσαι δὲ καὶ ἐπὶ
ξένια τὸν ἥκοντα παρὰ τοῦ Σιδωνίων βασιλέως ἐς τὸ πρυτανεῖον ἐς αὐριον.
| Μενέξενος εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα καθά|περ Κηφισόδοτος· ὁπόσοι δ' ἂν
Σιδω|νίων οἰκοῦντες ἐς Σιδῶνι καὶ πολιτευόμενοι ἐπιδημῶσιν κατ' ἐμπορ|ίαν
Ἀθήνησι, μὴ ἐξεῖναι αὐτοὺς μετ|ρίκιον πράττεσθαι μηδὲ χορηγὸν | μηδένα
καταστήσαι μηδ' εἰσφορὰν | μηδεμίαν ἐπιγράφειν.

... афинян и <Стратон>²¹ заботился, чтобы наилучшим образом совершили поездку послы к царю, которых отправил²² народ: и отвечать приходившему от сидонского царя, что и на будущее время он муж славный у народа афинян и не случиться тому, чтобы от афинян он не получил то, в чем будет нуждаться: быть и прокшеном народа афинского Стратону, царю сидонцев, и ему и его потомкам: псефизму эту пусть запишет секретарь Совета на каменной стеле в течение десяти дней и установит на акрополе; по надписи на стеле дать казначеям секретарю Совета 30 драхм из десяти талантов: пусть заключит Совет и соглашение с царем сидонцев о том, чтобы народ афинский знал, если кого-то направит сидонский царь, прося город, и царь сидонцев пусть знает, если кого-то направит к нему народ афинский²³: позвать по обычаю гостеприимства приходившего (посла) от сидонского царя в пританий на завтра.

²¹ Э. Бабелон на основании данных нумизматики датировал правление Стратона 374–362 гг. до н. э. (*Babelon E. Les Perse Achéménides. P. CLXXXII*). Р. Мойзи принимал 372/1–359/8 гг. до н. э. (*Moysey R. A. Observations on the Numismatic evidence relating to the Great Satrapal Revolt of 362/1 BC. P. 121, not. 38*), хотя в более ранней работе предполагал традиционную дату — 376–360 гг. до н. э. (*Moysey R. Strato of Sidon Decree. P. 182f*).

²² Чаще всего встречается мнение, что в документе речь идет об афинском посольстве Тимагора и Леонта в Сузы 368/7 г. до н. э. (комментарии см. Tod, II, 139). Р. Мойзи, однако, приводит аргументы в пользу историчности другого афинского посольства, не известного по другим источникам, которое могло отправиться в Персию позднее, в 364 г. до н. э. (*Moysey R. Strato of Sidon Decree. P. 184–185*). Недавно в пользу второго посольства высказывалась также Дж. Хескель (*Heskel J. North Aegean Wars. P. 107–108*).

²³ В этих строках говорится о соглашении (σύμβολα), которое призвано было упорядочить дипломатические взаимоотношения сторон.

Менексен сказал²⁴: то же самое что и Кефисодот²⁵: если какие-либо из сидонцев, проживающие в Сидоне и обладающие (там) гражданскими правами, находятся по торговым делам в Афинах, то не брать ни с кого метойкион, не назначать никого хорегом, не определять никому эйсфоры²⁶.

6. Надпись из Аргоса о посольстве в Грецию от восставших персидских сатрапов (362–361 гг. до н. э.?)

Надпись представляет собой ответ греков послу от сатрапов, вероятно, на предложение присоединиться к восстанию. Документ был найден в Аргосе, где его еще в XIX веке видели Фурмонт и Пукевиль; он сохранился в двух копиях (CIG. 1118; IG. IV. 556). К настоящему времени камень утерян.

В надписи имеет место неоднократная апелляция ко всеобщему миру, только что заключенному эллинами, что позволяет думать, что решение сохранять нейтралитет было принято на каком-либо из мирных конгрессов греков. Исследователи расходятся по вопросу о том, к какому «всеобщему миру» ссылаются надписи, и от решения этого вопроса зависит датировка документа. Предлагаются различные варианты, от Анталкидова мира 386 г. до н. э. до мирного договора 338 гг. (обзор мнений см.: Tod. II. P. 140–141); более часто документ датируют 362/1 г. до н. э. Текст надписи: Tod. II. 145.

--- νου φυγ [- 9 - -^ο] - -18 - - μετ]έχουσιν τῆς κοινῆς [εἰρήνης· δηλῶσαι δὲ τῶι παρὰ τῶν σατραπῶν ἥκοντι διότι<ι> οἱ [Ἕλληνας πρ[ε]σβεύσ]αντες πρὸς ἀλλήλους διαλέλυνται τὰς <δ> [ιάφορα πρὸς κ]οινὴν εἰρήνην, ὅπως ἀπαλλαγέντες τοῦ π[ρὸς αὐτοῦς πολ]εV]μου τὰς πόλεις ἕκαστοι τὰς αὐτῶν ὡς μεγ[ισ]τας καὶ εὐδαίμον[α]ς ποιῶσιν καὶ χρήσιμοι μένωσιν τοῖς φίλοις καὶ ἰσχυροῖ. | Β]ασιλεῖ δὲ οὐδένα πόλεμον οἶδασιν ὄντα πρ[ὸς αὐτοῦς. Ἐὰν ο]ἱδὲν ἡσυχίαν ἔχῃ καὶ μὴ συνβάλλῃ τοὺς Ἕλληνας, μηδὲ τὴν νῦν] γεγεννημένην ἡμῖν εἰρήνην ἐπιχειρῇ [ι διαλύειν τέχνηι μ]ηδ[ε]μῖαι μῆδὲ μηχανῇ, ἔξομεν καὶ ἡμεῖς [εἰρηνικῶς πρὸς βα]σιλέα ἐὰν δὲ πολέμῃι πρὸς τινας τῶν [συσπόνδων ἡμῖν ἢ πρ[άγ]ματά τισι παρέχῃ ἐπὶ διαλύσει τῆς

²⁴ Менексен — афинский оратор IV в. до н. э.

²⁵ Кефисодот — афинский политик IV в. до н. э. (см.: PA 8331. Список всех стратегов и ораторов IV в. до н. э. см. в статье М. Г. Хансена: *Hansen M. H. Rhetores and Strategoi in Fourth Century Athens* // GRBS. 1983. Vol. 24. № 2. P. 159–180 (о Кефисодоте см. с. 170).

²⁶ Здесь речь идет о предоставлении привилегий сидонским купцам, останавливающимся в Афинах по делам торговли. Эти строки отражают интерес афинян в развитии афино-финикийской торговли в классическую эпоху.

εἰρήνης τῆσδε, ἢ αὐτὸς ἐναντίον τοῖς Ἕλλησιν τοῖς τήνδε [τὴν εἰρήνην ποήσας] ἢ ἄλλος τις τῶν ἐκ τῆς ἐκείνου χώρας, ἀμυνοῦμεν κοινῇ | πάντε[ς] ἀξίως τῆς τε νῦν γεγεννημένης εἰρήνης καὶ ὧν πρὸ τοῦ ἐπράξα]μεν. vac. | Τοῖς δικασταῖς τοῖς ἀπὸ τῶν [--- | --- περὶ τᾶς] χώρας ἅς ἀμφιλλέγοντ[ι--- | ---]ν ἐπὶ τούτοις διην--- | ---αντας---

_____ участвуют во всеобщем мире: объявить приходившему <послу>²⁷ от сатрапов, что эллины, отправлявшие послов друг к другу, разрешили свои распри во всеобщем мире с тем, чтобы окончившие друг с другом войну каждые из их городов стали могущественными и процветающими, были сильными и полезны друзьям. <В отношении> царя, который никакую войну не возбуждал, бывшую с ними. Если он будет хранить спокойствие и не выступит против эллинов, не попытается расторгнуть теперь заключенный нами мир хитростью или кознями, будем и мы находиться в мире с царем²⁸: если же он пойдет войной против некоторых из нас заключивших договор или другие действия предпримет по расторжению этого мира, или сам <будет> врагом эллинов, которые заключили мир, или кто-либо другой из его владений, мы все сообща достойно будем защищать заключенный теперь мир и тот, который раньше заключили.

7. Посольство в Афины от египетского царя Таха (360/59 г. до н. э.).

Афинская надпись датируется временем войны египетского царя Таха против персидского царя Артаксеркса II (362–360 гг. до н. э.) и свидетельствует о посещении Греции послами египтян, которые, очевидно, вели переговоры о военной помощи Таху (основные сведения о войне см. Diod., XV, 92, .1-5; Plut. Ages., 36–40). Затем из Афин в Египет в качестве командира наемников неофициально отправился Хабрий, а из Спарты — Агесилай, который, однако, получил одобрение своих действий от спартанских властей. Текст надписи приводится по изданию: IG. II². 119.

Θ [ε ο ί] | Φανокλ[ῆς-----] | - ε ἔγρα[μματαύεν] | τοῖς Ταχῶ [πρέσβευσιν] | Πίγρητι | [Ἄ]πολλοδώρ[ωι] | [Ζω]πύρω.

Бо г и. Фанокл _____ был секретарем. Таха послам Пигреты Аполлодору Зопиру...

²⁷ Обычно предполагают, что этот «посол», не упомянутый по имени в документе, действовал не в пользу царя Артаксеркса II, а был представителем мятежных сатрапов, добивавшихся помощи греков. Вероятно, это мнение следует признать верным, поскольку в ином случае греки имели бы дело с посольством от самого царя.

²⁸ Ср. ответ афинян на предложения Артаксеркса III Оха в отношении дружбы и союза, которые последовали в 344/3 г. до н. э. (Philochorus FGrH. 328. F. 157)

Список сокращений

1. Сборники источников, справочные пособия, общие труды

- ATL — Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. 1–4. Cambridge (Mass)–Princeton (N. Y.), 1939–1953.
- CAF — Comicorum Atticorum Fragmenta / Ed. Th. Kock. Vol. I. Lipsiae, 1880.
- CAH¹ — The Cambridge Ancient History. Vol. 1–12. 1st ed. Cambridge, 1924–1939.
- CAH² — The Cambridge Ancient History. Vol. 1–. 2nd ed. Cambridge, 1970–
- CHI — The Cambridge History of Iran. Vol. 1– Cambridge, 1968–
- Ditt. Syll³. — Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio III. Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1919.
- FgrHist — Jacoby F. Die Fragmente der griechischer Historiker. Tl. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958.
- FHG — Muelleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–V. Paris, 1841–1872.
- GHI — Rhodes P.J., Osborn R. Greek Historical Inscriptions, 404–323 BC. Oxford, 2003.
- Elr — Encyclopaedia Iranica. Vol. 1–. London, 1985–
- HP — Hellenische Poleis. Kriese–Wandlung–Wirkung / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Bd. I–IV. Berlin, 1974.
- IG. — Inscriptiones Graecae. Vol. I–. Berlin, 1873–
- IG² — Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I–II/III. Berlin, 1913–1924.
- IG³ — Inscriptiones Graecae. Vol. I. Editio tertium. Berlin, 1981.
- Kleine Pauly — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975.
- LSJ — Liddle H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. 9th ed., with new supplement. Oxford, 1996.
- ML — Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth century BC. 2nd ed. Oxford, 1989.
- Neue Pauly — Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Das klassische Altertum und seine Rezeptionsgeschichte. Bd. I–XV. Stuttgart–Weimar.
- OGIS — Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I–II. Leipzig, 1903–1905.
- RE — Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Bd. I–Stuttgart–München, 1894–1978.
- SEG — Supplementum Epigraphicum graecum. Leiden

TAM — Tituli Asiae Minoris. Vindobonae

Tod — Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 1–2. Oxford, 1946–1948.

2. Периодические издания

- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- ВДИ — Вестник Древней истории. Москва
- AA — Acta antiqua Acadimiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
- ABSA — The Annual of the British School at Athens. London
- AC — L'Antiquité Classique. Bruxelles
- AHB — Ancient History Bulletin. Winnipeg
- AHR — American Historical Review. Washington
- AJA — American Journal of Archeology. Boston
- AJAH — American Journal of Ancient History. New Brunswick
- AJPh — American Journal of Philology. Baltimore
- AJSLL — American Journal of Semitic Languages and Litteratures. Chicago
- AKG — Archiv für Kulturgeschichte. Köln–Wien
- AMI — Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
- AMO — Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich. Wien
- An.Soc. — Ancient Society. Leuven
- AncW — Ancient World. Chicago
- BCH — Bulletin de correspondance helléniques. Paris
- BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies. London
- CA — Classical Antiquity. Los Angeles
- CJ — Classical Journal. Menasha
- CM — Classica et Mediaevalia. Aarhus
- CPh — Classical Philology. Chicago
- CQ — Classical Quarterly. Oxford
- CR — Classical Review. Oxford
- CSCA — California Studies in Clasical Antiquity. Los Angeles
- GB — Greizer Beiträge. Greiz
- G&R — Greece and Rome. Oxford
- GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
- EC — Les Études classiques. Paris
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass)
- HZ — Historische Zeitschrift. München, Berlin, Oldenbourg
- IA — Iranica Antiqua. Leiden
- ICS — Illinois Classical Studies. Urbana
- JAC — Journal of Ancient Civilizations. Changhun
- JHS — Journal of Hellenic Studies. London
- LCM — Liverpool Classical Monthly. Liverpool
- MH — Museum Helveticum. Basel
- NC — Numismatic Chronicle. London
- PdP — Parola del Passato. Napoli

Phil. Woch. — Berliner philologische Wochenschrift. Berlin
 Rev. Arch. — Revue archéologique. Paris
 REA — Revue des Études Ancienne. Talence
 REG — Revue des Études Grecques. Paris
 RFIC — Rivista di filologia e d'istruzione classica. Torino
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt-am-Mein
 RIDA — Revue internationale des droits de l'Antiquité. Bruxelles
 RIL — Rendiconti [dell'] Istituto Lombardo. Accademia di Scienze e Lettere, Classe di Lettere, Scienze morali e storiche. Milano
 RPh — Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. Paris
 RSA — Rivista storica dell' Antichità. Bologna
 SH — Studia Historica. Москва
 SO — Symbolae Osloenses. Oslo
 TAPA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Baltimore
 ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

Библиография

- Андреев Ю. В. К проблеме «Ликургова законодательства» (о так называемом перевороте VI в. в Спарте) // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 34–59.
- Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 194–216.
- Антонов В. В. К вопросу о характере Второго Афинского морского союза // XII Чтения памяти профессора С. И. Архангельского. Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 7–11.
- Антонов В. В. Второй Афинский морской союз и возрождение имперской политики Афин в первой половине IV в. до н. э. Автореф. дисс. к. и. н.: Н. Новгород, 2003.
- Антонов В. В. Полисы Эгеиды, Северное Причерноморье и возрождение Афинской морской державы в IV в. до н. э. // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Вып. 2. Н. Новгород, 2006. С. 35–51.
- Антонов В. В. Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Н. Новгород, 2007. С. 246–263.
- Баклер Дж. Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н. э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 75–94.
- Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.
- Бивар А. Д. Х. Платон и митраизм // ВДИ. 1998. № 2. С. 3–17.
- Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985.
- Борухович В. Г. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия историко-филологическая. 1959. № 46. С. 199–211.
- Борухович В. Г. Египет и греки в VI–V вв. до н. э. // Уч. зап. Горьк. ун-та. Вып. 67. 1965. С. 74–137.
- Борухович В. Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э.) // Античный полис / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1979. С. 27–42.
- Борухович В. Г. Агесилай в Египте // АМА. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 24–33.
- Борухович В. Г. Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоевания Египта Артаксерксом III в 343 г. до н. э. // АМА. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 3–11.
- Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. В 9 кн. История / Перевод Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1993. С. 457–499.

- Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 1915.
- Владимирская О. В. Алкмеониды и мидизм в Афинах во время Греко-персидских войн // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 43–48.
- Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004.
- Гимадеев Р. А. Возможный персидский источник для описания Фукидида первой афинской экспедиции в Египет // ВДИ. 1983. № 1. С. 106–111.
- Глускина Л. М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35–52.
- Горлов Ю. В. Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996.
- Горюжанова А. Н. Проблема взаимоотношений Ликии с Афинами во время Архидамовой войны // Проблемы антиковедения и медиевистики. Вып. 2. Н. Новгород, 2006. С. 9–20.
- Гребенский Н. Н. KOINH EIPHNH и федеральное движение в Греции // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 21–29.
- Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
- Гришин М. Г. Амфиполь и понтийская экспедиция Перикла // XII чтения памяти С. И. Архангельского / Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 33–41.
- Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Доватур А. И. Научный и повествовательный стиль Геродота. Л., 1957.
- Дройзен И.-Г. История эллинизма / Пер. с франц. изд. М. Шелгунова. Т. 1. СПб, 1997.
- Дьяков В. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э. // Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1956.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Ефремов Н. В. Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей Понтийской (попытка исторической интерпретации) // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 78–105.
- Зельин К. К. Из области греческой историографии IV в. до н. э. // ВДИ. 1960, № 1. С. 84–108.
- Зограф А. Н. Несколько греческих монет V и IV вв. с портретными изображениями // Античный портрет. Л., 1929. С. 14–22.
- Исаева В. И. Греция в IV в. до н. э. / История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 311–347.
- Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994.
- Касаткина Н. А. К проблеме афинского управления покоренным Самосом // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 5–11.
- Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
- Кациев В. И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993.
- Кондратьев М. Архэ и Афинская демократия // Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 327–365.

- Круглов Е. А. Юго-Западная Анатолия в протоэллинистический период (этно-политический аспект). Уфа, 1998.
- Кулакова А. П. Образование Панионийского союза // Проблемы античной истории / Сб. научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 30–41.
- Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001.
- Кулишова О. В. Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17–35.
- Кулишова О. В. Дельфийская амфиктиония в политической жизни архаической и классической Греции // Университетский историк. СПб., 2003. Вып. 2. С. 5–22.
- Курилов М. Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133–141.
- Курилов М. Э. Спартанская дипломатическая практика в VI–IV вв. до н. э. Автореф. дисс. к. и. н. Саратов, 1999.
- Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск, 1991.
- Лантвева М. Ю. Панионий: Амфиктиония, симмахия или этнический союз // SH. 2006. Вып. 6. С. 3–24.
- Ленская В. С. Филаиды — афинский род «воинов» // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 3–12.
- Ленинман Я. А. Пелопоннесская война // Древняя Греция. М., 1956.
- Лурье С. Я. Ксенофонт и его «Греческая история» // Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935.
- Лурье С. Я. Геродот. М; Л., 1947.
- Маринович Л. П. Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э. // ВДИ, 1958, № 4. С. 70–87.
- Маринович Л. П. Наемники в период Пелопоннесской войны // ВДИ. 1968. № 4. С. 70–90.
- Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Маринович Л. П. Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 208–258.
- Маринович Л. П. Спарта времени Агиса III // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. Кризис полиса. М., 1983. С. 259–279.
- Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1994.
- Маринович Л. П. Античная и современная демократия. Новые подходы. М., 2001.
- Маринович Л. П. Второй Афинский морской союз // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Часть 2. Хрестоматия. Казань. 2002, С. 82–113.
- Маринович Л. П. Возникновение и эволюции доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5–29.
- Мещеракова Д. И. Государство Мермнадов в Ионии // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С. 13–19.
- Мойзи Р. А. Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н. э. // Международные отношения и дипломатия в античном мире. Казань, 2000. С. 136–158.

- Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.
- Немировский А. И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.
- Никитюк Е. В. Процедура судебного преследования по *γραφὴ ἀσεβείας* в классических Афинах // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 133–150.
- Никитюк Е. В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н. э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 117–139.
- Паришков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. № 1. С. 126–137.
- Паришков А. Е. К вопросу о хронологии Афинского похода в Египет // ВДИ. 1970. № 1. С. 107–111.
- Печатнова Л. Г. Спарта и Персия в конце V в. до н. э. // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 85–108.
- Печатнова Л. Г. Декархии Лисандра // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 4–31.
- Печатнова Л. Г. Спартанская навархия // Город и государство в античном мире: проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 162–179.
- Печатнова Л. Г., Алексеева И. А. Организация спартанской державы (гармосты и форос) // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 90–106.
- Печатнова Л. Г. Первая навархия Лисандра // Вестник ЛГУ. 1984. Вып. 4. № 20. С. 107–110.
- Печатнова Л. Г. Лисандр и спартанский полис // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 11–25.
- Печатнова Л. Г. Лисандр и Пелопоннесская война // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 60–77.
- Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001.
- Печатнова Л. Г. Спарта и Персия: История отношений (середина VI — 413 г. до н. э.) // Проблемы античной истории / Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 73–97.
- Печатнова Л. Г. Противостояние Клеомена и Демарата (к вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // ВДИ. 2006. № 4. С. 29–49.
- Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М., 2007.
- Поздеева В. И. Внешняя политика Афин в 394–386 гг. до н. э. // ВДИ. 1959. № 1. С. 95–109.
- Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1982.
- Рунг Э. В. Спарта и проблема малоазийских греков // Античный вестник. Вып. 3. Омск, 1995. С. 114–120.
- Рунг Э. В. Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н. э.) // Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения», 17 февраля 1997 г. Казань, 1997. С. 63–75.
- Рунг Э. В. Персидская дипломатия в начале IV в. до н. э.: миссия Тимократа Родосского в Грецию // Античность: миры и образы / Сборник статей. Казань, 1997. С. 8–15.

- Рунг Э. В. Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // Античность: события и исследователи / Межвузовский сборник. Казань, 1999. С. 60–67.
- Рунг Э. В. Некоторые аспекты предоставления проксении Стратону Сидонскому (К интерпретации IG. II² 141 = Tod. II, 139) // Античность: эпоха и люди Сборник статей. Казань, 2000. С. 28–38.
- Рунг Э. В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96.
- Рунг Э. В. Договор Беотия // Международные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 1. Казань, 2000. С. 113–135.
- Рунг Э. В. Филиск — правитель на Геллеспонте // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 46–62.
- Рунг Э. В. Миссия Арфмия Зелейского в Грецию // МННМА. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 169–182.
- Рунг Э. В. Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 114–140.
- Рунг Э. В. «Неофициальная дипломатия» во внешней политике Персии по отношению к грекам // Историки в поиске новых смыслов / Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина 7–9 октября 2003. Казань, 2003. С. 217–225.
- Рунг Э. В. Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. С. 71–82.
- Рунг Э. В. Афины и мятеж Аморг // SH. 2005. Вып. 5. С. 23–36.
- Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.
- Рунг Э. В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 4. СПб., 2005. С. 125–166.
- Рунг Э. В. Персидские требования земли и воды и позиция греков // Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики / Материалы научной конференции. М., 2006. С. 338–341.
- Рунг Э. В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. № 12. С. 66–77.
- Рунг Э. В., Холод М. М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2006. С. 27–66.
- Рунг Э. В. Пребывание греческих послов в Ахеменидской державе // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. Том. 148. Кн. 4. Казань, 2006. С. 120–128.
- Рунг Э. В. Мегабиз, Зопир и Афины: Из истории греко-персидских отношений в период пентеконтаэтии // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Новгород, 2007. С. 217–229.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996.

- Свенцицкая И. С. Греческие города в составе лидийского царства // ВДИ. 1978. № 2. С. 26–38.
- Светилова Е. И. Образование Фессалийского союза // Античный вестник. Вып. 1. Омск, 1993. С. 91–97.
- Сергеев В. С. Дипломатия в древние века // История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М., 1941. С. 15–88.
- Стратановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История. 2-е изд. М., 1993. С. 405–438.
- Строгецкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 3–18.
- Строгецкий В. М. Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ. 1973. № 3. С. 134–144.
- Строгецкий В. М. Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145–155.
- Строгецкий В. М. О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117.
- Строгецкий В. М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59). Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3–28.
- Строгецкий В. М. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. // Проблемы античной государственности / Сб. статей под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 60–85.
- Строгецкий В. М. Панэллинская лига 481 г. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 45–75.
- Строгецкий В. М. Диодор Сицилийский и его Историческая библиотека в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 176–186.
- Строгецкий В. М. Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI, 1–10). Объединение патриотических сил эллинов и битва при Фермопилах. Перевод и комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 3–20.
- Строгецкий В. М. Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н. э. Совещание Эллинского союза против персов на Самосе в 479/8 г. до н. э. // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 28–43.
- Строгецкий В. М. К интерпретации свидетельства Диодора Сицилийского о росте Афинского могущества в середине V в. до н. э. и восстании рабов в Спарте // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 5–22.
- Строгецкий В. М. Особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460–455 гг. до н. э.) // ВДИ. 1987. № 2. С. 37–50.
- Строгецкий В. М. К вопросу о возникновении и целях Делосской симмахии // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 51–66.
- Строгецкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158–168.
- Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.
- Суриков И. Е. Рец. на кн.: Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; L., 1993 // ВДИ. 1996. № 3. С. 198–200.
- Суриков И. Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримонимальная политика // Античный

- мир и его судьбы в последующие века / Доклады конференции. М., 1996. С. 43–52.
- Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–113.
- Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.
- Суриков И. Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // Междоусадственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 95–112.
- Суриков И. Е. Лидийский царь Крез и балканская Греция // SH. 2001. Вып. 1. С. 3–15.
- Суриков И. Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 342–364.
- Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // АМА. 2002. Вып. 11. С. 4–13.
- Суриков И. Е. Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: Сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов / Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2003. С. 225–230.
- Суриков И. Е. Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи. Дис. д. и. н. М., 2004.
- Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И. Е. Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72.
- Суриков И. Е. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1. С. 18–47.
- Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Уч. зап. ЛГУ. № 251. Сер. ист. наук. Л., 1958. Вып. 28. С. 41–74.
- Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.
- Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–63.
- Фролов Э. Д. Панэллизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 2. М., 1983. С. 157–207.
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб., 1986.
- Фролов Э. Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 14–58.
- Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
- Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
- Функ Б. Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2. С. 3–23.

- Харламова Н. О. Симонид Кеосский как ранний представитель гражданской лирики // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Л., 1987. С. 162–177.
- Хинц В. Государство Элам. М., 1977.
- Холод М. М. Персидская политическая пропаганда во время восточного похода Александра Македонского // Война и военное дело в античности (Para bellum! № 12). СПб., 2000. С. 31–34.
- Холод М. М. Демадов мир: к истории афино-македонских отношений в IV в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. С. 99–114.
- Холод М. М. Тень Херонейского льва: утверждение македонского господства в Греции в 338 г. до н. э. // Проблемы античной истории / Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. д. и. н. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 185–218.
- Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 1. Казань, 1960.
- Шофман А. С. Македонская дипломатия в Греко-персидских войнах // Античный вестник. Вып. 1. 1993. С. 101–117.
- Шувалов В. В. Проблемы организации I Афинского морского союза // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. Р. 61–70.
- Шувалов В. В. Морская программа Фемистокла // ВДИ. 2006. № 2. С. 24–42.
- Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982.
- Accame S. La lega ateniese del secolo IV a.C. Roma, 1941.
- Adcock F., Mosley D. J. Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975.
- Aidonis T. Tissaphernes' dealings with the Greeks // CM. 1996. Vol. 47. P. 89–108.
- Allen D. S. The World of Prometheus. The Politics of Punishing in Democratic Athens. Princeton, 2002.
- Allen K. H. Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B.C. PhD Diss. Princeton, 2002.
- Allen K. H. Intercultural Exchanges in Fourth Century Attic Decrees // CA. 2003. Vol. 22. № 2. P. 199–246.
- Aloni A. L'elegia di Simonide dedicata alla battaglia di Platea (Sim. fr.10-18 W2) e l'occasione della sua performance // ZPE. 1994. Bd. 102. P. 9–22.
- Amit M. Le traité de Chalcedoine entre Pharnabaze et les stratèges athéniens // AC. 1973. Vol. 42. P. 436–457.
- Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and Small Cities in Ancient Greece. Bruxelles, 1973.
- Amit M. A peace treaty between Sparta and Persia // RSA. 1974. Vol. 4. P. 55–63.
- Anderson J. K. The battle of Sardis in 395 B.C. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 27–53.
- Andreoli F. Per un riesame critico del «nuovo Simonide» elegiaco. Parma, 2005.
- Andrewes A. Athens and Aegina 510–480 // BSA. 1936–1937. Vol. 37. P. 1–4.
- Andrewes A. The generals in the Hellespont, 410–407 BC // JHS. 1953. Vol. 73. P. 2–9.
- Andrewes A. Thucydides and the Persians // Historia. 1961. Bd. 10. Ht. 1. P. 1–18.
- Andrewes A. Two Notes on Lysander // Phoenix. 1971. Vol. 25. № 3. P. 206–226.
- Andrewes A. Notion and Kyzikos: the sources compared // JHS. 1982. Vol. 102. P. 15–25.

- Andrewes A. The Spartan Resurgence // CAH². 1992. Vol. 5. P. 464–498.
- Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked. Oxford, 1998.
- Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977.
- Armush M. F. The Carrier of Peisistratos Son of Hippus // Hesperia. 1995. Vol. 64. № 2. P. 135–162.
- Aucello E. La genesi della Paci di Antalcida // Helicon. 1965. Vol. 5. P. 340–380.
- Austin M. M. Greek Tyrants and the Persians, 546–479 BC. // CQ. 1990. Vol. 40. NS. № 2. P. 289–306.
- Austin R. P. Athens and the Satrap's Revolt // JHS. 1944. Vol. 64. P. 98–100.
- Babelon E. Les Perses Achéménides, les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire, Cypre et Phénicie / Catalogue des Monnaies Grecques de la bibliothèque nationale. Paris, 1893.
- Badian E. The Peace of Callias // JHS. 1987. Vol. 107. P. 1–39.
- Badian E. The King's Peace // Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell, BICS, Suppl. 58. 1991. P. 25–48.
- Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore-L., 1993.
- Badian E. The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Akten eines Symposiums 3–7 August 1992, Bellagio / Ed. W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 79–106.
- Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // Greek Historiography / Ed. by S. Hornblower. Oxford, 1996. P. 107–127.
- Balcer J. M. The medizing of the regent Pausanias // Actes du Ier congrès d'études balkaniques. Sofia, 1966. P. 105–114.
- Balcer J. M. The Athenian Episkopos and the Achaemenid 'King's Eye' // AJPh. 1977. Vol. 98. № 3. P. 252–263.
- Balcer J. M. Imperialism and Stasis in Fifth Century B. C. Ionia: A Frontier Redefined // Arktouros: Hellenic Studies to B. M. W. Knox / Ed. by G. W. Bowersock, W. Burkhardt and M. Putnam. Berlin, 1979. P. 261–268.
- Balcer J. M. The Greeks and the Persians: the Processes of acculturation // Historia. 1983. Bd. 32. Ht. 3. P. 257–267.
- Balcer J. M. Fifth century Ionia: a Frontier Redefined // REA. 1985. T. 87. № 1–2. P. 31–42.
- Balcer J. M. Persian Occupied Thrace (Skudra) // Historia, 1988. Bd. 37. Ht. 1. P. 1–21.
- Balcer J. M. Ionia and Sparda under the Achaemenid Empire. The sixth and fifth centuries tribute, taxation and assessment // La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Decembre 1986 / Ed. par P. Briant et C. Herrenschildt. Paris, 1989. P. 1–27.
- Balcer J. M. The Persian Wars against Greece: A Reassessment // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 1. P. 127–143.
- Balcer J. M. A prosopographical Study of the Ancient Persians royal and noble c. 550–450 BC. Lewiston, 1993.
- Balcer J. M. The Persian Conquest of the Greeks 545–450 BC. Konstanz, 1997.
- Baltrusch E. Symmachie und Spondai: Untersuchungen zum griechischen Völkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8–5. Jahrhundert v. Chr.). Berlin; New York, 1994.

- Barbieri G. Conone. Roma, 1955.
- Barrns J. Cimon and the First Athenian expedition to Cyprus // *Historia*. 1953–1954. Bd. 2. S. 163–176.
- Barron C. A. The Aristoteles Decree and the Expansion of the Second Athenian League // *Hesperia*. 2006. Vol. 75. № 3. P. 379–395.
- Basset S. E. The Place and Date of the First Performance of the Persians of Timotheus // *CPh*. 1931. Vol. 26. № 2. P. 153–165.
- Bauslaugh R. A. The Concept of Neutrality in Classical Greece. Berkeley; Oxford, 1991.
- Bederman D. J. International Law in Antiquity. Cambridge, 2001.
- Bellen H. Der Rachgedanke in der griechisch-persischen Auseinandersetzung // *Chiron*. 1974. Bd. 4. S. 43–69.
- Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 2–3. Berlin-Leipzig, 1922, 1927.
- Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Keiserzeit. München, 1960.
- Bengtson H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt vom 700 bis 338 v. Ch. Berlin–München, 1962.
- Behmel A. Themistokles, Sieger von Salamis und Herr von Magnesia. Die Anfänge der athenischen Klassik zwischen Marathon und Salamis, Stuttgart, 1999.
- Bengtson H. The Greeks and the Persians from the Sixth to Fourth Centuries. L., 1969.
- Berthold R. M. Fourth century Rhodes // *Historia*. 1980. Bd. 29, Ht. 1. P. 32–49.
- Berthold R. M. The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // *Historia*. 2002. Bd. 51. Ht. 3. P. 259–267.
- Bichler R. Ktesias 'korrigiert' Herodot. Zur literarischen Einschätzung der *Persika* // *Festschrift für Gerhard Dobesch* / Hrsg. von H. Heftner und K. Tomaschitz. Wien, 2004. S. 105–116.
- Bicknell P. J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia*. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146–163.
- Bigwood J. M. Ctesias as Historian of the Persian Wars // *Phoenix*. 1978. Vol. 32. № 1. P. 19–41.
- Bing J. D. Datames and Mazeus: The Iconography of Revolt and the Restoration in Cilicia // *Historia*. 1998. Bd. 47. Ht. 1. P. 41–76.
- Blamire A. Pausanias and Persia // *GRBS*. 1970. Vol. 11. № 4. P. 295–305.
- Blamire A. Epilycus' negotiations with Persia // *Phoenix*. 1975. Vol. 29. № 1. P. 21–26.
- Bleckmann B. Athens Weg in der Niederlage. Die Letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Stuttgart; Leipzig, 1998.
- Bloedow E. Alcibiades Reexamined // *Historia*. Einzelschriften, 21. Wiesbaden, 1973.
- Bloedow E. F. The Peaces of Callias // *SO*. 1992. Vol. 67. P. 41–68.
- Bloedow E. F. Diplomatic Negotiations between Darius and Alexander: Historical Implications of the First Phase at Marathus in Phoenicia in 333/332 BC // *AHB*. 1995. Vol. 9. № 3–4. P. 93–110.
- Blösel W. Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert // *Historia*. Einzelschriften, 183. Stuttgart, 2004.
- Boedeker D. The Two Faces of Demaratus // *Herodotus and the Invention of History* / Arethusa. 1987. Vol. 20. P. 185–201.
- Boedeker D. Simonides on Plataea: Narrative Elegy, Mythotic History // *ZPE*. 1995. Bd. 107. P. 217–229.
- Bockisch G. Ἀρμυσταί (431–387) // *Klio*. 1965. Bd. 46. S. 126–239.
- Bolmarcich S. A. Thucydidean Explanations: Diplomacy and Historiography in Archaic and Classical Greece. PhD diss. Univ. of Virginia, 2003.
- Bolmarsich S. Thucydides 1, 19, 1 and the Peloponnesian League // *GRBS*. 2005. Vol. 45. № 1. P. 5–34.
- Bommelaer J.-F. Lysander de Sparte. P., 1981.
- Bonamente G. Studio sulle Elleniche di Ossirinco. Saggio sulla storiografia greca della prima metà del IV secolo a. C. Perugia, 1973.
- Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. 1. N.Y., 1968.
- Borza E. N. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990.
- Bosworth A. B. Plutarch, Callisthenes and the Peace of Callias // *JHS*. 1990. Vol. 110. P. 1–13.
- Bowra C. M. Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides. Oxford, 1936.
- Brandenstein W. Die Persische Satz bei Aristophanes Acharnes Vers 100 // *Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens*. 1964. Bd. 8. S. 43–58.
- Breebart A. B. Eratosthenes, Damastes and the Journey of Diotimos to Susa // *Mnemosyne*. 1967. Vol. 20. P. 422–431.
- Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Wien, 2001.
- Brenne S. Die Ostraka (487 — ca. 416 v. Chr.) als Testemonien (T. 1.) // *Ostrakismos — Testemonien* / Hrsg. von P. Siewert. *Historia*. Einzelschriften, 155. Stuttgart, 2002. S. 36–166.
- Briant P. Hérodote et la société perse // *Hérodote et les peuples non grecs* / Fondation Hardt. Entretiens. T. 35. P. 69–113.
- Briant P. Dons de terres et de villes: l'Asie Mineure dans le contexte achéménide // *REA*. 1985. T. 87. P. 53–72.
- Briant P. Le nomadisme du Grand Rois // *IA*. 1988. Vol. 23. P. 253–273.
- Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996.
- Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire / Engl. transl. by P. T. Daniels. Winona Lake (Indiana), 2002.
- Brown T. S. Suggestions for a vita of Ctesias of Cnidus // *Historia*. 1978. Bd. 29. Ht. 1. P. 1–19.
- Brown T. S. Megabyzus, son of Zopyrus // *AW*. 1987. Vol. 15. P. 65–74.
- Bruce I. A. F. Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War // *Emerita*. 1960. Vol. 28. № 1. P. 75–86.
- Bruce I. A. F. The Democratic Revolution at Rhodes // *CQ*. 1961. NS. Vol. 11. № 2. P. 166–170.
- Bruce I. A. F. Athenian Embassies in the early Fourth century B.C. // *Historia*. 1966. Bd. 15. Ht. 3. P. 271–281.
- Bruce I. A. F. An Historical Commentary on the «Hellenica Oxyrhynchia». Cambridge, 1967.
- Brunt P. A. The Hellenic League against Persia // *Historia*. 1953/4. Bd. 2. Ht.1. P. 135–165.
- Brunt P. A. Studies in Greek History and Thought. Oxford, 1997.
- Buck R. A History of Boeotia. Alberta, 1987.
- Buck R. Boiotians at Thermopylae // *AHB*. 1987. Vol. 1. № 3. P. 54–60.

- Buck R.* Boeotia and the Boeotian League 432–371 BC. Alberta, 1994.
- Buckler J.* Dating the Peace of 375/4 // GRBS. 1971. Vol. 19. P. 353–361.
- Buckler J.* Plutarch and the Fate of Antalcidas // GRBS. 1977. № 2. P. 139–145.
- Buckler J.* The Theban Hegemony, 371–362 B.C., Cambridge (Mass.), 1980.
- Buckler J.* Pammenes, die Perser und die Heilige Krieg // Boiotika. Vorträge vom 5 Internationalen Böotien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. Siegfried Lauffer / Hrsg. von H. Beister und J. Buckler. München, 1989. S. 157–160.
- Buckler J.* Philip II, the Greeks, and the King 346–336 B. C. // ICS. 1994. Vol. 19. P. 99–122.
- Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden-Boston: Brill, 2003.
- Buckler J.* The Incident at Mt Parnassus, 395 BC // Xenophon and His World. Papers from a conference held in Liverpool in July 1999 / Ed. by C. J. Tuplin. Historia. Einzelschriften, 172. Stuttgart, 2004. P. 397–411.
- Buckley T.* Aspects of Greek History 750–323 BC.: A Source-Based Approach. L., 1996.
- Burn A.B.* Persia and the Greece. The defence of the West. L., 1962.
- Burn A.B.* Persia and the Greeks // CHI. 1985. Vol. 2. P. 292–391.
- Burnett P.* Thebes and the Expansion of the Second Athenian Confederacy: IG ii2 40 and IG II2 43 // Historia. 1962. Bd.11. P. 1–17.
- Burnett A. P., Edmonson C. N.* The Chabrias Monument in the Athenian Agora // Hesperia. 1961. Vol. 30. № 1. P. 74–91.
- Cadoux T. J.* The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // JHS. 1948. Vol. 68. P. 70–123.
- Cagnazzi S.* Tradizioni su Dati, comandante persiano a Maratona // Chiron. 1999. Bd. 29. P. 371–393.
- Cahn H.* Le monnayage des satrapes: Iconographie et signification // L'or perse et l'histoire grecque / Actes de table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond. REA. 1989. T. 91. № 1/2. P. 97–106.
- Cahn H.* Tissaphernes in Astyra // AA. 1985. S. 587–594.
- Caldwell R. S.* The Pattern of Aeschylean Tragedy // TAPA. 1970. Vol. 101. P. 77–83.
- Cargill J. L.* The Nabonidus Chronicle and the Fall of Lydia // AJAH. 1977. Vol. 2. № 2. P. 97–116.
- Cargill J. L.* The Second Athenian League. Empire or Free Alliance? Berkeley, 1981.
- Cargill J.* Athenian Settlements in the Fourth Century BC. Leiden–N.Y.–Köln: Brill, 1995.
- Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History. L., 1979.
- Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987.
- Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxford, 1993.
- Cary M.* The Ascendancy of Sparta // CAH1. 1927. Vol. 6. P. 25–50.
- Cary M.* Arthmios of Zeleia // CQ. 1935. Vol. 29. P. 277–280.
- Cary M.* ΚΑΛΛΙΑΣ Ο ΛΑΚΚΟΠΛΟΥΤΟΣ // CR. 1936. Vol. 50. № 2. P. 55.
- Cary M.* The Peace of Callias // CQ. 1945. Vol. 39. № 3/4. P. 87–91.
- Caspari M. O. B.* On the Egyptian Expedition of 459–4 BC // CQ. 1913. Vol. 7. P. 198–201.
- Caspari M. O. B.* The Ionian Confederacy // JHS. 1915. Vol. 35. P. 173–188.
- Cassio A.* Old Persian Marika, Eupolis Marikas and Aristophanes' Knights // CQ. 1985. Vol. 35. № 1. P. 38–42.
- Cawkwell G. L.* The Common Peace of 366/5 B. C. // CQ. 1961. Vol. 11. № 1. P. 80–86.
- Cawkwell G. L.* Notes on the Social War // CM. 1962. Vol. 23. P. 34–49.
- Cawkwell G. L.* Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I. // CQ. NS. 1963. Vol. 13. № 1. P. 120–138.
- Cawkwell G. L.* Notes on the Peace of 375/4 // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 1. P. 84–95.
- Cawkwell G. L.* Epaminondas and Thebes // CQ. 1972. N.S. Vol. 22. № 2. P. 254–278.
- Cawkwell G. L.* The Foundation of the Second Athenian Confederacy // CQ. NS. 1973. Vol. 23. № 1. P. 47–60.
- Cawkwell G. L.* Notes on the Failure of the Second Athenian Confederacy // JHS. 1981. Vol. 101. P. 40–55.
- Cawkwell G. L.* Agesilaus and Sparta // CQ. NS. 1976. Vol. 26, № 1. P. 62–84.
- Cawkwell G. L.* The Imperialism of Thrasybulus // CQ. 1976. Vol. 26, № 2. P. 270–277.
- Cawkwell G. L.* The King's Peace // CQ. 1981. Vol. 31. № 1. P. 69–83.
- Cawkwell G. L.* Sparta and Her Allies in the Sixth Century BC // CQ. 1993. N. S. Vol. 43. № 2. P. 364–376.
- Cawkwell G. L.* The Peace between Athens and Persia // Phoenix. 1997. Vol. 51. № 2. P. 115–125.
- Cawkwell G. L.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005.
- Chambers M.* The Authenticity of Themistocles Decree // AHR. 1962. Vol. 67. № 2. P. 306–316.
- Chiasson C. C.* Pseudoartabas and His Eunuchs: Acharnians 91–122 // CPh. 1984. Vol. 79. № 2. P. 131–136.
- Chroust A.-H.* Treason and Patriotism in Ancient Greece // The Journal of the History of Ideas. 1954. Vol. 15. № 2. P. 280–288.
- Clifton G.* The Mood of the 'Persai' of Aeschylus // G&R. 2nd. Ser. 1963. Vol. 10. № 2. P. 111–117.
- Cloch   P.* La politique   trang  re d'Ath  nes de 404    338 avant J.-C. P., 1934.
- Connor W.* Theopompus and Fifth Century Athens. Cambridge (Mass.), 1968.
- Cook J. M.* The Persian Empire. L., 1983.
- Cook M. L.* Ancient Political Factions: Boeotia 404 to 395 // TAPA. 1988. Vol. 118. P. 57–85.
- Cook M. L.* Timokrates' 50 Talents and the Cost of Ancient Warfare // Eranos. 1990. Vol. 88. № 1. P. 69–97.
- Cornelius F.* Die Schlacht bei Sardis // Klio. 1933. Bd. 26. Ht. 1. S. 29–31.
- Costa E. A. Jr.* Evagoras I and the Persians, ca 411 to 391 BC // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 1. P. 40–56.
- Cozzoli U.* La Beozia durante il conflitto tra l'Ellade e la Persia // RFIC. 1958. Vol. 36. P. 264–287.
- Craig J. D.* The Interpretation of Aeschylus' Persae // CR. 1924. Vol. 38. № 5/6. P. 98–101.
- Daumas M.* Aristophane et les Perses // REA. 1985. T. 87. P. 289–306.
- Demand N.* Herodotus' Encomium of Athens: Science or Rhetoric? // AJPh. 1987. Vol. 108. № 4. P. 746–758.
- Develin R.* Once More About IG II² 207 // ZPE. 1988. Bd. 73. P. 75–81.
- Develin R.* Athenian Officials, 683–321. Cambridge, 2003.
- David E.* Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.). N.Y., 1981.

- David E. The oligarchic revolution at Rhodes 391–389 BC // CPh. 1984. Vol. 79. № 4. P. 271–289.
- De Sanctis G. Studi di storia della storiografia greca. Roma, 1951.
- De Souza Ph. The Greeks and Persian Wars, 499–386 BC. L., 2003.
- Demand N. Herodotus and Metoikesis in the Persian Wars // AJPh. 1988. Vol. 109. № 3. P. 416–423.
- Descat R. Colophon et la paix d'Épilykos // Erol Atalay Memorial / Ed. by H. Malay. Izmir, 1990. P. 33–40.
- DeVoto J. G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace of 392/1 B.C. // CPh. 1986. Vol. 81. № 1. P. 191–202.
- DeVoto J. G. Agesilaos and Tissaphernes near Sardis in 395 B.C. // Hermes. 1988. Bd. 116. Ht. 1. P. 41–53.
- Dickins G. The Growth of Spartan Policy // JHS. 1912. Vol. 32. P. 1–42.
- Doenges N. A. The Campaign and Battle of Marathon // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 1. P. 1–27.
- Dreher M. Hegemon und Symmachoi: Untersuchungen zum Zweiten Athenischen Seebund. Berlin; N.Y., 1995.
- Dundas R. H. Thucydides VIII. 5. v // CR. 1934. Vol. 48. № 5. P. 167–168.
- Dunkel H. B. Was Demosthenes a Panhellenist? // CPh. 1938. Vol. 33. № 3. P. 291–305.
- Dunker H. Der Process des Pausanias // Sitzungsberichte. Bd. 43. Berlin, 1883.
- Dušanič S. The Attic-Chian Alliance (IG II² 34) and the 'Troubles in Greece' of the Late 380's BC // ZPE. 2000. Bd. 133. P. 21–30.
- Ebeling H. L. The Persians of Timotheus // AJPh. 1925. Vol. 46. № 4. P. 317–331.
- Ebbott M. The List of the War Dead in Aeschylus "Persians" // HSCPh. 2000. Vol. 100. P. 83–96.
- Eck B. Sur la vie de Ctesias // REG. 1990. T. 103. P. 404–434.
- Eddy S. K. On the Peace of Callias // CPh. 1970. Vol. 65. № 1. P. 8–14.
- Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia ca 448–412 B.C. // CPh. 1973. Vol. 68. № 3. P. 241–258.
- Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization During the 6th and 5th Centuries BC. L.-N.Y., 1973.
- Ehrhardt C. Athens, Egypt, Phoenicia, c. 459–444 B.C. // AJAH. 1999 [2001]. Vol. 15. № 2. P. 177–196.
- Erbse H. Die Reise des Satrapen nach Kaunos (zu Thuk. 8. 57–59) // Wiener Studien. 1988. Bd. 101. S. 59–67.
- Evans J. A. S. The Settlement of Artaphrenes // CPh. 1976. Vol. 71. № 4. P. 344–348.
- Evans J. A. S. The medism of Pausanias: two versions // Antichthon. 1988. Vol. 22. P. 1–11.
- Falkner K. L. The battle of Syme — 411 BC // AHB. 1995. Vol. 9. N 3–4. P. 117–124.
- Ferguson W. S. Sparta and the Peloponnese // CAH¹. 1927. Vol. 5. P. 254–281.
- Fiehn. Struthas // RE. 1931. 2 Reihe. Hbbd. 7. Sp. 384.
- Figueira T. J. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League // CPh. 1981. Vol. 76. № 1. P. 1–24.
- Flower M. A., Marincola J. Herodotus: Histories Book IX. Cambridge, 2002.
- Fornara C. W. Some aspects of the career of Pausanias of Sparta // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 3. P. 257–271.
- Fornara C. W. The Value of the Themistocles Decree // AHR. 1967. Vol. 73. № 2. P. 425–433.
- Fornara C. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.
- Forrest W. G. Themistocles and Argos // CQ. 1960. N. S. Vol. 10. № 2. P. 221–241.
- Forrest W. G. A History of Sparta. L., 1992.
- Foucart P. Décrets Athéniens du IVme siècle // BCH. 1888. T. 12. P. 153–179.
- Fowler R. L. Herodotus and his Contemporaries // JHS. 1996. Vol. 116. P. 62–87.
- Freeman F. Portait of a Millionaire — Callias Son of Hipponicus // G&R. 1938. Vol. 8. № 2. P. 20–35.
- Funke P. Homonoia und Arche: Athen und die griechischen Staatenwelt von Ende des peloponnesischen Kriegen bis zur Königsfrieden (404/3–387/6 v. Ch.) // Historia. Einzelschriften, 37. Wiesbaden, 1980.
- Funke P. Nochmals zu den Wechselfällen rodischer Politik zu Beginn des IV Jahrhundert v. Chr. // Hermes. 1984. Bd. 112. Ht. 1. S. 115–119.
- George P. Barbarian Asia and Greek experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994.
- Gibson C. A. Interpreting a Classic: Demosthenes and His Ancient Commentators. Berkeley, 2002.
- Gillis D. Marathon and Alcmaeonids // GRBS. 1969. Vol. 10. № 2. P. 133–145.
- Gillis D. Collaboration with the Persians // Historia. Einzelschriften, 34. Wiesbaden, 1979.
- Giorgini G. The Riddle of Pausanias. Untraveling Thucydides' Account // RSA. 2004. A. 34. P. 181–206.
- Glötz G., Cohen R. Histoire Grecque. T. 2–3. P. 1931–1936.
- Goldhill S. Battle Narrative and Politics in Aeschylus' Persae // JHS. 1988. Vol. 108. P. 189–193.
- Goldstein M. S. Athenian-Persian Peace treaties: Thuc. 8. 56. 4 and 8. 58. 2. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 155–164.
- Gomme A. W. Athenian Notes // AJPh. 1944. Vol. 65. № 4. P. 321–339.
- Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 1–5. Oxford, 1945–1981.
- Gorman V. B. Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C.E. Michigan, 2001.
- Graf D. F. Medism. Greek Collaboration with Achaemenid Persia. Diss. Univ. of Michigan. Ann Arbor, 1979.
- Graf D. F. Medism: the Origin and Significance of the Term // JHS. 1984. Vol. 104. P. 15–30.
- Graf D. F. Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / Ed. by J. W. Eadie & J. Ober. Lanham, 1985. P. 79–123.
- Gray V. J. Two Different Approaches to the Battle of Sardis in 395 B.C.: Xenophon, Hellenica 3, 4, 20–24 and Hellenica Oxyrhynchia 11(6), 4–6 // CSCA, 1979. Vol. 12. P. 183–200.

- Gray V. J. The Years 375 to 371 BC: A Case Study in the Reliability of Diodorus Siculus and Xenophon // CQ. NS. 1980. Vol. 30. № 2. P. 314–315.
- Gray V. J. The Character of Xenophon's Hellenica. L., 1989.
- Green P. The Greco-Persian Wars. Berkeley; Los Angeles; L., 1996.
- Green P. From Icaria to the Stars: Classical Mystification, Ancient and Modern. Texas, 2004.
- Grenfell B. P., Hunt A. S. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. 5. L., 1908.
- Griffith G. T. The So-Called Koine Eirene of 346 B.C. // JHS. 1939. Vol. 59. P. 71–79.
- Grote G. A History of Greece. Vol. 1–12. L., 1846–1856.
- Grote G. A History of Greece: From the Time of Solon to 403 BC. L., 2001.
- Gugel H. Medismos // Der Kleine Pauly. Lexikon der alten Welt. München, 1979. Bd. 3. Sp. 1133.
- Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. 1961. Bd. 89. Ht. 1. S. 1–35.
- Hack H. M. Thebes and the Spartan Hegemony, 386–382 B.C. // AJPh. 1978. Vol. 99. № 2. P. 210–227.
- Hall E. Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford, 1991.
- Hall E. Asia unmann'd: Images of Victory in classical Athens // War and Society in the Greek World / Ed. by J. Rich & G. Shipley. L., 1993. P. 108–133.
- Hall H. R. Egypt to the Coming of Alexander // CAH¹. 1927. Vol. 6. P. 137–166.
- Hall M.D. Even Dogs have Erinyes: Sanction in Athenian Practice and Thinking // Greek Law in its Political Setting: Justification Not Justice / Ed. by L. Foxhall and A. D. E. Lewis. Oxford, 1996. P. 73–90.
- Hamel D. Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.
- Hamilton C. D. Spartan Politics and Policy, 405–401 BC. // AJPh. 1970. Vol. 91. № 3. P. 294–314.
- Hamilton C. D. Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. N.Y., Ithaca, 1979.
- Hamilton C. D. Diodorus on the Establishment of the Second Athenian League // AHB. 1989. Vol. 3. № 5. P. 93–101.
- Hamilton C. D. Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. L., N.Y.: Ithaca, 1991.
- Hamilton C. D. Lysander, Agesilaus, Spartan Imperialism and the Greeks of Asia Minor // AW. 1992. Vol. 23. № 1. P. 35–50.
- Hammond N. G. L. τὸ Μηδικὸν and τὰ Μηδικά // CR. 1957. Vol. 7. P. 100–102.
- Hammond N. G. L. The Origins and the Nature of the Athenian Alliance of 478/7 B.C. // JHS. 1967. Vol. 87. P. 41–61.
- Hammond N. G. L. The Campaign and the Battle of Marathon // JHS. 1968. Vol. 88. P. 13–57.
- Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979.
- Hammond N. G. L. The Extent of Persian Occupation of Thrace // Chiron. 1980. Bd. 10. P. 53–61.
- Hammond N. G. L. The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // JHS. 1982. Vol. 102. P. 75–93.
- Hammond N. G. L. The Expedition of Xerxes // CAH². Vol. 4. 1988. P. 518–591.
- Hammond N. G. L. Plataea's Relations with Thebes, Sparta and Athens // JHS. 1992. Vol. 112. P. 143–150.

- Hammond N. G. L. Sparta at Thermopylae // Historia. 1995. Bd. 45. Ht. 1. P. 1–20.
- Hampf F. Die griechische Staatsverträge des 4. Jahrhunderts v. Chr. Leipzig, 1938.
- Hansen O. Zum persischen Vers 100 der Acharner des Aristophanes // Festschrift Vasmer. 1956. S. 177–180.
- Harding Ph. Athenian Defensive Strategy in the Fourth Century // Phoenix. 1988. Vol. 42. № 1. P. 61–71.
- Harding Ph. Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // Klio. 1995. Bd. 77. S. 105–125.
- Harris E. M. More Chalcidic Negligence // CPh. 1989. Vol. 84. № 1. P. 36–44.
- Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. Oxford., 1995.
- Harris E. M. IG. I³. 227 and the So-Called Peace of Epilykos // ZPE. 1999. Bd. 126. P. 123–128.
- Hatzfeld J. Alcibiade: Etude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. Paris, 1940.
- Harvey F. D. The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd. 66. Ht. 1. P. 58–73.
- Hegyi D. Die ionische Poleis vom Kalliasfrieden bis zur Zeit der makedonischen Eroberung // HP. 1973. Bd. 2. S. 1016–1032.
- Hegyi D. Μηδισμός. Perzsalbarat iranyzat görögorszaglan i.e. 508–479. Budapest, 1974.
- Hegyi D. Athen und die Achämeniden in der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts v.u.Z // Oikumene. 1983. Bd. 4. S. 53–59.
- Hegyi D. Die Formen und Auswirkungen der griechisch-persischen Beziehungen im 5. Jahrhundert v.u.Z. // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit der griechischen Polis. Berlin, 1985. S. 109–118.
- Helmbold W. C. Athens and Aegina // CPh. 1952. Vol. 47. № 1. P. 95–97.
- Hennig D. Herodot 6, 108: Athen und Plataiai // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 13–24.
- Herman G. Ritualized Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.
- Heskel J. The North Aegean Wars, 370–361 BC. / Historia. Einzelschriften, 102. Stuttgart, 1996.
- Higbi H. Craterus and the Use of Inscriptions in Ancient Scholarship // TAPA. 1999. Vol. 129. P. 43–83.
- Higbie C. The Lindian Chronicle and the Greek Creation of the Past. Oxford, 2003.
- Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963.
- Hirsch S. W. The friendship of the barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover, 1985.
- Hirsch S. W. Cyrus' parable of the fish: sea-power in the early relations of Greece and Persia // CJ. 1986. Vol. 81. № 3. P. 222–229.
- Hochschulz B. Kallistratos von Aphidnai: Untersuchungen zu seiner politischen Biographie. München, 2007.
- Hodge A. T., Losada L. A. The Time of the Shield Signal at Marathon // AJA. 1970. Vol. 74. № 1. P. 31–36.
- Hofstetter J. Zu den griechischen Gesandtschaften nach Persien // Beiträge zur Achämenidengeschichte / Hrsg. von G. Walser. Historia. Einzelschriften, 18. Wiesbaden, 1972. S. 94–107.
- Hofstetter J. Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. Berlin, 1978.

- Holladay A. J. Medism in Athens 508–480 BC. // G&R. 1978. Vol. 25. № 2. P. 174–191.
- Holladay A. J. Athenian Strategy in the Archidamian War // Historia. 1978. Bd. 27. Ht. 3. P. 399–427.
- Holladay A. J. The detente of Callias? // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 4. P. 503–507.
- Holladay A. J. The Hellenic disaster in Egypt // JHS. 1989. Vol. 109. P. 176–182.
- Hollis A. S. The Reputation and Influence of Choerilus of Samos // ZPE. 2000. Bd. 130. P. 13–15.
- Holzappel L. Athen und Persien von 465 bis 412 v. Chr. // Berliner Studien für klassische Philologie und Archaeologie. Berlin, 1888. Bd. 7. Ht. 3.
- Hordem J. The Fragments of Timotheus of Miletus. Oxford, 2002.
- Hornblower S. Mausolus. Oxford, 1982.
- Hornblower S. The Greek World, 479–423 BC. L., 1983.
- Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. I: Books I–III. Oxford, 1991; Vol. II: Books IV–V. Oxford, 1996.
- Hornblower S. Sicily and the Origins of the Corinthian War // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 1. P. 121–123.
- Hornblower S. Asia Minor // CAH². 1994. Vol. 6. P. 209–233.
- Hornblower S. Persia // CAH². 1994. Vol. 6. P. 45–96.
- Hornblower S. Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History / Ed. by A. V. Hartman & B. Heuser. L., 2001. P. 48–61.
- Horsley G. H. R. Kleisthenes and the Abortive Athenian Embassy to Sardis // Museum Philologum Londoniense. 1986. Vol. 7. P. 99–105.
- How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1–2. Oxford, 1912.
- Hubert O. Die wirtschaftliche Verhältnisse Athens von Ende des peloponnesischen Kriegen bis zur Königsfrieden. Diss. München, 1939.
- Hudson H. G. The Shield Signal at Marathon // AHR. 1937. Vol. 42. № 3. P. 443–459.
- Humphreys S. C. The Date of Hagnias' Death // CPh. 1983. Vol. 78. № 3. P. 219–225.
- Huxley G. The Medism of Caryae // GRBS. 1967. Vol. 8. № 1. P. 29–32.
- Hyland J. O. Tissaphernes and the Achaemenid Empire in Thucydides and Xenophon. PhD Diss. Univ. of Chicago, 2005.
- Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2004.
- Jameson M. H. A Decree of Themistokles from Troezen // Hesperia. 1961. Vol. 29. № 2. P. 198–223.
- Jacoby F. Ctesias // RE. 1922. Bd. 11. Sp. 2032–2078.
- Jameson M. H. Waiting for the Barbarian: New Light on the Persian Wars // G&R. 1961. 2nd ser. Vol. 8. № 1. P. 5–18.
- Jeffery L. H. The Campaign between Athens and Aegina in the years before Salamis (Herodotus VI 87–93) // AJPh. 1962. Vol. 83. № 1. P. 44–54.
- Jehne M. Die Friedensverhandlungen von Sparta 392/1 v. Ch. und das Problem der kleinasiatischen Griechen // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 265–276.
- Jehne M. Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4 Jahrhundert v. Chr. // HZ. 1992. Bd. 255. Ht. 1. S. 99–116.
- Jehne M. Die Anerkennung der athenischen Besitzansprüche auf Amphipolis und die Chersones // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 3. S. 272–282.
- Jehne M. Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungs-bemühungen in den griechischen Poliswelt des 4 Jahrhunderts v. Ch. Stuttgart, 1994.

- Johannson N. The inscription of Throezen: A Decree of Themistocles? // ZPE. 2001. Bd. 137. P. 69–92.
- Jonkers E. J. Μῆδοι, τὰ Μηδικὰ τὸ, Μηδισμός // Studia varia Carolo Guiliemo Vollgraff. Amsterdam, 1948. P. 78–83.
- Judeich W. Kleinasiatichen Studien. Untersuchungen zu griechisch-persischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Ch. Marburg, 1892.
- Judeich W. Antalkidas // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 2345
- Judeich W. Arthmios // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 1449.
- Judeich W. Theopomps Hellenika // RhM. 1911. Bd. 66.
- Judeich W. Griechische Politik und Persische Politik im V Jahrhundert v. Chr. // Hermes. 1923. Bd. 58. Ht. 1. S. 1–19.
- Judeich W. Die Zeit des Friedensrede des Andokides // Philologus. 1926. Bd. 81. Ht. 2.
- Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. I: Book XI–XII. Alexander the Great / tr. and app. by J. C. Yardley, comm. by W. Heckel. Oxf., 1997.
- Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30. № 4. P. 393–401.
- Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War // PdP. 1961. Vol. 80. № 1. P. 321–341.
- Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1969.
- Kagan D. The Archidamian War. Ithaca; L., 1974.
- Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca: N.Y., 1987.
- Kahrstedt U. Herakleides (8) // RE. 1912. Bd. 8. Hbhd. 15. Sp. 458.
- Kahrstedt U. Sparta und Persien in der Pentokontaetie // Hermes. 1921. Bd. 56. S. 320–325.
- Kallet L. Epigraphic Geography. The Tribute Quota Fragments Assigned to 421/0–415/4 B.C. // Hesperia. 2004. Vol. 73. № 4. P. 465–496.
- Kallet-Marx R. M. Athens, Thebes, and the Foundation of the Second Athenian League // CA. 1985. Vol. 4. P. 127–151.
- Karavites P. Realities and Appearance, 490–480 BC // Historia. 1977. Bd. 26. Ht. 2. S. 129–147.
- Keaveney A. The Medisers of Thessaly // Eranos. 1995. Vol. 93. P. 29–37.
- Keen A. G. Athenian campaigns in Karia and Lykia during the Peloponnesian War // JHS. 1993. Vol. 113. P. 152–156.
- Keen A. G. Persian Karanoi and Their Relationship to the Satrapal System // Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993. Vol. 1. P. 89–95.
- Keen A. G. A “Confused” Passage of Philochoros (F 149 a) and the Peace of 392/1 B.C. // Historia. 1995. Bd. 64. Ht. 1. P. 1–10.
- Keen A. G. Philochoros F 149 A & B: A Further Note // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 3. P. 375–378.
- Keen A. G. Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545–362 B. C. Leiden, 1998.
- Keen A. G. Persian Policy in the Aegean, 412–386 BC // JAC. 1998. Vol. 13. P. 93–110.
- Kelly T. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth // AHR. 1970. Vol. 25. P. 971–1003.

- Kelly T. Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C. // CPh. 1974. Vol. 69. № 2. P. 81–99.
- Kelly T. Thucydides and Spartan Strategy in the Archidamian War // AHR. 1982. Vol. 87. № 1. P. 25–54.
- Kelly T. Persian Propaganda — A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. 2003. Vol. 38. P. 173–219.
- Kienast D. Presbeia (Πρεσβεία), griechisches Gesandtschaftswesen // RE. 1973. Suppl. 13 (zum 22 Bd.). Sp. 499–628.
- Kienast D. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. Bd. 33. S. 43–77.
- Kinzl K. Athens Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer on the Occasion of his Eightieth Birthday. Berlin–N.Y., 1977. P. 199–223.
- Kirchner J. Epilykos (2) // RE. 1906. Bd. 6. Hbbd. 11. Sp. 158.
- Kirchner J. Kallias (2) // RE. 1919. Bd. 10. Hbbd. 2. Sp. 1615–1618.
- Kirchner J. Prosopographia attica. Berolini, 1901.
- Koenen L. A New Fragment of the Oxyrhynchite Historian // SP. 1976. Vol. 15. № 1. P. 55–76.
- Köhler U. Herakleides der Klazomenier // Hermes. 1892. Bd. 27. Ht. 1. S. 68–78.
- Kowerski L. M. Simonides on the Persian Wars A Study of the Elegiac Verses of the «New Simonides». L., 2005.
- Kraay C. M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkley, 1976.
- Kraft K. Bemerkungen zu den Perserkriegen // Hermes. 1964. Bd. 92. Ht. 2. S. 144–171.
- Kramer N. Athen — keine Stadt des Grosskönigs! // Hermes. 2004. Bd. 32. S. 257–270.
- Krentz P. Athenian Politics and Strategy after Kyzikos // CJ. 1989. Vol. 84. № 3. P. 206–215.
- Krentz P. Xenophon and Diodoros on the Battle of Abydos // AHB. 1989. Vol. 3. № 1. P. 10–14.
- Krentz P. Xenophon, Hellenika I–II.3.10. Warminster, 1989.
- Kuhrt A. Earth and Water // Achaemenid History / Ed. by A. Kuhrt and H. Sancisi-Weerdenburg. Vol. 3: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 87–99.
- Kuhrt A. The Achaemenid Persian Empire (c. 550 — c. 330 B C E): continuities, adaptations, transformations // Empires: Perspectives from Archaeology and History / Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison, K. N. Sinopoli. Cambridge, 2001.
- Kurke L. Aesop and the Contestation of Delphic Authority // The Cultures Within Ancient Greek Culture: Contact, Conflict, Collaboration. Cambridge, 2003. P. 77–100.
- Laforse B. Xenophon, Callicratidas and Panhellenism // AHB. 1998. Vol. 12. № 1–2. P. 55–67.
- Lang L. M. Scapegoat Pausanias // CJ. 1967. Vol. 63. № 2. P. 79–85.
- Lanzillotta E. Le citta greche dell' Asia Minore dagli battaglia di Cnido alla paci di Antalcida // Scritti sul mondo antico in memoria di F. Grosso. Roma, 1981. P. 273–288.
- Larsen J. A. O. The Constitution and Original Purpose of the Delian League // HSCPh. 1940. Vol. 51. P. 175–213.
- Lateiner D. Tissaphernes and the Phoenician Fleet (Thucydides, 8.87) // TAPA. 1976. Vol. 106. P. 279–290.
- Lazenby J. F. Pausanias, Son of Kleombrotos // Hermes. 1975. Bd. 103. P. 235–244.
- Lazenby J. The Defence of Greece, 490–479 BC. Warminster, 1993.
- Lazenby J. F. The Peloponnesian War: A Military Study. L., 2003.
- Leahy D. M. Aegina and the Peloponnesian League // CPh. 1954. Vol. 49. № 1. P. 232–243.
- Lehmann G. A. Ein neues Fragment del Hell. Oxy.: einige Bemerkungen zu P. Cairo (Tem. Inv. No) 26/6/27/1–35 // ZPE. 1977. Bd. 26. S. 181–191.
- Lehmann G. A. Spartas ἀρχή und die Vorphase des Korinthischen Kriegen in dem Hellenica Oxyrhynchia // ZPE. 1978. Bd. 28. S. 109–126.
- Lenardon R. J. The Archonship of Themistocles // Historia. 1956. Bd. 5. Ht. 4. P. 401–419.
- Lenardon R. J. The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. P. 23–48.
- Lenardon R. J. The Saga of Themistocles. L., 1978.
- London J. E. The Oxyrhynchus Historian and the Origins of the Corinthian War // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 3. P. 300–313.
- Lenfant D. Ctésias et Hérodote ou les réécritures de l'histoire dans la Perse achéménide // REG. 1996. T. 109. P. 348–380.
- Lenschau Th. Pharnabazus // RE. 1938. Bd. 19. Sp. 1842–1248.
- Lenschau Th. Die Sendung des Timokrates und der Ausbruch des Korinthischen Kriegen // Phil. Woch. 1933. S. 1325–1328.
- Levy E. Les trois traités entre Sparte et le Roi // BCH. 1983. T. 107. № 1. P. 221–242.
- Levy M. A. Le fonti per la paci di Antalcide // Acme, 1955. Vol. 8. P. 105–111.
- Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 BC. // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 3. P. 392–397.
- Lewis D. M. Notes on the Decree of Themistocles // CQ. NS. 1961. Vol. 11. № 1. P. 61–66.
- Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / Cincinnati Classical Studies. № 1. Leiden, 1977.
- Lewis D. M., Stroud R. S. Athens Honors King Evagoras of Salamis // Hesperia. 1979. Vol. 42. № 2. P. 180–193.
- Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations // L'or perse et l'histoire grecque / Actes de table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond. REA. 1989. T. 91. № 1/2. P. 227–235.
- Lewis D. M. The Thirty Years' Peace // CAH². 1992. Vol. 5. P. 121–146.
- Libourel J. M. The Athenian Disaster in Egypt // AJPh. 1971. Vol. 92. № 4. P. 605–615.
- Link S. Das Paros-Abenteuer des Miltiades (Hdt. 6, 132–136) // Klio. 2000. Bd. 82. Ht. 1. S. 40–53.
- Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser // RhM. 1965. Bd. 108. S. 320–341.
- Littman R. J. The Strategy of the Battle of Cyzicus // TAPA. 1968. Vol. 99. P. 265–272.
- Littman R. J. Athens, Persia and The Book of Ezra // TAPA. 1995. Vol. 125. P. 251–259.
- Littman R. J. Dor and the Athenian Empire // AJAH. 1999 [2001]. Vol. 15. № 2. P. 155–176.

- Lonis R. Les usages de la guerre entre grecs et barbares. De guerre mediques au milieu du IV siècle av. J. C. Paris, 1969.
- Loomis W. T. The Spartan War Fund: IG V 1, 1 and a New Fragment // *Historia*. Einzelschriften, 74. Stuttgart, 1992.
- Lotze D. Lysander und der Peloponnesische Krieg. Berlin, 1964.
- Luraghi N. Un Gran Re e I tiranni. Per una volutazione storica delle tirannida in Asia Minore durante il regno dei primi Achemenidi // *Klio*. 1998. Bd. 80. Ht. 1. P. 22–46.
- McCow W. J. Thrasyllos // *AJPh*. 1977. Vol. 98. № 3. P. 264–289.
- McGregor M. F. The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // *Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson*. HSCPh. 1940. Suppl. 1. P. 71–95.
- McMullin R. M. Aspects of Medizing: Themistokles, Simonides, and Timocreon of Rhodes // *CJ*. 2001. Vol. 97. № 1. P. 55–67.
- McQueen E. I. Diodorus Siculus: The Reign of Philip II. The Greek and Macedonian Narrative from Book XVI. A Companion. Bristol, 1995.
- MacDowell D. M. Aristophanes and Athens: An Introduction to the Plays. Oxford, 1995.
- MacFarlane K. A. To lay the shining foundation: The Tradition of the Persian Wars in Classical Greek poetry. Thesis. Univ. of Ottawa, 2004.
- Maele S. van de. Le livre VIII de Thucydide et la politique de Sparte en Asie Mineure (412–411 av.J.C.) // *Phoenix*. 1971. Vol. 35. № 1. P. 32–50.
- Maffre F. La monnayage de Pharnabaze frappé dans l'atelier de Cyzique // *NC*. 2004. P. 1–29.
- Mannes E. T. Il decreto ateniese di atimia contra Artmio di Zeleia (prosseno degli Atheniesi?) // *RSA*. 1962. P. 241–250.
- March D. A. Konon and the Great King's Fleet, 396–394 // *Historia*. 1997. Bd. 46. Ht. 3. S. 257–269.
- Martin V. L'histoire diplomatique dans la tradition littéraire au IV siècle av. J. C. // *MH*. 1944. Vol. 1. № 1. P. 13–30.
- Martin V. Sur une interprétation nouvelle de la «Paix du Roi» // *MH*. 1949. Vol. 6. № 3. P. 127–139.
- Mattingly H. B. The Peace of Kallias // *Historia*. 1965. Bd. 14. Ht. 3. P. 273–281.
- Mattingly H. B. Athens and Persia: Two key documents // *Philologus*. 1975. Bd. 119. Ht. 1. S. 48–56.
- Mattingly H. B. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies. Michigan, 1996.
- Maurice F. The Campaign of Marathon // *JHS*. 1932. Vol. 52. Pt. 1. P. 13–24.
- Mayer K. Themistocles, Plutarch, and the Voice of the Other // *Plutarco y la Historia*. Actas del V Simposio Español sobre Plutarco. Zaragoza 1997. P. 297–304.
- Meiggs R. The Crisis of the Athenian imperialism // *HSCPh*. 1963. Vol. 67. P. 10–17.
- Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.
- Meister K. L. Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historischen Folgen. Wiesbaden, 1982.
- Melchert H. Ktesias "Persika", Books 7–13. Diss. Brown Univ. Providence (RI), 1996.
- Meloni P. Tiribazo satrapo di Sardi // *Athenaeum*. 1950. Vol. 28. P. 292–339.
- Meritt B. D. Greek Inscriptions (14–27) // *Hesperia*. 1939. Vol. 8. № 1. P. 48–82.

- Meyer Ed. Theopomps Hellenika. Halle, 1909.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 3–5. 4 Aufl. Stuttgart, 1958.
- Meyer H. D. Vorgeschichte und Gründung des delisch-attischen Seebundes // *Historia*. 1963. Bd. 12. Ht. 4. S. 405–446.
- Mikalson J. Herodotus and Religion in the Persian Wars. L., 2003.
- Miller M. C. Athens and Persia in the Fifth Century BC.: A Study in the Cultural Reciprocity. Cambridge, 1997.
- Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides. Politics, Ideology and Decision-making in democratic Athens. Cambridge, 1992.
- Missiou A. ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: the politics of translation // *CQ*. 1993. Vol. 43. № 3. P. 377–391.
- Mitchell B. M. Cyrene and Persia // *JHS*. 1966. Vol. 86. P. 99–113.
- Mitchell B. M. Note on the Chronology of the Reign of Arcesilas III // *JHS*. 1974. Vol. 94. P. 174–177.
- Mitchell L. G. Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambridge, 1997.
- Moggi M. Autori greci di Persika II. Charone di Lampsaco // *ASNP*. Ser. 3. 1971. Vol. 1. № 1. P. 1–26.
- Moggi M. Autori greci di Persika I. Dionisio di Mileto // *ASNP*. 1972. Ser. 3. Vol. 2. № 2. P. 433–468.
- Moles J. Xenophon and Callicratidas // *JHS*. 1994. Vol. 114. P. 70–84.
- Moles J. Herodotus and Athens // *Brills Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 2002. P. 42–43.
- Molyneux J. H. Simonides: A Historical Study. Waunconda, 1992.
- Morgoan J. D. ΜΑΡΙΚΑΣ // *CQ*. 1986. Vol. 36. P. 529–531.
- Morrison J. S. Meno of Pharsalus, Polycrates, and Ismenias // *CQ*. 1942. Vol. 36. № 1/2. P. 57–78.
- Mosley D. J. Pharax and the Spartan Embassy to Athens in 370/69 BC // *Historia*. 1963. Bd. 12. S. 247–250.
- Mosley D. J. Diplomacy by Conference: Almost a Spartan Contribution to Diplomacy // *Emerita*. 1971. Vol. 3. Fasc. 1. P. 187–193.
- Mosley D. J. Euthycles: One or Two Spartan Envoys // *CR*. 1972. Vol. 22. № 1. P. 187–189.
- Mosley D. J. Diplomacy in Classical Greece // *An.Soc*. 1972. Vol. 3. P. 1–16.
- Mosley D. J. Conon's Embassy to Persia // *RhM*. 1973. Bd. 116. P. 17–21.
- Mosley D. J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973.
- Moysey R. The Date of the Strato of Sidon Decree (IG II² 141) // *AJAH*. 1976. Vol. 1. № 1. P. 182–189.
- Moysey R. A. Chares and Athenian Foreign Policy // *CJ*. 1985. Vol. 80. P. 221–227.
- Moysey R. A. IG II² 207 and the Great Satraps Revolt // *ZPE*. 1987. Bd. 69. P. 93–100.
- Moysey R. A. Observations on the Numismatic Evidence Relating to the Great Satrapal Revolt of 362/1 BC. // *L'or perse et l'histoire grecque / Actes de table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond*. REA. 1989. T. 91. № 1/2. P. 107–139.
- Moysey R. A. Thucydides, Kimon and the Peace of Kallias // *AHB*. 1991. Vol. 5. № 3. P. 30–35.

- Moysey R. A. Diodoros, the Satraps and the Decline of the Persian Empire // AHB. 1991. Vol. 5. P. 113–122.
- Moysey R. A. Plutarch, Nepos and the Satrapal Revolt of 362/1 B.C. // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 1. P. 158–168.
- Munn M. H. The Defence of Attica: The Dema Wall and the Boiotian War of 378–375 B.C. Berkeley, 1993.
- Munro J. A. R. Some Observations on the Persian Wars // JHS. 1899. Vol. 19. P. 185–197.
- Munson R. V. Ananke in Herodotus // JHS. 2001. Vol. 121. P. 30–50.
- Murison C. L. The Peace of Callias Its Historical Context // Phoenix. 1971. Vol. 25. № 1. P. 12–30.
- Murray O. 'Ο 'ΑΡΧΑΙΟΣ ΔΑΣΜΟΣ // Historia. 1966. Bd. 15. Ht. 1. P. 142–156.
- Myres J. L. Μηδίζεν» Μηδισμός // Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray. Oxford, 1936. P. 97–105.
- Natalicchio A. La tradizione delle offerte Spartane di pace tra il 411 ed il 404: storia e propaganda // RIL. Classi di lettere e scienze morali e storiche. 1990. Vol. 124. P. 161–175.
- Nellen D. Zur Darstellung der Schlacht bei Sardes in den Quellen // AncSoc. 1972. Vol. 3. S. 45–54.
- Nenci G. La formula della richiesta della terra e dell'acqua nel lessico diplomatico achemenide // Linguaggio e terminologia diplomatica dall'antico oriente all'impero bizantino. Atti del Convegno Nazionale, Genova 19 Novembre 1998. Serta Antiqua et Mediaevalia IV / Ed. M. G. A. Bertinelli e L. Piccirilli. Roma, 2001.
- Niese B. Damaratus (1) // RE. Bd. 4. Hbbd. 8. Sp. 2029–2030.
- Niese B. Euthykles (5) // RE. 1907. Bd. 11. Sp. 1506–1507.
- Nolte F. Die historisch-politischen Voraussetzung des Königsfriedens. Bamberg, 1923.
- Oliver J. The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles // Historia. 1957. Bd. 6. Ht. 3. P. 254–256.
- Olmstead A. T. A Persian Letter in Thucydides // AJSLL. 1933. Vol. 49. № 2. P. 154–161.
- Olmstead A. T. Oriental Imperialism // AHR. 1918. Vol. 23. № 4. P. 755–762.
- Olmstead A. T. Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305–322.
- Olmstead A. T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948.
- O'Neil G. L. The exile of Themistocles and Democracy in the Peloponnese // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 335–346.
- Orlin L. L. Athens and Persia ca 507 B.C.: A Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in honor of G. G. Cameron. Ann Arbor, 1976. P. 255–266.
- Osborn M. J. Athens and Orontes // ABSA. 1971. Vol. 66. P. 297–321.
- Osborn M. J. Orontes // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 4. P. 515–551.
- Ostwald M. The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH2. 1988. Vol. 4. P. 303–346.
- Papalas A. J. The Parian Expedition and the Development of the Athenian Navy // AHB. 2000. Vol. 14. № 3. P. 107–119.
- Pareti L. Studi Minori di storia antica. Vol. 2. Roma, 1961.

- Parke H. W. The Development of the Second Spartan Empire // JHS. 1930. Vol. 50. Pt. 1. P. 37–79.
- Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. From the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933.
- Parke H. W. A Note on the Spartan Embassy to Athens (408/7 BC) // CR. 1957. Vol. 7. № 2. P. 106–107.
- Parke H. W. Consecration to Apollo // Hermathena. 1948. Vol. 62. P. 82–114.
- Parker S. T. The Objectives and Strategy of Cimon's expedition to Cyprus // AJPh. 1976. Vol. 97. № 1. P. 30–38.
- Pavese C. O. Elegia di Simonide agli Spartiati per Platea // ZPE. Bd. 107. P. 1–26.
- Payrau S. EIPHNKA. Considérations sur l'échec de quelques tentatives panhellénique au IVe siècle avant Jésus-Christ // REA. 1971. T. 73. № 1. P. 24–79.
- Pearson L. Historical Allusions in the Attic Orators // CPh. 1941. Vol. 36. № 3. P. 209–229.
- Perlman S. The Historical Example, Its Use and Importance as Political Propaganda in Attic Orators // Scripta Hierosolymitana. Jerusalem, 1961. Vol. 7. P. 150–166.
- Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War // CQ. NS. 1964. Vol. 14. № 1. P. 64–81.
- Perlman S. Athenian Democracy and the Revival of Imperialistic Expansion at the Beginning of the Fourth century B.C. // CPh. 1968. Vol. 63. № 3. P. 259.
- Perlman S. On bribing Athenian ambassadors // GRBS. 1976. Vol. 17. № 3. P. 223–233.
- Pernee L. Des subsides à taux fixe ou/et à la proportionnelle. Thucydide VIII, 29 // RPh. 1980. T. 54. P. 114–121.
- Pesely G. E. The Speech of Endius in Diodorus Siculus 13. 52. 3–8 // CPh. 1985. Vol. 80. № 4. P. 320–321.
- Pesely G. E. The Date of Thrasyllus' Expedition to Ionia // AHB. 1998. Vol. 12. № 3. P. 96–100.
- Petit T. L'intégration des cités ioniennes dans l'empire achéménide (VIe siècle) // REA. 1985. T. 87. № 1. P. 43–52.
- Petit M. À Propos des «satrapies» ionienne et carienne // BCH. 1988. T. 112. P. 307–322.
- Petzold K.-E. Die Gründung des Delisch-Attischen Seebundes: Element einer 'imperialistischen' Politik Athens? I–II // Historia. 1993. Bd. 42. Ht. 4. S. 418–443; 1994. Bd. 43. Ht. 1. S. 1–31.
- Plommer H. Vitruvius and the Origins of Caryatids // JHS. 1979. Vol. 99. P. 97–102.
- Podlecki A. J. Simonides: 480 // Historia. 1968. Bd. 17. Ht. 3. P. 257–275.
- Podlecki A. J. The Life of Themistocles. Monreal, 1975.
- Pownall F. S. Presbeis Autokratores: Andocides' De Pace // Phoenix. 1995. Vol. 49. № 2. P. 140–149.
- Pownall F. S. Lessons from the Past: The Moral Use of History in Fourth Century Prose. Michigan, 2003.
- Pritchett W. K. The Greek State at War. Pt. 5. Berkely–Los Angeles–London, 1991.
- Quass F. Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. Zur Problematik einer allgemeinen griechischen Friedensordnung // HZ. 1991. Bd. 252. S. 33–56.
- Quinn T. J. Athens and Samos, Lesbos and Chios, 478–404 B. C. Manchester, 1981.

- Raaflaub K.* Beute, Vergeltung, Freiheit? Zur Zielsetzung des Delisch-Attischen Seebundes // *Chiron*. 1979. Bd. 9. S. 1–22.
- Radicke J.* Die Rede des Demosthenes für die Freiheit der Rhodier. Stuttgart–Leipzig, 1995.
- Rahe P. A.* The military situation in Western Asia on the eve of Cunaxa // *AJPh*. 1980. Vol. 101. № 1. P. 79–96.
- Raubitschek A. E.* The Covenant of Plataea // *TAPA*. 1960. Vol. 91. P. 178–183.
- Raubitschek A. E.* The Treaties between Athens and Persia // *GRBS*. 1964. Vol. 5. P. 151–159.
- Redfield J.* Herodotus the Tourist // *CPh*. 1985. Vol. 80. № 2. P. 97–118.
- Reid C. I.* Ephoros fragment 76 and Diodoros on the Cypriote War // *Phoenix*. 1974. Vol. 28. № 1. P. 123–143.
- Reynolds B. P. K.* The Shield Signal at the Battle of Marathon // *JHS*. 1929. Vol. 49. Pt. 2. P. 100–105.
- Rhodes P. J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // *Historia*. 1970. Bd. 19. Ht. 4. P. 387–400.
- Rhodes P. J.* The Athenian Empire. L., 1985.
- Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1993.
- Rice D. G.* Agesilaus, Agesipolis and Spartan Politics, 386 to 379 B.C. // *Historia*. 1974. Bd. 23. P. 164–182.
- Richards G. S.* Proskynesis // *CR*. 1934. Vol. 48. № 5. P. 168–170.
- Roberts J. T.* Athenian conservatives and the impeachment trials of the Corinthian War // *Hermes*. 1980. Bd. 108. Ht. 4. S. 100–114.
- Robertson N. D.* The True Nature of the 'Delian League' 478–461 BC I–II // *AJAH*. 1980 [1981]. Vol. 5. № 1. P. 64–96; 1980 [1982]. Vol. 5. № 2. P. 110–133.
- Robertson N. D.* The Thessalian Expedition of 480 BC // *JHS*. 1976. Vol. 96. P. 100–120.
- Robertson N. D.* Timocreon and Themistocles // *AJPh*. 1980. Vol. 101. № 1. P. 61–78.
- Robertson N. D.* The sequence of events in the Aegean in 408 and 407 BC. // *Historia*. 1980. Bd. 29. Ht. 3. P. 281–301.
- Robinson C. A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // *AJPh*. 1939. Vol. 60. № 2. P. 232–237.
- Robinson C. A.* Athenian Politics, 510–486 BC. // *AJPh*. 1945. Vol. 66. № 3. P. 243–254.
- Robinson E. W.* Thucydidean Sieges, Prosopitis, and the Hellenic Disaster in Egypt // *CA*. 1999. Vol. 18. № 1. P. 132–152.
- Roebuck C.* The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 BC. // *CPh*. 1948. Vol. 43. № 2. P. 73–92.
- Roebuck C.* The Early Ionian League // *CPh*. 1955. Vol. 50. № 1. P. 26–40.
- Roisman J.* Maiandrios of Samos // *Historia*. 1985. Bd. 34. Ht. 3. P. 257–277.
- Roisman J.* Kallikratides — a Greek patriot? // *CJ*. 1987. Vol. 83. № 1. P. 21–33.
- Rollinger R.* *Yaunā Tabakarā* und *Maginnāta* Tragende 'Ionier': Zur Problem der griechischen Tronträgerfiguren in Naqsh-e Rostam und Persepolis // *Altertum und Mittelmeerraum: Die antike Welt diesseits und jenseits der Levante. Festschrift für Peter W. Heider zum 60. Geburtstag* / Hrsg. von R. Rollinger und B. Truschnegg / *Oriens und Occidens*, 12. Stuttgart, 2006. S. 365–400.

- Rood T.* Thucydides' Persian Wars // *The Limits of Historiography. Genre and Narrative in Ancient Historical Texts* / Ed. by C. Shuttleworth Kraus. Leiden-Boston-Köln, 1999. P. 141–168.
- Roos A. G.* The Peace of Sparta of 374 BC. // *Mnemosyne*. 1949. Vol. 4. P. 265–285.
- Roy J.* Thucydides 5.49.1–50.4: The Querrel between Elis and Sparta in 420 B. C. and Elis' Exploitation of Olympia // *Klio*. 1998. Bd. 80. № 2. P. 361–363.
- Rung E.* Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the Mission of Timocrates to Greece // *Xenophon and His World* / Ed. by C. J. Tuplin / *Historia Einzelschriften*, 172. Stuttgart, 2004. P. 413–425.
- Ruschenbusch E.* Stasis und Politischen Umsturz in Rhodos // *Hermes*. 1982. Bd. 110. Ht. 4. S. 495–498.
- Russel F. S.* Information Gathering in Classical Greece. Ann Arbor, 1999.
- Ruzicka S.* Clazomenae and Persian Foreign Policy, 387/6 B.C. // *Phoenix*. 1983. Vol. 37. № 2. P. 104–108.
- Ruzicka S.* Cyrus and Tissaphernes, 407–401 BC // *CJ*. 1985. Vol. 80. № 3. P. 204–211.
- Ruzicka S.* A Note on the Philip's Persian War // *AJAH*. 1985 [1993]. Vol. 10. № 1. P. 84–95.
- Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman-London., 1992.
- Ruzicka S.* Athens and the Politics of the Eastern Mediterranean in the Fourth Century B.C. // *AncW*. 1992. Vol. 23. № 1. P. 63–70.
- Ruzicka S.* The Eastern Greek World // *The Greek World in the Fourth century* / Ed. by L. Trittle. N.Y., 1997. P. 107–136.
- Ruzicka S.* Epaminondas and the Genesis of the Social War // *CPh*. 1998. Vol. 93. № 1. P. 60–69.
- Ruzicka S.* Glos, son of Tamos, and the End of the Cypriot War // *Historia*. 1999. Bd. 48. Ht. 1. P. 23–43.
- Ryder T. T. B.* The Supposed Common Peace of 366/5 B. C. // *CQ*. NS. 1957. Vol. 7. P. 199–205.
- Ryder T. T. B.* Spartan relations with Persia after the King's Peace: a Strange Story in Diodorus 15, 9 // *CQ*. 1963. Vol. 13. № 1. P. 105–109.
- Ryder T. T. B.* Athenian Foreign Policy and the Peace-Conference at Sparta in 371 B.C. // *CQ*. NS. 1963. Vol. 13. № 2. P. 237–241.
- Ryder T. T. B.* Koine Eirene. General Peace and the Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965.
- Salmon J. B.* Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B.C. Oxford, 1984.
- Salmon P.* La politique Egyptienne d'Athènes (VIe et Ve siècles avant J-C). Bruxelles, 1965.
- Salmond P. D.* Sympathy for the Devil: Chares and Athenian Politics // *G&R*. 1996. Vol. 43. № 1. P. 43–53.
- Samons II L. J.* Kimon, Kallias and Peace with Persia // *Historia*. 1998. Bd. 47. Ht. 2. P. 129–140.
- Sancisi-Weerdenburg H.* The Fifth Oriental Monarchy and Hellenocentrism: Cyropaedia VIII and Its Influence // *Achaemenid History* / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg & A. Kuhrt. Vol. 2: The Greek Sources. Leiden, 1987. P. 113–146.

- Sancisi-Weerdenburg H.* Decadence in the Empire or Decadence in the Sources: Form Source to Synthesis: Ctesias // *Achaemenid History* / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg. Vol. I: Sources, Structures and Synthesis. Leiden, 1987. P. 33–45.
- Sancisi-Weerdenburg H.* Gifts in the Persian Empire // *La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Decembre 1986* / Ed. P. Briant et C. Herrenschildt. Paris, 1989. P. 129–146.
- Schachermeyer F.* Athen als Stadt des Grosskönigs // *GB*. 1973. Bd. 1. S. 211–220.
- Schaefer A.* Demosthenes und seiner Zeit. Bd. I. Leipzig, 1885.
- Schaefer H.* Tiribazos // *RE*. 1937. Bd. 6A. Sp. 1431–1437.
- Schaefer H.* Tissaphernes // *RE*. 1940. Suppl. 4. Sp. 1579–1599.
- Schaefer H.* Pausanias (25) // *RE*. 1949. Bd. 18. Hbbd. 36. Sp. 2563–2578.
- Schaefer H.* Pissuthnes // *RE*. 1950. Hbbd. 40. Sp. 1807–1809.
- Schaefer H.* Probleme der alten Geschichte. Göttingen, 1963.
- Scharf J.* Die erste Agypische Expedition der Athener // *Historia*. 1954–1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 308–325.
- Schmidt K.* The Peace of Antalcidas and the Idea of Koine Eirene. A Panhellenic Peace Movement // *RIDA*. 1999. 3-e Serie. T. 46. P. 81–96.
- Schmitt R.* Persia und Persisches in Attischer Komodie // *Orientalia. Acta Iranica*. 1984. Vol. 23. S. 459–474.
- Schmitt R.* Artaxerxes I, II, III // *EI*. 1987. Vol. 2. Fasc. 3. P. 654–659.
- Schmitt R.* Greece. I. Greco-Persian Political Relations // *EI*. 2002. Vol. 11. Fasc. 3. P. 292–301.
- Schrader C.* La Paz de Calias. Testimonios e interpretación. Barcelone, 1976.
- Shumacher L.* Themistokles und Pausanias. Die Katastrophe der Sieger // *Gymnasium*. 1987. Bd. 94. S. 218–246.
- Schwahn W.* Thrasybulus (3) // *RE*. 1936. 2 Reihe. Hbbd. 41. Bd. 6A. Sp. 568–576.
- Schwartz E.* Diodoros (38) // *RE*. 1905. Bd. 5. Sp. 663–704.
- Seager R.* Thrasybulus, Conon and Athenian Imperialism, 396–386 BC. // *JHS*. 1967. Vol. 87. P. 95–115.
- Seager R.* The King's Peace and the Balance of Power in Greece 386–362 B.C. // *Athenaeum*. 1974. Vol. 52. № 1. P. 36–63.
- Seager R.* Agesilaus in Asia: propaganda and objectives // *LCM*. 1977. Vol. 2. P. 183–184.
- Seager R., Tuplin C. J.* The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // *JHS*. 1980. Vol. 100. P. 141–154.
- Seager R.* The Corinthian War // *CAH*². 1994. Vol. 6. P. 97–119.
- Seager R.* The King's Peace and the Second Athenian Confederacy // *CAH*². 1994. Vol. 6. P. 156–186.
- Sealey R.* The Peace of Kallias once more // *Historia*. 1954–1955. Bd. 3. Ht. 3. S. 325–333.
- Sealey R.* Athens after the Social War // *JHS*. 1955. Vol. 75. P. 74–81.
- Sealey R.* The Origins of the Delian League // *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday*. N.Y., 1967. P. 233–255.
- Sealey R.* A History of the Greek City-States, 776–338 BC. Berkeley, 1976.
- Sealey R.* The Pit and the Well: The Persian Heralds in 491 B.C. // *CJ*. 1976. Vol. 72. № 1. P. 13–20.

- Sealey R.* Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993.
- Sekunda N.* Marathon 490 BC. The First Persian Invasion of Greece. Oxford, 2002.
- Shahbazi A. S.* Irano-Hellenic Notes: 1. The Three Faces of Tigranes // *AJAH*. 1985 [1993]. Vol. 10. № 2. P. 124–136.
- Shahbazi A. S.* Irano-Hellenic Notes. 2. The 'King's Eyes' in Classical and Iranian Literature // *AJAH*. 1988 [1997]. Vol. 13. № 2. P. 170–189.
- Shapiro H. A.* Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. № 1. P. 69–73.
- Shapiro H. A.* Epilykos Kalos // *Hesperia*. 1983. Vol. 52. № 3. P. 305–310.
- Shipley D. R.* A Commentary on Plutarch's Life of Agesilaos: Response to Sources in the Presentation of Character. Oxford, 1997.
- Shrimpton G.* When Did Plataea Join Athens? // *CPh*. 1985. Vol. 79. N 4. P. 295–304.
- Shrimpton G.* Persian Strategy against Egypt and the Date for the Battle of Citium // *Phoenix*. 1991. Vol. 45. № 1. P. 1–20.
- Sickinger J. P.* The Bureaucracy of Democracy and Empire // *The Cambridge Companion to the Age of Pericles* / Ed. by L. J. Samons II. Cambridge, 2007. P. 196–214.
- Siewert P.* Eine Bronze-Urkunde mit elischen Urteilen über Boöter, Thessaller, Athen und Thespiäi // *X Olympia-Bericht*. Berlin, 1981. S. 228–248.
- Sinclair R. K.* The King's Peace and the Employment of military and naval forces 387–378 // *Chiron*. 1978. Bd. 8. P. 29–54.
- Smart J. D.* Kimon's Capture of Eion // *JHS*. 1967. Vol. 87. P. 136–138.
- Smith R. E.* Lysander and the Spartan Empire // *CPh*. 1948. Vol. 43. № 3. P. 145–156.
- Smith R. E.* The Opposition of Agesilaus' Foreign Policy 394–71 B.C. // *Historia*. 1953/4. Bd. 2. Ht. 2. P. 264–278.
- Solari A.* Sulle relazioni diplomatiche tra la Grecia e la Persia (480–362) // *RSA*. 1902. Vol. 6. 1903. Vol. 7.
- Sordi M.* La pace di Atene de 371–370 // *RFIC*. 1951. Vol. 79. P. 34–64.
- Spyridakis K.* Evagoras I von Salamis: Untersuchungen zur Geschichte des Kyprischen Königs. Stuttgart, 1935.
- Stadler P. A.* A Commentary on Plutarch's Pericles. Chapel Hill, 1989.
- Stauffenberg Graf.* Tithraustes // *RE*. 1937. Bd. 6A. Sp. 1522–1523.
- Ste Croix G. E. M. de.* The Character of the Athenian Empire // *Historia*. 1954/1955. Bd. 3. Ht. 1. P. 1–41.
- Ste Croix E. G. M.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972.
- Stehle E. M.* Cold Meats: Timokreon on Themistokles // *AJPh*. 1994. Vol. 115. № 4. P. 507–524.
- Stein-Holskeskamp E.* Medismos // *Der Neue Pauly*. 1999. Bd. 7. Sp. 1001.
- Stockton D.* The Peace of Kallias // *Historia*. 1959. Bd. 8. Ht. 1. P. 61–79.
- Strauss B. S.* Thrasybulus and Conon: A Rivalry in Athens in the 390s BC. // *AJPh*. 1984. Vol. 105. № 1. P. 37–48.
- Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 BC. L., 1986.
- Stonk J. P.* Ten Thousand in Thrace. Amsterdam, 1995.
- Stylianou P. J.* The Untenability of Peace with Persia in the 460s BC. // *Meletai kai hypomnemata* 2. Leukosia, 1989. P. 339–371.
- Stylianou P. J.* A Historical Commentary on Diodorus Siculus. Oxford, 1995.
- Swoboda H.* Arthmios von Zeleia // *AEM*. 1893. Bd. 16. S. 46–98.

- Swoboda H. Ephialtes (5) // RE. 1903. Bd. 5. Sp. 2852–2853.
- Swoboda H. Glos (2) // RE. 1910. Bd. 7. Sp. 1431–1432.
- Swoboda H. Konon (3) // RE. 1922. Bd. XI. Hbbd. 22. Sp. 1319–1334.
- Tanner R. H. The Ἀρχιλοχοὶ of Cratinus and Callias ὁ λακκόπλουτος // TAPA. 1920. Vol 51. P.172–187.
- Tanner R. H. Callias ὁ λακκόπλουτος, the Husnand of Elpinice // CPh. 1923. Vol. 18. № 2. P. 144–151.
- Taylor L. R. The 'Proskynesis' and the Hellenistic Ruler Cult // JHS. 1927. Vol. 47. Pt. 1. P. 53–62.
- Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 2003.
- Thompson W. E. Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus // Philologus. 1965. Bd. 109. Ht. 3–4. P. 294–297.
- Thompson W. E. Two Athenian strategoi // Hesperia. 1967. Vol. 36. № 2. P. 105–107.
- Thompson W. E. The Athenian treaties with Haliai and Dareios the Bastard // Klio. 1971. Bd. 53. P. 119–124.
- Thompson W. E. The Peace of Callias in the Fourth Century BC. // Historia. 1981. Bd. 30. Ht. 2. P. 164–177.
- Todd S. C. How to Execute People in Fourth Century Athens // Law and Social Status in Classical Athens / Ed. By V. Hunter & J. Edmondson. Oxford, 2000. P. 31–51.
- Toye D. L. Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // AJPh. 1995. Vol. 116. № 2. P. 279–302.
- Troncoso V. A. Die neutralen Staaten in den Perserkriegen und das griechische Völkerrecht // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / Hrsg. von D. Papenfuß und V. M. Strocka, Mainz: Philipp von Zabern. 2001. S. 365–375.
- Tronson A. The "Hellenes" as a Political Concept. The Development of a Hellenic Ideology in Greece from Archaic Times down to the End of the Fifth Century B.C. PhD Thesis, Cambridge (Mass.), 2000.
- Trundle M. F. The Classical Greek Mercenary and his Relationship to the Polis. PhD Diss. McMaster University, Hamilton, Ontario, 1996.
- Trundle M. F. Greek Mercenaries: From the Late Archaic to Alexander. L., 2004.
- Tuplin C. J. Lysias XIX, the Cypriot War and Thrasibulus' Naval Expedition // Philologus. 1983. Bd. 127. P. 170–186.
- Tuplin C. J. The Treaty of Boiotios // Achaemenid History / Ed. by Heleen Sancisi-Weerdenburg and Amelie Kuhrt. Leiden, 1987. Vol. 2. P. 133–153.
- Tuplin C. J. The Failings of Empire. A Reading of Xenophon Hellenica 2.3.11–7.5.27 // Historia. Einzelschriften, 76. Stuttgart, 1993.
- Tuplin C. J. Persians as Medes // Achaemenid History / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg, A. T. Kuhrt & M. C. Root. Leiden, 1994. Vol. 8. P. 235–256.
- Tuplin C. J. Achaemenid Studies // Historia. Einzelschriften, 99. Stuttgart, 1996.
- Tuplin C. J. Medism and its Causes // Transeuphratène. 1997. Vol. 13. P. 155–185.
- Tuplin C. J. The Seasonal Migration of Achaemenid Kings: a Report on Old and New Evidence // Aspects of Achaemenid History: Essays in memory of D. M. Lewis (AchH 11). Leiden, 1998. P. 63–114.
- Tuplin C. J. Doctoring the Persians: Ctesias of Cnidus, Physician and Historian // Klio. 2004. Bd. 86. Ht. 2. P. 305–347.
- Tzifopoulos Y. Z. Thucydidean Rhetoric and the Propaganda of the Persian Wars Topos // PdP. 1995. Vol. 281. Fasc. 1. P. 91–115.
- Underhill G. L. Athens and the Peace of Antalcidas // CR. 1896. Vol. 10. P. 19–21.
- Ungern-Sternberg J. von. Kollaboration von der Antike bis zum 21. Jahrhundert: Ein Diskussionbeitrag // Studia Humaniora Tartuensia. 2000. Vol. 5. B. 2. S. 1–10.
- Unz R. K. The Chronology of Pentekontaetia // CQ. NS. 1986. Vol. 36. № 1. P. 68–85.
- Urban R. Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. Vorgeschichte, Zustandkommen, Ergebnis und politische Umsetzung // Historia. Einzelschriften, 68. Stuttgart, 1991.
- Vanicelly P. Whose Side are you on? // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorgis and I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 199–217.
- Verral A. W. The Death of Cysilus Alias Lycides: A Problem in Authorities // CR. 1909. Vol. 23. № 2. P. 36–40.
- Vickers M. Demus's Gold Phiale (Lysias 19.25) // AJAH. 1984 [1988]. Vol. 9. № 1. P. 48–53.
- Vickers M. Persepolis, Vitruvius and the Erechtheum Caryatids: The Iconography of Medism and Servitude // Rev.Arch. 1985. Fasc. 1. P. 3–28.
- Viviers D. Hérodote et la neutralité de Crétois en 480 avant notre ère // Hermes. 1995. Bd. 123. P. 257–269.
- Vogelsang W. J. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden-N.Y.-Köln, 1992.
- Vogt J. Die Tochter des Großkönigs und Pausanias, Alexander, Caracalla // Gesetz und Handlungsfreiheit in der Geschichte. 1955. Bd. 119. S. 55–80.
- Wade-Gery H. T. Jason of Phrae and Aleuas the Red // JHS. 1924. Vol. 44. Part. 1. P. 55–64.+
- Wade-Gery H. T. The Peace of Kallias // HSCPh. 1940. Suppl. 1. P. 121–156.
- Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxford, 1958.
- Walbank M. B. Herakleides of Klazomenai: a new join at the Epigraphical Museum // ZPE. 1983. Bd. 51. P. 183–184.
- Walbank M. B. IG. II² 207 Again // ZPE. 1988. Bd. 73. P. 83–85.
- Walbank M. B. Herakleides and the Great King // EC. 1989. Vol. 33. P. 347–352.
- Walbank F. W., Hammond N. G. L. A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988.
- Walker E. M. Athens: The Reforms of Cleisthenes // CAH¹. 1930. Vol. 4. P. 137–173.
- Walker K. G. Archaic Eretria. A Political and Social History From the Earliest Times to 490 BC. L., 2003.
- Walker E. M. Athens and the Great Powers // CAH¹. 1935. Vol. 5. P. 68–97.
- Walker E. M. The Peace of Callias // CAH¹. 1935. Vol. 5. P. 469–471.
- Walker E. M. Athens: The Reforms of Cleisthenes // CAH¹. 1930. Vol. 4. P. 137–173.
- Wallace W. The Egyptian Expedition and the Chronology of the Decade 460–450 BC. // TAPA. 1936. Vol. 67. P. 252–260.
- Wallace W. Early Greek Proxenoi // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 189–208.
- Walser G. Heiraten zwischen Griechen und Achämeniden Prinzessinnen // AMI. 1983. Ergbd. 10. S. 87–90.
- Walser G. Hellas und Iran. Studien zu den griechisch-persischen Beziehungen vor Alexander. Darmstadt, 1984.

- Walsh J. The Authentithy and the Dates of the Peace of Callias and the Congress Decree // Chiron. 1981. Bd. 11. P. 31–63.
- Watkin H. J. The Cypriote Surrender to Persia // JHS. 1987. Vol. 107. P. 154–163.
- Weissenberger M. Das persische Friedensangebot an Athen. Umdatierung und Wertung eines historischen Faktums bei den Rednern des 4 Jhs // Hermes. 1996. Bd. 124. S. 418–424.
- Wells J. The Persian Friends of Herodotus // JHS. 1907. Vol. 27. P. 39–47.
- Wells J. Herodotus and Athens // CPh. 1928. Vol. 23. № 4. P. 317–331.
- Welskopf M. The So-Called “Great Satraps’ Revolt”, 366–360 / Historia. Einzelschriften, 63. Stuttgart, 1989.
- Wery L.-M. Le meurtre des hérauts de Darius en 491 et l’inviolabilité du héraut // AC. 1966. Vol. 35. P. 468–488.
- West M. L. Simonides Redivivus // ZPE. 1993. Bd. 98. P. 1–14.
- Westlake H. D. The Medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 12–24.
- Westlake H. D. Thessaly in the Fourth Century B C. Cambridge, 1935.
- Westlake H. D. Thucydides and Athenian Disaster in Egypt // CPh. 1950. Vol. 45. P. 209–216.
- Westlake H. D. Thucydides and the Pentekontaetia // CQ. NS. 1955. Vol. 5. № 1/2. P. 53–67.
- Westlake H. D. Thucydides on Pausanias and Themistocles — a written source? // CQ. 1977. NS. Vol. 27. № 1. P. 95–110.
- Westlake H. D. Athens and Amorges // Phoenix. 1977. Vol. 31. № 3. P. 319–329.
- Westlake H. D. Ionians in the Ionian War // CQ. 1979. Vol. 29. № 1. P. 9–44.
- Westlake H. D. Decline and Fall of Tissaphernes // Historia. 1981. Bd. 30. Ht. 3. P. 257–279.
- Westlake H. D. Tissaphernes in Thucydides // CQ. NS. 1985. Vol. 35. № 1. P. 43–54.
- Westlake H. D. Spartan intervention in Asia, 400–397 B.C. // Historia. 1986. Bd. 35. Ht. 4. P. 405–426.
- White M. E. Some Agiad Dates: Pausanias and His Sons // JHS. 1964. Vol. 84. P. 140–152.
- Whitehorne J. Punishment under the Decree of Cannonus // Symposion. 1988. P. 89–98.
- Wiesehöfer J. Ancient Persia from 550 B.C. to 650 A.D. / trans. A. Azodi, London, 1996.
- Wiesehöfer J. ‘O Master, Remember the Athenians’: Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorgis and I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 209–221.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von. Timotheus, die Perser. Berlin, 1903.
- Wilken U. Über Entstehung und Zweck des Königsfriedens // Abhandl. des preuss. Akad. d. Wissensch. Hist.-phil. Kl. 1941. № 15. S. 3–20.
- Wilken U. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte, München, 1962.
- Will Ed. Le monde grec et l’Orient. T. 1. Paris, 1972.
- Wolski J. Μηδισμός et son importance en Grece a l’époque des Guerres Mediques // Historia. 1973. Bd. 22. Ht. 1. P. 3–15.
- Woodhead A. G. Peisander // AJPh. 1954. Vol. 75. № 2. P. 121–146.

- Wylie G. Agesilaus and the Battle of Sardis // Klio. 1992. Bd. 74. P. 118–130.
- Wysocki R. Kampania Derkylidasa w Troadzie w 399 roku p.n.e. // Meander. 1980. r. 35. № 11. s. 477–486.
- Wysocki R. Kampania karyjska w 397 r. p.n.e. // Meander. 1983. r. 38. № 1–2. s. 45–53.
- Wysocki R. Strategia Tissafernesa w wojnie ze Sparta w latach 400–397 p.n.e. // Meander. 1985. r. 40. № 3. s. 63–74.
- Yates D. C. The Archaic Treaties Between the Spartans and Their Allies // CQ. 2005. N. S. Vol. 55. № 1. P. 65–76.
- Young T. C. 480/479 BC A Persian Perspective // IA. 1980. Vol. 15. P. 213–239.
- Zahrnt M. Hellas unter Persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluss des Königsfriedens bis zur Gründung des Korinthischen Bundes // AKG. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 249–306.
- Zahrnt M. Die Mardoniuszug des Jahres 492 v. Chr. und seine historische Einordnung // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 237–279.
- Zahrnt M. Xenophon, Isokrates und die KOINH EIPHNH // RhM. 2000. Bd. 143. Ht. 3–4. S. 295–325.
- Zecchini G. Entimo di Gortina (Athen. II. 48d) e le relazione greco-persiane durante la Pentecontaetia // AncSoc. 1989. Vol. 20. P. 5–13.

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение	7
Глава I. Начало взаимоотношений	42
1. Первые дипломатические контакты	43
2. Спарта и Персия: начало отношений.....	47
3. Афины и Персия: начало отношений	54
Глава II. Персидские требования земли и воды и позиция греков	67
1. Земля и вода как символы подчинения Персии.....	67
2. Требование земли и воды Дарием I в 492/1 г. до н. э.	78
3. Позиция Спарты по вопросу предоставления земли и воды.....	84
4. Позиция Афин по вопросу предоставления земли и воды.....	87
5. Требование земли и воды Ксерксом в 481 г. до н. э.	90
6. Предоставление земли и воды и проблема нейтралитета	95
Глава III. Зарождение персидской «дипломатии золота»	100
1. Эллинский союз против Персии 481 г. до н. э.	100
2. Миссии Александра I Филэллина и Мурихида	106
3. Миссия Арфмия Зелейского в Грецию	109
4. Павсаний и персы: характер взаимоотношений	114
5. Миссия Мегабаза в Спарту.....	128
Глава IV. Проблема Каллиева мира в контексте греко-персидских отношений	132
1. Каллиев мир в оценках историографии	133
2. Дипломатическая миссия Каллия в Персию.....	136
3. Каллиев мир в античной традиции	145
4. Один или несколько договоров Каллиева мира.....	153
5. Основные условия Каллиева мира.....	156
6. Мегабиз, Зопир и Афины.....	168
7. Самосская война и позиция Персии	175
Глава V. Эпиликов мирный договор	180
1. Афины в поисках персидской поддержки.....	181
2. Спарта в поисках персидской поддержки	183
3. Эпиликов договор в оценках историографии	186
4. Дипломатическая миссия Эпилика в Персию.....	187
5. Гераклид Клазоменский и Персия	191

6. Проблема датировки Эпиликова договора	194
7. Характер Эпиликова договора.....	196
8. Условия Эпиликова договора	199
9. Афины и мятеж Аморга	202
Глава VI. Договорные отношения Спарты и Персии в период Пелопоннесской войны	216
1. Заключение спартано-персидского союза	217
2. Договоры Спарты и Персии в оценках историографии.....	220
3. Первый договор Спарты и Персии	222
4. Второй договор Спарты и Персии	228
5. Третий договор Спарты и Персии.....	236
6. Возобновление афино-персидских контактов	249
7. Проблема договора Беотия	260
8. Кир Младший и Лисандр: Роль личных связей.....	266
Глава VII. Персия и политическая ситуация в Греции в начале IV в. до н. э.	275
1. Проблема малоазийских греков	276
2. Обострение спартано-персидских отношений	279
3. Между войной и миром: Дипломатические контакты в период спартано-персидского конфликта.....	287
3. Роль Персии в консолидации антиспартанского движения в Греции.....	302
Глава VIII. Анталкидов мир	317
1. Дипломатическая конференция в Сардах в 393/2 г. до н. э.	319
2. Дипломатическая конференция в Спарте в 392/1 г. до н. э.....	325
3. На пути к мирному договору.....	329
4. Характер Анталкидова мира	335
5. Анталкидов мир и Персия	343
6. Анталкидов мир и Спарта	344
7. Анталкидов мир и Афины	347
Глава IX. Роль Персии в заключении договоров всеобщего мира.....	352
1. Дипломатические конференции 370-х гг. до н. э. и Персия	353
2. Проблема статуса Амфиополя и Херсонеса Фракийского	358
3. Миссия Филиска и конференция в Дельфах в 369/8 г. до н. э.....	364
4. Конференция в Сузах и всеобщий мир 366/5 г. до н. э.	370
Глава X. Греческие полисы между Персией и Македонией	382
1. Греки и восстания персидских сатрапов.....	382
2. Позиция греков в войне Артаксеркса III против Египта	388
3. Греко-персидские контакты перед лицом македонской угрозы.....	391
Заключение	410
Приложения	
1. Список греческих и персидских дипломатических миссий.....	416
2. Хронологическая таблица событий из истории греко-персидских отношений	420

3. Эпиграфические документы по истории греко-персидских отношений: тексты, перевод и комментарии	423
1. Клятва эллинов перед битвой при Платеях, 479 г. до н. э.	423
2. Афинская псефизма в честь Гераклида Клазоменского.....	426
3. Надпись, сообщающая о посредничестве сатрапа Струфа в разрешении территориального спора между Милетом и Миунтом, ок. 392/1 г. до н. э.....	427
4. Афинский декрет о проксении Филиску.....	429
5. Афинский декрет о предоставлении почестей Стратону, царю Сидона	430
6. Надпись из Аргоса о посольстве в Грецию от восставших персидских сатрапов (362–361 гг. до н. э.?).....	432
7. Посольство в Афины от египетского царя Таха (360/59 г. до н. э.).	433
Список сокращений.....	434
1. Сборники источников, справочные пособия, общие труды	434
2. Периодические издания	435
Библиография.....	437

Эдуард Валерьевич Рунг

**ГРЕЦИЯ И АХЕМЕНИДСКАЯ ДЕРЖАВА:
История дипломатических отношений
в VI — IV вв. до н. э.**

Редактор *Круглякова Т. А.*

Корректор *Чибучева Е. П.*

Технический редактор *С. В. Кузнецов*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 11.10.2007

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 29,5. Заказ № ..

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41.

1. Гекте из электро Писсуфна (?)
2. Гекте из электро Писсуфна (?)
3. Гекте из электро Тиссаферна. г. Фокея (Иония)
4. Гекте из электро Автофрадата (?). г. Фокея (Иония)
5. Обол Тиссаферна из г. Астира (Мизия)

II. 1. Тетрадрахма Тиссаферна
2. Тетрадрахма Тиссаферна
3. Тетрадрахма Тиссаферна

III. 1. Тетрадрахма Фарнабаза. г. Кизик
2. Тетрадрахма Фарнабаза. г. Кизик
3. Гекте из электра Фарнабаза. г. Митилена (о. Лесбос)

1

2

3

IV. 1. Статер Фарнабаза. г.Тарс (Киликия)
2. Статер Фарнабаза. г.Тарс (Киликия)
3. Статер Тирибаза. г. Маллы (Кария)

1

2

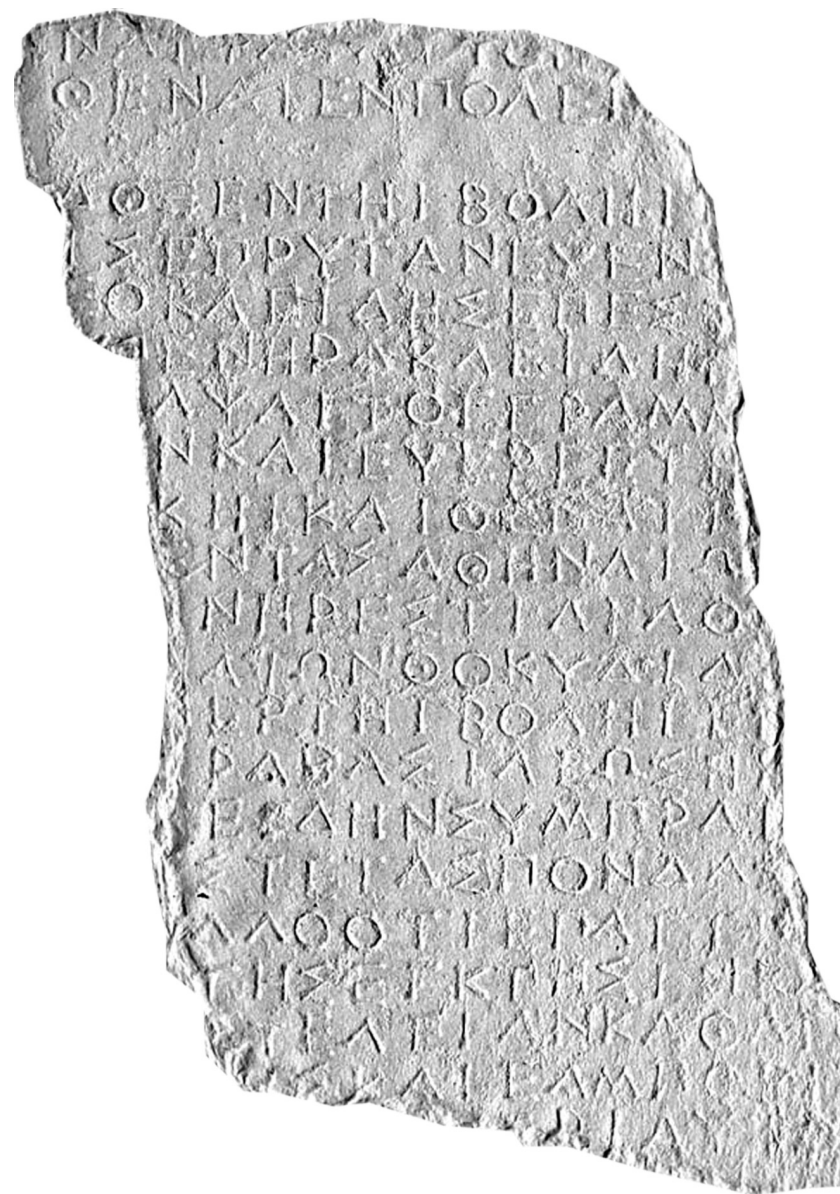

3

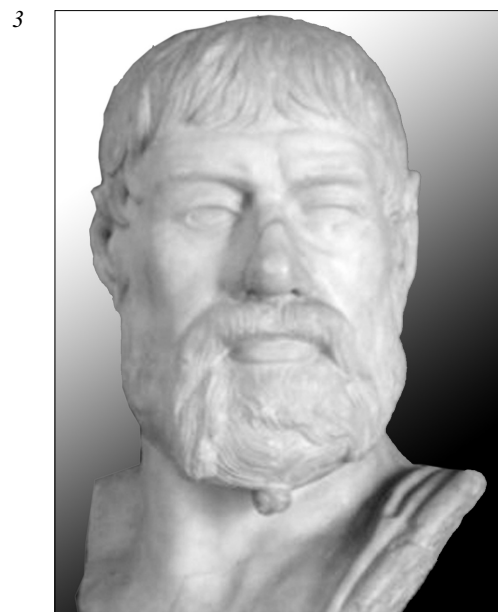
V. 1. Статер Тирибаза. г. Тарс (?) (Киликия)
2. Статер Тирибаза. г. Тарс (Киликия)
3. Статер Фарнабаза. г. Тарс (?) (Киликия)

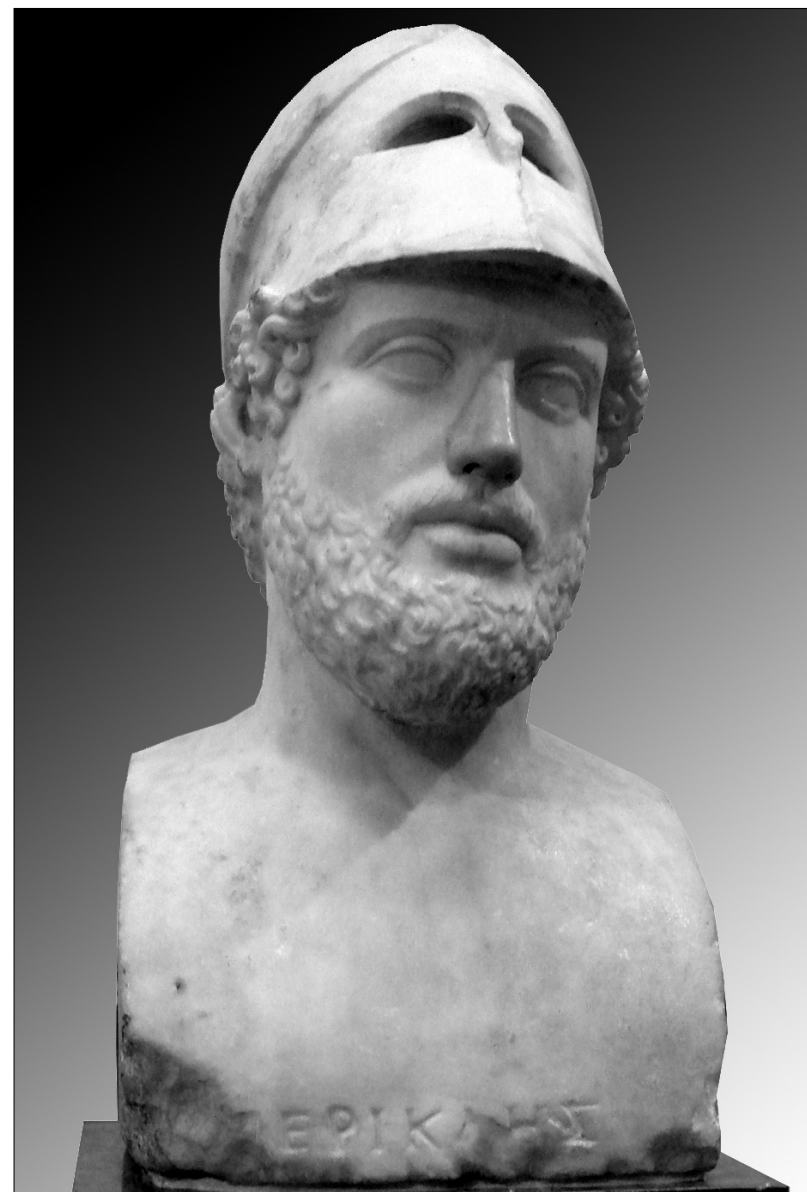
VI. 1. Тетрадрахма Кира Младшего. г. Сарды
2. Тетрадрахма Кира Младшего. г. Сарды

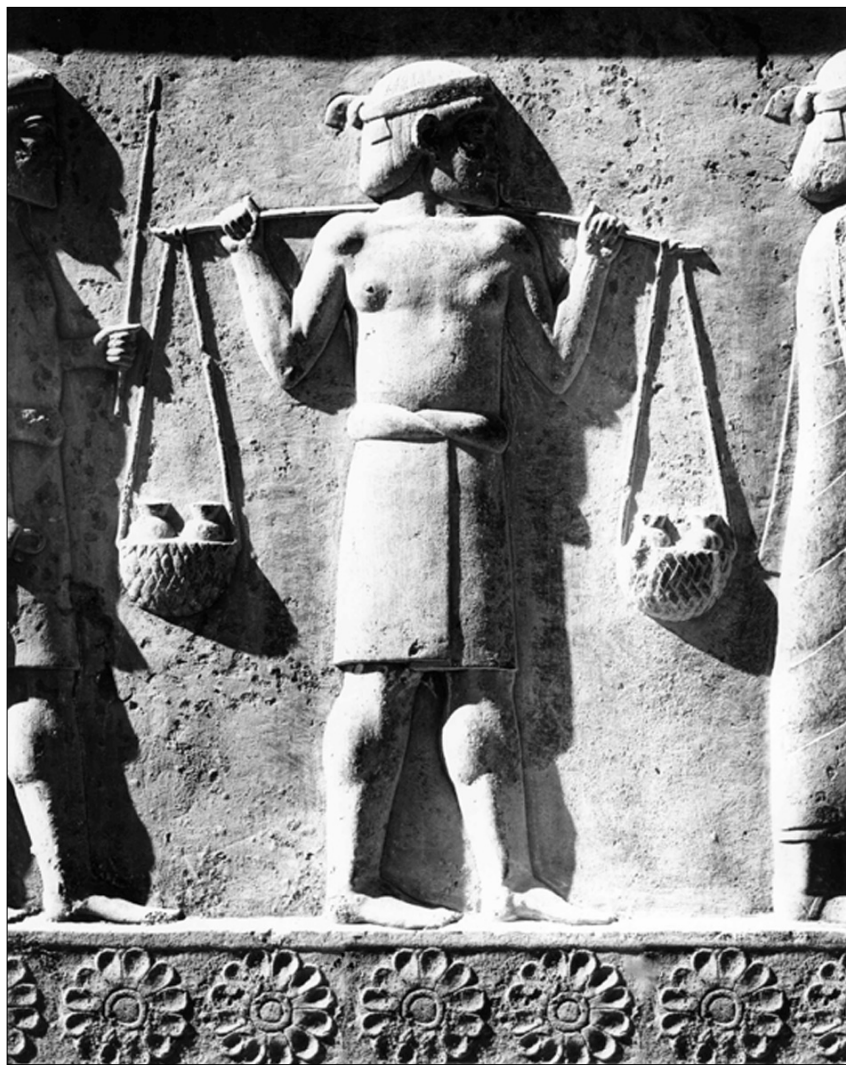
VIII. Фрагменты афинского декрета в честь Гераклида Клазоменского

VII. 1. Фрагмент афинского декрета в честь Гераклида Клазоменского
 2. Остракон Каллия, сына Кратия из афинского Керамика
 3. Павсаний, сын Клеомброта

IX. Перикл? Сын Ксантиппа

Х. Представитель чужеземной делегации, приносящей дары персидскому царю Дарию I (возможно землю и воду). Рельефы тронного зала (ападаны) из Персеполя

1

2

ХI. 1. Ионийская (?) делегация, приносящая дары царю Дарию I. Рельефы тронного зала (ападаны) из Персеполя
2. Персидские золотые монеты — дарки различных периодов

ХII. Тетрадрахмы Фарнабаза. г. Кизик